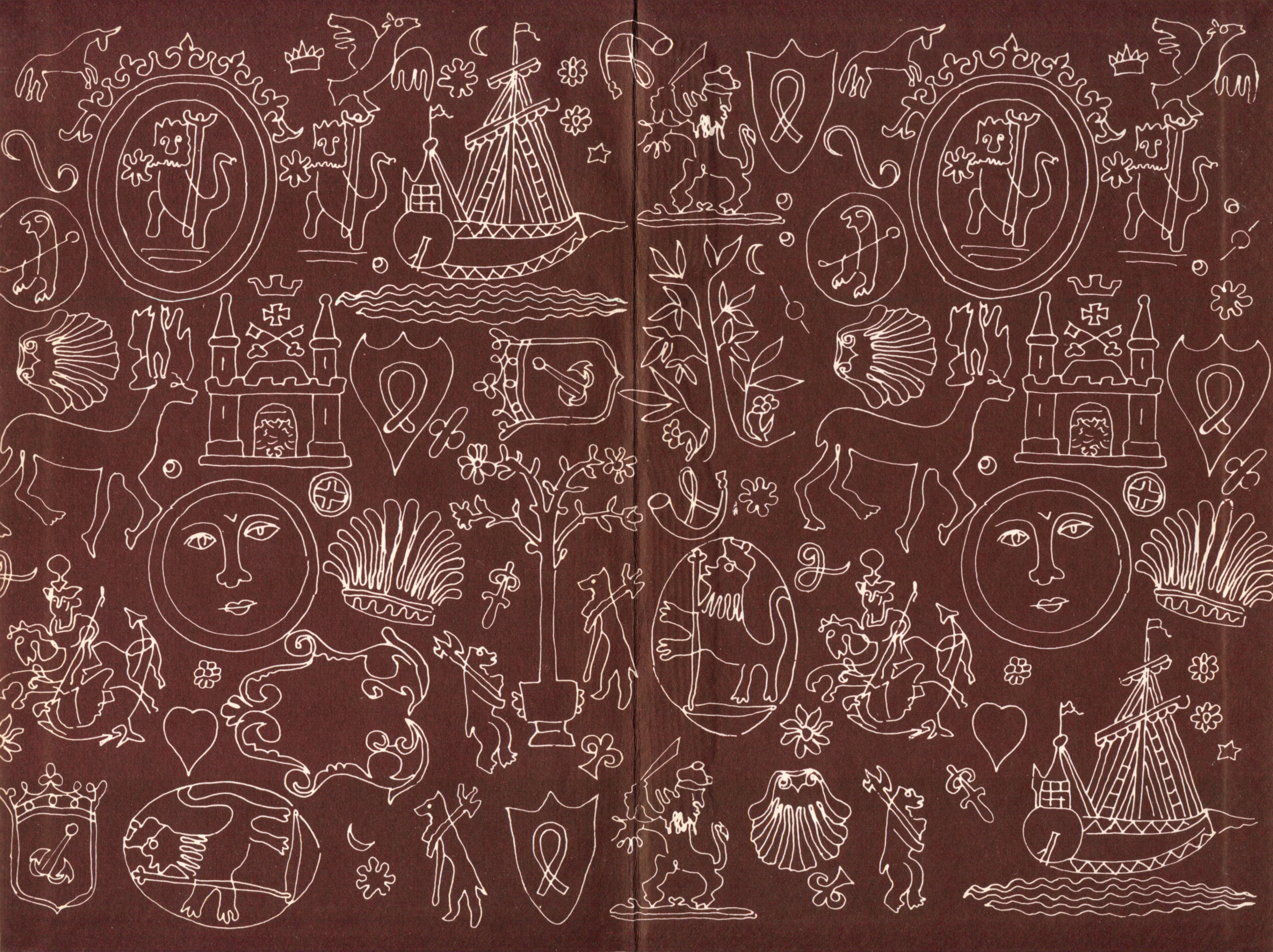
Д. С. Лихачев

Текстология

Текстология
Д. С. Лихачев

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Текстология

НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ X—XVII ВЕКОВ

Издание второе,
переработанное и дополненное

Ответственный редактор
академик Г. В. СТЕПАНОВ

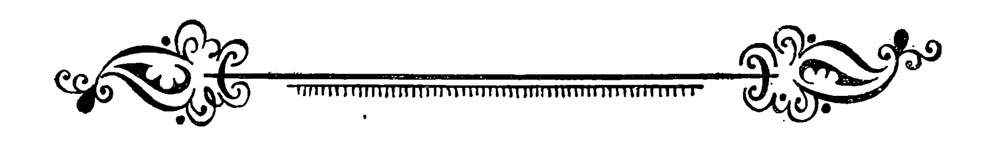

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

Рецензенты:

О. В. ТВОРОГОВ, Р. П. ДМИТРИЕВА, А. С. ДЕМИН

Л $\frac{4603010101-731}{042(02)-83}$ 402-83-II.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание этой книги вышло в 1962 г. С тех пор опыт текстологического изучения древней русской литературы значительно возрос. Пришлось сделать различные добавления и разъяснения.

Первое добавление разъясняет новыми соображениями, почему недопустимо пользоваться приемами механистической текстологии, основывать историю текста на подсчетах разночтений. Дело в том, что хотя исторический принцип в подходе к тексту явно одержал верх, многие текстологи думают, что ключ к истории текста может заключаться в численных подсчетах.

Второе добавление касается понятия «конвоя». Введенное мною понятие текстологического конвоя принято сейчас во всех странах, где изучается история текста произведений, сохранившихся во многих списках. И вот, преувеличивая значения исследования конвоя, многие текстологи регистрируют любое текстологическое сопровождение текста в составе сборников и делают на этой основе далеко идущие выводы. Между тем конвой может давать лишь дополнительный, подкрепляющий основные выводы материал — выводы, добытые прежде всего на основе изучения самого текста произведения. Изучение текстологического конвоя — в т о р о с т е п е н н о и дополнительно, иногда указывает на причины изменений текста, но основные выводы по истории текста никак не могут подменяться изучением конвоя.

Третье принципиальное добавление касается проблемы «авторской воли». Хотя для русской литературы древнейшего периода (примерно до XVI в.) проблема авторской воли не играет существенной роли, она важна и рассмотрение ее может пригодиться для тех читателей этой книги, кто будет пользоваться ею для аналогий при изучении текста восточных литератур или новых западноевропейских.

Другие добавления и изменения в этой книге главным образом улучшают текст и облегчают его понимание.

Дискуссия, возникшая после появления первого издания этой книги по поводу понимания того, что представляет собой тексто-

логия, какие перед ней стоят задачи и какова ее роль в литературоведении, лишь укрепили меня в моих взглядах и не побудили перерабатывать текст.[1]

Напомню читателям, что помимо этой книги вышла моя небольшая книга: «Текстология. Краткий очерк». М.—Л., «Наука», 1964. 102 страницы.

Эта последняя книга переведена на сербохорватский язык: «Текстологиjа. Кратак оглед». Превела Љубица Штављанин-Ђорђевић. Ред. М. Панић-Суреп. Београд, «Научна књига», 1966. 78 с.

На немецком языке изложение моих взглядов на текстологию см.: Grundprinzipien textologischer Untersuchungen der altrussischen Literaturdenkmäler. — In: Texte und Varianten. Probleme ihrer Edition und Interpretation. Hrsg. von G. Martens und H. Zeller. München, C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1971, S. 301—315.

В научной подготовке текста книги для второго издания большую помощь оказал мне д-р филол. наук О. В. Творогов. Им проверена и обновлена библиография, удалены ссылки на устаревшие работы, введены многие исправления и уточнения. Приношу ему очень большую благодарность.

---

[1] См. журнал «Русская литература» (1965, № 1, 2 и 3).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Что в этой книге главное?

Читатель найдет в книге несколько общих положений, которые пройдут в ней через все главы, и об этих положениях не стоит говорить заранее. Но об одном в книге я не говорю: это о месте текстологии среди филологических дисциплин. Между тем это важно: книга должна способствовать кристаллизации текстологии как самостоятельной, а не «вспомогательной» науки. И это соответствует общей линии научного развития. Разделение наук на добывающие материал и его обрабатывающие отходит в прошлое. Именно на этом разделении основывался и тот методологический разрыв, который существовал в советской науке между науками «вспомогательными» и «основными».[1] Сейчас этот методологический разрыв постепенно заполняется.

---

[1] Сходные наблюдения о постепенном уничтожении границ между науками «вспомогательными» и «основными» высказывают и зарубежные исследователи. Так, например, Л. Сантифаллер предлагает отменить термин «вспомогательные науки», назвав их «основными», т. е. науками, на которых основывается историческое исследование: «Так называемые исторические вспомогательные науки, среди которых я прежде всего подразумеваю палеографию, дипломатику, хронологию, источниковедение, критику источников и издание источников, являются основами каждого научного исторического исследования. Обозначение „вспомогательные“ науки в кругах самих специалистов практически понимается ложно. Поэтому я предлагаю для этих дисциплин исторической науки ввести вместо названия вспомогательные науки — исторические основные науки» (L. Santifaller. Gedanken und Anregungen über technische Probleme der Historischen Grundwissenschaften. — Relazioni del X Congresso Internazionale de Scienze Storiche. Metodologia. Problemi Generali. Scienze Ausiliarie della Storia, vol. I. Firenze, 1956, p. 445). М. Н. Тихомиров предлагает изменить название «вспомогательные науки» на «специальные исторические дисциплины». Он пишет: «Само название „вспомогательные дисциплины“ плохо отражает их значение. Правильнее их было бы называть специальными историческими дисциплинами. Какие же это вспомогательные дисциплины — палеография и нумизматика, когда на основании их определяется основа основ исторической науки: даются датировка и определение подлинности источников?» (Акад. М. Н. Тихомиров. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — Вопр. истории, 1961, № 4, с. 66—67).

Современная наука включает в себя все больше и больше самостоятельных наук — наук равных между собой и тесно друг с другом связанных. Этот путь развития можно наблюдать в археологии, палеографии, нумизматике, сфрагистике. Сходный путь развития имеет и текстология, становящаяся наукой, изучающей историю текста и неразрывно связанной с исторической наукой, литературоведением, историей общественной мысли, палеографией и пр. Самостоятельность текстологии как науки и ее тесная связь с другими науками особенно четко определилась, как это мы увидим в дальнейшем, в той ее отрасли, которая изучает русскую литературу XI—XVII вв. В изучении исторических источников задачи текстологии механически и крайне неточно разделены между источниковедением и археографией.

Советская текстология обладает очень большими достижениями. У нас имеются превосходные, исключительные по сложности и тонкости исследования истории текста летописей, тщательные и искусные издания отдельных памятников древнерусской литературы, исторических документов, классиков русской литературы XIX в. Однако наряду с указанными высокими практическими достижениями некоторые текстологические исследования и издания текстов выполнены на самом примитивном уровне, никак не отвечают требованиям современной текстологии.

До сих пор число изданий древнерусских памятников литературы, стоящих на уровне современных научных требований, крайне ограничено. Нет научных изданий очень многих летописей (Софийских, Новгородских второй и третьей, а также пятой, Тверского сборника, Летописца русских царей и мн. др.), повестей.[2] Неизданными остаются Великие Четьи-минеи Макария, не имеет вполне научных изданий и вся прочая житийная литература. За исключением произведений Кирилла Туровского, остается вне научных изданий вся ораторская проза древней Руси и мн. др.

Между тем текстология — и в своей теоретической, и в своей практической части — база литературоведения и исторического источниковедения. Если есть достижения, то особенно нетерпимыми становятся недостатки.

Одна из причин, почему достижения одних текстологов не используются другими, заключается в том, что советская научная литература очень бедна теоретическими работами по текстологии, в результате чего обмен текстологическим опытом происходит крайне слабо.

Назначение этой книги — обобщить опыт текстологии, накопившийся у специалистов по древнерусской литературе. Автор

---

[2] О положении с изданием древнерусской повествовательной литературы см.: М. О. Скрипиль. Проблемы изучения древнерусской повести. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1948, т. VII, вып. 3, с. 191.

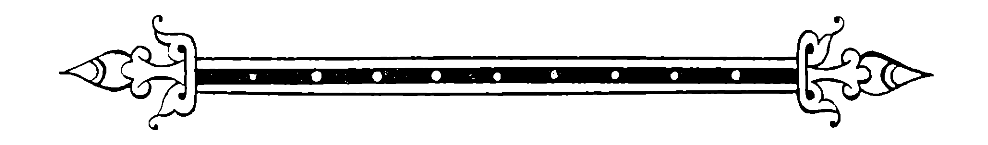
надеется, что этот опыт окажется полезным и для текстологов, работающих в других областях. Для специалистов же по древней русской литературе обобщение их текстологической практики крайне необходимо для передачи опыта молодым ученым.

Само собой разумеется, что в первую очередь полезен только положительный опыт. Вот почему к полемике и к отрицательным примерам из текстологической практики исследователей древнерусских литературных памятников автор прибегал лишь в редких случаях; тогда, когда не было иных способов пояснить свою мысль.

Главным образом в книге используется опыт текстологической работы сотрудников Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.

Автор надеется, что широкий обмен опытом поможет советской текстологии стать из суммы практических приемов самостоятельной научной дисциплиной.

Автор благодарит за помощь и указания В. П. Адрианову-Перетц, Я. С. Лурье, А. Д. и В. С. Люблинских, С. Н. Валка, а также О. В. Творогова, составившего указатели к книге.

ВВЕДЕНИЕ

КРИЗИС ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ МЕХАНИСТИЧЕСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Современная зарубежная текстология, изучающая памятники, известные во многих списках (средневековые, западноевропейские, классические, восточные и т. д.), находится в состоянии затяжного кризиса. Спор между сторонниками методов К. Лахмана и Ш. Бедье, продолжающийся около 90 лет, до сих пор не привел к видимым положительным результатам и породил множество скептических высказываний относительно отдельных текстологических проблем и самой возможности существования текстологии как науки.

Показательны в этом отношении мысли известного текстолога А. Хаузмана. Еще шестьдесят лет назад А. Хаузман писал: «Человек, обладающий здравым смыслом и рассудком, не должен ожидать от изучения статей и лекций по критике текста чего-либо, что он не мог бы, имея прилежание и трудолюбие, добыть для себя самостоятельно. . . Критик текста, занятый своей работой, отнюдь не напоминает Ньютона, исследующего движение планет: скорее он похож на собаку, охотящуюся за блохами. Если собака охотится за блохами на основе математических принципов, она никогда не поймает блоху, разве-что случайно. . . Если собака хочет с успехом ловить блох, — она должна быть быстрой и чуткой. Не стоит носорогу охотиться за блохами: он не знает где они, и он не поймает их, если и узнает». Далее А. Хаузман пишет: «Предполагают, что существует прогресс в науке критики текста, и наиболее легкомысленные последователи этой мысли говорят о „старых ненаучных днях“. Старое ненаучное время продолжается вечно; оно на том же месте и теперь; оно обновляется ухом, которое воспринимает формулы, и языком, который их выговаривает, и умом, который пуст для размышлений и задавлен самодовольством. Прогресс был, но где он? В лучших интеллектах: толпа не разделяет его. Такой человек, как И. Скалигер, живи он в наше время, был бы теперь лучшим критиком текста, чем

Скалигер прошлого; но мы никогда не будем лучшими критиками текста, чем Скалигер, только потому, что мы живем в наше время».[1] Характерно, что американский текстолог Э. Хем свою обобщающую статью, предназначаемую для ознакомления студентов с основами текстологии, полемически назвал «Критика текста и здравый смысл».[2]

Крайне пессимистический взгляд на текстологию высказывает и Е. Винавер: «Последние исследования в области критики текста знаменуют конец вековой традиции. Остроумная техника изданий, развитая великими мастерами девятнадцатого столетия, так же устарела, как физика Ньютона, и работа поколений текстологов потеряла значительную часть своей ценности. Больше невозможно классифицировать рукописи на основании общих ошибок; генеалогические стеммы[3] потеряли свой авторитет, и одновременно исчезла вера в сводные критические тексты».[4]

В суждениях зарубежных ученых текстология часто выступает как искусство, как «игра без правил», а не как наука. Считается, что текстолог не должен знакомиться с теорией текстологии, с суждениями выдающихся критиков текста и может ограничиваться в своей работе «здравым смыслом», заменяя им опыт своих предшественников и научную традицию.

О разочаровании в научно-критических изданиях свидетельствует и заметное увеличение за последние десятилетия изданий памятников по одному списку (с разночтениями или даже без разночтений по другим).

Существуют некоторые общие причины плачевного положения текстологической науки за рубежом. Текстология «подавлена» практическими задачами издания текстов. Это отрицательно сказывается на развитии теории. Опыт текстологов еще в значительной мере передается методами, принятыми в средневековом ремесле: устно, от учителя к ученику. Опыт редко выходит за пределы практических навыков. Теоретические исследования по текстологии выходят редко. Вот почему в текстологии образовались замкнутые школы и очень мало сказывается общее развитие науки.

Но текстология за рубежом не просто отстает или медленно движется вперед: ясно определились признаки кризиса. Растущий

---

[1] A. E. H o u s m a n. — Classical Association Proceedings, 1921, XVIII, p. 68—69, 84.

[2] Edward B. H a m. Textual Criticism and Common sense. — Romance Philology, 1959, vol. XIII, № 3, p. 198—215.

[3] Стемма — таблица генеалогического соотношения списков — редакций памятников. (Примеч. мое, — *Д. Л.*).

[4] E. V i n a v e r. Principles of Textual Emendation. — Studies in French Language and Mediaeval Literature presented to prof. Mildred K. Pope. Manchester, 1939 (цит. по кн.: A. C a s t e l l a n i. Bédier avait-il raison? La methode de Lachmann dans les éditions de textes du moyen âge. Fribourg, 1957, p. 10 (Discours universitaires, Nouvelle série 20)).

скептицизм связан и с тем, что в разрешении некоторых основных вопросов текстология зашла в тупик и что образовавшимся различным направлениям в текстологии с гораздо бо́льшим успехом удается дискредитировать друг друга, чем утвердить себя.

Чтобы понять причины этого кризиса, необходимо обратиться к классической европейской текстологии, представленной К. Лахманом и его школой.

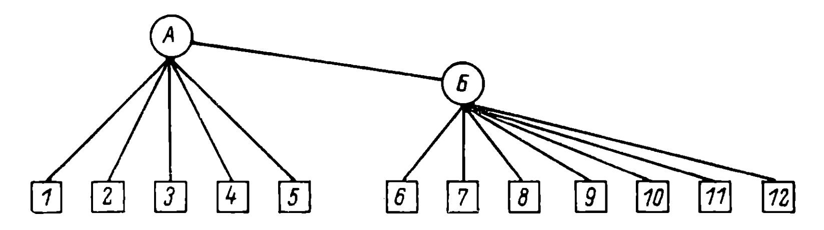
Ко времени, когда К. Лахман выдвинул свой метод в текстологии (1840-е годы), в текстологической науке существовали свои представления об истории текста произведений. История текста представлялась историей постепенной его порчи в различных списках. Эти представления были законны для XVIII в. с его рационализмом. Им следовал в своих реконструкциях текста Несторовой летописи и знаменитый А. Шлецер. Все списки казались равны, и из всех выбирались «лучшие чтения» для реконструкции первоначального, «неиспорченного» текста. И. Добровский был более историчен, выдвинув в начале XIX в. новую точку зрения: рукописи возникают одна за другой, есть тексты лучшие и худшие в их целом, а не только в их разночтениях. Возникла необходимость классифицировать тексты отдельных списков, разбивать их на группы и редакции. Однако представления о постепенной порче текста и о том, что интерес представляет только «авторский текст», по-прежнему продолжали существовать и держатся в основном до сих пор. История с этой точки зрения представляет интерес только для восстановления авторского текста. Задача текстологии сводится только к «добыванию» авторского текста, с восстановлением и изданием которого кончались все заботы текстолога.

Наиболее последовательно эта точка зрения на историю текста произведений была выражена во всемирно известных работах К. Лахмана, посвященных реконструкции Нового Завета, ряда античных произведений, текста песни о Нибелунгах и т. п. Необходимая для этого классификация списков проводилась К. Лахманом (а впоследствии его учениками и последователями) с помощью так называемой теории «общих ошибок».

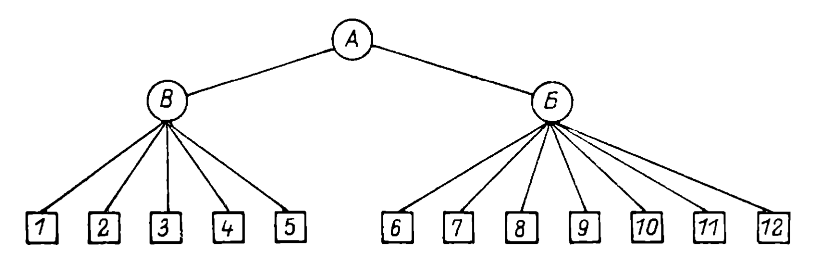
Предполагалось, что общие разным рукописям ошибки текста могли явиться только в результате общего же происхождения этих рукописей. На выявлении общих ошибок в разных рукописях как на средстве определения генеалогии списков было сосредоточено основное внимание текстологов XIX и начала XX в.

Метод определения генеалогии списков по «общим ошибкам» может быть продемонстрирован на следующем примере. Допустим, памятник представлен двенадцатью списками. Семь списков имеют общую им всем ошибку. В таком случае стемма списков примет следующий вид:

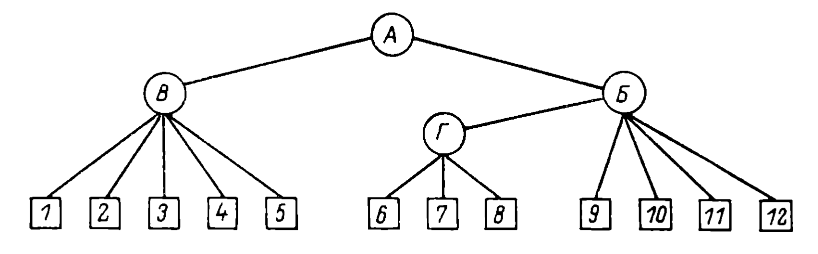
Списки 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, имеющие общую ошибку, восходят не непосредственно к авторскому тексту *А*, а к общему оригиналу *Б*. Далее: списки 1, 2, 3, 4 и 5 имеют в другом месте

текста тоже общую им ошибку. Отсюда ясно, что и списки 1, 2, 3, 4 и 5 также восходят не непосредственно к авторскому тексту, а через общий архетип *В*. На стемме это отразится следующим образом:

В дальнейшем, однако, оказывается, что списки 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, восходящие к архетипу *Б*, не едины: списки 6, 7 и 8 имеют общую ошибку, отсутствующую в списках 9, 10, 11 и 12. В этом случае стемма примет следующий вид:

Дальнейшее выявление общих ошибок усложнит стемму еще более.

Метод К. Лахмана был увлекателен своею простотою. Казалось, был найден ключ к верному, математически точному построению генеалогии списков любого произведения, дошедшего до нас более чем в двух списках. Реконструкция истории текста зависела теперь только от терпения текстолога. Система К. Лахмана была принята во всех странах, не исключая России, где также приобрела верных адептов.

Победное шествие теории Лахмана не было остановлено отдельными скептическими голосами тех, кто указывал, что писцам в некоторых случаях свойственно ошибаться одинаково, что от-

дельные «общие ошибки» могут возникать самостоятельно и т. д. Появилась даже своеобразная модификация теории К. Лахмана: теория «общих ошибок» заменилась теорией «сходных мест», изобретенной бенедиктинцем дом Кантеном. Другая модификация теории К. Лахмана заключалась в том, что текстологи говорили не об «ошибках» текста, а о его разночтениях (вариантах), которые подсчитывались и подразделялись на индивидуальные и многократные, а затем многократным отдавалось предпочтение. Модификации теории К. Лахмана не меняли ее по существу: принцип подсчета разночтений оставался без изменений. Практически эта механическая текстология была настолько удобна и, казалось бы, точна, что она продолжала держаться, несмотря на отдельные возражения и подновления.

Так было до тех пор, пока не обратило на себя внимание однообразие стемм, построенных по принципу «общих ошибок» и ей подобных: громадное большинство стемм оказалось раздвоенным.

Впервые это наблюдение над раздвоенностью большинства стемм, построенных на основании теории «общих ошибок», сделал Ш. Бедье, назвав его «изумляющим законом» («la loi surprenante»). В своем издании «Lai de l'Ombre» (первое издание 1890 г.) он опубликовал различные стеммы, созданные на основе теории «общих ошибок»; подсчет показал, что большинство стемм были раздвоенными (дихотомными, «les stemma bifides»): каждая выпускала из себя две ветви, и те в свою очередь выпускали двойные ветви. Это повторялось в стемме столько раз, сколько было генераций списков произведения. В 1910 г. Ш. Бедье собрал 80 стемм; 78 из них оказались раздвоенными. В 1928 г. он собрал 110 стемм; раздвоенными оказались 105. Он исследовал издания французских, английских, итальянских, латинских текстов; обнаружилось, что в основном они также были раздвоенными. Откуда этот закон? Почему филологи-издатели фатально приходят к построению именно раздвоенных стемм? Все рукописи разбиваются попарно, только попарно.

Ш. Бедье пишет: «Не удивительно, что время, которое сохранило 116 списков, произошедших от двух списков W и Z „Романа о Розе“, злобно уничтожило все те списки, которые произошли от третьего списка; и не удивительно, что то же самое и тем же образом повторилось с „Романом о Троянской войне”, но что это повторилось таким же образом с Клижесом, с Ивеном, с Филоменой и со всеми остальными романами Кретьена де Труа, и со всеми романами романистов, и со всеми хрониками хроникеров, и со всеми поучениями проповедников, и со всеми собраниями басен баснописцев, и со всеми песнями песнописцев: это чудо! Одно генеалогическое дерево с двумя ветвями не заключает ничего необыкновенного, но целая роща двухветвистых деревьев, целый парк, целый лес? Silva portentosa. Случай с двумя ветвями в истории текста не заключает в себе ничего чудесного, но закон раз-

деления на две ветви. . . Этот закон должен был начать управлять судьбою текстов только около ста лет назад, когда первый филолог построил первую „stemma codicum"». «В филологической флоре, — говорит Ш. Бедье, — деревья точно одного типа: их ствол последовательно делится на две ветви, — только на две».[5]

Критика Ш. Бедье системы К. Лахмана породила целую литературу. Между тем от одной редакции могла возникнуть либо только одна следующая, либо две, либо три — любое количество. Шансы на возможность появления от какой-либо редакции именно пары редакций в целом мало отличались от шансов появления от нее же трех или одной. Филологи выступают и в развитие идей Бедье, и в защиту теории Лахмана. В процессе этой полемики, которая не прекращается в течение всех последних десятилетий, все более и более явственно проступают общие недостатки механистической текстологии. Спор ведется по преимуществу вокруг открытой Ш. Бедье дихотомии текстологических стемм, но объективно затрагивает и другие стороны методики текстологических исследований. Так, Ж. Фурке стремится оправдать теорию К. Лахмана, но защищает ее только с точки зрения возможного преобладания в исследованиях текстологов дихотомных (парноветвистых) стемм.

Ж. Фурке пространно доказывает, что с математической точки зрения парноветвистая стемма более естественна, чем трехветвистая. Однако вывод, к которому приходит Ж. Фурке в заключении к своей работе, несколько неожидан: «Первая цель данной работы заключается в реабилитации метода общих ошибок. Отрицание всех стемм как фантастических несправедливо. Редкость многоветвистых стемм — в природе вещей. . . Труд филолога, строящего стемму, вовсе не калечится тайным пороком системы. Вторая цель данной работы состоит в том, чтобы показать, что нельзя ожидать многого от реабилитируемых стемм. . . Если издатель имеет основание колебаться между трехветвистой стеммой и парноветвистой, — стемма бесполезна».[6] Последняя процитированная мною фраза показывает, что, стремясь к реабилитации К. Лахмана, Ж. Фурке недалеко ушел от Ш. Бедье: защищая К. Лахмана, он приходит к скептицизму.

---

[5] Ch. J. Bédier. Tradition manuscrite du «Lai de l'Ombre». Réflexions sur l'art d'éditer les anciens textes. — Romania, 1928, t. LIV, p. 171. — Хорошее изложение теории Ш. Бедье и дом Кантена (см. о нем ниже) в статье: Emm. Walberg. Prinzipien und Methoden für die Herausgabe alter Texte nach verschiedenen Handschriften. — Zeitschrift für romanische Philologie, 1931, LI, S. 665—678.

[6] Jean Fourquet. Le Paradoxe de Bédier. — Publication de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg, 1946, t. CV, p. 16. (Разрядка моя, — *Д. Л.*). — Защиту К. Лахмана и его метода «общих ошибок» см. также: M. Barbi. La Nuova Filologia e l'edizione dei nostri scrittori da Dante al Manzoni. Firenze, 1938, p. XII—XLI.

Работе Жана Фурке была посвящена специальная статья Марио Рока. М. Рок справедливо пишет, что при построении стемм согласно принципам Лахмана могут приниматься во внимание только те общие ошибки, которые не могли быть сделаны одновременно двумя писцами. Но если так, то мы не можем полагаться на простые подсчеты общих ошибок, — мы должны анализировать эти ошибки, выяснять их происхождение. Мы должны отделять ошибки от поновлений и анализировать поновления: насколько они не могли в разных списках принадлежать разным переписчикам, а восходить непременно к работе одного переписчика.[7]

Сложным математическим расчетам, доказывающим полную вероятность преобладания парноветвистых стемм над трехветвистыми и другими, посвящена была и работа Ф. Уайтхеда и Ц. Пикфорда «The Two-Branch Stemma».[8]

Математический спор относительно теории «общих ошибок», начатый Ш. Бедье с подсчета типов стемм, выработанных по системе К. Лахмана, пришел, казалось бы, к своему концу, когда профессор Фрибургского университета в Швейцарии А. Кастеллани опубликовал в 1957 г. в специальной брошюре, посвященной проверке данных Ш. Бедье, свои выводы.[9] Выводы эти показали, что статистические данные Ш. Бедье, во-первых, только в незначительной своей части документированы, а, во-вторых, — в той части, в которой они документированы, — это сделано крайне неточно.[10]

Весьма возможно, конечно, что произведенные Бедье подсчеты дихотомных стемм неверны, однако и А. Кастеллани признает, что дихотомных стемм значительно больше, чем недихотомных. В этом отношении он приходит к тем же выводам, что и Ж. Фурке, и Пикфорд, и Уайтхед. При этом А. Кастеллани признает, что чем меньше списков произведения, тем вероятнее, что взаимоотношения их сложатся в дихотомную стемму.[11] Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что применение теории «общих ошибок» дает подавляющее большинство именно дихотомных стемм.

Приходится удивляться не тому, почему этих дихотомных стемм так много, а почему **не все** стеммы, построенные исследователями на основании применения теории «общих ошибок», дихотомны. Дело в том, что в чистом виде теория «общих ошибок» применялась редко; по большей части эта теория при построении

---

7 Romania, 1947, LXIX, p. 118.

8 Frederick **Whitehead**, Cedric E. **Pickford**. The Two-Branch Stemma. — Bulletin Bibliographique de la Société Internationale Arthurienne, 1951, № 3, p. 83—90.

9 A. **Castellani**. Bédier avait-il raison? La methode de Lachmann dans les éditions de textes du moyen âge.

10 Ibid., p. 20—21.

11 См.: E. B. **Ham**. Рец. на кн.: A. **Castellani**. Bédier avait-il raison? — Romance Philology, 1959, vol. XIII, № 2, p. 190—191.

стемм не доводилась до конца или смешивалась с другими наблюдениями над текстами. Эти недоработки и смешения и могли дать при построении стемм неполное число парноветвистых стемм. Если же применять теорию «общих ошибок» последовательно, — подавляющее преобладание парноветвистых стемм совершенно неизбежно. Показать это можно и не прибегая к сложным математическим расчетам.

В самом деле, между любыми двумя списками произведения можно легко найти общие ошибки в большем или меньшем количестве. Гораздо труднее найти список, который будет стоять особняком и не иметь общих ошибок ни с одним из других списков произведения. Система «общих ошибок» способна больше находить общее и неспособна доказать одинокости списка. Ведь для того, чтобы отъединить список, разлучить его — необходимо доказать, что у него нет общих ошибок с другим, а это по методике К. Лахмана крайне трудно. Достаточно небольшого числа общих ошибок, чтобы утверждать по методике Лахмана общее происхождение двух списков. С другой стороны, любые — три, четыре, пять и т. д. — списки произведения неизбежно распадутся на группы по степени близости их друг к другу. Отсюда ясно, что, применяя теорию «общих ошибок», мы будем делить списки на группы до тех пор, пока все списки не расчленятся на пары. Два списка образуют простейшую группу. Дальше уже делить на группы невозможно. Тенденция к максимальному делению списков заложена в теории «общих ошибок». Четное число списков даст полное число пар, нечетное — сохранит один список вне пары, хотя и у него могут оказаться «общие ошибки» с каким-либо из списков произведения.

Отсутствие «общих ошибок» между списками одного произведения при тщательном учете всех разночтений — явление исключительное. Это может быть объяснено не только тем, что все списки находятся между собой в родстве, восходят к архетипу,[12] уже заключавшему в себе ошибки, но и тем, что часть ошибок — результат общей всем писцам психологии ошибок, кстати сказать, очень мало еще изученной.[13]

---

[12] Архетипом группы, редакции или извода произведения называется тот список (это почти всегда бывает список недошедший), к которому восходят все списки одной группы, редакции или извода произведения; архетип произведения — это тот воображаемый список, от которого пошли все сохранившиеся списки. Не обязательно, чтобы им был авторский текст. Часто бывает так, что все списки произведения восходят к уже измененному после автора тексту (особенно часто бывает так с античными произведениями, средневековая традиция которых восходит к какому-либо александрийскому или византийскому архетипу). См. подробнее ниже, главу III.

[13] По этому вопросу имеется статья Ж. Андрие (J. Andrieu. Pour l'explication psychologique de fautes de copiste. — Revue des Études latines, 1950, t. XVIII, p. 279—292), однако автор обращает преимущественное внимание на ошибки пропуска (в частности, на так называемые «bourdons»).

Но если есть одни и те же ошибки, которые возникают самостоятельно в разных списках, — определение генеалогии списков на основании теории «общих ошибок» невозможно. Имеются, однако, сторонники методики К. Лахмана, которые пытаются утверждать, что общие ошибки не могут самостоятельно возникать в различных списках. К ним относится, например, французский исследователь П. Колломп.[14]

Мы видели, однако, что такие повторения вполне возможны. Древнерусский материал, во всяком случае, представляет их во множестве. Невозможно другое: повторение целого сочетания ошибок. Вообще в изучении текста и взаимоотношения списков представители механистической текстологии совершенно не обращают внимания на сочетания разночтений между собой, на систематическое повторение в каком-либо тексте определенного т и п а разночтений, на типичность тех или иных описок и исправлений для того или иного списка. Именно изучение типичности и сочетаний разночтений, что связано с изучением смысловой стороны текста, дает наиболее бесспорные научные результаты.

Можно легко показать, что при замене теории «общих ошибок» теорией «сходных мест» или системой подсчета многократно и однократно встречающихся чтений картина получается та же самая.

Механические и статистические приемы анализа разночтений, применяемые для построения стемм, имеют еще одну характерную особенность: они не дают никаких указаний на утраченные звенья. Схождения и пересечения линий в лучшем случае способны условно указать на близость списков, но не на их восхождение к утраченным спискам, хотя должно быть ясно, что сохранение всех списков какого-либо произведения — совершенная, почти неосуществимая случайность, возможная лишь при очень небольшом их числе. Обычно даже нахождение в числе списков копии и оригинала — явление исключительно редкое.[15]

Обратим внимание на следующее. Методика К. Лахмана совершенно безразлична к тому, имеет ли она дело с несколькими списками произведения из сотен существовавших когда-то или с тем же количеством списков, но дошедших до нас в полном составе. Методика построения стемм будет одинаковой, и очень возможно, что стеммы окажутся при этом также одинаковыми.

---

[14] См.: P. C o l l o m p. La critique des textes. Strasbourg, 1931, p. 36—37.

[15] Мне удалось это обнаружить со списками Летописца Еллинского и Римского второй редакции, и то потому, что это огромное произведение известно в очень небольшом числе списков (см.: Д. С. Л и х а ч е в. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 100—110). При этом если список БАН 33.8.13 явился оригиналом для списка ГБЛ, собр. Пискарева, № 162, то тот в свою очередь послужил оригиналом для списка ГБЛ, собр. Егорова, № 867 (см.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 113).

Во всяком случае, принципиальных расхождений между стеммами обоих глубоко различных по самому своему существу типов историй текста не будет.

Заметим также, что если и возможно сгруппировать списки путем выявления в тексте «общих ошибок», то невозможно установить редакции произведения, ибо редакции объединяются не общими механическими ошибками и сходными местами, а определенными проведенными в них идеями, стилистическими принципами и т. д. Каждая редакция памятника — это отнюдь не механический этап в его жизни, не результат общих ошибок, передававшихся от архетипа к спискам, как это думают текстологи, применяющие механические приемы анализа, а результат сознательной, целеустремленной деятельности одного из книжников, идейной или художественной и стилистической.

Но самый главный недостаток механических приемов построения стемм заключается в том, что они основываются на крайне упрощенных представлениях об истории текста произведений и о способах работы книжников вообще.

В самом деле, способ построения стемм на основе подсчета «общих ошибок» предполагает, что каждый писец механически переписывает только один список, не исправляя его по другим спискам. Русский средневековый материал решительно опровергает такого рода представления о работе переписчиков. Имеются прямые свидетельства, что переписчики или писцы-редакторы исправляли тексты по другим спискам.

Приведенные ниже, в главе I, материалы о работе переписчиков книг решительно опровергают мнение представителей школы К. Лахмана о том, что каждый писец переписывал текст с одного списка и что поэтому все списки плавно и постепенно восходят к одному общему списку — архетипу. В западноевропейском материале к приведенным наблюдениям необходимо добавить материал схолий, попадающих при переписке в текст и бесконечно усложняющих работу текстолога, сличений рукописей, предпринимавшихся гуманистами, печатных изданий, рукописные источники которых не сохранились, и т. д.

Характерно, что разочарование в текстологических приемах почувствовалось в классической филологии особенно резко после открытия папирусов: тексты папирусов не подтвердили ни реконструкций текстологов, ни их теории архетипов в целом.

Предположение представителей школы К. Лахмана, что каждый переписчик переписывал только один текст, в результате чего можно определить архетип группы списков, решительно опроверг и автор крупнейшей итальянской монографии по вопросам текстологии классических произведений — Дж. Паскуали.[16]

---

[16] См.: Giorgio Pasquali. Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1934; seconda edizione con nuova prefazione e aggiunta di tre appen-

Дж. Паскуали пишет: «Считать, что традиция древних авторов всегда механична — предрассудок. Она механична лишь там, где переписчик мирится с тем, что он не понимает текста. Многие эпохи и многие области не соглашались оставить текст таким, каким они его получили, а делали его более ясным, приспособленным к своему вкусу, прикрашенным. Из этой истины должен извлечь пользу не только критический разбор (recensio), а и исправление текста (emendatio): более легкая в палеографическом отношении догадка почти никогда не бывает более вероятной, если она имеет дело с текстами, переданными не механически. Что касается критического разбора, то лишь в относительно редких случаях механической традиции возможно, если наши кодексы восходят к архетипу, применить критерии элиминации списков, сами по себе механические, сформулированные Лахманом».[17]

Невозможность применить механические приемы к установлению генеалогии списков, утверждает Дж. Паскуали, определяется еще и тем, что передача текста происходит, как он выражается, не только «горизонтально», но и «вертикально», т. е. не только от более старого списка путем его переписывания к более новому — его копии, но и путем сличения и «сведения» различных (подчас одновременных) списков, исправления текста по другим спискам.

Теория «общих ошибок» предполагает и другое, что единственно исправный текст, текст, в котором все ясно, — это текст автора и что переписчик только ошибался и при этом ошибался однообразно, не исправляя текста оригинала и лишь прибавляя к ошибкам предшественников свои собственные. По этому поводу У. Т. Холмс спрашивает, имея в виду старофранцузскую поэзию: «Почему каждый писец должен быть беззаботным невеждой и каждый автор — непогрешимым знатоком старофранцузской метрики и рифм?»[18]

В действительности дело обстоит таким образом, что переписчик, заметив описку в оригинале, стремится ее исправить и исправляет часто неверно, иногда даже не то слово, в котором произошла ошибка, придавая новый смысл испорченному пассажу. Поэтому списки, восходящие друг к другу, могут иметь разные ошибки, и это надо непременно учитывать текстологу. Только «исправленные» места текста могут надолго удерживаться в переписке, но не явные ошибки. Однако текстолог может проследить, как одна описка плодит в дальнейшем новую, как писец неудачно

dici. Firenze, 1952. 525 p. — В подробной рецензии на книгу Дж. Паскуали А. Дэн считает ее самой сильной атакой против системы К. Лахмана (A. D a i n. — Supplément critique au Bulletin de l'Association Guillaume Budé, 1936—1937, VIII, p. 7—32).

[17] G. P a s q u a l i. Op. cit., 1952, p. XVII.

[18] U. T. H o l m e s. Рец. на кн.: Textual Criticism and Jehan le Venelais. — Speculum, 1947, XXII, № 3, p. 469.

исправляет испорченное место. Поэтому хотя ошибки и могут представить великолепный материал для установления истории текста, их механическая классификация — не лучший для этого способ. Текстолог не может замыкаться в механических поисках «общих ошибок». Да и что называть ошибкой? Иногда переписчик настолько удачно улучшает текст, что, определяя ошибку, текстолог может ошибиться сам. Переписчик сам часто бывает текстологом, а современный текстолог, наоборот, совершает ошибки, типичные для переписчика рукописи.

Не могут быть приняты во внимание и орфографические ошибки: они имеют особенную тенденцию повторяться и не показательны. Можно сказать, что орфография малограмотных писцов почти так же однообразна, как и орфография писцов грамотных. Не показательны и диалектные формы, которые могут возникнуть одновременно в разных списках, переписываемых в одной и той же местности.

Наконец, следует отметить, что общие ошибки могут быть только тогда показательными, когда они сразу определяются как безусловные ошибки. Дело в том, что в большинстве случаев ошибочность того или иного чтения устанавливается на основе того, что оно появилось позднее и отсутствовало в архетипе. Но как определить, что отсутствовало в архетипе? На «инстинкт» текстолога полагаться нельзя. Для определения архетипных чтений необходимо выявить историю текста и установить взаимоотношение списков! Следовательно, здесь может получиться «порочный круг». Здесь система «общих ошибок» терпит свое крушение. Ведь если текст в процессе переписки подвергается сознательным и целенаправленным изменениям, то метод «общих ошибок» просто не применим. Метод «общих ошибок» предполагает теорию, согласно которой переписка текста всегда ведет к его порче, — и только!

Аналогичные наблюдения над работой переписчиков, сливавших различные тексты, «улучшавших» или исправлявших их по другим текстам или по смыслу, были сделаны и зарубежными текстологами. Исправления такого рода очень затрудняют работу текстологов, особенно тех, которые пользуются механическими приемами. Вот почему текстологи часто повторяют: переписчики, которые меньше всего думают над текстом и переписывают механически, — лучшие переписчики! Английский текстолог А. Кларк прямо пишет: «В переписчике нет более благословенного качества, чем невежество, и скорее тривиально, а не парадоксально утверждать, что лучшие рукописи те, которые переписаны наиболее невежественными писцами».[19] Сходное утверждение мы найдем и у французского текстолога П. Колломпа [20] и др.

---

[19] A. C. Clark. Recent Developments in Textual Criticism. Oxford, 1914, p. 21.

[20] P. Collomp. La critique des textes. Strasbourg, 1931, p. 10—11.

Наконец, позволю себе остановиться еще на одном вопросе, который возникает в связи с механическими приемами установления взаимоотношения списков: на вопросе о так называемых «индивидуальных» чтениях того или иного списка.

Если текстолог применяет не теорию «общих ошибок», а теорию «сходных мест», то он так же, как и сторонник теории «общих ошибок», отбрасывает все, что оказывается в единственном числе. Принимается во внимание только «общее»: в первом случае — для того, чтобы определить взаимоотношения списков, во втором — не только для определения взаимоотношения списков, но и для исключения так называемых «индивидуальных чтений» из реконструкции оригинала. Нет, однако, ничего более опасного в текстологии, чем подсчет разночтений и выбор их по большинству. Понятие «индивидуальных» особенностей опасно не менее. Пока мы не установим историю текста, мы никогда не можем быть уверены, что та или иная его особенность, не встречающаяся в других дошедших до нас списках, действительно индивидуальна. Ведь она может отражать чтения недошедших списков и даже восходить к авторскому тексту. Практически установить — является ли данное единичное чтение действительно «индивидуальным» или нет — бывает очень трудно, а иногда и невозможно. Поэтому лучше обходиться без этого понятия, тем более, что очень часто неясно — что именно понимает в том или ином конкретном случае текстолог под «индивидуальным» чтением или «индивидуальной» особенностью текста списка: то ли, что данная особенность не встречается в дошедших списках (тогда это мало о чем говорит), то ли, что эта особенность появилась только в данном списке, и нигде, ни в каких списках, в протографах этого списка ее не было. Для историка текста важно только последнее, но как это установить? Всякие суждения о недошедших списках чрезвычайно трудны. Текстолог с гораздо большей степенью вероятности судит о недошедших э т а п а х истории текста, чем о недошедших с п и с к а х.

Только восстанавливая общий ближайший протограф нескольких сохранившихся списков, мы можем отбросить те или иные удачные чтения одного списка как индивидуальные; однако этими «индивидуальными» чтениями могут оказаться далеко не все те, которые встречаются только в данном списке. Даже при восстановлении ближайшего протографа списков невозможно опираться на механические приемы исследования списков и считать, что показания одного списка, противоположные показаниям нескольких списков, должны быть сброшены со счетов.

Арифметика текста должна уступить место исследованию смысла текста.

Мы говорили выше, что теория К. Лахмана не соответствует современным представлениям об истории текста произведений, проживших долгую жизнь во многих списках. Было бы справедливо отметить, что защитники К. Лахмана осознают это положение.

Характерно, что защитники системы К. Лахмана откровенно занимают сейчас антиисторические позиции. Если сам К. Лахман слепо верил, что построенные по его методу стеммы отражают реальное соотношение списков — реальную историю текста, то нынешние его сторонники прямо заявляют, что текстолог исследует лишь условные взаимоотношения списков, не имеющие ничего общего с реальной историей текста и отражающие лишь случайно создавшиеся отношения между сохранившимися рукописями. Так, В. Грег, отвечая защитникам Ш. Бедье, пишет: «Я не понимаю возражений господина Шепарда (W. P. Shepard — автор статьи, защищающей позиции Ш. Бедье,[21] — *Д. Л.*) против так называемых „дихотомных стемм". Показав, что громадное большинство стемм, составленных издателями текстов, именно этого типа, он замечает: „Конечно, совершенно невероятно, чтобы с оригинала делались только два списка средневекового текста; дихотомия обязана своим происхождением методу текстолога". Это поистине удивительное замечание, так как, конечно, стемма говорит нам не о том, сколько списков было первоначально сделано, но только об отношениях между сохранившимися. Преобладание дихотомии обязано своим появлением отбору. Если среди большого числа сохранившихся рукописей того или иного произведения отсутствуют исконные взаимоотношения (т. е. почти во всех случаях), то, я думаю, из этого следует, что для рукописей будет характерно почти полное отсутствие и каких-либо иных стемм, кроме дихотомных».[22]

Необходимо отметить и другую очень характерную черту результатов механистического подхода к группировкам списков. Можно, даже не собирая различных стемм, выполненных методикой формальной, традиционной «критики текста», в которых группировка списков предшествует историческому анализу разночтений, сказать, что любые крупные деления текстов будут в этих стеммах предшествовать более мелким делениям, тогда как реальная возможность происхождения крупной группы (например редакции) из мелкой (например вида текста, его извода) так же велика, как и обратная: мелких делений — из крупных (например видов текста из редакций).

Из авторского текста могут появиться изводы со сравнительно незначительными разночтениями, а из этих изводов уже более крупные редакции. Первоначально, например, в «Повестях о разорении Рязани» были сравнительно незначительные расхождения (в одном виде городом, через который ехал служитель иконы

[21] W. P. Shepard. Recent Theories of Textual Criticism. — Modern Philology, Chicago, 1930, vol. XXVIII, Nov.

[22] W. W. Greg. Recent Theories of Textual Criticism. — Modern Philology, 1931, vol. XXVIII, May. p. 403. — См. работы того же автора: The Calculus of Variants. Oxford, 1927; The Editorial Problem in Shakespeare. Oxford, 1954.

Николы Заразского Евстафий, названа Кесь — Цесис, в другом виде — Рига и некоторые другие); из этих же двух видов основной редакции появились другие редакции с очень большими изменениями в тексте — Стрелецкая, Воинская, Проложная, Хронографическая и т. д.

Еще одно возражение против механистической методики в текстологических исследованиях было выдвинуто Р. П. Дмитриевой. Нельзя не согласиться с Р. П. Дмитриевой, что ошибки текста могут передаваться только из основного протографа, но дополнительно привлеченный писцом текст (при сведении писцом воедино нескольких списков) не может влиять на основной своими ошибками, особенно теми, которые обессмысливают текст, делают его непонятным. Ошибки и искажения не могут переходить в основной текст из дополнительного источника, ибо перенос из дополнительного источника — всегда более или менее сознательное явление. Между тем правка писцом одного (основного) списка по другому (дополнительному) довольно частое явление в древнерусской письменности. Имеется много рукописей, в которые непосредственно вносилась такая правка, — она видна и отличается иногда по почерку. Это всегда исправления, осмысливающие текст или его дополняющие, или, в крайнем случае, замены одного текста другим, дающим другую трактовку событий. Но правка текста никогда не заключается в переносе явно ошибочных или бессмысленных и с точки зрения древнерусского писца чтений. Это положение совершенно не учитывается при подсчете разночтений в механистической текстологии.

Итак, подчеркнутая антиисторичность, стремление к формальной классификации текстов на основании механических приемов сличения разночтений с помощью теории «общих ошибок» или теории «сходных мест», или путем подсчета вариантов, подразделяемых на редкие («индивидуальные») и многократные, — таковы основные принципы современных продолжателей зарубежной механистической текстологии.

Стремлением свести текстологию к ряду механических приемов, «арифметизировать» ее отмечены и такие значительные работы по текстологии, как книга В. Грега «The Calculus of Variants» (Oxford, 1927), Д. Г. Кантена «Essais de critique textuelle» (Paris, 1926) [23] и др.

Критика современной стемматологии Ш. Бедье и его последователями — это критика, идущая, в сущности, из того же лагеря. Она вскрывает внутренние противоречия механистической текстологии, не заменяя ее принципы иными. Отсюда глубокая неудовлетворенность тщательными исследованиями памятников классической и средневековой древности по всем сохранившимся спискам

[23] Ср. того же автора: D. H. Quentin. Mémoire sur L'établissement du texte de la Vulgate. 1922 (Collectanea Biblica Latina, VI).

и все увеличивающийся процент публикаций по одному, случайно выбранному списку.

Механические приемы обращения с разночтениями создавали иллюзию точности. Когда эта иллюзия была разрушена, наступило разочарование в текстологии в целом, столь характерное сейчас для некоторой части зарубежной филологии и исторического источниковедения.

Механистическое построение стемм не ограничивается однообразием дихотомии, как это заметил Ш. Бедье. Мы можем заметить также, что при пользовании методикой К. Лахмана редакции всегда предшествуют видам текста. Здесь система К. Лахмана не знает исключений. Непосредственно от протографа редакций ответвляются крупные редакции, затем более мелкие. Виды текста, варианты текста увенчивают все генеалогическое дерево произведения. Такое деление редакций в стеммах не обращало на себя внимания как ненормальное по определенной причине. Дело в том, что здесь известную роль сыграло сравнение генеалогических схем с деревьями. Для дерева же вполне естественно, что мелкие ветви растут из более крупных. Однако в истории текста произведений этой последовательности наблюдать нельзя. Незначительные расхождения в тексте, дающие неглубокие разновидности текста, могут привести к появлению крупных редакций и наоборот. Никаких правил в этом отношении наблюсти невозможно. Поэтому обычное расположение редакций в стеммах: сперва крупные расхождения, потом — мелкие, — это исключительно результат неправильной методики деления текстов на редакции.

Вполне возможна, например, такая ситуация: от одной из стилистических редакций или разновидностей текста происходит крупная идеологическая редакция или, наоборот, идеологическая редакция дает несколько стилистических разновидностей текста. Первое возможно так же, как и второе. Однако в стеммах, созданных по принципам механистической текстологии, мы наблюдаем только вторую разновидность истории текста.

Как можно установить наличие первой разновидности истории текста? Установить можно на основе общих стилистических явлений в двух идеологических редакциях. Обычно на эти стилистические общности обращается меньше внимания, чем на крупные расхождения. Однако текстолог должен объяснить весь текст, все расхождения, а не отдельные крупные. Нельзя устанавливать историю текста на основании выборочных разночтений между отдельными текстами. Текст должен быть исторически объяснен.

Конечно, излагая историю текста, вовсе не всегда нужно приводить все разночтения. Можно ограничиваться только иллюстрациями. Но для себя, «в лабораторных условиях», текст должен быть изучен целиком, безо всяких пропусков.

Если устанавливать редакции механистически, путем количественного подсчета разночтений, то стемма текстов в списках будет всегда строиться по одному принципу: сперва редакции, а потом виды текста, сперва крупные деления текста — потом мелкие. В реальной же истории текста оба типа взаимоотношений крупных делений текста и мелких возможны в одинаковой степени.

ЗАДАЧИ ТЕКСТОЛОГИИ

Нет необходимости особо останавливаться на теоретических положениях критики текста в конце XVIII и в XIX в. По существу, критика текста не стала в XIX в. самостоятельной наукой. Задачи изучения текста ограничивались чисто практическими потребностями. Критика текста была подсобной дисциплиной, необходимой для издания документов и литературных памятников. Таково было начало многих наук: геометрии, которая нужна была первоначально как землемерие, астрономии, почвоведения и т. д.

Принципы критики текста в русской науке были сформулированы еще А. Шлецером. Он называл ее «малой критикой», или «критикой слов». Перед критикой летописи Нестора А. Шлецер ставил такую конкретно задачу: «Что Нестор писал действительно? Ему ли принадлежит такое-то слово (иногда такая-то буква), такая-то строка, такое-то целое место? или переписчик, по невежеству, нерадению или высокоумию, испортил это слово, вставил или выпустил эту строку, это место? — Вот малая критика или критика слов».[24] Переписчики Нестора — «грубые невежды».[25] Чтобы отыскать правильное чтение, по Шлецеру, надо оценивать отдельные места по «внутреннему достоинству», а чтобы открыть эти достойные места, надо сличать списки.[26] А. Шлецер, первым выдвинувший принцип критического издания текста, писал: «Да не скажет никто, что я похитил себе честь быть первым издателем Нестора: я говорю только о критическом, ученом, искусном, истолкованном издании, которое могло бы представить сочинителя в его настоящем виде, очистив его от крупнейших описок, объяснить, где он темен, исправить, где ошибается».[27]

Взгляды А. Шлецера были взглядами не его личными. Так смотрели на задачи изучения текста и за пределами России.[28]

---

[24] А. Шлецер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Шлецером. СПб., 1809, с. 396.

[25] Там же, с. 399.

[26] Там же, с. 400.

[27] Там же, с. 4.

[28] Сам А. Шлецер подчеркивал, что его приемы зависят от современной ему европейской «классической и библейской критики» (А. Шлецер. Нестор, с. XIII—XIV; Введение, с. 86, 411—416).

Менялись отдельные приемы восстановления первоначального текста, постепенно отпали представления о переписчиках как о людях, только портивших текст по «невежеству» или «глупости», все более осознавалась необходимость не только «исправлять текст», но и изучать его историю, в частности для того же «исправления», но когда дело доходило до определения задач текстологии или критики текста — практическая задача издания текста заслоняла собой все остальные. Считалось, что изучение рукописей ограничивается «добыванием» текста памятника, наиболее близкого авторскому оригиналу (или «архетипу»),[29] который должен быть положен в основу издания.

В известной мере то же определение задач текстологии, или иначе «критики текста», находим мы и у проникновенного исследователя текстов, от которого в значительной мере пошли новые современные методы в текстологии памятников нового времени, — Б. В. Томашевского: «Решение вопроса о подлинности и соответствии документа во всех его частях тому, что он передает, называется критикой текста. Реальные результаты критики текста — устранение погрешностей документа, а потому в узком смысле критикой текста называют разыскание и установление ошибок документа и восстановление в подлинном виде переданного документом ошибочно».[30]

Восстановление «подлинного» текста для его издания считают, в основном, целью изучения текста и западные филологи. Так, основные задачи текстологии были сформулированы Г. Посом следующим образом: «Вся наука критики текста состоит в том, чтобы из претендующего на подлинность текста реконструировать текст действительный, законный, подлинный».[31] Задачу критики текста в определении текста для издания видит и крупнейший знаток греческих рукописей А. Дэн: «Непосредственная цель изучения рукописей, — пишет А. Дэн, — издание текстов». Иных серьезных целей А. Дэн не видит: «Редки ученые, — я все же знал таких, — которые читают рукописи только ради удовольствия чтения. Еще более редки, по-видимому, — но есть и такие, — которые ходят в библиотеки для удовольствия рассматривать миниатюры лицевых рукописей. Настоящий ценитель сокровищ наших библиотек — филолог — издатель текстов». Больше того, А. Дэн утверждает: «Весь прогресс филологической науки связан с проблемой издания текстов».[32]

---

[29] См.: С. А. Бугославский. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. Чернигов, 1913, с. 1.

[30] Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959, с. 162.

[31] H. J. Pos. Kritische Studien über philologische Methode. Heidelberg, 1923, S. 13.

[32] A. Dain. Les manuscrits. Paris, 1949, p. 145.

Текстология в основном и у нас, и на Западе определялась как «система филологических приемов» к изданию памятников и как «прикладная филология».[33] Поскольку для издания текста важен был только «первоначальный», «подлинный» текст, а все остальные этапы истории текста не представляли интереса, критика текста спешила перескочить через все этапы истории текста к тексту первоначальному, подлежащему изданию, и стремилась выработать различные «приемы», механические способы «добывания» этого первоначального текста, рассматривая все остальные его этапы как ошибочные и неподлинные, не представляющие интереса для исследователя. Поэтому очень часто исследование текста подменялось его «исправлением». Исследование велось в тех крайне недостаточных формах, которые необходимы были для «очищения» его от «ошибок», от позднейших изменений.[34] Если текстологу удавалось восстановить первоначальное чтение того или иного места, то остальное — история данного места, а иногда и текста в целом — его уже не интересовало. С этой точки зрения текстология действительно практически оказывалась не наукой, а системой приемов к добыванию первоначального текста для его издания. Текстолог пытался достигнуть того или иного результата, «добыть» тот или иной текст без внимательного изучения всей истории текста произведения как единого целого.

Сперва издать — потом исследовать: таков, в основном, был принцип старого русского литературоведения XIX в.

Внимательно изучая общие тенденции, которые намечаются в текстологии за последние десятилетия, мы придем к выводу,

---

[33] Б. В. Томашевский. Писатель и книга, с. 30 и 31. — Давая это традиционное определение задач текстологии, Б. В. Томашевский был, тем не менее, одним из первых, кто подчеркнул новые задачи, стоящие перед текстологией, — необходимость внимательно изучать историю текста (см. дальше).

[34] «Самым общим вопросом, — пишет Г. Канторович, — который критика текста ставит перед собой, является вопрос „как установить правильность данного текста“» (H. Kantorowicz. Einführung in die Textkritik. Systematische Darstellung der textkritischen Grundsätze für Philologen und Juristen. Leipzig, 1921. — См. рецензию С. Н. Валка: Архивное дело, 1926, вып. VIII—IX, с. 178—180). Задачей критики текста А. С. Лаппо-Данилевский считает восстановление подлинного вида его текста — архетипа. А. С. Лаппо-Данилевский пишет: «Критика текста, в сущности, изучает его историю со времени его возникновения и до того времени, когда он подвергается научному исследованию, с целью восстановить в подлинном виде испорченное его чтение... (Разрядка моя, — *Д. Л.*). Итак, задача „критики текста“ состоит в том, чтобы, по возможности, восстановить его подлинный вид в первоначальной его „чистоте“, что, разумеется, иногда сводится лишь к тому, чтобы возможно более приблизиться к ней» (А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, ч. 1. Теория исторического знания. СПб., 1910, с. 579). «Критика текста, — пишет А. С. Лаппо-Данилевский, — характеризуется особого рода приемами: главнейшие из них состоят в принятии известного чтения, а в случае нужды, и в его исправлении; такие операции можно соответственно назвать рецензией и эмендацией текста» (там же, с. 580).

что текстология все более и более начинает рассматриваться как дисциплина, имеющая самостоятельные и очень крупные задачи. Эти задачи могут быть сформулированы следующим образом: текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на протяжении всего того времени, пока изменялся текст памятника.

Только путем полного изучения истории текста памятника как единого целого, а не путем эпизодической критики отдельных мест может быть достигнуто и восстановление первоначального авторского текста памятника.

Вместе с тем для советских литературоведов-текстологов и историков-археографов представляется несомненным, что нельзя изучать изменения текста памятника в отрыве от его содержания (понимаемого в самом широком смысле, в частности, политических тенденций, художественного замысла и т. д.), а содержание — в отрыве от всей исторической обстановки в целом. В результате границы текстологического изучения памятников чрезвычайно расширяются, и требования к текстологии возрастают в той же мере.

Текстология в современном ее понимании возросла до пределов изучения истории текста отдельного памятника. Она стала важнейшей частью истории литературы в целом. Если история литературы занимается изучением процесса развития всей литературы, то текстология должна заниматься изучением процесса развития текста отдельных памятников. История текста дает те «составные элементы движения», из которых слагается история литературы.[35]

Издание памятников — это только одно из практических применений текстологии.

Сперва полностью изучить историю текста памятника, а потом его критически издать (что не исключает отдельные предварительные публикации текста списков) — таков принцип, к которому постепенно приходят современные советские текстологи-медиевисты.

Элементы такого рода нового понимания задач текстологии наметились уже давно. Однако только в последние десятилетия это отношение к текстологии получило прочную базу в последовательном применении принципа историзма, в стремлении тексто-

---

[35] Б. В. Томашевский пишет: «История текста (в широком смысле этого слова) дает историку литературы материал движения, который не лежит на поверхности литературы, а скрыт в лаборатории автора» (Б. В. Томашевский. Писатель и книга, с. 148). В древней русской литературе этот «материал движения» отнюдь не ограничивается «лабораторией автора» (она к тому же может быть обнаружена там в исключительно редких случаях), а, как уже было нами отмечено, охватывает изменения текста на протяжении нескольких веков.

логов рассматривать историю текста, не отрывая этой истории текста от исторической действительности, от общественно-политической жизни эпохи, от его авторов, редакторов, переписчиков.

Текстология становится наукой, преодолевая элементы механистического отношения к текстологическим вопросам. Она становится наукой потому, что вместо задачи публикации текстов на основе механической классификации списков и формального «очищения» текста от ошибок начинает заниматься изучением истории текстов. Это изучение истории текстов сделало большие успехи, так как углубилось само понимание того, что следует подразумевать под историей текста. Под историей текста стала разуметься отнюдь не только генеалогия списков, лишенная подчас исторических объяснений, основанная на классификации списков только по их внешним признакам. История текста памятника стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере историей их создателей и отчасти, как это мы увидим в дальнейшем, их читателей.

Только такое отношение к тексту оказалось способно преодолеть элементы механистичности этой дисциплины, превратить ее в самостоятельную историческую науку. Процесс превращения текстологии из суммы филологических приемов для издания памятников в самостоятельную науку далеко не закончен,[36] поэтому в дальнейшем нам придется остановиться по преимуществу на отдельных сторонах этого процесса — процесса своеобразной «кристаллизации» науки.

Ускорить это становление текстологии как самостоятельной науки, учитывая все достижения в этой области старой русской филологии и филологии других стран, — одна из задач всей советской текстологии, в частности и той ее отрасли, которая занимается древнерусскими литературными памятниками.[37]

В какой-то мере текстология уже сейчас может считаться совершеннолетней наукой, а не вспомогательной дисциплиной.

---

[36] Представления о том, что история текста памятника есть история его искажения «переписчиками», свойственны иногда и современным советским исследователям. Так, В. И. Стрельский в книге «Основные принципы научной критики источников по истории СССР» (Киев, 1961) даже не ставит вопроса об изучении истории текста, рассматривая, вслед за старыми источниковедами, «внутреннюю» и «внешнюю» критику текста как «исправление» вкравшихся в него ошибок: «Древнейшие памятники много раз переписывались, редактировались, и при этом неумение прочитать некоторые места первоначальных записей приводило со стороны древних писчиков (так! — *Д. Л.*) к искажениям текста первичных записей» (с. 68).

[37] Согласие с моими взглядами на задачи текстологии выражает О. Кралик (O. Králík. Od textové kritiky k textologii. — Listy filologické, 1962, roč. 85, sv. 2). Ср. также: G. Thompson. Scientific Method in Textual Criticism. — Eirene, 1960, I, Praha, p. 51—60.

Это можно заметить (а заметить совершеннолетие обычно нелегко вследствие некоторой инерции наших представлений) по косвенным признакам. К числу таких косвенных признаков относится и то обстоятельство, что текстология в настоящее время сама требует опоры в других вспомогательных дисциплинах. В первую очередь она требует хорошей постановки архивоведения, она требует хорошей организации научного описания рукописей в наших основных рукописных хранилищах и всемерной координации усилий ученых всех стран.

Изучение истории текста того или иного древнерусского памятника требует привлечения исчерпывающего числа списков и самого изучаемого памятника, и тех памятников, которые вступали с ним в литературное общение.

Если нет научных описаний рукописей, то это значит, что разыскание необходимых для того или иного изучения рукописей отдано на волю случая, это значит, что исследователи вынуждены параллельно и кустарно вести одну и ту же работу, которая могла бы быть сделана раз и навсегда для всех сразу. Ученые, работающие без полного аппарата научных описаний с чрезвычайными затратами времени и труда, часто вознаграждают себя тем, что торопятся заняться теми или иными случайно найденными материалами, даже если они не относятся к области их специальных интересов, и публикуют документы, воздерживаясь предупреждать читателей, что не собрали всех списков издаваемого памятника.

Составление полных, детальных, развернутых научных описаний всех еще не описанных фондов, интенсификация работ в этой области — самая неотложная задача всех наших рукописных хранилищ. Без этого текстология не сможет развиваться даже при наличии самых прогрессивных методических приемов.

*

Одна общая тенденция может быть отмечена и у литературоведов, и у историков, занимающихся древней Русью: все более и более стираются различия и перегородки между учеными, добывающими материал, и учеными, этот материал изучающими. Подобно тому как археолог обязан в настоящее время быть историком, а историк досконально владеть археологическим материалом; подобно тому как источниковед становится все более и более историком, допускающим в своих работах широкие обобщения, — и в литературоведении созрела необходимость каждому текстологу быть одновременно широким историком литературы, а историку литературы непременно изучать рукописи. Текстологическое исследование — это фундамент, на котором строится вся последующая литературоведческая работа. Как это будет ясно из дальнейшего, выводы, добытые текстологическим исследованием, очень часто опровергают самые широкие умо-

заключения литературоведов, сделанные ими без изучения рукописного материала, и в свою очередь приводят к новым интересным и досконально обоснованным историко-литературным обобщениям.

Представления о том, что текстологической работой можно добыть только весьма узкие выводы, следует признать совершенно устаревшими. Напротив, непосредственное изучение рукописей, истории текста приводит сплошь да рядом к весьма важным выводам, зачастую меняющим наши представления по самым общим вопросам. К таким широким общеисторическим выводам приводит изучение истории текстов «Просветителя» (оно меняет наши представления о сущности обвинений против «жидовствующих»), «Сказания о князьях владимирских» (оно исправляет и уточняет наши представления об официальной политической теории Русского централизованного государства XVI в.) и т. д. Вместе с тем текстология позволяет ученому приобрести выводы личным трудом, лишает его права довольствоваться приблизительным, дает ясные представления о памятнике, об его истории, о том, как он воспринимался в свое время (проблема читательского восприятия памятника особенно интересна для литературоведа-медиевиста).

Текстология открывает широчайшие возможности изучить литературные школы, направления, идейные движения, изменения в стиле, динамику творческого процесса [38] и оказывается арбитром в решении очень многих споров, которые вне изучения конкретной истории текстов могли бы тянуться без каких-либо определенных перспектив на их окончательное разрешение.

Итак, текстология зародилась как узко подсобная дисциплина, как сумма филологических приемов к изданию текстов. Первоначально казалось, что перед ней не стоит сложных задач, что вопросы взаимоотношения текстов могут быть решены несложными и единообразными приемами. Она развивалась обособленно, и казалось, что текстолог замкнут в решении своих узких задач. По мере углубления в задачи издания текста текстология, как уже отмечалось выше, все более и более вынуждена была заниматься изучением истории текста произведений. Она стано-

---

[38] Этому вопросу посвящен мой доклад «Текстология и теоретические проблемы литературоведения», прочитанный на XI Всесоюзной пушкинской конференции в Ленинграде в мае 1959 г. См. также: Д. Лихачев. 1) Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения. — Slavia, 1958, roč. XXVII, s. 4; 2) Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1955, № 5, с. 403—419; Б. С. Мейлах. Психология художественного творчества. — Вопр. лит., 1960, № 6, с. 71—72; L. Havránková. Sovětská textologie — věda mladá a podnětná. — Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury, Praha, 1961, № V, s. 111—112.

вилась наукой об истории текста произведений, а задача издания текста становилась только одним из ее практических применений.

Рост науки не упростил стоящих перед ней вопросов, а усложнил. При этом, становясь самостоятельной научной дисциплиной, текстология не только не оборвала своих связей с другими дисциплинами, но все более их увеличивала. Чем более ясным становилось, что текстология не «сумма приемов», а самостоятельная наука с самостоятельным полем исследования и специфическими вопросами, тем более укреплялась связь ее с многими другими филологическими, историческими, литературоведческими дисциплинами. Теперь уже никто не назовет текстолога «узким ученым», а текстологию «узкой дисциплиной». Напротив, хороший текстолог обязан широко «охватывать» предмет своего изучения. Чем больше он привлекает данных из области палеографии, археографии, литературоведения, истории, искусствоведения и пр., — тем более убедительные выводы он получает, тем неопровержимее его построения. История текста не изолирована от общих проблем культуры и «человековедения» в целом. Умение сопоставлять, объединять явления, объяснять один ряд явлений другим, принадлежащим другой области изучения человека и человеческого общества, — становится все более и более необходимым.

Среди текстологов существует издавний спор — текстология (или как ее долго называли — критика текста) [39] принадлежит науке или это искусство? [40] Одно время с распространением механических приемов решения сложнейших текстологических вопросов школы К. Лахмана и ее видоизменений казалось, что ответ найден в другой области: текстология — это ремесло; [41] настолько простыми представлялись тогда все текстологические

[39] Термин «текстология» впервые введен Б. В. Томашевским и быстро распространился среди литературоведов благодаря его книге «Писатель и книга. Очерки текстологии» (1-е издание вышло в свет в 1928 г.). В качестве названия для самостоятельной науки термин «текстология» удобнее, чем термин «критика текста». Последний, впрочем, не исчез из употребления. Определившееся различие между терминами «текстология» и «критика текста» такое же, как между терминами «химия» и «химический анализ». В последнее время появилась некая «деформация» в употреблении термина «текстология». Стали говорить и писать «текстология Задонщины», «текстология Сказания» или какого-либо другого памятника древней письменности, разумея под этим результаты текстологического исследования того или иного памятника, а не само его исследование. Но это так же неправильно, как говорить «астрономия той или иной планеты», имея при этом в виду данные ее астрономического исследования.

[40] Искусством называет науку об издании текстов Эдмон Фараль: E. Faral. À propos de l'édition des textes anciens. Le cas du manuscrit unique. — Recueil de travaux offerts à M. Clovis Brunel. Paris, 1955, p. 411.

[41] Или техника. См.: O. Stählin. Editionstechnik. Ratschläge für die Anlage textkritischer Ausgaben. Berlin, 1909; 2. Aufl. 1914; Gustave Rudler. Les techniques de la critique et de l'histoire littéraire. Oxford, 1923.

приемы.[42] Сейчас мы можем сказать так: текстология это наука, но методика работы текстолога настолько усложнилась, что она стала для текстолога в известной мере и искусством. Однако текстология ни в коем случае не ремесло, которое позволило бы текстологу отъединиться в решении своих собственных задач. Текстологу приходится быть в курсе всех исторических наук применительно к изучаемой эпохе. Вот почему хороший текстолог — он и литературовед, и историк, и историк общественной мысли.[43] От широты и разносторонности его знаний, от его умения охватывать факты и от искусства, с которым он применяет методические приемы изучения текста, зависит успех его исследований.

*

Творчество — процесс; восприятие творения — также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений. Автор создает произведение, внушая читателю представление о том, что читатель вместе с ним вновь проходит весь путь его творчества. Автор создает у читателя иллюзию творческого процесса. Читая произведение, читатель как бы участвует при создании произведения, оно разворачивается перед ним во времени. Конечно, на самом деле творческий процесс гораздо сложнее, чем он предстоит перед читателем в произведении, однако черновики, наброски, разные редакции произведения — остаются за бортом произведения и не воспринимаются читателем. Творчество многочисленных средневековых «соавторов» — переписчиков, переделывателей, составителей сводов, компиляторов, редакторов текста — также не доходило до читателей, воспринимавших каждое произведение как создание цельное и законченное.

Читательское восприятие произведения отличается от научного тем, что в читательском восприятии автору оказывается полное доверие, автор ведет читателя по своей «последней авторской воле», — в научном же восприятии изучается реальный творческий процесс, текстолог пытается освободиться из-под гипноза

[42] Об этом см. подробнее выше и статью: Д. Лихачев. Кризис современной зарубежной механистической текстологии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1951, т. XX, вып. 4.

[43] То же постепенное превращение источниковедения в широкую историческую науку, а источниковедов в историков в собственном смысле этого слова отмечают и иностранные ученые. В заключении своей статьи, как один из ее выводов, А. Ларгиадер пишет: «Мы становимся из дипломатистов историками; исключительно формальное отношение к материалу по рецептам дипломатики, хотя и оставалось естественной предпосылкой всех наших работ, все более перерастало в выходящее за пределы только издательских целей изучение всего актового материала: мы стали, так сказать, из дипломатистов историками» (A. Largiadèr. Neuere Richtungen im Bereiche der Historischen Hilfswissenschaften. — Schweizer Beiträge zur Allgemeinen Geschichte. Bern, 1954, Bd 12, S. 194).

«авторской воли» и восстановить историю текста из-под навязываемого ему автором его последнего результата. Исследователь стремится установить все этапы истории текста, и не только установить, но и объяснить их появление.[44]

До той поры пока мы знаем памятник только в его последнем варианте и лишены возможности проследить движение текста, соотнести текст с явлениями личного развития автора и историческими фактами в целом — наша интерпретация памятника всегда может быть субъективной, подчиненной автору и нашим собственным способам восприятия. Только изучив текст в его движении (самостоятельном, соотнесенном с развитием автора, редакторов, переписчиков, с движением истории литературы и истории и т. д.), мы получаем объективные данные для суждения о нем, о его замысле, художественных тенденциях, идеологии, отразившейся в нем, и т. д. Без изучения истории текста, истории создания произведения мы не можем даже научно понять «последнюю волю автора».

Повторяем: текстология — основа истории литературы. История текста отдельного памятника в конечном счете дает огромный первичный материал для истории литературы в целом.

С. М. Бонди подчеркивает значение изучения истории текста произведения в текстологии. В статье «О чтении рукописей Пушкина» С. М. Бонди пишет: «Прежде всего может быть поставлен вопрос — для чего производится чтение рукописи, что хочет получить текстолог в результате этого чтения: окончательный ли текст документа для публикации или же варианты текста, т. е. зачеркнутые или вообще отмененные в процессе работы куски текста, или, наконец, его интересует самый процесс работы, последовательность истории создания данной рукописи? Первые два случая, в сущности, однородны: в обоих мы ищем только текста, связных фраз или изолированных отрывков, отдельных слов; нас интересуют самые слова, их содержание (или форма), независимо от истории их появления и уничтожения, между тем как в последнем случае именно этот вопрос является основным. Итак, мы можем, в сущности, различать всего два случая: поиски текста (окончательного или вариантов) и исследование процесса работы автора над текстом».[45]

Несколько далее С. М. Бонди заявляет: «Можно было бы сказать, что изучение процесса создания рукописи, т. е. история

[44] Б. В. Томашевский писал: «Каждая стадия поэтического творчества есть сама по себе поэтический факт. Каждая редакция стихотворения отражает замысел поэта. Наличие различных, разновременных „исправлений" (вернее — «изменений») свидетельствует об художественной изменчивости поэта. . . Для науки нужны все редакции и все стадии творчества» (Б. В. Томашевский. Новое о Пушкине. — Альманах «Литературная мысль», 1. Пг., 1922, с. 172).

[45] С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина. — Изв. АН СССР, ООН, 1937, № 2—3, с. 571.

создания произведения как специфическая задача, в сущности, выходит за пределы задач текстолога как такового; это совершенно особая, отдельная проблема, относящаяся к психологии творчества или т. п.; речь в текстологии должна идти о другом: о том, чтобы правильно и полно прочесть текст рукописи и при этом понять его, чтобы этим пониманием гарантировать себя от возможных ошибок чтения. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что, даже ставя себе задачу лишь прочесть текст рукописи, все-таки совершенно невозможно отойти от проблемы истории создания рукописи. Наоборот, как будет показано дальше, обращение к этому вопросу в большинстве случаев совершенно обязательно».[46]

Положение С. М. Бонди может быть подкреплено многочисленными соображениями на материале древнерусской литературы. Правильность его здесь особенно бесспорна. Проблема восстановления движения текста произведений обстоятельно рассматривается Б. В. Томашевским в книге «Писатель и книга» в главе «История текста и история литературы».[47]

Отмечая, что история текста восстанавливает творческий процесс, вскрывает элементы движения в тексте, изучает произведение как становящееся, Б. В. Томашевский пишет: «. . . историк литературы должен видеть в отдельном произведении не только его статическую форму (понимая это слово в широком значении), не только замкнутую в себе законченную систему — он должен примышлять и угадывать в произведении следы движения».[48] Говоря о различии наблюдений механика над совершающимся в настоящем времени движением и наблюдениями историка литературы над уже совершившимся в прошлом движением, Б. В. Томашевский отмечает: «Но ведь механик имеет возможность созерцать движение. Не довольствуясь двумя крайними положениями тела, он может наблюсти сколько угодно средних положений, т. е. он может „интерполировать“ путем непосредственного наблюдения. Предметы изучения историка литературы являются оторванными друг от друга следами движения, отдельными „точками“, между которыми трудно „интерполировать“, трудно найти связывающие звенья, и поэтому трудно расположить линии эволюции, проходящие через эти точки. Вот эта чрезвычайная статичность литературных произведений как предметов наблюдения заставляла историков литературы постоянно искать методов, позволявших или умножить число предметов наблюдения («интерполировать») путем, например, изучения массовой литературы, „младшей“, дающей гораздо более широкий материал для сближения или сопоставлений, или в самих стати-

[46] Там же, с. 572—573.
[47] Б. В. Томашевский. Писатель и книга, с. 144—153.
[48] Там же, с. 147.

ческих объектах вскрывать элементы динамики и кинематики. История создания и работы над произведением именно и дает этот материал. При изучении текста вскрывается уже не статическое явление, а литературный процесс его выработки и становления. Изучая замысел поэта, мы часто вскрываем связи, на первый взгляд неясные, между различными произведениями одного автора. Изучая его незавершенные планы и черновики, мы часто находим те недостающие звенья эволюционной цепи, которые позволяют нам „интерполировать", заполнять промежутки между отдельными объектами наблюдения».[49]

Все, что здесь сказано Б. В. Томашевским об истории текста произведений новой литературы, в еще большей мере касается произведений литературы древней, где история текста произведения не кончается в пределах творческих исканий одного автора, а захватывает творчество многих авторов, многих поколений редакторов и переписчиков текста, занимая иногда несколько столетий.

*

Свою школу текстологов создал в свое время акад. В. Н. Перетц. Ему же принадлежит единственное для дореволюционной науки краткое руководство по текстологии.[50] Замечательной особенностью текстологической школы акад. В. Н. Перетца явилось требование изучать «литературную историю» памятника. В. Н. Перетц писал: «Для историка литературы важно путем изучения списков не только установить архетип памятника, но, проделав обратный путь, сравнивая архетип с вышедшими из него редакциями, — обнаружить судьбу памятника в зависимости от изменения вкусов и литературных интересов среды, в которых он вращался и подвергался новым обработкам».[51] В. Н. Перетц отмечает, что стеммы списков важны не только для восстановления первоначального вида памятника, «но и для установления его литературной истории, которая для историка русской литературы имеет особо важное значение».[52]

Указания В. Н. Перетца относительно необходимости изучать «литературную историю памятников» практически осуществля-

[49] Там же, с. 147—148.

[50] В. Н. Перетц. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучения. Методы. Источники. Корректурное издание на правах рукописи. Киев, 1914, с. 233—340 (§ 30. Источники. Евристика. Описание рукописей; § 31. Издание; § 32. Критика текстов. Типы ошибок; § 33. Приемы критики текста; § 34. Изучение переводных памятников; § 35. Датировка памятника и определение его автора; § 36. Вопрос о подделке памятников; § 37. Приемы филологического метода; § 38. Итоги. Примерный путь исследования).

[51] Там же, с. 338.

[52] Там же, с. 337. (Разрядка моя, — *Д. Л.*).

лись в целом ряде работ, вышедших из-под пера его самого и его многочисленных учеников.

Сходную идею высказал и Н. К. Пиксанов. В изучении новой русской литературы Н. К. Пиксанов предложил исследовать «творческую историю» произведения, заменив этим понятием более широкое понятие «литературной истории», предложенное В. Н. Перетцем. Н. К. Пиксанов указал, что творческая история памятника дает основной материал для его понимания.[53]

Но Н. К. Пиксанов объявил эту творческую теорию телеологической, целеустремленной, направляемой всегда единой волей автора. Н. К. Пиксанов пишет: «Признается, что художественные средства подчиняются поэтом художественному заданию, которое осуществляется художественным приемом или стилем. Понятие приема признается понятием телеологическим. Таким образом, для поэтики, кроме дескрипции и классификации, выдвигается третья задача: выявлять в нутреннюю телеологию или мотивацию поэтических средств и их конечного результата, поэтического произведения. Для теоретиков поэзии привычно применить и здесь тот же прием, что и в описании и классификации, т. е. статарное изучение печатного, дефинитивного поэтического текста. Несомненно, что пристальное изучение такого текста, соотнесение его с другими произведениями того же автора, перекличка одинаковых примет и приемов на всем протяжении творчества поэта — все это может дать основания для угадывания художественной телеологии, для ее реконструкции исследователем. Но этот прием недостаточен, гадателен и сильно окрашен субъективностью. Случается, что поэт сам раскрыл свой замысел: в воспоминаниях, дневниках или признаниях современникам. Но это бывает редко, эпизодично, в большинстве случаев таких показаний нет, или они сами нуждаются в комментариях, как заявления Гоголя о „Ревизоре“; иногда же художник ревниво скрывает доказательства своих творческих процессов. У нас есть иной, надежный способ обнажения художественной телеологии: изучение текстуальной и творческой истории произведения по рукописным и печатным текстам».[54]

Возражая Н. К. Пиксанову, Б. В. Томашевский правильно писал: «В первую очередь такая постановка вопроса предполагает как основную предпосылку неизменность авторского намерения на всем протяжении создания произведения. Между тем этого как раз и нет. Самый материал творчества иной раз подсказывает новые художественные эффекты и заставляет автора изменить задание».[55]

---

[53] Н. К. Пиксанов. Новый путь литературной науки. Изучение творческой истории шедевра (принципы и методы). — Искусство, 1923, № 1.

[54] Там же, с. 103—104.

[55] Б. В. Томашевский. Писатель и книга, с. 150.

Далее Б. В. Томашевский приводит известный пример изменения замысла произведения в процессе его создания: в творческой истории «Евгения Онегина».

Вместе с тем Б. В. Томашевский делает тонкое наблюдение: «Внутренняя целеустремленность (телеология) художественного приема далеко не то, что личное намерение автора».[56] Б. В. Томашевский пишет: «Целесообразность написанного не укладывается в рамки индивидуально-психологического анализа намерений писателей. Все писатели хорошо знают, что не всегда выходит то, что задумано. Писателя от неписателя отличает вовсе не способность „задаться", а способность воплотить задание, его выразить».[57] Но то, что пишет Б. В. Томашевский далее, правильно только отчасти: «Поэтому, — пишет Б. В. Томашевский, — вовсе не намерение автора и вовсе не тот путь, которым автор дошел до создания произведения, дают ему смысл. Здесь так же не важна индивидуальная психология автора, как и индивидуальная психология случайного читателя. Важно произведение как оно вышло, и его внутренняя целеустремленность познается в анализе того, что внушает это произведение идеальному читателю, т. е. обладающему всем, что необходимо для полного понимания. Произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты. Автор во многих отношениях является только орудием. В своем произведении он часто берет уже готовый материал, данный ему литературной традицией, и неизменно вдвигает его в свое произведение и лишь вокруг него творит свое, индивидуальное, т. е. характерное для него как для некоторой художественной личности. Внутренняя телеология такого перенесенного приема иной раз определяется совершенно помимо намерения автора».[58]

Обобщая все сказанное, Б. В. Томашевский замечает далее: «Важно не то, куда целит автор, а куда он попадает».[59]

В противоположность Б. В. Томашевскому я считаю, что важно и то и другое: без первого, т. е. без изучения намерений автора (пусть меняющихся) нельзя понять второе, т. е. творческий результат. Конечно, изучение одних намерений не может дать полного объяснения творческого результата, надо изучать еще и «эпоху», но нельзя согласиться с утверждением Б. В. Томашевского, что «произведение создает не один человек, а эпоха».[60] Эпоха помимо человека ничего создать не может, эпоха действует через человека и его намерения, при этом на одних она влияет по-одному, а на других — по-другому, ибо само положение человека в эпохе различно. Не будем вдаваться в изложение общеиз-

---

[56] Там же, с. 151.
[57] Там же, с. 151—152.
[58] Там же, с. 152.
[59] Там же.
[60] Там же.

вестных истин. Скажем только, что отрицать целесообразность изучения «творческой истории» только на том основании, что намерения творца меняются в процессе этой творческой истории или что помимо намерений творца имеет значение и эпоха, — нет никаких оснований. Разумеется, история текста произведения должна включать в себя изучение истории целей автора и их изменений, а история целей автора должна строиться с учетом влияния идеологии автора.

И тем не менее понятие «творческой истории», как мне кажется, не должно заменять понятия истории текста. Дело в том, что история создания того или иного произведения включает в себя почти во всех случаях совсем не творческие моменты — давление цензуры, давление издателя, гонорарные соображения и различного рода случайности: пропажу рукописи, ошибки памяти, описки, механические пропуски и пр. Ни один автор не избавлен от вторжения в свой творческий процесс отнюдь не творческих моментов, и исследователь обязан изучать как творческие, так и нетворческие моменты истории текста произведения. Для того чтобы понять, «куда попал автор», надо изучать и то, как он целился, и то, каким было его «ружье», и всю сумму обстоятельств, оказавших воздействие на «полет пули».

К древней русской литературе понятие «творческой истории» применимо еще меньше, — и не только потому, что доля различного рода случайностей здесь возрастает бесконечно, но и потому, что у одного и того же произведения зачастую оказывается несколько авторов, а соавторами оказываются почти все переписчики. Но тем значительнее, тем важнее для изучения становится история текста произведения, ибо для правильного понимания идейного и художественного содержания произведения изучение элементов случайности иногда не менее важно, чем изучение творческих намерений.

Итак, для древней русской литературы изучение истории текста произведения еще важнее, чем для литературы новой.

Вот почему нельзя признать правильным, особенно для древней русской литературы, отрицание права истории текста считаться отдельной научной дисциплиной, выведенное Б. В. Томашевским из его положения: «Важно не то, куда целит автор, а куда он попадает».

История текста произведения охватывает все вопросы изучения данного произведения. Только полное (или по возможности полное) изучение всех вопросов, связанных с произведением, может по-настоящему раскрыть нам историю текста произведения. Вместе с тем только история текста раскрывает нам произведение во всей его полноте. История текста произведения есть изучение произведения в аспекте его истории. Это исторический взгляд на произведение, изучение его в динамике, а не в статике. Произведение немыслимо вне его текста, а текст произведения

не может быть изучен вне его истории. На основе истории текста произведений строятся история творчества данного писателя и история текста произведения (устанавливается историческая связь между историями текстов отдельных произведений), а на основе истории текстов и истории творчества писателей строится история литературы. Само собой разумеется, что история литературы далеко не исчерпывается историями текстов отдельных произведений, но они существенны, особенно в литературе древнерусской.

Это — историческая точка зрения, прямо противоположная механистической и статичной, игнорирующей историю и изучающей произведение в его данности. Но надо иметь в виду, что сам по себе исторический подход может допускать различные приемы истолкования текста, творчества, истории литературы.

Можно себе представить литературоведение, пытающееся строить историю литературы на основании изучения истории текста произведений, идущее от частного к общему (индуктивным методом), опирающееся на сознание изменяемости текста, но объясняющее все, исходя из особенностей биографии писателя или из особенностей его психологии (например на основе психоанализа). В какой-то мере история текста произведений может служить для такого литературоведения основой, но это литературоведение будет бессильно построить историю литературы. Исторический подход неизбежно изменит этому литературоведению. Только литературоведение, опирающееся на понимание творчества писателя как исторически обусловленного, способно дать первичное объяснение истории текста. Изучение же истории текста вне его объяснений невозможно. Нельзя изучать историю текста «летописно», регистрируя лишь изменения. Этот подход к тексту будет также по существу антиисторичен, как и откровенно статический и статистический. История не есть сумма фактов, а история текста не есть сумма вариантов текста.

*

Итак, история текста произведения не может сводиться к простой регистрации изменений. Изменения текста должны быть объяснены. При этом регистрация изменений текста и их объяснение — не два различные этапа исследования, а один взаимосвязанный ряд. Факты без их объяснения — не факты. Теоретически регистрация фактов должна, казалось бы, предшествовать их объяснению, но в практической работе текстолога регистрация и объяснение идут параллельно, так как увидеть факт часто бывает возможно только под определенным углом зрения, — в свете его объяснения. Всякий взгляд, открывающий факт, открывает его с определенной точки зрения. Рассеянного зрения не существует. Факт отражения в тексте той или иной идеологии мо-

жет быть вскрыт только тогда, когда мы уже в известных пределах знакомы с этой идеологией. Факт отражения в памятнике классовой борьбы может быть вскрыт только тогда, когда исследователь знаком с тем, что представляет собой классовая борьба на данном этапе исторического развития. И т. д.

Изучая внешнюю сторону факта во всех ее деталях, мы подготовляем конкретное его объяснение, и оно будет тем конкретнее, чем детальнее зафиксирован факт, но, с другой стороны, само объяснение факта позволяет глубже заглянуть во все детали факта. Текстолог—следопыт. Он должен стремиться как можно детальнее видеть факт, принимая во внимание каждую мелочь в свете возможного ее объяснения. В текстологии вполне применимо правило всякой расследовательской деятельности: «Чем бессмысленнее и смешнее инцидент, тем старательнее надо его исследовать. И то обстоятельство, которое кажется осложняющим дело, — иногда бросает на все яркое освещение, если его разобрать и обработать».[61]

Когда мы говорим об объяснении фактов изменения текста произведения, мы не должны предполагать, что существует узко текстологическое объяснение этих фактов и что речь идет именно об этом узко текстологическом объяснении.

Объяснения берутся из всех областей науки, изучающей деятельность человека. Эти объяснения могут быть историческими, литературоведческими, психологическими, могут быть связанными с историей общественных идей и историей техники (техники письма, переплета, книгопечатания, распространения книг и пр.), с историей общественных формаций и историей искусств и т. д.

Исследование текстов памятников древнерусской литературы ясно показывает, что нельзя вести текстологическое изучение без отчетливого представления о литературной стороне памятника — о его жанре, стиле, идейной стороне, целях, для которых создавался памятник или его редакции, художественном методе его создателей и пр., и пр.

История памятника, воспринимаемая в этом широком аспекте, выступает перед нами как история людей, его создававших, как отражение истории всего общества.

Чтобы восстанавливать историю текста памятников, текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а часто и историком искусства. Текстология требует на современном этапе ее развития всесторонних знаний, и в этом ее исключительная трудность.

Конкретная жизнь памятника не может быть вскрыта механическими схемами и подсчетами, поэтому, чтобы полностью восстановить историю текста, надо войти в историческую обстановку, детально знать исторические события, детально знать факты клас-

---

[61] А. Конан-Дойль. Баскервильская собака. Пг., 1916, с. 162.

совой и в особенности внутриклассовой борьбы. Последняя особенно важна в древнерусской литературе (поскольку литературные памятники Древней Руси XI—XVI вв. по большей части живут среди одного только класса — феодалов; только в XVII в. начинается массовый «выход» литературы за пределы класса феодалов).[62] Текстолог должен вникнуть в психологию переписчика, ясно понимать причины ошибок писца, но в еще большей мере он должен знать его идейный строй, его идеологию, идеологию «заказчика» рукописи и т. д.

На всем пути истории текста произведения стоят люди с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен для нас автор (если он, конечно, есть), но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие влияние на судьбу текста, а за этими людьми стоят, в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу памятника.

Само собой разумеется, что полное восстановление истории текста памятника, распространенного в свое время во многих списках, по большей части невозможно, поскольку нельзя быть уверенным, что нам известны все его списки и точно восстановлены все недошедшие до нас этапы его развития, но это не исключает необходимости в научном исследовании стремиться к восстановлению именно полной и конкретной истории памятника — как максимальной задачи текстолога.

Хорошо сформулированы были задачи текстолога, работающего над рукописями автора нового времени, С. М. Бонди в его статье «О чтении рукописей Пушкина». С. М. Бонди пишет, что главная задача текстолога «все понять в рукописи, осмыслить ее форму». Работая над рукописями автора, мы «повторяем вслед за автором весь ход его работы, воспроизводим в своем сознании все варианты, придуманные автором (и отброшенные им), и именно в той последовательности, в которой они придумывались и отбрасывались, для нас становится яснее смысл всех его поправок, мы начинаем как бы изнутри видеть весь текст, понимая его в его становлении, и потому это понимание легко подсказывает нам и расшифровку вовсе неразборчивого слова, и простое и естественное заполнение недописанного второпях автором».[63]

С. М. Бонди пишет применительно к черновикам Пушкина: «. . . задача текстолога, читающего рукопись, в том случае, если перед ним беловик, — просто прочесть его текст (или два текста, если беловик переправленный); если же черновик — то развернуть

---

[62] См.: В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Подгот. текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954.

[63] С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина, с. 585.

его во времени, найти последовательность в создании и уничтожении его текста и установить тот текст, на котором остановилась работа автора в данной рукописи».[64]

«Последовательность работы текстолога должна быть такая: сначала он должен установить историю создания текста на черновике, а затем уже на основании этой истории (поскольку ее возможно установить) прийти к последнему тексту и взять его за основной (если он законченный) или одну из более ранних стадий (законченную), если последние поправки в рукописи не доведены до конца».[65]

Как видим, и при изучении черновиков писателя основное — это изучение истории текста. Выбор же текста для издания — это дело второе (но, может быть, не по важности для издания), и этот выбор может быть мотивирован по-разному. То это текст последний в данном творческом процессе, то первый. Мы можем руководствоваться «последней волей автора», «последней творческой волей автора» (что не одно и тоже), «последней волей автора» при создании данного произведения, в данном черновике, или, наоборот, первой волей автора (если последняя в черновике не дает законченного текста). В случае переработок произведения автором их спустя некоторое время (под влиянием других, изменившихся его представлений, другого мировоззрения — например, выработавшегося в эмиграции), в случаях переработок его произведений посторонним лицом, с которыми он вынужден был согласиться или согласился по создавшемуся у автора безразличию к своему произведению, — мы можем не согласиться с последним вариантом произведения, пренебречь им. Одним словом — все зависит (и в выборе текста) от изучения творческой и нетворческой (включающей случайные причины) истории текста.

Таким образом, история текста произведения диктует нам выбор текста для издания. При этом мы можем заметить одно принципиально важное различие между выбором текста средневекового произведения и выбором текста автора нового времени, вернее — между произведением личностного творчества и произведением коллективного средневекового творчества.

Если до нас дошли авторские рукописи и варианты произведения, — мы обязаны в первую очередь считаться с этими авторскими текстами, выбирать текст для издания среди них, предварительно изучив по возможности (в доступных исследователю пределах) историю авторского прижизненного текста.

Если до нас (как это бывает в средние века) текст изменялся многими десятилетиями и столетиями, а авторский текст неизвестен, то мы обязаны выбирать текст среди многих древнейших и последующих, иногда предлагая читателям несколько текстов

---

[64] С. М. Бонди. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 гг. Изд. 2-е. М., 1978, с. 157.
[65] Там же.

одновременно: и первую редакцию (или то, что мы будем считать первой), и последующие. Причем первая редакция — не обязательно авторская, а архетип дошедших до нас редакций или одной какой-либо редакции — не обязательно «первый текст». Все дошедшие до нас тексты средневекового произведения могут восходить к одному архетипу, но этот гипотетически восстанавливаемый текстологом архетип — не обязательно первый текст данной редакции, не обязательно авторский текст. Все списки могут восходить по разным причинам ко вторичному тексту, и его мы все же будем считать архетипом.

Даже установив наличие древнейших текстов, мы не всегда обязаны считать этот текст «лучшим». Так, например, было с текстами Повестей о Николе Заразском. Повесть эта возникла где-то в конце XIII в., а затем изменялась и росла. Лучший свой вид эта повесть в результате коллективного творчества многих авторов приобрела на грани XIV и XV вв., когда в нее были включены и плач Ингваря Ингваревича, и рассказ о Евпатии Коловрате. Для широкого читателя следует издавать именно этот относительно поздний, дошедший до нас в рукописях XVI—XVII вв., а отнюдь не авторский вариант. Такого случая не бывает в новое время, с произведениями литературы XVIII—XIX вв. Однако в средние века бывают случаи, когда мы обязаны стремиться давать читателю именно авторские тексты (тексты Максима Грека, Ивана Грозного, Аввакума, Симеона Полоцкого и пр.), а не их переработки.

Задача текстолога заключается в том, чтобы по возможности во всех деталях воспроизвести ход работы автора над произведением, восстановить в воображении весь творческий процесс. Эта сложная задача, выдвигаемая по отношению к текстологическим исследованиям произведений нового времени, становится еще более сложной по отношению к произведениям русского средневековья, где был не один автор произведения, где «творческий процесс», в котором участвовали редакторы, переписчики и читатели, дополнявшие текст своими поправками, и который был осложнен случайными обстоятельствами (утратами и искажениями), длился иногда многие столетия. Текстолог, изучающий средневековые произведения, обязан с возможно большей конкретностью понять историю текста произведения, его редакции.

Текстолог древнерусских литературных произведений обязан пройти по следам всей истории текста, воспроизвести в своем воображении (но не фантазии) по возможности весь ход его переработок.

*

Мы уже коснулись выше вопроса о различиях между текстологией древнерусских литературных произведений и текстологией новых. Эти различия связаны с различием самого материала изучения.

История текста литературного произведения нового времени изучается главным образом на материале черновиков. Черновики представляют нам текст в процессе его создания, они закрепляют отдельные точки движения текста. Черновик — это рукопись, создаваемая в процессе работы [66] и отражающая иногда несколько этапов в движении текста. Этим чрезвычайно облегчается изучение процесса создания произведения.

Древнерусские литературные произведения представлены почти только беловиками,[67] т. е. рукописями с законченным текстом, — предназначенные для чтения, они отражают конечный результат работы. Этих конечных результатов иногда по тому или иному произведению могут быть сотни. Перед нами, следовательно, не сплошная линия развития произведения, а как бы пунктирная с гораздо большими расстояниями между отдельными точками, чем в черновых вариантах произведений нового времени.

Древнерусская рукопись, как беловик в отличие от черновиков, сохранившихся от писателей нового времени, есть в гораздо большей степени «документ статический» (пользуюсь выражением С. М. Бонди).

Древнерусская рукопись по большей части представляет один текст, и только в том редком случае, когда она правлена самим писцом или кем-то другим, мы можем предполагать в ней два и больше текстов. Но зато древнерусское произведение изменяется в дальнейшем — при переписке, редактировании, переделке, включении в своды и компиляции.

В литературе нового времени история текста произведения — это история его создания автором. В литературе древней авторский текст, по-видимому, создавался так же, как и в новой, но материалов от процесса авторской работы в ней не сохранялось. Зато история текста не ограничивалась авторской стадией; произведение продолжало твориться и после того, как оно вышло из-под пера автора. Древнерусское творчество было по преимуществу коллективным, и оно часто длилось десятки и сотни лет.

Если история текста литературного произведения нового времени после смерти автора сводится по преимуществу к истории его печатных воспроизведений, в которых изрядную долю занимают простые искажения, то в литературе древней наиболее распространенные тексты были как раз не авторскими, а созданными в последующее время.

Текстолога, занимающегося русской литературой нового времени, в подавляющем большинстве случаев интересуют в первую очередь рукописи самого автора и только прижизненные издания его сочинений; все остальные рукописи и издания изучаемого им

---

[66] См. об этом: там же, с. 573.

[67] Черновики в древнерусской письменности сохранились только от деловых документов и от произведений XVII в. (например, Аввакума).

произведения будут его интересовать постольку, поскольку они отражают этот первопечатный авторский текст или один из его вариантов и поскольку в них можно угадать «авторскую волю».[68]

Текстолога-медиевиста интересует вся литературная история изучаемого памятника, от его зарождения и до того времени, пока он перестает читаться и переписываться. Эта литературная история памятника обнимает иногда много столетий (есть памятники, которые читались и переписывались в течение полутысячелетия, например: жития Бориса и Глеба, Киево-Печерский патерик и т. д.). Авторский же текст в подавляющем большинстве случаев для медиевиста недоступен и невосстановим.

В процессе своего бытования памятники древней русской литературы бесконечное количество раз переписывались, переделывались, сокращались или разрастались вставками, осложнялись заимствованиями, вступали в состав компиляций, перерабатывались стилистически и идейно. Некоторые из памятников почти забывались, потом снова вызывали читательский интерес после значительных перерывов, перерабатывались и становились особенно распространенными именно в этих переделках, а отнюдь не в «авторском» тексте. Вся эта жизнь памятника не может не интересовать литературоведа-медиевиста, поскольку она отражает историю идеологии, литературных вкусов, характеризует действенное значение памятника, а иногда как бы в миниатюре рисует историко-литературный процесс за несколько столетий. Текстологу-медиевисту приходится иметь дело с десятками, а иногда и сотнями рукописей изучаемого произведения, предполагать существование в прошлом исчезнувших впоследствии отдельных списков памятника, а очень часто и целых его редакций. Ясно, что текстолог-медиевист в основном стоит лицом к лицу с иными задачами, чем текстолог, занимающийся литературой нового времени.

Необходимо, однако, отметить, что почти все текстологические особенности литературы древней могут иметь место и в литературе новой. Различие главным образом в том, что некоторые явления жизни текста преобладают в литературе древней, а другие — в новой.

В самом деле, история литературы XVIII и XIX вв. также знает случаи, когда произведение подвергается многочисленным переделкам уже после смерти автора — в руках редакторов. Интересный пример приводит П. Н. Берков в статье «К истории текста „Громвала" Г. П. Каменева».[69] «Громвал» несколько раз переделывался его издателями, стремившимися приноровить его

[68] См. тезисы доклада В. С. Нечаевой «Установление канонических текстов литературных произведений» (Совещание по вопросам текстологии. Тезисы докладов. М., 1954).

[69] Изв. АН СССР, ООН, 1934, № 1.

к новым эстетическим требованиям. Среди последних редакций этого произведения была и «переделка» В. А. Жуковского.

Приведу примеры «жизни» текста литературных произведений нового времени, продолжавшейся за пределами авторского творчества. Вот, например, некоторые сведения к истории текста романа Фурманова «Чапаев». Первый (наборный) экземпляр рукописи не сохранился, не сохранились и корректуры первого издания романа (1923 г.). Сравнение же второго экземпляра машинописи авторского текста, почти не правленного самим Фурмановым, но по его санкции подписанного к печати его редактором П. Н. Лепешинским, и печатного текста показывает, что ряд явных искажений, допущенных машинисткой (вплоть до случайного пропуска целой страницы рукописи!), не был замечен ни автором, ни редактором и перешел во все последующие издания. Но главное, в связи с отличиями печатного текста и от рукописи, и от второго экземпляра машинописи, теперь невозможно установить применительно ко всем разночтениям, кто исправлял и сокращал текст — Дм. Фурманов или редактор П. Н. Лепешинский. Правда, есть запись Фурманова в его дневнике под 16 февраля 1923 г., что П. Н. Лепешинский вычеркнул два определенных эпизода, но кто изъял другие важные части, например, эпизод с дифирамбом Фрунзе или большое и яркое посвящение романа героям Гражданской войны, — пока неизвестно.

Другой случай «послеавторской» жизни текста с тем же романом Дм. Фурманова. Фурманов, подготовляя четвертое издание «Чапаева» (оно вышло уже после смерти автора — в 1926 г.), сделал важное примечание: «У живых — имена чужие, у погибших — свои»). Вдова Дм. Фурманова в шестом издании «Чапаева» (1928 г.) нарушила это правило автора и, сохранив нетронутым примечание Дм. Фурманова (оно было впервые снято лишь в издании 1936 г.), самовольно исправила ряд «живых имен», в том числе и «Зоя Павловна» (т. е. свое собственное имя и отчество) с сноской-примечанием: «Жена Дмитрия Фурманова». Однако имя Клычкова она сохранила в романе, ограничившись лишь сноской-примечанием: «Дмитрий Фурманов».[70]

Тем не менее количественное различие между литературой древней и новой в отношении типов изменения текста, преобладание в древней литературе последующих изменений текста над доступными для наблюдения авторскими — создают значительное различие в удельном весе текстологических исследований «послежизненных» текстов. В литературе древней они занимают исклю-

---

[70] Сведения взяты из статьи: Е. И. Прохоров. «Чапаев» Д. А. Фурманова. (История текста романа). — В кн.: Текстология произведений советской литературы. Вопросы текстологии, вып. 4. М., 1967, с. 13—79. — В том же издании много и других примеров «жизни» текста произведений после смерти их авторов. Примеры указаны мне А. Л. Гришуниным.

чительно большое место и имеют громадное историко-литературное значение.

Талантливый, рано умерший исследователь древней русской литературы А. Д. Седельников писал: «. . . для древней русской литературы создавалась методология своеобразная, с перенесением зачастую центра тяжести исследования в область предварительных работ. Насколько историк новой русской литературы способен уклоняться в критику от своей прямой исследовательской задачи, что объясняется близостью, созвучностью материала ему самому, настолько же понятно, если в историке древней литературы доминирует, и иногда слишком доминирует, филолог. Перед историком древней литературы стоят ранее остального вопросы, отсутствующие обыкновенно, потому что тут они редко сохраняют характер „вопросов", при исследованиях в области новой литературы: о первоначальном тексте памятника, о времени и месте его возникновения, и т. п. Взамен возможности сразу с помощью заявления автора, или его окружающих, или вообще современников определить основную редакцию, приходится, при наличии нескольких, искать ее; при недостатке же материала для сопоставлений — довольствоваться внутренним анализом того, что дошло более или менее случайно. Если имеется заявление автора, оно еще подлежит сначала критической оценке, причем опять работа над текстуальными признаками выдвигается на первый план. По отношению к времени памятника остаются в силе те же, подчас весьма косвенные, соображения, хронологизация нередко расплывается на целое столетие, базируясь, тоже нередко, на чертах языка, далеко не всегда ярко выраженных в силу подверженности подновлению при переписках. Древность языка, которая служит, казалось бы, прочным методологическим ручательством (язык могли подновлять, но архаизировать не было, по-видимому, ни смысла, ни тем более уменья), оказывается подчас коварной, так как может принадлежать древним источникам автора, а не автору: при манере компилировать большими купюрами эта древность языка может охватывать памятник весь или почти весь. Даже присутствие имени русского автора, встречаясь на общем анонимно-псевдонимном поле зрения, не только не спасает непременно от ошибки, но самостоятельно способно вызвать ошибку. До какой степени оно гипнотизирует, в смысле желания использовать имя, отвести памятнику определенное историческое место, видно из тех случаев, когда именем, известным по другому памятнику, пользуются для того, чтобы тому же автору усвоить еще какой-либо, сомнительный».[71]

---

[71] А. Д. Седельников. Несколько проблем по изучению древней русской литературы. Методологические наблюдения. — Slavia, 1929, roč. VIII, seš. 3.

*

Требования, предъявляемые в настоящее время советской медиевистикой к текстологическому изучению рукописей, исходят из особенностей средневековой рукописной традиции. Они учитывают характер бытования рукописей, особенности их переписки и переработок в Древней Руси.

За каждым произведением и за каждой рукописью исследователь обязан видеть жизнь, их породившую, обязан видеть реальных людей: авторов и соавторов, переписчиков, переделывателей, составителей летописных сводов. Исследователь обязан вскрывать их намерения, явные, а иногда и «тайные», учитывать их психологию, их идеи, их представления о литературе и литературном языке, о жанре переписываемых ими произведений и т. д.

Текстолог обязан быть историком в самом широком смысле этого слова и историком текста в особенности. Ни в коем случае нельзя делать практических выводов (для издания текста, для его реконструкции, для классификации его списков и т. д.) раньше, чем не исчерпаны все возможности для установления конкретной картины того, как текст реально изменялся, кем изменялся и для чего, в каких исторических условиях создавался авторский текст и производились его переработки последующими редакторами.

Исторический подход к вопросам текстологии отнюдь не отменяет необходимости внешней классификации списков, необходимости вычерчивания стемм, но и не служит одним только историческим пояснением к тому, что добыто на основании только внешних признаков. В последнем случае роль исторического подхода к вопросам текстологии ограничивалась бы своеобразной комментаторской задачей, самая же методика текстологической работы, на первом этапе изучения текста во всяком случае, оставалась бы прежней. На самом деле исторический подход должен пронизывать всю методику анализа списков. Изменение и различие в тексте должны учитываться сообразно тому значению, которое они имели, а не по количественному признаку. Различия в результатах обоих подходов бывают очень велики. Так, например, если разделить списки «Сказания о князьях владимирских» по внешним признакам, без анализа происхождения различий, то мы неизбежно придем к выводу, что отдельных редакций «Сказания» выделять не следует, поскольку различия между списками внешне весьма невелики; однако если анализировать историю текста списков «Сказания» в тесной связи с исторической действительностью, в составе всей рукописной традиции, то окажется, что внешне незначительные изменения в списках делят их совершенно отчетливо на две редакции, каждая из которых имела вполне определенную и строго очерченную политическую функцию.[72]

[72] См.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.

Следовательно, исторический подход отнюдь не освобождает текстолога от кропотливого сличения списков, выявления внешних различий, составления генеалогических таблиц (или стемм), но он требует, чтобы работа текстолога этим не ограничивалась. Он налагает на текстолога дополнительные обязанности — постоянно стремиться к конкретному историческому пониманию всего того, что он обнаружил в результате первого, пока что чисто «внешнего» этапа своей работы, и строить свои окончательные выводы, рисуя картину реальной, «объясненной» жизни памятника.

Достичь такого положения, чтобы текстология во всех случаях выясняла те побудительные причины, которые двигали составителями новых редакций памятника, или чтобы во всех случаях удавалось до конца объяснить все движение текста, конечно, непросто. Речь идет только о том, что к этому необходимо стремиться, что текстолог обязан принять все меры к тому, чтобы вскрыть реальное, понятное для нас, исторически объясненное движение текста, а не только построить схему внешнего взаимоотношения редакций и списков, так как эта схема в ряде случаев не только может оказаться недостаточной, но и неверной. Конечно, есть немало случаев, когда из-за недостатка материала приходится ограничиваться и этим или когда на первый план в изменениях текста выступают причины случайные, например: утрата отдельных частей списков, которыми пользовался переписчик, неграмотность писца, технические условия его работы, непонимание им языка оригинала и т. д.

Само собой разумеется, что мы остались бы только в пределах прекраснодушных мечтаний, если бы на помощь такой задаче не пришли бы некоторые методические приемы работы, плодотворность которых все более и более осознается советской текстологией.

*

Превращению текстологии в самостоятельную науку значительно способствовал ряд новых принципов, выдвинутых в свое время лучшими представителями старой русской филологии, занимавшимися изучением наиболее сложных с точки зрения текстологии памятников древнерусской литературы: летописей, хронографов, различных типов палеи и т. д. Издание текстов этих произведений потребовало предварительного изучения многих десятков и сотен списков, потребовало предварительного исследования взаимоотношения отдельных памятников между собою, их сложного компилятивного состава, их политических тенденций, стилистических особенностей и т. д. Стало совершенно ясным, что если издание памятника по одному или немногим спискам могло быть осуществлено без их предварительного всестороннего изучения, то изданию летописей, хронографов, различных типов

палеи и памятников, обычно включаемых в их состав (как, например, «Александрии», отдельных исторических повестей), должно было быть предпослано их полное текстологическое изучение.

Сложность текстологического анализа этих типов произведений потребовала новых методических приемов изучения, оказавшихся особенно плодотворными. В частности, именно на материале летописей и хронографов впервые была осознана мысль, что нельзя изучать отдельные части больших произведений — вне целого, вне сводов, компиляций, сборников. Этот принцип комплексности изучения, в сущности, не был нов — новым было то широкое понимание, которое вложил в него А. А. Шахматов, и та глубина, с которой он осуществил его в своих исследованиях.

Принцип комплексности изучения очень труден для применения, поэтому практически текстологи очень часто его обходили, о нем забывали. И в самом деле, трудность текстологического анализа возрастает с увеличением объема анализируемого произведения почти в квадратной прогрессии. Вот почему текстолог всегда озабочен тем, чтобы отграничить объем изучаемого произведения, и в этом отграничении нередко допускает анализ частей произведения вне целого или изымает произведение из включающего его цикла. Особенно это относится к работам, посвященным летописанию и хронографии. Здесь соблазн заняться одной какой-либо «летописной повестью» вне всего состава включивших ее летописных сводов всегда был особенно велик.

А. А. Шахматов в рецензии на работу И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» основательно доказал полную научную несостоятельность анализа летописных текстов по частям, попыток механически разорвать летописный текст на ряд повестей, статей, сказаний и т. п.[73]

Сам А. А. Шахматов в своей работе текстолога неуклонно проводил свой взгляд на летопись как на цельное произведение, которое ни в коем случае нельзя анализировать по эпизодам. Больше того, А. А. Шахматов убедительно показал, что нельзя исследовать одну какую-либо летопись вне истории всего летописания. Особенно определенно этот взгляд сказался в работах А. А. Шахматова, посвященных «Повести временных лет». В сущности, в центре всей исследовательской работы А. А. Шахматова по летописанию начиная со времени подготовки его к магистерским экзаменам (1887—1890 гг.) и первых пробных лекций (в 1890 г.) стояло одно произведение — «Повесть временных лет». Но даже этот относительно цельный, крупный и самостоятельный памятник А. А. Шахматов никогда не пытался анализировать сам по себе, вне состава включивших его летописных сводов. Вот почему работа А. А. Шахматова над «Повестью временных лет»

[73] Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899.

превратилась в исследование истории русского летописания XI—XV вв., которым он и занимался всю жизнь.

Принцип изучения текста в составе включающего его произведения, в составе цикла и всего рукописного окружения дал особенно плодотворные результаты в последнее время в связи с общим методологическим принципом советской текстологии и советского источниковедения: изучать изменения текста памятников не только по их внешним признакам, но и в связи с изменением содержания памятников — их идейной направленности.

Принципы, примененные А. А. Шахматовым к летописанию, в общем, но только с меньшей последовательностью, применялись В. М. Истриным, К. К. Истоминым и другими к хронографии.

В целом это был определенный этап в развитии текстологических исследований, явившийся огромным шагом вперед в историко-литературных исследованиях.

Методика исследований А. А. Шахматова и В. М. Истрина получила, однако, применение на материале всех видов литературных памятников очень нескоро. Текстологическое изучение житийного материала (например, житий Александра Невского В. Мансиккой),[74] повестей и посланий продолжало производиться еще старыми приемами. Эти старые приемы получили даже, уже после появления основных работ А. А. Шахматова, свое обоснование в небольшой брошюре С. А. Бугославского — «Несколько замечаний к теории и практике критики текста» (Чернигов, 1913).

Методические приемы, которые были введены А. А. Шахматовым и В. М. Истриным, оказались очень плодотворными. Научные традиции именно этой группы ученых были наиболее прогрессивными.[75] Лучшие приемы их исследований были применены к самому разнообразному материалу — не только летописному и хронографическому, но и к повествовательному, к церковно-учительному, к дипломатическому и даже, в самое последнее время, к материалу отнюдь не литературному — актовому.

---

[74] В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913.

[75] Как недоразумение, вызванное, очевидно, недостаточным знанием, можно рассматривать заявление В. И. Стрельского, что А. А. Шахматов «рассматривал документы» «формально, сравнивая родственные списки документов, определяя сумму разночтений, восходящих к протографу сравниваемых списков, и т. д.» (Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Изд. Киевского университета, 1961, с. 52). Перед тем В. И. Стрельский вопреки очевидности заявляет, что «защита неокантианской теории в интерпретации источников ярко проявлялась (разрядка моя, — *Д. Л.*) в работах Н. И. Костомарова, А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского и др.» (там же). Нет никаких намеков в обширном изданном и неизданном наследии А. А. Шахматова на то, что А. А. Шахматов интересовался или был знаком с неокантианством. Что же касается Н. И. Костомарова, то он работал до возникновения неокантианства, только А. С. Лаппо-Данилевский заявлял о своем неокантианстве.

Упомянутые выше приемы получили полную поддержку, нашли себе опору в общих методологических принципах советской науки. Они сыграли большую роль в преодолении механических и формалистических приемов старой методики подготовки текстов к печати, приемов, которые в основном устанавливались «правилами издания» и «инструкциями», а не существом истории текста изучаемого произведения.

Мысль А. А. Шахматова, что нельзя изучать историю текста той или иной части летописи вне всей летописи в целом, а историю текста летописи отрывать от истории летописания, от истории текста связанных с изучаемой летописью других летописных памятников, можно считать полностью себя оправдавшей, приведшей к чрезвычайно ценным результатам и позволившей даже восстанавливать утраченные тексты. Подобно тому как А. А. Шахматов все свои исследования по летописанию концентрировал вокруг «Повести временных лет»,[76] стремясь восстановить историю текста этого памятника,[77] его последователь М. Д. Приселков занимался по преимуществу историей русского летописания XIV—XV вв., создал «Историю русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940), но никогда не упускал из виду основную свою задачу — восстановление утраченного текста сгоревшей в московском пожаре ценнейшей рукописи — Троицкой летописи начала XV в. Эта задача и была им осуществлена после нескольких десятков лет работы. Изданная после его смерти реконструкция «Троицкой летописи» [78] предстала как одно из самых удивительных достижений филологической науки — это почти «чудо», о котором мы и не могли бы мечтать, если бы методика изучения летописных текстов не сделала таких крупных достижений в работах А. А. Шахматова и не была оправдана принципом историзма, на котором зиждется советская текстология последних лет.

В самом деле, принцип целостного изучения рукописной традиции, в которой дошел до нас тот или иной памятник, оказался чрезвычайно важным для советской текстологии с ее стремлением рассматривать историю текста и текстов в тесной связи с историей человеческого общества, видеть в тексте не нечто саморазвивающееся по своим внутренним законам, а проявление человеческой воли, человеческого мировоззрения, истории общества в целом.

История текста — есть прежде всего история создателей этого текста. Текстология как самостоятельная наука, а не сумма при-

---

[76] Даже известное «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» было написано А. А. Шахматовым как исследование, посвященное «Повести временных лет», но сокращено редактором при издании.

[77] Повесть временных лет, т. 1. Пг., 1916.

[78] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950. — Вступительная статья к этому изданию сохранилась в нескольких вариантах. Окончательный текст (тот, что напечатан в издании) был компилятивно составлен мною, — *Д. Л.*

емов к изданию текста, близка литературоведению, не может обходиться без его выводов, требует всестороннего подхода к тексту. Все эти принципы, к которым постепенно практически приходят советские текстологи, по-новому обосновывают и развивают шахматовский принцип целостного изучения рукописной традиции.

Требование изучать своды как единое целое касается не только летописей. Помимо летописных сводов, создавались своды и других произведений.

Огромное большинство литературных произведений дошло до нас не в самостоятельном виде, а в составе сводов — сложных и иногда очень обширных компиляций, которыми увлекались средневековые книжники. Эти компиляции обычно составлялись по какой-нибудь одной крупной теме и подчинялись определенной концепции. Например, Русский хронограф, Еллинский и Римский летописец, Троицкий хронограф, хронографические палеи были посвящены всемирной истории — библейской вместе с греко-римской и византийской. В составе таких компиляций по всемирной истории дошло до нас много переводных произведений: «Александрия», «Житие Константина и Елены», «Сказание о построении Софии Цареградской», «Сказание о Феофиле» и др. В многочисленных компиляциях по русской истории — летописных сводах — дошло до нас огромное большинство тех литературных памятников, которые мы сейчас изучаем отдельно: многие поучения (как «Поучение» Владимира Мономаха), жития (как жития Александра Невского, Дмитрия Донского и мн. др.), исторические повести (их перечисление исчерпало бы список всех исторических повестей до XVI в.), хождения (как «Хождение за три моря» Афанасия Никитина) и т. д. Такими же сводами являются многие патерики, повести одной местности (повести новгородские, муромские и др.), степенные книги, космографии, физиологи, азбуковники и т. д.

Произведения, включенные в состав этих сводов, изменялись в процессе переписки вместе со всем их содержанием.

Современное изучение древнерусских текстов учитывает не только характер бытования текстов в составе сводов, но и в составе сборников. Изменения в изучаемом произведении нередко находят себе соответствие в изменениях, которым подвергаются соседние произведения. Переписчик, переписывая целую группу памятников, изменяет в каком-то определенном направлении все памятники этой группы, вносит и в переписываемые им памятники однородные изменения. Даже ошибки он делает одинаковые. Отсюда ясно, что изучение всего постоянного сопровождения памятника (или, как я его предлагаю называть, «конвоя») позволяет многое понять в его литературной судьбе.

Такая работа по изучению постоянного сопровождения памятника, его «конвоя», по изучению состава сборников, особенно тех,

которые отличаются некоторой устойчивостью, только начинается в науке, но она сулит увлекательные перспективы.

Помимо того что произведения древней русской литературы должны изучаться в составе сводов и в составе сборников, необходимо еще учитывать и литературную традицию, взаимовлияние и постоянные заимствования из одного памятника в другой.

Отсутствие в средневековье современных представлений о литературной собственности и о коллективности творчества сказывалось, между прочим, в постоянном стремлении улучшать одно произведение за счет другого.

Благодаря этой особенности мы имеем свидетельства о существовании памятников, не дошедших до нас, или можем составить представление о древнейшем виде памятника, сохранившегося только в поздних списках.

Вот почему в современном советском литературоведении возникает требование учитывать в текстологической работе над древнерусскими памятниками не только все списки памятников, но и все те тексты, в которых изученный памятник в той или иной форме отразился, а иногда и те памятники, под влиянием которых он находился.

*

Если текстология — наука об истории текста произведений, то какое имеет она отношение к изданию текстов?

Издание текста памятника основывается на его текстологическом изучении. Научное издание памятников практически применяет результаты текстологических исследований. При этом издание текста — только одно из многих практических применений изучения текста. Другие применения могут быть в истории литературы, в историческом источниковедении и т. п.

Выигрывает или проигрывает издание памятников от того, что текстология вышла из непосредственного подчинения эдиционной технике, стала самостоятельной дисциплиной? Несомненно, научное издание памятника от этого только выигрывает.

В самом деле, если текстология имеет своею целью только издание памятника и представляет собою только «систему филологических приемов» к изданию произведения,[79] является «прикладной филологией»,[80] то тем самым изучение истории текста, независимое от задач издания, отодвигается на второй план и затрудняется. Текстология как «система приемов» подчиняется механическим «правилам игры», вырабатывает одни и те же способы подхода к тексту и т. д. Самостоятельное развитие текстологии оказывается так же затруднено, как было затруднено развитие геометрии, когда она отождествлялась с землемерием.

---

[79] Б. В. Томашевский. Писатель и книга, с. 30.
[80] Там же.

В том-то и дело, что издание текста должно основываться не на сумме «филологических приемов», позволяющих легко и единообразно препарировать текст для отправки в типографию, а на всестороннем знакомстве с историей текста произведения. Только тогда, когда история текста изучена и работа по этому изучению закончена, издание текста может прийти к объективным выводам — какой текст издавать и какими приемами.

Безрассудное следование одним и тем же приемам при издании совершенно различных по своему характеру текстов — бич современных изданий. Ни один текстологический принцип, ни одно правило не обладают всеобщностью, кроме единственного правила — соблюдать во всем строгую историчность и учитывать историю текста. Нет изданий, которые должны были бы повторяться по своим принципам: все издания «особенны».

Современная советская текстология борется за объективность и стабильность изданий памятников. Объективность и стабильность изданий текстов не могут быть достигнуты только инструкциями и правилами изданий, хотя для каждого конкретного издания эти правила и инструкции совершенно необходимы.

В самом деле, если в решении вопросов истории текста текстолог должен быть свободен от власти трафарета и механических способов исследования, должен быть готов к «особым случаям», то при издании текста, уже изученного, издатель текста, напротив, должен стремиться к единообразию, должен следовать определенным, строгим и простым правилам издания, но эти правила должны основываться на предварительном научном изучении истории текста.

Раз выбрав и установив для своего издания на основе научного изучения истории текста определенные правила, издатель должен не отклоняться от них и не допускать неоговоренных в особых случаях исключений. При этом чем более просты и строги будут эти правила, тем яснее будет взаимоотношение издаваемого текста и текстов рукописных. Правила — это посредники, устанавливающие строгую и последовательную функциональную зависимость издаваемого текста от рукописных. Если этих правил нет — нет и этой зависимости, функция же должна быть единообразной, чтобы она могла быть воспринята читателем. Точность издания — это в первую очередь точность функциональной зависимости издания от научных данных изучения истории текста в рукописях.

Предположения же, что правила и инструкции сами по себе создают стабильность и объективность изданий — глубоко ошибочны. Подлинная объективность и стабильность достигаются только научным исследованием, на котором уже и должны основываться все правила и инструкции, чтобы быть объективными и стабильными. Если же правила и инструкции не основаны на объективных данных научного изучения истории текста, а на-

вязываются сверху требованиями издательств, редакторов и разного рода редакционных комиссий, исходящих из крайне субъективных «общих представлений», то внешнее единообразие таких изданий очень непрочно. Подобного рода правила и инструкции могут легко меняться. Вот почему превращение текстологии из суммы филологических приемов для издания текста в самостоятельную научную дисциплину, изучающую историю текста, — задача первостепенной важности и для нашей эдиционной практики.

*

Итак, в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы советские текстологи стремятся за внешними особенностями текста отдельных списков найти их историческое (в широком смысле) объяснение. Реальная история текстов — история, понимаемая как история людей, создававших этот текст, а не как имманентное движение списков в их разночтениях, — таково то основное, что привлекает советских текстологов-медиевистов в первую очередь. Один из основных принципов советской текстологии состоит в том, что ни один текстологический факт не может быть использован, пока ему не дано объяснения. Нет текстологических фактов вне их истолкования. С этим связывается и другой принцип: все факты индивидуальны, каждый имеет свое объяснение.[81] Наконец, еще один принцип: принцип комплексности изучения текстологических фактов. Важны не столько отдельные факты, сколько их сочетания, их система. Разночтения списка — это определенная система, учитываемая и объясняемая текстологом в целом, в первую очередь в связи с сознательной деятельностью книжников. История текста произведений изучается комплексно. Она изучается в составе сводов, сборников, в связи с «конвоем» и литературной традицией. Изменения текста совершаются не изолированно, поэтому многое в истории текста произведения находит себе объяснение в его литературном, рукописном окружении и в общих явлениях истории литературы, истории общества.

Для того чтобы отвечать новым задачам, стоящим перед текстологической наукой, текстолог должен быть языковедом, историком литературы, историком, в известной мере психологом, должен обладать знаниями в области истории общественной мысли,

---

[81] Протесты против представления об истории текста как об однообразном накоплении различных искажений раздаются и на Западе. Об этом, в частности, пишет А. Дэн: «Tous les cas sont spéciaux» (A. Dain. Les manuscrits, p. 167). Как всегда, своеобразно формулирует ту же мысль и А. Хаузман: «Писцы знали и заботились о наших вкусах не больше, чем больные заботятся о вкусе докторов; они делали ошибки не одного вида, а всех видов, и лекарства также должны быть всех видов» (A. Housman. Manilius. Oxford, 1937, p. LIV).

знать во всех деталях эпоху, к которой относится его произведение. Чем бо́льшим запасом организованных фактических знаний, касающихся эпохи изучаемого произведения, располагает текстолог, тем у него бо́льшие возможности для различных догадок в области установления истории текста произведения.

В текстологии имеет первостепенное значение широта комбинационного поля творческого воображения текстолога, сближающего между собой весьма обособленные явления, принадлежащие разным сферам истории человеческой жизни.

В дальнейшем будет ясно, насколько прочно текстология связана с «человековедением» и «человековидением» и какую большую роль играет в ней творческое воображение: способность объединять различные стороны человеческой деятельности для создания цельной реальной картины движения текста произведения.

Итак, текстология изучает историю текста произведения; история текста произведения должна пониматься как создание людей — авторов, редакторов, переписчиков, читателей, заказчиков. В таком виде история текста оказывается связанной с историей общества.

В этом последнем пункте методика изучения истории текста произведений, практиковавшаяся А. А. Шахматовым в применении к летописанию, существенно отличается от текстологической методики советских текстологов-медиевистов. А. А. Шахматов не видел классовых противоречий, не видел в летописцах выразителей определенных социальных идей. Вся история летописания была для него в основном историей сводов, созданных в отдельных государственных и церковных центрах. В дальнейшем на ряде примеров мы увидим, насколько такой подход к истории летописания упрощал и искажал реальную историю текстов.

История текста произведения теснейшим образом связана с историей литературы, с историей общественной мысли, с историей в целом и не может рассматриваться изолированно.

Глава I

РАБОТА ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О РАБОТЕ ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА

Мы видели выше, что механистические теории в текстологии строятся на представлениях о том, что текст живет как бы самостоятельной и независимой внутренней жизнью, что достаточно изучить текст и только текст, чтобы разобраться во всех взаимоотношениях отдельных списков по пути восхождения к архетипам.

Нет ничего более ошибочного, чем эти представления о внутренних закономерностях развития текста.

Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей.

Чтобы восстановить историю текста того или иного произведения, надо вообразить за ним древнерусского книжника, надо знать, как работал древнерусский книжник, проникнуть в его психологию, знать его цели, идеологические устремления, знать «механизм» ошибок. Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал, вносил в него вольные или невольные изменения. Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом. И чем конкретнее окажется этот человек, чем больше у него будет индивидуальных особенностей, отложившихся в тексте, тем достовернее выводы текстолога. Поэтому текстолог обязан иметь научное воображение, должен быть чуток ко всему индивидуальному.

Историю текста произведения нельзя представлять себе в виде истории его механических изменений, как смену вариантов и разночтений. История текста произведения — это прежде всего история работы над ним древнерусских книжников. Я говорю «книжников», а не «переписчиков» или «писцов», так как древнерусские книжники далеко не всегда выступали как простые копиисты текста; они вносили в текст очень часто сознательные изменения, создавали новый текст на основе нескольких списков или исправляли тот текст, который им доставался от предшественников.

Текстолог обязан не только заметить то или иное изменение текста, но и объяснить его, при этом конечное объяснение изменений текста — только в человеке, стоящем за этим объяснением.

Без объяснения изменений текста нет и самых изменений, ибо сущность изменения текста заключается только в сознательной или бессознательной деятельности людей. Бывают, кроме того, и такие случаи, когда текстолог видит ошибку там, где ее нет (чаще всего из-за ограниченности своих сведений по истории языка). Значит, чтобы быть полностью уверенным, что перед ним именно описка, а не особая форма слова, не сознательный пропуск или сознательное повторение, он должен доискаться — почему эта ошибка произошла.

Мы не имеем до сих пор обстоятельного исследования о древнерусских книжниках: кем они были, на каких условиях производили они переписку или работу над текстом, каковы были взаимоотношения между заказчиком и исполнителем работы, как постепенно развивалось ремесло книжника, в какой мере росла «товарность» этого ремесла, производство книг на рынок, особенности книжного рынка в Древней Руси и т. д. Отдельные наблюдения в этой области и собранные материалы касаются по преимуществу профессиональных переписчиков, но ведь работа над рукописями производилась не только ими. Практически текстолог имеет дело с текстами, созданными самыми различными типами книжников: от авторов до простых копиистов. Но между теми и другими было множество градаций «книжных делателей»: тех, кого литературоведы называют редакторами текста, составителями летописных или каких-либо других сводов, стилистических правщиков и т. п. Каждый книжник Древней Руси на свой лад относился к тексту и по-своему его изменял. Под пером книжника текст в той или иной степени получал частицу его индивидуальности, претерпевал изменения от больших и сознательных до совсем ничтожных, вызванных лишь простой невнимательностью. Но «индивидуальность» писца была разная в различных случаях. К богослужебному тексту он мог относиться по-одному — допустим, только рабски его копируя или «исправляя» его по другим текстам, к летописному же тексту он мог относиться по-другому, гораздо свободнее, вставляя в него куски собственного сочинения или сочинений других летописцев. Следовательно, «индивидуальность» книжника сталкивалась с «индивидуальностью» текста. Но средневековый книжник не оставался наедине со своим текстом: его окружали другие книжники, совместно с которыми он мог по частям переписывать свой текст, над ним иногда стоял заказчик, предписывавший ему то или иное отношение к тексту, он сам принадлежал к определенной социальной среде или работал для определенной среды — рукопись имела идейное назначение, предназначалась для использования ее в той или иной обстановке. Наконец, средневековый книжник работал в опреде-

ленной исторической обстановке, имел свои убеждения, свой круг начитанности и «наслышанности» и т. д., и т. п. Все это обязан учитывать текстолог. Вот почему знания текстолога не могут ограничиваться одной какой-либо областью. Чем шире знания текстолога и чем «мобильнее» он ими пользуется, чем шире круг тех объяснений, которые он может привлечь к своей работе, — тем успешнее он работает. Текстологи, пытавшиеся ограничиться механическим анализом разночтений и только на этом анализе строившие взаимоотношения списков, до крайности сужали свои возможности.

В нашу задачу не может входить всестороннее рассмотрение всех тех сведений, которые могут пригодиться текстологу в его исследованиях. Сосредоточим свое внимание на самом процессе работы древнерусского книжника с той целью, чтобы дать представление о разнообразии явлений в этой области, которые должен учитывать текстолог.

ПРОЦЕСС ПИСЬМА

Заглянем через плечо древнерусского книжника. Он сидит на «стульце», положив рукопись на колени.[1] Рядом с ним на низком небольшом столике письменные принадлежности: чернильница и киноварница, маленький ножик для подчисток неправильно написанных мест и чинки перьев, песочница, чтобы присыпать песком непросохшие чернила. Он пишет не в переплетенной книге,[2] а в отдельных тетрадях, т. е. согнутых в два, в четыре раза листах пергамена или бумаги, которые только потом переплетают в книгу, и иногда очень нескоро. Поэтому, если книга не сочинялась, а только переписывалась, одну и ту же книгу могли писать одновременно несколько переписчиков: один писал ее первые листы, другие — их продолжение (в уже переплетенных книгах обычно не писали: писали на листах, которые затем переплетались).

Если писцы писали не одновременно, а последовательно, то промежутка между почерками не получалось: кончил один и на том же месте принялся другой. Но в древнерусских рукописях чаще всего встречается другой тип смены почерков: один почерк кончается, затем следует чистое окончание тетради (незаполненный лист или часть листа), а следующий почерк начинается уже со следующего листа. Очень часто такая смена почерков означает, что писцы переписывали расшитую по тетрадям рукопись и каж-

---

[1] Столы были низкими и на них при работе лежали письменные принадлежности.

[2] Единственное известное мне исключение — рукопись 1665 г. БАН, № 32.5.7, но писана она русским писцом в Стокгольме (см.: Д. С. Лихачев. «Плач о реке Нарове 1665 г.». — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 333—338).

дый писец имел определенный «урок». Уверенность в таком характере работы у нас возрастет, если текст нового почерка будет начинаться со случайного места: например, с середины фразы. Это означает, что писец получил в свое распоряжение в качестве оригинала («матицы») тетрадь с продолжением текста.

Как мы увидим в дальнейшем, такой способ работы может сообщить исследователю очень много данных, чтобы судить об оригинале рукописи и о тексте. Целый ряд особенностей текста может вызываться именно таким характером переписки рукописи. В частности, на свободных, оставшихся незаполненными листах тетради очень часто читатели делали свои приписки и дополнения. Особенно часты эти приписки в конце всей рукописи или даже в ее середине, если это допускал сам жанр произведения: например, жанр летописи, разрешавший бесконечные дополнения в тексте.[3]

В тексте писец обычно оставляет свободные места для заставок, инициалов, иногда и для миниатюр, если они предполагаются. Особый художник делает все эти украшения. И в этом случае могут получиться специфические изменения текста: то художник забудет воспользоваться оставленным ему местом, то рукопись вообще не попадет ему и оставленные для него места останутся незаполненными, то он нарисует не тот инициал. Простые киноварные буквы и целые строки писец пишет по большей части сам, но и здесь он может написать их не сразу, забыть о них, а текст и от этого претерпит характерные изменения.[4]

Оригинал, с которого книжник переписывает или который он перерабатывает, с которым он сличает свою рукопись, лежит не рядом: на коленях места немного. И от этого могут произойти также типичные изменения текста, ошибки и опущения. Оригинал далеко — его можно плохо прочесть, случится и забыть текст, пока пишешь, а снова заглянув в него, — перескочить глазом с одной строки на другую и прочесть не тот текст.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЗМЕНЕНИЙ ТЕКСТА

Попробуем дать предварительную характеристику этих изменений, которые вносит книжник в свой текст. Ведь восстановление происхождения ошибки или изменения текста есть вернейший путь к установлению его истории. Ошибку в тексте можно заметить легко, но, чтобы определить, каково было первоначальное

---

[3] Ср. «наращения» иными почерками в тексте Типографской летописи (А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 285).

[4] Так, в тексте Радзивиловской летописи на л. 217 написано «лѣбъ» вм. «Глѣбъ», а на л. 217 об. «рополкъ» вм. «Ярополкъ». В обоих случаях писец забыл проставить киноварные буквы.

чтение исследуемого текста, и доказать, что оно было именно таким, а не иным, надо определить, в чем состояла ошибка и как она произошла.

Изменения текста происходят по всей шкале умственной деятельности человека: от явлений бессознательных и ненамеренных до сложнейших идеологических явлений.

Всякий новый текст представляет собой сложнейшее соединение старого текста с изменениями бессознательными, ненамеренными (ошибками текста), к ним иногда прибавляются изменения сознательные, намеренные — идейные (стилистические и идеологические). Текстолог обязан по возможности «расслоить» текст: вскрыть в нем его старую основу и внесенные книжником изменения, строго различая изменения бессознательные (ошибки переписки) [5] и изменения намеренные, в которых книжник выступает как соавтор текста или его редактор.

Деление ошибок на сознательные и бессознательные, а внутри этих категорий на типы — в известной мере условно, так как ошибки обычно «наслаиваются»: механическая ошибка одного писца вызывает ее осмысление другим писцом, неудачное осмысление вызывает необходимость в новом осмыслении и т. д. Поэтому конечная ошибка списка является иногда результатом нескольких предшествующих изменений текста, в которых могут сочетаться и бессознательные и осознанные действия писца.

С этим явлением «наслоения» мы можем встретиться во всех случаях изменения текста. Различные редакции текста зависят друг от друга, происходят друг от друга, заимствуют частично текст от предшествующих, часто недошедших редакций и т. д. Вот почему никогда не бывает достаточно «классифицировать» тексты — надо восстановить их историческое взаимоотношение, расслаивая различные этапы их истории, восстанавливая, хотя бы приблизительно, не дошедшие до нас этапы.

Сосредоточимся только на изменениях бессознательных. В них есть повторяемость, они могут быть классифицированы, и они в общем довольно просты по происхождению. Изменения же, вызванные идеологическими тенденциями писца, не могут быть классифицированы с такою легкостью. Они будут рассматриваться нами на протяжении всей книги — в самых различных ее частях.

Изменения бессознательные наиболее типичны для простых переписчиков текста, его копиистов. Стремление точно воспроизвести текст оригинала было в высшей степени свойственно простым переписчикам. Переписка текста церковных произведений считалась богоугодным делом, религиозным подвигом.

---

[5] О проблеме психологии ошибок см.: Louis H a v e t. Manuel de critique verbale appliquée aux textes latins. Paris, 1911; J. A n d r i e u. Pour l'explication psychologique de fautes de copiste. — Revue des études latines, 1950, XVIII, p. 279—292 (в последней работе главным образом о психологии ошибок пропуска).

Некоторые данные о работе переписчиков рукописей можно извлечь из их обращений к будущим переписчикам.

«Аще кто восхощет сия книгы преписывати, — читаем мы в Служебнике митрополита Киприана XIV в., — сматряй не приложити или отложити едино некое слово, или тычку едину, или крючькы, иже суть под строками в рядех, ниже пременити слогню некоторую, или приложити от обычных, их же первее привык. . ., но с великим вниманием. . . преписывати». Зиновий Отенский в своем сочинении «Истины показание» пишет: «Иже аще волит кто коея ради потребы преписати что от книжниць сих, молю не пременяти в них простых речей на краснейшаа пословици, но преписовати тако, якоже лежат зде, речи и точки и запятыя».[6]

В древнерусских рукописях нередко встречаются жалобы писца на усталость, на болезнь, на все то, что отвлекает и притупляет внимание и плодит ошибки, портит почерк, заставляет прерывать работу.

В Паримийнике XIV в. (ЦГАДА, ф. б-ки Моск. Синод. типографии, № 61) много приписок писца Козмы, жалующегося, что ему хочется спать, что у него недомогание, обращающегося к святому Пантелеймону за помощью и пр.: «. . . ох мне лихого сего попирия (чирия, — *Д. Л.*), голова мя болит и рука ся тепеть» (л. 22), «. . . о святый Пантелеимоне поспеши, уже глази спать хотять» (л. 99 об.).[7]

Писец Максим («мирским» именем Станимир), переписывавший Апостол Патриаршей библиотеки 1309—1312 гг., так перечисляет свои ошибки: «. . . а чи где будеть помятено (ошибочно написано, — *Д. Л.*) или криво написано, или с другомь беседуя, или в младоумии своемь. . .»[8] Сходно пишет и другой писец: «. . . а чи буду где помялъся (ошибся, — *Д. Л.*) или описалъся в своей грубости, или с другомь беседуя, или попирен (т. е. хворая «попирием» — чирием, — *Д. Л.*)».[9]

Жалобы писцов на обстоятельства, ведущие к ошибкам и неточностям в письме, очень разнообразны: «Уже нощь, вельми темно»; «Ох, ох, голова мя болить, не му и псати; а уже нощь ляз мы спати»; «Не тычь же в бок, не лазь же в грех, что ть се пак написах».[10] Жалуются писцы на перо («лихой перо, неволно им

[6] См.: А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 99.

[7] А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. — Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде, 1911 г., т. II. М., 1916, с. 273.

[8] Там же, с. 352.

[9] Там же, с. 364. — А. С. Орлов ошибочно полагал, что «попирий» — пергамен (А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1939, с. 177). Ср. «рука попирна» (приписка в Новгородском служебнике XIII в. — Древние памятники русского письма и языка. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1863, с. 56).

[10] А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие, с. 363.

псати»),[11] на то, что хочется есть и пить («сести позаутрыкати, хотя пост»,[12] «чрез тын пьют, а нас не зовут», «шести ужинат»,[13] «како ми не объестися, коли поставят кисель с молокомь»).[14]

Сетуют писцы и на то, что работа им трудна («ох мне лихого сего писания и еще ох»),[15] что мешает работать короста («полести мыться, о святый Никола, пожалуй избави корысты сея»),[16] что хочется пожить подольше и выпить послаще («о господи, дай ми живу быти хотя 80 лет, пожедай ми, господи, пива сего напитися»).[17]

Все эти заботы, желания, болезни, трудные условия работы отвлекали внимание писца и вынуждали его делать ошибки, определяли иногда и самый их характер. Под влиянием голода писец писал вм. «хляби» — «хлебы», вм. «купель» — «кисель», а под влиянием желания помыться — вм. «водя» — «вода» и т. д. Это случаи простые, но иногда подсознательная подоплека ошибок писца очень сложна и требует для своего уяснения тонких психологических исследований. В ошибках писца отражаются его скрытые, подавленные желания и мысли. Тем не менее в целом типы ошибок менее разнообразны, чем их причины.[18]

В дальнейшем мы остановимся на основных типах простейших ошибок писца.

*

В Древней Руси, как и в Западной Европе, писцы сравнительно редко писали под диктовку.[19] Когда-то под диктовку писали писцы

---

[11] Там же, с. 358.
[12] Там же, с. 273.
[13] Там же, с. 278.
[14] Там же, с. 363.
[15] Там же, с. 279.
[16] Там же, с. 278.
[17] Там же, с. 273.
[18] Несколько типичных ошибок собрал А. Ремизов. А. Ремизов так писал, мысленно отождествляя себя с древнерусским переписчиком: «И каждый из нас старался — буква в букву и точка в точку. Случилось, был грех, прошибешься и вместо „пчела“ напишешь „бчела“, и вместо „уподобился“ — „убодобился“ или „видитя“ вместо „видити“ и не „обаче“, а „обоче“, а то другой раз в оригинале или по-нашему, в матице, никак не разберу, а пропустить тоже нельзя, возьмешь свое и придумаешь — по догадке, потом схватишься или тот же Еркул подцепит или Солнцев, сенпиятский куробоец (переписчики книг, — *Д. Л.*), начнет щунять, а уж книгу не воротишь, продал. А какое с Якуном вышло, не дай бог! В Несторовской летописи: „бе Якун сь леп“ — „был Якун этот прекрасен“, а кого-то под руку дернуло, возьми да и соедини „сь“ (се — этот) с „леп“ и получилось: „бе Якун сьлеп“. А этот Якун никогда и на глаза не жаловался, а за свои глаза и в летопись попал. Только это не я, за собой я знаю грех: вместо „реть“ (распря) написал „радость“, а вместо „полома“ (пополам) написал „поломаст“, и однажды прибавил букву „к“: было в матице — „слыша пение и лики“ (хор), а я написал „слыша пение и клики“, а в „довлеет дни злоба его“ вместо „злоба“ — „утроба“. Сознаюсь, ошибка, но не в такой степени» (Алексей Р е м и з о в. «Пляшущий демон». Танец и слово. Париж, 1949, с. 69—70).
[19] A. D a i n. Les manuscrits. Paris, 1949, p. 18.

античных имперских канцелярий. По свидетельству автора жития Федора Студита, последний также диктовал свои произведения. Можно предполагать, что частично диктовал свои произведения Иван Грозный. Но по большей части писцы переписывали текст не со слуха, а имея перед глазами оригинал или даже несколько оригиналов. Если писец создает свой текст на основании нескольких оригиналов, — он по существу проделывает своеобразную творческую текстологическую работу. Этой последней работы мы коснемся в дальнейшем, сейчас же обратимся к элементарным, бессознательным изменениям текста, когда писец переписывает только о д и н оригинал и не ставит себе целью изменения текста, стремясь только более или менее точно его воспроизвести.

Как бы ни протекал этот процесс с физиологической точки зрения, переписывание текста может быть удобно разбито на четыре операции: 1) писец прочитывает отрывок оригинала, 2) запоминает его, 3) внутренне диктует самому себе текст, который он запомнил, и 4) воспроизводит текст письмом.[20] Каждая из этих операций может повести к специфическим ошибкам. В целом ошибки настолько часто повторяются в текстах (и по своим типам и даже отдельные конкретные ошибки), что вполне возможно даже составление специальных указателей ошибок. Такие указатели, кстати, давно существуют для греческих и латинских текстов.[21]

Ниже мы постараемся указать только на типические ошибки, связанные с каждой из четырех указанных выше операций.

ОШИБКИ ПРОЧТЕНИЯ

Чтение писца — особое чтение. Он стремится прочесть, чтобы потом воспроизвести. Его чтение связано поэтому с попыткой разобраться в орфографии оригинала, в различных мелочах з р и т е л ь н о г о облика воспроизводимых слов. Напряженное внимание к этим деталям письма может отвлечь его от смысла прочитанного. Ошибки, которые допускает писец в чтении своего оригинала, могут быть поэтому связаны с палеографическими особенностями почерка и внешним состоянием оригинала.

Писец может быть плохо знаком с характером письма оригинала (с древним уставом, с белорусской или украинской скорописью, с индивидуальными особенностями почерка и отдельных начертаний писца, пишущего скорописью, и т. д.). Переписчик может не разобрать отдельные, вышедшие из употребления буквы. Он может пропустить в чтении выносные буквы, особенно если надстрочных знаков много и они лишены значения. Он может прочесть цифры как буквы, а буквы — как цифры. Он может про-

[20] Там же, с. 38.

[21] См. перечень такого рода указателей в книге: Ш.-В. Л а н г л у а, Ш. С е н ь о б о с. Введение в изучение истории. СПб., 1899, с. 61, примеч. 1.

честь одно слово вместо другого, если начертания их сходны; при этом, как правило, трудное, необычное и малознакомое писцу слово принимается им за легкое, обычное и знакомое, редкие формы заменяет принятыми.

Иосиф Волоцкий пишет в «Просветителе», имея в виду буквенные обозначения чисел: «Если едина чертица сотрется, то несть разумети, твердо ли (т. е. буква ли «т», — *Д. Л.*) есть было, или покой («п», — *Д. Л.*): и егда покой, верхняя ея черта сотрется, такоже не ведети, покой ли есть, или иже. Да тем в трисотном числе 80 мнится, и в осмьдесятном 8 мнится».[22]

Иосиф Волоцкий совершенно прав: внешнее сходство букв особенно часто ведет к ошибкам в цифрах. Дело в том, что внешнее сходство букв может повести к ошибкам в словах только в том случае, когда есть возможность принять одно слово за другое; следовательно, сходство букв должно дополняться сходством слов, различаемых только по этой букве, и возможностью такой ошибки в контексте (возможностью смысловой). В цифрах эти условия гораздо свободнее.

Пример такой ошибки в цифрах, произошедшей из-за сходства одной из букв буквенной цифири с какой-нибудь другой буквой, извлекаем из исследования А. А. Зимина «Тысячной книги». В списке «Дворовой тетради», сделанном с подлинника, дата его отсутствует. В ряде же росписей служилого люда «Дворовая тетрадь» отмечена то 7044, то 7045, то 7046 годом. По-видимому, как предполагает А. А. Зимин, даты эти явились из неверного прочтения буквы «кси» (60), которую можно принять за «ме» (45) или за «мѕ» (46).[23] За дату 7060 (1552—1553) говорит ряд соображений общего характера. В дальнейшем это наблюдение А. А. Зимина полностью подтвердилось. А. А. Зимин нашел список Государственного Исторического музея (Муз. № 3417), где в заголовке стоит дата 7060. Характерно, что последний список близок по тексту лучшему списку, в котором даты, однако, нет.[24]

Характерную ошибку в цифре в «Особом житии Александра Невского» указывает Н. Серебрянский: «Во всех сохранившихся списках особого жития дата дня погребения князя неправильная: „месяца ноября в к день, на память св. отца (нашего) Григорья Декаполита“. . . Ошибка эта получилась в результате того, что переписчик, а может быть, и сам редактор в дате летописного жития кг вторую цифру принял за букву (в списке могло быть $\text{к}^{\text{г}}$) и по святцам заменил св. Амфилогия св. Григорием».[25]

---

[22] Просветитель. Казань, 1896, с. 105.

[23] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подгот. к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950, с. 18.

[24] А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960, с. 372.

[25] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и текста). М., 1915, с. 202.

Примеры смешения сходных по начертанию букв приводит В. Лебедев в своем исследовании «Славянский перевод книги Иисуса Навина»: «пове*д*ять» вм. «пове*л*ять», «под *Л*еръмоном» вм. «под *А*еръмоном» (ὑπὸ τῆς 'Αερμών).[26]

Специфические ошибки возникали тогда, когда писец переписывал кириллицей глаголический оригинал.

Многие буквы в глаголической азбуке сходны по начертаниям и легко могли смешиваться, например: *и* и *в*; *д* и *л*; *е* и *о*, *у* и *ь*; *п* и *т* и некоторые другие.

Смешения в глаголическом алфавите могут быть и в цифрах. Особенно следует обратить внимание на различия в цифровых значениях букв между кириллицей и глаголицей. В кириллице цифровые значения несколько нарушают алфавит, следуя цифровым значениям соответствующих букв греческой азбуки. В глаголице цифровые значения приближаются к порядку следования букв в алфавите. Так, например, в кириллице буква «б» лишена цифрового значения, поскольку ее нет и в азбуке греческой; в глаголице же буква «б» имеет, согласно ее месту в алфавите, цифровое значение «2»; соответственно передвигаются и последующие цифровые значения букв. При переписке глаголических текстов кирил-

[26] В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожской библии. СПб., 1890, с. 148. — Во второй части этой книги, носящей название «Историко-критическое исследование текста славянского перевода книги Иисуса Навина по сохранившимся спискам», сгруппированы ошибки и разноречия текста, выделяемые автором в отдельные параграфы книги. Приведу выдержки из оглавления второй части (с некоторыми сокращениями), чтобы дать представление о том материале, который она содержит: «Первая редакция славянского перевода книги Иисуса Навина. Количественные варианты (разночтения, — *Д. Л.*) между славянским текстом в книге Иисуса Навина по рукописному тексту и переводу LXX; *А*. Пропуски, вытекающие из контекста речи; Пропуски, соответствующие которым чтения LXX повторяются в последнем. . .; Пропуски по причине ὁμοιοάρχητον; Пропуски по причине ὁμοιοτέλευτον; . . .Пропуски, зависящие от невнимательности переписчика; Пропуски букв в словах; *Б*. Прибавления, вытекающие из контекста речи. . .; Труднообъяснимые прибавления слов; Прибавления букв в словах. . .; *В*. Ненамеренные качественные варианты; Смешение данных греческих или славянских слов с другими, созвучными с ними; Ошибки переводчиков или переписчиков, смешавших одни буквы с другими, отчасти сходными по начертанию; Собственные имена принимаются переводчиком за нарицательные и наоборот; Случайные и труднообъяснимые варианты; Личные особенности текста рукописей первой редакции. . . Вторая редакция славянского перевода книги Иисуса Навина . . . Перевод некоторых греческих слов, несогласный с первою редакцией рукописей, но более точный; Во второй редакции рукописей для передачи греческого слова употребляется иное славянское слово, чем какое в рукописях других редакций, но одинаковое по смыслу; Особенный лексический состав слов; Грамматические особенности во второй редакции рукописей; Особенности в конструкции слов . . . Третья редакция. . . Глоссы; Толкования. . .» и т. д. Детальный анализ отдельных разночтений без их классификации содержится также в книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских» (Л., 1955).

ловским алфавитом писцы могли делать ошибки; передавать глаголическую букву соответствующей кирилловской, забывая в цифрах о различии в числовом значении. Такого рода ошибки особенно естественны в ту эпоху, когда глаголица начинала уже забываться и перевод ее на кириллицу представлял некоторые трудности.

Возможные ошибки, связанные с особенностями глаголической азбуки, рассмотрены И. И. Срезневским в работе «Следы глаголицы в X веке».[27]

Вслед за неправильным прочтением букв особенно часто встречается неправильное разделение текста на слова. Дело в том, что многие древние тексты писались без разделения на слова — полностью или частично (слитно с последующим словом писались, например, предлоги). Отсюда могли возникнуть специфические ошибки прочтения: неправильное деление переписчиком текста.

Иногда неправильное разделение на слова не сразу заметно даже современному текстологу, так как новое чтение получается более или менее осмысленным (особенно для текстолога, лингвистически слабо осведомленного). Так, в Волоколамском списке № 651 Истории иудейской войны Иосифа Флавия говорится, что Веспасиан берет приступом город, «устроивши же львь да быша не пакостили им из града». Следует же читать: «устроивше желъве» (т. е. особый вид военного строя «черепахой»; желъвь — черепаха).[28] Неправильное деление старого слова «желве» встречаем уже в XIV в. в известном Паисиевском сборнике собрания Кирилло-Белозерского монастыря № 410. Здесь в одной из статей, перечисляющей обвинения против латинян, читаем — «ядять же львы» вм. «желвы». В тексте Полной хронографической палеи 1494 г. (ГБЛ, соб. Румянцева, № 453), читается непонятная фраза: «(огнь) земныи житель сем облажен» вм. «земныи же телесем обложен».[29]

Приведу примеры явных ошибок прочтения писцом XVIII в. из издания начала Летописного свода конца XV в. по Эрмитажному списку.[30]

Как известно, Эрмитажный список представляет собой копию конца XVIII в. со списка более древнего. Переписчик конца XVIII в. плохо разбирал свой оригинал и сделал очень много

[27] Изв. имп. Археологического общества, т. 1. СПб., 1859, с. 359—372. — Д. И. Прозоровский в статье «Об Ивановом написании» возражает против концепции И. И. Срезневского (Труды Второго археологического съезда в Санкт-Петербурге, вып. 1. СПб., 1876, с. 34—42).

[28] Пример из рукописных материалов В. Н. Перетца, любезно предоставленных мне В. П. Адриановой-Перетц. В издании Н. А. Мещерского («История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 285) текст другой.

[29] Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[30] Московский летописный свод конца XV века. — ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949.

ошибок, происхождение которых во многих случаях совершенно ясно. Переписчик, например, не всегда справлялся с внесением в текст выносных букв; путал юс большой и юс малый; смешивал буквы «е» и «о»; неправильно делил текст на слова и т. п.: «Литва, Зимгола, Корсъ, Сетгола, Любь» (вм. «Летгола», с. 337); «и без языкъ единъ» (вм. «бе», там же); «давно видехъ землю Славянску» (вм. «дивно», с. 338); «под горами при березлѣ» (надо «березѣ», с. 338); «Кровичи» (вм. «Кривичи», с. 339); «Бужане, зане седоша по Губу» (вм. «Бугу», с. 339); «Си бо Угри почиша быти при Ракли Цари» (вм. «почаша. . . при-Ракли», с. 339); «посреди же при Ользе» (вм. «последи», с. 339); «а Вятко еде с родомъ своим по Отце» (вм. «по Оце», с. 339); «браци не бываху в них, но игрища межи силы» (вм. «селы», с. 339); «собравше кости и вложатъ в судину малу и поставляху на пятехъ» (вм. «путехъ», с. 339); «ни любодеяти, ни красити» (вм. «ни красти», с. 340); «и судъ Новгородстия[31] людие» (вм. «суть», с. 340); «И испросиста та у него итти к Царюграду» (вм. «ся», с. 340); «Аскордъ и Диръ» (вм. «Асколдъ», с. 341); «посла по ня в Селунь ко Льгови» (вм. «Львови», с. 342); «И по Игореви же възрастъшю и гождаше по Олзѣ» (вм. «хождаше», с. 343); «продаютъ рухло тое людьи» (вм. «лодьи», с. 345); «бес комара гряду» (вм. «граду», с. 346); «И бо у него воевода имѣнемъ Стенлдъ»[32] (вм. «бе», с. 347); «се дал единому мяжеви много» (вм. «мужеви», с. 347); «и почиша воевати» (вм. «почаша», с. 347); «гостие и обящи посли» (вм. «общи», с. 348); «кто от лодѣи несетъ что» (вм. «людѣи», с. 349); «и сну копием Святославъ на Древляны» (вм. «суну, с. 352); «ходя яко парсду» (вм. «пардус», с. 353); «и яко приближись к реце, сверхъ порты» (вм. «свергъ», с. 354); «Ино даста ряку между собою» (вм. «руку», с. 354); «яко ту взя благая моа сходятъ» (вм. «вся», с. 354); «в новѣрных человецех» (вм. «невѣрных», с. 354); «иже суд подо мною Русь (вм. «суть», с. 356); «Ярополкъ. . . при власть его» (вм. «прия», с. 357); «на Полостекъ» (вм. «Полотескъ», с. 357); «и Харса и Дажба и Стриба[33] и Сѣмаръгла и Мокошь и тряжу имъ» (вм. «жряху», с. 358); «Витичи» (вм. «Вятичи», с. 358); «тогда есть земля ваша» (вм. «то где», с. 360); «отмстие да» (вм. «отместие», с. 360); «позяху по граду» (вм. «возяху», с. 367); «потнеся конь под нимъ в рове и напомиси ногу Глебу» (вм. «наломи си» с. 371); «Виде же Святополкъ побежде в Ляхи» (вм. «побеже», с. 372); «И наша скотъ збирати» (вм. «нача» или «начаша», с. 373); «рякъ сице» (вм. «рекъ», с. 375); «Лѣжезная

[31] В рукописи Эрмитажного списка «Новогородстия».

[32] В рукописи над этим словом титло, пропущенное издателями.

[33] Издатели Эрмитажного списка в данном месте не раскрыли в рукописи титл. Надо: «Дажбога и Стрибога».

врата» (вм. «Желѣзная», с. 375); «бе бо тогда половина града» (вм. «поле вне града», с. 376); «И прошед погоры и приидоша в Дунаи» (вм. «порогы», с. 376); «Гребци же» (вм. «Греци же», с. 376); «на прадне я возвратимся» (вм. «преднея», с. 379); «А Святославу даю Чернигов, .. Гачеславу Смоленскъ» (вм. «Вячеславу», с. 379); «и дань даяти заподове 2000 гривенъ» (вм. «заповеда», с. 380); «в монастыре Всѣволожи на Рыдубачи» (вм. «Выдубачи», с. 382); «промчимъ землямъ» (вм. «прочимъ», с. 382), и т. д.

Понятно, почему в Эрмитажном списке так много неправильных прочтений: переписывал его с древнего оригинала профессиональный писец конца XVIII в., которому многое уже было непонятно в древнем тексте. В рукописях более ранних такие неправильные прочтения встречаются относительно реже.

Специфические ошибки прочтения могут возникнуть, если рукопись, с которой переписывает писец, ветхая. В этой ветхой рукописи могут отсутствовать последние листы текста или листы из середины, может быть оторван край текста. Выпавший лист может быть вставлен в рукопись не на то место (например, если рукопись без переплета, чаще всего страдают последние листы рукописи; оторвавшиеся листы обычно вкладываются в середину рукописи, чтобы они не потерялись). Может случиться и так: оторвавшийся лист вставлен на место, но в перевернутом виде: внешний край листа попадает внутрь книги, а внутренний — обращен к внешней стороне рукописи. Все это может быть незамечено и воспроизведено писцом при переписке.

Так, список «Сказания о Мамаевом побоище» (ГПБ, Q.XV.27) переписывался писцом с рукописи, имевшей перебитые листы. «Поэтому, — пишет исследователь «Сказания» С. К. Шамбинаго, — в рассказе об Ольгердовичах путаница: „И рече им князь великий Дмитрей Ивановичь: братия моя милая, якоея потребы приидосте *ко мне* ‖ *великий* хощеши крепко войско держати, и то повеле Дон реку возитца“. . . И ниже: „Князь же великий повеле войску своему Дон реку возитися, ‖ они ж *приклоняют* суетная и сотворение дел, да что же воздадим ему против таковово прошения“. Путаница продолжается и после рассказа об Ольгердовичах: в описании перехода через Дон: „И рече ж к нему Волгердовичи князи литовские, аще *господине княже* ‖ *яко приближаются* поганыя тотарове, и многи же сынове рустии возрадовашася“».[34]

Нередки случаи, когда в результате утраты в рукописи листов, на которых кончается одно произведение и начинается другое, оба памятника оказываются слитыми в один. Так, например, в рукописи Златоструя второй половины XV в. БАН 33.2.12

---

[34] С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, с. 345.

вследствие выпадения листов в середине протографа слиты два слова Иоанна Златоуста (переход от одного к другому на л. 132).[35]

Типичная ошибка чтения — это «прыжок от сходного к сходному», а в результате — пропуск слова или нескольких слов или, реже,[36] повторное чтение одного и того же куска текста.[37]

Происходит это потому, что глаз, встретив знакомое сочетание букв, слово или группу слов в соседних строках (чаще ниже, чем выше), продолжает чтение и это чтение может оказаться до некоторой степени осмысленным, так что пропуск или, реже, повторение не обратят на себя внимание писца.

Причиной пропуска может быть и то, что писец при чтении своего оригинала «перескочил» глазом строку или группу строк. По этой же причине может произойти и повторение текста: читая оригинал, писец может вернуться к уже переписанному тексту.

Этот род ошибок отчетливо осознавали сами писцы. Так, в Евангелии 1399 г. (ЦГАДА, ф. б-ки Моск. Синод. типографии, № 15) на последнем листе киноварью написано: «Отцы, господие чтете, исправливайте святое се евангелие, ци буде худо строку преступил, але не доправил, благословите, а не клените, да будет бог мира с вами, аминь».[38] Термин «преступить» имеется и в других приписках к рукописям. Так, писцы Леонид и Иосиф — «владычни робята» пишут в Прологе 1356 г.: «Да аще где будем описалися или преступили, собою исправяще чтите, а нас многогрешных не клените бога деля, аминь».[39]

Пропуск между одинаковыми словами может быть продемонстрирован на примере Ипатьевской летописи. В Ипатьевском списке под 1150 г. читается следующий текст: «Тое же осени да Гюрги Андрееви сынови своему Туров, Пинеск и Пересопницю. Андрееви поклонивъся отцю своему и шед седе в Пересопници. Тое же зимы. . .». В списках Хлебниковском и Погодинском пропуск, начиная со слов «Тое же осени» до слов «Тое же зимы».[40]

---

[35] Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[36] А. Дэн считает, что пропуск в результате «прыжка от сходного к сходному» чаще повторения в 14 или 15 раз (A. Dain. Les manuscrits, p. 46). Одна из причин, почему пропуски чаще повторений, в том, что повторения устранимы в последующей переписке, пропуски же не могут быть восполнены.

[37] Пропуск в чтении между сходными словами, слогами или в результате перескока через строку или несколько строк дает пропуск в письме. Этот пропуск в письме называется часто текстологами «гаплографией»; повторение слогов или слов и целых пассажей текста, вызываемое возвращением к сходному месту, называется «диттографией». Мы не пользуемся этими терминами, так как причина этих вставок и пропусков не в самом письме («. . . графия» — письмо), а в предварительном внутреннем чтении писца. Ошибки эти не однородны типичным ошибкам письма: опискам и пр.

[38] А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие, с. 266.

[39] Там же, с. 294.

[40] Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 404.

Глаз писца скользнул с первого «тое же» на второе и не уловил слов об осеннем назначении Андрею уделов. Реже встречается пропуск между одинаковыми слогами. В той же Ипатьевской летописи в списках Хлебниковском и Погодинском пропущено: «и бысть ве[льми ве]чер».[41]

Чаще всего пропуск между сходными словами происходит тогда, когда слова эти стоят в начале предложений, реже — в конце. Приведу пример последнего. В славянском переводе книги Иисуса Навина читаем: «застави да въстануть скоро от места своего [и простре руку свою и копие на град, и застави восташа скоро от места своего]». Пропущенных слов нет в древнейших рукописях.[42]

Повторение шести слов из середины фразы в результате возвращения к уже переписанной строке находим мы в Ипатьевском списке Ипатьевской летописи. Так, под 1146 г. читаем: «И посла Мьстислав Изяславичь к Володимиру и к Изяславу Давидовичема и рече има: „Брат ваю а мои отець рекл: к городу же не преступайте доколе же приду *же не приступайте доколе же приду* аз“».[43] Повторение это не могло возникнуть из возвращения к тому же слову и, очевидно, возникло в результате того, что писец вторично переписал ту же строку.

Близко к пропуску группы слов между двумя одинаковыми стоит пропуск одного из двух одинаковых рядом стоящих слогов, но близость эта чисто внешняя. Пропуск одного из рядом стоящих одинаковых слогов по своему происхождению (а именно происхождение изменения текста должен учитывать текстолог в первую очередь) относится к группе ошибок письма. При чтении читающий охватывает взглядом все слово и даже группу слов, поэтому пропуск слога в чтении вряд ли возможен, тем более пропуск, обессмысливающий прочитанное место. Это ошибка письма. Если же создается какой-то новый смысл в результате этого пропуска, то перед нами ошибка неправильного осмысления (об обеих группах этих ошибок см. ниже).

ОШИБКИ ЗАПОМИНАНИЯ

Перейдем к следующей группе ошибок: к ошибкам запоминания.

Мы уже сказали, что, прочтя оригинал, писец стремится его удержать в памяти. Характер этого запоминания будет различ-

[41] Там же, стб. 463. — Пропуск заключен в прямые скобки (здесь и ниже).

[42] В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожской библии. СПб., 1890, с. 87.

[43] Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, стб. 331.

ный в зависимости от того, читает ли писец и запоминает сравнительно длинные отрывки или сравнительно короткие. Если писец читает длинные отрывки и обладает плохой памятью, ошибки запоминания будут у него встречаться чаще, чем при коротком чтении и при хорошей памяти. Часто при запоминании текста писец пропускает второстепенное или делает перестановки слов, допускает синонимические подстановки, модернизирует древний текст и т. д. Так же, как и при чтении текста, писец невольно подменяет трудное и малознакомое легким и знакомым.

Типичная ошибка памяти — это перестановка в тексте слов и целых групп слов (если, разумеется, эта перестановка не диктуется соображениями стилистическими или стремлением изменить смысл текста). Случайными перестановками слов, пропусками и вставками малозначительных слов (например, в некоторых случаях союза «и»), подменами слов их синонимами — буквально пестрят тексты древнерусских произведений. Приведу только один пример такой перестановки, но она касается перестановки целой строки в былине о Ставре, включенной в Сборник Кирши Данилова:

Вытягала ,лук за ухо,
Хлестнет по сыру дубу,
Изломала ево в черенья ножевыя,
Спела титивка у туга лука.[44]

По-видимому, последняя строка должна быть помещена после первой. Перестановка в данном случае — результат ошибки памяти, затем исправленной (память писца, пропустив строку, затем, в порядке восстановления ошибки, поместила эту строку ниже).

Бывает, что писец, пропустив какое-либо слово или группу слов, затем писал их на полях, а последующий переписчик вставлял в текст с полей рукописи не в том месте, где надо. Так тоже возникали перестановки слов.

Бывают списки произведений, в которых текст воспроизведен полностью по памяти, при этом между прочтением текста и его воспроизведением может лежать значительный промежуток времени.

Вообще в отношении рукописи произведения, близкого народному творчеству, возможен вопрос: не представляет ли она собой записи с голоса исполнителя. Именно такой вопрос ставит В. И. Малышев в отношении рукописи конца XVII в., в которой дошел до нас текст «Повести о Сухане». Отрицательный ответ,

---

[44] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.—Л., 1958, с. 95. (Расстановка знаков препинания моя, — *Д. Л.*). Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

который дает на этот вопрос В. И. Малышев, обусловлен не только тем, что в повести этой имеются книжные элементы, но и самым характером рукописи, которая никак не могла быть записью, — неизбежно спешной и неровной. В. И. Малышев обращает внимание на то, что витиеватый инициал «В», имевшийся в рукописи, сделан самим писцом, и притом в процессе письма. Писец не оставлял для этого инициала места и не возвращался к нему после завершения основной работы по написанию текста: для выведения инициала писцом сделана остановка, и притом немалая. Такой остановки не могло бы быть, если бы писец писал с голоса; вряд ли была она возможна и при написании «с внутреннего голоса». О таких же остановках и расчетах строк говорят и другие признаки: расположение текста в конце рукописи в виде воронки, расположение строк в строгом порядке. Против записи текста с голоса говорит и характер описок, часть которых представляет собой типичные «ошибки прочтения» (см. выше): «Сухандушко» — «Суханвушов», бессмысленная фраза «Оз быз городу не умеют битися» и пр.[45]

ОШИБКИ ВНУТРЕННЕГО ДИКТАНТА

Своеобразные ошибки возникают в результате третьего момента переписывания — внутреннего диктанта писца. Переписывая, писец внутренне произносит то, что он пишет. Этим путем произношение писца проникает в письмо. Отсюда глухие вместо звонких согласных в конце слов, ассимиляция и диссимиляция звуков, путаница «ѣ» и «е», модернизация написания через произношение, проникновение в письмо диалектных форм и т. д. По существу это не ошибки, многие из этих изменений представляют очень большой интерес для историка языка. Ошибками мы их называем только условно.

Именно путем «внутреннего диктанта» в текст проникают специфические изменения, которые могут навести на мысль неопытного текстолога, что писец писал «со слуха».

Обман слуха может создать у писца настоящие каламбуры. По мнению А. Дэна, ошибки слуховые даже преобладают у писца над зрительными. «В начале моей деятельности я думал, — пишет А. Дэн, — что необходимо настаивать на разыскании ошибок прочтения: эти ошибки более ясны и их исправление часто лучше обосновано и значительно показательнее. Но я должен был в конце концов убедиться, что графика слов менее важна, чем их звучание».[46]

---

[45] В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII в. М.—Л., 1956, с. 133—134.
[46] A. Dain. Les manuscrits, p. 44.

Ошибки внутреннего диктанта очень похожи на те ошибки слуха, которые могли произойти и при обычной диктовке. В. Лебедев в своем исследовании славянского перевода книги Иисуса Навина указывает их довольно много: «паче» (вм. «обаче»), «пред враты» (вм. «пред врагы»), «сташа сынове израилеви секущеися» (вм. «секущи вся»), «елико обеща» (вм. «елико отвеща»), «сыны ваша» (вм. «сыны наша») и т. д.[47]

Один из наиболее распространенных типов ошибок внутреннего диктанта — это ассимиляция и диссимиляция букв.

Различают ассимиляции и диссимиляции прогрессивные и регрессивные. Прогрессивные ассимиляция и диссимиляция — это уподобление или различение буквы от стоящей в следующем слоге. Регрессивные ассимиляция и диссимиляция — это уподобление или различение буквы от буквы, стоящей в предшествующем слоге.

Примеры ассимиляции букв, влияния соседних букв в рукописях очень многочисленны: «по*б*обие» вм. «по*д*обие», «раз*р*учаеть» вм. «раз*л*учаеть», «хр*и*нителю» вм. «хр*а*нителю», «леж*е*ла» вм. «леж*а*ла», «д*у*шуще» вм. «д*ы*шуще», «по*п*ѣгоша» вм. «по*б*ѣгоша», «виде р*у*ку» вм. «виде р*е*ку» и т. д. Внимание писца то отстает от его письма, то его опережает: в приведенных примерах ясно различаются случаи ассимиляции одной из предшествующих букв (ассимиляция регрессивная) и случаи ассимиляции одной из последующих букв (ассимиляция прогрессивная). Трудно сказать, какой тип ассимиляции преобладает.

Иногда этот процесс ассимиляции выходит за пределы одного слова. В одной из рукописей «Повести об Акире Премудром» читаем следующее: «*л*уками лютыми» вм. «*м*уками лютыми».[48] Возможно, что это ошибка слуха, невольно стремящегося уловить ассонансы.

В соседних словах ассимилируются обычно либо начальные буквы, либо конечные, либо в начале следующего слова с конечной буквой предшествующего и наоборот, либо гласные под ударением: «паче вс*ѣх*ъ язы*х*ъ елико ихъ на земли»,[49] «як*о* ж*о*»,[50] «не имам теб*о* *о*ставити»,[51] и т. д.

К ошибкам внутреннего диктанта может быть причислено и повторение слова вместо написания нового, иногда даже создание нового слова под влиянием соседнего. Так, например, в Чудовском списке «Моления Даниила Заточника» читаем: «дивья бо за дивьяном кони паствити» вм. «за буяном».[52]

---

[47] В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина. . ., с. 147.

[48] Рукопись ГБЛ, собр. ОИДР, № 189. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[49] Паремийник XIII в. (ГПБ, Соф., № 53), л. 4.

[50] Там же, л. 27 об.

[51] Там же, л. 53.

[52] Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

ОШИБКИ ПИСЬМА

Ошибки, возникающие в самом письме, в целом (если не считаться с возрастными и индивидуальными отклонениями) встречаются значительно реже, чем ошибки внутреннего диктанта. Сюда относятся: путаница в одинаковых буквах, пропуск букв и слогов, повторение слогов, перестановки букв и слогов, орфографические упрощения и пр.

Типичная ошибка писца — перестановка слогов и букв, например: «не позира я» вм. «не порази я»,[53] «покоры» вм. «пороки»,[54] «ховраты» вм. «хорваты»,[55] «из горъ его» вм. «из рогъ его» и пр.[56]

Очень часто в результате слияния двух соседних одинаковых слогов или букв два соседних слова соединяются. Так, в Ипатьевском списке Ипатьевской летописи под 1188 г. мы читаем: «Роман же бяшеть пришел с ляхы на брата с Межькоуемь своим». Кто такой этот Межкуй? — выше был только Межко — «уй» (т. е. дядя) Романа. Очевидно, надо читать так: «с Межько уем своим». Текст был испорчен уже в протографе всех дошедших списков Ипатьевской летописи, так как в Хлебниковском и Погодинском он повторяет ту же ошибку.[57]

Довольно типичный пропуск между двумя одинаковыми слогами представляет следующее место Ипатьевского списка Ипатьевской летописи под 1219 г.: «Бысть радость велика спасъ богу от иноплеменьникъ». Неясность этого места разъясняется Погодинским и Хлебниковским списками, где читается «спасъ б о и х богъ от иноплеменьники».[58]

Наиболее часты пропуски одного из одинаковых рядом стоящих слогов. Характерный пример дает «Слово» Даниила Заточника, где читаем: «Тако и аз всем обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа», при правильном чтении в «Молении»: «зане не огражен. . .»[59] Опираясь на подобные пропуски одного из двух рядом стоящих одинаковых слогов, исследователи предлагают исправить чтение в «Слове о полку Игореве» «стрежаше е гоголем» на «стрежаше его гоголем».

К числу ошибок письма могут быть отнесены и довольно частые в рукописях повторения отдельных слов. Такое повторение слов

---

[53] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I. Пг., 1920, с. 276.

[54] Список «Истории Иудейской войны» (ГБЛ, Волокол., № 651), л. 145 об. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[55] Новгородская четвертая летопись, вып. 1. — ПСРЛ, т. IV, ч. 1. СПб., 1915, с. 6.

[56] Там же, с. 172, примеч. 42.

[57] Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, стб. 662.

[58] Там же, с. 438.

[59] Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, стр. 7, 77.

находим мы, например, в Академическом списке «Истории о Казанском царстве»: «И собрав тако же со всею областию своею областию своею Рускую, изыде без страха».[60]

Повторение слогов и целых больших частей слова порождает иногда своеобразные слова-«монстры»: «землеземлесъѣдцы», «отеживывыевые», «сказазаеть» и пр.[61]

Пропуски слогов — одна из самых частых ошибок письма. Приведу некоторые ошибки этого рода из Ипатьевской летописи: «Пале[сти]ньскую землю», «за короле[ви]чь», «къ [го]роду», «пост[иг]оша на поли», «по[мо]чь», «гра[мо]ты».[62] Особенно часты пропуски повторяющихся слогов: «вар[вар]ско»,[63] «зане[не]бысть человека»,[64] «не попустил бы Еуспасиана [на] Галилею».[65] Довольно часты также простые пропуски букв. Это обычная ошибка письма: «гла[д]у», «зѣ[л]о», «запоус[т]ѣниемь» и пр.

Пропуск букв и слогов иногда случайно, безо всякого намерения писца меняет смысл. Так, в Ипатьевском списке Ипатьевской летописи под 1162 г. сказано: «И дасть царь Василкови в Дунаи 4 горы». В списках же Хлебниковском и Погодинском той же летописи в том же месте без пропуска: «4 городы».

Обычен пропуск надстрочных, выносных букв. Здесь могло быть причиной и то, что писец, оторвав руку от строки, забыл их надписать, и то, что он их не заметил — не смог прочесть. Ср. в Ипатьевском списке Ипатьевской летописи: «вости и^{х}» (в Погодинском и Хлебниковском: «волости»),[66] «поступити под горы» (в Погодинском и Хлебниковском: «подступити под горы»),[67] «к ротнико» (в Погодинском и Хлебниковском: «к ротнико^{м}»).[68]

Особенно многочисленны в рукописях недописи в двусоставных буквах «ы» и «оу». Приведу примеры из Ипатьевского списка Ипатьевской летописи: «Вячеславо[у] в помочь», «доко[у]чивахуть», «реко[у]че», «идоша стрѣлци ис товаръ[і]», «выяша его ис поро[у]ба», «в ро[у]це», «мо[у]жь»[69] и др. Такого рода пропуск мог быть и в рукописи «Слова о полку Игореве» в следующем месте: «. . . уже бо бѣды его пасеть птиць по до[у]бию». Вставка буквы «у» дает вполне удовлетворительное чтение.

---

[60] История о Казанском царстве. — ПСРЛ, т. XIX. СПб., 1903, стб. 201, примеч. 27.

[61] Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[62] Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, стб. 154, 256, 320, 358, 386, 686.

[63] История Иудейской войны, ГБЛ, Волокол., 651, л. 105. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[64] Там же, л. 92 об. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[65] Там же, л. 174 об.

[66] Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, стб. 458.

[67] Там же, стб. 385.

[68] Там же, стб. 347.

[69] Там же, стб. 311, 313, 324, 331, 337, 406, 840.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

На грани бессознательного и сознательного изменения текста стоят изменения текста, вызванные невольным стремлением писца осмыслить непонятные для него места. Это наиболее коварный тип ошибок и наиболее частый. Он коварен потому, что осмысление текста очень трудно обнаружить современному текстологу, склонному очень часто и самому делать именно этот род ошибок. Только сличение разных списков позволяет заметить различия, указывающие, что в каких-то вариантах мы имеем изменения, а в других — первоначальный текст. Обычно писец стремится от трудного к легкому, от непривычного к привычному, от незнакомого к знакомому; поэтому можно считать, что первоначальным чтением будет наиболее трудное для писца, незнакомое, архаическое.

Но это не всегда так. Бывают писцы, которые, напротив, стремятся к учености текста, нарочито его архаизируют и церковнославянизируют. Для того чтобы решить — какое чтение первоначальное, а какое внес последний писец, необходимо рассмотреть всю правку писца, по возможности выделить принадлежащие ему разночтения и убедиться в том, что общий характер правки позволяет приписать ему и данную правку.

Исправления писцов до чрезвычайности запутывают изучение истории текста. Дело в том, что, исправляя, писец по большей части исправляет в е р н о. На это мало обращают внимания в специальных работах по критике текста, но это действительно так. Верное же исправление испорченного места очень часто крайне затрудняет работу текстолога: текстолог предполагает, что перед ним первоначальное чтение, и оно, действительно, первоначальное, но «возвращенное», появившееся вторично, в результате верного исправления испорченного текста. Такое вновь возникшее первоначальное чтение крайне осложняет работу текстолога по установлению генеалогии списков. Особенно запутывается генеалогия списков, если таких «удачных» исправлений писца несколько или даже много. Грамотный и сообразительный писец становится, таким образом, врагом текстолога.

Не лучше обстоит дело и тогда, когда писец, исправляющий текст, делает это плохо. Плохое исправление текста ведет к дальнейшим его исправлениям. Таким образом, ошибка ведет к исправлениям ее, а неудовлетворительные исправления, в свою очередь, плодят дальнейшие исправления и ошибки.

Вот почему, с точки зрения текстолога, переписчики, которые меньше всего думают над текстом и переписывают механически, — лучшие переписчики. Для текстолога во много раз меньше затруднений с механической опиской, чем с осмыслением текста писцом. На этот счет существует множество единодушных высказываний текстологов.

Говорят, что один ученый эллинистической эпохи на вопрос, как достать надежный текст Гомера, ответил, что следует придерживаться древних, «неисправленных» экземпляров.[70]

Английский текстолог А. Кларк пишет: «В переписчике нет более благословенного качества, чем невежество, и скорее тривиально, а не парадоксально утверждать, что лучшие рукописи те, которые переписаны наиболее невежественными писцами».[71] П. Колломп также пишет: «Ошибки, которые плодит полуученый писец, исправляя текст, наиболее опасные ошибки».[72] А. Дэн утверждает: «Хороший переписчик тот, который воспроизводит ошибки оригинала».[73] И т. д.

«Хорошие» переписчики копировали и ошибки, и непонятные слова, и устарелые формы языка, а в пергаменных уставных и полууставных рукописях подражали даже почерку оригинала. «Дурной» переписчик тот, который не уважает переписываемого текста и исправляет его. Вот почему, если отдельные места текста в результате его переписывания сохранили бессмысленность оригинала, то это может служить одним из признаков того, что переписчик не переосмыслял текст, а писал механически. Такие списки нельзя легкомысленно исключать из привлекаемых к рассмотрению, как «неисправные». Именно эти «неисправные» списки могут оказаться весьма показательными для установления истории текста. Между тем очень многие издания древних текстов, которые делались в прошлом веке и в начале настоящего, делили списки того или иного произведения на «исправные» и «неисправные», отбрасывая последние. В древнерусских рукописях мы часто встретим призывы писцов читать их рукописи «исправливаючи» и даже заклятия тем, кто этого не делает. Это не значит, что читателям предлагалось вносить исправления в самую рукопись. Речь шла лишь о правильном чтении. В этом убеждает то, что в певческих рукописях в аналогичных приписках писцы предлагают «петь» их рукописи «исправливаючи»: «Аще ся буду в коем месте где описал, или с другом глаголя или забытьем помыслы лукавыми, и вы, господа, пойте исправливая».[74]

Напротив, древнерусские рукописи очень часто заключают в себе призывы к будущим переписчикам ничего не исправлять в рукописях, переписывать все, не внося в текст никаких изменений. Впрочем, в древнерусских рукописях нередки указания и на то, что текст их правился переписчиками, но под правкой

[70] Фр. Бласс. Герменевтика и критика. Пер. Л. Ф. Воеводского. Одесса, 1891, с. 156.

[71] A. C. Clark. Recent Developments in Textual Criticism. Oxford, 1914, p. 21.

[72] P. Collomp. La critique des textes. Strasbourg, 1931, p. 10—11,

[73] A. Dain. Les manuscrits, p. 16.

[74] А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие, с. 369.

текста в Древней Руси разумелось по большей части не исправление его по смыслу, а по другим рукописям. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

Типы переосмыслений очень разнообразны. Особенно часты замены малопонятных писцу слов сходными по звучанию понятными: вм. «на стогнах» (т. е. на площадях) — «на стенах»; «рыдель» (рыцарь) — «рыдатель»; «зьрно горюшно» (или «горушно» — горчичное) — «зьрно горошно»; «икономү» — «и ко оному» и т. д. В «Повести о Басарге» в основных ее списках говорится «и бысть голка (шум, мятеж, — *Д. Л.*) велика». В одном же из списков это место переделано так: «бысть же во дворце голкъ (горшок, — *Д. Л.*) великий».[75]

Нередко писец принимал малознакомые ему старые или церковнославянские слова за неправильно написанные новые. Так, вместо «слы» (послы) он ставил «слуги», вместо «ипаты и тироны» — «тироны и попы», а дальше даже добавлял для полноты — «и дияконы». Иногда писцы в порядке осмысления непонятного слова прибегали к «народной этимологии», например вм. «невегласы» — «невсѣгласы».[76]

На переосмысление текста и замену непонятного слова другим может навести случайное соседство со словом, сочетание с которым может оказаться более привычным. Так, в одном Евангелии XV в. вместо текста: «Аще просит яица, еда подасть ему скорпию» (т. е. скорпиона, Лук. II, 12) написано: «Аще просит яица, еда подасть ему скорълупию».[77]

Еще более разительный пример находим в Ипатьевской летописи. Здесь в основном Ипатьевском списке под 1190 г. читаем: «. . . и хотеша пустити на вороп (набег, — *Д. Л.*) по земле и яша язык во Воротцех».[78] Однако более правильное чтение находим в Ермолаевском списке. Там сказано: «во воропцех», т. е. в набегах. Составитель Ипатьевского списка не понял этого слова и превратил его в географическое название.

Очень часто непонятное слово последующими переписчиками превращается в имя собственное. Такое имя собственное иногда надолго остается не разгаданным исследователями. Так, например, в «Повести временных лет» под 1015 г. рассказывается о восстании новгородцев против варягов: «Вставше новгородци, избиша варяги во дворе Поромони». Кто такой был этот «Поромон», во дворе которого были избиты варяги, оставалось совершенно загадочным, так как ни перед этим, ни в последующем тексте этот «Поромон» и его двор не упоминались. Не сомневались, тем не менее, в суще-

---

[75] Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[76] В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913, тексты, с. 7.

[77] Архим. Амфилохий. Четвероевангелие Галичское 1144 года. СПб., 1885, II, с. 264. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[78] Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, с. 672.

ствовании этого «двора Поромони» ни А. А. Шахматов, ни кто-либо из других исследователей летописи. Это название «двор Поромонь» вызвало оживленную дискуссию в скандинавской славистике. Было предложено два толкования. Первое толкование предполагает, что это farmanna garđr — торговый двор. Скандинавское farmađr в русском языке было фонетически правильно передано как «поромон». Другое толкование связывает «двор Поромонь» с греческим παραμοναί означающим «вахта», «лейб-вахта».[79] Скандинавские ученые предполагают, что так назывались помещения для наемных скандинавских воинов при дворце Ярослава в Новгороде.[80] Как бы ни решать этот вопрос, важно, что первоначальное слово в данном случае не имя собственное.

В «Послании новгородского архиепископа Василия о рае» в некоторых списках вместо слов «Деисус написан лазо́рем чудным» стоит «Деисус написан Лазарем чудным». Если бы мы знали окружение писца, его интересы, круг ассоциаций, то, может быть, нашли бы и того Лазаря, который спровоцировал появление этой ошибки.

Особенно часто некоторые нарицательные названия превращаются в имена собственные в произведениях переводных. Ср., например, в переводе книги Иисуса Навина: «. . . не дадяху снити имъ на земьлю К о л л а ф а», в греческом же тексте — εἰς τὴν κοιλάδα (т. е. в долины).[81]

Так как текстологи очень часто недалеко отстоят по своим приемам интерпретации текста от древних писцов, повторяя их ошибки осмысления, то такое же превращение непонятных слов в имена собственные нередко находим и в изданиях XIX и XX вв. Ср., например, в первом издании «Слова о полку Игореве»: «О русская земля! уже за Шеломянемъ еси» («шеломя» принято за название села); «то была бы Чага по нагатѣ, а Кощей по резанѣ» (тюркские слова «чага» — 'ребенок' и «кощей» — 'раб' приняты за имена половецких ханов); «дорискаше до Куръ» («до куръ», т. е. «до петухов», принято за определение места, до которого «дорыскивал» Всеслав Полоцкий) и др.

Любопытный пример переосмысления непонятного текста представляют нам списки Есиповской сибирской летописи. В списке Сычева мы читаем следующий текст, содержащий классические реминисценции: «Они же окаяннии яростию претяще им и гордяся паче кинтаврь яко Антей». В некоторых списках это непо-

[79] Софоклес в своем словаре (E. A. S o p h o c l e s. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods, vol. II. New York, 1957, p. 847) указывает в языке Константина Багрянородного множественное число αἱ παραμόναι со значением «body-guard», особенно «the imperial body-guard».

[80] Ad. S t e n d e r - P e t e r s e n. Varangica. Aarhus, 1953, s. 118—119.

[81] В. Л е б е д е в. Славянский перевод книги Иисуса Навина. . ., с. 123—124. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

нятное для писцов «Антей» превратилось в бессмысленное «Анпей», «Анне» и т. д. Но один из писцов был начитан и, вспомнив «Повесть об Акире Премудром», написал: «И гордяше паки доиграв яко Акир».[82]

Не менее часто встречается и обратный тип осмысления: имя собственное превращается писцом в нарицательное. Например, в книге Иисуса Навина читается: «. . . сикущи вся иже и з г н а я», выделенное разрядкой явилось из «изъ Гая» (греческое ἐν τῇ Γαΐ). «Текстолог» — писец, решив, что перед ним пропуск буквы, исправил это место вставкой буквы.[83]

На осмысление писцами собственных имен и превращение их в нарицательные имело влияние сходство этих имен или целого сочетания букв при слитном написании слов с тем или иным нарицательным названием, если, конечно, такого рода замена допускалась или даже облегчалась контекстом. Сходство, провоцировавшее такие осмысления, могло быть и зрительным и слуховым.

Пример «слухового осмысления» дает одна рукопись XVIII в. (культура и осведомленность переписчиков в XVIII в. была в общем более низкой, чем в Древней Руси), где вместо «летописец Зонара» читаем «летописец звонарь».[84]

Подобного рода ошибки часто делали древние переписчики, если они были из другой местности, не знали географии и истории страны, о которой идет речь в памятнике. Так, например, с е р б с к и й переписчик Пролога в житии р у с с к о г о святого Мстислава написал, что Мстислав поставил церковь «новааго ради», вместо «в Новаграде».

Любопытное переосмысление прозвища московского князя Михаила Александровича Хоробрита встречаем мы в Новороссийском списке Новгородской четвертой летописи. Там под 1274 г. вместо слов «и по единем лете прогна Андрей Хоробрита» читаем «и по едином лете и прогна Андрей хоробри татарове».[85]

Переосмысление может быть в равной степени вызвано как тем, что писец не узнал незнакомое ему собственное имя или географическое название, так и тем, что он его «узнал» в незнакомом ему слове. Так, в Проложной редакции конца XVIII в. жития Александра Невского вместо слов «к Кановичем» сказано «на реку Каму».[86]

Одним из самых серьезных оснований для изменения текста древнерусскими книжниками служило изменение действительно-

---

[82] Сибирские летописи. Издание Археографической комиссии. СПб., 1907, с. 191.

[83] В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина. . ., с. 183. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[84] Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[85] Новгородская четвертая летопись, вып. 1. — ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Пг., 1915, с. 229.

[86] В. Мансикка. Житие Александра Невского, с. 172.

сти, делавшее непонятным старый текст. Такие изменения особенно влияли на изменения текста, когда они касались мало учитываемых сознанием книжников явлений: изменений названий бытовых предметов, техники ремесла, географических понятий, военной тактики и т. д. и т. п. Приведу пример. Под 1224 г. в Синодальном списке XIII в. Новгородской первой летописи читаем о том, что Мстислав Киевский в битве на Калке стал на горе над рекою Калкою «и ту у г о ш и город около себе в к о л е х, и бися с ними из города того по 3 дни».[87] С изменением тактики русского войска (устройство боевого городка из телег; коло — телега) это место оказалось непонятным, и последующие писцы XV и XVI вв. пишут вместо «в колех» — «в кольих» или «в кольех», т. е. говорят о городе, обнесенном острогом (в степных условиях это было невероятно), а кстати меняет и малопонятное слово «угоши» (устроил) на «сътвори».

Иногда осмысление текста сводится к довольно верному переводу устаревшего и непонятного выражения на новое и понятное. Так, например, в Ипатьевском списке Ипатьевской летописи под 1268 г. мы читаем: «Тогда же Болеславу князю болну сущу велми, потом же Болеслав, у с т о р о б и в с я, посла посол свой». Редкое слово «усторобився» (выздоровел) писцы Погодинского и Хлебниковского списков той же летописи заменили более понятным «оздоровися».[88] М. Д. Приселков приводит целый ряд таких поновлений текста в своде 1212 г.: «Так, слово „ложница“ (в 1175 г.) свод заменяет словом „постельница“, „прабошни черевы“—„боты“ (1074 г.), „протоптаныи“ — „утлыи“ (1074 г.), „набдя“ — „кормя“ (1093 г.), „доспел“ — „готов“ (992 г.), „уста“ — „преста“ (1026 г.), „детеск“ — „мал“, „детищь“ — „отроча“, „исполнить“ — „исправить“, „крьнеть“ — „купить“, „ключится“ — „прилучится“, „полк“ — „вои“, „комони“ — „кони“, „ратиться“ — „сразиться“, „развращен“ — „розно“, „ядь“ — „снедь“, „уверни“ — „възвороти“, „похоронить“ — „погрести“, „двое чади“ — „двое детей“ и др».[89]

Иногда причиною изменения текста могли явиться церковно-канонические неясности. Так, в Ипатьевской летописи под 1147 г. рассказывается очень сложная с церковно-канонической точки зрения истории поставления в митрополиты киевские Климента Смолятича в не менее сложной политической обстановке. В этом рассказе Ипатьевской летописи в основном (Ипатьевском) списке читаем: «И тако сгадавше епископи с л а в о ю святого Климента поставиша митрополитом». В списках Хлебниковском и Погодинском вместо «славою» стоит «главою». Оказывается, ошибся составитель основного списка, и ошибся ввиду неясности для него всей

[87] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, с. 218.

[88] ПСРЛ, т. II, стб. 864.

[89] М. Д. П р и с е л к о в. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 86.

этой процедуры поставления. Разъяснена она в 1913 г. Пл. Соколовым в его замечательном труде «Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века». Греки ставили своего патриарха в храме Софии рукою святого Германа (частью мощей Германа). Собор русских списков поставил Климента Смолятича по этому греческому образцу находившеюся в Киеве головою Климента Римского.[90] Писец Ипатьевского списка Ипатьевской летописи не был осведомлен в возможности такого обычая и изменил «главою» на тоже непонятное, но более нейтральное «славою».

Сказывается в писце и монашеская скромность. Вместо «аз и свершен муж, а смысла не знаю» в одном из списков «Повести о Басарге» писец написал «аз извержен муж. . .»[91]

Очень часто переписчик опускает непонятное слово, особенно если этот пропуск не мешает осмысленному чтению. Так, может быть опущено название города при слове город, имя собственное при слове, определяющем его положение или род занятий, и т. д. Так, в «Повести о Басарге» в тексте «Аз чаял, купче, единоя еси со мною веры и единого бога Аполона» в одном из списков пропущено слово «Аполона».[92] В последнем случае сказалось, очевидно, не только желание писца сократить, но и его христианский пуризм.

Иногда писец, довольствуясь внешним сходством слова и подставляя его по сходству написания, почти не думает над смыслом. Так, например, в списке ГИМ Синодальной библиотеки № 964 «Сказания о Мамаевом побоище» читаем «шумит бо рать Димитрия Ивановича всеа России з л о ч е с т и в ы м и (вм. золочеными,— *Д. Л.*) доспехи».[93] Еще более разительный случай полного отвлечения писца от смысла целого и чтения «по сходству» находим мы в рукописи, ГБЛ, собр. Московской духовной академии № 100 Хроники Амартола. Там говорится о праведных людях: «. . . темь убо сущим в в о д и л а ю щ и с Павлом глаголати. . .» Другие списки (более поздние) Хроники дают правильное чтение: «в лодии плавающим».[94]

Писец, не поняв то или иное слово, подставляет иногда первое попавшееся похожее, не задумываясь над смыслом целого. Так, в тексте славянского перевода Хроники Георгия Амартола писцы не понимали слова «плючь» — легкое: «И въшед на брань и устрелен посреде препоны в п л ю ч ь». Один писец заменил предлог «в» на союз «и», а другие после этого заменили слово «плючь» на «ключь» и «плечь».[95]

[90] Пл. С о к о л о в. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913, с. 79—81.

[91] Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[92] Там же.

[93] С. Ш а м б и н а г о. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, с. 343.

[94] В. М. И с т р и н. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пг., 1920. Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[95] Там же, с. 178.

Как ни бессмысленны в целом все эти последние «исправления» писцов, все же их следует причислять к «осмыслениям» текста, поскольку новый получившийся текст в каком-то отношении удовлетворял писца больше, чем прежний.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Особое значение в работе древнерусского книжника имеют те сознательные изменения, которые он вносит в текст. Когда-то текстологи обращали главное внимание на «ошибки» писца, неправомерно расширяя понятие «ошибки» и относя к этим «ошибкам» большинство изменений, которым подвергал писец текст своего оригинала. Считалось, что эти ошибки должны привлекать главное внимание текстолога. В. Н. Перетц писал: «Механические причины (изменения текста, — *Д. Л.*) действовали в общем чаще, и прежде всего надо думать о них».[96]

Современные требования иные. Независимо от того, какие причины действовали чаще, сознательные изменения текста гораздо серьезнее. Именно они, а не изменения бессознательные, создают новые редакции произведений. Сознательные изменения текста принадлежат книжнику более высокого типа, чем простой переписчик. По существу — это творец, соавтор произведения. Для историка текста именно эти сознательные изменения наиболее интересны, и искать в изменениях текста необходимо прежде всего эти сознательные, целенаправленные изменения. В том или ином тексте их могло быть меньше количественно, но они безусловно были значительнее. Только после того как мы убеждаемся, что то или иное изменение текста никак не могло быть целенаправленным, мы можем приступить к определению типа бессознательной ошибки. Бессознательность ошибки определяется только после исключения всякой возможности ее сознательного характера. Это один из основных методических приемов текстологической работы.

Какие же сознательные изменения вносит древнерусский книжник в текст произведения? Классификация этих изменений очень трудна, поскольку творческий процесс бесконечно сложнее нетворческого. Тем не менее можно грубо определить два основных типа сознательных изменений текста: изменения идейные и изменения стилистические. Прежде всего остановимся кратко на том, как писец стилистически правит текст. Эти стилистические изменения проще и однообразнее идеологических, и их удобнее поэтому рассматривать в первую очередь.

Наиболее частые стилистические изменения текста — это стилистическая модернизация его или, реже, архаизация, «распро-

---

[96] В. Н. Перетц. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений, методы, источники. Киев, 1914, с. 276.

странение» текста, т. е. усложнение его различного рода стилистическими украшениями, и его сокращение.

О той или иной стилистической работе писца мы находим собственные признания последнего и своеобразные предупреждения для читателя. Так, например, Степенная книга XVIII в. ГБЛ (Румянцевское собрание № 416) имеет в одном из своих заголовков следующее заявление ее составителя: «Княжение великого князя Иоанна Васильевича в России, выписано из Степенной книги князя Василия Урусова со изъятием избыточественных речений». С другой стороны, древнерусские книжники неоднократно заявляют о своем желании составить «украшенное» житие святого. Сохранилась, например, особая статья конца XV в. «О сотворении жития началников соловецких» — Зосимы и Савватия. Эта статья очень важна с точки зрения того, как составлялись жития в Древней Руси. Между другими, весьма интересными сведениями в ней говорится о том, как искали книжника, «могущего украсити, якоже подобает» уже имевшееся житие Зосимы и Савватия Соловецких, — насыщенное фактами, но не украшенное «словесы».[97]

Сознательные стилистические изменения могут носить иногда очень мало заметный характер и смешиваться с бессознательными изменениями текста. Так, например, модернизация текста (орфографическая и стилистическая) — по большей части результат бессознательных усилий переписчика; совсем иначе обстоит дело с архаизацией: даже в случаях очень незначительной правки она, напротив, всегда сознательна. Так, например, архаизацией текста является постановка в рукописях XV—XVI вв. нестяженных форм давнопрошедшего времени вместо стяженных (беах—бях, идеаше—идяше, несяахуть—несяхуть, летяахy—летяху), нестяженных форм в склонении прилагательных («ааго» вм. «аго» в род. ед., «ыимь» в твор. вм. «ымь», «ыимъ» в дат. мн. вм. «ымъ», «ыими» в твор. мн. вм. «ыми» и т. д.).

Отмечу, что явления сознательной архаизации в рукописях XV, XVI и XVII вв. требуют специального лингвистического исследования, которое принесет очень большую пользу текстологам.[98]

Особую группу стилистических изменений представляют те, которые вводились не ради преобразования стиля как такового. Писец вносит стилистические изменения только для того, чтобы удлинить или сократить текст в связи с какими-нибудь внешними обстоятельствами: нехватка бумаги, стремление покрасивее разместить текст на листе или в строке. Писец иногда сокращает текст,

---

[97] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 188—203.

[98] Лингвистические исследования в помощь текстологам необходимы в самых разнообразных областях древнерусских текстов: синтаксические, орфографические, морфологические и пр. Пока они не будут произведены, текстология в значительной мере будет базироваться на произвольных, а порою и на дилетантских соображениях.

стремясь не затронуть его содержания, чтобы уместить его в том или ином заданном месте, или, реже, заполняет пустоту строки, листа, места перед иллюстрацией и т. п.[99]

Одна из важнейших особенностей стилистических изменений в древнерусских памятниках заключается в том, что индивидуальное стилистическое своеобразие авторской работы сказывается в этих памятниках еще сравнительно слабо. Индивидуальный стиль еще не выработался. Авторы меняют свою манеру в зависимости от жанра, в котором пишут, и от того, о чем они пишут, — от предмета изображения. Поэтому, редактируя текст, древнерусский книжник отражает в нем не свои индивидуальные требования к стилю, а требования эпохи, затем требования жанра и, наконец, требования литературного этикета.[100] Но здесь мы уже выходим из пределов текстологии в область литературоведения.

ИДЕЙНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Идейные изменения в тексте могут быть связаны со стилистическими и могут не быть с ними связаны, могут вести к композиционным изменениям всего текста и касаться только отдельных его мест. Памятнику может быть придан обратный смысл или сделана только та или иная «подчистка». В нем может быть добавлена идея, которой до того в нем не было, и изъята та идея, которая в нем была. Разнообразие изменений, которые могут быть внесены в произведение, и разнообразие приемов этих изменений невозможно ни исчерпать, ни предусмотреть. В основном мы будем касаться их на всем протяжении дальнейшего изложения. Сейчас же отметим только следующее. Сознательные изменения могут вноситься в памятник без каких-либо дополнительных письменных источников и могут потребовать этих дополнительных источников.

Остановимся прежде всего на вставках в текст — глоссах и интерполяциях писцов.

ГЛОССЫ И ИНТЕРПОЛЯЦИИ

Термины «глосса» и «интерполяция» употребляются часто альтернативно. Необходимо различать их следующим образом. Глосса — это пометка на полях или между текстом данной конкретной рукописи. Глосса графически не сливается с основным

---

[99] Примеры такого рода пропусков и вставок см. в книге: A. C. Clark. The Descent of Manuscripts. Oxford, 1918.

[100] В. В. Виноградов пишет: «В истории. . . древнерусской литературы категория индивидуального стиля не выступает как фактор литературной дифференциации и оценки произведений словесного творчества почти до самого конца XVII века» (В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 45). «Даже в XVII веке индивидуальные черты писательского слога выступают лишь как видоизменения, некоторые вариации в системе общего жанрового стиля» (там же, с. 55). «Понятие индивидуального авторского стиля. . . неприменимо к древнерусской литературе, по крайней мере до XVII века» (там же, с. 56).

текстом. Интерполяция же — это вставка в текст произведения, сросшаяся с этим текстом графически и по существу, хотя часто и нескладно. Сделать интерполяцию в тексте может и сам переписчик непосредственно в процессе переписки текста, но чаще интерполяция представляет собой переписанную писцом глоссу.

Глоссы и интерполяции делаются по разным причинам: для придания тексту большей полноты (например, интерполяции из других сочинений на ту же тему — особенно в сочинениях исторических) или разъяснения кажущегося писцу непонятным текста (глосса, разъясняющая трудное слово, дефект текста, малопонятное рассуждение, неясный факт и пр.) для восполнения мнимого или действительного пропуска.

Разъяснения писцов на полях и в тексте рукописей могут быть разнообразны по содержанию, по форме, по размерам.

Приведу примеры из рукописи болгарского Рыльского монастыря 4/4 (1) (№ 34), где имеются различные приписки на полях (частично для них писец оставлял даже специальное место, и поэтому, возможно, они принадлежат его предшественнику). Так, к тому месту «Слова Григория Богослова на пасху», где говорится о коне на «обращалище», писец дает на полях киноварью следующее разъяснение. «Есть вь Константине граде ипподромие, сиречь конье рискалище, и ту обьучаваху колеснице с конми в течении и вь обращении, яко да егда брань будет готови суть, и есть обрать иде же текуще вьходет, да иже предварить иных и, добре вь обращении угодивь вьходит ть венць победи приемлеть и от тали начесе притча сиа — боди жребць о обращении» (л. 44).

Это комментарий фактический. Но вот комментарий, выражающий отношение писца к комментируемому месту: к словам текста книги пророка Исайи «горе сьвькупляющимь домь къ дому и село кь селу приближающем» писец дает примечание: «Сице приближает село к селу обидливый. Аще видить у некого село добро или домь украшень и на добре месте, сия суща шьд купует у суседа, имущаго сиа близь сущаго паче же и нищь аще будет, домь или село или ниву и приближе всек имущому она добраа натнеть и от того кь своему селу грабити, донде ж и от него насилием купит вса или възметь» (л. 73 об.). Здесь комментарий приобрел публицистический оттенок. Такой же публицистический характер носит комментарий о неправедном взимании мыта (л. 117 об. и 261). Есть в той же рукописи разъяснение иностранных слов: евр. «саватизмо» (л. 136), греч. «ритор» (л. 236) и др. Разъясняются в рукописи философско-богословские понятия («средний путь»—л. 116 об.), характер ангельских помыслов (л. 158) и даже, что́ следует понимать под словом «льщение», которым дьявол уловляет людей («льщение глаголется, еже полагають на удицу ловци», л. 220).[101]

[101] Частично некоторые из такого рода приписок указаны у Е. Спространова: Опис на ръкописите в Библиотеката при Рилския манастир. София, 1902.

Все эти глоссы сделаны на полях самим писцом рукописи (известным Владиславом Грамматиком), но часто глоссы делались на полях читателями—другим почерком, спустя много лет, а иногда даже несколько столетий.

Иногда глоссы читателей также вносились последующими переписчиками в текст. В. Лебедев указывает, например, следующий случай. В книге Иисуса Навина (IV, 6) в списке Кирилло-Белозерском № $^1/_6$ (ГПБ) читается следующий текст: «Глагола господь к Моисею человеку божию о мне и о тебе вдавири и в Каисварней». Непонятному слову «вдавири» нет соответствия в греческом оригинале, по-видимому, оно внесено в текст писцом. Как это было сделано, поясняет список Погодинский № 77 (ГПБ). Здесь слово «вдавири» написано на поле: это была глосса кого-то из читателей, при переписке занесенная в текст.[102]

Примером разъяснений, вносимых самим писцом непосредственно в текст переписываемого им произведения, может служить следующее место из «Александрии» в списке б. Виленского Публичного музея № 109 (147). Там рассказывается, что, желая напугать персов численностью своих войск, Александр Македонский согнал стада скота, привязав ветви к хвостам животных. Пыль от этих стад была так велика, что «въсхождаше прах до Олумпа» и тут же писец добавил «то есть до неба».[103] Этого пояснения нет в других списках «Александрии».

Интерполяция (пояснительная вставка переписчика) имеется, например, и в списке Р. Ф. Тимковского «Сказания о Мамаевом побоище», опубликованном И. Снегиревым: после слов Евдокии — «не сотвори, господи, якоже з а м н о г о л е т брань была на реце на Калке христьяном с тотары от злаго Батыя» — писец добавил следующую фактическую справку о том, что представляло собой это «много лет»: «от Калкскаго побоища до Мамаевы рати 160 лет».[104]

Эта интерполяция сделана на основании текста «Задонщины», где мы также читаем: «от Калагъския рати до Мамаева побоища лѣть 160».[105]

Более девяноста глосс читается на полях Русского хронографа редакции 1617 г. В более поздних списках эти глоссы вставляются

---

[102] В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина..., с. 169.

[103] В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893, с. 59 (тексты). Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

[104] И. Снегирев. Поведание и сказание о побоище великого князя Димитрия Донского. — Русский исторический сборник, т. III, вып. 2. М., 1893, с. 25.

[105] Список ГИМ, Музейное собр., № 2060, л. 216 (см.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 541).

в текст, причем такие интерполяции то выделяются киноварью, то нет, сливаясь, таким образом, с текстом.[106]

Вставки могли делаться в целях политических, полемических, апологетических и т. д. Ко всем этим вставкам мы будем еще иметь случаи возвращаться.

«САМОЦЕНЗУРА» И ЦЕНЗУРА

Одной из причин изменения текста была внутренняя «цензура», которой подвергал свой текст или текст переписываемого им автора древнерусский книжник. Он мог сомневаться в допустимости того или иного высказывания или целого рассказа, мог испугаться преследований или осуждения со стороны власть имеющих лиц и пропустить неподходящее место. Правда, таких случаев цензурования своего собственного или переписываемого текста в Древней Руси было значительно меньше, чем в новое время, но они все же были. Яркий пример на основе разысканий А. А. Шахматова привел в своей книге «Из лекций по дипломатике» Н. П. Лихачев.[107] Пример этот весьма курьезен. У Е. Е. Голубинского в «Истории канонизации святых в русской церкви»[108] имеется указание на следующего святого: «Иоанн Сухой, Ярославский, неизвестно когда живший до второй половины XV века». Сведения об этом «святом» заимствованы почтенным историком русской церкви из некоторых общерусских летописей, где под 1463 г. читается следующее: «В граде Ярославле при княжении Александра Федоровичя, у святаго Спаса в монастыре, явишася чюдотворци Федор Ростиславичь Смоленскый с детми, почяло от гроба их людей прощати много. А князем ярославскым прощание же доспелося со всеми вотчинами, отдавали их великому князю Ивану Васильевичю, а печялованием из старины Олексеевым Полуехтовича диака великого князя. И после того у них Иван Сухой чюдеса творити почял по всей Ярославской вотчине».[109]

То же известие читается и в некоторых других летописях, но известие это оказывается сокращенным вследствие самоцензуры писца. В Ермолинской летописи, представляющей собою летопись, оппозиционную княжеской власти,[110] это известие в полном виде представляет следующую любопытную картину: «Во граде Ярославли, при князи Александре Федоровиче Ярославьском, у святаго Спаса в монастыри во общине авися чюдотворець, князь велики

---

[106] О глоссах Хронографа редакции 1617 г. см. также ниже, с. 211.

[107] Н. П. Лихачев. Из лекций по дипломатике. СПб., 1905—1906, с. 14.

[108] Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е. М., 1903, с. 580.

[109] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, с. 148—149.

[110] Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века.— ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 159—163.

Феодор Ростиславичь Смоленский, и з детми, со князем Костянтином и з Давидом, и почало от их гроба прощати множество людей безчислено; сии бо чюдотворци явишася не па добро всем князем Ярославским: простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики против их отчины подавал им волости и села; а из старины печаловался о них князю великому старому Алекси Полуектовичь, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была. А после того в том же граде Ярославли явися новый чюдотворець, Иоанн Огафоновичь Сущей, созиратай Ярославьской земли: у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя ю, а кто будеть сам добр, боарин или сын боярьской, ин его самого записал; а иных его чюдес множество не мощно исписати, ни исчести, понеже бо во плоти суще цьяшос».[111] Последнее слово написано тайнописью (так называемой «простой литореею») и означает «дьявол». Вот, следовательно, какого чудотворца записал Е. Е. Голубинский в списки русских святых. Произошло это потому, что поздний летописец подвергал такой жесткой цензуре предшествующий текст, что смысл его не мог понять и весьма скептичный Е. Е. Голубинский. То, что перед нами не простое сокращение текста, а именно его цензура, ясно, я думаю, и без особых объяснений: иронический смысл остался, но запрятан он очень глубоко.

Другой случай и другой тип цензуры может быть указан в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1332 г. Здесь читается: «Иван [Калита] приде из Орды и възверже гнев на Новъгород, прося у них серебра закамьского, и в том взя Торжек и Бежичьский верх за новгородскую измену». Однако слова «за новгородскую измену» написаны по выскобленному, а первоначально, как это видно из чтений других списков Новгородской первой летописи, в ней стояли слова: «через крестное целование».[112] Это означает, что новгородец-летописец обвинял Ивана Калиту в нарушении крестного целования, москвич же «цензор», в руках которого побывал в конце XV или, может быть, в начале XVI в. Синодальный список, обвинил самих новгородцев в измене, выскоблив обвинения против Калиты. Весьма возможно, что тот же москвич оторвал в Синодальном списке первые 15 тетрадей, где находились новгородские предания о начале Новгорода и Русского государства и знаменитые Ярославовы грамоты, которыми новгородцы обосновывали свою независимость.[113]

---

[111] Ермолинская летопись. — ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 157—158. — Возможно, что слова «Иоанн Огафоновичь Сущей, созиратай Ярославьской земли» следует читать так: «Иоанн Огафоновичь, сущей созиратай Ярославьской земли».

[112] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, с. 99.

[113] Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. — Исторические записки, № 25. М., 1948, с. 264—265.

РАБОТА ПИСЦА ПО НЕСКОЛЬКИМ ОРИГИНАЛАМ

Было время, когда текстологи считали, что у писца рукописи был перед глазами только один оригинал, что писец переписывал его «не думая», не сличая с другими рукописями и не производя никакой его проверки. А. А. Шахматов практически в своей работе над текстами летописей опроверг это мнение. Однако уже после смерти А. А. Шахматова С. А. Бугославский, критикуя текстологическое исследование А. А. Шахматова «Повести временных лет», категорически отрицал возможность такого рода работы древнерусского книжника. С. А. Бугославский писал: «По Шахматову, почти каждый редактор переписчик свода, копируя свой основной источник, сверял его с другим сводом, вбирал то из одного, то из другого своего источника не только статьи и фактические данные, но отдельные фразы, слова, даже орфографию слов. Такой взгляд на метод работы летописца представляется нам модернизацией; он напоминает скорее кропотливое сличение текстов, подведение вариантов, выполняемое современными филологами, чем творчество летописца».[114]

Этот взгляд С. А. Бугословского неверен. Он опровергается знакомством с русскими и иностранными средневековыми рукописями.

А. Дэн обращает внимание на то, что средневековый переписчик, составляющий официальный экземпляр и имеющий в своем распоряжении несколько рукописей, мог выбирать необходимое чтение среди разных. Составляемый им список становится своеобразным «editio variorum».[115] О том же, еще до А. Дэна, писал на основании папирусных находок П. Колломп.[116] Своеобразными текстологами были и древнерусские книжники. Древнерусские книжники придавали очень большое значение выбору оригинала или оригиналов, с которых надо было списывать текст. Это было важной задачей для писца, в которой соединялись его различные требования: идейные и стилистические, представления о правильном тексте, о доверии, которого заслуживала та или иная рукопись, и т. д. Работа эта сопутствовалась археографическим, историческим и филологическим разысканиями.

В Древней Руси делалось большое различие между списками старыми и новыми, исправными и неисправными, ценились рукописи, вышедшие из определенных мастерских, и т. д. Московский великокняжеский летописец говорит, например, что князь Юрий Дмитриевич Галицкий добивался стола «летописци с т а р ы м и

---

[114] С. А. Б у г о с л а в с к и й. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст). — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования, под ред. Н. К. Гудзия. М.—Л., 1941, с. 12.

[115] A. D a i n. Les manuscrits, p. 126.

[116] P. C o l l o m p. La critique des textes. Strasbourg, 1931, глава «Les papyrus et la critique textuelle», p. 82 et sqq.

списки».[117] Другими словами, древность рукописи имела юридическое значение даже в вопросах государственной важности.

В рукописи Новгородской второй летописи (по сборнику Архивскому или Малиновского) имеется следующая приписка на л. 53: «В лето 7000 восмъдесятого (1572), месяца февраля в 5, вторник, а служил того дни в манастыри на Лисьи горе обидню и смотрил в манастыри книгы литописца церковнаго, а сказывали, что летописць Лесицкий добри сполна, ажо не сполна, развие написано в летописце в Лесицком владыкы навгороцькые, не вси сполна, писаны, развие до владыкы Еуфимия Навгороцького; а смотрил в кельи у старца у келаря у Деонисья».[118]

Приведу несколько высказываний писцов, удостоверяющих, что перед их глазами был не один оригинал, а несколько: «А писана (данная рукопись,[119] — *Д. Л.*) не с единаго списка, но с различных добрых переводов»; «А писана сия святая книга Апостол Толковый[120] с добрых переводов честных монастырей Каменского и Павловского и Корнилиевского; а трудов и потов много положено, как правили сию святую книгу»; «Писах же с разных списков[121] тщася обрести правая; и обретох в спискех онех многа не исправлена. Поведаю же и се, откуда изысках многиа списки. Бе бо в велицей обители сей инок, именем Антоний, православен, божественная писания чтый и мыслене потяся к разумению сих и по премногу тщателен к сих исправлению, ему же поручена служба—многостяжательная божественных книг. . . книгохранительница. Той же богомудрый инок. . . хождаше в многобогатую божественных писаний книгохранительницу, овы убо мне книги многи в келью дая на исправление, овы же тамо многи, елико обретохом, люботрудне купно смотряхом, да обрящем правое и богу угодное. И елика возможна моему худому разуму, сия исправлях; а яже невозможна, сиа оставлях, да имущие разум больше нас, тии исправят не исправленная и недостаточная наполнят».[122] Список творений Дионисия Ареопагита, писанный в Ярославле в 1617 г. (Московской духовной академии), имеет такую жалобу писца: «Писал есмь с древняго и ветхаго переводу, справити было не с чего, книги такие в Ярославле не добыл».[123] Итак, переписчики сличали переписываемый текст с другими его списками, обращали большое внимание на то, с какого оригинала они переписывают, отмечали его недостатки, ветхость, пропуски, отсутствие отдельных листов и тетрадей.

[117] Симеоновская летопись. — ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 172.

[118] Новгородские летописи. Издание Археографической комиссии. СПб., 1879, с. 111—112.

[119] Слово Феодора Студита конца XVI в., вклад вологодского архиепископа Ионы 1593 г.

[120] Апостол толковый 1603 г. Троицкой лавры.

[121] Приписка в Каноннике 1616 г. Троицкой лавры № 281; писал писец Арсений Глухой.

[122—123] Текст приписок привожу по книге: А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 98—99.

Проверка книг после переписки по тому или иному списку отмечена как обязательная даже для профессиональных переписчиков в постановлениях Стоглавого собора. Там сказано, чтобы писцы писали книги «с добрых переводов, да, написав, правили, потом же бы продавали».[124]

В некоторых случаях книжник сам отмечал вставки из других списков или даже других произведений на ту же тему. Так, например, особо выделялись вставки в «Русском временнике»: «А се от иного летописца».[125] Этим «иным летописцем» была Степенная книга.[126]

О своих источниках и об обращении с ними древнерусские переписчики говорят неоднократно. Так, например, летописец, составлявший Синодальный список Псковской второй летописи, пишет под 6979 г., рассказывая о походе Ивана III на Новгород; «О сем аще хощеши уведати, прошед Руский летописец вся си обрящеши. Мы же о нем же начахом, сиа и скажем от велика некая мала».[127] Последними словами летописец хотел сказать, что свой дополнительный источник он сокращал. О том же говорит летописец и под 6860 г.: «Бысть мор зол в Пскове, и по селом и по всей волости, хракотный; о сем пространне обрящеши написано в Руском летописци».[128]

Монах Комельского монастыря Пахомий, автор жития князей— братьев Константина и Василия Всеволодовичей прямо отмечает, на каком месте оканчиваются у него источники: «И сия дозде дошедше, и скончашася писания». [129]

Конкретный текстологический материал убеждает, что работа по выверке текстов по различным рукописям производилась древнерусскими переписчиками сплошь и рядом; с возможностью такой работы текстолог обязан считаться в каждом отдельном случае. Явно сохранившиеся следы именно такого рода редакторской работы немалочисленны. Так, например, А. Н. Насонов убедительно показал, что Архивский список Псковской третьей летописи переписывался с дошедшего до нас Строевского списка и затем сверялся с подлинником, «о чем свидетельствуют поправки описок, сделанные на полях с помощью выносных знаков. Текст, по-видимому, сверялся как в процессе переписки, так и после нее: большинство поправок сделано тем же почерком и теми же чернилами, что и текст, часть же поправок сделана другим почерком и другими чернилами».[130] Дальше А. Н. Насонов приводит текст этих правок,

---

[124] Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, с. 96.

[125] Ср., например, под 1521 г. вставку о нашествии татар: Русский временник, ч. II. М., 1820, с. 325—337.

[126] Там же, с. 193—202.

[127–128] Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.—Л., 1941, с. XLV.

[129] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915, с. 236.

[130] А.Н. Насонов. О списках псковских летописей. — Псковские летописи, вып. 1, с. XXXVI.

дающий, кстати сказать, очень яркие примеры описок древних писцов. Это — несомненные описки, так как нам известна и сама копия (Архивский список) и самый оригинал (Строевский список), — случай очень редкий, а кроме того, и что очень важно, писец явно воспринимал их как описки, так как в большинстве случаев сам же их поправил. Анализ этих поправок позволяет считать многое из того, что текстологи обычно сочли бы сознательным изменением текста, результатом случайных описок. Так, например, переписчик под 6831 г. вместо слов «тоа же весны» написал «тоя же осени», но, очевидно, заметив, сделал выносной знак и на полях написал «весны»; в известии 6915 г. вместо «месяца октября» переписчик написал «месяца апреля», но поставил выносной знак и на полях написал «октября» и т. д.

Иногда исправление по другой рукописи делается уже после того, как текст был переписан.

Так, рукопись творений Дионисия Ареопагита XVII в. имеет множество кропотливейших поправок и заметок. Писец ее пишет: «Переводы (оригиналы, — *Д. Л.*) промеж собою не сходятся, и сие не вемы, чего ради. . . Островский перевод не правлен; а сей писец молод был, много разума (смысла, — *Д. Л.*) и речей (слов,— *Д. Л.*) растерял в точках и запятых. . . А еже недописи в переводах, и то бывает от неискусных каллиграфов: написав книгу, да не потщится справити ея, и от того многими леты растлеваются и добрые переводы».[131] По существу можно считать, что такая правленная рукопись имеет два текста: исправленный и неисправленный. При подготовке текста к печати, при подборе разночтений текстолог обязан считать такой список за два, а иногда, если исправление велось неоднократно, то и за несколько.

Практически важно бывает установить — делались ли поправки в рукописи самим ее писцом или они делались кем-то другим; вносились ли они для исправления текста, казавшегося недостаточно точным, правильным или в чем-либо неясным по самому тексту, или для того чтобы восполнить лакуны, неясно читающиеся места (выцветшие, смытые, порванные и т. д.).

Текстолог по возможности должен уяснить себе цели книжника, вносившего дополнения или исправления, так же точно как и самого писца. Человек — это интересы, психология, образование, склонности, идеология, а за человеком — общество должны и в данном случае стоять в центре интересов текстолога.

РАБОТА ПЕРЕПЛЕТЧИКА

От писца исписанные тетради поступают к переплетчику. Этим переплетчиком может быть сам писец рукописи или кто-то другой. Рукопись может переплетаться сразу же после написания

---

[131] А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, с. 99.

и много времени спустя. Ветхий переплет рукописи может потребовать новой работы переплетчика.[132] Переплетчик может перепутать тетради, потерять тетрадь или отдельные листы, он может вплести в рукопись отдельные листы не на свое место, может вплести оторвавшийся лист наружным краем внутрь и т. д.[133] Иногда в уже переплетенную рукопись вставляются новые листы и тетради.[134] Все это в дальнейшей переписке может так или иначе отразиться на судьбе текста.

*

На судьбе текста может отразиться и другое: утраты отдельных его мест, приписки на полях, сделанные читателями, которые затем последующие переписчики вписывают часто в текст, записи на чистых листах в конце или в середине текста, которые также подряд переписываются иногда писцами, и т. д.

Нет списка без ошибок. Ошибок может быть больше или меньше. Среди ошибок могут преобладать ошибки то одного, то другого типа. Один писец по преимуществу пропускает, когда запоминает текст, другой плохо читает. Есть писцы, делающие специфические диалектные ошибки при самодиктанте. Есть писцы трудолюбивые, ленивые, легко устающие, точные и «творческие». Одни любят графическую сложность, другие — простоту. Есть писцы, однообразно повторяющие одну и ту же ошибку. По своему отношению к тексту писцы так же разнообразны, как и в своем почерке. Текстологу очень важно изучить систему ошибок того или иного списка и увидеть за этой системой индивидуальность писца, различив — то, что принадлежит последнему писцу, от того, что перешло в список от его предшественников.

Еще в большей мере это касается сознательных изменений, вносимых древнерусским книжником в текст. Мировоззрение писца, его политические идеи, его литературные вкусы должны рассматриваться как известного рода е д и н с т в о — единство, включающее в себя и все противоречия его мировоззрения и литературных убеждений, отдельные непоследовательности и недоработки.

---

[132] Отметим, что большинство переплетов рукописей, особенно древнейших, не современны самим рукописям.

[133] Отметим, что чаще всего отрывались последние листы в рукописи. Это происходило потому, что книги хранили в древнерусских библиотеках положенными плашмя (а не поставленными на ребро, как это практикуется сейчас). Если рукопись не была еще переплетена, естественно, больше всего страдали именно последние листы рукописи. Они отрывались, и их обычно клали затем для сохранения в середину рукописи.

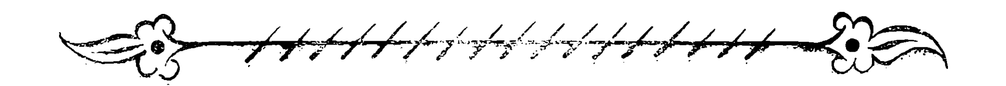
[134] Ср. указание древних писцов: «А в готовую книгу в середку вставити тетрадь» (П. С и м о н и. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении, вып. 1. СПб., 1906, с. 23).

Классифицировать изменения, вносимые в текст книжником, можно на основании разных признаков, деление может иметь разные принципы. При этом формальные признаки могут быть более четкими, чем признаки происхождения, когда текстолог должен выяснять — почему и в результате чего явилось то или иное изменение текста, однако указание на происхождение изменения все же наиболее важно, ибо оно позволяет увидеть за изменениями текста его конкретные причины и только эти конкретные причины изменений текста в их совокупности могут связать разрозненные изменения в цельную картину истории текста.

Увидеть за рукописью ее создателя и создателей, как некие индивидуальности, — значит понять ее текст.

Текстология есть наука о создателях текстов, о людях прежде всего. Это положение имеет принципиальное значение для всей концепции данной книги.

В дальнейшем мы будем видеть, как это положение оказывается правильным в разных аспектах изучения текста.

Глава II

ОТЫСКАНИЕ СПИСКОВ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

НЕОБХОДИМОСТЬ ИСЧЕРПЫВАЮЩЕГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ СОХРАНИВШИХСЯ СПИСКОВ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Изучение текста произведения начинается с отыскания его списков. Количество списков изучаемого произведения колеблется от одного до нескольких сот. Каждый изучающий произведение должен по возможности привлечь все списки его.

В текстологической работе совершенно невозможно ограничиваться только «древнейшими» или только «лучшими» списками, как это часто практиковалось в XIX и начале XX в. Самая блестящая научная проницательность не поможет возместить недостаток текстовых материалов. Находка новых списков всегда может опровергнуть самые, казалось бы, убедительные выводы, сделанные на ограниченном числе списков. Чем больше списков изучаемого произведения сохранилось, тем убедительнее и точнее окажутся результаты текстологического исследования.

Причины, по которым исследователи ограничивают свои занятия немногими списками и не стремятся расширить число привлекаемых к исследованию текстов, лежат не только в склонности облегчить себе работу. Сказывается также неумение работать над многими списками, преувеличение значения случайных списков, открытых в хранилищах, приобретенных в экспедициях за рукописями или находящихся в личной собственности. Последнее особенно характерно для западной науки.

Ш.-В. Ланглуа пишет: «Укажем мимоходом на ребяческое, но очень естественное и очень часто встречающееся у коллекционеров заблуждение: они склонны преувеличивать истинную ценность находящихся в их владении документов, только по одному тому, что они ими владеют. Многие документы были изданы с пышными комментариями лицами, приобретшими их случайно, которые не придали бы им, и вполне основательно, никакого значения, если бы встретили их в публичных коллекциях. В сущности, это только грубое проявление общей склонности (которой

нужно всегда остерегаться) преувеличивать значение документов, которыми владеют или которые сами открыли, тексты, которые сами издают, и лиц и вопросов, которые изучали».[1]

Без предварительного исследования всех текстов произведения невозможно уяснение истории его текста, решение вопроса о его авторе, времени написания, идейной сущности, художественной форме и т. д.

Древнерусские книжники считали большим грехом ходить по грамотам, изрезанным и разметанным по земле, слова которых они при этом знают.[2] Обычный грех текстологов — это «хождение» по письменным источникам, «слова которых они знают». В текстологии главная беда — это недоработанность предварительной, черновой части исследования, неучет всех списков, отказ от подведения вариантов, неосновательное исключение из рассмотрения части списков и другие проявления небрежности и лени, допускаемые даже при знании требований, предъявляемых к текстологическим исследованиям.

Исследования, оставляющие в стороне списки и тексты памятника при возможности их исследовать, обречены на поверхностность; они строятся на зыбкой и невыясненной почве, быстро устаревают и отягощают историографию изучения памятника общими рассуждениями, лишь затрудняющими будущих подлинных исследователей, которые хотели бы строить свои выводы на основательно добытом материале.[3]

Примеры, наглядно поясняющие необходимость привлечения возможно большего числа списков изучаемого произведения, могли бы быть весьма многочисленны. Напомню об одном. Академик И. Н. Жданов строил свои выводы относительно «Сказания о князьях владимирских» на изучении пяти списков этого произведения и одного списка «Послания» Спиридона-Саввы.[4] На основании выводов этого изучения строится представление об официальной политической теории Московского государства XVI в. Р. П. Дмитриева тщательно обследовала рукописные хранилища и смогла основать свое исследование этого памятника на 35 списках «Сказания», трех списках «Послания» Спиридона-

---

[1] Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899, с. 18.

[2] С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. — Чтения ОИДР, кн. III. М., 1912, с. 12.

[3] Научная литература по каждому памятнику настолько быстро растет, что пора уже подумать об экономии труда исследователей, вынужденных ее изучать. История науки знает исследователей, которые стремятся по любому поводу высказывать свое мнение, «заполнить пустоту» и тем войти в «историографию изучения вопроса», не скрывая иногда, что мнение их — не более чем предположение. Выпуск в свет того или иного поверхностного исследования не просто бесполезен — он вреден.

[4] И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских». СПб., 1891.

Саввы и на привлечении списков большого числа других памятников, близких «Сказанию» (нескольких повестей, родословий и пр.), а также на изучении документов всей дипломатической практики Русского государства, использовавших текст «Сказания». Р. П. Дмитриева подошла к «Сказанию» на основании широкого привлечения всех текстовых материалов, и понятно, почему ей удалось не только прийти к новым выводам относительно «Сказания», по-новому раскрыть историю его текста, но добиться и нового понимания политической теории Русского государства XVI в.[5]

О необходимости использовать все списки изучаемого произведения неоднократно писалось в исследовательской литературе.[6] В дальнейших главах нашей книги это будет подкреплено и другими примерами, а также станет ясным из самого описания методики текстологических исследований.

СОСТАВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЯХ

Трудности разыскания списков древнерусских произведений специфичны. Прежде всего необходимо ясно представить себе огромное количество сохранившихся рукописей.

Академик Н. К. Никольский почти всю свою жизнь составлял вместе с группой помощников (своих учеников) картотеку древнерусской письменности. Картотека в незаконченном виде поступила после его смерти (1936 г.) в Библиотеку Академии наук СССР.

Вот некоторые данные из нее.

По далеко не полному исчислению академика Н. К. Никольского, количество рукописных книг с XI по XVIII в., хранящихся в одних только крупнейших рукописных хранилищах СССР, составляет от 80 000 до 100 000. На каждую же рукописную книгу приходится в среднем от 15 до 20 рукописных статей (отдельных произведений: житий, слов, повестей и т. д.). Иными словами, количество списков древнерусских сочинений исчисляется по

[5] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.

[6] Правда Русская, т. 1. Тексты. Под редакцией Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, с. 5—61; «От редакции». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 3—4; В. И. Малышев. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей. — Там же, с. 449; Д. С. Лихачев. Изучение древней русской литературы в СССР за последние десять лет. М., 1955, с. 6, 9—10, 12, 18 (Доклады Советской делегации на Международном совещании славяноведов в Белграде); А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, с. 344—345, 354 и др.; В. В. Виноградов, Б. А. Серебренников. О задачах советского языкознания в области исторического и сравнительно-исторического изучения языков. — Вопр. языкознания, 1956, № 2, с. 12.

неполным данным картотеки Н. К. Никольского от 1 200 000 до 2 000 000.[7]

Алфавитный список русских авторов и их сочинений картотеки Н. К. Никольского составляет 9220 единиц. Список же русских анонимных сочинений — 2360 единиц. Кроме того, в картотеке алфавитный список славянских авторов и их сочинений заключает 1560 единиц, греческих переводных — 11 200.[8]

В действительности авторов и литературных произведений было в Древней Руси гораздо больше. Это видно хотя бы из того, что очень многие древнерусские сочинения дошли до нас только в одном списке, даже такие лучшие, как «Поучение» Владимира Мономаха «Повесть о Горе-Злочастии» и др. До недавнего времени только в одном списке было известно «Слово о погибели Русской земли» и др.

Впрочем, большинство произведений известно во многих десятках, а иногда и сотнях списков. Так, например, цикл «Повестей о Николе Заразском» в свое время был издан мною по 70 спискам (сейчас число известных списков могло бы быть увеличено до 90).[9] Такой крупный памятник, как «История о Казанском царстве», известен в 231 списке;[10] сотнями исчисляются списки некоторых житий, слов и поучений.

Особенно сложно обстоит дело с летописями. В картотеке Н. К. Никольского зарегистрировано 1211 списков летописей. В настоящее время после обследования крупнейших рукописных хранилищ А. Н. Насоновым и М. Н. Тихомировым [11] это число

[7] В. Н. Перетц писал в 1904 г.: «Мы, русские, можем похвалиться изобилием рукописного материала, оставленного нам многовековой исторической жизнью. Помимо колоссальных сокровищ импер. Публичной библиотеки, богатого драгоценными памятниками собрания Румянцевского музея (теперь в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, — *Д. Л.*), Синодальной библиотеки (теперь в Гос. историческом музее, — *Д. Л.*) и Архива (теперь в Центральном Гос. архиве древних актов, — *Д. Л.*), почти в каждом сколько-нибудь крупном центре культурной жизни, не чуждом научных вкусов и стремлений, мы находим более или менее значительное собрание рукописей, не говоря уже о монастырях и частных лицах, часто сосредоточивающих в своем владении такие ценные произведения книжной старины, которым принадлежит бесспорно место в ряду выдающихся среди предметов этого рода» (В. Н. Перетц. К вопросу о рациональном описании древних рукописей. Тверь, 1905, с. 3). С тех пор количество учтенных рукописей чрезвычайно возросло.

[8] О картотеке Н. К. Никольского см.: В. Ф. Покровская. Картотека академика Н. К. Никольского.— В кн.: Труды Библиотеки Академии наук СССР, т. 1. М.—Л., 1948, с. 142—150; В. П. Адрианова-Перетц. Картотека Н. К. Никольского. — Вопр. языкознания, 1961, № 1.

[9] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949.

[10] «Казанская история». Подгот. текста, вступительная статья и примечения Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954.

[11] А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — В кн.: Проблемы источниковедения, т. IV. М., 1955

может быть значительно увеличено. Кроме того, в картотеке Никольского имеется 935 карточек на летописные исторические сказания и 425 карточек на хроники и хронографы. Если принять во внимание большой объем летописей и хронографов, сложные переплетения текстов, в которые они вступают, то необыкновенная трудность их изучения выступит достаточно ясно.

Из приведенных данных виден огромный объем древнерусского рукописного материала. И этот объем все увеличивается за счет собирания новых рукописей и открытия новых произведений.

В последние годы ведется интенсивная работа по выявлению и описанию древнейших славяно-русских рукописей, хранящихся в нашей стране. Опубликован «Предварительный список» рукописей до XIV в.,[12] завершается составление перечня рукописей XV в.

Общие соображения о домонгольской письменности содержит книга Б. В. Сапунова,[13] сведения о произведениях, авторах и переписчиках собраны в словаре, изданном И. У. Будовницем.[14] В настоящее время ведется работа по составлению словаря писателей и литературных памятников Древней Руси.[15]

Как бы ни был обилен сохранившийся рукописный материал, еще больше его погибло. Общая картина древнерусской письменности чрезвычайно искажена систематическими уничтожениями рукописей — случайными и намеренными, стихийными и организованными.

Вот как изображает гибель древнерусских рукописей Н. П. Лихачев: «. . . в допетровской Руси архивы гибли и от дурных сырых помещений и от пожаров. В древних известиях о пожарах и вражеских нападениях мы постоянно встречаем указания на уничтожение книг. Во время взятия Киева войсками Рюрика и Ольговичей (1203 г.) были захвачены монастырские богатства и книги. В большом пожаре во Владимире, бывшем 11 мая 1227 г., погибло множество церквей, двор великого князя Константина и книги его библиотеки. Множество книг сгорело во время нашествия на

М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

[12] Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно»). — Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 177—272.

[13] Б. В. Сапунов. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978.

[14] И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962.

[15] См.: Д. М. Буланин, Л. А. Дмитриев. Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси». — Рус. лит., 1980, № 1, с. 109—120.

Москву Девлет-Гирея; взятие Полоцка Баторием в 1579 г. сопровождалось пожаром, уничтожившим весьма драгоценную библиотеку, содержавшую в себе много летописей и отцов церкви в славянском переводе. Известная библиотека московских князей, как можно думать, была расхищена в смутную эпоху. Московские архивы подвергались большой опасности во время пожара 1626 года (тогда пожар истребил бо́льшую часть бумаг поместного приказа, которые пришлось пополнять материалами из других приказов и документами, находившимися в частных руках). Пожары истребили значительную часть сибирских архивов, документы которых сохранились только благодаря ученой экспедиции Миллера в первой половине XVIII века. В XVIII столетии не раз были истребляемы архивы, например, в Минске и Вильне. В 1744 г. был уничтожен пожаром Архив Войска Донского; в 1779 г. — Архангельский губернский архив, в 1811 г. сгорел магистратский архив в Киеве. В 1815 г. пожар истребил центральный губернский архив в Казани, заключавший в себе весьма важные исторические акты XVI—XVIII вв.; а в 1841 г. выгорела бо́льшая часть архивов присутственных мест в Орле. Если в 1812 году Московский архив иностранных дел весь сохранился, то этим он обязан особой предусмотрительности начальства и своему государственному значению. Но тогда же погибли весьма многие семейные архивы и библиотеки, в числе которых были известны собрания рукописей и книг — Мусина-Пушкина, проф. Баузе, Д. И. Языкова, Бантыша-Каменского, Калайдовича, г. Бутурлина, П. Г. Демидова, Общества истории и древностей при Московском университете и мн. других. К сожалению, не менее стихийных бедствий принесло вред архивам людское невежество. Еще митрополит Евгений указывал, что в киевской казенной палате гнили в погребах и ящиках многие важные материалы, пришедшие туда после отобрания монастырских вотчин, но и теперь нередко можно встретить заявления об истреблении рукописей, вещественных памятников, целых собраний, составленных учеными, и даже официальных документов, как, например, сожжение секретных дел морского архива».[16]

Новгородская четвертая летопись так описывает гибель рукописей в Москве во время нашествия Тохтамыша 1382 г.: «Книг же многое множество снесено со всего града, в з б о р н ы х ц е р к в а х д о с т р о п и л н а м е т а н о, съхранениа ради спроважено, то все без вести створиша».[17]

---

[16] Н. П. Л и х а ч е в. Из лекций по дипломатике. СПб., 1905—1906, с. 125—126. — Каталог погибшей библиотеки Ф. Г. Баузе недавно опубликован, см.: Г. Н. М о и с е е в а. «Собрание российских древностей» профессора Баузе. — ТОДРЛ, т. XXXV. Л., 1980, с. 301—344.

[17] Новгородская четвертая летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, с. 334.

Степень разработанности рукописного наследия у нас, однако, незначительна.

Н. К. Никольский в 1902 г.[18] прямо заявлял, что состав древнерусской книжности неизвестен, что мы не можем знать древней русской литературы и что поэтому научное построение истории древней русской литературы преждевременно. Н. К. Никольский имеет в виду плохую сохранность памятников древнерусской литературы, особенно до XV в. включительно, и односторонний подбор рукописей в монастырских библиотеках, через которые в основном и дошла до нас древнерусская книжность.

Вот что писал он же о состоянии издания и изучения памятников древнерусской литературы в 1929 г.: «Оно аналогично тому уровню, на каком происходила разработка истории западноевропейской и византийской литератур приблизительно в первой половине XVII в., когда для нее не был еще собран и систематизирован фактический материал, необходимый для воспроизведения ее прошлого и для синтетического его освещения. Среди русских ученых XVIII в. не было таких неутомимых собирателей, какими были на Западе Дюканж, Монфокон, Фабриций, Cave, Oudin, Labbe, Ассемани и многие другие, без подготовительных работ которых, продолжавшихся около двух столетий, не могло бы, по отзыву академика В. Г. Васильевского, наступить развитие исторических и (добавим) историко-литературных дисциплин на Западе в течение минувшего столетия. Между тем у нас, при наличии указанного пробела, производилось и производится так называемое „построение" истории древнерусской литературы, начавшееся поэтому не с фундамента, т. е. не с собирания и систематизации сохранившихся фактов литературной истории, а с крыши, т. е. с обобщений, основанных на недостаточном количестве отдельных наблюдений, и с применения к ним предвзятых идей и заимствованных схем. Вот почему опыты историко-литературных курсов, относящихся к допетровской письменности, появившиеся с половины прошлого столетия, очень скоро оказывались небывалыми историями небывалой словесности. . . Поскольку исторический синтез имеет в виду воспроизводить то, что происходило в действительности, постольку неизбежно предварительно сгруппировать фактический материал, систематизировать его, оценить его качество для поставленной задачи не с точки зрения современных понятий, представлений и схем, а с точки зрения его места в цепи явлений минувших столетий».[19]

При всех несправедливых преувеличениях этого отзыва о состоянии изучения древней русской литературы до 1929 г. в основе

[18] Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. — ПДПиИ, т. CXLVII. СПб., 1902.

[19] Н. К. Никольский. Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929, с. 2—3.

его лежит справедливая мысль о необходимости внимательного выявления и изучения текстов древнерусских памятников для истории древнерусской литературы.

Задача учета, систематизации и научного описания всего огромного рукописного материала, сохранившегося до наших дней, стоит перед другой наукой — археографией,[20] и мы не можем поэтому останавливаться здесь подробно на вопросах специально археографических. Скажем только кратко о тех требованиях, которые предъявляет к археографии текстология.

НАХОЖДЕНИЕ НАУЧНЫХ ОПИСАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Розыскам необходимых рукописей помогают их научные описания. Что такое эти научные описания, и в чем их важность?

Рукопись не печатная книга, названия у нее нет, состав рукописи, если он не раскрыт в научном описании, всегда таит неожиданности. Каждый исследователь, обращаясь к рукописи, не отраженной в научном описании, вынужден заново производить огромную работу по ее изучению. Эта работа повторяется столько раз, сколько ученых обратятся к этой рукописи. Такая трата сил и времени бессмысленна. Результаты исследования состава рукописи не должны теряться для будущих исследователей. Они должны фиксироваться в научных описаниях, а последние необходимо регулярно публиковать.

Если нет научных описаний рукописей, то это значит, что разыскание необходимых списков изучаемого памятника отдано на волю случая. Отсутствие научных описаний дезорганизует работу исследователей и в другом отношении. Ученые, пересматривающие огромный материал рукописных хранилищ, возна-

[20] В определении задач археографии историки и литературоведы значительно расходятся. Вот как определяет задачи археографии историк М. С. Селезнев: «Археография, как вспомогательная историческая дисциплина, изучает историю организации и развития практики, теории и методики опубликования письменных исторических источников, связывает это изучение с освещением вопроса об использовании публикаций в научных, политических и практических целях, а также разрабатывает, на основе обобщения прошлой и настоящей археографической практики, теорию и методику (общую и частную) публикации письменных источников применительно к их конкретным видам и времени происхождения, а также типам изданий» (М. С. Селезнев. Предмет и вопросы методологии советской археографии. М., 1959, с. 21). По существу, в этом определении текстология поглощена археографией, так как издание текстов не может совершаться без их предварительного текстологического изучения. Задачи текстологии и археографии должны быть четко разграничены. Литературовед Н. Ф. Бельчиков определяет задачи археографии по-другому: «В составе его (архивного дела, — *Д. Л.*) есть частная, специальная область работы в архивохранилищах по приему, разборке, систематизации и описанию материалов. Эту область мы называем археографией» (Н. Ф. Бельчиков. Теория археографии. М.—Л., 1929, с. 18).

граждают себя тем, что публикуют материалы, которыми они специально не занимались и для научной публикации которых они не имеют поэтому достаточных данных. Ученые, работающие без описаний, выхватывают там и сям любопытные памятники и документы и торопятся их опубликовать, без тщательного их изучения и воздерживаясь при этом предупреждать читателей, что ими не собраны все списки издаваемого памятника.

В результате работа ученых утрачивает строгую специализацию, и в целом научная работа над памятниками во многих отношениях дезорганизуется.

К сожалению, большинство научных описаний наших рукописных хранилищ — старые, дореволюционные. Многие из рукописных собраний после революции переместились, сосредоточились в крупных хранилищах и поэтому, пользуясь старыми научными описаниями, исследователи должны сами предпринимать розыски этих собраний, да и сведения в этих старых научных описаниях устарели — не учитывают последней научной литературы по памятникам, даются по непринятым в настоящее время схемам, неверно датируют памятники и т. д.[21]

Если же мы примем во внимание, что и эти старые научные описания рукописей стояли для своего времени на низком уровне и были весьма малочисленны, то неудовлетворительность положения с научными описаниями станет особенно ясной.

Около восьмидесяти лет тому назад В. Н. Перетц писал: «Мы не можем похвалиться ни обилием ученых описаний рукописей, ни качеством их. Как ни странно — до сих пор такое собрание, как Погодинское древлехранилище, находящееся уже 50 лет ведении импер. Публичной библиотеки, не удостоено внимания. . .».[22]

С тех пор положение мало в чем изменилось, хотя в последние годы работа по описанию древнерусских и славянских рукописей

---

[21] Сведения о современном местонахождении собраний и о литературе, посвященной как фондам в целом, так и отдельным рукописям, можно почерпнуть в следующих книгах: David Djaparidzé. Mediaeval Slavic Manuscripts. A Bibliography of Printed Catalogues. Foreword by P. Pascal. The Mediaeval Academy of America. Cambridge, Mass., 1957; Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописе в СССР. М., 1962; Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. Сост. Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. М.—Л., 1963.

[22] В. Н. Перетц. К вопросу о рациональном описании древних рукописей. — «Нельзя поэтому удивляться, — писал акад. Н. К. Никольский в 1912 г., — что, при наличности многочисленных и ценных рукописных текстов и списков, даже специалисты нередко продолжают опираться только на давние и случайные находки, повторяя ученые предания, установившиеся при самом ограниченном количестве первоисточников и поэтому не удовлетворяющие требованиям научной критики» (Н. К. Никольский. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.), вып. 1 (А—Б). СПб., 1914, с. IV).

заметно оживилась. В связи с подготовкой к составлению Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вышли описания пергаменных рукописей БАН,[23] ГБЛ [24] и ГИМ,[25] а также описания отдельных собраний.[26] Продолжали выходить тома систематического описания рукописного отдела БАН,[27] опубликован обзор фондов Древлехранилища Пушкинского дома.[28] Из более старых описаний упомянем описания рукописей Ярославля и Калинина.[29]

И все же работа по созданию научных описаний ведется недостаточно интенсивно. По существу деятельность рукописных отделов должна носить научно-исследовательский характер. Здесь наряду с чисто библиотечно-библиографическими задачами должны ставиться задачи научные — археографические. Без изучения невозможно хранение.

Сколько рукописей остается недоступными исследователям-текстологам оттого, что хранители рукописных отделений не ведут археографических исследований и не публикуют научных описаний рукописей!

---

[23] Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков. Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976.

[24] Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — Записки Отдела рукописей, вып. 25. М., 1962, с. 143—183; вып. 27. М., 1965, с. 93—147; вып. 30. М., 1968, с. 87—156; вып. 33. М., 1972, с. 213—220.

[25] Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея, ч. 1. Русские рукописи. — Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965, с. 135—234; ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские. — Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 273—309.

[26] Музейное собрание рукописей. Описание, т. 1. № 1 — № 3005. Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961; Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Сост. Т. Н. Протасьева, ч. 1. № 577—819. М., 1970; ч. 2. № 820—1051. М., 1973; Описание рукописей Чудовского собрания. Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980, и др.

[27] Описание рукописного отдела БАН СССР, т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV—XVII вв. Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.—Л., 1965; вып. 3. Исторические сборники XVIII—XIX вв. Сост. Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева. Л., 1971; т. 4, вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы, драматические сочинения. Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980; т. 5. Греческие рукописи. Сост И. Н. Лебедева. Л., 1973; т. 6. Рукописи латинского алфавита XVI—XVII вв. Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1979.

[28] Древнерусские рукописи Пушкинского дома (обзор фондов). Сост. В. И. Малышев. М.—Л., 1965.

[29] В. В. Лукьянов. 1) Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XV веков. Ярославль, 1957; 2) Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1958; И. Ф. Голубев. Коллекции рукописей Государственного архива Калининской области. Краткий обзор. Калинин, 1960.

Основные требования, которые должны быть предъявлены к описаниям рукописей, это: полнота, точность и осторожность. Нет ничего более вредного, чем неполно описать рукописи, дать о них неверные сведения. Это значит «похоронить» рукописи для исследователей. Лучше чтобы не было никакого описания рукописей, чем плохое. Если нет научных описаний — исследователь сам их пересмотрит, но если научное описание есть — исследователь, как правило, этому описанию доверяет. Он предполагает, что собрание изучено, просмотрено и ничего нового в нем найти нельзя или, по крайней мере, трудно.

Напомним в связи с этим, что при научном описании рукописей можно наблюдать крайнюю неравномерность труда археографа. Отдельные части состава рукописей могут быть определены археографом быстро: это те части, которые содержат наиболее часто встречающиеся и известные ему по личному опыту и исследовательской литературе памятники. На других же частях, заключающих мало исследованные или даже не определенные наукой памятники, археограф вынужден задерживаться на недели и месяцы. Между тем именно эти последние части, вводящие новый материал, представляют собой наибольшую научную ценность.

Хороший исследователь опознается в науке по тому, как он умеет «дотягивать» свое исследование — доводить до конца изучение. Именно последние этапы исследования оказываются всегда наиболее трудными. Поверхностный исследователь бросает работу на полпути, спешит ее опубликовать, когда в ней еще остаются некоторые неясные вопросы, требующие, однако, для своего завершения серьезных усилий. Это свойство поверхностного исследователя, у которого не хватает силы воли использовать все возможности исследования на его завершающих этапах, особенно нетерпимо в археографе, занимающемся научным описанием рукописей. Неряшливо и неточно определенные «трудные» памятники (пусть даже кажущиеся археографу малозначительными) — главная беда научных описаний, «заживо хоронящих» свежий научный материал.

Теперь вернемся к «обзорам» и «путеводителям». Достаточно просмотреть их, чтобы убедиться, что в них как раз принято за правило «недотягивать» материал. В «путеводители» и «обзоры» выборочно включается только то, что известно, что эффектно по названию, научная ценность чего уже установлена и известна. Иными словами, в «путеводители» и «обзоры» не попадают самые ценные для исследователя сведения, и это редко учитывается теми, кто ими пользуется. При этом отбор упоминаемых в них памятников крайне субъективен. Распространяемая ими «иллюзия изученности» собраний особенно вредна.

Итак, первое требование, которое предъявляет текстолог к археографу, к научному сотруднику наших рукописных хранилищ это — вести исследовательскую работу по научному опи-

санию рукописей и вести ее так, чтобы ни один памятник не оказался погребенным под неряшливым, торопливым, неточным определением его в описании или под общей рубрикой «единицы хранения» в каталоге библиотечного типа или в неупоминаемых материалах «обзоров» и «путеводителей».

Само собой разумеется, что эта особенность научного описания рукописей должна учитываться при планировании работы по их составлению. Нельзя требовать от археографа, чтобы он, описывая рукописи, неизменно стремился к грубо количественным показателям: наиболее ценные части научных описаний это те, над которыми археографу понадобилось посидеть немало времени, пересмотреть наибольшее количество справочников, научной литературы, получить наибольшее количество консультаций от специалистов, не раз перечесть описываемые памятники от начала до конца.

Археографическая работа требует доверия и добросовестности. Доверия к археографу — при планировании его работы и предоставлении ему времени, добросовестности же — со стороны археографа, без чего совершенно невозможно, разумеется, и доверие. Между тем и другим должно быть полное равновесие. Если археограф проявил хотя бы малейшие признаки спешки, т. е. недобросовестности, в работе по научному описанию рукописей, его необходимо не допускать впредь к этой работе, ибо проверить и выявить все его ошибки почти невозможно: для этого нужно проделать заново всю его работу. Ставить же археографа, занимающегося научным описанием рукописей, в условия контроля завышенной и только количественной «нормой работы» — также крайне опасно и вредно.

Если мы обратимся к вопросу о том, почему же у нас так мало составляется и выпускается научных описаний рукописей, то, я думаю, в этом отношении в первую очередь следует вспомнить слова Эрнеста Ренана, написанные им более ста лет назад. Э. Ренан писал в 1848 г.: «При настоящем состоянии науки нет более настоятельно необходимого труда, как критический каталог рукописей [30] различных библиотек. . . Вот, по-видимому, очень скромная потребность. . ., а между тем научные изыскания будут затруднительны и неполны до тех пор, пока эта работа не будет окончательно выполнена».[31] «Чиновники, заведовавшие хранилищами документов, не всегда проявляли такое же усердие, как теперь (Э. Ренан пишет это в 1848 г., — *Д. Л.*), знакомить публику с имеющимися у них материалами путем правильных инвентарей.

---

[30] Под «критическим каталогом рукописей» Э. Ренан разумеет научное описание рукописей. В западноевропейской археографии под каталогами рукописей разумеются очень часто не каталоги библиотечного типа, а именно научные описания.

[31] «L'avenir de la Science». Цит. по кн.: Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории, с. 23—24.

Составление таких точных и вместе кратких (sommaires) инвентарей, какие издаются в наше время, работа очень и очень тяжелая, не дающая никакого удовлетворения. Многие чиновники, живущие, в силу занимаемых ими должностей, посреди остатков старины и имеющие возможность рыться в них во всякое время и делать открытия, предпочитали лучше работать для себя, чем для других, и занимались, вместо скучного редактирования каталогов, своими личными изысканиями. Кто, собственно, в наше время открыл, обнародовал и комментировал большую часть документов? — чиновники, состоящие при хранилищах документов. Благодаря этому замедлилось составление общей описи исторических документов. Оказалось, что лица, обязанные по своей профессии составлять описи документов, всего больше имели возможность обходиться без инвентарей».[32]

*

Дать сведения о существующих печатных и рукописных научных описаниях собраний древних рукописей не входит в задачу настоящей книги. Это задача археографии. Укажу только, что почти в каждом крупном хранилище рукописей имеется более или менее обширное справочное собрание печатных описаний рукописей. К сожалению, ни одно из рукописных хранилищ не имеет полного собрания всех печатных описаний.

Вот почему текстолог в розыске печатных и рукописных описаний рукописей, в установлении местонахождения этих собраний, в нахождении нужных ему списков должен в основном лично знакомиться с рукописными собраниями и хранилищами, вести розыски путем консультаций у специалистов-археографов — устно или через переписку. Многому могут помочь товарищеские связи с лицами, занимающимися рукописями. Ни в одной научной области взаимопомощь специалистов не играет, вероятно, такой большой роли, как в археографии.

СОСТАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ОПИСАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Научные описания составляются по собраниям (собрание М. П. Погодина, собрание Ф. А. Толстого, Синодальной библиотеки, библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, Казанского университета и т. д.). Эти собрания чаще всего сохраняются в составе крупных рукописных хранилищ как единое целое. Сохранять собрания важно потому, что тем самым облегчается изучение происхождения рукописи, облегчается добывание необходимых для текстолога сведений о том, кто и когда изучал данное собрание или данную рукопись, находящуюся в этом собрании, облегчается

[32] Цитирую по той же книге (с. 24—25).

сохранение традиционных шифров (многие из которых могли уже упоминаться в исследовательской литературе) и т. д.

Насколько важно хорошо знать историю фондов отдельных рукописных собраний и насколько опасной бывает перемена номеров рукописей и перенесение рукописей из одного собрания в другое, а также перемена названий рукописей, видно из ряда недоразумений, которые случаются иногда даже с очень опытными археографами, знатоками рукописного материала. Приведем заметку, помещенную Л. А. Твороговым в «Псковской правде» от 2 декабря 1945 г. и описывающую характерный в этом отношении случай. Заметка называется «Холмогорский список псковской летописи»: «В 1829 году в Холмогорах, в архиве местного собора, ученым археографом П. М. Строевым был найден старинный список псковской летописи. После смерти П. М. Строева сведения об этой летописи были опубликованы (в 1882 году) в посмертном издании его библиографических материалов».[33] В 1935 году на основании этой публикации Институт истории Академии наук СССР предпринял через Всесоюзную библиотеку имени В. И. Ленина розыски этой летописи. Розыски оказались безуспешными. В 1941 году Институт истории объявил в своем издании псковских летописей об ее утере.[34] На самом же деле Холмогорский список псковской летописи никогда не терялся. В 1829 году он был вывезен из Холмогор П. М. Строевым и положен в основу его будущего личного собрания старинных рукописей, в котором был зарегистрирован под № 1. Когда Археографическая комиссия приступила к изданию актов, собранных Археографической экспедицией, П. М. Строев передал летопись в Комиссию, которая и напечатала из нее послание митрополита Симона псковичам (1504 года). В 1842 году Строев передал эту летопись историку М. П. Погодину вместе со всем своим собранием старинных рукописей. В собрании Погодина она была зарегистрирована под № 1402. В 1851 году Погодин, в свою очередь, продал все свои старинные рукописи, в том числе и вывезенную Строевым из Холмогор псковскую летопись, Государственной Публичной библиотеке (ныне имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), где она хранится и по настоящее время. Институту истории Академии наук СССР эта летопись была известна под названием «Погодинского 2-го списка».[35]

Необходимо строго различать типы описания рукописей. Это, во-первых, охранное описание рукописей; во-вторых, путеводитель по тому или иному собранию или фондам; в третьих описание фондов, описание собрания или ряда собраний (в частно-

---

[33] Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, с. LIV. (*Примечание Л. А. Творогова*).

[34] Там же. (*Примечание Л. А. Творогова*).

[35] Псковские летописи, вып. 1, с. XV—XVI. (*Примечание Л. А. Творогова*).

сти, история фондов — об этом я скажу дальше); в-четвертых, полное научное постатейное описание рукописей.

До сих пор между этими типами не установлено строгих различий. Больше всего распространен тип путеводителя, — может быть, потому, что составление путеводителя значительно легче составления строго научного постатейного описания и не требует исчерпывающих характеристик рукописей. Между тем исчерпанность описания — это самое трудное, что требуется от занимающегося описанием. От необходимости давать исчерпывающие данные составитель путеводителя свободен. Он может произвольно выбирать то, что полегче, что ему кажется «поинформативнее». Но, возможно, путеводители так популярны сейчас потому, что они больше всего нужны самим учреждениям как рекомендации ценности рукописных собраний, а иногда и прямо как реклама этих собраний. Путеводители могут быть лишены импрессионизма и произвола, если договориться точно, что мы должны включать в путеводитель и, главное, какую цель должны преследовать путеводители.

Что касается до совершенно не принятого у нас сейчас описания фондов рукописных собраний, то на этом вопросе стоит остановиться несколько подробнее. Фонды рукописей постоянно перекочевывали из одного собрания в другое, вливались в другие фонды, сливались, разъединялись, на каком-то этапе получали свое описание. Поэтому история фондов чрезвычайно важна для того, чтобы хотя бы разобраться в имеющейся литературе о рукописях, в имеющихся шифрах, которые также менялись, и т. д. Особенно много таких перемещений фондов произошло у нас после Октябрьской революции в результате централизации архивного материала, а также на Западе во время второй мировой войны, во всех славянских странах; даже местонахождение отдельных фондов оказалось неизвестным. Некоторые рукописи как будто исчезли, потом неожиданно находятся в местах, где их никто не искал, и т. д. В связи с путаницей и неразберихой со славянскими рукописями, создавшейся после второй мировой войны, Текстологическая комиссия Международного комитета славистов обратилась в 1965 г. с призывом ко всем центрам хранения древнеславянских рукописей с просьбой составлять описания фондов славянских рукописей; имелось в виду, что в этих описаниях будет указана история этих фондов и их происхождение по странам.

Инструкция по составлению описей фондов древнеславянских рукописей была составлена Текстологической комиссией и опубликована в журнале «Славия» в 1965 г.,[36] но, к сожалению, не получила в нашей стране никакого отклика. Но это — требование славистов всех стран, и мы обязаны с этим требованием считаться. Если нельзя составить опись фондов того или иного хранилища,

[36] Slavia, Praha, 1965, roč. XXXIV, seš. 2, s. 260—262.

то сведения по истории и происхождению фондов должны включаться в путеводители. Одной из главных задач создания путеводителей могла бы быть задача показа истории фондов. Но дело не должно этим ограничиваться. Полное научное постатейное описание рукописей, которое, конечно, должно проводиться по фондам, нужно начинать с указания на происхождение фонда, с изложения истории фонда. История фонда должна предварять описание отдельных его рукописей.

Разумеется, при описании рукописи история ее также должна обязательно отмечаться. Это чрезвычайно важно во многих отношениях. У нас, к сожалению, в научных описаниях очень часто рукопись описывается так, как будто бы сама по себе она не имела никакой истории, т. е. дается формальное описание рукописи в ее наличном виде. Поэтому мне кажется, что в научное описание той или иной рукописи должны непременно включаться данные об ее истории, об ее происхождении. И, следовательно, история фонда, в который входит рукопись, непременно должна разрабатываться.

Литература по рукописи должна включаться в описания под знаком истории данной рукописи и истории фонда. Очень часто в литературе о рукописи сообщаются неточные, ошибочные сведения, и это обязательно должно отмечаться в описании рукописи (само собой разумеется, с указанием на ошибки), так как это часть истории рукописи.

Насколько важно и интересно изучать историю фонда, показал доклад американского ученого Д. К. Уо в Секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.[37] Он анализировал в своей работе историю Строевского собрания, вошедшего в Погодинское Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, и дал очень много выводов по тем или иным строевским сборникам. Я не буду сейчас излагать содержание доклада.

Но Даниэль Уо, разумеется, не пионер в исследовании истории фондов. Дело в том, что этому придавалось чрезвычайно большое значение Л. А. Творогoвым. Он выпустил в Пскове в 1957 г. брошюру «Сокровищница старой русской книжности». В брошюре ясно указано на необходимость собирать рукописи по старым собраниям и изучать историю фондов.[38]

Отмечу, что В. И. Малышев также указывал на необходимость сохранения фондов и изучения их в связи с необходимостью изучать традиции того или иного края.[39] Это делал Л. А. Дмитриев

---

[37] Д. К. Уо. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 133—164.

[38] См. рецензию Д. С. Лихачева на это издание (Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1957, т. 16, вып. 4, с. 378—379).

[39] В. И. Малышев. 1) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; 2) Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов). М.—Л., 1965.

для карельских фондов Древлехранилища Пушкинского Дома.[40] Можно привести еще ряд примеров того, что до Даниэля Уо комплексным изучением занимались многие люди, но все это делалось разрозненно, разобщенно; не создавались традиции изучения фондов, не создавались методики изучения фондов, инструкции по изучению фондов, кроме той инструкции, которая была составлена Международным комитетом славистов.

Комплексное изучение истории рукописей и рукописных собраний становится все более насущным и результативным. Комплексность входит в изучение рукописей, следуя в этом отношении за развитием принципа комплексности в текстологии. Изучение рукописей в составе собраний аналогично изучению текстов в окружении других текстов. Мы должны заниматься «конвоем» рукописей так же, как «конвоем» текстов, и историей рукописей — как историей текстов.

Отмечу, что принцип комплексности изучения рукописей совершенно исключает возможность избирательности в изучении и описании рукописей. Скажем, исключение из научных описаний так называемых церковных произведений, преимущественное внимание к так называемым светским произведениям не должно иметь места. Рукописи во всем своем составе должны пользоваться одинаковым вниманием составителей научного описания, если перед нами действительно научное описание. Стремление избежать описания церковных материалов приводит к крупным ошибкам,[41] ибо отличить церковные материалы от так называемых светских очень трудно. В средние века нельзя оторвать церковные материалы от светских. Так или иначе церковные сочинения связаны со светской историей, а светские памятники в той или иной мере церковны, отражают религиозные основы средневекового мировоззрения. Рукопись должна изучаться целиком, во всем ее объеме, во всем составе, так же как и в составе всего собрания, а не выхваченная из этого собрания.

Таким образом, изучение рукописей и рукописных собраний становится сейчас все более сложным. К этому изучению предъявляются все бо́льшие требования, и с ним связываются все бо́льшие научные ожидания, умножаются, усложняются типы изучения и типы, в которые может вылиться результат этого изучения.

Надо сказать, что этот процесс только начался. Мы еще стоим у самого начала развития и усложнения изучения рукописей. Это усложнение происходит и с неславянскими рукописями, —

---

[40] Л. А. Дмитриев. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 330—337.

[41] В церковных сочинениях очень часто погребены ценнейшие исторические материалы (Д. С. Лихачев. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного). — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома, с. 10—27).

скажем, на Западе, где очень развита кодикология и дают хорошие результаты кодикологические исследования. Но этот же процесс происходит и со славянскими рукописями.

Развитие и углубление изучения рукописей со всей остротой ставит вопрос о методе и методике изучения, приведении этого изучения к строго определенным типам и стандартам, к известной унификации и самих результатов изучения.

Самая важная проблема, которая стоит в связи с описанием рукописей, — это проблема надежности сообщаемых в описании сведений. Как известно, в технических и в точных науках проблема надежности сейчас — одна из самых важных. Иногда она становится даже определенной отраслью разработки.

Все виды обработки рукописей, которые я перечислил, могут помочь исследователю только в том случае, когда они дают совершенно надежные сведения. Если они дают ненадежные сведения, они мешают развитию науки, мешают исследователю, создают иллюзию изученности рукописи, иллюзию, которая рассыпается при обращении к конкретной рукописи. Очень много интереснейших памятников похоронено в описаниях рукописей из-за неправильных определений, которым исследователь верит, в результате чего проходит мимо этого памятника, не заглядывает в рукопись. Ошибки в описаниях рукописей задерживают их изучение иногда на многие годы и десятилетия.

Я хотел бы выделить четыре принципа надежности в области работы с рукописями. Сведения, помещаемые в научных описаниях, тем надежнее, во-первых, чем они более расчленены, во-вторых, чем они больше формализованы, в-третьих, чем точнее указываются их основания, т. е. на основе чего сделаны те или иные определения, в-четвертых, чем определеннее и точнее указание степени их вероятности, степени точности.

Так, например, можно сообщить о рукописи, что она первой половины XVI в. Но можно это сообщение расчленить — отдельно сообщить о времени бумаги, отдельно о времени почерка, отдельно о времени переплета и т. д. — и возможность ошибки будет менее вероятна. Тогда как сообщению просто о том, что рукопись первой половины XVI в., мы вообще не обязаны верить. Мы можем этому заключению верить только в том случае, если оно принадлележит очень авторитетному исследователю рукописей. Поэтому описание рукописи должно быть дано в такой форме, чтобы и работнику средней квалификации мы могли бы доверять.

Затем, каждое из сообщений следует формализовать, т. е. сведения необходимо сообщать в формуле, которая равнялась бы термину и о которой не приходилось бы гадать, что означает то или иное выражение исследователя. Исследователь не должен быть волен в своих выражениях. Описание рукописи должно быть формализовано, даваться в формальных выражениях и в определенной, точной формальной последовательности. Это крайне

важно и для того, чтобы сведения в будущем смогли быть заложены в «машинную память».

Далее, все основания для тех или иных датировок или определений должны быть подкреплены отсылками к соответствующим руководствам. Ниже я отмечу особо необходимость создания таких руководств. Только тогда, когда указаны основания заключений, мы можем видеть, в связи с чем определяется дата той или иной филиграни, — ссылками на какие руководства, на какие альбомы пользовался описывающий, в связи с чем устанавливается дата почерка, переплета и пр.

Далее, выводя то или иное заключение, мы должны указывать степень приближенности, степень предположительности этого заключения. Гипотеза это, догадка ли, или мы делаем заключение с абсолютной уверенностью. Допустим, перед нами ссылка на филигрань, — что она означает: означает ли это, что филигрань абсолютно точно соответствует времени и знаку в альбоме или лишь приближается к тому, что указано в альбоме?

Расчленение и формализация ответа, как уже было сказано, предохраняют от ошибок. Хочу показать это на следующем примере — на примере с языком рукописи. Вопрос о языке, о языковом изводе чрезвычайно важен. Тут иногда даже вмешивается политика: скажем, определить ли язык рукописи как болгарский или македонский, усмотреть ли в языке рукописи болгаро-сербские наслоения или извод молдаво-влахийский, и т. д.

Вопрос о языке рукописей важен во всех случаях. Относя рукописи к тому или иному языковому изводу, описывающий рукописи, даже если он лингвист, может сделать очень крупные ошибки. Настоящий лингвист не всегда берется точно утверждать, к какому языку относится рукопись. Скорее это будет безапелляционно утверждать не лингвист. И здесь расчлененность и формализация сведений могут значительно повысить надежность сведений по языку. Как определить извод рукописей болгаро-сербских или изменивших происхождение, когда в своей истории тексты пережили столько «переездов» из страны в страну — болгаро-сербские, болгаро-сербо-белорусские или русско-украинские? Что первичное, что на что наложилось и т. д.?

Ответ должен быть возможно более расчлененным и формализованным. Не следует в описании прямо и однозначно отвечать на вопрос о языке рукописи, а следует отметить наличие в тексте рукописи тех или иных языковых форм, которые могут дать основание будущему исследователю для отнесения рукописи к тому или иному изводу. Следует отметить употребление «юсов», орфографию, употребление «ятей», соотношение «ц» и «ч» и т. д. Все это важно, например, для новгородско-псковских рукописей. Следует, кроме того, искать антирусизмы, антисербизмы и т. д.

Это ответы на элементарные вопросы, и бóльшего нельзя требовать от составителя описания рукописей, особенно если он

не лингвист. Надо поручить специальной комиссии выработать инструкцию по описанию языка рукописей. Такая инструкция должна быть составлена как можно скорее. Требовать от описаний прямого, однозначного и безапелляционного ответа о языке рукописей преждевременно и опасно.

Самая важная часть описания рукописи — это, конечно, описание по содержанию. Разумеется, описание должно быть постатейным. И здесь определения должны обладать очень большой надежностью. Что значит «надежность» в гуманитарных науках? Поскольку выводы гуманитарных наук не перерабатываются немедленно в какие-то результаты, как в технике, как в конструировании действующих машин или аппаратов, приборов, постольку выводы эти не должны претендовать на жесткое выражение истины. В гуманитарных науках понятие «истина» — это по большей части цель, как и в науках точных, но это понятие должно носить более гибкий характер. И вот, как мне представляется, основное правило, которое следует принимать во внимание при описании научных рукописей: в гуманитарных науках вывод должен быть признан точным при условии точного определения его неточности, т. е. степени его вероятности.[42] Вывод обязательно должен сопровождаться объективным определением: является ли он 1) безусловным, абсолютно точным, или мы имеем дело с 2) гипотезой, с 3) догадкой или с 4) предположением. Начинающий ученый или просто плохой ученый обычно свои гипотезы и догадки выдает за абсолютно точные выводы. Это не только наивно, но и очень опасно; это не должно иметь места. Ученый, особенно описывающий рукопись, должен строго различать, о чем он только догадывается и в чем он абсолютно уверен, и отмечать основания своей уверенности. Как мне кажется, следует ввести в научные описания особый знак — «знак сомнения», или «знак предположительности». Дело в том, что оговорки нельзя делать очень многословными: описание должно быть формализовано, и оно должно быть кратко. Поэтому ставить после того или иного неточного утверждения «знак предположительности», мне кажется, было бы удобно. Наконец, наличие такого знака заставило бы исследователей употреблять его и задумываться над степенью достоверности вывода.

Может быть, можно воспользоваться знаком вопроса? Но вопросительный знак — это не знак предположительности, не знак степени вероятности. Чтобы не создавать типографских затруднений, я бы предложил пользоваться в качестве «знака со-

---

[42] Точность определений, данных измерений, хронологических отнесений и т. д. не должна превышать известных, каждый раз своих, пределов (ср.: Д. П. Горский. О соотношении точного и неточного в точных науках. — В кн.: Логика и методология науки. М., 1967, с. 106; А. Н. Колмогоров. Предисловие к кн.: А. Лебег. Об измерении величин. М., 1960).

мнения», «знака гипотетичности утверждения» опрокинутым вопросительным знаком. Скажем, если филигрань рукописи не точно соответствует, но близко подходит номеру такому-то в альбоме Н. П. Лихачева, то после ссылки на этот номер можно было бы поставить опрокинутый знак вопроса. Нельзя требовать от составителя научного описания, чтобы он дал исчерпывающие сведения о рукописи, особенно в тех областях, в которых он не является специалистом. «Знак сомнения» предупреждал бы, что данное описание нельзя принять как окончательно установленное, что его нужно проверить самому в той или иной мере.

Но этого мало. Следует указывать, на основании чего сделан тот или иной вывод — по какому признаку и на основании каких предшествующих исследований. Так, например, если мы имеем дело с более или менее изученным памятником, в котором определены его редакции, то в описании, конечно, следует отмечать и редакцию данного памятника, но с обязательным указанием, кому принадлежит и в какой работе сделана классификация редакций, которой воспользовался автор описания. Например, указание на название летописи с отсылкой: А. Н. Насонов, работа такая-то, страница такая-то, или А. А. Шахматов, работа такая-то, страница такая-то. Если редакция памятника не соответствует сделанным научным классификациям, это тоже следует непременно отмечать, чтобы дать наводящий материал, — наводящие указания для исследователя.

И затем, самое главное, — необходимо давать и начальные и заключительные строки памятника. Это давно уже было принято в научных описаниях, но, к сожалению, часто сейчас игнорируется. Инструкция для составления каталогов древнеславянских рукописей международной Текстологической комиссии [43] (это другая инструкция, — не по описанию фондов) предлагает помещать первые фразы сочинения и последние. Эта хорошая традиция не должна забываться потому, что это один из принципов, увеличивающих надежность определения памятника. Первые и последние строки очень важны для определения редакции. Кроме того, надо иметь в виду, что под одним названием иногда фигурируют совершенно разные памятники, так же как один и тот же памятник иногда фигурирует под несколькими названиями. Первые и последние строки памятника помогают читателю ориентироваться в том, какое перед ним произведение.

Эксплицит (последние строки, конец текста) необходим еще и тогда, когда памятник обрывается или имеет другое продолжение, скажем, в житии святых, где рукопись останавливается на описании какого-либо чуда. Помещение в описании инципита (начала текста) и эксплицита — это старая гарантия надежности, старый способ, от которого мы не должны отказываться.

---

[43] Slavia, Praha, 1963, roč. 32, seš. 2, s. 240—250.

Еще вопрос, на котором я хочу остановиться: не задерживая начала работы над научным описанием рукописей, надо было бы продолжать исследования по отдельным вопросам, которые насущно необходимы: по истории письма, по филиграноведению, усилить работы по определению редакций известных произведений. Изучение вопросов, необходимых для описания рукописей, должно быть доведено до такого состояния, чтобы описывающий имел возможность ссылаться не на свои впечатления, а на совершенно точные номера в справочниках. Справочник по почеркам отсутствует. Имеющиеся руководства по палеографии не дают возможности ссылаться на них для определения почерка. Должны быть составлены справочники для описывающих рукописи, руководства. Только тогда описание рукописей сможет быть строже формализовано. Можно будет делать ссылки на определенные руководства и альбомы, и это повысит коэффициент надежности сообщаемых сведений.

Прежде всего для научного изучения рукописей надо широко организовать изучение истории письма, — именно истории письма, а не палеографии вообще. В палеографию входят и сведения об истории письма, и сведения по истории орнамента, и филиграноведение, и сведения по истории языка. Это все разные специальности, и они не могут развиваться в недрах одной палеографии. Поэтому историю письма, эту важнейшую часть палеографии, надо выделить в самостоятельную дисциплину и не объединять с теми разделами палеографии, которые должны развиваться в недрах искусствоведения или языкознания.

История кирилловского письма за последнее десятилетие не изучается совершенно. Издаются учебники и руководства по палеографии, но глубоких исследований по истории письма не ведется. Думаю, что постановка этого изучения не под силу одному лицу. Это должно делаться учреждением: здесь нужны крупные мероприятия. История письма должна развиваться на основе массового фотографирования всех датированных, строго локализованных и именных, т. е. имеющих известных по имени писцов, рукописей. Это фотографирование должно производиться в натуральную величину рукописи и по возможности в цвете. Уменьшение или увеличение при фотографировании совершенно искажает представление о почерке и делает непригодными большинство альбомов и справочных таблиц по почеркам. Только на основе обширнейшей фототеки датированных и локализованных рукописей можно продвинуть вперед изучение истории письма. Каждая датированная и локализованная рукопись должна сниматься в нескольких экземплярах, чтобы можно было создать различные фототеки: по датам, в хронологическом порядке, по месту создания, по писцам, по скрипториям — в различных комбинациях.

В последнее время приходилось встречаться в описаниях с такого рода отметками по письму: «почерк первой четверти XV в.» или «почерк второй четверти XV в.». Такого рода «точность» ни на чем не основана, кроме впечатления, а впечатление может быть крайне ложное. Человеческая деятельность не ограничивается четвертью века, она может продолжаться полвека и больше, и за это время почерк не меняется. Почерк одного писца испытывает физиологические, а не палеографические изменения. Признаки старческого почерка тоже важны, но они датируют не рукопись, а только возраст писца. Неверно думать, что можно определить почерк с точностью до четверти века, тем более что почерки меняются по-разному: в центре они могут меняться быстрее, а в провинции медленнее. Вдали от городов даже в XIX в. писали почерком XVIII в., особенно старики. Датирование почерков с точностью до четверти века не должно допускаться, пока не создана настоящая история письма. Задача истории письма заключается в том, чтобы создать такие же альбомы, какие созданы по филиграням, с нумерацией почерков, чтобы мы могли действовать при описании почерка не по впечатлению, а ссылаться на номер почерка, как мы ссылаемся на номер водяного знака.

Отмечу кстати, что в Югославии недавно вышла «История сербской кириллицы» П. Джорджича.[44] Джорджич не рассматривает орнамент рукописей, так как это должен делать искусствовед, — а занимается только историей письма, что, конечно, правильно. Но тем не менее альбом, приложенный к этому пособию (несколько сотен снимков), не может считаться составленным правильно, потому что там большинство почерков воспроизведено с уменьшением.

В изучении филиграней делается, конечно, гораздо больше, чем в изучении истории почерков, но и в этой области делается не все, что необходимо для научных описаний рукописей. Прежде всего необходимо дальнейшее изучение вопроса о залежности бумаги, т. е. о разрыве, который существует между датой выпуска бумаги и датой ее использования в различных местностях. Здесь должны быть собраны статистические сведения, и эти сведения должны быть сведены в таблицы, чтобы можно было на них ссылаться.

И затем — вопрос, который поднял уже упомянутый мною американский исследователь Д. К. Уо, — это создание сводного каталога филиграней. В научных описаниях мы имеем обычно много ссылок на альбомы филиграней. Но в чем недостаточность этих ссылок чаще всего? Мы не знаем, были ли доступны для описывающего все или только некоторые альбомы. Может быть, составитель описания не имел доступа к отдельным альбомам. Не во всех научных собраниях рукописей имеются все альбомы.

---

[44] Петар Ђорђић. Историја српске ћирилице. Београд, [1971].

Поэтому ссылки на филиграни должны иметь «ключ»: какие пособия были использованы составителем описания. Работа по розыску филиграней могла быть значительно упрощена, если бы мы воспользовались копировальной машиной, пропустили через нее все имеющиеся альбомы и расположили полученные оттиски в едином нужном порядке. Ссылки должны были бы, конечно, делаться на альбомы, а не на полученный в результате копировки свод, но розыск филиграней составителем научного описания рукописей был бы значительно облегчен. Свою полезную идею Д. К. Уо хочет осуществить сам и передать экземпляры составленного им свода в главные хранилища Советского Союза. Это было бы очень нужно, и мы были бы ему очень благодарны за ее осуществление.

В заключение я бы хотел сказать следующее. В настоящее время научный работник, создающий научное описание рукописи, имеет перед собой один документ: это своего рода анкета, на которую он должен давать ответы в определенном по этой анкете порядке. Я думаю, что этих документов в руках описывающего должно быть больше. Прежде всего, анкета должна быть, но с более расчлененными вопросами, чем, как я уже говорил, это принято сейчас. Во-вторых, должна быть создана подробная инструкция — как на эти вопросы отвечать, даны формулы ответов. В-третьих, должны существовать руководства, созданные специалистами для описывающих рукописи.

В библиографии есть понятие ключа к библиографии. Библиография обесценивается, если к ней нет ключа. Ключ должен быть и к описаниям рукописей. Он должен быть такого рода: что знает описывающий; какая у него в руках справочная литература; на основании чего он делает определения — на основе собственного опыта, на основе случайно попавшихся материалов или на основе всей справочной литературы по данному вопросу. Научное описание — это такого рода работа, которая легко может быть сделана очень плохо и которая может быть даже вредна, потому что определить, что она сделана плохо, напротив, очень нелегко. Но она может быть такова, что ее можно представить в качестве кандидатской и даже докторской диссертации.

Кстати, настоящая научная работа по описанию рукописей иногда более сложна, более квалифицированна, более рекомендует описывающего как ученого, чем статьи, которые печатаются в наших сборниках, или работы, которые подаются в качестве кандидатских диссертаций. И может быть, следовало бы подумать, чтобы поставить перед ВАК'ом вопрос о разрешении допускать к защите хорошо сделанные научные описания рукописей. Добросовестная работа по описанию рукописей — это настоящая и очень важная научная работа, требующая высокой научной квалификации. Хорошие научные описания, при наличии достаточно надежных оппонентов, должны были бы представляться в качестве диссертаций, если, конечно, эти описания будут иметь вве-

дения с описанием истории фонда или введения, ставящие принципиальные вопросы, связанные с описанием фондов. Полное постатейное описание рукописей — серьезный научный труд, требующий своего признания как научного труда и детальной разработки своей методики. Это научная база, основание так называемых «базисных наук» в области исторической, лингвистической и литературоведческой.[45]

Итак, научные описания рукописей составляются по различным схемам. Наиболее целесообразная и отвечающая потребностям текстологов — следующая:

1) Шифр рукописи, под которым она хранится в собрании в настоящее время. Рядом с новым шифром ставятся те шифры, под которыми данная рукопись была известна ранее по рукописным или печатным каталогам, а также в исследовательской литературе.

2) Наименование рукописи. Если рукопись не носит установившегося в науке индивидуального наименования (Мстиславово евангелие, Никифоровский сборник, Изборник Святослава 1073 г. и т. д.), то ставится наименование того типа произведений, к которым она относится («Торжественник», «Апокалипсис», «Измарагд», «Дамаскин» и т. д.), или отмечается ее общий тип (сборник проповедей, сборник исторических произведений, сборник различных произведений и т. д.). Если перед нами одно произведение, то полезно отмечать редакцию, к которой данное произведение относится, с обязательным указанием, кому принадлежит применяемая разбивка произведения на редакции («Хронограф» редакции 1617 г. по А. Попову; «Сказание о Мамаевом побоище» 2-й редакции по Л. А. Дмитриеву и пр.). Совершенно необходимо в наименовании рукописи отметить, в случае если перед нами сборник неопределенного состава, — одновременно ли он составлен или в него вошли рукописи разных почерков и разновременные («сборник разных почерков», «сборник разновременных рукописей» и т. п.).

3) Автор, если произведения рукописи имеют его («Творения» Максима Грека, «Откровение» Мефодия Патарского, «Сказание» Авраамия Палицына, «История Малороссии», приписываемая Георгию Конисскому, и т. п.).

4) Время написания рукописи. Если рукопись датирована, выставляется дата рукописи с обязательным указанием, на каком листе рукописи эта дата имеется. Если рукопись не датирована, — дата выставляется с указанием, по каким признакам она установлена («скоропись XVI в.», «старший полуустав XIV в.», «филиграни конца XVI в.: Лихачев №№. . .» и т. п.). Определение типа и времени почерка и, особенно, филиграней

---

[45] См. также: Д. Лихачев, С. Шмидт, Н. Покровский. Уважение к древности. — Правда, 1973, 14 авг.

(если рукопись на бумаге) обязательны.[46] Если сборник под одним переплетом включает несколько рукописей, — отдельно определяется время каждой рукописи.

5) Материал, на котором написана рукопись, если это не бумага (пергамен, береста и др.).

6) Данные о языке и орфографии рукописи по возможности в расчлененном виде. Данные о языке важны для древнейших рукописей и имеющих явные признаки какого-либо извода (болгарского, сербского, новгородского и т. д.). Данные об орфографии могут касаться употребления юсов, южнославянских орфографических норм и т. д.

7) Количество листов, тетрадей и размер рукописи. Нумеруются листы (а не страницы), причем отмечаются и чистые листы. Размер рукописи указывается в сантиметрах (32×24, 22×18 и пр.) и в традиционных форматных обозначениях (словами — в большой лист, в лист, в четверку, в осьмушку и пр. или цифрами: 1°, 4°, 8° и 16° и пр.), необходимых для того, чтобы представить себе — во сколько раз сложен каждый лист рукописи.

8) Указание на художественные элементы рукописи: инициалы, заставки, концовки, миниатюры. Указывается стиль украшений, количество миниатюр и листы, на которых они имеются. Отмечается техника исполнения.

9) Для нотных рукописей — характеристика нотаций («знаменная», «демественная», «столповое знамя» и пр.).

10) Характеристика всех отметок, правки и записей с воспроизведением важнейших (записей, каса-

---

[46] Насколько данные филиграней точнее данных почерков, можно довольно ясно показать на примере датировки отдельных томов Лицевого свода Ивана Грозного. Подавляющее большинство ученых до обследования Н. П. Лихачевым филиграней этого свода относило отдельные тома по почерку ко второй половине XVII в. и даже к концу XVII в. Среди этих ученых были такие знатоки, как М. М. Щербатов (считал, что Царственный летописец сделан по заказу Зотова для обучения Петра I), Н. И. Новиков, И. Е. Забелин, А. Ф. Бычков (в предисловии к т. IX ПСРЛ относил лицевые летописи к концу XVII в.), С. Ф. Платонов (предисловие к т. VI ПСРЛ), А. Е. Пресняков (в специальной работе «Царственная книга, ее состав и происхождение» относил ее к концу XVII в.), А. И. Соболевский (мнение А. И. Соболевского цитирует А. Е. Пресняков). Только после исследования Н. П. Лихачевым бумаги тома Лицевого свода стали датироваться точно — 70—80-ми годами XVI в. При этом Н. П. Лихачев заметил: «Я не знаю, можно ли привести такие особенности полуустава конца XVI столетия, которые могли бы безошибочно отличать его от полуустава второй половины XVII века» (Н. П. Лихачев. Из лекций по дипломатике, с. 249; см. также: В. Н. Щепкин, М. В. Щепкина. Палеографическое значение водяных знаков. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, с. 325—346). Пользуясь данными филиграней, необходимо, однако, соблюдать большую осторожность: бумага могла залежаться на многие годы — на десятилетие и более, водяной знак мог сохраняться в работе фабрики дольше, чем это указано в справочниках по филиграням, и т. д.

ющихся времени написания, передачи другому владельцу, цены рукописи) и с указанием почерка и листов, на которых они сделаны («правка другим почерком», «приписки тем же почерком на л. . .» и т. п.).

11) Характеристика переплета. Отмечается отсутствие или наличие переплета и его характер: материал крышек (деревянные доски, картон), покрытие (кожа, шелк, бархат и пр.), тиснение, застежки, жуковины и пр., а также время, к которому он может относиться.

12) Постатейное описание рукописи является самым важным во всяком научном описании рукописей, а вместе с тем и наиболее трудным. Оно часто опускается в последнее время археографами или делается неполно и приблизительно (мы уже отмечали выше крайнюю вредность неполноты и приблизительности описаний). Между тем в постатейном описании рукописей не должны опускаться даже мелкие статьи (например, занимающие полстраницы в осьмушку). Если статья имеет название, известное в науке, — отмечается это название и выписывается название, которое носит сама статья в рукописи. Это делается потому, что названия древнерусских произведений — самая неустойчивая часть текста; названия в рукописях меняются, и по ним иногда совершенно невозможно определить — с каким памятником мы имеем дело. Поэтому еще, кроме научного названия и названия в рукописи, в описании даются первые и конечные строки памятника; они также помогают исследователю определить, с каким памятником он имеет дело, а иногда даже помогает приблизительно установить редакцию текста. Отмечаются также листы, на которых данная статья сборника написана. Если археограф решается определить редакцию произведения, — указывается, как мы уже писали выше, по какому делению на редакции им это определение произведено («вторая редакция по Шахматову», «первая редакция по Р. Дмитриевой» и т. д.). По возможности указывается автор произведения, для переводных памятников — оригинал или по крайней мере язык, с которого перевод сделан. Обязательно указывается библиография, если данный список опубликован и изучался.

Я перечислил кратко те части научного описания, которые необходимы для текстолога. Порядок описания может быть изменен, описание может включать и другие сведения, но подробные инструкции для описания рукописей — дело археографов. Наиболее обстоятельные сведения о том, как должны составляться научные описания рукописей, см. в «Сборнике инструкций Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.[47]

[47] Сборник инструкций Отдела рукописей. Учет и обработка рукописных фондов, под ред. Е. Н. Коншиной. Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина, М., 1955, с. 137—157. См. также: Ин-

СПРАВОЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Текстологи должны знать не только рукописные списки изучаемых произведений, но и все, что написано в печатной научной литературе об этих списках. Поэтому они нуждаются не только в библиографических сведениях, помещаемых в научных библиографиях,[48] но и в особых библиографических изданиях, концентрирующих сведения об отдельных списках по тематическому признаку (место происхождения списков, тема произведения в списках, жанры рукописных произведений и т. д.). Особенно важны поэтому такие библиографические пособия, как например: В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Покровская. Библиография древнерусской повести, вып. 1. М.—Л., 1940; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955; А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — Проблемы источниковедения, т. IV. М., 1955; В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, и др.

Из старых, но не потерявших значения изданий этого типа см.: Н. П. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882; А. И. Яцимирский. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности (списки памятников). Пг., 1921; А. А. Шилов. Описание рукописей, содержащих летописные тексты (материалы для «Полного собрания русских летописей»), вып. 1. СПб., 1910; И. И. Срезневский. Обозрение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897; Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII в. — Чтения ОИДР, 1891, кн. 3; В. Г. Дружинин. Писа-

---

струкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Сост. Л. П. Жуковская, Н. Б. Шеламанова. — Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 28—40; В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, с. 162—184. — Сохраняют свое значение и работы прежних лет: В. Н. Перетц. 1) К вопросу о рациональном описании древних рукописей. 2) Из лекций по методологии истории литературы. Киев, 1914, с. 241—244; 3) Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922, с. 60—61; Іван Огіенко. Як описувати рукописи (методологічно-критичні уваги). — Byzantinoslavica, 1932, roč. IV, с. 190—194.

[48] Основными библиографиями по древнерусской литературе являются: Н. Ф. Дробленкова. Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII веков за 1917—1957 гг. М.—Л., 1961; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг. Сост. Н. Ф. Дробленкова, ч. 1 (1958—1962 гг.). Л., 1978; ч. 2 (1963—1967 гг.). Л., 1979; Библиография русского летописания. Сост. Р. П. Дмитриева. М.—Л., 1962; А. Н. Казакевич. Советская литература по летописанию (1960—1972 гг.). — В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976, с. 294—356.

ния русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям русских собраний. СПб., 1912, и др.

Из других пособий, необходимых текстологу, упомянем методические пособия по описанию рукописей, выпускаемые Археографической комиссией,[49] списки писцов книг,[50] миниатюристов, владельцев книг, исследования об отдельных скрипториях (в особенности — о книгописных мастерских Троице-Сергиевского монастыря, Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Соловецкого),[51] книжных центрах (например, Новгорода, Пскова, Ростова и пр.),[52] истории собраний рукописей,[53] библиографии изданий рукописей и их факсимильных воспроизведений,[54] картотеки датированных почерков, исследования филиграней, указатели сокращений в рукописях, наконец, словари древнеславянской письменности.

Но все это ждет еще своих исследователей и составителей.

---

[49] Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973 (ротапринт); Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. 1—2. М., 1976 (ротапринт).

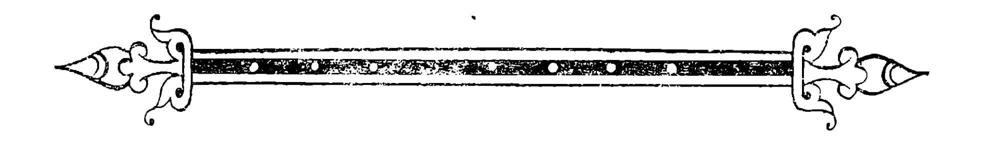
[50] Картотеки писцов имеются в рукописных отделах ГБЛ и ГПБ, а также в Древлехранилище Пушкинского Дома.

[51] См. например: Б. М. Клосс. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 318—337; М. В. Кукушкина. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977.

[52] См.: Н. Н. Розов. Искусство книги древней Руси и биобиблиография (по новгородско-псковским материалам). — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга, с. 24—51.

[53] См. например: М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва, В. А. Петров. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. 1. XVIII в. М.—Л., 1956; вып. 2. XIX—XX вв. М.—Л., 1958; Д. К. Уо. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 184—203; т. XXXII, Л., 1977, с. 134—164; Д. Афферика. К вопросу об определении русских рукописей М. М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — ТОДРЛ, т. XXXV. Л., 1980, с. 376—393.

[54] Сведения об издании рукописей в нашей стране содержатся в библиографиях по древнерусской литературе и в библиографическом указателе «Славянское языкознание» (М., 1963—1980). Сведения о публикациях русских рукописей за рубежом см.: Демьянов В. Г. Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1950 по 1960 г. (Библиографический обзор). — В кн.: Лингвистическое источниковедение. М., 1963, с. 78—103; Н. И. Галкина, В. Г. Демьянов. Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1961 по 1965 г. (Библиографический обзор). — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 202—210; Т. Ф. Ващенко, А. М. Сабенина. Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1966 по 1970 г. (Библиографический обзор). — В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973, с. 288—299; Г. С. Баранкова, Л. Ю. Астахина. Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1971 по 1975 г. (Библиографический обзор). — В кн.: История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982, с. 384—402.

Глава III

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Терминология текстолога зависит от его общих представлений об истории текста. Эти представления очень неустойчивы, а поэтому неустойчива сама терминология. Помимо терминов «редакция», «извод», «архетип», «протограф», «авторский текст», означающих различные по своему типу этапы в развитии текста, текстологами предлагаются другие: «первосписок» (Н. А. Мещерский), «гипархетип» (П. Маас), «прототип» или «антиграфон» (Д. Дэн) и др. Нет, однако, нужды усложнять научное изложение новыми терминами и понятиями. Остановимся только на наиболее употребительных и постараемся уточнить их содержание на основе современных научных представлений об истории текста произведения. Определений понятий давать не будем.

Обратимся прежде всего к понятию «текст».

ТЕКСТ

Термин «текст» очень часто употребляется в современной текстологии, в археографии и палеографии. Понятие «текст», однако, недостаточно дифференцировано.

Мы можем говорить о тексте произведения и о тексте одного какого-либо списка произведения. Само собой разумееся, что оба текста будут различаться. С другой стороны, будут ли два текста или один в списке, в который внесены смысловые и стилистические поправки другим почерком? Несомненно — два, хотя и схожих. А если поправки внесены тем же почерком? Тут могут быть два решения. Если исправления сделаны позднее, чем написан первоначальный текст, то мы можем говорить о двух текстах, соответствующих двум этапам понимания текста писцом. Ну, а если писец писал и сразу же исправлял? Разъединить два текста как тексты цельные и внутренне законченные в этом случае невозможно, поэтому под текстом такого списка надо понимать текст окончательных правок, хотя колебания писца сами по себе представляют очень большой интерес и должны быть теми или иными

способами учтены и объяснены. Они также представляют собой элементы текста, но текста неустойчивого. Предположим далее, что писец правит свой текст не с точки зрения его содержания, стиля и языка, а исправляет только орфографию и графику. Такого рода правка не создает нового текста.

Текст выражает произведение в формах я з ы к а. Следовательно, то, что не относится к формам языка, а относится к формам графики или является результатом случайных описок, случайных пропусков писца или случайных повторений текста, случайных в него вставок — к тексту не относится. Это особенности не текста, а самого списка, рукописи.

В самом деле, допустим, писец особым образом пишет букву «аз»: относится ли это к тексту? Безусловно, нет. Один писец пишет букву «у» как «оу», а другой как «ꙋ»; можем ли мы видеть здесь различие в тексте? Нет, это различие только в графическом выражении текста. А если писец сделал ошибку? Безусловно, и ошибка не является явлением текста: она не входила в намерения писца, он даже ее не заметил; она — не более чем клякса в его тексте, — случайно оброненная с пера чернильная капля. Текст — результат сознательной деятельности человека. Описки, не замеченные самим писцом, не могут быть отнесены к явлениям текста.

А как быть с орфографией? Относятся ли явления орфографии к тексту? Должен прежде всего отметить, что в современных изданиях текстов, в работах по текстологии, археографии и палеографии утвердилось неправильное понимание термина «орфография». Очень часто явления орфографические противопоставляются языковым. В текстологических введениях к изданию того или иного памятника нередко пишется: «Языковые особенности в издании сохраняются полностью; текст передается средствами современной орфографии». Между тем речь идет вовсе не о всех орфографических правилах, тем более о таких, которые несомненно являются частью письменного языка данного периода, а только о графике и о передаче тех или иных вышедших из употребления букв средствами современного алфавита. Поэтому в области орфографии должно быть произведено разграничение: то, что относится к языку, относится и к тексту, явления же графики к тексту не относятся. Приведу пример: «i» и «и»; различие между этими буквами в древнерусских текстах чисто графическое. Другой пример: «ѣ» и «е»; до известного периода (мы не устанавливаем границ этого периода — это дело лингвистов) различие между этими буквами языковое, после оно становится графическим.

Но в области графики могут быть явления, относящиеся к тексту. Так, Н. М. Карамзин часто пишет с прописной буквы некоторые слова — Республика, Гражданин и пр. Это имеет элемент смысла. Футуристы в первой четверти XX в. пользовались различными шрифтами, чтобы выделить в тексте отдельные части, разбить цельность текста. И здесь шрифт имеет отношение к тексту. В древ-

нерусских текстах имеют смысловое значение буквы, слова и строчки, выделенные киноварью.

А как быть с проявлениями малограмотности писца, неумением его передать на письме текст? Это вопрос самый сложный. Во-первых, текстолог должен точно определить, что он понимает под проявлениями «малограмотности». Для древнего периода это понятие не так просто определимо. Во всяком случае, неустойчивость орфографии писца в древнем периоде к проявлениям «малограмотности» не относится. Вместе с тем в «малограмотностях» часто отражается язык писавшего, его живое произношение, синтаксис разговорной речи; поэтому «малограмотность» часто является фактом языка. Язык же, как мы уже сказали, — это форма текста. Поэтому правильнее делить «малограмотность» на «малограмотность» языковую и «малограмотность» графическую (неумение буквами выразить текст — постановка одной буквы вместо другой, или целой группы букв вместо других). Первая «малограмотность», отраженная в письме, — безусловно явление текста. Вторая «малограмотность» может быть признана явлением текста только в том случае, если она носит систематический характер и в какой-то мере является отражением в тексте индивидуальности писца.

Итак, текст — понятие очень сложное. Это понятие требует еще своего изучения.[1] Основное, что отделяет текстовые явления от нетекстовых в списке произведения, — это их языковая сущность. К явлениям нетекстовым относится все то, что не может быть признано языковым выражением определенного смыслового ряда.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Для текстолога очень важно найти объективные признаки произведения: те, которые позволили бы считать, что не только им некое текстовое целое признается за отдельное произведение, но, главное, и его творцами — авторами, редакторами, переписчиками и т. д. Таким признаком отдельности произведения служит самостоятельность изменений его текста относительно других соседних в рукописной традиции. Допустим, какое-либо летописное повествование не встречается в отдельном виде и изменяется только вместе со всей летописью. Оно не может быть признано за отдельное произведение, каким бы законченным и «сюжетным» нам ни казался его текст. В новое время с определением произведения дело обстоит проще — его обособленность от остального

---

[1] Советских работ, анализирующих понятие «текст» в разных аспектах, в последние годы появилось довольно много. Из зарубежных исследований укажу на книгу: H. J. Pos. Kritische Studien über Philologische Methode. Heidelberg, 1923, S. 65. — У Поса понятие «текст» рассмотрено под углом зрения гуссерлианства.

текста подчеркнута типографскими средствами, стабильным названием и пр. (в текстах древних и средневековых название — самая изменчивая часть произведения).

С текстологической точки зрения произведением следует называть текст, объединенный единым замыслом (как по содержанию, так и по форме) и изменяющийся как единое целое. Я подчеркиваю последнее (изменение как единого целого) как наиболее важное для текстолога, позволяющее считать, что текстовое целое осознавалось как особое произведение в прошлом.

По-видимому, следует признать, что произведение, его единство могут быть выражены с различной степенью интенсивности. Кроме того, произведения различно соприкасаются между собой, входят в соединения, вливаются в состав более крупных произведений. В литературе нового времени вопрос о том, что признавать за произведение, находится в непосредственной связи с вопросом о композиции сложных произведений, о циклизации (например, у Салтыкова-Щедрина он находится в тесной связи с вопросом о соединении в циклы и распадении этих циклов). В древних текстах может быть отмечен особый «синтаксис» произведений: произведения могут быть «придаточными», составлять «подчинения» и «сочинения», соединяться с помощью «союзов» («союзом» служит мотив, на который они нанизываются) и пр. Степень самостоятельности произведения определяется степенью его изменений как целого. Текстолог не имеет права изучать историю текста произведения, если оно никогда не обладало самостоятельностью развития. Текстолог должен изучать историю текста произведения в составе более крупного произведения, если самостоятельность первого в какой бы то ни было степени ограничена вторым. Текстолог может ограничиться произведением, историей его текста, если оно было в известной мере независимо от соседних произведений в рукописной традиции.

Понятие «произведение» относительно. Практически оно необходимо историку текста только тогда, когда произведение обладает этой историей текста, в той или иной степени самостоятельной от других текстов, обладает собственной «текстологической судьбой» — своими редакциями, видами текста, изводами, встречается в списках в самостоятельном виде и способно отделяться от своего текстового окружения.

В текстологической практике нередки случаи, когда за одно произведение признавались два различных памятника, объединенные в рукописях, и, обратно, когда за два произведения признавался один памятник, случайно разделенный в рукописях. Часты случаи и признания за цельный памятник почему-либо сохранившейся части произведения. Во всех этих случаях движение текста надежнее всего определяет произведение; границы произведения — границы его относительно самостоятельной изменяемости.

РУКОПИСЬ, СПИСОК, АВТОГРАФ

В текстологических исследованиях, изучающих произведения нового времени, все рукописи делятся на автографы (рукописи, написанные автором) и списки (рукописи, написанные не автором). В текстологии древних и средневековых текстов принято более сложное различие рукописей, списков и автографов. Рукопись — это написанный от руки текст (цельный или отрывок) одного произведения или нескольких. Список — переписанное произведение. Одна рукопись может содержать списки различных произведений (например, мы можем сказать: «В такой-то рукописи имеются хорошие списки Повести о начале Москвы и Сказания о князьях владимирских»). И рукопись, и список могут быть автографами, т. е. рукописью и списком, принадлежащими руке самого автора.

Следует различать понятия: «текст рукописи» и «рукопись», «текст списка» и «список», «текст автографа» и «автограф». Впрочем, в ясных случаях очень часто вместо «текст рукописи», «текст списка», «текст автографа» для быстроты речи говорится «рукопись», «список», «автограф».

ЧЕРНОВИК, БЕЛОВИК

Автографы могут быть черновиками, т. е. списками и рукописями, в которых текст имеет несколько слоев, отражая творческий процесс, и беловиками (или чистовыми списками и рукописями), в которых текст переписан «начисто». Но, кроме черновиков и беловиков, могут быть беловые рукописи и списки с последующими изменениями, рукописи и списки, написанные чужой рукой, на которые автором нанесены исправления и изменения (авторизованные рукописи и списки), проверенные автором копии, корректуры набора, печатные экземпляры произведения и пр.

КОПИЯ

Копией признается текст, списанный с оригинала и целиком повторяющий его по тексту. Следовательно, если текст переписан другой графикой (например, скорописью с полуустава и пр.), это не мешает признавать его копией. Копией не мешает признавать и наличие в ней механических, ненамеренных ошибок киписта против оригинала, так как бессознательные ошибки, ошибки, возникшие помимо воли писца и им не замеченные, как мы уже отмечали, к тексту не относятся. Копией может быть и список, в котором не воспроизведены иллюстрации оригинала, либо в котором сделаны иллюстрации, отсутствующие в оригинале.

РЕДАКЦИЯ

Определений того, что следует называть редакцией произведения, давалось довольно много. В подавляющем большинстве старые представления о редакции придавали основное значение количественному признаку: наличию бо́льшего или меньшего числа отличных от других текстов чтений.

Не будем останавливаться на историографической стороне этого вопроса. Наиболее точное определение того, что следует понимать под редакцией произведения, находим у В. М. Истрина. В специальном разделе «Редакции памятников древнерусской литературы» книги В. М. Истрина «Очерк истории древнерусской литературы» дается такое определение: «„Редакцией“ будет называться такая переработка памятника, которая была произведена с определенной целью, будучи вызвана или каким-либо общественными событиями, или чисто литературными интересами и вкусами книжника, или целью обрусить самый памятник (напр., со стороны языка) и т. п., одним словом, — такая переработка, которая может быть названа литературной».[2]

Не будем останавливаться на отдельных неточностях этого определения (неясно, например, что следует подразумевать под «чисто литературными интересами и вкусами книжника»): В. М. Истрин посвятил понятию «редакция» целый раздел своего труда, и анализ определения В. М. Истриным понятия «редакции» потребовал бы обстоятельного разбора всего этого раздела. В этом определении для нас существенно следующее: В. М. Истрин подчеркивает целенаправленность работы книжника, создающего новую редакцию. В другом месте своего труда В. М. Истрин возвращается к этой мысли неоднократно: «Эти переделки, если они производились сознательно, с определенной целью, и будут составлять то, что принято называть „редакцией“ памятника».[3] «Задачей исследователя становится не только определение внешней стороны истории памятника, определение всех его переделок, с приурочением каждой переделки к определенному времени, но и указание внутренней связи новой обработки с другими одновременными произведениями и указание особых причин ее появления. Это и есть то, что называется обыкновенно „редакцией“ памятника».[4]

Итак, для того чтобы решить, что перед нами в тех или иных списках произведения новая редакция произведения, — надо прежде всего вскрыть целенаправленный характер особенностей текста этих списков.

Внешние различия между списками, если они случайны, не

---

[2] В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пг., 1922, с. 59.

[3] Там же, с. 56.

[4] Там же, с. 55.

могут служить основанием к разделению их на особые редакции. Это правило действительно даже в случае очень крупных количественных различий. Количественные показатели, как правило, имеют весьма относительное значение. В памятнике может быть утрачена целая половина текста. Оставшаяся половина может самостоятельно переписываться, но до той поры, пока переписчик не захочет придать ей какую-то законченность и соответственно доработает текст, — нельзя говорить о новой редакции текста; перед нами просто дефектный текст. Вместе с тем имеются случаи, когда текст изменен крайне незначительно в количественном отношении, но очень существенно для его смысла: перед нами явно новая редакция произведения. Отсюда ясно, что никакой механический подсчет изменений, разночтений не является в такой мере эффективным, как изучение изменений текста по содержанию.

В качестве примера приведу некоторые изменения в одном из произведений Вассиана Патрикеева, внешне очень незначительные, но которые позволяют, несмотря на всю свою количественную незначительность, говорить о двух редакциях произведения и ставить вопрос о том, в каких условиях и в каких целях каждая редакция возникла.

А. С. Павлов в 1863 г. в журнале «Православный собеседник» издал в числе прочих два произведения Вассиана Патрикеева: 1) «Слово ответно противу клевещущих истину еуангельскую и о иночьском житии и устроении церковнем» и 2) «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкого от правил святых Никанских от многих глав».[5] Издание было осуществлено А. С. Павловым на основании только трех списков сочинений Вассиана Патрикеева из Соловецкой библиотеки, перевезенной к тому времени из Соловков в Казань. Критический анализ взаимоотношения трех списков А. С. Павловым произведен не был, а между тем, как показала Н. А. Казакова в своей работе, специально посвященной этим произведениям Вассиана,[6] два списка из трех восходят к третьему как к своему протографу. В этом основном списке оба сочинения не разделены. Заголовок «Собрание Васьяна» имеется только в одном списке. На основании этого последнего списка А. С. Павлов и счел, что перед ним не одно сочинение, а два. Смутило А. С. Павлова, очевидно, и отсутствие прямого перехода от первой части ко второй, имеющей в третьем соловецком списке особый заголовок.

Решить окончательно и твердо вопрос о том, представляют ли «Слово ответно» и «Собрание Васьяна» два произведения или одно, помог новый список «Слова ответна» из Синодального собрания ГИМ, найденный Н. А. Казаковой. В Синодальном списке обе

[5] Православный собеседник, 1863, № 3.

[6] Н. А. Казакова. Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957.

части слиты, и текст совершенно логически развивается. По-видимому, в протографе соловецких списков произошла утрата середины того сочинения Вассиана, которое мы сейчас уже смело можем считать одним сочинением и называть «Словом ответным». Эта утрата середины и повела к тому, что логическая связь между обеими частями разорвалась и вторая часть в третьем соловецком списке получила даже отдельное название.

Сопоставим вслед за Н. А. Казаковой текст Синодального списка и третьего Соловецкого в месте разрыва:

Синодальный список	Третий Соловецкий список
Како убо и выше сицевии сказание евангальское жительство исправить възмогут? Когда же и возмогуть очистити свою мысль от помышлений строптивьных и ярости, и гнева, и прочего праха съвершаемых в разуме бесчисленных страстей, елико рожати обыкоша в душах богатолюбивых търний, сииречь многообразныа житейскиа печали, како убо сице устроены возможем исправити реченое господемь? Блаженныи чистии сердцемь, яко тии бога узрят! Колика убо трезвениа и подвига треба нам брать очищены мысли наша! Како же очистится сиа в житейскых безпрестани упражняющиа и в мирьская судилища обращающися, и различне прящися, и ярящися, и клятву преступающи, и лукавнующи, и лжущи, даже токмо получити яже желает? Кто измет вы от божественаго и праваго суда тогда, сице без страха жительствующех и к евангельскому поучению глагольствующих, еже с кротостью многою Марфе поношает о мнозе смущающейся; поносно бо слово есть, еже дважды именовати ю: «Марфа, Марфа, благая, печешися и молвишися о мнозе».	Како убо сицевии вышесказанное еуангельское жительство жити произволят? — Собрание Васьяна, ученика Нила Сорскаго, на Иосифа Волоцкаго от правил святых Никанских, от многих глав.
Не токмо сими поношает ей, но и ими же сестру ея хвалить, зело мудре обращает ю и о божественном угождении и въспоминает, глаголя: «Мариа же благую часть избра», и прочаа — благо же рек Мариино тщание, укорно показа Марфино попечение.	Ими же сестру ея хвалит, зело мудре обращает ю и о божественном угожении въспоминает, глаголя: «Мариа же благую часть избра» и прочая — благо же рек Мариино тщание, укорно показа Марфино попечение.

Синодальный список восполняет и заключительную часть «Слова ответна», которая в соловецких списках также была частично утрачена и переделана, чтобы избежать бессмыслицы.

Можем ли мы видеть в соловецких списках особую редакцию произведений Вассиана Патрикеева? Казалось бы, изменения радикальны и даже число произведений различно. Но Н. А. Казакова поступает правильно, отказываясь видеть в соловецких списках особую редакцию: изменения, сколь велики они бы ни были, если они вызваны случайными причинами и не заключают в себе намеренной идейной или стилистической переработки памятника, могут обозначить лишь особый вид памятника, но они не могут создать особой редакции произведения. Иное дело — последнее полемическое произведение Вассиана, написанное в форме диалога между Вассианом и Иосифом Волоцким. Это произведение сохранилось в тех же соловецких списках и в другом списке Синодальной библиотеки. Соловецкие списки, как показала Н. А. Казакова,[7] и здесь отличаются от Синодального списка, но отличия эти количественно крайне малы. Различия эти касаются только двух мест произведения, где изменению подверглись отрицание «не», союзы «и» и «а». Однако эти незначительные внешние изменения меняют весь смысл предлагаемой Вассианом реформы церковного землевладения и являются результатом «творчества» нестяжателей середины XVI в., стремившихся смягчить требования своего учителя. Здесь в этом случае мы имеем право видеть две редакции одного произведения, отражающих две различные идеологические позиции.

*

Кроме редакций идеологических, в древнерусской литературе очень распространены редакции стилистические. Так, например, в XV и XVI вв. в изобилии начинают появляться «украшенные» жития. Новые литературные вкусы, любовь к «плетению словес» потребовали в это время массовых переделок кратких и безыскусственных житий предшествующих веков в жития пышные, увитые цветами риторики и весьма многоречивые.

Почти каждое житие проходило, кроме того, через несколько редакций в зависимости от того, для чего оно предназначалось. Покажем это на примере.

Особый род житийной литературы представляют документальные записки, составлявшиеся как память о святом, «материалы» для его биографии. Эти записки не претендуют на литературность. Их основная функция — сохранить свидетельства о святом, факты его жизни, его посмертных чудес и т. д.

Впоследствии эти записки перерабатывались, становились все более и более литературными — «удобренными» и риторичными.

---

[7] Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель (текстологические данные). — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958,

Такова, например, записка Иннокентия о последних восьми днях жизни Пафнутия Боровского,[8] или житие Кассиана Босого,[9] или первоначальная редакция жития Зосимы Соловецкого.[10]

Записка Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского относится к 1477 или 1478 г. Он стремился к полной правдивости, записывал по возможности все, что знал о Пафнутии, с буквальной точностью передавал его слова. В пределах XV в. эти записки перерабатываются стилистически. Записка Иннокентия была переработана Вассианом в житие Пафнутия.

То же самое можно проследить и на судьбе жития Зосимы. Первоначальная редакция жития Зосимы представляла собой именно такого рода записку — памятные записи, воспоминания, продиктованные неграмотным старцем Германом клирикам Соловецкого монастыря. Эту первоначальную редакцию жития Герман «простою речию сказоваше клириком, а они, клирицы, тако писаша, не украшая писания словесы». Об этом говорит Досифей в послесловии к житию Зосимы («О сотворении жития»), сам записывавший от Германа сведения о Зосиме, а потом составивший по поручению новгородского архиепископа Геннадия его второе житие. Это второе житие, написанное также еще не украшенными «словесами», Досифей передал в Ферапонтов монастырь бывшему митрополиту Спиридону, который и «удобрил» его. Характерно, что впоследствии Максим Грек счел эту переделку жития Зосимы недостаточно литературной.

Итак, записки свидетелей, которые можно рассматривать как своего рода «некнижные» редакции житий, постоянно сменяются их «книжными» редакциями.[11]

Стилистические редакции наблюдаются даже в летописании. Так, М. Д. Приселкову принадлежит важное наблюдение над стилистическими особенностями Владимирского летописного свода 1212 г. Как выяснено исследованиями М. Д. Приселкова, Владимирский летописный свод 1212 г. может быть восстановлен на основании Радзивиловского списка, Московско-академического и Летописца Переяславля Суздальского. Сравнение их общего текста с текстом Лаврентьевской летописи, где отразился более ранний этап владимирского летописания, дает любопытные результаты. Если мы просмотрим в любом из изданий Лаврентьевской летописи все разночтения к ней, данные внизу страниц по

---

[8] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 439—453.

[9] См.: А. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 258 и сл.

[10] В. О. Ключевский. Древнерусские жития. . ., с. 198 и сл.

[11] Ср., например, также «украшенную» Тучковскую редакцию жития Михаила Клопского с первоначальными простыми — первой и второй (Л. А. Дмитриев. Повесть о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958, с. 13—88).

Радзивиловскому и Московско-академическому спискам, то мы убедимся, что сводчик 1212 г. систематически исправлял стиль предшествующего летописания, стремясь избавиться от излишних архаизмов и церковнославянизмов в лексике и сделать текст летописи более понятным и удобным в чтении. Так, вместо слова «доспел» летописец ставит слово «готов», вместо «детеск» — «мал», вместо «ядь» — «снедь», вместо «двое чади» — «двое детей», вместо «комони» — «кони», вместо «крьнеть» — «купить» и т. д. Иногда летописец не совсем понимал терминологию своего предшественника, и тогда в его подновления языка вкрадывались ошибки.[12]

*

Кроме редакций идеологических и стилистических, могут быть и редакции, вызванные стремлением расширить фактическую сторону произведения. Расширение, в отличие от сокращения, может происходить без особого идеологического выбора: добавляются те факты, которые удалось найти, присоединяются те отрывки из других сочинений или даже целые статьи, которые оказались в распоряжении составителя редакции. Так, например, анонимное «Житие князя Федора Ярославского», в отличие от предшествующих, расширяет свой состав за счет рассказа об открытии мощей и некоторых посмертных чудес. Объясняется это тем, что житие возникло вскоре после открытия мощей (дата открытия мощей — 1463 г.).[13]

Андрей Юрьев, автор особой проложной редакции жития ярославского князя Федора, пишет, что он нашел «у некоего христолюбца писан перечень жития святаго преподобнаго князя» и на основании этого перечня составил свое житие, «не умея, ни виде его жития», и в дальнейшем упоминает, что пользовался, кроме того, устными источниками — написал «елико слышах от великих малая, елика бысть мощно мне».[14]

*

Исследователями принято давать редакциям названия. Иногда названия даются по хронологической последовательности, в которой они возникли: первая, вторая, третья и т. д. В других случаях — по времени своего возникновения: редакция XIV в., редакция XVI в., Хронограф редакции 1512 г., Хронограф редакции 1617 г., и т. д. Если редакция представлена в одном списке,

---

[12] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 86.

[13] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915, с. 228.

[14] Там же, с. 225.

то она называется по списку: Коншинская редакция Домостроя (от Коншинского списка Публичной библиотеки в Ленинграде). Стилистические редакции часто называются по своему основному стилистическому признаку или по той работе, которая была произведена: краткая и сокращенная, пространная и распространенная, полная и пр. Даются названия и по местности, в которой редакция возникла, по среде, гда она была создана (Стрелецкая редакция «Повести о Николе Заразском»), по своей основной идее и пр.

Встречается довольно часто название «Смешанная редакция». Здесь встает, конечно, вопрос не о названии, а о существе: может ли возникнуть новая редакция от простого смешения двух или нескольких предшествующих редакций? Соединение нескольких редакций в одном списке — явление нередкое, но с новой редакцией мы будем иметь дело только в том случае, если в основе такого соединения лежит определенная идея, например создание наиболее полного текста с наибольшим количеством фактов. В таком случае удобнее называть новую редакцию не смешанной, а сводной, восполненной или иначе.

Любопытный вопрос возникает в связи с переработками древних произведений, созданными в XVIII, XIX и XX вв. Можно ли считать редакциями переработки повести о Бове, повести о Фроле Скобееве, о Шемякином суде (например Артынова) или переработку «Сказания о начале Москвы», сделанную А. Сумароковым, переработку повести о Савве Грудцыне, сделанную А. Ремизовым и т. д.?

Это касается писательских переработок, но есть переработки, сделанные исследователями. Так, например, И. И. Срезневский создал сводный текст «Повести о Николе Зарайском». Этот сводный текст ни в одной древней рукописи не существует. Его создал исследователь. А что делать с некоторыми фантастическими реконструкциями и стихотворными переложениями (вроде тех, например, которые создал Н. В. Водовозов)? [15] По-видимому, их надо считать также редакциями памятника. Но здесь следует заметить: не все редакции памятника представляют историко-литературный интерес. Этого интереса для древней литературы лишены, в частности, многие переработки XIX—XX вв., источники которых известны и не могут дать ничего нового для восстановления истории текста памятника в предшествующие века. В какой мере они представляют интерес для истории литературы XIX—XX вв. — судить специалистам по русской литературе нового времени.

Редакции текста, являясь результатом сознательной целенаправленной деятельности древних книжников, знаменуют собой

---

[15] См.: Д. Н. Альшиц. Древнерусская проза в стихотворных переводах Н. В. Водовозова. — Новый мир, 1960, № 11, с. 265—270.

этапы в развитии текста. Поэтому-то история текста изучает не только те редакции текста, которые сохранились, но и те, которые до нас не дошли.

ИЗВОД

Чтобы уяснить себе различия между понятием «редакция» и близким к нему понятием «извод», необходимо несколько продолжить рассмотрение вопроса о редакциях и вспомнить некоторые мнения, которые высказывались по вопросу о самом процессе образования новых редакций.

Против определения редакции как сознательной, творческой переработки предшествующего текста одним лицом выступил в свое время М. О. Скрипиль. Последний писал:[16] «В нашей науке с давних пор сложилось убеждение в том, что новые редакции древнерусских литературных произведений являлись в результате творческой переработки традиционных текстов отдельными писателями древней Руси. Так, эту мысль мы находим у Д. Красина, который считал, что „есть только одно условие, которое необходимо иметь в виду при делении памятников на редакции, это — известная самостоятельность работы“.[17] Еще определеннее эту же мысль высказывает В. Истрин. „Произведения древнерусской литературы, — говорит он, — дошли до нас в нескольких редакциях, т. е. переделках, и задача историка литературы проследить, чем была вызвана та или другая переделка“. По мнению В. Истрина, далеко не все переделки могут быть названы редакциями, а только такие из них, „которые действительно свидетельствуют о литературных приемах переделывателя“».[18] Приведя и другие аналогичные высказывания В. Истрина и С. А. Бугославского, М. О. Скрипиль пишет далее: «Наблюдая литературные судьбы древнерусской повести, мы должны признать, что в ряде случаев образование новых редакций произведений этого жанра (речь идет о жанре повести — *Д. Л.*) идет особым путем. В список за списком в пределах определенного времени начинают проникать черты нового идейно-художественного содержания, постепенно и исподволь меняя традиционный текст. Веяние времени в этих случаях оказывается обычно настолько могущественным, что переписчики изменяют традиционный текст один

---

[16] М. О. Скрипиль. Проблемы изучения древнерусской повести. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. 7, вып. 3, 1948, с. 199.

[17] Д. Красин. Четьи Минеи Иоанна Милютина. — Моск. унив. изв., 1870, № 8, с. 775. (*Примечание М. О. Скрипиля*).

[18] В. Истрин. ЖМНП, 1902, III, с. 222 (рец. на кн.: П. В. Владимиров. Древняя русская литература Киевского периода. Киев, 1900). (*Примечание М. О. Скрипиля*).

больше, другой меньше, но в одном определенном направлении. Начальные звенья этого процесса еще никак нельзя считать новыми литературными фактами и только на каком-то определенном этапе его мы находим тексты, настолько измененные в идейно-художественном отношении, что их необходимо рассматривать как новые редакции памятника. Если не учитывать весь этот процесс и останавливаться только на его далеко один от другого отстоящих этапах (так наз. редакциях), многие интереснейшие стороны жизни памятника окажутся за кругом историко-литературного исследования».[19]

Если бы картина изменения текста была такой, какой ее изображает М. О. Скрипиль, то это исключило бы возможность деления текста по редакциям: все списки в той или иной степени оказались бы «промежуточными», стоящими «между редакциями», и редакций по существу не было бы, но дело обстоит так, что наряду с мелкими и многочисленными изменениями текста, существенно его не меняющими, есть и внутренние крупные его изменения. Придать новое направление всему тексту, особенно новое идейное направление, может только значительное по своему содержанию изменение. М. О. Скрипиль заметил, что «переписчики изменяют традиционный текст один больше, другой меньше», но он не почувствовал качественной разницы этих изменений. Если традиционный текст изменялся только «меньше», т. е. мелкими стилистическими и языковыми поновлениями, то перед нами не может возникнуть новой редакции, а возникает лишь новый извод. В этом отношении мы можем говорить об изводах XVI в., XVII в., в той же мере, как говорим об изводе болгарском, новгородском, западнорусском и т. п.

Следует ли, однако, считать, что весь текст редакции памятника, в отличие от извода, есть целиком плод работы только одного редактора? Всякая редакция памятника есть результат коллективной работы — автора, ряда последовательно сменяющих друг друга редакторов и, наконец, редактора последнего. Поэтому новая редакция не является итогом работы только последнего редактора. Однако последний редактор вносит в текст такие изменения, которые позволяют говорить о новой редакции старого текста, а не полностью о новом тексте. Полностью новый текст создается только новым произведением на ту же тему.

Редакция — есть результат определенного этапа в истории текста. Поскольку каждый этап в истории текста того или иного произведения возникает под влиянием сознательной целенаправленной деятельности человека, редакция отражает эту сознательную, целенаправленную деятельность человека. Отдельные изменения текста, не отражающие воли человека, а слагающиеся в ре-

---

[19] М. О. Скрипиль, Проблемы изучения древнерусской повести, с. 199—200.

зультате невнимательности переписчика, его ошибок, случайных утрат или случайных присоединений, изменений во вкусах и т. д., составить новых редакций памятника не могут.

Могут быть, однако, положения, при которых памятник, переписываясь в определенной среде, местности, стране, в определенном веке и т. д., постепенно впитывает в себя многие черты данной среды, местности, страны, века и т. д. Создается бессознательное накопление однородных изменений текста. В таком случае возникает извод памятника, например: изводы болгарский, сербский, русский, новгородский, псковский, ростовский, извод XVI в. или XVII в. и т. п. Языковеды часто понимают под редакцией памятника происхождение его по языку: сербская редакция, болгарская, русская и т. п. Лучше, однако, чтобы не создавать путаницы терминологии, в подобных случаях говорить не о «редакции», а употреблять слово «извод».

Извод — это тот или иной вид текста, возникший стихийно, нецеленаправленно, в результате многократной переписки текста в определенной среде, местности, стране и т. д. В результате такой переписки текста в нем неизбежно отражаются присущие переписчикам особенности.

Конечно, бывают такие виды текста, когда исследователю нелегко бывает решить — имеет ли он дело с редакцией или с изводом. Допустим, что какой-либо текст длительное время переписывается в демократической среде. В текст этот проникают диалектные формы, формы разговорной речи, возникают стилистические упрощения и т. д. Исследователю необходимо решить: что же для данного вида текста более характерно — сознательные ли усилия переписчиков «демократизовать» текст или бессознательные ошибки, обмолвки, упрощения, связанные с непониманием предшествующего текста, и т. д. В зависимости от того, что именно придает тексту его оригинальность, что именно для него наиболее характерно, исследователь и определит данный вид текста как редакцию или как извод. Конечно, бывают спорные случаи, но здесь исследователю необходимо считаться с тем, что всякая терминология, в том числе и текстологическая, условна, и решать вопрос необходимо в зависимости от того, что́ важнее подчеркнуть, какую сторону истории текста выдвинуть.

В порядке этой условности отметим, что изменения орфографические и языковые говорят за извод, изменения же стилистические — за стилистическую редакцию, если же имеются и изменения идейного характера, то перед нами, очевидно, новая редакция, а не новый извод.[20]

---

[20] Иногда, впрочем, термин «извод» употребляется в значении близком к термину «вид», т. е. группа списков, имеющая общие текстуальные отличия от другой группы без существенных отличий редакционного характера. В этом смысле термин «извод» употребляется, например, исследователями «Задонщины» (извод Ундольского, Синодальный извод).

Если в текст группы списков памятников внесены переписчиками общие бессознательные изменения, не носящие, однако, ярко выраженного специфического характера, связанного с определенной местностью, средой, временем, языком и пр., то лучше всего говорить о виде памятника, о группе его списков или о виде редакции. Термины «вид» и «группа списков» мало определенны, и поэтому их легче употреблять в условном смысле, придавая им то или иное значение в зависимости от конкретной ситуации.

АРХЕТИП

Отдельные списки редакции несут на себе ретушь писцов. Нет двух списков безусловно идентичных по тексту, в том числе и в пределах редакции. Редакция произведения включает в себя группу списков, близких, но не идентичных по тексту. Вот почему нельзя издать редакцию произведения. Можно лишь издать один из списков редакции (например, «основной», «лучший» и т. п.) с разночтениями и без разночтений или можно издать некую реконструкцию текста того основного списка редакции, от которого, как мы предполагаем, пошли тексты всех остальных списков данной редакции.

Предполагаемый текст, от которого пошли все остальные тексты списков данной редакции, принято называть архетипом редакции. Архетип может быть не только у списков какой-либо редакции, но и у какой-либо родственной группы списков вообще, или даже у всех списков данного произведения.

Мы можем говорить об архетипе списков произведения, об архетипе списков одной редакции и об архетипе одной только группы списков этой редакции. Наиболее краткое и простое определение того, что такое представляет собой архетип, дает П. Маас: «Текст, который начинает собой первое разноречие (разъединение) списков, мы называем архетипом».[21] Несколько более сложное, но в общем сходное определение архетипа дает и А. С. Лаппо-Данилевский. А. С. Лаппо-Данилевский считает «архетип» — «оригиналом или основным источником, повлиявшим на возникновение остальных производных членов группы, т. е. воспроизведенных с него копий или источников, содержащих заимствования из него и т. п.».[22] А. С. Лаппо-Данилевский пишет: «Вообще, можно сказать, что построение группы „родственных" источников состоит прежде всего в установлении того из них, который признается «архетипом», оригиналом или основным источником, повлиявшим на возникновение остальных производных членов группы, т. е.

---

[21] «Die Vorlage, bei der die erste Spaltung begann, nennen wir den Archetypus» (Paul Maas. Textkritik. Leipzig, 1957, S. 6).

[22] А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, ч. 1, Теория исторического знания. СПб., 1910, с. 572.

воспроизведенных с него, — копий или источников, содержащих заимствования из него, и т. п.; далее, такое построение нуждается в изучении соотношения, в каком зависимые источники находятся между собой; наконец, по выяснении того положения, какое каждый из них занимает в группе, построение ее завершается в виде схемы, наглядно обнаруживающей изученные их соотношения. Решение таких задач достигается при помощи общего приема, который можно назвать критикой составных частей источника: она стремится выяснить, можно ли говорить о подлинности или неподлинности такого источника, как целого, или следует высказать суждения подобного рода лишь порознь о каждой из частей, входящих в его состав; в последнем случае она и пытается определить, какие из них подлинные, какие неподлинные. Критика составных частей источника и дает возможность установить архетип данной группы родственных источников, выяснить род зависимости, какая существует между ее членами и облегчает построение ее схемы. Без „архетипа" или основного источника, очевидно, нельзя дать законченного построения группы связанных между собой источников».[23]

Другое определение того, что следует подразумевать под архетипом, дает А. Дэн: «Архетип — это наиболее древнее свидетельство той традиции, в которой авторский текст закреплен в форме, до нас дошедшей. Если имеется несколько форм традиции, — то, очевидно, имеется и несколько архетипов».[24]

В общем все эти определения говорят об одном и том же: архетип — это тот текст, от которого пошли остальные тексты произведения, редакции произведения или группы списков произведения. Большинство текстологических школ ставит себе целью восстановить ближайшие архетипы произведения (групп списков и редакций), чтобы от этих архетипов постепенно восходить к восстановлению общего архетипа произведения и на основе этого восстановленного архетипа произведения судить об авторском тексте.

Казалось бы, понятие совершенно ясное. Однако практически, в работе текстологов, понятие архетипа оказывается очень сложным и не всегда ясным. А. Дэн пишет: «В филологии нет понятия более существенного, чем понятие архетипа, и нет, пожалуй, понятия более запутанного».[25]

Если архетип редакции — это тот список, к которому восходят все списки данной редакции, то не означает ли это, что архетип редакции это и есть список составителя редакции? А архетип

---

[23] Там же, с. 572—573.

[24] «L'archétype est le plus ancien témoin de la tradition où le texte d'un auteur se trouve consigné dans la forme qui a été transmise. S'il y a plusieurs formes de la tradition, il y a évidemment plusieurs archétypes» (A. D a i n. Les manuscrits. Paris, 1949, p. 96).

[25] Ibid.

произведения — не есть ли он в свою очередь авторский текст произведения? Оказывается, однако, что архетип редакции и редакторский текст не всегда один и тот же; так же точно не обязательно совпадают архетип дошедших до нас списков произведения и текст автора.

В самом деле, вообразим себе такой случай. Все списки какого либо произведения, кроме одного, были уничтожены в середине и второй половине XIII в. в результате татаро-монгольского нашествия. От сохранившегося тогда, но не дошедшего до нас списка пошли все другие списки, которые сохранились. Если мы на основе сохранившихся списков станем восстанавливать тот текст, от которого пошли тексты сохранившихся списков, то, идя по наиболее правильному пути, мы восстановим текст случайно сохранившегося в XIII в. списка, а не текст автора. Сохранившийся же список начала XIII в. мог представлять текст одной из редакций, имевшейся в начале XIII в., или какой-либо особой группы списков. Такое положение со списками вовсе не исключение.

Могло случиться и так: авторский текст дал начало только одному списку, и он пропал, тот тоже только одному, и тот тоже пропал, и только уже от этого третьего (но первого из сохранившихся) списка пошли сразу несколько различных списков, от которых, постепенно разрастаясь в количестве, пошла вся дальнейшая генерация списков. В этом случае текст всех дошедших до нас списков будет также восходить не к авторскому тексту, а лишь к списку третьего от авторского и нести в себе особенности этого третьего списка.

В данном случае, восстанавливая текст, от которого пошли все дошедшие до нас списки, мы восстанавливаем не текст автора и не текст редакции, а текст того списка, от которого пошли все остальные и который мы условно называем архетипом дошедших до нас списков произведения. Архетип этот может совпадать с текстом автора или редактора, но может и не совпадать.

Еще более неутешительные выводы даст нам ответ на вопрос — обязательно ли вообще предполагать существование в прошлом архетипа произведения или архетипа редакции. В самом деле, если представлять себе историю текста так, как представляли ее себе адепты школы К. Лахмана, т. е. что каждый переписчик переписывал только один текст какого-то списка, то восхождение к общему архетипу обязательно, но писец мог соединять два текста или больше, мог иметь перед глазами два списка или больше. В этом случае общий архетип будет отсутствовать.

А. С. Лаппо-Данилевский сомневался, что восстановление архетипа практически возможно во всех случаях, но он не сомневался в том, что архетип произведения, редакции, группы списков всегда существует. А. С. Лаппо-Данилевский пишет: «Само собою разумеется, что восстановление архетипа не всегда возможно:

оно едва ли осуществимо, например, если заимствования из него значительно переработаны или слишком ничтожны для того, чтобы позволительно было судить по ним об оригинале, или если намеки на него сохранились только в более или менее вольных подражаниях ему, и т. п. В таких случаях приходится довольствоваться предполагаемым, но неизвестным архетипом, к которому зависящие от него источники должны возводиться».[26]

Теория архетипа и уверенность в его существовании (предполагаемом или реальном) основываются у А. С. Лаппо-Данилевского, конечно, на представлениях, идущих от К. Лахмана. В списках А. С. Лаппо-Данилевский видит лишь «копии», идущие от одного оригинала; [27] все изменения текста в этих копиях для А. С. Лаппо-Данилевского лишь «ошибки», и группировка «копий» ведется им по системе подсчета «общих» для нескольких «копий» ошибок,[28] а само восстановление архетипа — путем «очищения» текста от ошибок и поправок.[29]

Обычно предполагалось, что средневековая традиция греческого классического произведения восходит к архетипу — по большей части византийского или александрийского происхождения. Массовые находки папирусных текстов классических произведений опровергли эти представления текстологов.[30] Дж. Паскуали в своем большом труде по текстологии очень скептически относится к теории архетипов вообще (этому вопросу посвящена специально вторая глава его труда: «Всегда ли существовал аретип?» — «Ci fu sempre un archetipo?»).[31]

ПРОТОГРАФ

Практически понятие архетипа вовсе неприменимо в истории летописания, где своды входят между собой в сложные отношения, перекрещиваются, проверяются один по другому и непрестанно сливаются. А. А. Шахматов никогда не применял понятие архетипа, так же как и его последователь М. Д. Приселков. А. А. Шахматов и М. Д. Приселков применяли понятие протографа. Это понятие отлично от архетипа. Под протографом разумеется

[26] А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, с. 586.
[27] Там же, с. 579.
[28] Там же, с. 589.
[29] Там же, с. 584.
[30] О значении папирусных текстов классических произведений см.: Ch. H. Oldfather. The Greek Literary Texts from Graeco-Roman Egypt. A Study in the History of Civilization. — University of Wisconsin. Studies in the social sciences and history, Madison, 1923, № 9. — Ср. также о критике папирусных текстов: H. C. Youtie. The Textual Criticism of Documentary Papyri. Prolegomena. — University of London. Institute of Classical Studies. Bulletin. Supplement, № 6, 1958.
[31] G. Pasquali. Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1952.

ближайший по тексту оригинал одного или нескольких списков. Протограф — это очень близкий по тексту предшественник дошедшего списка или группы списков. Отношения списка к протографу не обязательно подобны отношению копии к оригиналу. Между списком и его протографом могут быть промежуточные списки, но только при том условии, что список не подверг свой протограф переработке или хотя бы частичному изменению. Архетип может отстоять от своих списков довольно далеко по тексту, протограф же близок по тексту к списку.

Архетип и протограф могут совпадать, но если архетип намечается в точке схождения восходящих линий родства, то к протографу список восходит обычно по прямой.

Терминологическое различие это очень важно, ибо можно спорить, существовал ли вообще архетип тех или иных сохранившихся списков, но не их протограф или протографы, если только перед нами не текст самого автора. Происхождение тех или иных дошедших до нас текстов может быть множественным. Текст может представлять собой компиляцию двух или нескольких текстов редакций, испытать на себе воздействие других памятников и т. д., и говорить тогда об архетипе невозможно. Существование же протографов во всех случаях не вызывает сомнений; когда писец списывал одновременно текст двух или нескольких списков, — все эти предшествующие списки-оригиналы должны быть названы протографами. Практически понятия архетип и протограф очень часто смешиваются в работе текстологов. Пользуясь трудами текстологов, обычно приходится каждый раз заново устанавливать, как данный исследователь понимает термины «архетип» и «протограф», какое различие он вкладывает в эти понятия, как он в связи с этим представляет себе историю текста произведения.

АВТОРСКИЙ ТЕКСТ

Что называть авторским текстом? В этом вопросе дело обстоит также очень сложно. Можем ли мы сказать, что оригинал — это рукопись, написанная самим автором, и что авторский текст — это текст автора? Но последнее определение — простая тавтология. Даже для нового времени с его повышенными представлениями об авторской собственности и выкристаллизовавшимся понятием автора здесь не все ясно. «Потерянный и возвращенный рай» Мильтона имел ли оригинал? — спрашивает А. Дэн, — ведь Мильтон был слеп.[32] Романы О. Бальзака без конца перерабатывались автором. Какую рукопись считать оригиналом? Дюма-отцу по-

---

[32] A. Dain. Les manuscrits, p. 90.

могали в написании его романов многочисленные помощники. Л. Толстой работал в корректурах. Так же точно работал и А. Франс. А. Франс к тому же переписывал иногда тексты, уже напечатанные. Если считать, что авторский текст — это текст, утвержденный автором, то такое определение еще более усложнит дело — особенно для средневековья.

Как отмечает Д. Паскуали, авторского текста памятника вообще могло не существовать или этих авторских текстов могло быть несколько. Я. С. Лурье установил, например, что «Просветитель» Иосифа Волоцкого дошел до нас в двух различных авторских редакциях.[33]

Авторское начало в древней русской литературе выражено слабее, чем в литературе новой. Вместо единого автора в ней часто предстоит перед нами автор «коллективный». Так, например, было в летописании, где каждый летописец пользовался трудами своих предшественников, очень мало иногда изменяя их текст, но сильно меняя композицию и идею произведения путем комбинирования предшествующих летописных известий.

Летописи и хронографы могли составляться одновременно несколькими «авторами» и при этом на основе ранее существовавших текстов. Говорить в этих случаях об «авторском тексте» летописи как об авторском тексте «Русской Правды» или в отдельных случаях об «авторском тексте» житий, патериков, сводов повествовательного материала и т. д. — просто невозможно. В древнерусской литературе коллективное начало в создании отдельных литературных произведений было чрезвычайно сильно. Последующие переделыватели и переписчики выступали часто как соавторы, и с этим прежде всего должен считаться исследователь текста. Только после того как исследователь проверит все изменения текста и установит, что творчески нового внесли они в произведение, он может условно говорить об авторе одного из восстановленных им текстов.

Долгое время для текстологов восстановление авторского текста являлось единственной целью их занятий. Именно эту цель, в частности, преследовала и текстологическая система К. Лахмана, а также все ее видоизменения. В этом отчасти отражалось представление об авторе нового времени. В отношении литературы средневековья можно с уверенностью сказать, что личности автора нужно в текстологических исследованиях уделить не больше места, чем она занимала в литературном творчестве того времени.

Если речь идет о таких ярко выраженных «авторских» произведениях, как «Поучение» Владимира Мономаха или сочинения Андрея Курбского, — поиски авторского текста вполне уместны

---

[33] Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, с. 438—461.

и им следует уделить главное внимание. Но когда изучению подвергаются произведения, составлявшиеся коллективно, игнорировать хронологически более поздние этапы истории текста произведения только на том основании, что они поздние, отнюдь не приходится.

Главная цель текстолога должна заключаться в установлении истории текста произведения. Какие же этапы в развитии текста будут нуждаться в своем восстановлении и издании — это должно показать все текстологическое и историко-литературное изучение произведения. Может быть, ими будут наряду с «авторским», наряду с древнейшим и более поздние этапы.

ЗАМЫСЕЛ И ВОЛЯ АВТОРА

Мы рассматривали выше элементы движения текста, постоянно соотнося их с содержанием текста. История текста не есть история его внешних, случайных изменений. Основное, с чем должна считаться текстология, — это с замыслами и намерениями творцов текста (под творцами текста разумею всех, кто создает текст, — не только его авторов, но и редакторов — составителей редакций текста). Эти замыслы и намерения в конечном счете должны объясняться историей литературы и историей всего общества, но на известном этапе именно раскрытие этих замыслов является центральной и наиболее сложной задачей текстологии.

В произведении воплощается замысел. Но замысел не существует в готовом и вполне законченном виде еще до написания произведения. Он меняется по мере своего воплощения в тексте. Об этом свидетельствуют черновики и корректуры автора. Замысел, по мере своего воплощения, начинает оказывать обратное воздействие на автора, вводит его в свою внутреннюю логику. Автор в процессе воплощения своего замысла начинает видеть его недостатки и достоинства. Процесс воплощения замысла есть процесс совершенствования и роста замысла. Но и после того как произведение напечатано (в данном случае я говорю о произведениях нового времени), автор может продолжать над ним работать, готовить для новых изданий. Иногда последние главы большого законченного произведения кое в чем противоречат первым. Эти противоречия рождаются в процессе работы, а иногда в процессе переработок уже законченного произведения, когда интенсивный творческий процесс закончился и автор забыл многие детали своего произведения и не представляет себе замысла с такой отчетливостью, как раньше. В этих случаях могут появляться не только отдельные внутренние несоответствия, но нарушаться выдержанность языка и стиля.

Замысел развивается — соответственно меняет свое направление и авторская воля. Необходимо изучать изменения и развитие замысла и соответствующие изменения авторской воли.

Воля автора не статична, а динамична. Она может быть доведена автором до конца и может быть не доведена. Автор очень часто не успевает или не хочет завершить свой замысел. Текст остается незаконченным. Кроме того, он может упорно работать над своим произведением уже после его издания. В некоторых случаях он может письменно или устно заявить о полной завершенности своего произведения в определенной рукописи или издании. Перемены воли автора могут быть творческими и нетворческими: автор может внести изменения, явно ухудшающие текст, в связи с опасением цензуры, требованиями администрации (см. выше, с. 90—91), техническими условиями издательства, уступая критике, компетентным и некомпетентным советам друзей и пр. С течением времени и с переменой художественных и идейных убеждений автора у последнего может понизиться интерес к собственному произведению, и он может передоверить его исправление, правку корректуры и пр.

Соответственно авторская воля проявляется с большей или меньшей степенью интенсивности. Автор может прямо заявить об окончательном воплощении своего замысла в том или ином тексте, но может и не заявить, мы можем только догадываться о его воле, предполагая ее воплощенной в последнем прижизненном тексте произведения. Мы имеем также многочисленные случаи недовольства автора своим произведением — редко полным недовольством, а в большинстве случаев частичным (в результате изменений мировоззрения, интересов, художественных вкусов, появления новых навыков работы и новых творческих замыслов и пр.). Известно, что Т. Тассо хотел новым своим произведением уничтожить все, что он написал раньше.

В некоторых случаях автор не нашел времени достаточно упорно поработать над произведением. Произведение часто остается незаконченным или с неряшливо выправленным текстом. В таких случаях особенно трудно говорить о проявлении авторской воли в том или ином тексте.

Особенно осторожным следует быть в случае санкционирования автором для издания того или иного уже готового текста. Известно, что «Вертер» был многократно и неряшливо издан при жизни Гете, но без контроля с его стороны. Затем Гете избрал для основного текста одно из самых ошибочных изданий. Когда ему на это указали, он с этим согласился и отказался от этого издания.

Воля автора, как и замысел произведения, — явления крайне сложные и неустойчивые и до сих пор в самой сущности своей почти не изученные. Во всяком случае, к вопросу об авторской воле текстолог должен подходить не как юрист и не рассматривать «последнюю волю» с правовой точки зрения. Нельзя в работе над авторскими текстами произведения ограничиваться формальным выявлением последней творческой воли автора. Замысел и

воля автора в воплощении этого замысла должны подробнейшим образом изучаться текстологом во всей их сложности и в их меняющихся отношениях к текстам. Разумеется, это относится и к замыслам, и к воле средневековых и древних редакторов произведений.

Текстолог, изучая историю замысла произведения и историю воли автора, не может быть только бесстрастным регистратором. Он должен оценивать их с точки зрения художественной и идейной.

Глава IV

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТА В ОДНОМ СПИСКЕ[1]

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА

Текст древнерусских произведений неустойчив. В письменной традиции того или иного памятника может измениться его название, начало, конец, стилистическое оформление и идейная направленность. Памятник может перейти из одного жанра в другой; он может войти в состав компиляции; утратить свой конец или начало; приобрести другой конец и другое начало; может разбиться на эпизоды и продолжать жить в нескольких образовавшихся новых произведениях и т. д.

Самая неустойчивая часть древнерусского произведения —это его название. Входя в состав того или иного сборника (особенно сборника устойчивого содержания: пролога, четьих-миней, Измарагда и т. п.), произведение может получить «типовое» для данного сборника название. Название может меняться и по соображениям лучшей передачи содержания памятника. Особенно часты перемены названия при создании новой редакции произведения. Вот почему рядом с названиями памятника, которые бывают в рукописях, памятнику дается еще научное название, под которым он известен в исследовательской литературе. В научных описаниях рукописей принято наряду с научным названием и названием в списке давать еще первые и конечные строки текста. Но и они неустойчивы. Вот почему определение памятника — одна из важнейших, а иногда и нелегких задач текстолога, занимающегося древнерусской литературой.

Приведу разные названия и начала в отдельных редакциях Жития Александра Невского: «Месяца ноября в 23 преставися

---

[1] В этой главе мы рассматриваем вопросы, которые возникают при изучении текста в одном списке, но важны также при работе над многими или несколькими, а в следующей главе — те, которые необходимы только для изучения текста в нескольких или во многих списках.

великий князь Александр Ярославич в лете 6771. Скажем мужество и житие его. О господе Исусе Христе, сыне божии, и яз худый и грешный и недостойный начинаю писати житие великого князя Александра Ярославича внука Всеволожа» (первоначальная редакция); «Месяца ноября 14 успение великого князя новгородского Александра Ярославича на память святого апостола Филиппа. Господи благослови отче. О великом князе нашем и умнем и о крепкосмысленем и о храбрем тезоименитнаго царя Александра Македонского. . .» (вторая редакция); «Слово похвальное благоверному великому князю Александру, иже Невский именуется, новому чюдотворцу, в нем же и о чюдесех его споведотися. Благослови отче. Преблагый человеколюбивый господь изрядно свою благостыню на согрешающих показует. . .» (редакция Великих Макариевских четьих-миней); «Месяца ноемврия в 23 день. Житие и жизнь и повесть о храбрости и о чюдесех, списано вкратце, святаго великаго князя Александра Ярославича Невского нового чудотворца. Господи благослови отче. Что реку или что возглаголю о доблести и мужестве и подвизание в молитвах. . .» (редакция Василия-Варлаама); «Месяца ноября в 23 день. Житие и подвиги благовернаго великого князя Александра, иже Невский именуется, новый чудотворец, в нем же и о чюдесех его от части исповедании. Благослови отче. Якоже в чювьственных видимое солнце, сице и жития святых свет суть и просвещение в душевных чувствах. . .» (редакция Ионы Думина).

С одним и тем же названием «Меч духовный» известен сборник проповедей Лазаря Барановича конца XVII в. и книга полемических и богословских сочинений некоего федосеевца, составленная в 1770 г. Различные сочинения озаглавлены: «Разговор в царстве мертвых» (например: в XVIII в. разговор Потемкина и Екатерины II, а в начале XIX в. сатира на графа Хвостова).

Очень часто памятник начинается цитатой из священного писания. В связи с этим одинаковую цитату могут иметь в своем начале несколько различных произведений. Так, например, словами «Благославен господь бог Израилев» начинается поздняя переделка знаменитого «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона [2] и «Житие преподобной Евфросинии» (под 23 мая).[3] Многие жития и похвальные слова начинаются словами «Тайну цареву добро есть хранити» [4] или «Память праведного со похва-

---

[2] См.: Н. К. Никольский. Матерналы для повременного списка русских писателей X—XI вв. СПб., 1906, с. 77, 80.

[3] Торжественник XVI в. ГПБ, ОЛДП, F CLXXXV, л. 347.

[4] «Слово Нифонта к верным» в «Измарагде», «Житие Марии Египетской» патриарха Софрония, «Житие Василия Нового», списанное Григорием мнихом, «Слово похвальное Сергию Радонежскому», составленное Епифанием, «Житие Ефрема Новоторжского», «23-е чудо Толгской иконы богородицы о человеке именем Иоанне», «Сказание диакона Феодора об Аввакуме, Лазаре и Епифании», «Проскенитарий» Арсения Суханова.

лами» [5] и пр. Вот несколько часто повторяющихся начал различных произведений: «Род праведных благословится»,[6] «Светлое и преславное настоящее торжество»,[7] «Что реку и что возглаголю» [8] и мн. др.

*

В текстологической практике нередки случаи, когда за один памятник признавались два различных произведения и обратно: когда за два памятника признавалась одна рукопись одного и того же произведения, случайно разделенная на две.

Примером неправильного соединения при издании двух произведений в одно представляет собой издание Новгородской четвертой летописи в IV томе «Полного собрания русских летописей» в 1848 г. Новгородская четвертая летопись была напечатана здесь по Строевскому списку с вариантами по Академическому, Синодальному, Фроловскому, Толстовскому и, кроме того, по особому списку — Хронографическому начала XVI в. (ГИМ, Синод. № 280). Хронографический список представляет собой особую летопись. Другими списками той же летописи являются списки ГПБ, собр. Погод., № 1402, 1402а и список БАН 34.4.32. В основе этой летописи лежат вторая редакция Новгородской четвертой летописи и некоторые другие летописи. Привлечение Хронографического списка к изданию Новгородской четвертой летописи заставило издателей давать его текст отдельными отрывками (1385—1403, 1447—1496 гг.). А. А. Шахматов выделил Хронографический список и близкие к нему в особую летопись, назвав ее Новгородской пятой.[9]

Трудности возникают не только с определением произведения, но даже с определением рукописи. Считать ли две части произве-

---

[5] «Похвальное слово Александру Свирскому», «Слово Иоанна Дамаскина на Успение богородицы», «Слово похвальное Варлааму Хутынскому», похвальные слова Прокопию и Иоанну, устюжским чудотворцам и пр.

[6] С таким началом известны «Сказание о Борисе и Глебе» и статья о перенесении мощей князя Феодора и чад его Давида и Константина (ГПБ, ОЛДП, F 1, л. 109 об.).

[7] «Слово похвальное на Покров богородицы», слово Тарасия арх. Константинопольского «о пресвятой богородице егда приведена бысть в церковь».

[8] «Житие Александра Невского» в редакции псковского пресвитера Василия, одна из редакций «Жития Михаила Черниговского и боярина его Федора», «Канон Всеволоду Псковскому», составленный Никодимом, «Житие Михаила Клопского» в редакции Василия Тучкова и др.

[9] См.: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 196 и сл. — Замечания о Новгородской пятой летописи имеются также в работе А. А. Шахматова «Общерусские летописные своды XIV и XVI веков» и в его же «Отзыве» на труд С. К. Шамбинаго (Отчет о XII присуждении премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910, с. 102 и 130), а также в предисловии к вып. 1 части II тома IV «Полного собрания русских летописей». А. Н. Насоновым изучен целый ряд списков новгородской летописи в соединении с псковской (Псковские летописи, вып. 1, М.—Л., 1941, с. XLVII и сл.).

дения за одну рукопись или обе части считать разными рукописями? Что при этом считать решающим признаком? С этой точки зрения интерес представляет работа О. А. Яковлевой «К истории псковских летописей».[10]

Речь в этой работе идет о двух псковских рукописях исторического содержания Библиотеки Архива иностранных дел 447/915 и 69/92 (90). Обе эти рукописи издателями псковских летописей считались за отдельные рукописи. О. А. Яковлева доказывает, что обе эти рукописи составляли когда-то одну рукопись, принадлежавшую в свое время В. Н. Собакину. Н. М. Карамзин пользовался этой рукописью как единой, а затем кто-то (видимо, М. П. Погодин, издававший в 1837 г. вторую часть рукописи) разрезал ее вдоль корешка на две части. Обе части получили самостоятельные шифры и новые переплеты и в дальнейшем стали считаться самостоятельными рукописями.

Подобного рода разделения рукописей очень часты. Их делали древнерусские книжники для удобства одновременной переписки несколькими писцами, делали издатели для удобства издания и особенно часто коллекционеры (в частности, Сулукадзиев) для увеличения номеров своей коллекции или для более выгодной продажи.

Бывает и так, что листы, вырванные из какой-либо рукописи, получают отдельный шифр и хранятся отдельно как самостоятельная рукопись. Для библиотечных работников каждая такая часть когда-то единой рукописи будет считаться самостоятельной рукописью, но текстолог обязан их объединить в своем исследовании, мысленно реконструировав рукопись.

Другой пример. Бальзеровский список Софийской первой летописи представляет собой две рукописи. В первой летописный рассказ доводится до 1462 г., затем продолжается повестью 1471 года о покорении Новгорода и приписками, сделанными разными почерками. Вторая рукопись представляет собой добавочную тетрадь, приплетенную к первой, в которой находится летописный рассказ о событиях 1472—1518 гг. Но эта добавочная тетрадь в Бальзеровском списке утратила свое окончание. Замечательно, что Горюшкинский список представляет собой копию с Бальзеровского, но сделанную еще тогда, когда дополнительная тетрадь Бальзеровского списка не утратила еще своего окончания. Поэтому текст продолжается за грань 1518 г. — до 1523 г. включительно.

Иногда установить, что представляет собой текст — один памятник или два — возможно только с помощью внимательного и кропотливого изучения текста целой группы произведений. Так, Н. А. Казакова, исследуя историю текста дошедших до нас сочинений крупнейшего публициста XVI в. Вассиана Патрикеева,

[10] Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР, № 6, История и археология, Саранск, 1946.

установила, как это мы уже отмечали выше (с. 133—135), что некоторые из его сочинений, считавшиеся двумя различными памятниками, на самом деле представляют собой одно произведение, а другое — возникло из случайного соединения двух различных произведений и на самом деле не является произведением.[11]

ПРОЧТЕНИЕ И УСТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТА

Сосредоточимся прежде всего на вопросе о *прочтении* текста (в последующих главах мы остановимся подробно на отдельных моментах установления его *истории*, а в разделе об издании текста на вопросе о его *передаче* при печатании). «Прочтение текста» ни в коем случае нельзя смешивать с его «передачей» в печати. Передача текста в равной степени делается древним писцом в рукописи и современным наборщиком в наборе. Она может осуществляться телеграфными средствами, средствами телефонной связи, магнитофоном, различными сигнальными системами и пр. Когда мы говорим о передаче текста современным текстологом, мы имеем в виду подготовку им текста *для передачи текста* средствами современного типографского набора.[12] Прочтение же текста, его рецепция из рукописи — это задача особая.

Прочитанный текст текстолог фиксирует — пока еще только для себя, но не для передачи его средствами типографского набора. Этот процесс прочтения текста и его фиксации текстологом может быть назван установлением текста. На предварительной стадии работы текстолога устанавливается только текст списка. Установление текста редакции, произведения, если оно и может быть произведено, то только после полного изучения истории текста списков (т. е. изучения исторического происхождения текста, дошедшего до нас в реальных списках).

Прочтение текста списка невозможно без знания двух специальных дисциплин: истории языка той эпохи или тех эпох, к которым относятся текст списка и текст самого произведения, и палеографии. Если знание последней дисциплины до известной степени признается всеми текстологами, то обстоятельное знание языка эпохи практически часто отсутствует у текстологов и порождает очень большое количество ошибок прочтения и установления текста в современных изданиях.

Палеография и история языка не являются предметами данной книги. Остановимся только на специально текстологических вопросах, связанных с прочтением и установлением текста. До-

---

[11] Н. А. *Казакова*. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.— Л., 1960.

[12] Заранее оговоримся: факсимильные воспроизведения ставят себе целью не передачу текста, а воспроизведение рукописи вместе с находящимся в ней текстом.

пустим, текст прочитан палеографически, т. е. все буквы выяснены, значение выносных знаков и букв также, — надо еще прочесть текст текстологически, т. е. понять этот текст. Можно палеографически прочесть слово «смерд», но не понять его.

Правильное чтение текста есть правильное его понимание. Если даже в тексте имеются явные описки писца, то мы должны понять происхождение этих описок, суметь их понять как описки. Допустим, что писец написал бессмыслицу. Мы должны попытаться узнать — какой характер имеет эта бессмыслица. Произошла ли она потому, что писец не смог понять своего оригинала и, отчаявшись, написал те буквы, которые, как ему казалось, он видел, или ошибка произошла помимо его воли, вследствие механического пропуска и т. п.

Первая задача, которая стоит перед текстологом, читающим текст, — это разбить текст на слова и уяснить его синтаксически, внести в него языковую ясность.

В русских рукописях до XVIII в., а частично и после, не было современной разбивки на слова. Слова писались либо полностью в строку, либо частично. В последнем случае чаще всего к последующему слову примыкали предлоги.

Приведу примеры неправильного разделения на слова.

А. Н. Оленин в «Кратком рассуждении об издании Полного собрания дееписателей» приводит следующие примеры неправильного разделения на слова, указанные известным археографом начала XIX в. Ермолаевым: «В Новгородском летописце, изданном во 2-й части продолжения Древней российской вивлиофики, на стр. 351 напечатано: „В лето $\frac{\text{ѕфое}}{6575}$ заратися Всеслав сын Бречеславль, Полотьский за Янов город“. Из сих слов ничего другого понять нельзя, кроме того, что Всеслав ополчился за город Янов. — Из других же летописей известно, что в сем году Всеслав занял Новгород или, словами новгородского летописца „зая Новгород“, по нынешнему же „занял Новгород своим войском“ и, наконец:. . . В 1-й части древнего летописца на стр. 22-й в обвинении новгородцами великого князя Ярослава Ярославовича вместо следующих слов: „отнял еси у нас Волхов и иные воды утечеими ловцы (т. е. ловцами уток). . . отнял еси у нас поле заечьими ловцы“ напечатано: „отнял еси у нас Волхов и иные воды, Утече и Миловцы. . . отнял еси у нас поле Заечь и Миловцы. . .“ Вот каким простым способом ловцы или охотники, упражняющиеся в ловле уток и зайцев, преобразились вдруг, помощию необдуманной расстановки в словах, в какие-то небывалые урочища! Так, как в предыдущей статье, от подобной же расстановки внезапно является какой-то небывалый город Янов».[13]

[13] А. Н. Оленин. Краткое рассуждение об издании Полного собрания дееписателей. — Сын отечества, 1814, ч. XII, № 7, с. 18—19; Хрестоматия по археографии. Под ред. проф. Г. Д. Костомарова. М., 1955, с. 132.

Аналогичный пример неправильной разбивки текста на слова приводит П. М. Строев в предисловии к «Софийскому временнику»: «В Русской летописи по Никонову списку (ч. VII, стр. 219) вместо „и Нагаи бы к Асторохани кочевали“, напечатано: „и Нагаи быка Сторохани кочевали. . .“».[14]

В издании «Римских деяний» напечатано «З'еднавши себѣже гларе» вм. «себѣ жегларе» (т. е. моряков).[15]

Примеры неправильного разделения на слова могут быть почерпнуты и из современных изданий. Так, в издании текста Эрмитажного списка конца XVIII в. в томе XXV «Полного собрания русских летописей» напечатано: «. . .и не вдадимъ. . . от сущихъ под рукою наших князии светлых никакомуму же скъблазну или вине».[16] Текст этот бессмыслен. Между тем в рукописи XVIII в. он разделен вполне правильно: «никакому мужескъ блазну или вине».

Разделение на слова бывает иногда очень трудным и принципиально важным. Так, например, в «Повести временных лет» под 859 г. сказано, что варяги брали дань из заморья с чуди, словен, мери, веси и кривичей. Дальше идет следующий текст: «А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма». Хотя в издании «Повести временных лет» (серия «Литературные памятники», 1950) я и разделил текст «по бѣлѣ и вѣверицѣ», что означает «по серебряной монете и шкурке белки», но можно разделить текст и так: «по бѣлѣй вѣверице». Это последнее будет означать «по белой белке», т. е. «по шкурке зимней, белой белки». В пользу последнего чтения будет говорить и следующее место в «Слове о полку Игореве»: половцы брали «дань по бѣлѣ отъ двора». О серебряной монете в «Слове о полку Игореве» ничего не говорится, хотя события происходят через три века, когда крестьянское хозяйство несомненно развилось. Выражение «бѣлая вѣверица» следует понимать в связи со следующим. Мех белки (подревнерусски «вѣверицы») ценится только зимний, как наиболее прочный. Зимний мех белки — «белый», серый. Сравнительно рано в русском языке определение-прилагательное «белая» вытеснило существительное «веверица» и само приняло суффикс существительного — «белка». В подтверждение чтению «бѣлѣй вѣверицѣ» можно привести, кроме «Слова о полку Игореве», следующее место из Лаврентьевской летописи под 1068 г.: «кунами и белью»; в Ипатьевской летописи это место понято так: «кунами и скорою» (т. е. мехами), что свидетельствует о том, что в древней Руси слово «бель» понималось иногда как мех (беличий, разумеется). Однако Б. Д. Греков считает, что читать это место надо «по бѣлѣ и вѣверицѣ».

---

[14] Там же, с. 135.

[15] Римские деяния. СПб., Изд. ОЛДП, 1877—1878, с. 348.

[16] ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 344 (к сожалению, в предисловии к тому не указано, кем именно подготовлялся к изданию текст Эрмитажного списка).

Он приводит следующий материал в обоснование своей точки зрения: «В Ипатьевской летописи, под 1257 г.: „Данило посла Коснятина. . . до побереть на них (ятвягах) дань. Ехав же Коснятин, поима на них дань: черные куны и бель сребро, и вдасть ему. . .“».[17] В зависимости от разделения этих слов стоит очень многое в понимании денежного хозяйства Руси X в.

Известен тот принципиальный и очень важный спор, который возник в связи с тем — как надо читать в списках «Русской Правды» в статье 16-й: «смерди холоп» или «смерд и холоп». В зависимости от того или другого чтения существенно менялись представления о социальном положении смердов.[18]

Неясности с разделением текста на слова создавались не только у современных исследователей (хотя надо самокритично признать, что исследователи ошибаются чаще, чем древние переписчики рукописей). В «Повести временных лет» под 1024 г. читается следующий текст: «И приде Якунъ с варягы, и бѣ Якунъ сь лѣпъ, и луда бѣ у него золотомь истъкапа. . . и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ». Якун — вождь варяжского отряда — Гакон. Он упоминается не только в «Повести временных лет», но также в Эймундовой саге, где говорится о варягах на Руси, и в Киево-Печерском патерике. В последнем о нем говорится явно на основании «Повести временных лет»: «Бысть в земли варяжьской князь Африкан, брат Якуна С л е п а г о, иже отбеже от златыа луды, биася полком по Ярославе с лютым Мьстиславом». Название Якуна «слепым» в Киево-Печерском патерике явное недоразумение. Слово «сьлѣпъ» получилось из «сь лѣпъ»: Якун был одет в золотую луду и был в ней красив («лѣпъ»). Упоминание о том, что Якун был красив и одет был в золотую луду, — нужно летописцу для того, чтобы посмеяться над Якуном, покинувшим во время бегства с поля битвы эту самую примечательную часть своей одежды.[19] Было бы, однако, совершенно неправильно при прочитании текста Киево-Печерского патерика исправлять эту ошибку, получившуюся в результате неправильного разделения на слова древним составителем Киево-

---

[17] Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь. М.—Л., 1949, с. 37. — См. также работу В. Трутовского «Векша, веверица, бела» (Труды Этнографо-археологического музея Первого МГУ под ред. проф. А. И. Некрасова. М., 1926).

[18] См. об этом споре: «Правда Русская», т. II, Комментарии. Сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов, под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1947, с. 319—324.

[19] Об этой любопытной ошибке, введшей в заблуждение не только составителей «Киево-Печерского патерика», но и многих летописцев, а также историков (Татищева, Карамзина, Соловьева и мн. др.), см. исследование Н. Ламбина: О слепоте Якуна и его златотканной луде. Критико-филологическое разыскание. — ЖМНП, 1858, май. Любопытно, что ошибка эта («сьлѣпъ» вм. «сь лѣпъ») вошла даже в роман А. Ладинского «Анна Ярославна — королева Франции» (М., «Советский писатель», 1961). А. Ладинский художественно конкретизировал слепоту Якуна, заставив его потерять глаз от сарацинской стрелы в стычке под Антиохией и носить затем черную повязку (с. 46).

Печерского патерика летописной статьи 1024 г. «Повести временных лет». Почему же нельзя исправлять эту ошибку? Потому, что в «Киево-Печерском патерике» она осмыслена, стала фактом понимания составителем событий 1024 г., стала явлением текста.

Правильное разделение текста на слова находится в непосредственной связи с правильным пониманием текстологом лексической стороны текста.

Насколько важно знание языка, его истории, родственных языков и умение пользоваться лингвистической литературой, показывает хотя бы известная история с толкованием следующего места в русском проложном житии княгини Ольги: «И заповеда ему (Святославу, — *Д. Л.*) с землею равно погрести ся, а могилы не сути (т. е. «не съсути» — не насыпать, — *Д. Л.*), ни тризн творити, ни дына деяти, но посла злато к патриарху Царяграда». Выражение «ни дына деяти» не было понято ни позднейшими писцами, ни многими исследователями, на разные лады изменявшими и толковавшими этот текст. Исследователь погребальных обычаев древних славян А. А. Котляревский предложил читать это место «ни бдына деяти» и толковал слово «бдын» (им сочиненное), как производное от слова «буда» и вкладывал во все выражение такой смысл: «не делать надстройки, сруба над могилою».[20] Однако Н. И. Серебрянский на основании изучения различных разночтений этого места, привлекая различные данные древнеславянских языков, вполне удовлетворительно истолковал это место: «ни тина (дына) деяти», или «ни тина раскраяти» — значит не заниматься «кожекроением», «лицедранием» (ср. аналогичный погребальный обычай, отмеченный в житии князя Константина Муромского).[21] То, что слово «тин» или «дын» было забыто, привело к появлению большого числа разночтений в последующих рукописях. Продолжили эту работу переписчиков и позднейшие исследователи. Все они старались по возможности «облегчить» это место, но не понять его. Надо принять за правило: если перед нами в каком-нибудь месте памятника непонятное слово, то надо исчерпать все возможности его объяснения и только после того, как все возможности его объяснения отпали, предполагать в нем ошибку. Одной из самых плодовитых причин появления грубых ошибок в изданиях текста является непонимание устаревшего слова.

К числу малопонятных выражений, подвергшихся разнообразным переделкам и у древних писцов и у новых исследователей, принадлежит и слово «коць» в следующем месте распространенной проложной и минейной редакций «Жития князя Михаила Черниговского»: «Тогда Михаил соима коць свой и верже к ним

[20] А. А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, с. 119—120.

[21] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, с. 26—28.

(к татарам, — *Д. Л.*) глаголя: „Приимете славу света сего, ея же вы хощете“». В некоторых списках и редакциях «коць» заменен на «мечь», «гривну злату», «венец», бессмысленное в данном тексте «конец», «бармы» и т. д. Благодаря обстоятельному исследованию Н. И. Серебрянского, привлекшего инославянские словарные материалы, в настоящее время это слово «коць» может считаться окончательно объясненным: это название княжеской одежды.[22]

Примером неправильного осмысления непонятных слов или непонятной терминологии путем выискивания в ней собственных имен может служить следующее место Псковской третьей (по нумерации А. Н. Насонова) летописи. В Псковской третьей летописи имеется следующий текст под 1472 г.: «. . .и послаша гонцовъ своихъ нолна (вплоть, — *Д. Л.*) и до Кирьипиге».[23] Кирьипига — это ливонский город Кирипега (Киремпе). Это место в свое время в «Северном архиве» было прочитано так: «. . . и послаша гонцов своих Нолна и Дикиръ и Пигъ».[24]

Весьма поучительный пример ошибочного прочтения приводит Н. А. Казакова.[25] В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского [26] и в «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина [27] мы находим слово «итолок». И. И. Срезневский не приводит его объяснения, а Г. Е. Кочин ссылается на это слово в тематическом указателе в рубрике «должностные лица». Взято это слово из издания «Первой псковской летописи», где под 1463 г. читается следующий текст: «Присла князь местер ризский своих послов, честные люди, Ивана князча Сивалдайскаго, итолка своего Индрика и иных немець добрых».[28] Кроме того, Г. Е. Кочин ссылается еще на грамоту новгородского посадника в Ригу 1418—1420 гг., изданную А. И. Соболевским и С. А. Пташицким.[29] Любопытно, однако, что в изданиях Новгородской первой летописи и Новгородской четвертой летописи слово это встречается в изложении начала войны между Новгородом и Ливонией 40-х годов XV в., но осмысляется как имя собственное: «. . .а воюеть князь Григорий из заморья Клевьскый про своего проводника Итолка Ругодивца».[30] Между

---

22 Там же, с. 125—127.

23 Псковские летописи, вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955, с. 189.

24 Северный архив, 1822, ч. IV, ноябрь, № 22, с. 260. — За указание этого прочтения приношу благодарность Л. А. Дмитриеву.

25 Н. А. Казакова. О загадочном слове «итолок» новгородских и псковских летописей. — ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, с. 139—141.

26 И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1893, стб. 1168.

27 Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, с. 137.

28 Новгородские и псковские летописи. — ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, с. 225.

29 Палеографические снимки с русских грамот. СПб., 1903, № 41.

30 Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 423—424. Ср.: ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, с. 123; Новгородская летопись по

тем, как убедительно доказала Н. А. Казакова, никакого слова «итолок» или собственного имени «Итолок» не существовало. Текст во всех приведенных случаях следует читать — «и толка», т. е. «и переводчика».

Неправильное разделение текста на слова может возникать в результате того, что текстолог не принял во внимание географическую терминологию своего времени. В грамоте на бересте № 19 издатель следующим образом разделил слитный текст на слова: «Да только буде сьтарому мъсель доводъ ле». Перевод этого места дается следующий: «Да только едва ли будет старому выгода-добыча».[31] Между тем разделение текста на слова должно быть, конечно, такое: «до Водъле», а не «доводъ ле». Водла и Сухая Водла соединяют Онежское озеро с Водлозером. Слово «мъсель» означает «намерение». Перевод того места должен быть такой: «Но если появится у старого намерение (плыть) до Водлы».[32]

Иногда неправильные разделения на слова бывают очень правдоподобны. Так, например, И. Д. Беляев, издавая «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича», [33] напечатал «всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ» вм. «в семъ вѣце и въ будущемъ».[34] Ошибка издателя произошла здесь потому, что он был недостаточно знаком с устойчивыми формулами окончания литературных произведений.

*

Правильное прочтение текста предполагает правильное понимание всех выносных букв, сокращений и условных обозначений. При издании текста текстолог может оставлять титла, сокращения и выносные буквы не внесенными в текст — это дело его как издателя (к этому вопросу мы еще вернемся), но для установления текста текстолог должен понять и мысленно раскрыть все условные обозначения и все сокращения. Если он этого не сделал — он не понял текста.

Для того чтобы правильно раскрыть сокращения, необходимо иметь точное представление о языке данного текста. Так, например, если выносится над строку частица «ль» или «ли», то «ь» и «и» часто

Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, с. 423; ПСРЛ, т. IV, вып. 2. Л., 1925, с. 439.

[31] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, с. 19—20.

[32] См. подробнее: Д. С. Лихачев. Рец. на кн.: А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. — Советская археология, 1957, XXVII, с. 327. — Это же разделение на слова принимает и Л. П. Жуковская: Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, с. 95.

[33] Временник имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете, XIV. М., 1852.

[34] С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, с. 11.

в рукописях не дописываются. Каждый раз поэтому возникает вопрос как писать: «только» или «толко», «ль» или «ли», «же» или «ж». Чтобы правильно раскрыть то или иное сокращение, надо изучить язык списка в целом. Сокращение «црь» может быть раскрыто и как «царь» и как «цесарь», прилагательное «црский» — и как «царский» и как «царьский». Ответ на вопрос — как раскрыть это сокращение, часто бывает невозможно получить даже в языке списка, тогда необходимо обращаться к языку эпохи и к данным о происхождении памятника из той или иной местности. Так, например, если памятник московский, глагол «есть» необходимо раскрывать с «ь», но в памятниках и списках западнорусских, может быть, правильнее оставлять «ест».

В затруднительных случаях необходимо обращаться к лингвистам. К сожалению, у нас нет словарей сокращений вроде тех, которые существуют в западноевропейской литературе.[35] Правда, сокращения в древнерусских рукописях употреблялись реже, чем в западноевропейских, но все же они есть, и создать справочное пособие по этим сокращениям — одна из насущных задач советской текстологии. Сокращения эти разного типа: «а^л» — алтын, «в де» — 2 деньги, «м» — монастырь, «схмн» — схимник, «кнзь» —князь и т. д.

*

Очень трудный вопрос — это вопрос о расстановке в древнем тексте знаков препинания. Прочесть текст — это не только правильно разделить текст на слова, но и понять его синтаксически. Внешним выражением этого правильного синтаксического понимания древнего текста и является правильная расстановка в нем знаков препинания. Оставление текста без знаков препинания (полностью или частично) во многих случаях означает, что издатель не решается интерпретировать текст, или что он его не понял. Серьезным препятствием к расстановке знаков препинания служит то обстоятельство, что современная расстановка знаков препинания приспособлена к современному же синтаксису, который сильно отличается от синтаксиса древнего. Применять же древнюю пунктуацию невозможно: она не систематична и совершенно не изучена. Отмечу, между прочим, что изучать древнерусскую пунктуацию можно только в связи с древнеславянской и византийской. Существенную помощь могут оказать исследования античной и средневековой западноевропейской пунктуации. В ряде случаев текстолог просто не знает, как расставить знаки препи-

[35] Ср., например: A. Capelli. Lexicon abbreviaturarum. S. l., 1901. — О сокращениях в западноевропейских рукописях см.: О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. М.—Л., 1936, с. 163—196; здесь же литература вопроса.

нания, и либо в таком случае вовсе их не ставит, либо модернизирует текст. Приведу только один пример. Союз «а» не отделяется сейчас точкой от предшествующего текста, но в старинных текстах это делать иногда совершенно необходимо: в актовом материале отдельные клаузулы вводятся именно этим союзом «а». Но и в пределах, допустимых современной пунктуационной системой, знаки препинания расставляются иногда издателями неправильно, явно указывая на непонимание ими текста. Так, например, в издании «Временника» дьяка Ивана Тимофеева, выполненном в т. XIII Русской исторической библиотеки, читаем: «. . . царь позна жену свою, яко Адам Евву. Вне породы некако святому нощеявлением зачатие сына царю. . . известившу. . .» и т. д.[36] «Порода» — это рай. Очевидно, что «вне породы» относится к предыдущему и точка должна быть поставлена после этих двух слов.

*

Правильное прочтение текста, т. е. правильное его понимание, требует не только правильного «узнавания» лексики, морфологии, синтаксиса текста, отдельных сокращений, происхождения отдельных механических ошибок, но и правильного восприятия его содержания в связи с эпохой, географическими обозначениями своего времени, историческими именами лиц и пр. и пр. Очень многие ошибки прочтения текста получаются из-за того, что текстологи плохо знакомы с явлениями эпохи, историческими именами, старыми географическими названиями, технической и всякой иной специальной терминологией, теологическими понятиями, библейской историей и т. д.

К древнерусским текстам в известной мере применимо то правило, которое хорошо сформулировано С. М. Бонди в отношении рукописей писателей нового времени. С. М. Бонди пишет: «Может быть, раньше уже следовало упомянуть об одном правиле, являющемся основным в работе чтения черновика, которое действительно всегда, но особенно необходимо в случаях особой трудности, когда невозможно добраться до начала работы писателя, или когда теряется нить ее последовательности, или когда особенно запутанные и разбросанные обрывки текста не поддаются прочтению. Это правило: идти в работе не от частей к целому, а от целого к частям (и потом опять к целому); не из прочтения отдельных слов составлять целое стихотворение, отрывок, а наоборот, пользоваться пониманием целого для прочтения отдельных слов. Здесь также нет внутреннего противоречия, так как и здесь в этой работе целое и части взаимно обусловливают друг друга. Сначала, путем первого несовершенного ознакомле-

---

[36] РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стб. 283.

ния, читающий должен составить себе представление об общем содержании отрывка: что это такое? о чем там идет речь? каков общий замысел? Затем, имея уже это представление, читать отдельные слова, догадываясь об их значении не изолированно, а в свете составленного общего представления о целом, о замысле вещи. И, наконец, из этих расшифрованных деталей, отдельных слов и фраз составляется новое, полное, уже не общее, а вполне конкретное знание о читаемом отрывке в целом. Такова в общем схема работы при чтении трудных текстов».[37]

КОНЪЕКТУРЫ

В тех случаях, когда единственный список испорчен в каком-либо месте или когда все списки изучаемого произведения в том или ином конкретном месте текста дают явно испорченный текст или текст, который, хотя и ясен, однако по тем или иным соображениям не мог быть в первоначальном тексте (авторском, редакторском и пр.), исследователь вправе прибегать к конъектурам. Конъектуры — это исправления (точнее — частичные восстановления первоначального текста), предлагаемые исследователем на основании различных соображений, но которые не могут быть подтверждены чтениями других списков.

В. Н. Перетц пишет по поводу конъектур: «Случается, однако, и так, что ни одна из имеющихся рукописей не дает ясного, вполне удовлетворительного чтения, или так, что имеется всего лишь одна рукопись какого-нибудь памятника с испорченными, неясными местами. Тут уж критику приходится как бы становиться на место автора и пытаться восстановить испорченное чтение от его лица с помощью конъектур, т. е. различного рода соображений и догадок. Для конъектур, опять-таки, нет общих, определенных законов и правил: кто более других может уподобиться автору данного произведения, проникнуться его духом и манерой, кто лучше других понимает его, тот и может наиболее удачно его исправить. Конечно, необходимо, чтобы предлагаемая конъектура давала месту, по возможности, наилучший смысл и не противоречила ни другим местам сочинений, ни обыкновениям его автора».[38]

Очень важно все то, что В. Н. Перетц пишет о необходимости «уподобиться автору», вообразить себе его «дух», манеру и пр. Увидеть за текстом автора с его мировоззрением, психологией, даже привычками, — первая обязанность текстолога. К этому следует добавить только, что нельзя ограничиваться автором, —

---

[37] С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина. — Изв. АН СССР, ООН, 1937, № 2—3, с. 592.

[38] В. Н. Перетц. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. (Корректурное издание на правах рукописи). Киев, 1914, с. 276.

необходимо представить себе не только того, кто создал первоначальный текст, но и того, кто изменил его: переписчика, переделывателя. Необходимо не только восстановить измененный текст в его первоначальном виде, но и объяснить — как, когда и почему произошло изменение текста. Восстановление интересующего нас места и объяснение произошедшего изменения должны идти вместе, сопровождать друг друга: только тогда конъектура может считаться убедительной. Если изменение текста произошло сознательно, — надо объяснить цели изменения, причины, всю ситуацию, вызвавшую это изменение. Если изменение произошло бессознательно, т. е. если перед нами ошибка, — надо показать как появилась ошибка, какой тип ошибки имел место в данном случае, объяснить ее палеографически.

С. М. Бонди совершенно правильно пишет: «Достоверность конъектуры (или, во всяком случае, максимальная вероятность ее) доказывается, во-первых, качеством полученного текста (правдоподобием его) и, во-вторых, правдоподобием, убедительностью объяснения о причинах порчи текста в подлиннике. О последнем требовании нередко забывают, между тем оно крайне важно».[39]

Конъектуры важны в двух отношениях: для издания текста (вопрос этот мы рассмотрим в дальнейшем) и для восстановления истории текста. Степень достоверности конъектур очень различна. Тем не менее для истории текста могут иметь значение и те конъектуры, степень доказанности которых весьма невелика. Автор известной работы по текстологии П. Маас считает необходимым оставлять в разночтениях к тексту все возможные конъектуры, считая, что в результате открытия новых списков они могут когда-либо подтвердиться.[40] Такие возможные конъектуры, оставляемые в разночтениях на всякий случай, П. Маас называет «диагностическими конъектурами» («Diagnostische Konjekturen»).[41]

Вообще следует сказать, что общее предубеждение против конъектур у некоторых исследователей не имеет почвы, так как текст подавляющего большинства рукописей полон этими же самыми конъектурами, но конъектурами, сделанными не учеными, а самими древними переписчиками, часть из которых была несомненно невежественна. В самом деле, все ошибки и «осмысления»,

[39] С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина, с. 592.

[40] Такие подтверждения конъектур списками могут быть и в новой и в древней литературе. Ф. Е. Корш в статье «Разбор вопроса о подлинности окончания „Русалки"» (Изв. Второго отделения АН, 1898, т. III, с. 656—657) пришел к выводу, что в «Домике в Коломне» стих «У нас его недавно стали знать» (речь идет о ямбе) печатался неправильно: надо «гнать» вм. «знать». Это утверждение Ф. Е. Корша подтвердилось изучением рукописи через 25 лет (Б. В. Томашевский. Новое о Пушкине. — Альманах «Литературная мысль», 1. Пг., 1922).

[41] Paul Maas. Textkritik. Leipzig, 1957, S. 33.

о которых мы говорили выше, — это и есть по существу конъектуры. Очень часто поэтому конъектуры исследователей — это только раскрытие конъектур переписчиков. Оставлять конъектуры переписчиков, не допуская конъектур исследователей, — нелепо. Все дело только в том, что, предлагая ту или иную конъектуру, исследователь обязан объективно оценить степень ее достоверности и не выдавать в издании конъектуру за текст подлинного списка или списков, а строго ее оговаривать (например, в тексте конъектура печатается курсивом, а в сноске отмечается чтение списка).

В качестве примеров различного рода удачных конъектур можно предложить конъектуры к первому изданию и Екатерининской копии «Слова о полку Игореве». Как известно, «Слово» дошло до нас в единственном списке, погибшем в московском пожаре 1812 г. Ошибки были уже в этом погибшем списке, и они особенно возросли в числе вследствие неумелого чтения этой погибшей рукописи ее первыми исследователями и издателями. Единственный способ исправить эти ошибочные чтения, поскольку второго списка «Слова» нет, — конъектуры.

В первом издании «Слова» читается текст: «. . . а мои ти Куряни свѣдоми къ мети»; сходный текст в Екатерининской копии, причем выражение «свѣдоми къ мети» переведено: «в цель стрелять довольно сведомы» (в Екатерининской копии) и «в цель стрелять знающи» (в первом издании). Ясно, что текст этот очень мало вразумителен. Конъектура к этому месту следующая: слова «къ мети» следует читать вместе — «къмети» и все место следует перевести так: «известные», «знаменитые воины». Оправдывается эта конъектура тем, что текст «Слова» в рукописи XVI в. был написан без разделения на слова. Первые его исследователи правильно его прочли по буквам, но неправильно разделили на слова, так как не знали слова «къмети». То, что первые исследователи (и в частности, А. И. Мусин-Пушкин) не знали слова «къмети», подтверждается тем обстоятельством, что то же слово «къмети» было не понято и неправильно разделено на слова не только в «Слове о полку Игореве», но и в «Поучении Владимира Мономаха».[42] Итак, конъектура «къмети» вм. «къ мети» может считаться несомненной.

Аналогичная конъектура была предложена к тексту первого издания: «Нъ рекосте м у ж а и м ѣ с я сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ». В Екатерининском списке вместо «му жа имѣся» читается «мужа имѣся». В обоих случаях дан ни с чем не сообразный перевод. Впервые абсолютно убедительное исправление этого места предложил В. Г. Анаста-

---

[42] Д. С. Л и х а ч е в. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 78 (см. перепечатку в кн.: Д. С. Л и х а ч е в. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 245).

севич:[43] «мужаимься». Эта конъектура оправдана палеографически — здесь тоже неправильное разделение на слова первоначально слитного текста и смешение сходных по написанию букв: «ѣ» вм. «ь». Характерно, что и в издании «Поучения» Владимира Мономаха А. И. Мусин-Пушкин не понял слово «мужество». Вместо слов «Поучения» «мужьство и грамоту» А. И. Мусин-Пушкин напечатал «мужь твой грамоту».[44]

Приведенные выше конъектуры могут считаться бесспорными. Основания к этому следующие. Текст без этих конъектур непонятен, с конъектурами он вполне ясен. Конъектуры не потребовали больших изменений в тексте. Палеографически они совершенно обоснованы, при этом может быть объяснено, почему именно произошли искажения текста, и приведены аналогичные ошибки тех же издателей при подготовке другого текста, известного нам по рукописи. Следовательно, в этих двух конъектурах предусмотрены все основные доводы достоверности.

Примеры вполне убедительных конъектур, предложенных исследователями в тексте «Слова о полку Игореве», могут быть легко умножены. Конъектуры эти настолько прочно вошли в традицию изданий «Слова», что они уже перестали замечаться как исправления и воспринимаются исследователями как несомненный текст «Слова».

Приведем теперь примеры конъектур остроумных и в целом удачных, но которые не могут считаться доказанными.

В первом издании «Слова о полку Игореве» читается следующий текст: «. . .свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа». Текст этот настолько непонятен, что составитель Екатерининской копии вовсе пропустил слова «свистъ звѣринъ въ стазби». К этому месту «Слова» была предложена следующая довольно удачная конъектура: вместо «въ стазби» было предложено читать «въста зри». Слово «зри» — это обычная для древних рукописей отметка на полях, которая переписчиком легко могла быть внесена в текст (примеры таких внесений известны — они многочисленны). Значит, эта отметка «зри» нечто вроде: «обратить внимание!». Ею кто-то из читателей мог отметить непонятное соседнее слово «дивъ». Перемена «р» на «б» легко оправдывается палеографически — особенно для скорописи, которой отметка могла быть сделана на полях. Следовательно, это слово «зри» или в нашем случае сочетание «зби» может быть опущено и весь текст прочтен следующим образом: «свисть звѣринъ въста; дивъ кличет връху древа». Получающийся текст совершенно ясен, но может ли он считаться единственно правильным? Можем ли мы считать

[43] См. об этом: Ф. Я. Прийма. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли XIX в. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М.—Л., 1950, с. 298.

[44] Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве. . .», с. 78.

данную конъектуру доказанной? Нет, она только одна из лучших в ряду предложенных.[45]

Приведем еще один пример удачной конъектуры.

В первом издании «Слова о полку Игореве» мы читаем о князе Всеславе Полоцком: «. . .утръ же воззни стрикусы оттвори врата Нову-граду разшибе славу Ярославу». В Екатерининской копии это место читается так: «. . .утръже вазнистри кусы отвори врата Нову-граду. Разшибѣ славу Ярославу». И в том и в другом случае текст совершенно неясен. Конъектурных исправлений этого места было предложено много. Наиболее удачная, по моему мнению, принадлежит Р. О. Якобсону: «Утьрже вазни съ три кусы, — отъвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу». Предлагаемый перевод этого места такой: «Знать, трижды ему довелось урвать по куску удачи, — отворил было врата Новгорода, перешиб славу Ярославу».[46] С защитой этой конъектуры выступил Н. М. Дылевский.[47]

Соглашаясь со всей аргументацией Н. М. Дылевского, я никак не могу согласиться только с одним — с самым образом «трижды урвать по куску удачи». «Кусок удачи» — это находка явно неудачная.

Поэтому я предлагаю, оставив предложенную Р. О. Якобсоном разбивку на слова, изменить знаки препинания и читать это место так: «Утьрже вазни, съ три кусы отъвори врата Нову-граду». Перевод этого места следующий: «Урвал счастье, в три попытки (или «с трех попыток») отворил врата Новгороду».[48]

Предложенная выше конъектура (или, вернее, ряд взаимосвязанных конъектур) довольно удовлетворительно объясняет одно из самых загадочных и темных мест «Слова», однако удовлетворительность объяснения еще не есть его доказанность. Бывают случаи, что исследователи предлагают несколько конъектур для одного и того же искаженного места и все они в той или иной степени удовлетворительны. Чтобы конъектура была убедительной, надо либо доказать, что она е д и н с т в е н н о возможная, либо отчетливо показать, каким путем первоначальный текст оказался искаженным.

---

[45] Данная конъектура отстаивалась в работах Н. С. Тихонравова, В. Н. Щепкина. А. С. Орлова (см.: А. С. О р л о в. «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е, доп. М.—Л., 1946, с. 96). Обзор других конъектур см. в статье В. Ф. Ржиги «Из текстологических наблюдений над „Словом о полку Игореве". Что такое „въ стазби"?» (в кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей, с. 188—191).

[46] H. G r é g o i r e, R. J a k o b s o n, M. S z e f t e l. La Geste du Prince Igor. — Annuaire d l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, New York, 1948 t. VIII (1945—1947), p. 68.

[47] Н. М. Д ы л е в с к и й. «Утръ же воззни стрикусы оттвори врата Нову-граду» в «Слове о полку Игореве» в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 60—69.

[48] См. подробней: Д. С. Л и х а ч е в. «Воззни стрикусы» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 587.

Примером конъектуры может служить прочтение «Болгары Черные» вместо «Болгары и с черными людьми» в следующем месте Плигинского жития Владимира I Святославича: «Князь же Владимер вборзе собра воеводы своя Варяги и Словени и Кривичи и Болгары и с черными людми, поиде на Корсунь». Конъектура эта предложена А. А. Шахматовым [49] и имеет за собой следующие основания. Среди участников похода указаны народности. Социальная категория «черные люди» непоследовательно врывается в перечисление. Болгары были известны и на Волге и на Балканском полуострове, поэтому в ранних памятниках их различают. В последующее же время термин «черные болгары» был непонятен и, очевидно, требовал осмысления.

Впрочем, исследователь должен постоянно считаться с тем, что даже самые убедительные конъектурные поправки казалось бы «явных» ошибок могут оказаться иногда ложными. Так, например, издатели третьего тома «Полного собрания русских летописей» (СПб., 1841) исправили в Новгородской первой летописи под 1194 г. слово «тировати» на «жировати». Слово «тировати» (обитать, проживать) до самого последнего времени было неизвестно исследователям, и тем не менее осторожный П. Савваитов и в последующем издании Новгородской первой летописи (СПб., 1888) оставил это слово «тировати» без изменений, тогда как такие знатоки древнерусской речи, как А. И. Соболевский [50] и И. И. Срезневский,[51] сомневались в существовании этого слова и считали конъектуру «жировати» несомненной. Но время оправдало простое уважение к источнику и предпочло простое следование чтению списка эрудиции и остроумию знатоков.

В отношении древних произведений в еще большей мере, чем в отношении произведений писателей нового времени, применимо сказанное В. В. Виноградовым: «Самый текст сочинений писателя может быть точно установлен и правильно прочитан только тем, кто хорошо знает или глубоко изучил язык этого писателя».[52]

Историков или литературоведов, которые пытаются заниматься текстологией памятников древнерусской письменности, — а тем более такой сложной областью, как конъектуральным исправлением текста, — без основательного знания древнерусского языка, только по чутью, ждет горькое разочарование. Ученых, знающих древнерусский язык только в результате практических навы-

---

[49] А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. — В кн.: Сборник статей в честь В. И. Ламанского, ч. II. СПб., 1906, отд. оттиск, с. 58.

[50] А. И. Соболевский. Рецензия на издание Новгородской первой летописи. СПб., 1888. — Рус. филолог. вестн., 1889, № 1, с. 121.

[51] И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1912, стб. 960.

[52] В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 6.

ков чтения старых текстов, всегда можно узнать по грубым ошибкам в чтении и толковании трудных мест и по «приблизительности» перевода легких. Не менее важно и знание реалий эпохи.

Однако, помимо знаний и в первую очередь знаний языка, конъектуральные исправления требуют остроумия и находчивости. Вполне прав Т. Бирт, когда пишет: «Конъектура — это искусство и, как всякое искусство, она зависит от таланта».[53]

НАБЛЮДЕНИЯ НАД РУКОПИСЬЮ

Пытаясь восстановить историю текста, надо обращать внимание не только на текст рукописи, но и на самую рукопись, на ее состояние, на утраты, дополнения, загрязненность отдельных листов, на сделанные на ней позднейшие записи и т. п. Все это может дать весьма важный материал для суждения об истории рукописи, обстоятельствах ее написания и последующей судьбе, а также об истории ее текста.

Так, например, если в рукописи имеются поправки, то весьма важно бывает узнать: делались ли поправки самим переписчиком или кем-то другим. Если поправки делал сам переписчик, то они могли явиться результатом проверки текста по тому же оригиналу, с которого он списывал, или проверкой по другой рукописи (то и другое можно с известной долей вероятности установить по самому характеру поправок). Но и та и другая правка будет, во-первых, почти одновременна с перепиской, а во-вторых, она будет сделана переписчиком, очевидно, с пониманием предшествующего своего же собственного текста, который он правит. Если же поправки внесены кем-то другим или тем же переписчиком, но спустя много времени, то эти поправки могут не только улучшать текст, но и искажать его. Правка может быть произведена по худшему тексту или по собственным соображениям правщика, не всегда квалифицированного.

Чтобы отличить оба типа правки один от другого, недостаточно обратить внимание на почерк (почерк того же писца может быть более торопливым при правке), тем более, что почерки в средние века гораздо менее индивидуализированы, чем в новое время, а надо непременно обратить внимание на чернила. Другой цвет чернил — один из показателей того, что между перепиской рукописи и ее правкой был существенный разрыв во времени. Как известно, в древности чернила делались ручным способом и рецептов чернил было очень много, поэтому чернила в древнерусских рукописях чрезвычайно различаются между собой.

Все эти наблюдения возможны только тогда, когда текстолог имеет дело не с воспроизведением, а с самой рукописью.

---

[53] Th. Birt. Kritik und Hermeneutik. Handbuch der Altertumswissenschaft, hrsg. von Ivan Müller. S. l., 1913, S. 124.

С. Ф. Платонов при изучении Никоновской летописи указал на весьма важное в методологическом отношении положение: «Непосредственное знакомство с рукописным текстом есть непременное условие правильности и плодотворности всякого вывода о памятнике, и нельзя не пожалеть, что не всегда это условие осуществимо».[54] Это свое общее методологическое положение С. Ф. Платонов предпосылает во многом замечательному анализу внешних данных двух старейших списков Никоновской летописи — Патриаршего и Оболенского. Установить историю текста Никоновской летописи помогают ему наблюдения над отдельными начертаниями оригинала, приведшими к ошибкам в копии, над распределением текста в тетрадях и т. д. Имеют значение даже наблюдения над загрязненностью отдельных листов. Так, С. Ф. Платонов, отмечая загрязненность оборота листа 939 Патриаршего списка Никоновской летописи, на котором заканчивалась одна из тетрадей рукописи, полагает, что это дает основание считать, что Патриарший список сперва заканчивался именно на этом листе, находившемся снаружи и поэтому более других захватанном, и некоторое время существовал в таком виде отдельно.[55]

То, как много существенного можно извлечь по истории рукописи из самой рукописи, показывает мастерский анализ Архивского второго списка Псковской летописи, сделанный А. Н. Насоновым. Приведу этот анализ целиком: «Рукопись б. Моск. Арх. мин. ин. дел. № 69/92 (90) или Архивский 2-й список представляет собою летописный свод, принадлежавший „стольнику“ Василию Никифоровичу Собакину, как видно из приведенной выше[56] записи на обороте чистого листа, и составленный трудами „грешнаго раба богоявленского дьячка из Бродов“ Ондрюшки Ильина „по реклу Пофы“ или „Козы“, как явствует из записи на той же странице. Нам известен и другой свод, принадлежавший стольнику Василию Никифоровичу Собакину с отметкой: „труды Козины“, но свод иной редакции или, вернее, — отдельные, сбитые куски из свода, составленного, вероятно, около того же времени или несколько ранее. . . рук. б. Моск. Арх. мин. ин. дел. № 447/915. Уже на основании этого можно предположить, что Андрюшка Ильин выполнял задание „стольника“ Василия Никифоровича Собакина. Дальнейшее знакомство с Арх. 2 списком подтверждает наше предположение. В чем заключалась работа Ильина и к какому времени она относится? Переписка основного летописного текста производилась одновременно двумя писцами, что видно, во-первых, из того, что водяные знаки на всех листах одинаковы;

[54] С. Ф. Платонов. К вопросу о Никоновском своде. СПб., 1902, с. 2.
[55] Там же, с. 8.
[56] На обороте 3-го чистого листа рукописи написано: «Книга сия летописец столника Василья Никифоровича Собакина. Тщание и труды грешнаго раба богоявленского дьячка из Бродов Ондрюшке Ильина по реклу Пофы». (Примечание мое, — *Д. Л.*).

во-вторых, из того, что с л. 125 об. начинается опять тот же почерк, которым писан текст до л. 92 об. Но конец рукописи, начиная с л. 234 до л. 243 об., написан новым, третьим почерком, и, по-видимому, той же самой рукой, которая на обороте чистого листа в начале рукописи писала надпись, указывающую на принадлежность рукописи стольнику Собакину и на заслуги Ильина в составлении свода. Судя по содержанию надписи, можно предполагать, что она сделана самим Ильиным, взявшим на себя труд составления свода по поручению, как мы предположили, стольника Собакина. Содержание последних листов рукописи, написанных этим третьим почерком, подтверждает такое предположение. Сам Ильин взял на себя труд переписки последнего известия летописного свода — о поставлении на Москве печерского архимандрита Макария во Псков архиепископом, о приезде его во Псков после поставления на его место архимандритом в Печерский монастырь Митрофана (бывшего игумена Мирожского монастыря). По-видимому, Ильину необходимо было в середине вставить известие, взятое, вероятно, из разрядных записей, касающееся Собакина, отца Василия Никифоровича: „а был тогда во Пскове государев воевода околнечей Никифор Сергеевич Собакин, да дьяк Иван Степанов, а во дворце был дьяк Иван Дмитриев“ (л. 234 об.). Что это действительно вставка, подтверждается и тем, что событие, о котором идет речь, относится к 158 (1650) году; к этому же году относится и последующее сообщение о поставлении Митрофана на место Макария и по его благословению, а вслед за тем читаем о событии более раннем, под 156 (1648) годом: о приезде во Псков на воеводство окольничего Никифора Сергеевича Собакина (на место князя Лыкова) и с ним дьяка Ивана Дмитриевича (л. 235); и далее (до конца) идет материал разрядных записей, причем следующая за 156 г. дата — 154 г., а на л. 236—236 об. под 154 г. мы читаем: „тово же числа государь пожаловал околничеством Никифора Сергеевича Собакина, а сказывал ему околничество думной дьяк Михайло Волошенин“. Указанное обстоятельство заставляет предполагать, что летописный свод, который переписан был двумя писцами, а самый конец которого списал (со вставкой о Собакине) сам Ильин, кончался известием о поставлении Митрофана. Сделав вставку о Собакине, Ильин затем приписал сообщение о приезде во Псков на воеводство Никифора Сергеевича Собакина в 156 г. и далее привел материал разрядных записей, среди которых написал и о пожаловании окольничеством Никифора Сергеевича Собакина (под 154 г.). Последнее сообщение рукописи (в материале разрядных записей) относится к 1650 (158) г. Водяной знак дает дату 1647 г. Таким образом, можно думать, что рукопись написана вскоре после 1650 г.»[57]

[57] Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, с. XXXI—XXXII.

*

При перепутанных листах рукописи особенно важно бывает датировать время переплетения рукописи. Эта датировка может быть сделана на основании палеографических данных, которых мы здесь не касаемся, и на основании данных косвенных. Так, например, А. А. Зимин датирует время переплетения Иоасафовской летописи следующим образом. Листы рукописи перенумерованы почерком XVIII в. и перепутаны: лл. 162—162 об. и 169—169 об. в двадцатой тетради поменялись местами. Очевидно, это было сделано при переплетании: во всяком случае, перемещение это не могло быть сделано после переплетания. Отсюда следует, что переплет и путаница листов относятся ко времени не ранее XVIII в.[58]

*

Особое текстологическое значение имеют приписки и записи, которые делали усердные читатели на полях, в конце рукописей, на остающихся свободными листах и на внутренней стороне переплетов.

Записи эти очень ценны во многих отношениях. Они ценны в отношении языка, так как чаще всего они писаны без всяких претензий на литературность, обычным, разговорным языком. Затем, в них содержатся сведения о времени и месте написания рукописей, об их переписчиках, о владельцах рукописей — кому какая рукопись принадлежала, и мы, таким образом, получаем представление о социальном составе читателей. Содержатся в них и очень важные сведения о том, где та или иная рукопись куплена, за какую цену и т. д.

Иногда утомленный писец отвлекался от работы и делал всякого рода записи на полях. В одном случае он жалуется на болезнь, на голод, выражает неудовольствие судьбой.[59] В другом случае писец просит бога рассмешить его, так как его мучает дремота и он сделал в строке ошибку. Записывает писец и свои замечания по содержанию переписываемого им произведения. Иногда встречаются записи семейно-бытового характера: о рождении детей, смерти родственников и т. д. Бывает, что такого рода записи последующий писец по ошибке вносит в самый текст рукописи.

Насколько интересны такие приписки по содержанию, показывает следующая запись в Псалтыри БАН XVI в., на которую

---

[58] См.: А. А. Зимин. Предисловие. — В кн.: Иоасафовская летопись. М., 1957, с. 12.

[59] Довольно много приписок на псковских рукописях собрано в работе А. А. Покровского «Древнее псковско-новгородское письменное наследие» (Труды XV археологического съезда в Новгороде, 1911 г., т. II. М., 1916). См. выше, с. 63—64.

в свое время обратил внимание Н. Н. Зарубин:[60] «Сия книжица писана при деръжаве великого князя Василья Ивановича всея Руси. Господи, помози рабу своему Терешици Иванову сыну. Дай ему, господи, руку крепку, а очи бы ему ясны; дай да ему, господи, ум бы свершен; дай да ему, господи, хоробрость Александров, а силу Самсонову, а сердце бы ему потулов, дай ему, господи, шсто (?) копие и шеков и с шаростыньц; дай ему, господи конь бы Редриков, немецкого богатыря. Амин. А писал книжицю Терешица, Иванов сын, грубы умом, мутьн разумом, а рукою безаконою. . .».

Представляет очень большой интерес — кто этот немецкий богатырь «Редрик». Напомним, что в «Повести о взятии Царьграда в 1204 г.» упоминается «Дедрик» — извѣстный герой немецкого эпоса Дитрих Бернский («Маркос от Рима в граде Бьрне, гьде же бе жил поганый злый Дедрик»). Редрик и Дедрик — возможно, одно и то же лицо. Перед нами, следовательно, быть может, свидетельство о знакомстве древнерусского писца с немецким эпосом.

Иногда приписки заключают в себе цитаты из литературных произведений, и тогда они могут дать дополнительный материал по литературной истории этих произведений.

Так, например, широко известна приписка в псковском Апостоле 1307 г., заключающая в себе цитату из «Слова о полку, Игореве»: «При сих князѣхъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князѣхъ которы и вѣци скоротишася человѣкомъ». Исследователь этой записи Л. П. Якубинский отмечает, что в ней, в отличие от дошедшего до нас текста «Слова о полку Игореве», язык несколько более архаичен. Это понятно: первые издатели «Слова» располагали списком XV—XVI в., а запись относится к 1307 г. и делалась со списка, вероятно, еще более раннего.[61]

[60] Сведения об этой приписке в неопубликованной статье Н. Н. Зарубина 1937 г.: «К вопросу об изучении русской средневековой литературы».

[61] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, с. 323—324.

Глава V

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТА В НЕСКОЛЬКИХ ИЛИ ВО МНОГИХ СПИСКАХ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ ДЛЯ СЛИЧЕНИЯ

Основа текстологического изучения произведения, истории его текста — это сличение списков. Сличение списков — это самая трудоемкая часть работы текстолога и самая важная, от которой зависят основные ее результаты. А. А. Шахматов пишет: «. . . только сравнительное изучение различных списков и редакций может привести исследователя к точному определению состава того или иного памятника, а в особенности таких памятников, как летописи».[1]

Сличение списков в основном производится путем анализа предварительно установленных разночтений списков. Тексты всех списков должны быть наглядно сопоставлены между собой. Как это делается?

Единственный способ: это подведение разночтений к одному из текстов по всем остальным. Первый вопрос, с которым мы сталкиваемся, — какой выбрать текст, к которому будут подводиться разночтения по всем остальным?

Оговоримся с самого начала — в данной главе мы говорим о выборе основного списка и подведении к нему разночтений по всем остальным только для изучения. О том, какой текст выбирается за основной для издания и как к нему подводятся для издания разночтения, мы будем говорить в дальнейшем в главе XIII (см. с. 501—506, 521—533).

Итак, начиная подведение разночтений для их изучения, необходимо прежде всего выбрать тот основной текст, к которому будут подводиться разночтения. С уверенностью выбрать до изучения разночтений древнейший текст, особенно когда списков много, не всегда возможно. Древнейший текст может быть окон-

---

[1] А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — В кн.: Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899, с. 110.

чательно установлен только после изучения всех разночтений и установления в возможных пределах истории текста. Выбор текста для предварительного подведения разночтений тоже неизбежно будет предварительным. Хорошо было бы, конечно, чтобы этот предварительный выбор совпал с окончательным, так как это сильно облегчило бы последующую работу текстолога, особенно если текст большой и списков много. Но сделать это все же можно только при наличии очень большого опыта у текстолога и то далеко не во всех случаях.

С. А. Бугославский советует поэтому выбирать для предварительного подведения разночтений (он называет их «вариантами») наиболее «типичный» текст. Приведу его рассуждение полностью.

«Читая списки, мы заметим, что некоторые из них имеют эпизоды, отдельные чтения, которых нет в большинстве других списков,[2] другие же, наоборот, заключают текст большинства списков без значительных отступлений. Текст, заключающийся в большинстве списков памятника, назовем типичным текстом. Единицей сравнения и должен быть старший список с типичным текстом. Типичный текст не всегда, конечно, является вместе с тем и древнейшим из дошедших текстов (не списков!),[3] который, обыкновенно, желательно полагать в основу издания (или сравнения) списков, но, тем не менее, предпочтительнее, нам кажется, полагать в основу вторичный типичный текст, чем более древний текст, в который внесено много изменений. Полагая последний в основу издания, мы должны были бы подвести к нему слишком большое число вариантов остальных списков, что затруднило бы и усложнило анализ этих вариантов. Кроме того, чтó важнее, вопрос о старшем тексте может быть решен лишь после тщательного анализа вариантов,[4] а последний можно сделать лишь после сравнения списков. Вопрос же о типичном тексте может быть решен даже после первого чтения списков. Кроме того, типичный текст представлен значительным количеством списков, а древнейший текст — небольшим (часто одним списком), следовательно, полагая в основу

---

[2] Назовем чтения, свойственные только одному списку, индивидуальными. (*Примечание С. А. Бугославского*).

[3] Следует строго различать между терминами «древнейший текст» и «древнейший список». Древнейший текст может быть представлен позднейшим списком, скопированным со старого (или восходящим через ряд сходных списков к старому), между тем как древнейший список мог быть или скопирован со списка, значительно изменившего текст оригинала, или сам исказил этот текст. Древнейшим текстом данных списков является текст, наиболее близкий к архетипу этих списков. (*Примечание С. А. Бугославского*).

[4] Часто ошибочно он решается на основании умозаключений исследователей, вроде таких: данный текст старший потому, что в нем есть такие-то эпизоды и нет таких-то, или потому, что язык этого списка чище, стройнее и т. д. — Все подобные умозаключения должны быть лишь подспорьем при выводах, вытекающих из анализа вариантов, а не основой для суждения о старшинстве текста. (*Примечание С. А. Бугославского*).

издания старший список с типичным (даже не самым типичным) текстом, мы не рискуем сделать большой ошибки».[5]

Сделаем несколько поправок к этому рассуждению С. А. Бугославского. Во-первых, следует отличать предварительное подведение разночтений от подведения разночтений для издания. Об этом писал в начале своей работы сам С. А. Бугославский, но потом как-то забыл о своем намерении и стал говорить одновременно — и об основном списке «для издания» и для подведения разночтений для их изучения. Во-вторых, выбор основного списка для издания, как это мы увидим в дальнейших главах, никак не может основываться на признаке «типичности». Для издания должен предпочтительно выбираться древнейший текст данного памятника или, если текст помятника делится на редакции, — древнейший текст издаваемой редакции (напомню, что древнейший текст не есть древнейший список). В-третьих, различая в принципе подведение разночтений и выбор основного списка для издания от подведения разночтений и выбора основного списка для предварительного изучения, необходимо стремиться, чтобы предварительное изучение разночтений и предварительный выбор основного списка по возможности совпали с окончательными, т. е. чтобы эти операции действительно были «предварительными», — предваряли окончательные результаты. Это нужно для того, чтобы максимально облегчить эту наиболее трудоемкую часть работы текстолога. В случае больших текстов практически невозможно дважды выбирать основной текст для подведения разночтений. Это невозможно для летописей, хронографов, степенных книг и других объемистых памятников. Во всех этих последних случаях те результаты, которые исследователь получает путем анализа разночтений, должны быть получены путем предварительного ознакомления с текстами всех списков. Текстолог обязан здесь обладать огромным опытом, памятью и знанием текста. В помощь текстологу здесь приходят «текстологические приметы», о которых мы скажем в дальнейшем.

Как же, однако, быть, если в выборе основного списка для подведения разночтений при относительно небольшом тексте мы не можем предугадать («предварить») окончательные результаты? Вот в этом случае все рассуждения С. А. Бугославского о «типическом» тексте должны быть приняты во внимание. В этом случае, конечно, целесообразнее всего класть в основу тот текст, который С. А. Бугославский называет «типичным».

Нет ли в наших рассуждениях противоречия? С одной стороны, мы считаем наиболее правильным подводить разночтения к древнейшему тексту, а с другой — считаем возможным подводить их и по тексту «типичному» («среднему», наиболее часто встречаю-

---

[5] С. А. Бугославский. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. Чернигов, 1913, с. 2—3.

щемуся)? На самом деле здесь противоречия нет. Дело в том, что для предварительного изучения текстов мы можем класть в основу подведения разночтений любой текст: древний или новый, плохой или хороший, типичный или индивидуальный и т. д. Мы можем даже не разделить тексты по редакциям, неправильно расположить списки и пр. Больше того, такие неправильности в расположении текстов обычны и почти неизбежны при наличии многих списков на предварительном этапе изучения. Но как бы ни располагались тексты, куда бы ни попадал текст — в основной текст или в разночтения, — во всех этих случаях подведение разночтений к любому тексту памятника дает исследователю исходный материал для изучения текстов, для их сравнения.

Рассуждая о том, какой текст положить в основу, к какому тексту подводить разночтения для их изучения, мы имеем в виду только удобство работы, мы заботимся только об облегчении работы. В одних случаях работа текстолога будет облегчена, если основным текстом, к которому будут подводиться разночтения, взять текст древнейший, в других, когда первого сделать нельзя, — текст «типичный». Наконец, в третьих случаях (как в случае с обширными историческими текстами) практически чрезвычайно трудно дважды подводить разночтения, и предварительный выбор основного списка должен быть поэтому одновременно по возможности и окончательным. При больших текстах во многих списках необходимо сразу же выбрать тот текст, который будет положен в основу не только предварительного подведения разночтений, но и издания, чтобы не создать себе непреодолимых сложностей в работе. Но, повторяю, к вопросу о том, какой текст кладется в основу издания, мы еще вернемся особо.

*

Рекомендуем следующий технический прием подведения разночтений. Прием этот особенно удобен, если привлекаемых к разночтениям списков много и разночтения ожидаются обильные.

Лист графится на вертикальные колонки, по числу списков. Если списков настолько много, что все они не могут разместиться на листе, то к листу справа по горизонтали могут присоединяться (с помощью подклейки или без подклейки) дополнительные листы с вертикальными колонками. В крайней левой колонке пишется текст основного списка. Если разночтений ожидается много, то текст основного списка выписывается по одному слову на строку. Остальные вертикальные колонки предназначаются — каждая для разночтений одного списка. Вверху этих колонок пишется обозначение того списка, для разночтений которого эта колонка предназначена. Разночтения пишутся строго против того места,

к которому они подводятся. Следовательно, каждая строка основного текста строго соответствует по горизонтали своим разночтениям других списков.[6] Чтобы не сбиться со строки, удобно пользоваться линованной бумагой.

При этом техническом способе подведения разночтений мы можем привлекать новые и новые списки и вносить исправления не переписывая ни одной строки (надо помнить, что переписка плодит ошибки; необходимо стремиться подготовлять не только разночтения, но и самый текст сразу же начисто). Когда все разночтения подведены и изучены, вертикальные колонки переставляются в порядке их наибольшей близости к основному тексту. Первым идет список, более всего близкий к основному тексту затем списки, группирующиеся вместе с этим близким к основному тексту списком. Затем идет следующая группа списков — вторая по близости к основному тексту, и т. д. Иными словами, если есть возможность заранее установить хотя бы приблизительно не только иерархию близости списков к основному тексту, но и разбить внутри редакции списки на группы, то это в разночтениях должно быть непременно сделано. Тогда в окончательном виде разночтений условные обозначения списков будут определенным образом группироваться, и это очень облегчит их дальнейшее изучение исследователем.

Группировать колонки можно довольно просто, отрезая колонки одну от другой по вертикали и переклеивая их в нужном порядке. Ножницы и клей подводят публикатора реже, чем перо и чернила. После сокращения разночтений и их группировки разночтения нумеруются. При сличении текстов необходимо, чтобы оба сличаемых текста лежали как можно ближе друг к другу. Г. Рюдлер утверждает: «. . . чем дальше отстоят друг от друга сличаемые тексты, тем легче забыть то, что прочел».[7] Г. Рюдлер рекомендует сличать текст вдвоем: один читает по одному списку, другой следит за текстом второго списка. Лично я сомневаюсь в особой целесообразности такого способа сличения: то, что не ускользнет от глаза, легко может быть упущено ухом.

Сличая и переписывая тексты, полезно помнить, что все те типы ошибок, которые встречаются у древних переписчиков, могут встретиться и у современных. Надо учитывать это и беречься от них, внимательно следя за своим чтением, запоминанием текста, внутренним диктантом и письмом.

---

[6] При подведении разночтений этот же способ рекомендует и Ф. Масэ (François M a s a i. Principes et conventions de l'édition diplomatique. — Scriptorium, 1950, vol. 4, № 1—2, p. 187). Описание техники сличения списков и подведения разночтений см. также в книге: Gustave R u d l e r. Les techniques de la critique et de l'histoire littéraire en littérature française moderne. Oxford, 1923, p. 62—63.

[7] Ibid., p. 61.

Списки обычно условно обозначаются прописными буквами русского алфавита. Если не хватает русских букв, прибегают к буквам латинского алфавита, затем греческого и др.

Существуют две системы условных обозначений списков. Одни исследователи обозначают списки буквами в алфавитном порядке — по степени близости списка к основному тексту. Первый список, наиболее близкий к основному тексту, обозначается буквой *А*, второй — *Б*, третий — *В* и т. д. Однако в этой системе есть существенный недостаток. Допустим, исследователь к концу своей работы обнаружил еще один список — ведь тогда придется ломать алфавит условных обозначений, если этот новый список не будет самым отдаленным от основного текста. Всякая же ломка в ходе работы очень опасна. Кроме того, степень близости списка к основному видна уже из самого порядка, в котором он следует за остальными списками, и этого вполне достаточно. Гораздо удобнее, как мне кажется, условно обозначать список по первой букве его названия или названия того собрания, в котором он находится. Так, например, лучше всего давать обозначение *Р* для Радзивиловского списка, *Л* — для Лаврентьевского, *П* — для списка из Погодинского собрания, *Б* — для списка из собрания Богданова и т. д. В этом случае читателю легче запомнить эти условные обозначения, легче разобраться в разночтениях. Допустим, однако, что названия двух собраний начинаются на одну и ту же букву, например: рукопись из собрания Ф. И. Буслаева и рукопись из собрания П. Д. Богданова. В этом случае условное обозначение первой рукописи можно дать *Б*, а для второго присоединить следующую согласную букву — *Бг*. Для рукописи собрания А. М. Большакова можно было бы дать обозначение *Бл*. И т. д.[8]

Необходимо помнить, что весь текст от исследователя должен даваться в публикациях курсивом (об этом в главе XIII). Например: *нет*, *в ркп. отс.*, *не разбор.* и пр. Вот почему и условные обозначения должны быть с самого начала тоже закурсивлены. Это необходимо в связи с тем, что некоторые условные обозначения иначе могут легко смешаться с текстом (войти как бы в состав разночтений), например: *К*, *В*, *И*, *О*, *С* и другие могут быть приняты за предлоги и союзы.

*

Мы остановились на технической стороне выявления разночтений так подробно потому, что, как правило, текстологические исследования, их методика и методология самым тесным образом

---

[8] При шифровке рукописных списков Г. Рюдлер рекомендует пользоваться начальными буквами собраний, города, где хранится список, и т. д., при шифровке же печатных «списков» (изданий) — употреблять буквы в порядке алфавита соответственно хронологии изданий (древнейшее издание — *А*, затем — *В*, *С* и т. д.) (там же, с. 62).

связаны с техническими навыками работы. Принятая же текстологом определенная техника работы закрепляет у него и определенные текстологические убеждения. Изменить же технические приемы работы бывает очень трудно: работа текстолога очень сложна и трудоемка, она требует навыков, привычек, известного «автоматизма». Вот почему чрезвычайно важно с самого начала выработать у себя правильную технику работы — и в первую очередь удобную технику подведения вариантов.

О других сторонах техники подведения разночтений, связанных с публикацией памятников, мы скажем в главе XIII «Техника издания текстов».

*

Весьма возможно, что установление разночтений в ближайшем будущем будет производиться машинным способом. Во всяком случае, для печатных текстов установление вариантов набора может производиться с помощью приборов. В журнале «The Harvard Library Bulletin» (1955) в статье Ч. Хиннана (Charlton Hinnan) «Mechanized Collation at the Houghton Library» описывается оптический прибор, с помощью которого можно в 40 раз быстрее, чем обычным способом, и без ошибок устанавливать варианты. Этот способ, однако, не позволяет устанавливать разночтения рукописных текстов, так как индивидуальные колебания (в начерках букв, в расстоянии между буквами и словами — у одного и того же писца) при слитности написания букв настолько велики (особенно в великорусской скорописи), что «машинное чтение» вряд ли может быть возможным или по крайней мере легким.

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ РАЗНОЧТЕНИЙ

Подведя разночтения по всем спискам, можно приступить к их анализу. Каковы цели этого анализа, и в чем он заключается?

Анализ разночтений долгое время считался основной частью «критики текста», причем считалось, что задачей критики текста, помимо установления его подлинности, является исправление вкравшихся в него ошибок.

Современному текстологу анализ разночтений дает наиболее богатый материал для восстановления истории текста произведения, всех этапов его существования. Разночтения — это результат не только «ошибок» переписчиков, но и сознательной деятельности книжников; анализ текста должен поэтому давать материал для характеристики происхождения целых пластов разночтений, связанных с теми или иными этапами истории текста, — пластов, возникших в результате или бессознательных ошибок, или сознательных изменений (в результате идейного изменения текста,

стилистической правки, языковой и орфографической правки и т. д.).

Цель анализа разночтений — установить историю текста, взаимоотношение дошедших списков, их генеалогическое родство.

Одного анализа разночтений для установления истории текста памятника далеко не достаточно. Мы видели выше, какие данные для истории текста извлекаются из одной только рукописи памятника (глава III), в последующих главах мы увидим, что данные по истории текста извлекаются не только из списков памятников, но из их текстологического окружения в рукописях, из взаимоотношения памятника с другими произведениями и т. д. Однако из всех данных для истории текста произведения данные разночтений дают наиболее важный материал.

Анализ разночтений начинается обычно с анализа разночтений каждого списка в отдельности и продолжается суммарным рассмотрением проанализированных разночтений всех списков для установления их взаимоотношения и происхождения. Характеристике всей суммы разночтений того или иного списка, группы списков и редакций должен предшествовать анализ отдельных разночтений поодиночке. Итак, разночтения рассматриваются по отдельности, а затем в совокупности.

Каждое отдельное разночтение по возможности изучается с точки зрения своего происхождения: какое чтение старше, какое младше, какое чтение из какого произошло. Этим подготовляется материал для последующей характеристики текста каждого списка с точки зрения истории его возникновения. Обобщенный анализ показаний отдельных разночтений помогает не только классифицировать списки, но и установить, какая из редакций старше, какая младше, в каком генеалогическом родстве находятся отдельные группы списков и даже отдельные списки.

Перейдем к рассмотрению принципов анализа отдельных разночтений. Анализ этот должен предусматривать определенную цель, быть целеустремленным. Старая текстология XVIII и XIX вв., выясняя происхождение разночтений по отдельности, по отдельности же заменяла в тексте более новое чтение более древним и таким образом «восстанавливала», как казалось, древнейший текст. В настоящее время мы не можем считать правильным такой метод «восстановления» древнего текста. Создающийся таким путем лоскутный текст никогда, конечно, не существовал. В настоящее время текстолог стремится установить историю текста, историческое взаимоотношение его редакций, видов и текстов отдельных списков. Поэтому основное в настоящее время для текстолога — это установить редакции и виды текста, а затем их происхождение.

Анализ разночтений должен поэтому иметь сейчас иную цель: не восстановить «первоначальный текст», а дать материал для установления истории текста памятника, для всех этапов разви-

тия текста. Только имея ясные представления о поздних этапах, можно восстановить древнейшие.

Обычно конечные выводы в самой предварительной и далеко не ясной форме антиципируются уже в самом начале работы, хотя и не принимают четкой формы. У текстолога, занимающегося анализом отдельных разночтений, происходит постоянное «пробование» выводов. Далеко не все разночтения одинаковы с точки зрения показательности их анализа. Некоторые разночтения с самого начала обращают внимание текстолога как требующие особенно пристального внимания.

С точки зрения значения показаний для истории текста, несомненно, разночтения намеренные, сознательные имеют бо́льшую важность, чем ненамеренные, бессознательные («ошибки»). Вот почему Б. В. Томашевский предлагает начинать анализ разночтений (или как он их называет — «вариантов») с их классификации на намеренные и ненамеренные: «Классификация, — пишет Б. В. Томашевский, — должна быть основана на изучении природы произведенных изменений. Исходить она должна из основ критики текста, и в первую очередь необходимо расслоить механические изменения (опечатки) и авторскую сознательную правку».[9]

С этим положением Б. В. Томашевского можно согласиться с небольшими, впрочем, поправками для древних текстов. Об авторской правке в них почти не приходится говорить; чаще — о правке «соавторов»: редакторов, составителей сводов и компиляций, переделывателей, переписчиков.

Дальше Б. В. Томашевский предлагает, чтобы авторская правка (применительно к древним текстам к ней может быть условно отнесена вся «сознательная» правка, т. е. правка «соавторов», о которых мы только что говорили) была в свою очередь разделена на 1) правку, связанную между собой, систематическую и 2) правку независимую, спорадическую.[10] Это деление должно быть распространено на всю правку вообще: могут быть не только сознательные, но и бессознательные ошибки писца, которые, с одной стороны, систематически повторяются, а с другой — единичны и случайны. Надо, впрочем, добавить к этому предлагаемому Б. В. Томашевским делению на правку, связанную между собой и несвязанную, что соотношение их в процессе изучения правки обычно постепенно меняется в пользу первой. Чем больше изучена правка книжников, тем менее случайной она оказывается, тем более она подчиняется системе писца: его психологии, привычкам и навыкам (правка «бессознательная»), идеологии, намерениям, стилистическим вкусам (правка «сознательная»). Нако-

---

[9] Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959, с. 144.

[10] «Авторские варианты должны быть распределены между категориями связных изменений и независимых» (там же, с. 144).

нец, необходимо обращать внимание на самую природу сознательной правки: касается ли она языка (например, поновление языковых форм, их архаизация, диалектные изменения и т. д.), стиля произведения или его идейного содержания (изменения идеологического характера, изменения сюжетные, упрощение или развитие действия, изменение отдельных мотивов и пр.).

Что может дать для установления истории текста изучение разночтений ненамеренных и изучение разночтений намеренных?

Как уже говорилось во «Введении», теория К. Лахмана придавала особенное значение исследованию ошибок — ненамеренных изменений текста. Для нас главное значение имеют намеренные, сознательные изменения текста, влекущие за собой появление новых редакций произведения. Однако изучение бессознательных, ненамеренных изменений текста (ошибок) также имеет существенное значение. Ошибки, общие нескольким спискам, позволяют удобно классифицировать тексты, объединять списки в группы. Вместе с сознательными изменениями текста они дают подчас очень яркий материал для классификации списков (о классификации списков см. ниже: гл. V, с. 229—238). Однако, группируя списки по ошибкам, следует иметь в виду следующее: во-первых, ошибки бессознательные часто повторяются у разных писцов, поэтому нужно обращать внимание не на отдельную ошибку, а на целую группу ошибок; во-вторых, писцы иногда сами правильно определяют ошибку и восстанавливают первоначальное чтение; в-третьих, переписчики пользуются иногда не одним списком, а несколькими, поправляя основной список по другому, производя своеобразное «текстологическое исследование». Обо всем этом мы писали выше, в главе I «Работа древнерусского книжника». Такой характер переписки делает почти невозможной упрощенную классификацию списков по механическим подсчетам разночтений и вынуждает текстолога стремиться постоянно представлять себе: как, кем и при каких условиях переписывался текст.

Изменения сознательные, намеренные гораздо устойчивее в том отношении, что последующий переписчик не «возвращается» в них к первоначальному тексту, если только у него не появляется нового намерения относительно всего текста. Сознательная, стилистическая или идеологическая правка не может механически повторяться у разных книжников. И, наконец, сознательная правка текста меньше зависит от количества оригиналов: одно и то же изменение может быть внесено в текст и при наличии одного оригинала и нескольких. Отсюда ясно, что намеренные изменения текста гораздо показательнее для классификации текстов и они же, в отличие от ненамеренных, являются показателями редакций.

В еще большей степени, чем для первых изменений текста (ненамеренных), для сознательных изменений текста необходимо

представить себе конкретные обстоятельства работы над списками и самого книжника, который вносил изменения в текст. Чем конкретнее выступит перед нами тот древнерусский книжник, который вносил в текст изменения, его намерения, его идеология, социальное положение и т. д., — тем убедительнее будут все те объяснения разночтений, которые дает текстолог, тем более «связанными» между собой окажутся эти изменения, «связанными» не той или иной объединяющей их рубрикой классификации, а самою личностью делавшего их книжника.

Анализ разночтений основывается на конкретных представлениях о работе автора, переделывателя текста, переписчика. Устанавливая первичность того или иного чтения относительно другого, текстолог должен прийти к выводу, при каких обстоятельствах, как и кем был изменен текст.

*

Рассмотрим несколько текстологических правил, обычно применяющихся в анализе разночтений. Правила эти, применяемые механически, вне конкретного рассмотрения самого книжника и его работы имеют только относительную ценность.

Существует текстологическое правило, согласно которому из двух или нескольких чтений одного и того же места текста наиболее трудное чтение («lectio difficilior») признается более древним, чем чтение более легкое («lectio facilior»).[11] Действительно, как правило, переписчик «облегчает» текст, непонятное для себя делает понятным, модернизует его. Однако нельзя признать, что это правило действует во всех случаях неукоснительно. Во-первых, необходимо иметь в виду относительность понятий «легкое чтение» и «трудное чтение». То чтение, которое кажется наиболее легким для нас, могло быть вовсе не легким для древнерусского книжника. Во-вторых, следует иметь в виду, что некоторые книжники из стилистических или каких-либо иных соображений предпочитают иногда как раз труднейшие чтения (ниже мы вернемся к такого рода случаям).

Приведем примеры. В разночтении попадается слово более новое и более старое; если нет последовательной стилистической архаизации текста, мы можем предполагать, что архаичное слово представляет более древнее чтение. В одном случае в разночтении попадается слово книжное, трудное, не всем понятное, в другом — слово более понятное; можно предположить, что «трудное» слово первоначальное, а «легкое» возникло в порядке «улучшения»

---

[11] Правило это было открыто еще в конце XVIII в. немецким филологом Гризбахом. Энергичную защиту этого положения см.: Alberto Chiari. La Edizione critica. — Problemi ed orientamenti critici di lingua e di letteratura italiana, vol. II. 2 ed. Milano, 1951, p. 261.

текста переписчиком или редактором. То же самое нужно сказать о «трудном» синтаксическом обороте и о более легком, об иностранном слове и о русском.

Такое положение, когда более трудное чтение оказывается иногда и более древним, характерно не только для древнерусских рукописей. Оно характерно для западноевропейских средневековых рукописей и для восточных. Е. Э. Бертельс пишет: «При подготовке критического издания поэм Низами старейшие рукописи (14 в.) сплошь и рядом давали явную, казалось, бессмыслицу, новые же рукописи (15 и 16 вв.) предлагали вполне понятный текст. Длительная работа над текстами показала, что текст 14 в. в подавляющем большинстве случаев и был верным и оригинальным текстом, а непонятен он был текстологам лишь в силу недостаточного знакомства с языком поэта и недостаточным знанием реалий эпохи».[12] Аналогичное наблюдение сделано М. Н. О. Османовым над древнейшим списком «Шах-наме» Британского музея 1276/77 (условно — *Л*.): «В нашей практике список *Л* часто дает единственное чтение, которое на первый взгляд кажется бессмысленным. Однако более глубокое изучение текста, обращение к толковым словарям, к арабскому переводу „Шах-наме“ 1218—1227 г. убеждают составителя, что именно чтение *Л* есть наиболее достоверное и, быть может, подлинное, авторское».[13]

Но все это касается лишь единичных случаев. Если же мы имеем в двух текстах систематические разночтения, в которых один текст представлен книжными, архаичными и „трудными“ выражениями, а в другом понятными и более новыми, то происхождение такого различия текстов в целом может быть обоюдосторонним: бывали редакторы текста, систематически его облегчавшие, модернизировавшие, приближавшие к разговорному языку, но бывали редакторы текста, намеренно архаизировавшие текст, стремившиеся к «литературности», предпочитавшие книжные обороты. Но и в этом случае можно указать на признаки, по которым можно определить, какой текст первичный, а какой вторичный. Дело в том, что редкому редактору удается с полной последовательностью провести свою систему. Редакторы и ученые книжники Древней Руси были в большей мере начетчиками, чем исследователями. Поэтому архаизация языка никогда не сможет полностью провести в памятнике в с е старые формы, новые формы нет-нет да и «прорвутся» в текст. Архаизаторы-редакторы любят, например, снабжать свои тексты оборотами с дательным самостоятельным, но эти обороты не всегда отличаются правиль-

---

[12] Е. Э. Б е р т е л ь с. К вопросу о филологической основе изучения восточных памятников. — Советское востоковедение, 1955, № 3, с. 15.

[13] М. Н. О. О с м а н о в. Ближневосточная текстология в Советском Союзе и ее основные принципы (на материале иранской текстологии). — Вестн. истории мировой культуры, 1961, № 4, с. 120.

ностью. По этим «ошибкам» в «улучшении» текста обычно и опознается позднейшая рука.

Замена «легких» чтений более «трудными» особенно часто встречается в литературных произведениях при их стилистической правке приверженцами риторического стиля второго южнославянского влияния, при создании «книжных» житий вместо первоначальных некнижных записок о святом и т. д.

Приведу пример с некоторой книжной стилистической обработкой «Хожения за три моря» Афанасия Никитина — обработкой настолько незначительной, что она не может даже считаться новой редакцией «Хожения».

Анализируя редакцию «Хожения за три моря» Афанасия Никитина, представленную Троицким списком (ГБЛ, Музейное собр., № 8665), Я. С. Лурье отмечает, что стилистическая правка в ней «сводилась прежде всего к замене простых, бытовых выражений более книжными. Человек грамотный и любознательный, Афанасий Никитин не был профессиональным писателем-книжником и не умел (или не хотел) заниматься тонким „плетением словес". Рассказ о своем путешествии он начал в почти устной, немного монотонной манере: „Поидох от Спаса святого златоверхаго. . . и поидох вниз Волгою и приидох в манастырь Калязин. . . И с Колязина поидох на Углеч, с Углеча отпустили мя добровольно. И оттуду поидох с Углеча и приехал есми на Кострому. . . И отпустили мя добровольно. И на Плесо приехал есми добровольно. И приехал есми в Новгород Нижней. . . И они мя отпустили добровольно. . ." (Эттеров список, л. 442—442 об.). В Троицком списке этому безыскусственному рассказу придана более книжная форма; вместо четырехкратного повторения, „добровольно" встречается только два раза (Троицкий список, л. 369). Видоизменены в Троицком списке названия христианских праздников, вместо бытовых наименований даны официальные: языческая „Радуница" заменена „Фоминой неделей" (Эттеров список, л. 444; Троицкий список, л. 371 об.). „Оспожин день" назван „Успеньем богородицы" (Эттеров список, л. 445 об.; Троицкий список, л. 374 об.; ср. 373 об.). Вместо устного „однова" (Эттеров список, л. 449) мы читаем в Троицком списке „единожды" (Троицкий список, л. 379 об.). В летописной редакции упоминаются индийские „мужики и жонки" (Эттеров список, л. 444); в Троицком списке им соответствуют „мужи и жены" (Троицкий список, л. 372); в летописной редакции упоминаются „сосци голы" (Эттеров список, л. 444 об.); в Троицком — „груди голы" (Троицкий список, л. 372). Но особенно выразительна одна поправка. При описании индийской одежды Никитин многократно отмечает, что индийцы—от „слуг" до „бояр" и „князей" включительно — носят „фату", обогнутую „на гузне" (Эттеров список, л. 444—444 об.; ср. лл. 448 и 449). Редакция, представленная Троицким списком, постаралась устранить это грубое выражение — здесь

мы читаем (несколько раз подряд), что фата у индиан обогнута „на бедрах“ (Троицкий список, л. 372). Однако здесь же мы обнаруживаем и ясное свидетельство того, что редакция, отличающаяся более книжным изложением, является вторичной и что первоначальному тексту было свойственно просторечие. Как это часто бывает с редактором, исправляющим чужой текст, создатель троицкой редакции проявил непоследовательность, — удалив „гузно“ в одном месте, он оставил его в других местах: как и в летописной редакции, здесь говорится, что у „Бута“ „гузно“ обвязано „ширинкою“ и что богомольцы, съезжающиеся в Парват, носят „на гузне плат“ (Троицкий список, л. 378 и 378 об.)».[14]

*

Существенное значение имеет обнаружение фактической ошибки, исторического несоответствия, стилистического несоответствия, или идеологического противоречия всему остальному тексту в одном из разночтений. В этих случаях ошибочное чтение обычно признается позднейшим, но и это правило не без исключений. Древнерусские книжники очень часто исправляли ошибки и неточности своих предшественников; авторы были отнюдь не непогрешимы.

Приписать промах, нелогичность, грамматическую или стилистическую несообразность, даже простую ошибку тому или иному переписчику можно только тогда, когда будет доказано, что автор или один из предшествующих переписчиков не мог их допустить.

Критикуя работу А. В. Рыстенко «Слово о 12 снах Шахаиши»,[15] П. О. Потапов совершенно правильно писал по поводу предполагаемой А. В. Рыстенко зависимости редакций и движения текста этого произведения: «Бóльшая логичность или простота чтения отнюдь не обязательна для более древних текстов вообще: если не всегда, то в отдельных случаях возможно и обратное явление».[16]

Примеры авторских ошибок в произведениях древнерусской литературы многочисленны. Ошибочные даты и генеалогии имеются в «Повести временных лет»,[17] в тексте летописного «Сказания о преложении книг на славянский язык».[18] В «Слове

---

[14] Я. С. Лурье. Археографический обзор. — В кн.: Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.—Л., 1958, с. 170—171. «Литературные памятники».

[15] Сборник ОРЯС АН, т. XX, № 2, СПб., 1879.

[16] П. Потапов. К литературной истории «Сказания о 12 снах царя Шахаиши». — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 121.

[17] Повесть временных лет, т. II. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950, с. 231—233.

[18] Там же, с. 257—261.

о погибели Русской земли» Владимир Мономах ошибочно сделан современником Константина IX Мономаха. Ошибочные данные постоянны в легендарных повестях Древней Руси, в житиях и т. д. В оригинале, в авторском тексте вполне могут быть ошибки и несообразности, длинноты и стилистические неувязки, которые в последующих списках будут исправлены опытными переписчиками, редакторами или даже составителями новых произведений на старой основе. Все дело в том, что для авторов возможны одни ошибки и невозможны другие. Есть ошибки, которые могут произойти только от непонимания предшествующего текста и не могут родиться сами по себе.

Приведу пример. В известном «Послании» Спиридона-Саввы и в «Сказании о князьях владимирских», текстологически близких друг к другу, среди прочих различий имеется и следующее: в «Послании» в противоречии с Библией указан сын Ноя Арфаксад; в «Сказании» сыновья Ноя указаны в строгом соответствии с Библией. Приходится признать, однако, что ошибочный текст «Послания» в этом месте первичный, а текст «Сказания» исправлен и приведен в согласие с Библией. Дело в том, что вся линия наследования земель потомством Ноя в «Послании» стройна и последовательна, а в «Сказании» эта линия наследования оказалась запутанной. К тому же в «Сказании» после исправления текста остались следы старого текста: в начале «Сказания» имеется следующая фраза: «От история Ханаонова и предела, рекома Арфаксадова, перваго сына Ноева, рожьшагося по потопе». В «Сказании» эти слова не имеют смысла, так как изложение «Сказания» им не следует: Афраксад в «Сказании» всюду, кроме этого места, сделан сыном Сима. Из этого можно заключить, что текст «Послания» Спиридона-Саввы первичнее, чем текст «Сказания».[19] Между тем И. Н. Жданов считал текст «Сказания» первоначальным, а текст «Послания» вторичным, основываясь, в частности, и на том, что «Сказание» «правильнее» — ближе к Библии.[20]

Позднейшее происхождение той или иной фактической ошибки устанавливается всем контекстом произведения. Обнаружив в тексте фактическую ошибку, необходимо в первую очередь на основании данных контекста установить — могла ли она принадлежать автору памятника.

Возьму простейший случай. Во второй редакции «Сказания о князьях владимирских» в некоторых списках читается «Постави царя над Индеею во Иерусалиме», тогда как в одном списке — «постави царя над Июдеею во Иерусалиме». Первичность второго

---

[19] См. подробнее: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, с. 60—64, 95 и др.; см. также: Р. П. Дмитриева. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 219—223.

[20] И. Н. Жданов. Повесть о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских». СПб., 1891, с. 78.

чтения не подлежит сомнению.[21] Первое чтение бессмысленно и не могло быть оправдано невежеством автора, так как все произведение в целом свидетельствует о том, что автор имел в виду библейские события. Следовательно, ошибся не автор, а кто-то из переписчиков, писавших, не задумываясь над текстом, и принявших «ю» за «н».

В других списках того же «Сказания» написано «отлучахуся» вм. «отлучися Хус». Ошибочность первого чтения также ясна: она не только противоречит всему контексту произведения, где говорится именно о «Хусе», но может быть объяснена палеографически.

Если ни одно из чтений само по себе не может считаться позднейшим, необходимо проверять чтения контекстом. Контекст и в данном случае может подсказать историю текста.

В «Повести временных лет» под 971 г. в рассказе о том, как Святослав победил болгар под Переяславцем и как затем послал к грекам со словами «Хочю на вы ити и взяти град вашь, яко и сей», говорится, что греки прислали с хитростью к Святославу, предлагая дань на каждого воина и прося сообщить число воинов. К этим словам греков летописец делает следующее примечание: «Се же реша грьци, льстяче под Русью; суть бо греци лстивы и до сего дни». Так читается в Радзивиловской летописи и в Московско-академическом списке, но в Ипатьевской летописи мы имеем другой текст: «. . . суть бо греци мудри и до сего дни». Какой текст более правилен: «лстивы» или «мудри»? «Мудри», конечно, исправление из «лстивы», так как последнее только и согласуется с предшествующими: «реша грьци, льстяче. . .» Исправление могло быть сделано каким-либо грекофильствующим летописцем.

Из всех исторических ошибок текста наиболее показательны с точки зрения истории текста ошибки против современной для автора исторической действительности. Несоответствие Библии хронографу, летописи легче допустить у автора, чем ошибку в явлении живой ему действительности. В первоначальном чтении ошибка против современной для автора действительности будет, конечно, значительно реже, чем в чтениях последующих. Причем в некоторых случаях она просто невозможна, а в других легко объясняется. Есть факты, которых не может не знать современник, и есть другие, которые он может исказить только сознательно.

Приведу пример из определения старшинства «Слова о полку Игореве» относительно «Задонщины». Как известно, «Задонщина» и «Слово о полку Игореве» имеют между собой в отдельных местах текстуальную близость.

В «Слове о полку Игореве» Днепр пробивает «каменные горы»: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ

[21] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских, с. 17.

землю Половецкую». В «Задонщине» в сходном тексте каменные горы пробивает Дон: «Доне, Доне, быстрая рѣка, (ты) (пробил) еси горы каменныя, течеши в землю (Половецкую)».[22] Но каменные горы, т. е. пороги, встречаются только на пути Днепра. Дон же порогов не имеет и через горы не проходит. Ясно, что текст «Слова» в данном случае первичный, а текст «Задонщины» вторичный, ибо автор «Слова» хорошо знал географию Руси и писал свободно, а автор «Задонщины» не выказал в своем произведении точного знания географии южной Руси. Создавая свое произведение, он был, очевидно, связан своим литературным образцом — «Словом о полку Игореве»: от этого и получилось внешнее сходство при наличии фактической ошибки. Можно привести и другие соответствия «Слова» своей исторической действительности и несоответствия своей исторической действительности в «Задонщине». Так, например, в «Слове» князь Святослав Киевский плачет (его «золотое слово» «со слезами смешено»), и этот плач действительно отмечен в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича. В «Задонщине» же плачет Дмитрий Донской, о плаче которого ничего неизвестно. Так как об обоих плачах говорится в одинаковых выражениях и зависимость одного из них от другого несомненна, то следует предположить, что первичный текст тот, который ближе к отраженной в летописи действительности, т. е. текст «Слова о полку Игореве».

Еще одно замечание. Установить фактическую ошибку бывает не так-то легко. Для этого текстолог обязан очень хорошо знать историю, проверять каждый факт текста. Во всяком случае, он должен знать больше, чем древние русские переписчики, и уметь легко по справочным изданиям установить правильность или ошибочность факта.

Вот, например, перед нами «Сказание повести еже о пренесении честных мощей иже во святых отца нашего Николаа архиепископа града Мира». Списки, хранящиеся в рукописных отделениях Москвы и Ленинграда, имеют ряд ошибок. Перенесение мощей отнесено к 1096 г. вместо правильного 1087. В действие введен никогда не существовавший папа Герман вместо папы Урбана. Есть и другие ошибки. Н. А. Толстому удалось найти в Ватиканской библиотеке список того же произведения, текст которого гораздо более правилен. Вместо папы Германа там действует папа Урбан. Характерно, однако, следующее различие, помогающее установить не только то, что этот последний текст более правилен, но и то, что он более первоначален. В списках с папой Германом сказано «послаша в Рим к папе», в ватиканском же списке «послаша к Римскому папе», что более правильно исторически, так как рим-

---

[22] Здесь и в дальнейшем цитирую «Задонщину» по тексту В. П. Адриановой-Перетц: Задонщина (опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948. — Пользуюсь ее же наблюдениями.

ского папы в то время в Риме не было. Первый текст более поздний и стоит в связи с перефразировками, получившимися в результате распространения более краткого текста ватиканского списка. Обратного произойти не могло.[23] Весь текст в целом, все разночтения помогают установить более ранний текст.

Мы привели выше случаи разночтений, в которых одно из чтений несомненно «ошибочное», «нелогичное» и пр. Однако в подавляющем большинстве случаев явных несообразностей, ошибок обнаружить не удается. Иногда только то или иное чтение может казаться исследователю «лучшим», более отвечающим стилю, содержанию произведения, развитию мысли автора и т. д. В этих случаях исследователь должен проявлять особую осторожность. Исследователь в оценке чтений может легко проявить субъективизм. Доказательную силу может иметь только анализ целой группы разночтений при обязательной проверке «от обратного», т. е. исследователь должен доказать невозможность обратного предположения и свою мысль о более древнем характере того или иного чтения подтверждать всей системой разночтений в целом. Только анализ целой группы однородных разночтений вскрывает идеологическую или стилистическую их направленность и может убедительно подтвердить мысль о том или ином характере данного частного разночтения.

Забегая несколько вперед, укажем, что вопрос о том, какое чтение признать «лучшим», а какое «худшим», имеет очень большое значение при издании текста. Очень часто текстолог, подготавливая тот или иной список к изданию, меняет в нем некоторые чтения на «лучшие» по другим спискам. В дальнейшем мы вернемся к этому вопросу и укажем, что делать это ни в коем случае нельзя: это допустимо только в реконструкциях текстов, но не в изданиях реально дошедших текстов. Допустимо только менять явно ошибочное чтение на правильное (с соответствующими оговорками в примечаниях), но не «худшие» на «лучшие». Признание того или иного места ошибкой или опиской или признание его «плохим» чтением сравнительно с каким-то «лучшим», имеющимся в других списках, — качественно различно. Замена «плохого» чтения «лучшим», если она диктуется только тем, чтобы выбрать «лучшие» чтения для основного списка, может повести к субъективизму. В протографе любого памятника отнюдь не редко находились «худшие» чтения. Ведь всякий переписчик стремился по-своему «исправить» текст своего оригинала. Эти «исправления» могли давать действительно лучшие чтения — лучшие и с нашей точки зрения. История текстов многих древнерусских памятников дает тому немало примеров. Устанавливая ошибочность того или иного чтения, исследователь должен помнить, что

[23] Н. А. Толстой. Историческая ошибка. Новооткрытая рукопись Ватиканской библиотеки. — Изв. ОРЯС, 1907, т. XII, кн. 2.

ошибка могла принадлежать не тому или иному переписчику, а быть общей для многих русских книжников. Так, например, общее происхождение имеет ошибочная самоуничижительная формула древнерусских книжников: «елинских борзостей не текох», которая обычно понимается самими писцами как их неосведомленность в греческих мудростях. Происхождение этой формулы было указано А. И. Соболевским. Он привел место из одной рукописи (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевской лавры, № 165, 1414 г.), где читаем: «Аще небеса, человече, и облакы достигнеши, аще земныа преидеши конца и вся места, аще е л е н ь с к ы а (т. е. оленьи, — *Д. Л.*) б о р з о с т и п р е т е ч е ш и, камень гробу трилакотнаго не убежиши».[24] Отсюда ясно, что древнерусские писцы не поняли этой формулы и употребляли ее явно ошибочно. Но можем ли на этом основании делать какие-либо текстологические выводы относительно произведения, где эта формула употреблена? Конечно, нет! Важно, однако, что эта ошибка не противоречит всему произведению в целом. Иногда некоторые ошибки даже необходимы автору для его исторического построения, для проведения его идеи. Фактические ошибки только тогда не могут принадлежать автору произведения и являются ошибками переписчиков, когда они находятся во в н у т р е н н е м противоречии с идеями, духом произведения, знаниями автора, его представлениями и т. д.

*

Анализируя разночтения, необходимо быть очень внимательным к грамматическим формам языка. Контекст и здесь может подсказать, является ли грамматическая ошибка «авторской» или она возникла в результате позднейшего изменения текста. Дело в том, что, переделывая текст, древнерусский книжник не всегда точно исправлял формы слов. В результате в тексте оставались следы прежнего, более правильного текста. Основываясь на этих следах, мы можем прийти к заключению, какой текст из двух или нескольких признать первоначальным. Интересный пример дает в этом отношении летописная статья 882 г. «Повести временных лет»: «Поиде Олег, поим воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи, и приде к Смоленску с кривичи, и прия град и посади мужь свои, оттуда поиде вниз и взя Любець, и посади мужь свои. И придоста к горам х киевьским. . .» Откуда могло здесь явиться двойственное число — «придоста»? Мы вправе были бы здесь ожидать либо единственное, либо множественное (поскольку в предшествующем тексте говорится только об Олеге, отправившемся вниз, «поим воя многи»). Разгадка за-

[24] А. И. С о б о л е в с к и й. Рец. на кн.: В. Н. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. — ЖМНП, 1901, № 12, с. 490.

ключается в тексте Новгородской первой летописи, где, согласно гипотезе А. А. Шахматова, отразился предшествовавший «Повести временных лет» Начальный летописный свод. В Новгородской первой летописи говорится под этим годом о двух предводителях похода — князе Игоре и его воеводе Олеге. Там это двойственное число постоянно и употребляется: «И нач*аста* воевати, и налез*оста* Днепрь реку. . . и узр*еста* город Кыев. . . и потаи*стася* в лодьях, и с малою дружиною изле*зоста* на брег. . . и съзв*аста* Асколда и Дира». Составитель «Повести временных лет» переделал рассказ предшествующего Начального свода: Олег у него князь, а не воевода (переделка эта согласована с данными привлеченных им к летописанию договоров Олега с греками), Олег является единственным предводителем похода при малолетнем Игоре. Однако след старого текста, где поход возглавляется двумя — Игорем и Олегом, сохранился в этом употреблении здесь двойственного числа, и это убедительно подтверждает гипотезу А. А. Шахматова, что в Новгородской первой летописи, в ее начальной части, читается текст более древний, чем в «Повести временных лет».[25]

*

Особенно трудно строить анализ разночтений, когда два или даже несколько разночтений кажутся одинаково приемлемыми. В этих случаях следует особенно внимательно относиться ко всем оттенкам смысла и стремиться елико возможно расширять анализ, привлекая к нему исторические и стилистические данные. Хороший образец такого рода анализа дает Н. А. Казакова в своей работе «Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель».[26] Речь в этой работе идет о внешне незначительных, но весьма существенных разночтениях в последнем полемическом сочинении Вассиана, изданном в свое время А. С. Павловым под названием «Того же инока пустынника Васьяна на Иосифа, игумена волоцкого, собрание от святых правил и от многих книг собрано».

Имеется четыре списка этого сочинения Вассиана Патрикеева. Три списка XVI и XVII вв. из Соловецкого собрания ГПБ и один список XVII в. Синодального собрания ГИМ. Соловецкие списки близки между собой и восходят к одному общему протографу сравнительно раннего времени — 60-х годов XVI в.

В 11-м пункте диалога этого сочинения между Вассианом и Иосифом в Соловецких списках читается следующая фраза: «А у соборных церквей и у мирских повелевают святая правила

---

[25] См.: А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 года. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов. Под ред. акад. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947, с. 121.

[26] Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель (текстологические данные). — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 153—158.

земли дръжати». В Синодальном списке та же фраза читается без союза «а» в начале и без союза «и» в середине. В 12-м пункте диалога, в ответе Вассиана, во фразе, читающейся в Соловецких списках: «. . . аз велю великому князю у монастырей села отъимати, а не у мирских церквей», в Синодальном списке союз «а» и отрицание «не» заменены союзом «и». Разночтения, казалось бы, самые незначительные, но в совокупности они коренным образом меняют весь смысл предлагаемых Вассианом реформ. В зависимости от того, какие из этих разночтений мы примем, будет находиться и все истолкование позиции Вассиана в вопросе, больше всего волновавшем общественную мысль первой половины XVI в.

Было бы абсолютно неправильно решать вопрос о первоначальности текста по старшинству или по большинству списков. В обоих этих случаях нам следовало бы отдать предпочтение варианту Соловецких списков. Текстологи XIX в. именно так бы и поступили.

Н. А. Казакова поступает иначе и начинает свой анализ с выяснения основного содержания послания. Она анализирует разночтения в тесной связи с основными положениями послания и в связи с мировоззрением Вассиана в целом. Это совершенно правильный подход. Конечно, не во всех случаях анализа разночтений он необходим, но в данном случае, когда дело идет о разночтениях, меняющих смысл произведения, такой подход единственно возможен.

Прежде всего Н. А. Казакова формулирует основные положения послания, как их можно вывести на основании Соловецких списков, с одной стороны, и Синодального — с другой:

Соловецкие списки	Синодальный список
1. Монастырям не подобает иметь села.	1. Монастырям не подобает иметь села.
2. У соборных церквей и у мирских разрешается иметь земли для удовлетворения потребностей причта, а также для нужд нищих, убогих и выкупа пленных.	2. У соборных церквей мирских разрешается иметь земли для удовлетворения потребностей причта, а также для нужд нищих, убогих и выкупа пленных.
3. Вассиан побуждал великого князя отнимать села у монастырей, а не у мирских церквей.	3. Вассиан побуждал великого князя отнимать села у монастырей и у мирских церквей.

«Согласно тексту Соловецких списков, — пишет Н. А. Казакова, — получается, что Вассиан выдвигал требование секуляризации только монастырских земель, а наличие земель у мирских церквей (обслуживаемых белым духовенством) считал соответствующим „святым правилам“ (правилам Кормчей книги). Из текста же Синодального списка следует, что Вассиан добивался секуляризации всего церковного землевладения — и монастырей и мирских церквей, делая исключение лишь для соборных мирских

церквей, при которых разрешалось иметь земли для нужд причта и благотворительных целей. Таким образом, от того, какой текст — Синодального или Соловецких списков — следует признать более близким к авторскому тексту произведения, зависит решение вопроса о масштабах секуляризации церковного землевладения, предлагавшейся Вассианом Патрикеевым».[27]

Далее Н. А. Казакова обращается к выяснению смысла терминов, употребляемых в списках этого произведения Вассиана: «соборная церковь», «мирская церковь», «соборная мирская церковь». После этого Н. А. Казакова выясняет соответствие этих разночтений всему тексту произведения. Выясняется, что в Соловецких списках соборные церкви рассматриваются как особая, отдельная от мирских категория церквей, что не соответствовало действительности. Между тем термин «соборная мирская церковь» употребляется и в других местах сочинения Вассиана во всех его списках. Текст Синодального списка ясен и логичен и не вызывает недоумений. В тексте же Соловецких списков имеются противоречия между его чтениями и остальным текстом. Наконец, чтения Синодального списка оказываются в полном единстве и с другими сочинениями Вассиана. В результате Н. А. Казакова приходит к выводу, что в вопросе о том, какие разночтения предпочесть, преимущество надо отдать не старшинству списков и не их большинству, а общему смыслу, представленному лучше Синодальным списком. В его именно вариантах и отражена авторская точка зрения. Но этого мало, Н. А. Казакова стремится выяснить и происхождение разночтений Соловецких списков. Здесь она строит гипотезу, которая также представляется вполне обоснованной. Эта гипотеза опять-таки опирается на всю историческую обстановку времени составления протографа Соловецких списков, на изменение взглядов нестяжателей в середине XVI в. и на литературную судьбу других сочинений Вассиана.

Н. А. Казакова пишет: «В протограф Соловецких списков последнего полемического сочинения Вассиана были внесены изменения, назначение которых заключалось в уменьшении размеров секуляризации, предлагавшейся Вассианом Патрикеевым. Эти изменения были произведены недостаточно умелой рукой, следствием чего явилось наличие в Соловецких списках отмеченных выше нелогичностей и смысловых искажений. . . Несомненно, что составитель протографа Соловецких списков принадлежал к нестяжательским кругам, ибо основной тезис нестяжателей о том, что монастыри не должны владеть селами, он сохранил неприкосновенным. Но в то же время он не был настроен так радикально, как Вассиан, и не разделял мнения последнего о необходимости секуляризации всего церковного землевладения. Вероятнее всего протограф Соловецких списков был составлен

[27] Там же, с. 155.

в середине XVI в., когда в связи со Стоглавым собором в русском обществе обострился интерес к судьбам монастырского землевладения. . . Но нестяжатели середины XVI в. были умереннее своего предшественника (Вассиана, — *Д. Л.*), к публицистическому наследию которого они все время обращались. Если в каноническом трактате Вассиана весь материал подчинялся задаче отрицания вотчинных прав монастырей, то в третью редакцию канонического трактата, составленную в середине XVI в., были включены правила, регулирующие монастырскую жизнь вообще,[28] результатом чего явилось смягчение заостренности произведения. Стремление „смягчить" Вассиана, сделать его более умеренным, для того чтобы иметь возможность использовать его наследие для пропаганды своих взглядов, особенно должно было проявиться при переработке последнего полемического сочинения Вассиана, содержащего радикальное требование секуляризации всего церковного землевладения. Отсюда те разночтения, которые имеются в Соловецких списках».[29] Мы не привели выше всех соображений Н. А. Казаковой. Для нас важен лишь самый ход ее рассуждений, методологически правильно построенных и привлекающих широкий круг материалов.

*

Наконец, самый сложный случай: разночтений нет, все списки дают только одно чтение, но ошибка, несообразность, логическая или историческая неувязка налицо. Можем ли мы ее признать первоначальной? Такие случаи особенно часты, когда произведение или редакция произведения представлены в одном списке или восходят к архетипу, в котором уже содержалась ошибка. Мы можем, конечно, предположить, что древнее чтение данного места этой ошибки или неувязки не содержало, но, чтобы наше предположение было убедительным, необходимо не только указазать — какое же чтение следует считать более первоначальным, но и показать, к а к м о г л а произойти ошибка. В этом последнем случае необходимо бывает привлечь данные психологии ошибок, палеографические данные, данные языка и т. д. Объяснения происхождения ошибочности того или иного текста могут быть иногда самыми неожиданными. Приведу пример.

В договоре Святослава читается следующий текст: «И хочю имети мир и свершену любовь с в с я к ы м и великим царемь грецьким». И. И. Срезневский попытался остроумно объяснить

---

[28] О каноническом трактате и о его последующем «смягчении» переписчиками см.: Н. А. К а з а к о в а. Неизданное произведение Вассиана Патрикеева. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 391—393, 414—419.

[29] Н. А. К а з а к о в а. Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель, с. 158. См. также: Н. А. К а з а к о в а. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, с. 139 и сл.

этот непонятный текст. Он предположил, что текст испорчен в результате небрежного или неумелого прочтения глаголицы, которой якобы был первоначально написан договор с Святославом. Переписчик смешал несколько сходных в глаголическом алфавите букв. Первоначально же текст этот читался так: «С Иваном великим царемь грецьким». Достоинство этого прочтения, предложенного И. И. Срезневским, в том, что для доказательства именно такого прочтения, кроме палеографических, были привлечены и исторические данные (действительно, договор Святослава был заключен с византийским императором Иоанном Цимисхием). Кроме того, предположение о том, что первоначальный текст договора Святослава был написан глаголицей, подтверждается и другими данными, обнаруженными тем же И. И. Срезневским (путаница в датах).[30] Несколько параллельных наблюдений сильно повышают нашу уверенность в правильности гипотезы И. И. Срезневского. Но гипотеза И. И. Срезневского все же остается гипотезой и вводить ее прямо в текст издания, допустим, Лаврентьевской летописи нельзя.

Невозможно предугадать все случаи, по которым текстолог устанавливает «направленность» разночтений. Текстолог должен быть своеобразным следопытом: по следам работы древнего автора, редактора, переписчика он узнает о нем самом и о характере этой работы. Самый последовательный, внимательный и опытный редактор не может убрать всех следов своей работы (если, конечно, текст достаточно велик). При этом чем обширнее тексты, с которыми имеет дело современный текстолог, тем легче установить их взаимоотношение, ибо тем больше может оказаться следов от древней редакторской работы. «Легче» — не означает, что в этом случае у текстолога будет мало работы (с крупными текстами и многочисленными списками текстологу, напротив, работы бывает очень много), но тем больше у текстолога шансов определить правильно и доказательно взаимоотношение текстов, восстановить генеалогическую картину списков и редакций.

Но самое существенное правило анализа разночтений — это правило контекста. Только контекст произведения и вся сумма разночтений могут дать представление о движении текста в целом и подтвердить правильность анализа отдельного конкретного разночтения. Приведенные выше примеры должны были подтвердить это.[31]

---

[30] И. Срезневский. Договоры с греками. — Изв. АН, ОРЯС, 1854, т. III, с. 259—295.

[31] Огромное количество примеров различного рода ошибок в латинских и греческих рукописях, ошибок, указывающих на ту или иную особенность оригиналов, с которых списывались рукописи, — собрано в обширной книге: A. C. Clark. The Descent of Manuscripts. Oxford, 1918.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВСТАВОК И ПРОПУСКОВ

Допустим, мы имеем перед собой два текста одного и того же произведения: в одном тексте есть лишние куски сравнительно с другим. Что перед нами: вставки в одном тексте или пропуски в другом? Какой текст в этой своей части первоначальнее? Вопросы эти очень существенны для определения истории текста.

В средневековой литературе, компилятивной и «сводной» в своем большинстве, не знающей современного чувства собственности по отношению к тексту, различного рода вставки и пропуски — обычное явление.

Пропуски особенно часты в связи с тем, что рукописи ветшают, часть текста становится неудобочитаемой или вовсе исчезает, листы выпадают. Особенно часты такие утраты в конце рукописи или в начале ее, если рукопись была не переплетена. Рукописи в Древней Руси хранили в ларях или на полках, но не ставили на ребро, как это делается в настоящее время, а клали их плашмя, отчего особенно часто вытирались, загрязнялись и отпадали именно последние листы.

Кроме случайных причин, действуют и не случайные. Вставки делаются для улучшения текста, для придания ему наибольшей полноты. Пропуски делаются для сокращения текста. И в случае пополнения текста, и в случае его сокращения действуют иногда идейные соображения. Редактор текста заботится об освещении событий с нужной ему точки зрения, а потому пополняет текст нужными ему вставками или сокращает то изложение событий, которое расходится с его взглядами. Чаще всего такого рода вставки и сокращения по идейным соображениям встречаются в летописи, но не лишены их и все литературные произведения Древней Руси.

Умение распознавать вставки и пропуски в тексте и умение объяснять эти вставки и пропуски (т. е. раскрыть историю того, как, когда и почему были эти изменения произведены) — особенно важно в текстологии древнерусских литературных произведений.

Разберем прежде всего вопрос с лишними кусками текста, источник которых может быть определен.

Допустим, что в одной редакции произведения есть несколько различных кусков текста, отсутствующих в другой редакции, и эти куски восходят к одному определенному произведению. Есть общий прием, по которому мы можем узнавать, имеем ли мы дело со вставками в одной редакции или с сокращениями в другой. Вставки легко могут делаться по какому-либо одному определенному источнику, но исключать из текста по признаку восхождения текста к определенному источнику гораздо труднее. Для этого древнему книжнику нужно хорошо знать источник и производить трудную филологическую работу. Не исключена при этом возмож-

ность, что какое-нибудь место из исключаемого источника он и пропустит, сохранив его в тексте, выдав тем самым свою работу. В самом деле, сокращения текста в древней русской литературе по большей части делаются по смыслу: исключаются длинноты, риторические распространения, несущественные детали или, — что бывает особенно важно для истории текста, — места, неугодные по идейным соображениям. Только в исключительно редких случаях, руководствуясь какими-то особыми соображениями, древнерусский книжник может пойти иным путем и сокращать свой текст не по содержанию, а в зависимости от происхождения отрывков, — их восхождения к определенному произведению.

Вместе с тем, наоборот, расширение текста за счет дополнительного источника производится в древнерусских рукописях постоянно. Это делается и для полноты изложения и для придания ему какой-либо определенной идейной и стилистической окраски.

Это различие в отношении к источнику, если расхождение между текстами касается многих мест, очень помогает исследователю отличить вставки в одном тексте от сокращений в другом.

Приведу следующий пример. Новгородская первая летопись в своей начальной части более кратка, чем «Повесть временных лет», хотя в основном их тексты сходны. Какой текст древнее: имеем ли мы дело с сокращениями в Новгородской первой летописи или со вставками в «Повести временных лет»?

Новгородская первая летопись не могла явиться простым сокращением «Повести временных лет»: в ней нет ни одной выписки из греческой Хроники Георгия Амартола, ни одного договора с греками и т. д. — так систематически, последовательно сокращать не могли древние летописцы; да и зачем было летописцу задаться сложной целью опустить в своем труде все заимствования из греческой Хроники Амартола, все четыре договора с греками и т. д.?

Но, кроме того, между Новгородской первой летописью и «Повестью временных лет» замечаются значительные расхождения по существу, тесно связанные с указанными памятниками. Эти расхождения опять-таки могут быть объяснены только при том предположении, что текст, лежащий в основе Новгородской первой летописи, древнее текста «Повести временных лет», а не наоборот. В самом деле, в Новгородской первой летописи рассказывается о том, что со смертью Рюрика вступил на княжеский престол его сын Игорь, у которого был воеводою Олег. В «Повести же временных лет» сказано, что Игорь, после смерти Рюрика, был малолетен и за него правил не воевода, а князь Олег. Такое различие станет нам вполне понятным, если исходить из предположения, что «Повесть временных лет» составлена после начальной части Новгородской первой летописи или после источника начальной части Новгородской летописи. Очевидно, что со-

ставитель «Повести временных лет», включая в нее договор Олега с греками 911 г., обратил внимание на то, что Олег в этом договоре выступает вполне самостоятельным князем, и соответственно этому перестроил рассказ предшествующей летописи. Если же мы предположим обратное: что «Повесть временных лет» составлена ранее начальной части Новгородской первой летописи или ее источника и что составитель последней просто сокращал «Повесть временных лет», то окажется совершенно непонятным, почему, выбросив все договоры с греками, летописец решил перевести Олега из князей в воеводы.

Текстологи XIX в., которые рассматривали работу древнерусских книжников главным образом как чисто механическую, видели в последующих редакциях простую порчу текста и не задумывались над смыслом переделок. Начальная часть Новгородской первой летописи воспринималась ими как простое сокращение «Повести временных лет». В настоящее время текстолог обязан ответить на вопросы — не только что сделано, но и при каких обстоятельствах и зачем. И как только текстолог задается этими последними двумя вопросами, он становится на правильный путь и в решении основного — первого вопроса.

Явные вставки, разрушающие логическое развитие повествования, обнаруживаются и во многих других местах «Повести временных лет». Так, например, рассказав о троекратной мести Ольги древлянам за убийство мужа — Игоря, летописец заключает: «И победиша древляны». Казалось бы, после этих слов следует ожидать сведений о той дани, которую Ольга возложила на побежденных. Но оказывается, что с древлянами не все покончено: древляне затворяются в своих городах, после чего летописец рассказывает о новой победе Ольги — о ее четвертой мести; только после этого уже следуют слова: «възложиша на ня дань тяжку». Отсюда исследователи предполагают, что рассказ о четвертой мести Ольги древлянам искусственно вставлен в летописный текст.

Другой пример вставки в «Повести временных лет»: в 971 г., видя убыль в своей дружине, князь Святослав решает вернуться из византийских пределов на Русь за новым войском: «Пойду в Русь, — говорит он, — приведу боле дружины». И он действительно исполняет свое решение: «. . . поиде в лодьях к порогом». Однако между рассказом о решении и рассказом об исполнении этого решения находится повествование о заключении Святославом мира с греками и обширный текст договора. Естественно предположить, что и здесь мы имеем дело со вставкой.

Наши предположения обращаются в уверенность, когда обнаруженных нами вставок мы действительно не найдем в тексте, восходящем к летописному своду более древнему, чем «Повесть временных лет». В самом деле, в начале списков Новгородской

первой летописи мы читаем текст, частично сходный, а частично различный с «Повестью временных лет». Исследуя этот текст, А. А. Шахматов пришел, как известно, к выводу, что в нем сохранились отрывки более древней летописи, чем «Повесть временных лет», — так называемого Начального киевского свода. В этом более древнем тексте нет как раз тех мест, в которых мы предположили выше вставки, сделанные позднее. Так, в Новгородской первой летописи отсутствует рассказ о четвертой мести Ольги древлянам и действие разворачивается вполне логически, именно так, как по нашим предположениям оно должно было разворачиваться в первоначальном летописном рассказе: Ольга «победиша древляны и возложиша на них дань тяжку». Так же точно отсутствует в Новгородской первой летописи и договор Святослава с греками, который, как указывалось выше, разорвал фразу: «И рече: поиду в Русь и приведу больши дружине; и поиде в лодьях».

Когда в одной редакции произведения имеется какой-либо отрывок, а в другой его нет, мы может предполагать два варианта истории текста: либо одна редакция вставила этот отрывок, либо другая редакция его исключила. Решить вопрос этот можно разными способами, но всегда надо обращать внимание на два обстоятельства; первое: какой текст логичнее — с отрывком или без этого отрывка, нет ли следов в одном из текстов вставки или исключения (вторичность текста так или иначе дает себя знать, а первичный текст частично обнаруживается во вторичном); второе: необходимо сообразовать вопрос о вставке или исключении того или иного отрывка с историей текста всего произведения. Возвращаясь к вопросу о вставках в «Повести временных лет», убеждаемся, что это именно вставки в «Повести временных лет», а не пропуски из Новгородской первой летописи, о чем свидетельствуют оба признака: логичность повествования в Новгородской первой и история текста Новгородской первой.

Бóльшая логичность повествования в одном тексте и меньшая его логичность в другом получают полную убедительность, если они сопровождаются еще дополнительными данными грамматическими и стилистическими. Например, если вставка или исключение текста нарушают грамматическую связанность изложения и его стилистическую законченность. Надо при этом иметь в виду, что вставка или исключение отрывка ведут к совершенно различным нарушениям грамматики и стиля и поэтому легко узнаются.

При решении вопроса о том, какой текст первичный, а какой вторичный, необходимо внимательно следить — не осталось ли во вторичном тексте каких-либо следов текста первичного. Следы эти могут быть в синтаксисе, в морфологии, в стиле, в простой последовательности изложения. Так, в рассказе «Повести временных лет» о походе Владимира Ярославича на Царьград есть такая фраза: «И поиде Володимер в лодьях, и придоша в Дунай, и пои-

доша к Цесарюграду». Представляется неясным, почему «Повесть временных лет» отметила промежуточный этап похода — Дунай, не сообщив об остановке там никаких сведений. Однако в некоторых новгородских летописях рассказ о походе Владимира Ярославича читается с подробностями, которых в «Повести временных лет» нет. Оказывается, что с остановкой в устье Дуная были связаны важные события: «И поиде Владимер на Царьград в лодиях. И прошедше порогы, и приидоша к Дунаю, рекоша Русь Владимиру: „Станем зде на поле"; а варязи ркоша: „Поидем под город". И послуша Владимир варяг и от Дуная поиде к Царюграду с вои по морю». Результатом того, что Владимир послушался не Русь, а варягов, явилось поражение Владимира. Оба текста сходны. Несомненно, что либо в новгородских летописях вставка, либо в «Повести временных лет» сокращение. Вероятнее последнее, так как в сокращении «Повести» остался след: остановка на Дунае, о которой больше ничего не сказано.

Но для того чтобы гипотеза была наиболее вероятной, надо указать и причину, по которой в «Повести временных лет» было произведено сокращение. Можно думать, что причина в следующем. В сокращенном месте Русь противопоставлена варягам, при этом вина за поражение возложена на варягов. Автор «Повести временных лет», по-видимому, пожелал убрать это противопоставление Руси варягам, противоречившее его концепции происхождения Руси от варягов.[32]

Приведу еще один пример.

В вводной части «Повести временных лет» после рассказа о нравах различных народов неожиданно идет следующий текст: «По сих же летех, по смерти братье сея быша обидимы древлями инеми околними». Затем следует рассказ о хазарах и сборе дани с полян по мечу от дыма. Однако совершенно неясно — кто эта «братья сея». Только перевернув назад несколько листов текста, мы находим рассказ об основании Киева Кием, Щеком и Хоривом, которых летописец зовет «сей братией» («И по сих братьи держати почаша род их княженье в полях»). Совершенно очевидно, что фраза «По сих же летех, по смерти братье сея. . .» шла непосредственно после рассказа об основании Киева. Именно такой текст мы и находим в начальной части Новгородской первой летописи, в которой, по гипотезе А. А. Шахматова, читается текст более древний, чем «Повесть временных лет». Текст Новгородской первой летописи окончательно доказывает, что перед нами в рассказе о нравах различных народов вставка разорвавшая первоначально связный текст.

Иногда вставку удается обнаружить без помощи параллельного текста.

---

[32] Повесть временных лет, т. II. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева, с. 238—244 и 378.

Характерная вставка замечена А. А. Шахматовым [33] в рассказе Лаврентьевской летописи 1231 г. Здесь мы находим следы двух летописных источников: один источник говорит: «. . . не токмо бо словом уча, но и делом кажа и вся приходящая удивлеся, князя же и велможе, всяку въздрасть града Ростова». Этот источник разорван вставкой после слова «кажа». Вставка эта следующего содержания: «Того же лета родися Василку сын, месяца иуля в 24 день, в праздник святою мученику Бориса и Глеба, и наречено бысть имя ему Борис». Разъединить эти два текста так, как это сделано выше, не представляет никакого труда.

Добавления идеологического характера бывают иногда очень любопытны. Так, например, автор одной из редакций жития князей-братьев Константина и Василия Всеволодовичей монах Пахомий к рассказу об гибели Батыя от войск Владислава добавил, что Батый погиб от болгар, литвы и славян. Сделав такое разъяснение и объединив таким образом в борьбе за национальное освобождение эти народы, Пахомий добавил и местное предание, что Батый был русский, ярославец, из села Черемхи, и пришел под Ярославль отыскивать своего отца. Предание это получило некоторое распространение в хронографах XVII в. и, очевидно, отвечало каким-то своеобразным национальным чувствам составителей предания и интересовавшихся им древнерусских книжников.

*

Остановимся еще на одной вставке, в объяснение которой было высказано много интересных соображений: на вставке сочинений Владимира Мономаха (его «Поучения», летописи его походов и охот и письма к Олегу Святославичу) в «Повесть временных лет». То, что перед нами вставка, не подлежит никакому сомнению. Сочинения Мономаха разрывают связный текст летописной статьи 1096 г. Они искусственно вставлены между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. Приведу полностью тот текст, в который вставлены сочинения Мономаха. Говоря о страшном нападении половцев на Киево-Печерский монастырь, летопись дает объяснение их происхождению: «Ищьли бо суть си от пустыня Етривьскыя, межю встокомь и севером; ищьли же суть их колен 4: торкмене, и печенези, торци, половци. Мефодий же сведетельствуеть о них, яко 8 колен пробегли суть, егда исече Гедеон, да 8 их бежа в пустыню, а 4 исече. Друзии же глаголють: сыны Амоновы; се же несть тако: сынове бо Моавли хвалиси, а сынове Аммонови болгаре, а срацини от Измаиля творятся Сарини, и прозваша имя собе саракыне, рекше: сарини есмы. Тем же хвалиси и болгаре суть от дочерю Лотову, иже зачаста от отца своего, темь же нечисто

[33] А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной», с. 113.

есть племя их. А Измаиль роди 12 сына, от них же суть торкмени, и печенези, и торци, и кумани, рекше половци, иже исходять от пустыне. И по сих 8 колен, г кончине века изидуть заклепани в горе Александром Македоньскым нечистыя человекы. (*(Здесь в Лаврентьевской летописи вставлены сочинения Владимира Мономаха)*. Се же хощю сказати, яже слышах преже сих 4 лет, яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородець, глаголя сице, яко „Послах отрок свой в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедшю отроку моему к ним, а оттуду иде в Югру; югра же людье есть язык нем, и соседять с самоядью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: «Дивьно мы находихом чюдо, его же несмы слышали преже сих лет, се же третьее лето поча быти; суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тех кличь велик и говор, и секуть гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не разумети языку их, но кажють на железо, и помавають рукою, просяще железа; и аще кто дасть им ножь ли, ли секиру, и они дають скорою противу. Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом, тем же не доходим их всегда; есть же и подаль на полунощии»“. Мне же рекшю к Гюряте: „Си суть людье заклепении Александром, македоньскым царемь“, якоже сказаеть о них Мефодий Патарийский, глаголя: „Александр, царь макидоньский, взыде на всточныя страны до моря, наричемое Солнче место, и виде ту человекы нечистыя от племене Афетова, их же нечистоту видев: ядяху скверну всяку, комары, и мухы, коткы, змие, и мертвець не погребаху, но ядяху, и женьскыя изворогы и скоты вся нечистыя. То видев, Александр убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна их на полунощныя страны в горы высокия; и богу повелевшю, сступишася о них горы великия, токмо не ступишася о них горы на 12 локот, и ту створишася врата медяна, и помазашася синклитом; и аще хотять взяти, не възмогуть, ни огнем могуть ижещи; вещь бо синклитова сица есть: ни огнь можеть вжещи его, ни железо его приметь. В последняя же дни по сих изидуть 8 колен от пустыня Етривьскыя, изидуть и си скверении языкы, иже суть в горах полунощных, по повеленью божию“».

Нетрудно убедиться, что в Лаврентьевской летописи сочинения Владимира Мономаха разрывают вполне связное рассуждение летописца о различных народах, которые, по откровению Мефодия Патарского, заключены в «пустыне Етривьской»: едина тема рассуждений летописца, едины источники этого рассуждения и т. д. Но окончательно убеждает, что перед нами вставка, то обстоятельство, что во всех остальных списках «Повести временных лет», кроме, следовательно, Лаврентьевской летописи, вставки сочинений Владимира Мономаха нет и весь текст читается как единый. Как единый читается текст летописной статьи 1096 г. в Ипатьевской летописи, Радзивиловской и др.

Почему же произошла вставка сочинений Владимира Мономаха в летописную статью 1096 г. Лаврентьевской летописи? Вопрос этот чрезвычайно важен для понимания Лаврентьевской летописи как литературного памятника и для понимания отношения к сочинениям Владимира Мономаха в нашей древности. Он чрезвычайно важен и в связи с тем, что в Лаврентьевской летописи мы имеем единственный список сочинений Мономаха. Следовательно, вопрос о вставке есть вопрос, касающийся истории текста единственного списка одного из самых замечательных собраний произведений древнерусского автора.

А. А. Шахматов дает следующее объяснение, почему «Поучение» было вставлено в Лаврентьевскую летопись в середину статьи 1096 г. В «Поучение» вставлена летопись походов Мономаха, очевидно им составленная. Эта летопись доведена до похода Владимира Мономаха на Ярослава Святополчича, а поход этот относится к 1117 г. Отсюда ясно, что «Поучение» не могло быть вставлено в летопись ранее этого года. «Поучение» доведено (в части этой летописи) до того же года, что и третья редакция «Повести временных лет» 1118 г. По-видимому, предполагает А. А. Шахматов, «Поучение» попало в Лаврентьевскую летопись именно из этой третьей редакции «Повести временных лет».

Как известно из работ А. А. Шахматова, текст Лаврентьевской летописи представляет собой соединение второй редакции «Повести временных лет» с третьей редакцией Мстислава Владимировича, старшего сына Мономаха, к которому, как к наследнику киевского стола (в 1118 г. Мстислав был вызван Мономахом из Новгорода и сел в Переяславле Южном, готовясь занять киевский стол по смерти отца) и было прежде всего обращено «Поучение». Почему же «Поучение» было перенесено именно сюда, под 1096 г.? На это А. А. Шахматов отвечает следующим образом. Рассуждение о происхождении половцев принадлежит второй редакции «Повести временных лет» а беседа с Гюрятой Роговичем — третьей. «Для нас ясно, что, обрабатывая текст Владимирского свода 1185 г., Лаврентий (или его предшественник, если летопись только списана, а не скомпилирована Лаврентием) сделал после слов „и по сих 8 колен г кончине века изидуть заклепани в горе Александром Македоньскым нечистыя человекы“ известного рода отметку (напр.: слово «зри») для указания, что в этом месте должна быть сделана вставка из другого источника. Переписчик, дойдя до указанного знака, нашел соответствующий знак (тоже «зри») при двух статьях вспомогательного источника (А. А. Шахматов предполагает, что им был Владимирский полихрон начала XIV в., свод гипотетически им предполагаемый, представлявший третью редакцию «Повести временных лет», — *Д. Л.*): при „Поучении“ Мономаха, которое Лаврентий предполагал также включить в свой свод, но, очевидно, под другим годом, и при статье, излагавшей беседу летописца с Гюрятой Роговичем. Не сообразив, что знак при

статье 6604 (1096) г. относится именно только ко второму месту, Лаврентий или другой переписчик ошибочно списал вместо второй статьи „Поучение“ Мономаха, после чего исправил свою ошибку, переписав за „Поучением“ и приложенными к нему документами статью, содержащую беседу летописца с новгородцем Гюрятой».[34]

Менее сложное объяснение того, почему «Поучение» Владимира Мономаха попало в это случайное место Лаврентьевской летописи, дает М. Д. Приселков в своей статье «История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий»: [35] «В своем послесловии Лаврентий. . ., называя свой оригинал „Летописцем“, утверждает, что этот „Летописец“ к его времени работы представлял собою ветхую книгу, что, как полагал Лаврентий, и привело к тому, что в его копии с этого „Летописца“ можно встретить теперь как описки, так и переписки с недописками. К тому же он, Лаврентий, как молодой и неопытный переписчик, не всегда мог справиться с своею задачей удовлетворительно: „занеже книгы ветшаны, а ум — молод, не дошел“. Действительно, можно думать, что в работе Лаврентия встречаются все указанные им промахи его переписки, из которых мы на первом месте поставим его недописки, т. е. оставленные им пустые места в строках, где, конечно, размер незаполненных буквами пространств строки соответствует количеству не прочитанных Лаврентием букв в протографе. Из таких теперь для нас самых досадных недописок Лаврентия на первом месте надо, конечно, поставить те $4^1/_2$ строки, которые находятся после первых строк „Поучения“ Владимира Мономаха (оно дошло до нас только в Лаврентьевской летописи). Протограф Лаврентьевской летописи был, как говорит Лаврентий, уже настолько обветшалою книгою, что не везде ее текст легко прочитывался переписчиком. Иногда переписчик все же, несмотря на неясность, прочитывал текст, подлежащий переписке; но сам же находил полученное им чтение подозрительным и непонятным, тогда он такое полученное чтение отделял от соседних слов точками. . .

Но почему же так случилось, что в „Поучении“ Лаврентий прямо оставил пустыми $4^1/_2$ строки, не дав никакой попытки своего прочтения? Ответ, очевидно, будет тот, что в своей ветхой книге, подлежащей переписке, Лаврентий в этих $4^1/_2$ строках, как и в ряде других мест. . ., ничего даже приблизительно восстановить прочтением не мог. Но как же получилось, что именно здесь, в начале текста „Поучения“, оказались столь загрязненные или столь сильно стертые строки? Давно уже определено, что так называемое „Поучение“ Владимира Мономаха представляет собою три само-

---

[34] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 23—24.

[35] М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1939, т. XIX.

стоятельных, отдельных произведения этого автора: в начале поучение детям (без окончания), затем письмо Мономаха двоюродному брату Олегу (оно без начала) и, наконец, текст культового содержания (молитва, — *Д. Л.*), вероятно, пера того же автора.[35а] Также давно установлено, что дефектная группа листов, содержащая все три произведения Мономаха, попала у Лаврентия или в его протографе не на свое место: ведь текст этих произведений Мономаха разрывает собою текст летописного повествования 1096 г. и при удалении из настоящего его места „Поучения" разорванный им текст летописного повествования 1096 г. благополучно смыкается во вполне последовательный и связный рассказ... Лаврентий получил для переписки книгу, в которой эти листы находились уже не на месте. В самом деле, неужели Лаврентий, располагай он возможностью переставлять листы переписываемой ветхой книги, не смог бы найти для них более подходящего места, чем занимаемое ими теперь, например, хотя бы в конце изложения любого года? Но вполне своевременно спросить себя, где же было надлежащее место для этих листов в той книге, которую переписывал Лаврентий? Поскольку это, так сказать, собрание сочинений Владимира Мономаха невозможно связать ни с каким местом Лаврентьевского летописного текста, внутрь которого оно теперь попало, т. е. связать так, чтобы это не вызывало сомнений, постольку правильнее всего будет предположить, что это собрание Мономаховых сочинений или предшествовало, или последовало летописному тексту в целом.

Из этих двух предположений склониться к первому побуждает нас именно известное уже нам неудовлетворительное для прочтения состояние первого листа „Поучения", на котором на лицевой его стороне было $4^1/_2$ стертых или загрязненных строк, которые не мог воспроизвести нам Лаврентий. В самом деле, если мы предположим, что ветхая книга „Летописец", которую переписывал Лаврентий, была лишена переплета, то первый ее лист от держанья рукою мог легко пострадать, так как на лицевую его сторону (ближе к верху) постоянно должен был нажимать большой палец левой руки читателя, наводившего справку или читавшего летописный текст, т. е. переворачивавшего листы книги своею правою рукою.

Наше предположение о том, что „Поучение" и другие сочинения Мономаха находились при данном летописном тексте в его начале, едва ли представляет собою предположение произвольное. Надо припомнить, что в начале Лаврентьевского текста читается „Повесть временных лет", в своей основе представляющая редакцию Сильвестра, предпринятую по поручению Мономаха. Эту Сильвестровскую редакцию „Повести временных лет" вместе с сочинениями Владимира Мономаха естественно встретить в лето-

[35а] Сейчас доказано, что Молитва не принадлежит Мономаху.

писной традиции Переяславской (Южного Переяславля) епископии, куда епископом был назначен Сильвестр в 1119 г. Владимиром Мономахом и откуда, как мы знаем, летописатели Владимира Суздальского в XII и XIII вв. привлекли летописные тексты для пополнения своих материалов повествованием о делах юга или „Русской земли“. Когда в непереплетенной книге теперь отрываются первые или последние листы, то обычно, особенно когда заметят, что некоторые из отделившихся от книги листов уже утрачены, — желая оберечь от утраты еще остающиеся, их вкладывают в книгу, в случайное, так сказать, место. Так было и с рукописными, конечно, книгами в древности. Так случилось и с первыми оторвавшимися листами того ветхого „Летописца“, который копировал Лаврентий. Какой-то читатель этой ветхой книги, до того как Лаврентий приступил к ее копировке, заметил, что некоторые листы из оторвавшихся от книги листов уже утрачены (вспомним, что теперь нет окончания „Поучения“ и начала письма Мономаха к Олегу), желая оберечь от дальнейшей утраты уцелевшие листы, вложил их в случайно открытое место книги. Лаврентий только копировал данную ему книгу; он так и переписал текст, как лежали в книге листы».[36]

Несмотря на всю зрительную отчетливость и почти ощутимость восстановленной М. Д. Приселковым картины того, как попало «Поучение» Мономаха в середину статьи 1096 г., она все же вызывает серьезные возражения. Неясно, во-первых, почему в начале того «ветхого Летописца», с которого переписывал Лаврентий, оторвались ровно те листы, на которых находились сочинения Мономаха, при этом не захватив текста «Повести временных лет» или не отдав ей части своего текста? Во-вторых, неясно, как мог Лаврентий не заметить, что он имеет дело со случайно вложенными в рукопись листами? Ведь этих листов было немало, и первый из них, по словам самого же М. Д. Приселкова, выделялся своею истрепанностью.

В. Л. Комарович бесспорно установил, что Лаврентий не был простым копиистом, что он внимательно отнесся к тексту своего оригинала, внеся в него важные исправления, касавшиеся основателя его монастыря и его города (Нижнего Новгорода) Юрия Всеволодовича Владимирского.[37] Предполагаю, что место, занимаемое сочинениями Мономаха в «Повести временных лет», не случайное. Пытаясь установить время, под которым должно быть помещено «Поучение», Лаврентий или его предшественник мог определить дату одного из сочинений Мономаха — его письма к Олегу, которое к тому же могло быть и датировано.[38] Летописец и вставил

[36] Там же, с. 186—188.

[37] История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 90—96. См. также: Г. М. П р о х о р о в. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 77—98.

[38] О том, что письмо Мономаха к Олегу написано в 1096 г., см.: И. М. И в а к и н. Князь Владимир Мономах и его Поучение, ч. I. М., 1901.

поэтому сочинения Мономаха под 1096 г. Он сделал это тоже не в случайном месте, а там, где был сходный материал общих рассуждений. Он вставил сочинение Мономаха при переходе от одного рассуждения к другому, хотя и разорвав их между собой, но не повредив ни одного. Сочинения Мономаха могли находиться и в начале «ветхого Летописца», но скорее всего они представляли собою отдельную тетрадь. Попасть в приблизительно верное для своего нахождения место они, конечно, случайно не могли.

Также не случайным считает местонахождение «Поучения» под 1096 г. и Л. В. Черепнин. По мнению Л. В. Черепнина, «Поучение» было вставлено в третью редакцию «Повести временных лет» и тесно связано с задачами этой третьей редакции: рассмотреть под новым углом зрения после ликвидации усобицы, которую начал Ярослав Святополкович, взаимоотношения между Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем. По своему содержанию и «Поучение», и письмо Мономаха к Олегу очень точно отвечали тем политическим задачам, которые стояли в 1118 г. перед составителем третьей редакции «Повести временных лет». Помещенное перед описанием Любечского съезда и событий княжеской борьбы того времени, «Поучение» позволяло Мономаху политически осветить весь этот узел событий.[39]

Я привел примеры различных объяснений вставки «Поучения» Владимира Мономаха, чтобы продемонстрировать то соревнование в конкретности и наглядности объяснений, в которое вступают исследователи, чтобы наиболее убедительно объяснить то или иное текстологическое явление. К объяснению привлекается все, начиная от пятна, образовавшегося на рукописи и в результате надавливания на нее большим пальцем левой руки, и кончая вопросами большой политики своего времени. Наибольшая конкретность объяснения, его наглядность, представимость — вот к чему постоянно и неизменно стремится текстолог. Приведенные примеры еще раз убеждают в том, что текстология изучает прежде всего людей, которые имели отношение к тексту; через текст текстолог стремится увидеть книжников, его писавших, их воззрения, их обыкновения, их жизнь, отразившуюся в рукописях. Лучший текстолог тот, который умеет наиболее ясно воспроизвести в своем воображении эту минувшую жизнь по самым, казалось бы, ничтожным данным, связать все изменения в тексте с этой жизнью.

*

Наконец, остановимся на еще одном виде вставок, особенно часто встречающихся в древних текстах, — глоссах и интерполяциях. Глоссами называются небольшие вставки, вводимые в текст переписчиками и редакторами с целью разъяснения какого-либо

[39] Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет». — Исторические записки, № 25. М., 1948, с. 319—321.

места текста, поновления его смысла, раскрытия содержания. Графически с текстом глоссы не сливаются (см. выше, с. 87—90). Глоссы вызываются часто домыслами книжников, их желанием сделать текст более полным или просто стремлением выказать свою ученость. Иногда глоссы пишутся сперва на полях рукописи и только при последующей переписке вносятся в текст писцами. В последнем случае глосса становится интерполяцией. Так, в тексте Хронографа редакции 1617 г. читается более 90 глосс, некоторые из них довольно пространные. В старших списках глоссы, как правило, читаются на полях, в других же — вносятся в текст, но выделяются киноварью. Однако встречаются списки, где внесенные в текст глоссы (интерполяции) никак не обозначены и совершенно сливаются с остальным текстом. В конце прошлого века епископ Амфилохий принял эти традиционные глоссы за «примечания», сделанные Димитрием Ростовским, и на этом основании издал принадлежавший тому список хронографа.[40] Иногда глосса и интерполяция возникают как реакция переписчика на порчу текста: переписчик разъясняет место, оказавшееся непонятным из-за пропуска или ошибки его предшественника.

В первом издании «Слова о полку Игореве» и в копии с рукописи «Слова», сделанной для Екатерины II, имеется, например, глосса, сделанная первыми издателями и исследователями «Слова»; она отмечена скобками: «Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку».[41]

Глоссы и интерполяции писца часто дают основание для датировки списка или одного из его протографов. Так, в Виленском хронографе (рукопись № 109 (147) собрания Библиотеки Академии наук Литовской ССР в г. Вильнюсе) на л. 631 после рассказа о том, как в Иерусалиме вместо низвергнутого зилотами главы иудейской иерархии был поставлен первосвященник из простых жителей села, западнорусский переписчик добавляет от себя: «Как то и в нас ставять митрополита по своей воли, а не по правилам святых отьць, вчера с псы по полю за заецом, а ныне святительская съвершаеть, а не тако, как святый Василие говорить: дондеже все степени священническыя проидеть, тогда святитьль бываеть». Исследователь этой рукописи Н. А. Мещерский пишет по поводу этой вставки: «. . . в ней без сомнения содержится намек на какие-то злободневные события, живо волновавшие как самого переписчика рукописи, так и его западнорусских современников. Очень возможно, что приписка имеет в виду поставление в западнорусские киевские митрополиты Сильвестра Белькевича (Велькевича), ко-

[40] Летописец, списанный св. Дмитрием в Украйне с готового 2-й редакции до 1617 г. с его примечаниями по полям. . . Издание Амфилохия епископа Угличского. М., 1892. См.: О. В. Творогов. О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 163.

[41] Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960, с. 258.

торый в 1556 г., не проходя низших степеней, был возведен прямо в сан митрополита из мирян. До этого он был виленским подскарбием. В 1555 г. он подписывал официальные грамоты как „Степан Петрович, нареченный в митрополиты“, а в следующем году уже как „митрополит киевский и галицкий Сильвестр“.[42] Если так, то дату переписки Виленского хронографа можно уточнить до одного года и именно отнести к 1556 г., вообще же безусловно к эпохе не позднее 50-х годов XVI в.».[43]

*

Иногда пропуск в тексте обнаруживается потому, что на пропущенное место имеются ссылки в других частях текста. Так, например, в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку имеется под 1089 г. следующее место: «В се лето иде Янъка *в Грекы, дщи* [44] Всеволожа, реченая преже», но нигде раньше в Лаврентьевской летописи о ней не говорится. Однако в Ипатьевской летописи есть и этот текст, и другой под 1086 г.: «Всеволод заложи церковь святаго Андрея, при Иване преподобномь митрополите; створи у церкви тоя манастырь, в нем же постри̇жеся дщи его девою, именемь Янька. *Єиа же Янка*,[45] совокупивши черноризици многи, пребываше с ними по манастырьскому чину». Совершенно ясно, что не Ипатьевская летопись вставила этот текст, а Лаврентьевская его исключила. В протографе Лаврентьевской летописи он должен был читаться, поскольку на него имеется ссылка в самой Лаврентьевской летописи.

УСТАНОВЛЕНИЕ КОПИИ

Всякий список произведения является либо простой копией с недошедшего до нас оригинала, либо списком переработанным (сознательно или случайно). Если список представляет собой простую копию (копию, имеющую лишь случайные искажения) с дошедшего оригинала, текстологическое значение списка в какой-то мере утрачивается. При наличии оригинала текстолог

---

[42] См.: Макарий. История русской церкви, т. IX, ч. IV, с. 329. — В примеч. 339 автор приводит ссылку на Виленский археографический сборник, № 17, и Собрание грамот Минской губернии, № 16. (*Примечание Н. А. Мещерского*).

[43] Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 28.

[44] Текст, выделенный курсивом, в Лаврентьевской летописи не читается: он взят из Радзивиловской летописи и Московско-академического списка.

[45] Текст, выделенный курсивом, читается в Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи.

может отбросить из рассмотрения его копию: для установления истории текста она ничего не даст. Мало что дает и копия с копии дошедшего оригинала. Во всех этих случаях исключение копии из рассмотрения или из привлечения ее для подведения разночтений должно быть подробно обосновано. Однако простая копия может иметь значение для определения распространенности произведения в то или иное время в той или иной местности. Кроме того, копия с дошедшего оригинала имеет значение тогда, когда уже после снятия копии в оригинале произошли различные утраты и порчи. Тот же смысл имеют, например, и снятые фотографии с рукописей. Иногда в копиях и фотографиях сохраняется тот текст, который в настоящее время уже невозможно прочесть. Так, например, Горюшкинский список Псковской летописи (ГПБ, Г. IV, № 602) представляет собой копию с Бальзеровского списка (ЛОИИ, № 23), снятую тогда, когда Бальзеровский список не был еще попорчен и сохранял часть текста, ныне утраченную.[46] Бывают случаи, что повреждения наносятся рукописи в момент снятия копии. Так, например, когда Петр I проезжал через Кенигсберг, он ознакомился с хранившейся тогда в городской библиотеке знаменитой Кенигсбергской, или Радзиволовской, летописью и заказал сделать с нее копию. Копия эта, стоившая, как известно, немало денег, сделана была весьма грубо. В частности, миниатюры копировались в ней путем сколков, т. е. контуры рисунка прокалывались на лист копии иглами. В результате один из рисунков Кенигсбергской летописи был настолько поврежден, что часть его вывалилась и была утрачена (в сцене «примучивания», притеснения дулебских женщин обрами). Эту утраченную часть миниатюры в настоящее время мы знаем по ее копии. Копия помогает представить себе утраченную часть оригинала.

Значение копий для определения состояния оригинала в момент снятия копии может быть показано и на другом примере. В 1740 г. В. Н. Татищев прислал в Академию наук «для напечатания» рукопись «древних законов» — «Русскую Правду», «Судебник» 1550 г. и дополнительные к последнему указы. Рукопись эта сохранилась (БАН, 16.14.9), она полна поправок. Поправки внесены рукой В. Н. Татищева и производят впечатление сделанных одновременно. Однако с рукописи этой были сделаны в разное время копии, и эти копии помогли установить, что поправки делались В. Н. Татищевым в два приема. Одна копия была снята с рукописи еще до того, как в нее были внесены поправки (рукопись из собрания В. Ф. Груздева — сейчас в собрании акад. М. Н. Тихомирова). Первая правка отразилась в списках Ворон-

---

[46] Об этом см., например: ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 27; Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, с. LX.

цовском, Мясниковском, Погодинском и Эрмитажном. После вторичной правки с Татищевской рукописи 1740 г. была снята еще одна копия — Карамзинский список.[47]

*

Установить, что один список является копией другого, бывает трудно. Да и явление это редкое. Случается, впрочем, что в списках, вышедших из одного и того же скриптория, например Соловецкого, мы можем заметить общую традицию (см., например, Соловецкие списки сочинений Вассиана Патрикеева),[48] но и в этих случаях копии с дошедших списков — явление не частое. Обстоятельство это, кстати, наглядно демонстрирует нам, какое огромное число списков любого произведения оказалось утраченным.[49]

Для того чтобы установить, что тот или иной список является копией с другого, дошедшего до нас, необходимо показать не только близость списков (любая степень близости может переходить через список или даже через два списка), но что случайные, чисто индивидуальные особенности оригинала отразились в копии. Например, случайное начертание той или иной буквы в оригинале привело к ошибке в копии, утрата части рукописи оригинала привела к пропуску в копии, случайная вставка, сделанная на полях в оригинале, проникла в копию и т. д. Если таких примеров будет несколько и не будет ни одного противоречащего факта, то можно думать, что перед нами оригинал и копия с него.

Приведу пример. Списки Еллинского и Римского летописца второй редакции из собрания БАН АН СССР (33.8.13) и список ГБЛ, собр. Пискарева, № 162 (бывший Румянцевского собрания, № 597; в дальнейшем *Р*) весьма близки между собой. Просматривая немногие случаи расхождений обоих списков, заметим, что почти всегда более правильное чтение дает список *БАН*. Например, в списке *БАН* «Поусании» (л. 9 об., первый столбец), а в списке *Р* «Усаніи»; в списке *БАН*: «они ж рѣша; не вѣмы. . .»; а в списке *Р*: «они ж рѣша; и свѣмы. . .»; в статье «О птицах» в списке *Р* пропуск слов: «зело егда како изьедят ны, и абие тѣкохомь на ня», имеющийся и в *БАН* (л. 35, первый столбец); в списке

---

[47] Г. Л. Гейерманс. Татищевские списки Русской Правды. — Проблемы источниковедения, т. III. М.—Л., 1940; С. Н. Валк. Татищевские списки Русской Правды. — Материалы по истории СССР, вып. V. М., 1958, с. 610—613.

[48] Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, с. 140 и сл.

[49] Н. Ф. Лавров в работе о Никоновской летописи привел доказательства того, что Кирилло-Белозерский список второго Воскресенского списка является копией со списка Кирилло-Белозерского первого, выполненной в пределах того же Кирилло-Белозерского скриптория (Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. — Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии, I (XXXIV). Л., 1927, с. 76 и сл.).

БАН «повѣле въемъ» (л. 39 об., первый столбец), а в списке *Р* «повелевъ ему»; в списке *БАН* «кругла» (л. 62, второй столбец), а в списке *Р* «другла» и т. д. Нетрудно заметить, что многие из ошибок списка *Р* объясняются индивидуальными особенностями списка *БАН*. Так, например, в списке *Р* в тексте «Александрии» (II. 10)[50] пропущены слова: «ти я моуками, чада бо соуть». В списке *БАН* эти слова (л. 24 об., второй столбец) как раз занимают строку:

. . . . . . подобает же ти
моих нещадити, нъ озлоби
ти я моуками. чада бо соуть
ратных. ни милуя бо их обря
щеши мя друга . . . .

Другой пример: в списке *БАН* в киноварном заголовке «И пс вѣлѣние написав сице» (л. 31, второй столбец) слово «сице» пропущено и написано на полях с прописной буквы без указания места, в которое его следует вставить; в списке же *Р* это «сице» попало не на место: «Сице и повѣлѣние написав».

Нередко переписчик *Р* принимал высокое «ъ» списка *БАН* за «ѣ»: ср. в списке *БАН* «кръмимъ» (л. 5 об., второй столбец), а в списке *Р* «крѣмимъ». «Горъгнемь» списка *БАН* (л. 29 об., первый столбец) передано в списке *Р* как бессмысленное «горѣгнемь» (переделано затем в «горъгнемь») и т. д.

Приведенные примеры говорят за то, что список *Р* является копией списка *БАН*, либо списка, настолько близкого к нему, что он имел даже те же графические особенности.[51]

Другой пример обнаружения копии с оригинала может быть извлечен из исследования псковских летописей А. Н. Насонова.

А. Н. Насонов пишет: «Всматриваясь в искажения, сделанные составителем Эрм. списка (т. е. Эрмитажного списка Псковской летописи № 22 Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, — *Д. Л.*), видим, что большинство их объясняется тем или иным начертанием Архивского списка (т. е. рукописи Псковской летописи б. Моск. архива Мин. ин. дел № 69/92 (90) ЦГАДА, — *Д. Л.*), что также служит доказательством того, что Эрм. список — копия не с протографа Архивского, а с самого Архивского списка: так, в словах „по лицу“ в Арх. списке буква „ц“ написана так, что ее можно принять и за „в“ и за „д“ (отсюда в Эрм. списке «по лиду» вместо «по лицу», — *Д. Л.*); в Эрмитажном списке вместо „а велневицы изымаеве“ читаем: „а велневиды изымаеве“; объясняется это тем, что в Арх. списке два начертания буквы „ц“, причем в одном — буква „ц“ сходна с „д“; последнее имеется в данном слове; кроме того, в начертании буква „в“ во втором слове приведенной

---

[50] В. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 171.

[51] См.: Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948.

фразы отличается от „д“ только длиной линии, составляющей основание этой буквы. В слове „побѣже“ в Арх. списке последняя буква — „ж“ — над строкой; в Эрм. списке передано: „побѣжъ“; в фразе „імъ ж[е] нѣсть числа“ в Арх. списке „ж“ над строкой, а „ъ“ написан так, как в прошлом столетии писали „ѣ“; отсюда искажение переписчика Эрм. списка: „и мѣжъ нѣсть числа“, и т. п. Равным образом начертанием Арх. рукописи объясняется и превращение „о[у]н верстою“ в „ондерстою“».[52]

Почти такие же наблюдения над начертаниями отдельных букв в оригинале, приведшими к ошибкам в копии, сообщает в своей работе о Никоновской летописи и С. Ф. Платонов. На этих и сходных наблюдениях обосновывает С. Ф. Платонов то наблюдение, что Патриарший список Никоновской летописи является копией со списка Оболенского. С. Ф. Платонов пишет: «Случайное сплетение штрихов буквы „S“ и буквы „ѿ“ в списке *О* (Оболенского, — *Д. Л.*) дало повод писавшему текст списка *П* (Патриаршего, — *Д. Л.*) прочесть вместо „ѿ“ слово „бѣ“; наблюдаем, далее в *П* ряд пропусков таких мест, которые в списке *О* составляют в каждом случае целые с т р о к и. Эти пропуски, часто бессмысленные, именно с т р о к, характеризующие своеобразный порок зрения писавших или диктовавших, особенно убедительно говорят нам, что переписчики *П* имели пред собою список *О*, а не другую какую-либо рукопись».[53]

Любопытный пример обнаружения оригинала по случайному дефекту, отразившемуся в списке с него, приводит П. Колломп.[54] В греческих списках изложения учения Эпиктета, сделанного его учеником Аррианом, имеется несколько пропусков, следующих довольно близко друг к другу в одном из мест. Пропуск этот объясняется тем, что в сохранившемся оригинале этих списков в Бодлеанской библиотеке (Gr. Misc. 251) в этом самом месте имеется случайное пятно, захватившее как раз те места в соседних строках, где в копиях с этого оригинала оказались пропуски. Пятно с достоверностью доказывает, что Бодлеанский список представляет собой оригинал остальных дефектных в этом месте списков. Необходимо, впрочем, попутно заметить, что пропуски в месте пятна доказывают, что перед нами копии с Бодлеанского списка, но если бы этих пропусков не было, то это не значило бы, что перед нами не копии: ведь пятно могло бы быть сделано п о с л е того, как копии были сняты. Перед нами случайность, которая помогла раскрыть отношение списков к своему оригиналу. Установив оригинал, текстолог, однако, должен рассмотреть вопрос о том, все ли списки списаны с этого оригинала или некоторые из них являются копиями с копий. Путь исследования здесь тот же.

---

[52] Псковские летописи, вып. 1, с. XXX—XXXI.
[53] С. Ф. П л а т о н о в. К вопросу о Никоновском своде. СПб., 1902, с. 2.
[54] P. C o l l o m p. La critique des textes. Strasbourg, 1931, p. 44.

Самая трудоемкая часть работы по установлению копии — это обратная сплошная проверка, и о ней не следует забывать. Обратной проверки требует всякий этап работы текстолога, но в данном случае она особенно необходима: достаточно одного факта, чтобы стало ясным, что перед нами не копия и оригинал, а две копии с третьего не дошедшего до нас списка, или копия с копии оригинала и т. д.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФОРМАТА ПРОТОГРАФА

В предшествующем разделе мы рассмотрели вопрос о копии с дошедшего оригинала. Копии эти, как мы видели, только в определенных обстоятельствах могут представлять интерес для текстолога. Иное дело, когда перед нами копия с недошедшего оригинала. В этом случае копия является свидетельством об оригинале (протографе), и многие ее особенности зависят от того, каким был этот оригинал.

Особенно большое значение имеет для определения различных возможных ошибок, описок и пропусков формат недошедшего оригинала (протографа). Мы уже видели выше, что различные случаи диттографии и гаплографии связаны с перескоком писца с одной строки на другую. Длина строки — обычно кратна размеру пропуска или повторения писца. Имеет, кроме того, значение количество текста, умещающегося на странице или листе, так как отдельные пропуски или перестановки могут объясняться тем, что лист рукописи выпал, а затем был утрачен или вставлен в рукопись в перевернутом виде, попал не на место и пр. Важен вопрос и о концах строк, где могут быть специфические сжатия написания. Крайний нижний угол листа чаще всего загрязняется, текст его стирается, он утрачивается и т. д.; поэтому определение положения его в протографе по копии также представляет большую важность.

Вот почему, если перед нами копия с недошедшего оригинала (с ее протографа), то определение формата последнего (и соответственно размера строки, страницы, листа) представляет очень большой интерес для текстолога.

Методика определения длины строк, количества строк, величины листа в оригинале дошедшего до нас списка была разработана А. Кларком,[55] но еще раньше эту методику начал разрабатывать Л. Хавэ.[56]

Внимательный анализ позволяет установить, как переписывалась рукопись, была ли это простая копия или творческая переработка предшествующего текста. Приведу некоторые сообра-

---

[55] A. C. Clark. The Descent of Manuscripts. Oxford, 1918.

[56] L. Havet. Manuel de critique verbale appliquée aux textes latins Paris. 1911, § 826.

жения М. Д. Приселкова о работе писцов Лаврентьевской летописи, позволившие ему установить, что Лаврентьевскую летопись переписывали несколько писцов не последовательно, а одновременно. «В трех местах рукописи, — пишет М. Д. Приселков, — (все три места — на оборотах листов 157, 161 и 167-го) мы наблюдаем три весьма досадные, с точки зрения благообразия рукописи, пробела в конце оборотов указанных выше листов: в $7^1/_2$, $54^1/_2$ и $20^1/_2$ строк, причем пробелы эти не мешают последовательному чтению дальнейшего текста, так как своим наличием они только раздвигают текст. Так, последними словами оборота 157-го листа являются: „изволи его", затем идет пробел в $7^1/_2$ строк, и на лицевой стороне 158-го листа читаем: „постави служителя своей церкви и пастуха". Так, последними словами на обороте 161-го листа является: „аз грешный много и часто бога прогне", затем идет пробел в $54^1/_2$ строки и на лице 162-го листа читается: „ваю и часто согрешаю по вся дни". Наконец, последними словами на обороте 167-го листа будут слова: „отвержеся Христа и бысть бесурме", за ним идет пробел в $20^1/_2$ строк и на лице следующего 168-го листа читаем: „нин вступив в прелесть".

Объяснение этому. . . роду дефекта рукописи, т. е. разрыву текста книги пробелами в конце оборотов листов при сохранении текста без всяких утрат, дефекту, который встречается и в других рукописных книгах древности, палеография справедливо видит в том, что при переписке книг, для ускорения дела переписки, весьма часто книгу расшивали и по частям раздавали для одновременной переписки нескольким писцам; при несоответствии формата новой рукописи формату той книги, с которой ведется переписка, естественно, должны получаться подобного рода пробелы».[57]

Такой характер работы писцов позволяет М. Д. Приселкову утверждать, что Лаврентьевская летопись была в значительной мере механической копией своего оригинала, а так как дата оригинала может быть установлена по тому последнему событию, до которого он доведен (1305 г.), то этим и самим процессом механического копирования «ветхого» оригинала объясняются многие особенности и ошибки Лаврентьевской летописи.

Весьма важные соображения относительно пропусков в летописи возникают в связи с попытками М. Д. Приселкова установить формат той рукописи, с которой списана Лаврентьевская.[58]

Приведу соображения М. Д. Приселкова в кратком изложении автора: «Что форматы Лаврентьевского манускрипта и ветхого

[57] М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, с. 184.

[58] М. Д. Приселков. Формат «Летописца» 1305 г. — В кн.: Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Л., 1928, с. 167—172 (Сборник ОРЯС АН СССР, т. 101, № 3).

Летописца 1305 г. не совпадали, ясно из двух наблюдений. Первое наблюдение. . . состоит в том, что в конце оборотов листов 157, 161 и 167-го Лаврентьевской рукописи мы находим пробелы письма, а не текста, что могло получиться только при несовпадении формата. Второе наблюдение сводится к тому, что „Поучение“ Владимира Мономаха не начинает собою первую строку лица 78-го листа, а идет с 9-й строки первой колонны.

Можно ли определить формат ветхого Летописца 1305 г.? Думаю, что счастливая случайность нам этот формат сохранила. В самом деле, если мы откроем текст Симеоновской летописи [59] под 1237 г. в том месте, которое соответствует обороту 161-го листа Лаврентьевской, то увидим почти полное совпадение текста, расположенного на обороте 161-го листа Лаврентьевской, с текстом, расположенным на обороте 82-го листа Симеоновской. Точно так же в изложении 1262 г. в том месте, которое соответствует обороту 167-го листа Лаврентьевской летописи, мы опять видим, что конец оборота 167-го листа Лаврентьевской летописи совпадает с окончанием текста оборота 121-го листа Симеоновской. Если мы припомним, что в Лаврентьевской летописи после этих совпадающих с Симеоновской летописью текстов в обоих указанных местах (обороты листов 161 и 167-го) идут пробелы, не нарушающие дальнейшего текста, т. е., как мы уже знаем, в ветхом Летописце 1305 г. здесь оканчивались обороты листов, то такое совпадение не может быть названо случайностью.

Тогда возьмем материал текста Лаврентьевской летописи между пробелами на обороте 157-го и на обороте 161-го листа, т. е. урок, данный для переписки одному из помощников Лаврентия. Если Симеоновская, как мы только что предположили, сохранила нам формат ветхого Летописца 1305 г., то попробуем перевести на этот формат урок, полученный тем писцом, который его изложил на 158—161-м листах Лаврентьевской. Формат страниц Симеоновской можно определить в 20 строк по 25 букв (в среднем), что дает около 500 букв. Лист будет содержать около 1000 букв. Формат Лаврентьевской определяется в той части, где письмо покрывает страницу в две колонны [60] 32 строчками по 21 букве (в среднем) в каждом столбце, т. е. около 1344 букв на странице или 2688 букв в листе. Материал текста Лаврентьевской летописи на 158—161-м листах занимает 7 страниц и $22^1/_2$ строки первого столбца 8-й страницы, что составляет около 9880 букв. Отбрасывая разницу в 120 букв на почти 8 страниц, мы можем сказать, что урок переписчика [61] составлял 10 000 букв. Переводя этот урок

[59] Симеоновская летопись XVI в. в своем начале (от 1177 г., с которого она начинается) близка к Лаврентьевской. — *Д. Л.*

[60] Напомню, что на первых 40 листах Лаврентьевская летопись писана уставом и в одну колонку, а с 41 л. — в две колонки полууставом. — *Д. Л.*

[61] Имеется в виду количество текста, которое Лаврентий раздавал своим переписчикам. — *Д. Л.*

на формат Симеоновской, мы получаем 20 страниц или 10 листов. Значит, писец получил из ветхого Летописца 1305 г. для переписки 10 листов.

Итак, соотношение форматов Лаврентьевской летописи и ветхого Летописца 1305 г. будет 1 : 2.7, т. е. на страницу Лаврентьевской ложились 2.7 страницы Летописца 1305 г.».[62]

Установление формата оригинала позволяет объяснить некоторые особенности копии. В Лаврентьевской летописи имеются пропуски текста, которые все описывавшие до М. Д. Приселкова Лаврентьевскую рукопись считали результатом утраты листов в Лаврентьевской. М. Д. Приселков на основании выведенных им данных о формате оригинала Лаврентьевской (не дошедшего до нас Летописца 1305 г.) считает, что утрата была не в Лаврентьевской рукописи, а в Летописце 1305 г. Приведу выдержку из рассуждения М. Д. Приселкова: «Теперь мы возьмем по Симеоновской летописи материал текста, которого недостает в Лаврентьевской между ее теперешними 170 и 171-м листами, т. е. тот. . . дефект ее текста, который все описания объясняют утратою листа или листов (с 1287 до середины 1294 г.). Он в Симеоновской летописи занимает ровно 6 страниц, или 3 листа. Это равно 3000 букв. Но лист Лаврентьевской, как мы уже говорили, равен только 2688 буквам. Отсюда мы вправе говорить, что в Лаврентьевской летописи здесь не могло быть утраты листа, т. е. что в протографе Лаврентьевской летописи здесь уже была утрата 3 листов. Тогда становится понятным, почему Лаврентий после изложения 1285 г. написал в строку: „в лето 6794·в лето 6795·в лето“. Ведь в Симеоновской после изложения 1285 г. идет не только название 6794 (1286) г., но и сообщение о том, что в этом году женился князь Иван Переяславский, затем, после названия 6795 (1287) г., сообщается, что великий князь ходил было ратью к Твери, но помирился с тверским князем и что в этом же году тверской епископ начал службу в каменной церкви Твери, хотя мастера еще продолжали работу. Очевидно, лист древнего Летописца 1305 г. кончался изложением событий 1285 г., а события 1286 и следующих годов были в нем изложены на позднее утраченных листах. Лаврентий при переписке мог всегда получить в конце листа пустую строку (например, при переписке 8 листов, или 16 страниц, древнего Летописца на формат Лаврентьевской), и, понимая, что дальше идет изложение 1294 г., он постарался заполнить эту оставшуюся пустую строку перечислением названий пропущенных годов».[63]

Не привожу других выводов М. Д. Приселкова, вытекающих из гипотетически установленного им формата Летописца 1305 г., в частности и того, что «Поучение» Мономаха имело тот же формат,

---

[62] М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, с. 193.

[63] Там же, с. 194.

что и Летописец 1305 г., — вывод весьма важный для выяснения того, откуда попало «Поучение» в Лаврентьевскую летопись.

Конечно, вычисленный М. Д. Приселковым формат Летописца 1305 г., служившего оригиналом для Лаврентьевской летописи, не более чем гипотеза, но гипотеза, которая имеет за собой довольно много данных и которая самым фактом своего существования снимает безапелляционность утверждения палеографов, описывавших рукопись Лаврентьевской летописи, что пропуски в ее тексте — результат утраты листов самой Лаврентьевской летописи.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ

Перейдем к некоторым практическим указаниям, облегчающим работу текстолога и вместе с тем имеющим в известной мере принципиальное значение.

Начать сличать списки произведения, установить классификацию списков, хотя бы и формальную в начале, распределить списки по редакциям, видам, изводам и пр., если списков много, далеко не просто. Задача бесконечно усложняется, если произведение велико по объему (летописные своды, хронографы, Еллинский и Римский летописец, различного рода палеи, степенные книги, «Александрия», «Казанская история» и т. п.). Число признаков, по которым один список отличается от другого, одна редакция от другой, один извод от другого, может быть безгранично велико. Расхождения разночтений между отдельными редакциями могут сочетаться с совпадениями разночтений. Если списков много, то очень существен вопрос: с чего начинать сличение, какие списки сличать раньше, какие позднее? Приступая к сличению многих списков большого произведения, текстолог невольно оказывается в очень затруднительном положении: как хотя бы приблизительно разобраться в обилии материала, найти нужный порядок работы.

В этот момент очень многое зависит от искусства текстолога, от его опыта и интуиции.

Авторы книги «Методы и принципы зоологической систематики» Э. Майр, Э. Линсли и Р. Юзингер пишут о биологической систематике: «Нередко говорят, что систематика — скорее искусство, чем наука, и это утверждение в известной мере справедливо. Оно столь же справедливо, как и утверждение о том, что врач, являющийся хорошим диагностом, при постановке диагноза руководствуется интуицией. И в самом деле, хороший врач и хороший систематик ставят свои диагнозы на основании умелой оценки симптомов в одном случае и таксономических признаков — в другом».[64]

---

[64] Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Методы и принципы зоологической систематики. Пер. с англ. М., 1956, с. 131.

Ниже мы укажем в разделе о классификации списков (с. 229 и сл.), что формальная классификация в практической работе текстолога предшествует исторической, но и формальная классификация представляет известные трудности. Трудности эти преодолеваются искусством текстолога, который уже на основании предварительного знакомства со списками, еще до их сличения, разбивает их на группы, выявляет в списках некоторые «симптомы», текстологические приметы, по которым он, еще до начала систематического сличения, предварительно группирует списки, значительно облегчая этим себе всю последующую работу.

В самом деле, наилучший порядок сличения списков между собой заключается не в беспорядочном сличении всех списков со всеми, а в сличении списков одной редакции или одного вида между собой, а затем в сличении списков одной редакции или одного вида с разночтениями другой редакции или другого вида. Такая последовательность в сличении разночтений значительно облегчает работу и выявляет сущность редакций и их видов.

Но ведь для такого порядка работы необходимо знать о классификации текста, о его разбивке на редакции и виды раньше, чем произведено само сличение, которое только и может установить прочные и окончательные выводы о редакциях и видах произведения. Тут, казалось бы, явный порочный круг. Однако круг этот разбивается вот чем: окончательно обосновать разбивку произведения по редакциям, видам, изводам и пр. можно только в результате полного сличения списков и объяснения всех разночтений списков, но предварительную, черновую и «рабочую» классификацию списков опытный текстолог может произвести еще до начала работы по сличению. В эту предварительную классификацию списков в результате их сличения будут неизбежно внесены исправления, уточнения, а может быть, потребуется и решительная перестройка классификации, но эта предварительная классификация необходима для начала работы. Здесь от текстолога требуется некоторое умение предвидеть результаты работы, интуиция, дающаяся опытом (см. об этом выше в разделе о сличении списков, с. 178).

Обратимся к тому, как конкретно протекает работа текстолога над списками изучаемого произведения.

Найдя нужные ему списки произведения, исследователь начинает с ними знакомиться (непосредственно в рукописных хранилищах или по фотографиям, ротокопиям и микрофильмам). Он прочитывает каждый список, определяет его время, сохранность, знакомится с окружающими в сборниках произведениями и т. д. При этом он ведет записи, в которых отмечает все, что так или иначе привлекло его внимание. От опыта исследователя зависит сделать эти записи так, чтобы часть вопросов можно было затем решать на основании этих записей, обращаясь к ру-

кописи возможно меньше. Какие вопросы его должны интересовать в рукописи, — это выяснится на протяжении всей нашей книги. Не будем поэтому задерживаться на этом. Пока для нас важны самые тексты произведения в каждом отдельном списке. Читая эти тексты, исследователь уже при первом знакомстве со списками обратит внимание на их различия. Первоначально он ищет только крупные, внешние различия. Эти различия исследователь отмечает в своих записях. Скоро исследователь замечает, что эти различия повторяются, причем повторяются комплексно: одни различия встречаются вместе с другими различиями. Это позволяет начерно, в порядке самом предварительном, группировать списки.

Первоначально это ознакомление со списками идет медленно. Постепенно работа убыстряется. После просмотра 5—20 списков исследователь замечает, что часть списков более схожа между собой, другая — меньше. Исследователь начинает легко определять разновидность текста по п р и м е т а м. Приметы — это наиболее характерные признаки принадлежности текста к той или иной группе редакции или виду редакции. Это не всегда самые крупные признаки, не всегда даже самые существенные, но зато они неизменны для данной группы, редакции или вида, легко обнаруживаются при знакомстве с текстом. Одной или двух примет недостаточно. Нужно, чтобы их было пять или шесть, но не более десяти, иначе их трудно держать в уме при ознакомлении с текстом. В процессе ознакомления с новыми списками произведения эти приметы уточняются, лишние отбрасываются, заменяются более характерными. Уточняется и группировка списков по этим приметам. Поэтому первоначально приходится возвращаться к уже просмотренным спискам. После просмотра 10—20 списков к старым спискам исследователь возвращается уже редко.

Попутно замечу, что микрофильмы и иные воспроизведения рукописей незаменимы для вторичных и последующих обращений к спискам произведения. Особенно хороши ротокопии, в которых характерные признаки редакции и вида, или индивидуальные особенности списка можно подчеркивать светлым цветным карандашом (например, желтым, голубым или розовым; напомню, что в ротокопии фон темный) и даже писать на полях краткие замечания. Однако первоначальное ознакомление со списками нужно все же делать в самих рукописных хранилищах по подлинным рукописям. Фотовоспроизведения не могут дать представления о многих особенностях рукописи, исследовать которые обязан текстолог (филиграни, состав всей рукописи, в которой имеется текст изучаемого произведения, особенности брошюровки и переплета и т. д.). Ввиду того что повторные обращения к спискам особенно необходимы в начале работы, рекомендуется начинать работу в наиболее доступных рукописных хранилищах.

Как бы часто в рукописях ни обнаруживались одни и те же редакции произведения, исследователь никогда не гарантирован от появления текста новой редакции, где приметы будут частично совпадать с приметами других редакций. Поэтому перегруппировку примет часто приходится производить даже в самом конце ознакомления с рукописями. Вот почему приметы редакций нужно брать «с запасом»: на случай, если та или иная примета окажется и в другой редакции.

Особенно это следует иметь в виду для поздних редакций. Часто они заключают в себе приметы более ранней редакции, из которой они вышли, с добавлением новых (ср. так называемые распространенные редакции — редакции, составившиеся от стилистического расширения предшествующих, а не от их сокращения или решительной перестройки самого содержания).

Приметы редакций и видов рекомендуется применять не только во время самой работы по классификации текстов, но особо отмечать их в текстологических введениях после того, как они проверены на всех текстах данного произведения и прошли испытание полным подведением всех разночтений. Это важно для будущих исследователей, ибо никакой текстолог, закончив работу над тем или иным произведением, даже при самом тщательном обследовании всех рукописных хранилищ (а тщательность в обследовании всех рукописных хранилищ, как уже указывалось, абсолютно необходима), не гарантирован от того, что другой исследователь не найдет нового списка того же произведения. Для того чтобы определить редакцию списка, ему весьма будут необходимы эти списки примет каждой редакции.

Приметы редакций необходимы и для тех исследователей, которые занимаются научным описанием рукописей. Труд исследователя, занимающегося описанием рукописей, требует исключительного знания рукописного материала, в первую очередь он требует знания всего состава древнерусской письменности, примет не только произведений, но и их редакций. Конечно, это не значит, что исследователь, занимающийся описанием рукописей, должен все помнить на память. У него должны быть, во-первых, записи, и, во-вторых, он должен знать, где, в каких изданиях и что он может найти из этого справочного материала. В будущем, когда будет создан словарь-справочник древнерусской письменности, необходимо, чтобы в него вошли и сведения о редакциях произведений с их п р и м е т а м и. Это так же необходимо для филолога, как необходим определитель флоры для ботаника, определитель фауны для зоолога и т. д.

Перейдем к рассмотрению некоторых конкретных примеров примет редакций.

В. Л. Комарович на основании изучения 12 списков «Повести о Николе Зарайском» (рязанский цикл повестей, включающий и известную «Повесть о разорении Рязани Батыем»), пришел

к выводу, что в них могут быть выделены восемь редакций.[65] Из этого числа две редакции он признал основными и назвал их: одну распространенной, а другую компилятивной. Распространенную редакцию он счел более древней, чем компилятивную. В процессе изучения распространенной редакции по спискам Рукописного отдела *БАН* 16.17.21 (*РО 1*), 16.15.8 (*РО 2*) и того же хранилища в собрании Головкина 34.8.25 (*Гл*) В. Л. Комарович выделил следующие приметы, отличающие ее от редакции компилятивной по спискам ГПБ Q. 1, № 398 (*Пб 1*), Рукописного отдела *БАН* 4.7.3 (*РО 3*), того же хранилища 13.2.23 (*РО 4*).

1) Город, куда прибывает Евстафий из Корсуни, — не Кесь, а Рига.

2) Дидактическое вступление к картине Батыева нашествия от слов «попущающу богу» до слов «за наше прегрешение» — отсутствует.

3) Отказ в помощи рязанскому князю Юрию Игоревичу со стороны Юрия Всеволодовича Владимирского предшествует созыву рязанских князей, отъезду князя Федора с дарами к Батыю и его убиению, тогда как в списках компилятивной редакции (*Пб 1*, *РО 3*) неудачное обращение за помощью во Владимир отмечается лишь после всех этих событий.

4) В перечне рязанских князей (на съезде, в бою, при убиении, при погребении) всякий раз упоминается Глеб Коломенский, ни разу, напротив, не упоминаемый в списках компилятивной редакции.

5) Точно указано место Батыева стана, куда прибыл князь Федор: „на рѣку на Воронаж", чего, напротив, списки компилятивной редакции не знают.

6) Отсутствует подробность, согласно которой Батый приехавших к нему „на Воронаж" рязанских князей стал „потѣхою тѣшить".

7) Предательство рязанского вельможи, сообщившего Батыю о красоте княгини Евпраксии, передано словом „насочи" (*РО 1*, *РО 2*), вместо „сказá" в списках компилятивной редакции.

8) Отсутствует (*РО 1*, *РО 2*) весь эпизод компилятивной редакции о нашедшем тело Федора пестуне Аполонице.

9) Перед битвой, вместо прощания „у гроба отца своего великого князя Игоря Святославича", как в компилятивной редакции, в списках *РО 1*, *РО 2*, *Гл* рязанские князья дают „последнее цѣлование княгини (матери) Агриппинѣ Ростиславне".

10) Иначе, чем в списках компилятивной редакции, средактирован эпизод об Олеге Красном.

---

[65] В. Л. Комарович. К литературной истории повести о Николе Зарайском. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947.

11) При перечислении жертв татарского погрома в Рязани опять, в отличие от компилятивной редакции, названа „великая княгиня Агриппина, мать великого князя“ (во всех трех списках).

12) В эпизоде о Коловрате его пребывание при нападении Батыя на Рязань в Чернигове мотивировано отъездом туда князя Игоря: „был в Чернигове со князем Ингорем Ингоревичем“ (во всех трех списках), при иной мотивировке в компилятивной редакции: „емля подать государя своего великого князя Георгия Ингоревича“.

13) Указано, где именно настиг Коловрат Батыя: „угнаша Батыя в земли Суздальстей“ (во всех трех списках), чего нет в компилятивной редакции.

14) Отвечая Батыю, взятые им в плен дружинники Коловрата называют себя „храбры есьми великого князя“ (*РО 2*), вместо „рабы“ в списках *РО 1*, *Гл* и в списках компилятивной редакции.

15) Подвиг Коловрата охарактеризован как побиение „богатырей Батыевых“, вместо „многих нарочитых“ в компилятивной редакции.

16) При нападении на самого Коловрата татары наводят на него „множество пороков“ (во всех трех списках), при „множество саней с нарядом“ в компилятивной редакции.

17) После одоления Коловрата Батый посылает „по мирзы и по князи“ (во всех трех списках) без добавления, как в компилятивной редакции, — „ординския и по санчакбѣи и по паши“.

18) При описании погребения Ингорем Ингоревичем найденного им в Рязани „трупия“ опять, в отличие от компилятивной редакции, все три списка упоминают „тело матери“ этого князя „великия княгини Агриппины Ростиславны“.

19) Наконец, заключительное родословие потомков Евстафия или вовсе отсутствует (*РО 1* и *Гл*) или (*РО 2*) отделено от основного содержания „Повести“ не имеющим к ней прямого отношения текстом. . ., т. е. явно выписано из другого, чем сама „Повесть“, списка (компилятивной редакции)».[66]

Все приведенные приметы имеют свой определенный смысл в истории текста произведения. Мы не останавливаемся на анализе этого смысла каждой из примет, так как это потребовало бы и анализа самой «Повести», что увело бы нас далеко в сторону. Отмечу только, что приметы, приведенные выше, весьма разнообразны: они касаются и языка списка, и его композиции, и сообщаемых исторических реалий, и т. д. Нельзя поэтому сказать — в каком типе явлений следует по преимуществу искать эти приметы.

[66] Там же, с. 66—67.

Это зависит от характера работы создателей отдельных редакций, от истории текста произведения, а поскольку поиски примет начинаются исследователем на таком этапе его работы, когда история текста произведения неясна, то в выборе примет приходится в какой-то мере полагаться на интуицию. Оттого-то и приходится в процессе работы менять приметы, по мере того как история текста и классификация списков становится все яснее. В творческом исследовательском процессе разные его стороны подвигаются вперед одновременно, как бы поддерживая друг друга.

В дальнейшем при изучении цикла повестей о Николе Заразском удалось выявить около 70 списков, и в разбивку на редакции и в приметы этих редакций пришлось внести существенные изменения.

Приведу некоторые соображения в этом вопросе, высказанные мною при публикации текстов «Повестей о Николе Заразском».[67] Редакцию «распространенную» я предпочел называть редакцией основной *А*; редакцию «компилятивную» — редакцией основной *Б*. Последняя может быть прослежена в двух основных видах. Кроме указанных еще В. Л. Комаровичем редакций — редакции хронографической, редакции святцев, редакции особой (предпочитаю называть ее «стрелецкой») и редакции проложной, — должны быть указаны: редакция воинская (в двух видах), редакция «Сказания» (в двух видах), редакция риторическая, редакция церковная и редакция распространенная. Существуют, кроме того, переделки XIX в., которые здесь не рассматриваются. «Краткая редакция» выделена В. Л. Комаровичем ошибочно.

В указанные В. Л. Комаровичем приметы двух основных редакций должны быть внесены изменения. Признак первый, по которому в редакции основной *А* Евстафий прибывает в город Ригу, а в основной *Б* — в город Кесь (т. е. Кезис — Венден, ныне Цесис в Латвии), не может быть принят. Не может быть принят также и признак четырнадцатый, по которому в редакции основной *А* захваченные татарами дружинники Евпатия Коловрата называют себя «храбрами», а не «рабами» князя Юрия Ингоревича: «храбрами» называют себя дружинники Евпатия только в тексте списка *БАН 16.15.8* (*РО 2* у В. Л. Комаровича); во всех остальных списках редакции основной *А* дружинники говорят про себя: «раби великого князя Юрья Ингоревича Резанского». Несомненно, однако, что в списке *БАН 16.15.8* отразился древнейший вариант данного текста (слово «храбр» вышло из употребления уже в XVI в.). Неточно указан В. Л. Комаровичем также признак четвертый: Глеб Коломенский упоминается и в списках компилятивной редакции. Следует вообще отметить, что перечисление участвовавших в бою с Батыем и павших князей, а также их расстановка

[67] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. Тексты. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949.

в этом перечислении сильно колеблются в различных списках и требуют особого изучения. Неточно указан В. Л. Комаровичем и признак восьмой, по которому эпизод о нашедшем тело князя Федора пестуне Апонице (эта форма имени пестуна князя Федора встречается в списках чаще, чем указанная В. Л. Комаровичем форма «Аполоница») имеется только в списках редакции основной *Б*. Признак девятый, касающийся прощания перед битвой рязанских князей, относится только к первому виду основной редакции *Б*.

Приметы редакции основной *А*, выделяющие ее и различающие с редакцией основной *Б*, следующие.

1) В редакции основной *Б* имеется небольшое дидактическое вступление перед рассказом о нашествии Батыя. Этого дидактического вступления в редакции основной *А* нет.

2) В редакции основной *А* отказ владимирского князя Юрия Всеволодовича помочь Юрию Ингоревичу предшествует созыву рязанских князей и эпизоду с убиением Батыем князя Федора; в редакции же основной *Б* рязанские князья получают этот отказ после отмеченных событий.

3) В редакции основной *А* отмечено место Батыева стана, куда прибыл Федор — «на реку на Воронеж»; в редакции основной *Б* место Батыева стана остается неизвестным.

4) В редакции основной *Б* Батый тешит приехавших к нему рязанских князей «потехою», чего нет в редакции основной *А*.

5) Эпизод с Олегом Красным изложен в редакции основной *А* в иной последовательности, чем в редакции основной *Б*.

6) В перечислении жертв татарского погрома в редакции основной *А*, в отличие от редакции основной *Б*, названа мать великого князя Юрия Ингваревича — «Агрепена».

7) В редакции основной *А* Евпатий Коловрат во время разгрома Рязани находится в Чернигове «со князем Ингорем Ингоревичем», в редакции основной *Б* к этому добавлено: «емля подать государя своего великого князя Георгия Ингоревича».

8) В редакции основной *А*, в отличие от основной *Б*, точно указано, где настиг Батыя Евпатий Коловрат: «угнаша Батыя в земли Суздальстей».

9) В редакции основной *А* татары наводят на Евпатия Коловрата «множество пороков», а в редакции основной *Б* — «множество саней с нарядом» (или в более позднем варианте — «с народом»).

10) В редакции основной *А* Батый после гибели Коловрата посылает «по мирзы и по князи», а в редакции основной *Б* добавлено — «ординския и по санчакбеи и по паши».[68]

Итак, мы видим, что 19 примет В. Л. Комаровича в результате привлечения многих новых списков «Повестей о Николе Зараз-

---

[68] См.: там же, с. 266—267.

ском» свелись к 10 признакам. Однако дело осложнилось и тем, что в одной из основных редакций (редакция *Б*) появились два вида, приметы которых в свою очередь довольно сложны.

Есть специфические области текстологической работы, где знание примет особенно необходимо. Я уже приводил одну такую область — это научное описание рукописей. Другая область — это изучение летописания и хронографов. Умение легко отличить в рукописях различные летописные своды, редакции этих сводов, редакции хронографов и пр. дается только в результате знания примет.

Надежнее всего те приметы, которые имеют не формальный характер, а связаны с определенными этапами в жизни памятника. Если приметы памятника, его редакции, извода, вида, группы не только внешне заметны, но и связаны с существенными моментами в истории возникновения данного памятника, редакции, извода, вида, группы, — то тем меньше опасности, что в дальнейшем они отпадут. К тому же их легче запомнить, ассоциируя их с историей памятника.

В начале работы, когда история памятника еще неясна для исследователя, эти приметы будут носить более или менее формальный характер (более или менее формальный характер будет носить и предварительная классификация списков памятника), а в дальнейшем, по мере уточнения истории текста, эти приметы будут все более и более тесно связаны с историей памятника (более историчной станет, как мы увидим ниже, и классификация списков).

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕКСТОВ

Изучение любого древнеславянского памятника, при обычном отсутствии его авторского текста и наличии нескольких или многих списков, как правило, начинается с установления взаимоотношения всех известных его списков (говоря о списках, мы здесь и в дальнейшем будем иметь в виду не самый список, а его текст). Взаимоотношение же списков может быть изучено только на основании их классификации.

Классификации списков могут быть двух типов. Первый тип — по формальным, внешним признакам. Такая классификация в той или иной мере условна. Мы ее можем менять в зависимости от того, какое логическое основание избирается для классификации. В данном случае мы определяем только ту картину, которая предстоит перед нами на сегодня: устанавливаются группы списков, существующих в данный момент, имеющихся в распоряжении исследователя.

Второй тип классификации опирается на историческое происхождение списков. Списки классифицируются по тому, как они исторически сложились, как они генеалогически соотносятся

между собой. Эта система требует гипотетического восстановления всех утраченных звеньев. Такая классификация отнюдь не условна, она стремится дать реальную картину соотношения списков, исторически сложившуюся их группировку. В своем идеале она должна дать устойчивую классификацию, которую нельзя менять произвольно, но она во многих случаях (когда не хватает отдельных списков) не может быть последовательно проведена.

Итак, в первой классификации мы всегда достигаем цели: всегда можем классифицировать списки — какие бы они ни были и сколько бы их ни сохранилось. Но классификация эта условна и потому может произвольно заменяться другой. Во второй классификации мы в громадном большинстве случаев не достигаем конечной цели, вынуждены останавливаться на полпути или широко пользоваться гипотезами. Однако классификация эта имеет целью восстановление реальной картины истории текста и в большей или меньшей степени соответствует реальной картине истории текста.

Установление первой классификации списков несравненно легче второй, но только вторая классификация может дать объективную картину.

На первый взгляд может показаться, что оба типа классификации практически исключают друг друга, что в текстологической работе следует придерживаться только одного из этих типов классификации, решив, какой из них признать более правильным. Возникает соблазн решительно отвергнуть первую, формальную классификацию, объявив ее формалистической, увидев в ней проявление текстологического «формализма».

Против такого упрощенного подхода к вопросу классификации списков следует решительно возражать. Два этих типа классификации противостоят друг другу и одновременно находятся в живом взаимодействии. Классификация по формальным признакам — неизбежный этап в работе над рукописями. Только произведя предварительно формальную классификацию, можно от нее перейти к попыткам установления истории текста и, как результат этого установления, — к исторической классификации и публикации текста на основе этой последней.

Историческая классификация списков есть в известном роде уже *результат* изучения списков, но, чтобы добиться таких результатов, нужно уже в самом начале изучения списков как-то их классифицировать. Вот почему формальная классификация списков — предварительная, а историческая — окончательная.

Чтобы пояснить свою мысль, укажу, что аналогичное положение существует в биологической систематике. В этой науке вопросы классификации лучше разработаны, чем в филологии, и в известной мере более просты. Полезно поэтому учесть ее опыт.

Авторы книги «Методы и принципы зоологической систематики» Э. Майр, Э. Линсли и Р. Юзингер отмечают три задачи зоологической систематики и соответственно этим трем задачам три стадии

работы систематика. Приведу их суждения с некоторыми сокращениями:

«1. Определение (аналитическая стадия). Основная задача систематика заключается в том, чтобы разбить почти безграничное и ошеломляющее разнообразие особей в природе на легко распознаваемые группы, выявить признаки, служащие диагностическими для этих групп, и установить постоянные различия между сходными группами. Кроме того, он должен снабдить эти группы „научными" названиями, что облегчит их последующее распознавание учеными по всему миру.

Даже эта „низшая" задача систематика имеет огромное научное значение. Вся геологическая хронология зависит от правильного определения ископаемых руководящих видов. . .

2. Классификация (синтетическая стадия). Определение и точное описание вида является первой задачей систематика. Но если бы он на этом остановился, ему вскоре пришлось бы столкнуться с хаотическим скоплением видовых описаний. Во избежание этого систематик должен стараться выработать какое-то упорядоченное расположение видов; он должен создать и определенным образом расположить высшие категории. Иными словами, он должен создать классификацию. В этом состоит вторая задача систематика. Создание определенной классификации представляет собой в известной мере столь же практическую задачу, как и определение отдельных особей, однако она требует большего теоретизирования и умозрений. Систематик должен решить, считать ли две сходные формы одним или двумя видами. Он должен также установить, обусловлено ли сходство каких-либо двух видов конвергенцией общего облика или же близким филогенетическим родством. А это влечет за собой вопрос о том, представляют ли собой высшие категории монофилетические группы или нет.

Мы перечислили некоторые из вопросов, встающих перед систематиком, который пытается привести в систему ошеломляющее множество организмов. Попытка решить эти вопросы неизбежно ведет к изучению факторов эволюции.

3. Изучение видообразования и факторов эволюции. Исследования в этой области составляют третью задачу систематика. Именно в этом он ближе всего соприкасается с другими областями биологии — с генетикой и цитологией, биогеографией и экологией, сравнительной анатомией и палеонтологией».[69]

Далее те же авторы пишут: «Перечисленные выше три задачи систематик редко решает одновременно. Изучение эволюции невозможно без удовлетворительной классификации, а она, в свою

[69] Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Методы и принципы зоологической систематики, с. 29—30.

очередь, требует предварительного определения и описания видов. Поэтому систематика какой-либо группы проходит несколько стадий, которые иногда называют альфа-, бета- и гамма-систематикой. Альфа-систематикой называется стадия описания и именования видов; бета-систематикой — объединение этих видов в естественную систему низших и высших категорий, а гамма-систематикой — анализ внутривидовой изменчивости и изучение эволюции. Четко разграничить эти три ступени систематики, строго говоря, невозможно, так как они перекрываются и переходят одна в другую. Однако направление каждой из них ясно. Биологически мыслящему систематику следует начинать с альфа-стадии, переходя через бета- к гамма-стадии. Однако даже в тех группах, систематика которых наиболее хорошо разработана, еще остается много работы в области альфа- и бета-систематики».[70]

Из приведенного совершенно ясно, что в области зоологической систематики формальная классификация и историческая классификация — это две стадии работы одного и того же исследователя. Исследователь начинает с формальной классификации и заканчивает свою работу установлением исторической классификации. Это идеальное положение и в области зоологической систематики и в области «систематики списков», но практически в работе тех или иных ученых равновесие этих стадий работы постоянно нарушается и при этом односторонне — в виде предпочтения формальной классификации списков исторической. Это предпочтение часто выступает как естественное следствие незавершенности работы над списками.

Характерно, что старая биологическая систематика ограничивалась формальной классификацией и только постепенно завоевывал себе подобающее место исторический принцип.

Отмечая различие между старой систематикой и новой, Э. Майр, Э. Линсли и Р. Юзингер подчеркивают, что старая систематика более формальна, новая — в большей мере зависит от реального происхождения видовых различий, она теснее связана с объяснением, это отнюдь уже не «чистое» описание. «У систематиков все более четко выявляется стремление подходить к своему материалу с точки зрения биолога, а не музейного каталогизатора. Современный систематик проявляет все больший интерес к обобщениям, для которых именование и описание видов служат лишь первым шагом».[71]

«Старая систематика характеризовалась центральным положением в ней вида, понимаемого чисто типологически (монотипически), характеризуемого только морфологически и в сущности лишенного объемности. Географической изменчивости

[70] Там же, с. 31.
[71] Там же, с. 26.

придавалось очень небольшое значение. Многие виды были известны по одному или в лучшем случае — по нескольким экземплярам. Поэтому основную таксономическую единицу представлял собой индивидуум. Главное внимание уделялось узкоспециальным вопросам, т. е. вопросам номенклатуры, а также установлению и описанию „типов".

В новой систематике чисто морфологическое определение вида уступает место биологическому определению, в котором принимаются во внимание экологические, географические, генетические и тому подобные факторы. Популяция, представленная адекватной пробой из нее — „серией" музейного работника, — становится основной таксономической единицей. Таксономическая работа идет главным образом над подразделениями вида. Вопросы номенклатуры занимают подчиненное положение. Интересы систематика — это интересы биолога».[72]

Почти то же можем мы сказать и о систематике списков. Интересы систематика списков — это интересы литературоведа и историка, но положение это не сразу установилось в текстологии, и старая текстология XIX в. предпочитала формальную классификацию, не стремясь к исторической.

Постепенно это положение выправилось. По удачному выражению Н. К. Пиксанова, в текстологии «на место линнеевской систематики становится дарвиновское происхождение видов».[73]

Отличие биологической систематики от текстологической заключается, однако, в том, что в текстологии переход к исторической классификации не всегда возможен из-за недостаточности материала. Поэтому в большинстве случаев, как мы уже сказали выше, полная история текста не может быть установлена и возможны только известные приближения к ней. В этом последнем случае формальная классификация частично сохраняет силу и в уже завершенных работах.

Успех перехода от формальной классификации списков к исторической и к установлению истории текста в значительной степени зависит от того, как понимает исследователь историю текста. Остановимся на этом положении подробнее.

В текстологических введениях к публикациям древнеславянских памятников обычно отмечается, что в основу издания положен «лучший» список или «наиболее полный». Что, собственно, это означает? Для одних публикаторов «лучшим» будет наиболее древний список, для других — наиболее понятный в отдельных своих чтениях, для третьих — наиболее законченный художественно (композиционно, стилистически), для четвертых — самый полный и т. д. Чаще всего, объявляя издаваемый им список «лучшим», публикатор имеет в виду сразу несколько из перечисленных

---

[72] Там же, с. 25.

[73] Н. К. Пиксанов. Творческая история «Горя от ума». М.—Л., 1928, с. 25.

выше качеств, причем эти качества могут выступать в различных комбинациях, но каждый раз публикатор имеет в виду, что избираемые им качества списка являются неоспоримым свидетельством близости его текста к первоначальному, к авторскому. Тем самым текстолог как бы утверждает, что история текста — это его постепенная порча. При этом порча тем сильнее, предполагают некоторые текстологи, чем новее список.

Покажем ошибочность этих представлений.

Хорошо известно, например, что наиболее древний список может оказаться не самым древним по своему тексту. Так, например, исследователь «Домостроя» И. С. Некрасов ошибочно отождествлял древность списка с древностью представляемой им редакции.[74] Он доказывал, что Забелинский список «Домостроя» середины XVI в. содержит древнейшую редакцию, а Коншинский конца XVI в. — более молодую. На самом деле соотношение редакций «Домостроя», как теперь установлено, прямо противоположное.[75] Сербские списки «Повести об Акире Премудром» 1468 и 1520 гг. старше сохранившихся древнерусских списков повести, хотя именно русская версия перевода была первичной.[76] Аналогичные наблюдения над списками древнеславянского перевода книги Иисуса Навина были сделаны В. Лебедевым,[77] над списками древнеславянского перевода книги пророка Даниила — И. Евсеевым,[78] и т. д. Недопустимость смешения древности списка с древностью представляемого им текста стала настолько самоочевидной истиной, что нет необходимости ее особо доказывать.[79]

---

[74] И. Некрасов. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873, с. 136.

[75] А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным, книга вторая. М., 1910, гл. V.

[76] М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и юго-славянских литератур. — Изв. ОРЯС РАН, 1921, т. XXVI. Пг., 1923, с. 195.

[77] В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожской библии. СПб., 1890, с. 3—4.

[78] И. Евсеев. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905, с. 4 и сл. — Говоря о несостоятельности английского издания Ветхого завета Свита (H. Swete. The Old Testament in Greek according to the Septuagint, vol. III. Cambridge, 1894), выполненного только на основании древнейших списков, И. Евсеев справедливо замечает: «Оставляя совершенно в стороне подобное бесплодное чинопочитание древнейших списков, мы всецело становимся на сторону метода исторического анализа списков» (И. Евсеев. Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе, ч. 2. СПб., 1897, с. 4).

[79] Впрочем, до сих пор еще бывают случаи, когда исследователи смешивают старшинство текста со старшинством списка. Так, например, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Вильямс (H. F. Williams) в рецензии на издание О. Бломквистом «Roman des Deduis» («Gace de la Buigne») предлагает группировать списки изучаемого произведения по старшинству, предполагая, что список тем ближе к оригиналу, чем он старше («the earlier MSS can be considered as closer to the origine text»: журнал «Romance Philology», 1953—1954, VII, с. 239. Ср. возражение О. Бломквиста:

Исследователь, классифицирующий списки, должен прежде всего опираться на данные текста и только во вторую очередь принимать во внимание внешние особенности списка (древность самого списка, историю рукописи и пр.), последние имеют главным образом контрольное значение.

Ясность и «понятность» текста также может не совпадать с его древностью. То же самое следует сказать и о художественной стороне памятника. Полнота списка — также понятие относительное. Иногда то, что принимается исследователем за «полноту» произведения, является простым расширением первоначально краткого текста позднейшими вставками. Причем расширение вставками делается иногда настолько последовательно и в духе всего произведения, что может ввести исследователя в заблуждение. Как пример такого искусного расширения текста вставками, приведу второй вид основной редакции *Б* цикла «Повестей о Николе Заразском»,[80] где дополнительно рассказывается о торжественных похоронах Евпатия в рязанском соборе, причем описание выдержано в характере описаний других погребений того же цикла, и где Евпатию придано отчество («Львович»), как и остальным действующим лицам «Повести о разорении Рязани Батыем». Как известно, имеются целые литературные жанры, для которых расширение вставками было характерной чертой их литературной истории (летописи, хронографы); еще бо́льшая группа произведений в XV—XVII вв. подвергалась стилистическому «распространению» и т. д.

На заре публикаторской деятельности обычно считалось, что «лучший» текст памятника дает сам автор, а переписчики только его портят, внося многочисленные ошибки, искажения и т. д. О каждом списке возникал вопрос: «хорош ли его текст, т. е. согласен ли он с подлинником автора?».[81] Критика текста поэтому сводилась главным образом к чисто логическому истолкованию текста, к розыскам наиболее ясных чтений в других списках или к различного рода догадкам, облегчающим понимание текста. Найденные этим путем чтения и считались авторскими, наиболее древними.

Отсюда получалась и другая особенность старых изданий памятников: публикаторов интересовал только авторский текст, текст наиболее древний, «ясный», «исправный» и «полный». Вся последующая жизнь памятника издателей не интересовала и из изданий исключалась.

Åke Blomqvist. Méthode nouvelle pour l'édition de textes médiévaux. — Studia neophilologica. A Journal of Germanic and Romance Philology, 1955, vol. XXVII, № 1).

[80] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. Тексты, с. 322 и сл.

[81] «. . . si le texte de ce document est „bon", c'est-á-dire aussi comforme que possible au manuscrit autographe de l'auteur» (Ch.-V. Langlois, Ch. Seignobos. Introduction aux études historiques. Paris, 1899, p. 53).

Все это, конечно, чрезвычайно упрощало задачи издания памятников, и именно этим следует объяснить то обстоятельство, что практически в своей работе многие из публикаторов пользуются еще теми приемами, которые образовались именно в связи с такими представлениями о движении текста памятника.

В настоящее время история текста древнерусских памятников выступает перед нами в гораздо более сложном виде. Известны многочисленные случаи, когда переписчики и «редакторы» старых текстов улучшали текст памятника, исправляли его, изгоняли малопонятные слова или, напротив, архаизировали текст, придавали ему бо́льшую художественную законченность, сглаживали «швы». Считать, что во всех случаях автор создавал шедевр, а позднейшие переписчики и переделыватели только портили его — нет оснований.

Углубление научных представлений об истории текста памятника отчетливее всего сказалось в исследованиях А. А. Шахматова по летописанию. Такие сложные и громадные памятники, как летописи, не имеющие одного автора, не обладающие стилистическим единством, ценные во всех своих видоизменениях, потребовали к себе более глубокого подхода, при котором восстановление истории их текста не могло опираться на немногочисленное количество внешних, формальных признаков (полнота, ясность текста, древность списка и т. д.). Ни заглавие летописи, ни ее начало или конец, ни отдельные разночтения не могли дать сколько-нибудь прочного основания даже для определения того, какой памятник представляет собой тот или иной летописный текст. Только изучение всей истории летописания позволило А. А. Шахматову определить отдельные памятники летописания и выделить, хотя в отдельных случаях и не во всем бесспорно, те списки, по которым следует издавать ту или иную летопись.

Действительно, исторический принцип является единственно научным принципом издания памятника, определения его редакций и основного списка. Именно этот принцип был перенесен с изучения памятников летописания и на изучение всех остальных памятников древнеславянской письменности и привел к ряду крупных успехов в области текстологии.

Вместе с тем уже в работах А. А. Шахматова с достаточной полнотой определились все трудности последовательного проведения исторического принципа в изучении текста памятников. В громадном большинстве случаев оказывалось, что из-за недостатка данных последовательно довести исторический принцип изучения текста до всех звеньев его истории (всех редакций, всех видов, всех сохранившихся списков) невозможно. На помощь приходили два текстологических приема: либо гипотетическое восстановление (или хотя бы предположение только) утраченных звеньев, либо «нейтральная заделка» этих утраченных звеньев с помощью данных, которые могла представить формальная клас-

сификация списков. Оба эти приема широко применялись А. А. Шахматовым: гипотетическое восстановление преимущественно для начального летописания и «нейтральная заделка» утраченных мест — для летописания позднего. Вопрос остается и до сих пор открытым: какой из этих приемов и в каких случаях предпочтительнее. Пока что он решается текстологами по большей части интуитивно, причем опасность состоит в том, что текстологи предпочитают раньше времени «складывать оружие», возвращаясь от исторических построений к формальным или (что реже) гипотетическим, не завершив еще полностью своего исследования. Искусство А. А. Шахматова как текстолога заключалось в том, что он всеми силами стремился дать наиболее полное представление о всех этапах истории текста и прибегал к формальной классификации списков или к гипотезам только тогда, когда в с е доступные ему способы исторической классификации бывали уже исчерпаны.

*

Классифицируя списки, мы должны постоянно отдавать себе отчет, в какой мере тот или иной внешний признак может при дальнейшем исследовании предоставлять данные для решения вопроса о движении текста.

Приступая к классификации текстов, полезно прежде всего обратить внимание на внешние для текста особенности списков: на их хронологию, принадлежность к одному скрипторию (например, к Соловецкому, Иосифо-Волоколамского монастыря и т. п.), на наличие в списках сходных предисловий, на сходство в иллюстрациях (если они есть), на состав сборников, в которые эти списки включены (близость сборников по составу может свидетельствовать о близости текста включенного в них изучаемого произведения) и т. д. Все эти внешние для текста признаки помогут выбрать правильно тексты для сличения, приблизительно установить их сходство, что очень важно для экономии труда исследователя.

В текстологической работе внешние признаки являются по большей части «наводящими». Установить какие-либо точные, закономерные соответствия между отдельными внешними (формальными) особенностями текста и его историей чрезвычайно трудно.

В частности, следует обратить внимание на те случаи, когда признаки древности текста лежат в различных областях и между собою расходятся. Так, например, текст по я з ы к у может быть древнейшим, но с о с т а в списка может оказаться сильно поновленным и, напротив, древний состав может соединяться со значительными изменениями в языке, в стиле, в отдельных выражениях. Наконец, могут быть и такие положения: т и п текста

в одном списке древнее, чем в другом, но он заключает в себе больше отдельных искажений, чем другой, в котором отдельные чтения более «правильны», так как он подвергся редакционному весьма умелому «распространению». Какому тексту в этом случае следует отдать предпочтение?

В дальнейшем мы остановимся более подробно на том, какие трудности возникают при определении истории текста памятника, на основе которой должна производиться классификация его списков.

Подводя некоторые итоги всему сказанному выше, отметим, что исторический принцип в классификации списков изучаемого произведения не может быть противопоставлен формальному. Принципы эти отнюдь не исключают друг друга. Формальная классификация — отправная точка текстологического исследования; историческая — один из ее конечных результатов. Устанавливая формальные основания классификации, исследователь стремится выбрать такие, которые в последующем исследовании позволили бы легко перейти к исторической классификации, которые имели бы наибольшее эвристическое значение. Между формальной и исторической классификациями в процессе текстологической работы возникают промежуточные этапы. Историческая классификация рождается на основе полного изучения истории текста, всей его рукописной традиции, рукописного окружения, литературной судьбы памятника и т. д. Точное осознание задач той и другой классификации и их взаимоотношения значительно облегчают работу текстолога, изучающего памятники, дошедшие до нас в большом количестве списков.

Задача текстолога — развернуть во времени списки произведения, найти между ними последовательность. Для этого как предварительный этап работы в отдельных случаях может служить классификация их по внешним признакам.

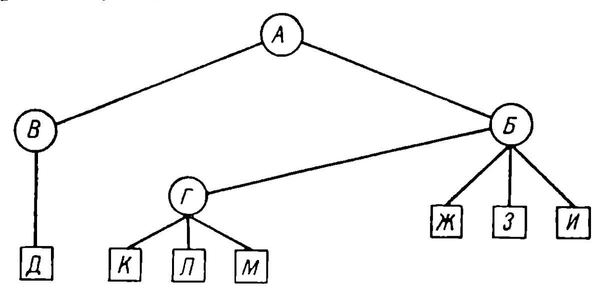
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СПИСКОВ

Если отдельные чтения одного списка старше, чем отдельные чтения другого, — значит ли это, что и самый текст первого списка старше второго? Прямого перехода от старшинства отдельного чтения к старшинству списка нет. Только при определенных условиях разночтения свидетельствуют о взаимоотношениях списков.

Прежде всего обратим внимание на то, что для установления зависимости одного текста от другого или старшинства одного текста сравнительно с другим необходимо принимать во внимание совокупность всех разночтений в целом.

Вместе с тем, если большинство списков имеет определенный состав чтений, то это еще отнюдь не значит, что именно этот состав чтений наиболее близок авторскому. Большинство списков может

давать единое, но ошибочное и позднейшее чтение. Объясним это на примере следующей стеммы:

В прямоугольниках отмечены дошедшие списки; в кругах — предполагаемые недошедшие архетипы. Списки, восходящие к архетипу *Б* непосредственно или через архетип списков *К*, *Л* и *М*—*Г*, содержат единое ошибочное чтение, восходящее к *Б*. Список *Д* восходит к авторскому тексту *А* через недошедшую редакцию *В*; здесь читается правильное чтение, и это правильное чтение в единственном списке противостоит неправильному чтению в списках *Ж*, *З*, *И*, *К*, *Л* и *М*.

Из этого примера следует, что простой количественный подсчет разночтений ничего не дает. «Индивидуальные» (т. е. чтения встречающиеся только в одном списке) могут оказаться наиболее древними, а чтения, представленные большинством списков, — относительно новыми.

Делает бессмысленными формальные подсчеты и наличие списков со сводными текстами. Как уже указывалось, древнерусские книжники очень часто при переписке произведений пользовались двумя, тремя и более списками, беря текст то из одного списка, то из другого, делая дополнения, сокращая и пр. Такого рода манера работы также делает бессмысленными подсчеты исследователем разночтений. Допустим, что подсчет покажет, что список Ефросина «Задонщины» имеет меньше совпадающих со «Словом о полку Игореве» чтений отдельных мест, чем другие, но объяснение этому может состоять в том, что список, сделанный Ефросином, вообще меньше других — Ефросин сократил свой текст «Задонщины». Это случай элементарный. Допустим, что мы станем сравнивать все списки «Задонщины» только в той части, которая сохранилась в списке Ефросина, и придем к выводу, что совпадающие со «Словом» чтения представлены в этой части именно в списке Ефросина, но тогда очевидно одно: перед нами не древний текст, а ч а с т ь древнего текста, и установлена она не путем простого подсчета, а в результате предварительного исследования и разбивки разночтений на древние и новые. Удается сделать это путем сличения списка Ефросина со «Словом о полку Игореве», и это сличение доказывает, что «Слово» ближе к тем древним спискам, кото-

рые зависят от «Слова», однако этим путем выделить текст списка Ефросина в особую редакцию «Задонщины» все же невозможно. Редакции устанавливаются не только путем группировки разночтений, но путем анализа происхождения разночтений, путем выяснения их смысла, путем анализа состава текста и т. д.

Имеет значение суммировать данные о разночтениях, принимая во внимание их «направленность», установленную анализом их. Но и в данном случае необходимо быть очень осторожным. Среди разночтений двух или более списков могут быть очень многие, которые возможно толковать по-разному: и как зависимость одного списка от другого и, наоборот, — как зависимость другого списка от первого. Поэтому для доказательства определенной зависимости непременно необходимо найти такие разночтения, которые могли получиться только при строго определенной зависимости одного списка от другого и никак не могли свидетельствовать об обратной зависимости. Установив однонаправленное соотношение отдельных чтений, необходимо проверить все остальные разночтения: нет ли среди них таких, которые противоречат этому. Последнее крайне важно. В текстологических исследованиях всегда следует проверять выводы, пытаясь их повернуть. Так, например, если текстолог приходит к выводу, что список *О* зависит от списка *П*, то надо проверить все разночтения между ними, попытавшись применить их к противоположному мнению: что список *П* зависит от списка *О*.

Заметить текстологическую близость двух текстов не так трудно, — труднее объяснить эту близость, установить взаимоотношение текстов. Исследователь склонен преувеличивать близость и предвзято ее объяснять. Известно, что большинство фактов близости может быть объяснено различно. Нужно непременно обращать внимание не только на то, что говорит з а определенный характер связи, но и на то, что говорит п р о т и в именно этого характера связи. Одно «против» перетягивает десятки и сотни «за». Одно «против» накладывает текстологическое вето на данное объяснение, и необходимо искать новое объяснение, за которое говорили бы все факты и не было бы ни одного против. Психологически отойти от раз принятого объяснения бывает очень трудно. Встретившееся «против» воспринимается как нечто враждебное. Сознание исследователя отказывается его замечать или начинает против него атаку, пытаясь ослабить его значение. Хорошо, если это удается сделать вполне обоснованно, но человеческое мышление, склонное к экономии сил, иногда удовлетворяется полувозражением, полусоображением и идет дальше, оставляя позади опасные подводные камни, на которых затем терпит крушение вся концепция. Чтобы не заблудиться, у охотников и грибников есть такое правило: идя вперед, почаще оглядываться. Тогда легче найти дорогу назад. То же правило нужно помнить и текстологу: надо не забывать дорогу назад, иметь мужество вернуться к исходным фактам, не забывать всего хода своих рассуждений, уметь объективно

анализировать слабые стороны своих доказательств и при необходимости отказываться от своих выводов. Один из лучших текстологов нового времени — А. А. Шахматов обладал этой способностью научно честно отказываться от своих выводов. Его часто за это упрекали, но именно благодаря этому качеству он достиг выдающихся успехов: он шел только за истиной, а не за своей концепцией, и истина оказывалась, разумеется, самой выигрышной из всех возможных выигрышных концепций. К сожалению, не все из исследователей это понимали, бесознательно предпочитая истине эффектную концепцию, не умея в должной мере быть объективными и мужественными в своих изысканиях.

Если, как это чаще всего бывает, списки заключают «необратимые» чтения обеих зависимостей, то это свидетельствует обычно о происхождении их от какого-то недошедшего списка.

Общее происхождение списков будет доказываться и наличием в них общих ошибок, вернее — целой системы общих ошибок, так как невероятно, чтобы несколько переписчиков, работая по разным протографам, сделали целую сумму одинаковых ошибок.

Приведу пример неправильного объяснения текстологической близости трех крупнейших памятников русской литературы — древнейшей русской летописи, «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона и Толковой палеи. Толковой палее были посвящены исследования М. И. Сухомлинова,[82] В. Успенского,[83] Н. С. Тихонравова,[84] И. Н. Жданова,[85] А. В. Михайлова,[86] В. М. Истрина,[87] А. А. Шахматова,[88] К. К. Истомина,[89] А. В. Рыстенко,[90] В. П. Адриановой-Перетц.[91]

---

[82] М. Сухомлинов. О древнерусской летописи, как памятнике литературном. СПб., 1856 (см.: Исследования по древнерусской литературе акад. М. Сухомлинова. СПб., 1908, с. 58—70).

[83] В. Успенский. Толковая палея. Казань, 1876.

[84] Н. С. Тихонравов. 1) Отчет о XIX присуждении наград графа Уварова. СПб., 1878, с. 52—55; 2) Собр. соч., т. 1. М., 1898, с. 156—170; «Примечания», с. 38—52.

[85] И. Жданов. Соч., т. 1. СПб., 1904, с. 445—483. (Впервые напечатано в 1881 г.).

[86] А. Михайлов. 1) Общий обзор состава редакций и литературных источников Толковой палеи. — Варшав. унив. изв., 1895, кн. VII, с. 1—21; 2) К вопросу о тексте книги Бытия пророка Моисея в Толковой палее. — Там же, 1895, кн. IX; 1896, кн. 1; 3) К вопросу о происхождении и литературных источниках Толковой палеи. — Изв. АН СССР по РЯС, т. 1, кн. 1, Л., 1928, с. 49—80.

[87] В. М. Истрин. 1) Замечания о составе Толковой палеи. — Изв. ОРЯС АН, 1897, т. II, кн. 1 и 3; 1898, т. III, кн. 1; сборник ОРЯС, LXV, № 6, 1898; 2) Из области древнерусской литературы. II. Древнерусские словари и «пророчество Соломона». — ЖМНП, 1903, окт.; 3) Из области древнерусской литературы. IV. Редакции Толковой палеи. — ЖМНП, 1904, февр.; 4) Редакции Толковой палеи. I. Описание полной и краткой палеи. — Изв. ОРЯС, 1905, т. X, кн. 4; 5) Редакции Толковой палеи. II. Взаимоотношения полной и краткой Палеи в пределах текста Палеи Коломенской. — Изв. ОРЯС, 1906, т. XI, кн. 1; 6) Редакции Толковой палеи. III.

Уже давно была замечена текстологическая близость Толковой палеи с «Речью философа» в русской летописи и со «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона. Первоначально эта близость толковалась в том смысле, что и «Речь философа» и «Слово о законе» вторичны по отношению к «Палее». Диктовалась эта концепция общими предвзятыми представлениями об отсталости русской литературы. Такой крупный и сложный памятник, обладающий незаурядными литературными достоинствами, с точки зрения исследователей, не мог возникнуть на Руси; раз так, то он возник до «Речи философа» и до «Слова о законе», т. е. до XI в. — в Болгарии или Византии. «Кто из русских X—XI вв. — спрашивает В. Успенский, — мог быть автором столь систематичного, цельного и стройного сочинения?».[92] Целый ряд ученых придерживался того же взгляда. Только К. К. Истомину удалось в результате внимательного анализа текстов указанных сочинений доказать, что «Речь философа» и Толковая палея имеют общий источник, а не восходят друг к другу. В. М. Истрин видел этот общий источник в предполагаемом им «Хронографе по великому изложению», но это уже другой вопрос. Кроме того, в распоряжении автора летописного рассказа («Речи философа») были и другие источники, которыми, в свою очередь, пользовался автор полной «Палеи» (второй редакции).

При анализе разночтений для установления взаимоотношения списков нельзя ограничиваться только разночтениями, надо принимать во внимание состав текста; кроме того, нужно иметь в виду, что совпадение правильных чтений значительно менее показательно, чем совпадение в различных списках чтений ошибочных и вторичных. Характерный пример в этом отношении дает сравнительный анализ четырех списков «Царева государства послания во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене».

В своей работе «Новые списки „Царева государева послания во все его Российское царство“», анализируя вновь найденные им списки

Хронографическая часть полной и краткой Палеи и «Хронограф по великому изложению». — Изв. ОРЯС, 1906, т. XI, кн. 2; 7) Редакции Толковой палеи. IV. Общие выводы. — Изв. ОРЯС, 1906, т. XI, кн. 3; 8) Из области древнерусской литературы. IV. Редакции Толковой палеи. — ЖМНП, 1906, февр.; 9) Толковая палея и Хроника Георгия Амартола. — Изв. ОРЯС, 1924, т. XXIX.

[88] А. А. Шахматов. Толковая палея и русская летопись, статьи по славяноведению, вып. 1. Изд. 2-го Отделения АН. СПб., 1904, с. 199—272.

[89] К. К. Истомин. К вопросу о редакциях Толковой палеи. — Изв. ОРЯС, 1905, т. X, кн. 1; 1906, т. XI, кн. 1; 1908, т. XIII, кн. 4; 1913, т. XVIII, кн. 1.

[90] А. В. Рыстенко. Материалы для литературной истории Толковой палеи. — Изв. ОРЯС АН, 1908, т. XIII, кн. 2, с. 324—350.

[91] В. П. Адрианова. К литературной истории Толковой палеи. Киев, 1910.

[92] В. Успенский. Толковая палея, с. 127.

БАН, № 230, и ГПБ, Погодинское собрание, № 1311, Я. С. Лурье пишет: «Сопоставляя между собой уже известные списки — ГПБ, Погодинский, № 1567 (*П*) и Археографической комиссии № 41 (*К*) — и вновь найденные списки — БАН, № 230 (*А*) и ГПБ, Погодинский, № 1311 (*Б*), — мы обнаруживаем прежде всего, что новый список *А* отличается особой близостью к известному уже списку *П*. Сходен состав этих списков: в обоих сборниках тексту „Послания" царя предшествуют „Послания" Курбского Ивану Грозному, Тетерина и Сарыхозина — Морозову, Полубенского (в списке *А* нет только „Послания" Курбского в Псковско-Печерский монастырь). Текстологическое сличение всех четырех списков обнаруживает ряд совпадений между *П* и *А* — даже в явных описках; в списках *К* и *Б* в соответствующих местах текст читается иначе. Так, например, в *ПА* в начале „Послания" (с. 9),[93] при перечислении предков Ивана IV, пропущено имя Дмитрия (Донского) — в *КБ* оно читается; в *ПА* читается — „писание же твое. . . вразумлено и внятельно" (с. 13) — в *КБ* правильнее: „вразумлено внятельно", в *ПА* читается непонятное обвинение Курбского, что он „вправду с вами злобесовскими советники" (с. 14) — в *К* яснее: „поправшу с вами" (т. е. «поправшу» заветы христианства), в *Б* еще лучше: „поправшим вас с своими. . . советники"; в *ПА* пропущено отчество смоленского князя Федора „Ростиславич" (р. 19) — в *КБ* оно читается; в *ПА* при перечислении правителей Византии называются непонятные „пилаты" (с. 24) — в *КБ* правильно: „ипаты"; в *ПА* читается: „Рим со всею Италиею от греческого царства оттого же вся" (с. 26) — в *КБ*: „отторжеся", в *ПА* в процитированном царем вопросе Курбского: „почти есмя сильных во Израиле побили" (с. 29) — пропущено слово „сильных" — в *КБ* оно читается: в *ПА* царь доказывает, что он не станет казнить „подвластных, имущих разум" (с. 31) — в *КБ* правильно: „имуще разум"; в *ПА*: „по не времени" (с. 33) — в *КБ*: „не по времени", и т. д.».[94] Далее Я. С. Лурье отмечает весьма важное принципиальное явление, которое нужно иметь в виду всем изучающим разночтения: «Следует отметить, что совпадение между *К* и *Б* здесь объясняется только тем, что *ПА* в этих случаях дают явно неверное чтение (разрядка моя, — *Д. Л.*); никакой специальной близости списков *Б* и *К* мы не обнаруживаем: список *Б* нигде не повторяет многочисленных ошибок и погрешностей списка *К*. Так, список *Б* правильно называет имена трех сыновей императора Константина —

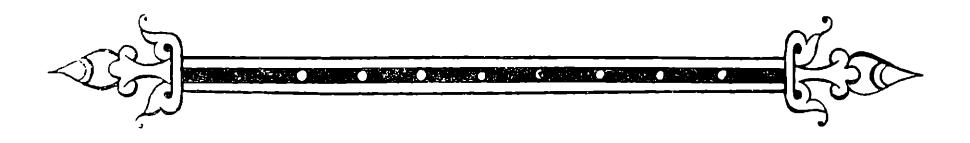
[93] В дальнейшем в скобках указываются страницы по изданию: Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, перевод и комментарии Я. С. Лурье, под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.

[94] Я. С. Лурье. Новые списки «Царева государева послания во все его Российское царство». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 307. — Ср. более полное сопоставление списков в кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 318—320.

„Констянтин, Констянтий и Конста“ (с. 24), в то время как список *К* одного из них пропускает, а двух других сливает в единого „Констянтина“; в списке *К* об отставке Сильвестра говорилось: „мы же его благословив, не отпустившу“ (с. 41) — созавалось впечатление, что царь отказал Сильвестру в отставке; в *А* читается „его благословение отпустившим“; в *Б* яснее всего: „его благословне отпустившим“; вместо ошибочного „Янушу“ (т. е. венгерскому королю Яну Заполе, — *Д. Л.*) в списке *К* (с. 42), в *АБ* читается — „Янушу“, вместо „Евтропию скупцу“ — „Евтропию скопцу“; в *АБ* читается имя Дионисия (Ареопагита) как автора рассказа, приводимого Грозным, в *К* оно пропущено (с. 57), и т. д.».[95] Таким образом, списки *А* и *П* имеют общий протограф. Этот протограф списков *АП* вместе со списками *К* и *Б* независимо друг от друга восходит к общему архетипу.

---

[95] Там же, с. 307—308.

Глава VI

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТЕКСТА

ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТА В СОСТАВЕ СБОРНИКОВ

Большинство древнерусских литературных произведений дошло до нас в составе сборников.

Хорошую характеристику того, что представляют собой сборники в древнерусской письменности, дает В. О. Ключевский в своем «Курсе лекций по источниковедению». «Сборник — характерное явление древнерусской письменности. В каждом рукописном собрании, уцелевшем от Древней Руси, значительная часть рукописей, если не большинство, — непременно сборники. Можно даже сказать, что сборник был преобладающей формой древнерусского книжного дела. Эта форма была завещена ему частью византийской и южнославянской письменностью, частью создалась самобытно средствами древнерусской книжности и вызвана была потребностями древнерусского читающего общества, неизбежно возникавшими при рукописном способе распространения литературных произведений. Видное место занимал сборник в письменности Византии в последние века ее самостоятельного существования. Наша древняя письменность оставила нам сравнительно немного крупных оригинальных произведений, составленных по одной программе. Гораздо более любили в Древней Руси форму краткой статьи, слова, поучения, небольшого рассказа. . . Огромное количество оригинальных древнерусских произведений носит характер более или менее краткой статьи. Эти статьи были слишком малы, чтобы каждая из них могла составить отдельную рукопись, и удобство читателя заставляло соединять их в сборники в том или другом порядке или подборе, смотря по книжным средствам и потребностям писца и читателя. Форма сборника, господствовавшая в древнерусской письменности, проникала иногда в самый состав даже цельных литературных произведений. Памятники, первоначально цельные по своему содержанию и литературной композиции, иногда теряли под руками позднейших редакторов свой первоначальный вид, разбиваясь на отдельные статьи или осложняясь новыми прибавочными статьями, и, таким образом, принимали характер

сборников. Так и первоначальные летописи в позднейшей письменности путем вставок и сшивок превращались в летописные своды. Многие жития наших древних святых из кратких записок разрастались в сложные литературные здания, строившиеся по частям и в разные времена».[1]

Связь, которая существует между дошедшими до нас литературными произведениями и составом включивших их в себя сборников, может быть очень различна — от самой тесной по содержанию до минимальной, от исторически сложившейся до случайно создавшейся в единственном списке в результате механической работы последнего писца или даже просто переплетчика, соединившего различные по содержанию и разновременные рукописи.

Изучение исторически сложившихся сборников с устойчивым или с относительно устойчивым составом открывает новый, дополнительный источник для восстановления истории текста входящих в них литературных произведений, а также для суждения о литературных вкусах читателей и переписчиков, для выяснения того, как понимался древнерусскими читателями и переписчиками жанр произведения, его идейный смысл и пр.

К сожалению, необходимость изучения состава некоторых сборников и особенно того явления, которое мы в дальнейшем будем называть «конвоем» памятника, недостаточно осознается еще историками древнерусской литературы. Памятники древнерусской литературы издаются по большей части без указания на их текстологическое окружение в списках. Не всем ясно также — что́ именно необходимо изучать в этом текстологическом окружении.

Обратимся к типам древнерусских сборников.

Прежде всего отметим те сборники, которые по устойчивости своего состава и внутренней идейной связанности всех своих частей могут рассматриваться как отдельные самостоятельные произведения.

Входившие в эти сборники произведения частично специально перерабатывались для этих сборников (сокращались или расширялись в каком-либо особом направлении, разбивались на отдельные эпизоды и включались этими эпизодами в различные места сборника по хронологическому или тематическому принципу, и т. п.), частично же сохраняли признаки своей самостоятельности — в зависимости от характера сборника. В большинстве случаев такие сборники устойчивого содержания (т. е. содержания, сохранявшегося при их переписке) обладали даже особыми названиями и, следовательно, действительно воспринимались их читателями как единые произведения. К сборникам этого типа принадлежат различные летописные своды, «времен-

---

[1] В. О. Ключевский. Курс лекций по источниковедению. — Соч., т. IV. М., 1959, с. 62—63.

ники», хронографы, степенные книги, разного типа палеи (историческая, хронографическая и пр.), Еллинский и Римский летописец, сборники религиозно-нравственного содержания с определенными названиями («Измарагд», «Златая матица», «Златая цепь», «Златоуст», «торжественники» различных видов — минейные, триодные, торжественники в виршах и т. д.), сборники житий (патерики, прологи и пр.), сборники изречений («Стословец» Геннадия, «Пчела» и др.) и т. д.

Текстологические принципы изучения летописных сводов и хронографов были указаны А. А. Шахматовым в ряде его работ.[2]

Кроме того, текстологические принципы изучения сборников устойчивого состава религиозно-нравственного содержания были отчасти указаны в работах В. А. Яковлева, А. С. Орлова, а в последние годы Т. В. Черторицкой и Е. А. Фет.[3] Если этими принципами в настоящее время исследователи и не всегда пользуются, то не потому, что они заменяют их более совершенными, а вследствие того, что принципы эти требуют от текстолога огромной эрудиции и еще большего трудолюбия.

Менее устойчив состав сборников, которые мы могли бы назвать циклами произведений. История древнерусской литературы знает немало циклов произведений, объединенных каким-либо одним общим (географическим, хронологическим или тематическим) признаком. К сожалению, эти циклы произведений изучаются крайне недостаточно. К таким циклам принадлежит цикл новгородских произведений XV в., изданных в свое время порознь Г. Кушелевым-Безбородко.[4] Лишь в работе Л. А. Дмитриева легендарно-биографические сказания древнего Новгорода получили освещение именно как совокупность памятников, объединенных общими литературными и эстетическими тенденциями.[5] В единый

---

[2] А. А. Шахматов пишет: «. . .замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможность определить его состав и происхождение. . . единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический» (А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — В кн.: Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899, с. 118).

[3] В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893; А. С. Орлов. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905; Т. В. Черторицкая. 1) О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (триодного типа). — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980; 2) К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника. — В кн.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982; Е. А. Фет. Новые факты к истории древнерусского Пролога. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси.

[4] См.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова, вып. 1. СПб., 1860.

[5] Л. А. Дмитриев. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.

цикл входят повести муромские.[6] Долгое время «Повесть о разорении Рязани Батыем» рассматривалась вне связи с теми произведениями, с которыми она несомненно составляет единый рязанский цикл.[7]

Каждое из произведений, входящее в такой цикл, переписывается, постепенно изменяется или решительно перерабатывается в составе всего цикла (до той, конечно, поры, пока оно из него не изымается для какой-либо цели), и поэтому текстологически оно должно изучаться в неразрывной связи с историей всего цикла, иначе многие из изменений текста просто окажутся непонятными.

Есть, наконец, сборники, которые мы можем рассматривать также как вполне устойчивые, хотя устойчивость их и не проверена многократной перепиской в одном и том же составе. Это — сборники, известные только в одном экземпляре (как Изборник Святослава 1076 г., Паисиевский сборник XIV в. и др.), но объединенные строгим замыслом их составителя. Иногда сборник отражает интересы своего составителя в какой-нибудь узкой области знаний, моральных или религиозных вопросов. Иногда составитель интересуется положением какой-то определенной группы населения. Так, например, составитель сборника ГПБ, Софийского собрания 1459, сделал своеобразную подборку повестей о купцах: «О Федоре купце», «О христолюбивом купце, ему же сотвори пакость бес, милостыни его не терпя», «О двою купцу», «О некоем старце, умершем в блуде».

Уже из последних примеров мы видим, что само понятие «сборник» нуждается в уточнении. Понятие «сборник» может быть применено ко всей рукописи, в которую входят несколько произведений, объединенных единым переплетом, но мы можем назвать сборником и такой свод произведений, которые в реальной рукописи под общим переплетом составляют только часть ее текста. Так, например, цикл рязанских произведений почти во всех дошедших до нас рукописях составляет только их часть, а иногда под единым переплетом находится в соседстве с другими такими же циклами-сборниками или даже входит сам в состав более обширного сборника. В подобных и аналогичных случаях встает задача изучить данный сборник в составе того сборника, в который он входит как часть. Сборники могут входить друг в друга. И перед текстологом, изучающим историю текста, входящего в эти слож-

[6] Муромский цикл обычно составляют в рукописях XVII в. «Повесть о Марфе и Марии», «Житие князя Константина и чад его князя Михаила и князя Федора», «Повесть о Василии Муромском», «Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Повесть об Ульянии Осоргиной» и «Повесть о Василии Микулине» (Русская повесть XVII века. Сост. М. О. Скрипиль, ред. И. П. Еремин. Л., 1954, с. 363). См. также: Повесть о Петре и Февронии. Подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

[7] См. об этом: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, с. 257.

ные по своему взаимоотношению сборники, встает необходимейшая задача раскрыть их состав, изучить их историю, разобраться в их исторически сложившихся взаимоотношениях.

Но может быть и так, что то или иное произведение не входит в состав сборника, объединенного каким-либо единым принципом, а просто сопровождается в рукописях каким-либо одним или несколькими произведениями. Именно на этом случае, до сих пор почти не привлекавшем к себе внимания, и следует остановиться особо.

В самом деле, писец может переписывать рукопись целиком или частями, но по нескольку произведений сразу. От этого то или иное, даже вполне случайное, соседство может повторяться в последующей переписке. Случаи такого рода нередки, и они имеют очень большое текстологическое значение, так как почти всегда указывают на единую текстологическую традицию, а установление текстологической традиции прямым образом ведет к установлению истории текста. Если же этот «конвой» произведения другими произведениями не случаен, а имеет свое объяснение в понимании древнерусскими книжниками жанра произведения, его темы или его идейной сущности, то он чрезвычайно важен и для решения целого ряда чисто историко-литературных вопросов.

К сожалению, описания списков, которые прилагаются к публикациям древнерусских литературных памятников, в подавляющем большинстве не имеют полного перечисления всего содержания используемых в публикации рукописей, поэтому конвой памятников почти не изучен. Конечно, не все важно в составе рукописей. Если единым позднейшим переплетом объединены несколько рукописей разных почерков, то полное описание такого сборника представит интерес только для истории самой рукописи, для истории же текста понадобится описание только той ее части, которая написана одним почерком или, если и группой писцов, то объединенных единой «артелью».[8]

Только в той части памятника, которая переписана одним писцом или «дружиной» («артелью») писцов, работавших по указанию заказчика, мы можем определить то важное текстологическое явление, которое я предлагаю называть «конвоем». Под этим последним термином следует разуметь такое сопровождение текста изучаемого произведения в сборниках, которое может рассматриваться как традиционное, повторяющееся в различных рукописях, хотя бы даже у изучаемого произведения и не было внутренней связи с памятниками, его сопровождающими.

---

[8] При больших монастырях или при дворах епископий и митрополии рукописи переписывались иногда целой «дружиной» писцов. В этом последнем случае работа дружины писцов (она может быть в большинстве случаев текстологически установлена без особого труда) представляет такой же интерес, как и работа одного писца.

Следовательно, «конвой» — это не просто окружение памятника в рукописях, а только такое окружение, которое может считаться более или менее постоянным — устойчивое сопровождение памятника, окружение, повторяющееся во многих списках.

Конвой может занимать в рукописях различное положение относительно изучаемого памятника. Он может следовать за памятником, предшествовать ему, может состоять из одного произведения или многих, но сочетание его с тем или иным конкретным произведением или редакцией произведения более или менее однотипно, что объясняется традицией переписки.[9] Поэтому самое важное качество его, на которое следует обращать основное внимание при изучении конвоя, — это его относительная стабильность и стабильность его положения относительно основного исследуемого памятника.[10] Так, например, в конвой цикла рязанских повестей о Николе Заразском входит «Повесть об убиении Батыя» Пахомия Логофета. Эта повесть конвоирует рязанский цикл не во всех его редакциях, а только в древнейших и, кстати, служит одним из признаков, по которым эти редакции могут быть опознаны. Это объясняется тем, что «Повесть» эта рассматривалась переписчиками и древними редакторами текста как произведение того же круга и о тех же событиях, к тому же оно отвечало стремлению переписчиков к реваншу, к возмездию Батыю за страшный разгром Рязани. Переписывая в XV в. старые рукописи, где «Повесть» еще не входила в состав рязанского цикла, переписчики присоединяли к этому циклу «Повесть».

Весьма важно отметить, что, имея общую судьбу в рукописях, произведения, традиционно входящие в состав сборников более или менее определенного состава, подвергались общим изменениям: языковым, редакционным, общей порче и общим «улучшениям».

Как показывает изучение древнеславянских сборников, некоторые из них переписывались и переделывались целиком, в полном своем составе, как единое целое. Это значит, что приемы обращения переписчика или переделывателя с текстом изучаемого нами произведения могут оказаться одинаковыми или по крайней мере сходными на протяжении всего переписываемого или переделываемого сборника.

Следовательно, не только с о с т а в, но и самый т е к с т сборников во всех его деталях надо учитывать как единое целое.

---

[9] См. также наблюдения О. В. Творогова над своеобразным «конвоем» «Хронографа по великому изложению» — группой текстов, к которым обращались древнерусские книжники, использовавшие в своих компиляциях текст «Хронографа» (О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 66—69).

[10] Конечно, понятие конвоя относительно. Если текстолог меняет тему исследования, то тот памятник, который он раньше изучал как основной, может оказаться в свою очередь в конвое его нового исследуемого произведения.

Писец сборника применяет однотипную правку по всему сборнику и вносит в одно из произведений изменения под влиянием другого. Так, в тексте древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в составе Виленского хронографа переписчик последнего (в книге V, гл. V и VI) опустил описание 12 камней на ризе иудейского первосвященника. Причина этого пропуска ясна: описание первосвященнического облачения читатель мог бы найти перед тем в том же хронографе в тексте древнерусской «Александрии». И, кроме того, об этих 12 камнях подробно говорилось в том же сборнике выше, в библейской книге «Исход» (28, 4—39) со вставками из пропущенного места «Истории» Иосифа Флавия.[11]

Для выяснения истории текста «Русской Правды» исключительное значение имеет ее окружение в сборниках. В. П. Любимов писал об изучении «Русской Правды» в составе сборников: «. . . стоит лишь внимательно заняться Русской Правдой, как изучающий ее столкнется с необходимостью изучить не только Русскую Правду самое по себе, но и те кодексы, в состав которых она входит, ибо если по своему происхождению и содержанию Русская Правда является памятником самостоятельным, то в письменной традиции наш памятник не является таковым. До нас не дошло ни одной рукописи (за исключением подделок), которая имела бы своим содержанием одну Русскую Правду. Русская Правда есть всегда часть того или иного массива: или это летопись, или древнерусский юридический сборник „Мерило праведное", или огромный сборник канонического и общегражданского права „Кормчая книга", или же сборники иного рода, как юридические, так и другие. И Русская Правда, входя как часть в такое целое, ж и л а в м е с т е с э т и м ц е л ы м (разрядка моя, — *Д. Л.*). История ее текста поэтому должна изучаться вместе со всем кодексом, что подчеркнул и стал осуществлять уже Розенкампф в своем известном труде о Кормчей книге, в котором наш памятник особенно часто встречается. Недаром Калачов должен был дать исследования не только о самой Русской правде, но и о Мериле Праведном и о Кормчей книге, — исследования, впрочем, предварительного характера.[12] Ключевский связал вопрос о происхождении „Русской Правды" с „Кормчей книгой", и если его гипотеза неверна, то, может быть, это случилось потому, что вопрос о связи этих памятников не изучен, а самые памятники не изданы. Зато исследование проф. Стратонова о происхождении крат-

[11] См. об этом: Н. А. М е щ е р с к и й. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 31.

[12] Николай К а л а ч о в. 1) Исследования о Русской Правде, ч. 1. Предварительные юридические сведения для полного собрания Русской Правды. М., 1846; 2-е изд. СПб., 1880; 2) О значении Кормчей книги в системе древнего русского права. М., 1850; 3) Мерило праведное. Архив историко-юридических сведений, отд. III. М., 1850; 2-е изд. СПб., 1876. (*Примечание В. П. Любимова*).

кой редакции „Русской Правды“ привело к очень важным и обоснованным выводам именно потому, что оно связано с изучением летописи.[13]

На эту сторону данной работы, на связанность изучения летописи, как целого, с „Русской Правдой“, как частью, и обратил внимание в своей рецензии А. Е. Пресняков, отметивший этот метод в работе С. В. Юшкова о древнерусских юридических сборниках,[14] в которые входит и „Русская Правда“».[15]

Именно такой подход к изучению текста сборников позволил В. П. Любимову решить крайне сложный вопрос о происхождении «Сокращенной Русской Правды».[16] О том, что представляет собой «Сокращенная Правда», писалось много, и точки зрения были очень разнообразны. В исследовательской литературе высказывалось, например, мнение, что «Сокращенная Правда» вовсе не является обычным сокращением, что в основе ее лежит весьма древний памятник, восходящий к XI в., и пр.

До исследования В. П. Любимова были известны два списка «Сокращенной Правды» в составе Кормчих — Толстовской IV и Оболенского. В. П. Любимов обнаружил еще один список Кормчей с «Сокращенной Правдой» — Никифоровскую II. Во всех трех списках окружение «Сокращенной Правды» одно и то же, но Никифоровская II Кормчая представляет собой переходный тип к Толстовской IV и Кормчей Оболенского. Исследование «Сокращенной Правды» не изолированно от содержащих ее Кормчих, а в целом, вместе с текстом всех трех Кормчих, совершенно точно доказывает, что «Сокращенная Правда» является действительным сокращением «Пространной Русской Правды» и что это было делом составителя той Кормчей, от которой идут Толстовская IV и Оболенского. Кормчая эта была составлена по Кормчей Никифоровской II или ближайшей к ней. К такого рода выводу привело В. П. Любимова внимательное исследование всего текста трех упомянутых Кормчих вместе с некоторыми материалами, использованными в конце Кормчих. Одни и те же приемы сокращения (например, устранение из текста имен и названий местностей) могут быть отмечены одинаково и в тексте Кормчих Толстовской IV и Оболенского, и в тексте «Сокращенной Правды». Очень сходны также, например, сокращения, сделанные в «Избрании из законов Моисеевых», Кормчих Толстовской IV и Оболенского с сокраще-

---

[13] И. А. Стратонов. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской правды. Казань, 1920. (*Примечание В. П. Любимова*).

[14] С. В. Юшков. К истории древнерусских юридических сборников. (XIII в.). Саратов, 1921. — Рецензия А. Е. Преснякова в журнале «Книга и революция», 1921, № 1 (13), с. 45—47. (*Примечание В. П. Любимова*).

[15] В. П. Любимов. Об издании «Русской Правды». — В кн.: Проблемы источниковедения, сб. 2. М.—Л., 1936, с. 299—300.

[16] В. П. Любимов. Новые списки Правды Русской. — В кн.: Правда Русская, т. II. Под ред. академика Б. Д. Грекова. М.—Л., 1947, с. 840 и сл.

ниями текстов «Сокращенной Правды», содержащихся в этих кормчих.

Исключительно важен анализ состава сборников для установления общего протографа двух списков. Исследуя тексты «Сказания о князьях владимирских», Р. П. Дмитриева пишет: «Близкие тексты в большинстве случаев входят в сборники со сходным составом статей».[17] Рассмотрение состава сборников помогает Р. П. Дмитриевой сделать целый ряд важных выводов относительно происхождения списков «Сказания». Так, по поводу двух списков Р. П. Дмитриева пишет: «Одинаковый состав сборников свидетельствует о том, что оба сборника почти целиком были переписаны с одной и той же рукописи или рукописей, близких друг другу».[18] Аналогичные выводы делаются Р. П. Дмитриевой и в отношении ряда других списков «Сказания». Дополнительно к анализу разночтений списков Р. П. Дмитриева дает сведения о содержании сборников и расположении в них статей. Анализ разночтений может контролироваться анализом содержания сборников и наоборот. Если выводы изучения состава сборников, в которых находятся списки произведения, говорят о том, что состав этот восходит к одному общему источнику, то он должен подтвердиться анализом разночтений этих сборников целиком, во всех их статьях. Совпадение выводов по изучению состава сборников и их разночтений позволяет рассматривать их как бесспорные.

В иных случаях связь между различными частями сборников может выступать в самых неожиданных сочетаниях. Даже, казалось бы, ничем не связанные между собой особенности самого текста или его содержания, состава сборников сопутствуют друг другу. Н. И. Серебрянский, например, замечает о проложном Житии княгини Ольги: «Жития Ольги не находим обычно в таких списках Пролога с Житием Бориса и Глеба, начинающимся словами: „Святой мученик Борис. . .“, и с не апокрифическою статьею о равноапостольном Константине. Прочитав в Прологе, хотя бы XVII в., эти статьи, почти с уверенностью можно сказать, что под 11 июля нет памяти и жития Ольги, и, наоборот: раз в Прологе помещено житие Ольги, то под 24 июля найдем вторую редакцию жития Бориса и Глеба, а под 21 мая легендарные рассказы о равноапостольной Елене и о крещении Константина».[19]

Изучение состава сборников, главным образом с точки зрения истории сложения этого состава и общей судьбы входящих в эти сборники произведений, помогает и в выяснении целого ряда историко-литературных проблем, связанных с изучением

---

[17] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, с. 18.

[18] Там же, с. 19.

[19] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915, с. 23—34.

произведения. Здесь могут быть легко открыты данные, позволяющие уточнить идеологию составителей сборников, их политические тенденции, понимание произведения древнерусскими читателями и переписчиками, данные об авторе произведения и о времени его создания, данные для определения состава произведения и для реконструкции его не дошедших до нас редакций.

Политические тенденции составителей сборников могут быть продемонстрированы на примере истории создания сборников ханских ярлыков русским митрополитам. В своей интересной в методическом отношении книге, посвященной ханским ярлыкам русским митрополитам, М. Д. Приселков изучил их в составе тех сборников или «коллекций», в которых они до нас дошли.[20] Оказалось, что все ярлыки и грамоты были уже в начале XVI в. собраны в специальный сборник, имевший определенную политическую цель. Этот сборник впоследствии несколько раз видоизменялся под влиянием определенных потребностей. Ханские ярлыки, представлявшие, казалось бы, односторонний интерес только для истории русской церкви XIII—XIV вв., неожиданно обрели значение для изучения взаимоотношений церкви и государства в XVI в., для церковной политики того же времени. Кроме того, изученные в своем целом, они позволили объяснить изменения, которые претерпел их текст, выяснить целенаправленность их переработки в руках церковных деятелей XVI в.

Вот как характеризует М. Д. Приселков историю создания первой, краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам: «. . . когда-то в первой половине XVI века (вероятно, между 1503 и 1550 гг.) неизвестное лицо, проникнутое страстной идеей о неотчуждаемости церковных и монастырских земель, обратилось, как к средству защиты, к обнародованию тех ханских ярлыков, какие можно было найти в архиве митрополита („еликоже обретохом во святейшей митрополии старых царей ярлыки"). По мысли этого лица, ярлыки должны были — сопоставлением милостей к церкви поганых ханов с замашками современных этому лицу православных князей и бояр, ослепленных заботою об обиде святой церкви и ее имущества, — показать ложный путь, на котором стоял правительственный верх: когда уже не действуют доказательства иные, основанные на христианской правде, приходится обратиться к „наказанию от саракин" тем, кого нужно назвать „не разумеющими по-истине бога". На автора приведенных соображений весь вопрос в современной его постановке производил тяжелое впечатление: „но, ох, увы, слезы мя постигоша велики". . . Итак, лицо, близкое к митрополиту, по крайней мере имевшее доступ в архив митрополичьей кафедры, лицо весьма литературно образованное, для убеждения в чем достаточно по-

[20] М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. — Записки Историко-филологического факультета имп. Петроградского университета, 1916, ч. CXXXIII.

смотреть послесловие коллекции, принялось за составление коллекции ханских ярлыков русским митрополитам».[21]

Далее М. Д. Приселков подробно анализирует все изменения текста, состав коллекции и политические соображения, их вызвавшие, а также последующую историю коллекции в новых ее редакциях.

Только изучив состав коллекции и приемы ее составления, а также всю последующую историю, М. Д. Приселков считает возможным перейти к восстановлению и анализу отдельных ханских ярлыков и грамот.

Важные указания для вопроса о понимании древнерусскими переписчиками жанра и содержания «Сказания о киевских богатырях» дает изучение состава сборника 1642 г., в котором Е. В. Барсов нашел один из списков «Сказания».[22] В «Сказании о киевских богатырях», как известно, рассказывается о «путешествии» русских богатырей в Царьград. В том же сборнике помещены «Путешествие Трифона Коробейникова» и «Слово о киевском купце Борзосмысле». Следовательно, в сборнике собраны рассказы о путешествиях русских на Восток. Отсюда можно предполагать, что и интерес переписчиков середины XVII в. к «Сказанию о киевских богатырях» был интересом географически-познавательным в первую очередь. Было бы, конечно, очень важным установить, возник ли этот состав сборника 1642 г. под рукой непосредственного составителя в 1642 г. или он традиционно восходит к более раннему времени. Отсюда ясно, что изучение состава сборников помогает получить объективные данные о том, к а к рассматривалось, к а к оценивалось, с ч е м сопоставлялось то или иное произведение в определенные моменты своего существования.

«Повесть о двух посольствах», касающаяся русско-турецких отношений XVI в., не случайно конвоируется другими произведениями, также касающимися русско-турецких отношений.[23] Очевидно, что древнерусских книжников в этой «Повести» особенно интересовал вопрос русско-турецких взаимоотношений.

Изучение состава сборников имеет очень большое значение для установления принадлежности произведения определенному автору. Переписчики часто объединяли в сборниках произведения одного автора, например Грозного или Курбского.

Любопытен сборник, открытый В. Ф. Ржигой, в котором находятся сочинения Ермолая-Еразма. Изучение состава этого сборника в его целом позволило В. Ф. Ржиге установить принад-

---

[21] Там же, с. 63—64.

[22] Е. В. Б а р с о в. Богатырское слово. — Сборник ОРЯС, т. XXVIII, № 3, 1889, с. 8—11.

[23] М. Д. К а г а н. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 240.

лежность Ермолаю-Еразму еще ряда новых произведений.[24] Изучение конвоя произведений Ивана Пересветова помогло А. А. Зимину установить принадлежность Ивану Пересветову особой редакции «Повести о взятии Царьграда турками».[25] С. Иванов доказывает, что «Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным», на самом деле принадлежит сербскому писателю Льву Аниките Филологу. Один из аргументов его тот, что сборник, в котором дошел до нас лучший список жития, составлен из сочинений Филолога.[26]

Изучение состава сборников помогает также установить время возникновения того или иного произведения. Так, например, Н. И. Серебрянский обратил внимание на состав сборников, в которых находился изучаемый им памятник — распространенное проложное житие княгини Ольги, читающееся в единственной рукописи (ГБЛ, Румянцевское собрание, № 397, XVI в.). Н. И. Серебрянский не видит оснований относить его ко времени более раннему, чем XVI век. В самом составе рукописи Н. И. Серебрянский находит подтверждение этому выводу, сделанному им на основании изучения текста жития: «Обращаясь к составу рукописи № 397, и здесь мы не находим данных относить составление проложного жития ко времени раньше первой половины XVI в. Рукопись эта — псковская; в ней помещены псковские жития: бл. кн. Всеволода (пространное житие и статья об открытии мощей), преподобных Евфросина и Саввы Крыпецкого (проложные редакции). Житие Всеволода составлено известным псковским биографом святых, пресвитером Василием; его перу принадлежат и пространные жития Евфросина, Саввы, проложные же жития преподобных хотя составлены и по Васильевым подробным житиям, но, кажется, не самим Василием. В рукописи помещены также проложное житие Александра Невского — переделка подробного Василиева жития, проложное житие Петра и Февронии Муромских, написанное не раньше половины XVI в. Таким образом, большая часть статей в рукописи состоит из сочинений половины XVI в.; к этому времени, вероятно, относится и житие Ольги».[27]

---

[24] ЛЗАК, вып. XXXIII. Л., 1926. — См. также интересное исследование состава этого сборника: А. И. Клибанов. Сборник сочинений Ермолая-Еразма. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 178—207. — О Ермолае-Еразме как авторе см.: Повесть о Петре и Февронии. Подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой, с. 50—59 и сл.

[25] Сочинения Ивана Пересветова. Подгот. текст. А. А. Зимин. М.—Л., 1956, с. 16 и др.

[26] С. Иванов. Кто был автором анонимного жития преп. Иосифа Волоцкого. — Богословский вестн. 1915, сент., с. 173—190. — О Аниките Льве Филологе см.: Д. С. Лихачев. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог. — В кн.: Горски вијенац. A garland of essays offered to professor E. M. Hill. Cambridge, 1970, p. 215—219.

[27] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915, с. 37—38.

Исключительное значение имеет изучение состава сборников для выяснения границ произведения. В древней русской литературе часто нелегко бывает отграничить начало и конец произведения от произведений, входящих в его постоянное сопровождение — конвой. Поучительно, например, отношение исследователей к «Сказанию о князьях владимирских». Вследствие того, что исследователи не интересовались конвоем, из него была изъята его органическая часть: «Родословие литовских князей». Сходное же «Родословие литовских князей» в близком «Сказанию» «Послании» Спиридона-Саввы оставлялось. Только исследованием конвоя удалось правильно отграничить «Сказание» от сопровождающих его произведений и установить историю его текста.[28]

До последнего времени неясны были начало и конец «Сказания о начале Москвы». Произведение это и начиналось и заканчивалось довольно странно и неясно. Исследование конвоя позволило правильно определить границы этого произведения и выяснить состав того летописного сборника, в котором оно первоначально находилось и где получило свое окончательное литературное оформление.[29]

К интересным выводам приходит М. Н. Сперанский на основании изучения сборников в книге «Из старинной новгородской литературы XIV в.». М. Н. Сперанского интересовал список «Странника» Стефана Новгородца в сборнике БАН, 16. 8. 13 первой половины XVI в. Выяснилось, что сборник этот — собрание путешествий в чужие края. По-видимому, этот состав сборника не случаен. Сходного состава (но без «Странника» Стефана Новгородца) сборники Софийской библиотеки №№ 1464 и 1465 (ГПБ), причем, что особенно важно, идентичен и самый порядок следования статей. М. Н. Сперанский предположил: «Этот подбор „хождений“ в нашем сборнике нельзя не связывать с оживлением паломничества именно в Новгородской области в том же XIV в. (к которому относится и «Странник», — *Д. Л.*)». Это оживление М. Н. Сперанский объяснял «попытками Новгорода освободиться от церковной зависимости от Москвы, ставши в более тесную связь непосредственно с патриархией».[30]

История создания академического сборника проливает некоторый свет на особенности дошедшего в нем текста «Странника» Стефана Новгородца. Как показывает М. Н. Сперанский, с о с т а в сборника новгородский, но в тексте «Странника» имеется характерный псковизм в употреблении названия храма Софии

[28] См.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских.

[29] См.: М. А. Салмина. К вопросу о происхождении «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957.

[30] М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934, с. 17.

в форме мужского рода — «Святый Софей»: «Помилова ны бог и святый Софей премудрость божия»; «имать же святый Софей множество кладязь»; «святы Софей имать дверей 140».[31]

Характерно, что сборник Софийской библиотеки № 419 (ГПБ) близок к академическому сборнику 16. 8. 13 как по составу, так и по наличию того же псковизма: «святы Софеи». Отсюда возникает предположение, что текст «Странника», вошедшего в состав новгородского сборника XIV в., некоторое время перед тем переписывался в Пскове.

Особое значение этому проявлению псковского говора в двух списках «Странника» придает то обстоятельство, что он поддержан целым рядом псковизмов в сборнике XVI в. из собрания И. Е. Забелина № 416 (ГИМ), содержащем другой текст «Странника». Рукопись Забелина представляет собою механическое соединение трех сборников. Один из этих сборников — тот, в котором находится «Странник», — имеет ярко выраженные псковизмы на фоне средневеликорусской графики и фонетики. Здесь, следовательно, «Странник» явно выказывает следы своего происхождения из Пскова, что подтверждается всей окружающей его «литературной компанией» (выражение М. Н. Сперанского).[32] В связи с этим М. Н. Сперанский обращает внимание на то, что Стефан называет себя «Новгородцем» (или его так называет переписчик). «Как понимать это прозвище? — пишет М. Н. Сперанский. — Если допустить (что само по себе вполне естественно), что прозвище это указывает на происхождение Стефана из Новгорода (как и мы все время его себе представляли), то возникает вопрос: почему новгородец Стефан нашел нужным (или сам, или кто-либо другой, кого интересовало путешествие, в данном случае большой разницы нет по существу) прибавить к имени еще прозвище „Новгородец“? Если он жил и писал в Новгороде, то такая прибавка является совершенно ненужной и лишней. Но, может быть, появление этого прибавления получит свое естественное и вполне вероятное объяснение в том, что новгородец по происхождению Стефан писал свое произведение не в Новгороде, а в другом месте или что писание новгородского автора попало и получило распространение не в Новгороде, а в ином городе; в таком случае вполне уместно было бы или самому Стефану или лицу, заинтересовавшемуся его писанием, отметить (хотя бы в отличие от других Стефанов, здесь так или иначе известных или автору путешествия, или кому-либо другому) происхождение или прежнее пребывание автора текста в Новгороде. На такого рода предполо-

[31] О псковском происхождении подобной формы см. в статье А. А. Шахматова «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. По поводу книги: **Николай Карпнский**. Язык Пскова и его области в XV веке» (ЖМНП, 1909, № 7, с. 105—177).

[32] М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в., с. 21—22.

жение (в первой или во второй форме) наводит несколько аналогий употребления таких прибавочных к имени прозвищ в русской же старинной письменности: так, известная „Задонщина", писанная, весьма вероятно, где-то в области псковского говора или даже во Пскове, но не псковитянином, а пришлым человеком, вероятнее всего из Рязани, получила в заглавии, рядом с именем Софоний прибавку „Рязанца"; известный Максим святогорец, писавший в России, обычно прозывается Максимом „Греком", разумеется, в отличие от других соименных и, может быть, современных ему Максимов».[33]

Из этого примера видно, как важно, даже для такого вопроса, как вопрос о прозвище автора, знать историю текста произведения в его литературном окружении.

Однако приведенными данными о трех сборниках, содержащих текст «Странника» Стефана Новгородца, наблюдения М. Н. Сперанского не ограничиваются. Выясняется, что для истории текста произведения исключительную важность представляют иногда даже те сборники, которые не имеют текста изучаемого произведения, но сходны по составу с теми сборниками, которые его имеют.

М. Н. Сперанский обращает внимание на то обстоятельство, что сборник описаний Константинополя, включенный как часть в рукопись Забелина № 416 (ГИМ), о которой мы уже говорили выше, близок по составу к двум другим сборникам: ГИМ № 1428 и ГПБ Q.XVII.184. Причем забелинский сборник несколько отличается от двух других — ГИМ № 1428 и ГПБ Q.XVII.184, но все три, очевидно, восходят к одному общему оригиналу (возможно, через посредствующие звенья). Своим оригиналом все три сборника воспользовались различно. В забелинском сборнике весь материал сокращен — в том числе и «Странник» Стефана Новгородца. В двух других он не сокращен, но зато «Сказание о святых местех Царьграда» начала XIV в. заменено «Беседой о святынях Царьграда». Тексты «Сказания» и «Беседы» близки между собой, но чем объяснить их различия? Анализируя весь состав сборников и восстанавливая их генетические взаимоотношения, М. Н. Сперанский приходит к выводу, что «Сказание» и «Беседа» восходят к одному и тому же памятнику, содержавшемуся в том первоначальном и не дошедшем до нас сборнике, к которому восходят все три изучаемых сборника — забелинский, ГИМ и ГПБ. История всех трех сборников проливает свет и на текст «Странника» Стефана Новгородца в забелинском сборнике, представляющем собою сокращение (характерное для всех статей забелинского сборника) текста, который содержал не дошедший до нас оригинал всех трех сборников.[34]

---

[33] Там же, с. 47—48.
[34] Там же, с. 85—86.

Если бы М. Н. Сперанский не изучил взаимоотношения текстов всех сборников, содержащих тексты «Странника» Стефана Новгородского, и двух других сборников, близких к изученным, но не имеющих «Странника», различия в дошедших до нас текстах «Странника» оставались бы далеко не ясными. Можно было бы спорить о том — какой из текстов более первоначален, имело ли место сокращение текста «Странника» в забелинском сборнике или, наоборот, текст в рукописи БАН 16. 8. 13 представляет собою распространение первоначально более краткого текста и т. д., не ясен был бы и вопрос с псковизмами в текстах некоторых списков «Странника» и многое другое.

Изучение сборников не было доведено до конца М. Н. Сперанским, но и то, что он сделал, сразу же пролило свет на историю текста изучаемых им произведений.

Итак, изучение текста произведения в тесной связи с его окружением в составе сохранившихся рукописей должно быть признано одной из важных задач историков древней русской литературы. Если произведение сохранилось не в одном списке, то рассмотрение текстологического конвоя должно быть признано обязательным для всякой текстологической работы над ним.

Между тем в исследовании памятников древней русской литературы еще очень часты случаи, когда даже произведение, заведомо встречающееся в текстах летописей или хронографов, изучается вне состава этих летописей и хронографов — как будто бы оно имело самостоятельную историю. В самом деле, отдельные отрывки из летописей и хронографов легко могут быть приняты «по ощущению» за особые повести и изучаться отдельно (так, например, случилось с двумя летописными рассказами о взятии Москвы Тохтамышем). Такого рода «изучение» не имеет никакой ценности. Но ценность изучения может быть утеряна или в значительной степени уменьшена также, если произведение, находящееся и в составе сборников, изучается вне их состава.

Необходимость комплексного подхода к изучению текста произведений ставит перед историками древней литературы целый ряд новых задач. В частности, необходимо вернуться к текстологическому изучению очень многих древнерусских произведений, встречающихся в сборниках. Так, например, уже давно было обращено внимание на состав мусин-пушкинского сборника, в котором найдено «Слово о полку Игореве». Является ли этот состав стабильным? Некоторые данные прямо говорят об этом. В таком случае его необходимо внимательно проследить по сохранившимся в рукописях аналогичным подборкам произведений.

Изучение состава наших сборников и их истории позволит открыть новый, богатейший источник для истории общественной мысли Древней Руси, для изучения круга читательских интересов в различное время, в разных местностях и в разнородных социальных слоях.

*

В последнее время введенное мною в начале 60-х годов понятие «конвоя» широко вошло в обиход текстологических исследований, однако пользуются им не всегда достаточно критически. Дело в том, что наблюдения над конвоем довольно несложны и не требуют от исследователя особого трудолюбия, которое во всех других случаях необходимо для текстолога. Поэтому ряд «текстологов» ограничиваются изучением конвоя и заменяют им кропотливую работу по сличению текстов. Между тем свидетельства конвоя могут служить лишь проверкой и подтверждением для выводов основного исследования текста, но никак не заменой текстологического исследования. Изучение конвоя может дать прочные результаты, если устанавливаются соответствия между историей текста изучаемого произведения и историей текста тех произведений, которые входят в «конвой». «Конвоем» же может быть признано только постоянное сопровождение произведения — постоянное и по месту своего расположения относительно основного, изучаемого произведения (либо впереди, либо позади в одинаковой последовательности).

В 1971 г. Э. Кинан выступил с «сенсационным» утверждением, что переписка Грозного и Курбского подложна. Основывался он при этом главным образом на данных конвоя.[35]

Наблюдения Э. Кинана над распределением состава сборников, содержащих тексты Курбского и Грозного (если говорить только о том, что в этих наблюдениях прочного и несомненного), на основании которых он утверждает, что переписка Грозного и Курбского искусственно создана в XVII в., заключают мало нового сравнительно с тем, что уже было сделано Я. С. Лурье. Последним, в частности, уже было отмечено, что сочинения Грозного сохранились по преимуществу в сборниках XVII в. рядом с сочинениями его врага Курбского, составленными в Литве.[36] Естественно, что в России эти сборники не могли появиться при жизни Грозного, как не могли распространяться сочинения Курбского в XVI в. и в отдельном виде. Сочинения Курбского, а вместе с ними и адресованные ему письма Грозного, проникают на Русь в результате возобновившихся культурных отношений с польско-

---

[35] Edward L. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha, the Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971. 241 pp. — Все исследование Э. Кинана, касающееся двух десятков произведений, перевертывающее представления о них, которые сложились в результате полутораста лет изучения, занимает 99 страниц текста. Остальное в книге — приложения, составленные в основном Д. Уо. Последний проделал очень большую и полезную работу по уточнению датировок списков сочинений Грозного и Курбского. С концепцией Э. Кинана эта работа Д. Уо связана очень мало.

[36] Послания Ивана Грозного, М.—Л., 1951, с. 520—576 (Сер. „Литературные памятники“).

литовской частью Руси после событий Смуты. Именно это объяснение Я. С. Лурье и должен был бы опровергнуть Э. Кинан, прежде чем предложить свое, более сложное. Это не сделано в книге Э. Кинана, хотя объяснение Лурье полностью относится и к некоторым новым наблюдениям Э. Кинана над соответствиями между текстами первого послания Курбского, жалобы литовско-украинского монаха Исайи и предисловия «К читателю» Ивана Хворостинина, также связанного с польско-литовской Русью.

В самом деле, все отмеченные Э. Кинаном «странности» в рукописном бытовании произведений Курбского и адресованных ему посланий Грозного объясняются именно этим: Грозный адресовал свои произведения в Литву — в Литве они и сохранились; Курбский сам писал в Литве, и его письма в России при Грозном не могли распространяться. Из Литвы был и Исайя, который либо повлиял на Курбского, либо, вернее, сам испытал его влияние. Хворостинин, у которого мы находим соответствия с Курбским, жил в эпоху Смуты, в эпоху возобновившихся интенсивных культурных связей с литовско-польской Русью и тогда же встретился с «литовским» окружением Самозванца. Совпадения «Скифской истории» Лызлова с «Историей о великом князе московском» Курбского также закономерны: Лызлов был ученым польско-украинской культуры, и знакомство его с «Историей о великом князе московском» Курбского на территории западной Руси также понятно.[37] Появление полонизмов и западнорусизмов в поздних сочинениях Курбского вполне естественно для эмигранта, переехавшего в Литву, в западнорусскую языковую среду. Следовательно, Литва — вот ключ к особенностям бытования переписки Курбского и Грозного и бытования остальных произведений Курбского. Все остальное «от лукавого». Нет ничего удивительного и в том, что списки произведений Курбского и части произведений Грозного сравнительно поздние. Почти все произведения древней русской литературы XI—XVI вв. сохранились в поздних списках. Сближать время первого списка с временем написания произведения, как это делает Э. Кинан, значит игнорировать опыт изучения всей древнерусской письменности.

Не обременяя себя исчерпывающими текстологическими доказательствами, которые могут быть основаны только на данных сличения текстов отдельных списков, Э. Кинан объявляет свои предположения «рабочей гипотезой» и предлагает далее другим ученым исследовать с помощью этой гипотезы содержание произведений Курбского и Грозного. Это неправильно во всех отношениях. Анализ любого произведения не должен заранее подчиняться

[37] Э. Кинан пишет в примечании 42 на с. 212 о том, что будто бы не Лызлов сделал заимствования из «Истории о великом князе московском» Курбского, а, наоборот, неизвестный автор «Истории о великом князе московском» воспользовался «Скифской историей» Лызлова, но никаких строгих доказательств этого важного утверждения не приводит.

«рабочей гипотезе», каким-либо предположениям. Выводы должны следовать за анализом, а не анализ должен подчиняться той или иной предвзятой, наперед высказанной идее, хотя бы и объявляемой «рабочей гипотезой». Научный анализ слишком тяжко страдает от различного рода предвзятых и наперед заданных идей.

Первоочередная задача последующих исследований сочинений Грозного и Курбского состоит не в проверке предположений и предложений Э. Кинана, как несколько наивно предполагает автор, а в том, чтобы тщательно изучать историю текста всех известных нам произведений, изучить язык и стиль Курбского и Грозного, характерные особенности их литературной манеры на основании наиболее достоверных текстов.

Только идя от этого конкретного материала, а не от предположений и доводя исследование до полного конца, можно прийти к достоверным выводам. Исследование должно быть исчерпывающим.

Вопреки всяческим многочисленным оговоркам, в которых Э. Кинан признает, что работа им не закончена, что он дает лишь повод для размышлений и т. д., название книги звучит вполне категорично: переписка Курбского с Грозным признается «апокрифом» и в подзаголовке указано, что предметом исследования является датирование XVII веком Переписки, приписываемой князю Курбскому и царю Ивану IV. Следовательно, свой тезис Э. Кинан все же считает доказанным.

ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ

Литературные произведения Древней Руси — переводные и оригинальные — находятся между собой в тесном взаимодействии. Авторы, редакторы и простые переписчики Древней Руси постоянно вставляли в свои произведения целые отрывки, выражения, образы из древних произведений. Такого рода «улучшения» своего произведения за счет другого не считались предосудительными. Представления об авторской собственности в Древней Руси были иными, чем в новое время. Представления эти исторически менялись: они были своеобразны в античности, особы в раннем средневековье на Западе, а в Древней Руси они были не только отличны от нового времени, но менялись и по эпохам: авторское начало выступало более определенно в XVII в., менее определенно — в XVI и XV вв., еще менее четко — в эпоху до татаро-монгольского завоевания. Кроме того, в каждую эпоху развития древнерусской литературы представления об авторской собственности изменялись в зависимости от жанра произведения и от «ранга» автора (был ли он православным отцом церкви, князем, епископом или рядовым писцом). Развитие в Древней Руси представлений об авторе и об авторской собственности требует

специального изучения; не будем поэтому входить в детали. Укажем только, что переносы из произведения в другое образов, мыслей, отдельных кусков текста, создание новых произведений на новые сюжеты на основе предшествующих были постоянны.

В ряде жанров Древней Руси заимствования из произведений своих предшественников являлись даже системой работы. Так, например, летописцы всегда стремились пополнить свою летопись за счет работы других летописцев. Так создавались летописные своды. То же мы можем сказать и о составителях хронографов.

Отсюда ясно, почему литературные произведения Древней Руси нельзя изучать изолированно от произведений предшествующих, одновременных и последующих.

Изучение взаимозависимости литературных произведений Древней Руси может дать очень важный дополнительный материал для текстолога. В частности, оно помогает уточнить датировку создания произведения. Так, например, если мы знаем время появления произведений, повлиявших на то произведение, время создания которого мы стремимся установить, то это дает нам «terminus a quo»: ясно, что изучаемое произведение создано п о з д н е е повлиявших на него. Особенно следует стремиться установить, в какой своей редакции повлияло произведение на уточняемое. Это определение редакции повлиявшего произведения не только способно уточнить время создания произведения (если мы, конечно, знаем хотя бы приблизительную дату редакции), но очень много дает для изучения идеологии автора, круга его начитанности, для определения места создания произведения и пр.

Все, что мы знаем о повлиявшем произведении или о том, что представляла собой повлиявшая редакция произведения, может пригодиться при изучении памятника, на который это влияние было оказано.

Вот почему текстолог должен внимательно установить весь круг источников изучаемого произведения, он должен быть историком литературы в самом широком смысле этого слова. Правда, при этом перед ним стоят особые задачи по изучению текста, его истории, но эти задачи в дальнейшем так или иначе сливаются с задачами историка литературы.

Приведу пример важности изучения взаимосвязей произведения с другими произведениями для реконструкции истории его текста. Пример извлекаю из текстологических наблюдений над «Повестью о разорении Рязани Батыем».

Как известно, древнейший список «Повести о разорении Рязани Батыем» относится к сравнительно позднему времени — к XVI в. (ГБЛ, Волокол., № 523). Это значительно затрудняет изучение текста этой повести и реконструкцию ее первоначального вида. Вот почему чрезвычайно существенно выявить ее отражение в древнейших памятниках и, обратно, отражение в ней других произведений.

«Повесть о разорении Рязани» имеет буквальные текстовые совпадения с Новгородской первой летописью под 1224 г., со всеми редакциями «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г.», со «Словом о житии и о преставлении царя русского Дмитрия Ивановича», со «Сказанием о Мамаевом побоище», с «Повестью о взятии Царьграда турками» и др. Все эти произведения древнее дошедшего до нас старейшего списка «Повести о разорении Рязани» (Волоколамское собрание, № 523), относящегося к XVI в. Поэтому отражение в «Повести о разорении Рязани» этих произведений и обратное отражение в них «Повести» может дать очень многое для выяснения истории текста «Повести» в веках, от которых не сохранилось ее списков.

Остановлюсь только на соответствиях «Повести о разорении Рязани» с «Повестью о нашествии Тохтамыша», причем в редакции, включенной в Новгородскую четвертую летопись. Приведу эти соответствия параллельно.[38]

«Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» (*редакция Новгородской четвертой летописи*)	«Повесть о разорении Рязани Батыем (*редакция основная А*)
1. И гнаша в след его неколико дний. . . и поидоша по дорозе его с тщаниемь, и постигоша его близ придел Рязаньскиа земля (*с. 327*; *в Софийской первой летописи*: близ предел рязаньскых).	*1.* И сретоша его близ придел резански (*с. 290*). И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей (*с. 293*).
2. Инаа некая словеса изнесе о том, как пленити землю Рускую (*с. 327*).	*2.* И желая Рускую землю попленити (*с. 292*).
3. Нача сбирати воя и съвокупляти полки своа (*с. 328*).	*3.* И начаша совокупляти воинство свое и учредиша (*с. 289*; *в редакции основной Б*: начаше совокупляти войско свое и укрепляти, *с. 310*).
4. Се же бысть велика язва всем тотаром, яко и самому царю стужити о сем (*с. 332*).	*4.* И ездя по полком татарским храбро и мужествено, яко и самому царю возбоятися (*с. 293*).
5. Толико же [сечаху, дондежа][39] руце их и плещи их измолкоша, сила их изнеможе, сабли их не имуть, остриа их притупишася (*с. 333*).	*5.* Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася и емля татарскыа мечи и ссечаша их (*с. 293*).

[38] «Повесть о разорении Рязани Батыем» здесь и далее цитирую по изданию: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949. — «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» цитирую по «Полному собранию русских летописей» (т. IV, ч. 1, Новгородская четвертая летопись, вып. 2. Л., 1925).

[39] В основном списке Новгородской четвертой летописи стоящих в квадратных скобках слов нет; они дополнены по другим спискам.

6. Безбожнии бо силою разбиша двери церковьныя и сих мечи иссекоша (*с. 334*).

6. И приидоша в церковь соборную пресвятыа богородици и великую княгиню Агрепену матерь великаго князя, и снохами с прочими княгинеми мечи исекоша (*с. 292*).

7. Многи монастыри разориша, и многи церкви раздрушиша; в святых церквах убийство содеяше, и в священных олтарех кровопролитие сътвориша (*с. 334*).

7. А храмы божие разориша, и во святых олтарех много крови пролиаша (*с. 292*).

8. И беаше видети тогда в гради плачь и рыдание, и въпль мног и слезы неизъчетныа, крик неутолимый, стенание многое, охание сетованное, печаль горкаа, скорбь неутешимаа, беда нестерпимаа и нужа ужаснаа, горесть смертнаа, страх и трепет, и ужас, дряхлование, ищезновение, попрание, бесчестье, поругание, посмехание врагом, укор, студ и срамота, поношение и уничиждение, сиа вся приключишася на крестьянском роду от поганых за грехи наша (*с. 335*).

8. Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез, и воздыханиа, и страха, и трепета от всех злых, находящих на ны (*с. 298*).

9. И бяаше дотоле преже видети, была Москва град велик, град чюден, град многочловечен, в нем же множество людьи, в нем же множество огосподьства, в нем же множество всякого узорочья, и паки в единомь часе изменися видение его, егда взят бысть и посечен и пожжен, и нечего его видети, развеи токмо земля и персть, прах, пепел, трупья мертвых многа лежаще, и святые церкви стояще аки разорены, аки осиротевше, аки овдовевше . . . (*после изложения плача Церкви следует текст*): Вси лежать, вси уснуша и почиша, вси посечени быша и изьбьени, усечениемь меча умроша; несть позвонение в колоколы ни в било, несть зовущаго, ни текущаго, не слышати в церкви гласа поюща, ни слышати славословиа и хвалословия, не бысть в церквах стихословиа и благодарениа; въистинну суета чловечаскаа и бысть мятеж чловеческий; сице же бысть конець Московьскому

9. Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым [и земля — *редакция основная Б*] и пепел, а церкви все погореша, а великая церковь внутрь погоре и почернеша. Не един бо сий град пленен бысть, но и инии мнози. Не бе бо во граде пениа, ни звона, в радости место всегда плач творяще. Князь Ингварь Ингоревич поиде и где побьени быша братья его от нечестиваго царя Батыа: великий князь Юрьи Ингорович Резанский, брат его князь Давид Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревичь и многиа князи месныа, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы и резвецы, узорочие резанское. Лежаша на земли пусте, на траве ковыле, снегом и ледом померзоша, ни ким брегома. От зверей телеса их снедаема, и от множества птиц разъстерзаемо. Все бо лежаша, купно умроша,

пленению. Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочии гради и страны пленении быша (*с. 336—337*).

10. Отшедшим же тотаром, и потом не по мнозех днях благоверный князь Дмитрий и Володимерь, коиждо с своими боляри старейшими, въехаста в свою отчину, в град Москву, и видеша град взят и пленен и огнем пожжен, и святыа церкви разорены, а людьи побитых, трупьа мертвых бе-щисла лежащих, и о семь сжалиша си зело, яко и расплакатися има с слезами. Кто бо не въсплачется таковыа погибели градныа? Кто не жалуеть толика народа людей? Кто не потужить о селице множестве крестьян? Кто не сетуеть сицеваго пленения и съкрушениа? (*с. 338*; *далее похороны мертвых*).

едину чашу пиша смертную (*с. 296 — 297*; *далее следует плач Ингваря Ингоревича*).

10. Князь Ингварь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского богъм соблюден от злаго того отметника, врага христьянскаго. И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его все побиены от нечестиваго законопреступника царя Батыа, и прииде во град Резань и видя град разорен, а матерь свою, и снохи своа и сродник своих, и множество много мертвых лежаща и град разорен, церкви позжены и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великаго кричаниа, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертв. И едва отльеяша его, и и носяша по ветру. И едва отдохну душа его в нем. Кто бо не возплачетца толикиа погибели, или хто не возрыдает о селице народе людей православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет таковаго пленения? (*с. 295—296*; *далее похороны мертвых*).

Совпадает «Повесть о нашествии Тохтамыша» с «Повестью о разорении Рязани» и в отдельных выражениях. Так, в «Повести о нашествии Тохтамыша» дважды встречается сравнительно редкое слово «узорочье» (с. 336 и 338), столь частое в «Повести о разорении Рязани». Правда, в «Повести о нашествии Тохтамыша» оно употребляется только в значении «драгоценности», в «Повести о разорении Рязани» же это слово имеет переносное значение — «рязанские богатыри», «храбрецы». О татарине, убитом суконником Адамом, в «Повести о нашествии Тохтамыша» говорится, что он был «нарочит и славен» (с. 332). Слово «нарочит», «нарочитый» также редкое, и как раз в отношении некоторых из татар оно употребляется в «Повести о разорении Рязани»: «нарочитые богатыри Батыевы» (с. 294).

Итак, связь «Повести о нашествии Тохтамыша» с «Повестью о разорении Рязани Батыем» несомненна. Какая же из этих повестей на какую повлияла?

Бесспорно, что «Повесть о разорении Рязани» древнее конца XIV в., иначе говоря древнее и «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву», действие которой совершается в 1382 г. Сходные между обеими повестями места органически входят в состав «Повести о разорении Рязани», они не могут быть отнесены к элементам только внешнего оформления.

Непосредственное наблюдение над текстом также с бесспорностью убеждает в том, что «Повесть о разорении Рязани» первична по отношению к «Повести о нашествии Тохтамыша». Текст «Повести о разорении Рязани» за исключением плача Ингваря Ингоревича, не повлиявшего на «Повесть о нашествии Тохтамыша» (о плаче Ингваря Ингоревича см. ниже), лишен каких бы то ни было элементов стиля времени второго южнославянского влияния. «Повесть о нашествии Тохтамыша» же это влияние испытала и, в частности, одно место из «Повести о разорении Рязани» переработала именно в этом роде (см. выше, № 8 в таблице сличений).

Последовательность литературных реминисценций из «Повести о разорении Рязани» в «Повести о нашествии Тохтамыша» в основном совпадает с ходом развития «Повести о разорении Рязани». Это объясняется отчасти тем, что сюжет обеих повестей и лежащие в их основе события до некоторой степени сходны. Но это позволяет в известной мере судить о составе того текста XIV в. «Повести о разорении Рязани», который повлиял на «Повесть о нашествии Тохтамыша».

Отметим, что среди использованных в «Повести о нашествии Тохтамыша» текстов «Повести о разорении Рязани Батыем» отсутствуют две части последней: «Похвала роду рязанских князей» и «Плач Ингваря Ингоревича», наличные в обеих дошедших до нас древнейших редакциях «Повести о разорении Рязани» (в редакции основной *А* и в редакции основной *Б* обоих видов).

«Похвалы роду рязанских князей» мы касаться сейчас не будем (это вопрос сложный и особый),[40] а в отношении «Плача Ингваря Ингоревича» отсутствие его влияния на «Повесть о нашествии Тохтамыша» позволяет окончательно решить спор о том, наличествовал ли он в древнейшем виде «Повести о разорении Рязани».

Как уже было отмечено в исследовательской литературе А. И. Соболевским [41] и В. П. Адриановой-Перетц, плач Ингваря

---

[40] См. об этом в статье Д. С. Лихачева «Литературная судьба „Повести о разорении Рязани Батыем" в первой четверти XV в.» (сб. «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1961, с. 20—22). См. также: Д. С. Лихачев. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем». — Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963, с. 48—51.

[41] А. И. Соболевский. К «Слову о полку Игореве». — Известия по русскому языку и словесности АН, т. II, кн. 1. Л., 1929, с. 177—182.

Ингоревича в «Повести о разорении Рязани» и плач вдовы Дмитрия Донского Евдокии в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» имеют общие места.[42] Приведем оба плача параллельно:

Плач Евдокии по Новгородской четвертой летописи

Ведев же его княгини мертва, на постели лежаща, въсплакася горкым гласом, огненыа слезы от очию испущающе, утробою распалающе, в перси своя рукама бьюще, яко труба рать поведающи, яко ластовица рано шепчющи, и арганы сладковещающи и глаголющи: «Како умре живот мой драгий, мене едину въд[о]вою оставив? Почто аз преже тебе не умрох? Како заиде свет от очию моею? Где отходиши, сокровище живота моего? Почто не промолвиши ко мне, утроба моя, к жене своей? Цвете прекрасныи, что рано увядаеши? Виноград многоплодный, уже не подаеш плода сердцу моему и сладости души моей. Чему, господине мой милый, не възозриши на мя? Чему не промолвиши ко мне? Чему не обратишися на постели своей? Ужели мя еси забыл? Что ради не взираеши на мене и на дети мои? Чему им ответа не даси? Кому ли мене приказываеши? Солнце мое, рано заходиши; месяць мой красный, скоро поги-

Плач Ингваря Ингоревича в «Повести о разорении Рязани» (редакция основная *А*)

Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи (*с. 295—296*).

И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупиа мертвых лежаша, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои рукама биюще, и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию, яко поток, течаше и жалостно вещающи:[43] О милая моа братья и господине! Како успе животе мои драгии! Мене единаго оставиша в толице погибели. Про что аз преже вас не умрох? И камо заидесте, очию моею, и где отошли есте, сокровища живота моего? Про что не промолвите ко мне, брату вашему, цветы прекрасныи, винограде мои несозрелый?[44] Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мне — брату вашему, не промолвите, со мною? Уже ли забыли есте мене, брате своего, от единаго отца рожденаго, и единые утробы честнаго плода матери нашей —

---

[42] В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго». — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 78—81.

[43] Ср. в редакции основной *Б*: «Видя же то князь Ингварь Ингоревич, и возопи горким гласом, велми ревый, слезы от очию изпущающи, яко струю силну, утробою разпалающи, в перси рукама бьющи и гласом же, яко труба рати повещающим, яко арган слатко вещающе» (с. 317).

[44] В редакции основной *Б*: «многоплодниш» (там же).

баеши, звездо восточная, почто к западу грядеши? Царю мой милый, камо прииму тя, како тя обоиму, или како ти послужю? Где, господине, честь и слава твоя, господьство твое? Господин всей земли Руской был еси, ныне мертв лежиши, ником же владееши; многы страны примирил еси, ныне же смертию побежен еси, изменися слава твоя, и зрак лица твоего превратися в истление. Животе мой, како намилуюся тебе, како повеселуюся с тобой? За многоценныа багряница худыа сиа и бедные ризы приемлиши; не моего наряда одение на себе въздеваеши и за царскый венець худым сим платом главу покрываеши, за оплату красную гроб сий приимаеши. Свете мой светлый, чему помрачился еси? Гора великая, како погыбаеши? Аще бог услышить молитву твою, помолися о мне, княгини твоей, вкупе жих с тобою, вкупе ныне и умру с тобою; уность не отъиде от нас, а старость не постиже нас; кому приказываеши мене и дети свои? Не много, господине, радовахся с тобою; за веселие печаль и слезы приидоша ми, за утеху и радость сетование и скорбь яви ми ся. Почто родихся и родився, преже тебе како не умрох, да бых не ведала смерти тво[е]я, а своея погибели? Не слышиши ли, князь, бедных моих словес? Не смилят ли ся моя горкая слезы? Крепко еси, господине мой драгий, уснул: не могу разбудити тебе; с которыя воины еси пришел? Истомился еси велми; звери великие княгини Агрепины Ростиславне, и единым сосцом воздоеных многоплоднаго винограда? И кому приказали есте меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее, месяци красныи, скоро изгибли есте;[45] звезды восточные, почто рано зашли есте?[46] Лежите на земли пусте, ни ким брегома, чести-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Где господство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пусте, зрак лица вашего изменися во истлении. О милая моя братиа и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свете мои драгии,[47] чему помрачилися есте? Не много нарадовахся с вами![48] Аще услышит бог молитву вашу, то помолитеся о мне, о брате вашем, да вкупе умру с вами. Уже бо за веселием плач и слезы придоша ми, а за утеху и радость сетование и скръбь яви ми ся! Почто за не преже вас умрох, да бых не видел смерти вашея, а своея погибели. Не слышите ли[49] бедных моих словес жалостно вещающа? О земля, о дубравы поплачите со мною! Како нареку день той, или како возпишу его — в он же погибе толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удальцев. Ни един от них возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо в горести души моея язык мой связается, уста заграждаются,[50] зрак опу-

[45] В редакции основной *Б*: «месяц мой красной, скоропогибший».

[46] В редакции основной *Б* дополнительно: «Где, господине, честь и слава ваша?»

[47] В редакции основной *Б*: «Свете мой светлый».

[48] В редакции основной *Б* дополнительно: «уность бо не отиде от нас, а старость не постиже нас».

[49] В редакции основной *Б* дополнительно: «господине».

[50] В редакции основной *Б* дополнительно: «гортань премолкает, смысл изменяетца».

земнии на ложи свои идуть, а птица небесныя ко гнездом своим летять, ты же, господине, от своего дому не красно отходиши. Кому уподоблюся, како ся нареку? Вдова ли ся нареку? не знаю аз сего; жена ли ся нареку? остала есмь царя. Старыя вдовы, потешайте мене, а младыа вдовы, поплачите со мною: вдовья бо беда горчае всех людей. Како ся въсплачю или како възглаголю? Великий мой боже, царь царем, заступник ми буди; пречистая госпоже богородице, не остави мене, в время печали моей не забуди мене» (*с. 358—360*). Слыши, небо, внуши земли! Како въспевшу ти и како възглаголю о преставлении твоем? От горести душа язык связается, уста заграждаются, гортань премолкает, смысл изменяется, зрак опустевает, крепость изне[мо]гает; аще ли промолчю, нудить мя язык яснее рещи (*с. 360*).

смевает, крепость изнемогает.

А. И. Соболевский, впервые отметивший сходство плача Евдокии и плача Ингваря Ингоревича, счел плач Евдокии переделкой плача Ингваря, не приведя никакой аргументации. Он писал: «С „плачем“ рязанского князя представляет очень много общего „плач“ вдовы Дмитрия Донского по умершем муже. Текст „Слова о Дмитрии Донском“ приспособлен к московской обстановке; тем не менее одни и те же выражения, фразы в обоих плачах бросаются в глаза. Можно сказать, московский „плач“ — переделка рязанского».[51]

Против этой точки зрения высказалась В. П. Адрианова-Перетц, приведшая и доказательства обратной зависимости, — именно: плача Ингваря Ингоревича от плача Евдокии. В. П. Адрианова-Перетц справедливо отмечает, что гиперболическое описание горя [52] отвечает стилистической манере XV в., но маловероятно в памятнике XIII в. Заимствования из плача Евдокии выдают в плаче Ингваря и отдельные, не приспособленные к требуемому

---

[51] А. И. Соболевский. К «Слову о полку Игореве», с. 181.

[52] В. П. Адрианова-Перетц делает ссылку на следующее место плача Ингваря: «Видя же то князь Ингварь Ингоревич и возопи горьким гласом, велми ревый, слезы от очию испущающи, яко струю сильную утробою распалающиеся, в перси руками бьющи и гласом же яко труба рати поведающи, яко орган сладко вещающи» (В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго», с. 94).

смыслом двойственному числу выражения — более уместные в плаче Евдокии, чем в плаче Ингваря.[53]

Отметим попутно, что этих несоответствий в числе гораздо больше в редакции основной *Б* «Повести о разорении Рязани», чем в редакции основной *А*. Редакция основная *Б* ближе плачу Евдокии, чем редакция основная *А*, и в ней поэтому больше несообразных со смыслом плача Ингваря отдельных мест: в частности, — употребление по отношению ко многим убитым звательного единственного числа «господине» (трижды), единственного числа «месяц мой красный, скоропогибший)» (в редакции основной *А* единственное число заменено на множественное: «месяци красныи, скоро изгибли есте»).

Плач Евдокии имеет много параллелей в литературных памятниках XV—XVII вв.[54] Теоретически можно было бы предположить, что плач Ингваря Ингоревича восходит не к плачу Евдокии «Слова о житии и о преставлении», а к какому-то другому, неизвестному нам плачу, вероятнее всего вдовьему, из которого явился и плач Евдокии. Это предположение тем более правдоподобно, что плач Евдокии своими народными элементами резко выделяется в «Слове о житии и о преставлении», и некоторые списки этого «Слова» (в частности, тот, что находится в составе Никоновской летописи) не имеют плача Евдокии, что как будто бы позволяет предполагать его происхождение из вставки.

Тем не менее есть один признак, по которому мы можем безошибочно определить зависимость плача Ингваря именно от плача Евдокии в составе «Слова о житии и о преставлении». В плаче Ингваря имеется одно очень странное место, до сих пор не обращавшее на себя внимания исследователей; Ингварь говорит: «Како нареку день той, или како возпишу его» (с. 298). Непонятно — каким образом любители легких атрибуций не приписали всей «Повести о разорении Рязани» авторству князя Ингваря Ингоревича: он единственный из князей рязанских остался в живых, он от своего лица описывает как очевидец поле, усеянное трупами, он оплакивает рязанских князей и он же пишет о себе в первом лице «како возпишу», т. е. прямо указывает на себя как на лицо, собирающееся описать события. Дело, однако, объясняется проще: автор плача Ингваря Ингоревича, переделывая плач Евдокии, не знал, где ему остановиться и, перешагнув через плач, заимствовал часть своего материала из самого «Слова

[53] «Како успе, животе мой драгий. . . Како заиде, свете очию моею. . . кому приказываете мя, солнце мое драгое, рано заходящее, месяц мой красный, скоро погибший [в плаче Евдокии «солнце» и «месяц» — два эпитета, с которыми вдова обращается к умершему мужу, здесь они неудачно разделены] . . . свете мой светлый, чему помрачилися есте» (там же).

[54] Эти соответствия указаны в вышеназванной работе В. П. Адриановой-Перетц.

о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»: «Слыши, небо, внуши земли! Како въспевшу (в Софийской первой: «како в ъ с п и ш у», — *Д. Л.*) ти, како възглаголю о преставлении твоем? От горести душа язык связается, уста заграждаются, гортань премолкает, смысл изменяется, зрак опустевает, крепость изнемогает: аще ли промолчю, нудить мя язык яснее рещи» (с. 360); весь этот текст в «Слове о житии и о преставлении» дается автором от своего собственного лица, а не от лица Евдокии, но автор переделки «Повести о разорении Рязани» этого не заметил и перенес его в плач Ингваря.

Заимствование выдает и особое место, занимаемое плачем Ингваря в «Повести о разорении Рязани Батыем». В редакции основной *Б*, дающей наиболее близкий к плачу Евдокии вариант плача Ингваря, последний выделен даже особым заголовком: «Плачь князя Ингваря Ингоревича о брати побиенных от нечестиваго царя Батыа» (с. 317). Плач разрывает текст повести, имеющей без него более цельное строение. Неловкость вставки видна и из того, что плач Ингваря Ингоревича повторяется дважды (один раз при въезде в Рязань, другой раз — на поле битвы) и каждый раз вводится сходными выражениями, заимствованными из «Слова о житии и о преставлении».

Редакция основная *А*	
Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великаго кричаниа, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертв (*с. 295—296*).	И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупиа жертвых лежаща, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои рукама биюще, и ударяшеся о земля (*с. 297*).

Итак, текст плача Ингваря Ингоревича — вставка в первоначальный текст «Повести о разорении Рязани Батыем». Реконструируя этот первоначальный текст, плач Ингваря Ингоревича включать в него не следует. Окончательному разрешению вопроса об этом плаче помогло изучение взаимоотношений «Повести о разорении Рязани Батыем» с другими литературными произведениями XIV—XVI вв.

Изучение взаимоотношений литературных произведений имеет особенное значение для установления первоначальных чтений. Это можно было бы показать и на «Повести о разорении Рязани Батыем», но удобнее это сделать на примере сходных мест «Слова о полку Игореве» и «Задонщины».

Бесспорно доказана зависимость «Задонщины» от «Слова о полку Игореве».[55] Вся центральная часть «Задонщины» —

[55] Попытки сперва Л. Леже, а затем А. Мазона и А. А. Зимина «перевернуть» отношения «Слова» и «Задонщины» текстологически опровергаются. Из последних работ укажем: R. J a k o b s o n, D. S. W o r t h. Sofonija's

рассказ о Куликовской победе — построена на «Слове о полку Игореве», как на своем литературном образце. «Задонщина» — памятник конца XIV в.[56] Единственный список «Слова о полку Игореве», сгоревший в Московском пожаре 1812 г., восходил к XVI или XV в., но не ранее. Следовательно, «Задонщина» дает материал для восстановления текста «Слова», имевшегося в руках у автора «Задонщины» в конце XIV в. Отсюда ясно, что показания «Задонщины» непременно должны приниматься во внимание при реконструкции первоначального текста «Слова». Приведу примеры.

На то обстоятельство, что текст «Задонщины» дает важные материалы для реконструкции первоначального текста «Слова о полку Игореве», еще давно обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц.

Она пишет: «Более или менее точно повторенные в „Задонщине" выражения „Слова" позволяют проверить некоторые суждения комментаторов „Слова" о правильности отдельных чтений первого издания. Исследователями было высказано немало догадок по поводу того, как следует читать и понимать фразу первого издания: „растекашеться мыслію по древу". Наиболее привилась поправка, предложенная Карелкиным,[57] вместо „мысліючи" тать „мысію", т. е. белкой. „Задонщина" показывает, что по крайней мере в том тексте „Слова", который использовал Софония (предполагаемый автор «Задонщины», — *Д. Л.*), читалось „мыслію". Отсюда в списках „Задонщины" разные варианты образа „Слова", слитого притом со следующим («растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли»): „не поразимся мыслию но землями" (Унд.), „не поразился мысленными землями" (Синод.), „потрезвимъся мысльми и землями" (Ист. М. № 2060). Образ „Слова" остался непонятым автором „Задонщины", но, как бы неудачно ни передавали его переписчики, всегда остается след чтения „мыслію", а не „мысію".

В обращении к Бояну первое издание и Екатерининская копия так передают текст мусин-пушкинской рукописи: „. . .летая умомъ подъ облакы, свивая с л а в ы оба полы сего времени". Издатели и комментаторы различно читают это слово («славы»);

Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. The Hague, 1963; Д. С. Л и х а ч е в. Черты подражательности «Задонщины». (К вопросу об отношении «Задонщины» и «Слову о полку Игореве»). — Рус. лит., 1964, № 3; Р. П. Д м и т р и е в а. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966; О. В. Т в о р о г о в. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Там же.

[56] Важные соображения именно о такой датировке были высказаны М. Н. Тихомировым: Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, с. 258—259.

[57] К а р е л к и н. Рецензия на перевод «Слова» Н. Гербеля. — Отеч. зап., 1854, т. 93, с. 9—10.

Д. Дубенский[58] пишет: „славы — или описка, вм. славою, или чит. славьи, т. е. по-соловьиному. . . или это винит. множ. ч. свивая (что?) славы — славные деяния. . .“. Ф. И. Буслаев[59] предположил, что „славы может быть испорчено вм. славию (о соловей) или же род. пад. ед. ч. от сущ. слава: обе половины славы“. Чтение „славию“ принято большинством новейших издателей „Слова“. Не отрицая возможности такого исправления, заметим, однако, что текст „Задонщины“ как будто свидетельствует скорее о чтении „славы“ в той рукописи „Слова“, которой пользовался Софония: „пой славу“ (*К.-Б.*), „воспой славу“ (Ист. М. № 2060, Унд.).

Неясное выражение „Слова“ — „уже бо бѣды его пасетъ птиць подобию“, вслед за А. Потебней, многие исследователи исправляют на „. . .птиць по дубию“.[60] В „Задонщине“ этому эпизоду соответствует чтение: „А уже беды их пасоша (вар. пасущеся, пашутся) птица крилати под облакы летают“. Может быть, „под облакы“ заменило в „Задонщине“ „подобию“, а не „по дубию“?[61]

Чтение „Слова“ „а въ нихъ трепещуть синии млънии“ было предложено исправить на „а въ нихъ трепещуть си синии млънии“[62] Текст „Задонщины“ не подтверждает этой поправки, в нем читаем: „и въ нихъ трепещуть синие молнии“.

Принятая всеми исследователями „Слова“ поправка к первому изданию в обращении к князьям Роману и Мстиславу, где вместо ожидаемого „подклониша“ стоит „поклониша“ («а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи»), подтверждается „Задонщиной“: „а главы своя подклониша под мечи руския“. Хотя „поклониша“ повторяется и в Екатерининской копии „Слова“, вряд ли следует рассматривать это чтение как особенность мусин-пушкинской рукописи, отсутствовавшую в оригинале „Задонщины“. Вероятно, издатели пропустили здесь надстрочное *д*. Сохранение в „Задонщине“ образа „Див“ — вещая птица («кликнуло Диво в Руской земли», «А уже Диво кличеть под саблями татарскими», «уже веръжено Диво на землю») показывает искусственность домыслов А. Югова[63] о значении слова „дивь“ в „Слове о полку Игореве“».[64]

---

[58] Слово о плъку Игореве Святъславля пестворца стараго времени. М., 1844, с. 24.

[59] Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 600.

[60] См. так и в последнем издании труда академика А. С. Орлова: «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1946, с. 67.

[61] В. А. Яковлев, следуя за «Задонщиной», вводит в текст «Слова» взамен обычного «подобию» или «по дубию» — «под облакы»: «Уже бо Бѣда его пасеть птиць подъ облакы» (Слово о полку Игореве. СПб., 1891, с. 3, 33).

[62] И. Козловский. Палеографические особенности погибшей рукописи «Слова о полку Игореве». М., 1890 (отд. отт. из «Древностей» Моск. арх. общ.), с. 10.

[63] Слово о полку Игореве. Пер. и комментарии Алексея Югова. М., 1945, с. 117—118.

[64] В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 218—220.

Итак, работа по использованию других памятников для текстологического исследования чрезвычайно трудоемка и требует предварительного текстологического исследования всех привлекаемых к сличению произведений. Эта работа мало производилась даже по основным памятникам древнерусской литературы, но она может дать интереснейшие и существенные выводы, особенно в отношении тех произведений, древнейший текст которых до нас не дошел.

В целом же ни один памятник древнерусской литературы не должен исследоваться текстологом изолированно от других памятников, если эта изолированность не лежит в самой истории текста этого памятника. Таких изолированных памятников в древнерусской литературе крайне немного. «Поучение» Владимира Мономаха — один из немногих примеров такой текстологической изолированности.

Рассмотрев в предшествующем разделе необходимость изучения текста памятника в тесной связи с историей текста тех сборников, в которых читается произведение, а в данном разделе необходимость изучать текст памятника в связи с текстами тех памятников, которые находились с изучаемым в литературном родстве, мы можем говорить о комплексном изучении текста как об одном из важнейших принципов текстологии. В текстологии все взаимосвязано, нельзя предвзято ограничить изучение памятника какой-либо одной его стороной, нельзя изолировать памятник, как мы видели, не только от других памятников и от текста содержащих его сборников, но и от всех вопросов истории литературы и от данных истории.

Чем шире текстолог в своем исследовании, тем успешнее он работает, тем меньше опасности имеет для него известная механичность в приемах работы, выработанная традиционной текстологией.

ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТОВ В СВЯЗИ С РАБОТОЙ СКРИПТОРИЕВ

В определении причин изменения текста, да и в установлении этих изменений очень большое значение имеют данные, извлекаемые из рукописей, вышедших из одной и той же книгописной мастерской. У книгописной мастерской могут быть свои особые цели переписки, свои идеи, пронизывающие текст целого комплекса рукописей, своя манера работы, даже свои почерки и свои переплеты. К сожалению, изучением скрипториев у нас начали заниматься только в самое последнее время, поэтому данные, которые могут быть извлечены в целях истолкования литературных текстов из сопоставления с другими рукописями, вышедшими из тех же скрипториев, привлекались пока что совершенно недостаточно.

В широкой степени впервые привлек эти данные для русского материала М. Д. Приселков в исследовании ханских ярлыков русским митрополитам.[65] С этой же точки зрения большой интерес представляет двухтомный труд Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV веков».[66] Л. В. Черепнин стремится рассматривать даже актовый материал в системе тех собраний, в которых он переписывался или хранился. Он пытается реконструировать архивные собрания отдельных феодальных княжеств и воссоздать процесс их концентрации в Москве в связи с объединительной политикой московских великих князей. Этот метод реконструкции феодальных архивов позволяет в ряде случаев полнее и всестороннее понять значение каждого отдельного документа. Так, например, Белозерскую уставную грамоту 1488 г. Л. В. Черепнин удачно выводит из жалованных грамот белозерских князей Кириллову монастырю, копии с которых в 80-х годах XV в. были посланы в Москву и легли в основу работ по кодификации русского феодального права.

Оригинально и убедительно показаны в работе Л. В. Черепнина причины и цели составления в Москве в 70-х годах XV в. сборника копий с новгородских актов. Как доказывает Л. В. Черепнин, между всеми новгородскими грамотами в этом сборнике имеется внутренняя связь: все они подобраны по определенному принципу и расположены в продуманной системе. Л. В. Черепнин выясняет, что при составлении сборника текст таких документов, как Новгородская судная грамота, был сознательно сокращен. Значительная часть Новгородской судной грамоты не попала в сборник; скопированы были только те разделы, которые интересовали в данный момент московское правительство. Сборник новгородских актов «обслуживал задачи политики московского правительства, пытавшегося, опираясь на социальные низы, раздавить феодальную оппозицию в Новгороде и включить его в состав Русского государства».[67]

Новый принцип целостного изучения изменений текста документов в составе больших собраний дал особенно плодотворные результаты в отношении актов, сохранившихся в так называемых копийных книгах. Эти копийные книги также изучаются Л. В. Черепниным как некие единые, проникнутые общей идеей собрания. Каждый сборник копий, если вскрыть имеющуюся в нем систему подбора актов, задачи и цели составления, приобретает сам по себе характер особого исторического источника с ярко выраженным классовым содержанием. Самое возникновение копийных книг,

---

[65] М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. СПб., 1915.

[66] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, т. I—II. М.—Л., 1948, 1951.

[67] Там же, т. I, с. 8.

как устанавливает Л. В. Черепнин, было отнюдь не случайным: в каждом отдельном случае оно было обусловлено определенными историческими причинами.

Прослеживая «жизнь» документа в составе феодальных архивов, сборников, «копийных книг» и т. д., Л. В. Черепнин вскрывает в нем новую сторону, показывает его активную роль в политической действительности XIV—XVI вв. Особенный интерес представляют дьяческие пометы на документах, их неизданные черновики, копии с них и т. д. Новый текстологический подход к актовому материалу, в сущности, открыл способ «обогащения» источниковедческого материала, подобно тому как существуют способы «обогащения» руд. «Отработанный» в старых исследованиях документ, благодаря новым способам изучения его текста в связи со всем собранием, в составе которого он переписывался или хранился, дает новый исторический материал, подобно тому как «отработанная» горная порода дает новые выходы металла под влиянием новых, более совершенных способов ее обработки. Благодаря новому подходу к изучению текстов документов открываются новые возможности изучения и использования старых, уже известных источников.

Надо, впрочем, сказать, что новый подход не может быть механически применен ко всем случаям жизни исторического документа или памятника литературы в составе какого-либо собрания. Не избежал натяжек и Л. В. Черепнин. Исследователь-текстолог должен постоянно считаться с возможностью случайностей — в составе ли самого документа, в составе ли сборника или, в особенности, в составе архива. Состав сборников, как и состав летописей, хронографов, различных компиляций не всегда, конечно, определяется какими-либо политическими тенденциями составителя. Очень часто на него могли повлиять случайные утраты или приобретения составителя. Однако текстолог во всех случаях изменения текста сборника или иного собрания должен прежде всего проверить: не явились ли эти изменения результатом сознательных усилий их составителей.

Иного рода материал представляют две чрезвычайно важные статьи Я. С. Лурье и Н. А. Казаковой, появившиеся одновременно в т. XVII «Трудов Отдела древнерусской литературы» и посвященные изучению книгописной деятельности двух кирилло-белозерских монахов — Ефросина и Гурия Тушина.[68]

Деятельность обоих изучается в этих статьях в самом широком плане. Прежде всего устанавливаются рукописи, переписанные

[68] Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961; Н. А. Казакова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — Там же; см. также: М. Д. Каган, Н. В. Понырко, М. В. Рождественская. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, т. XXXV. Л., 1980.

ими лично и в их книгописных мастерских, их деятельность в целом, все биографические данные, которые могут быть о них собраны. Затем изучается состав переписанных ими и в их мастерских рукописей с точки зрения отраженных в них их личных интересов, мировоззрения, взглядов и даже литературной и редакторской манеры, характер переработок текста, ими допускаемый.

Изучение деятельности Ефросина тем более важно, что рукою его написаны древнейшие списки «Задонщины», «Повести о Дракуле», «Хожения» игумена Даниила, сербской «Александрии», «Сказания об Индийском царстве», «Снов царя Шахаиши», «Епистолии о неделе» («Свитка иерусалимского»). Изучение текста всех этих произведений в рукописях Ефросина помогло Я. С. Лурье установить, что Ефросин был далеко не безразличен к тексту переписываемых им произведений, подвергал его однообразным, свойственным ему весьма индивидуальным изменениям. Именно полное исследование редакторских приемов Ефросина, осуществленное Р. П. Дмитриевой, позволило ей отчетливо показать, что в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины», переписанном Ефросином, перед нами вовсе не «древнейшая» редакция, а именно характерная для этого писца сокращенная переработка текста памятника. Это наблюдение полностью опрокидывает построения Фрчека—Мазона—Зимина, согласно которым дошедший до нас текст «Слова о полку Игореве» якобы ближе к поздней редакции «Задонщины», а поэтому не может лежать в ее основе, ибо сам зависит от «Задонщины» позднего вида.[69]

Попутно заметим, что еще В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на то, что название «Задонщина» встречается только в одном списке этого произведения — Кирилло-Белозерском и что это название находится в связи с другими выражениями того же сборника: «Мамаевчина», «Токтамышевщина» (к ним Я. С. Лурье добавил и слово «Момятяковщина», написанное на полях рукописи рукою Ефросина).[70]

Я не останавливаюсь здесь на всем своеобразии книгописного творчества Ефросина: это достаточно хорошо сделано Я. С. Лурье и Р. П. Дмитриевой, к работам которых я и отсылаю читателей. Важно отметить, что особенности редакторской работы Ефросина тесно связаны с чертами эпохи, но в них есть и резко индивидуальное, что особенно легко выясняется по сравнению с книгописной деятельностью Гурия Тушина. Если в первом Я. С. Лурье спра-

---

[69] Р. П. Дмитриева. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966.

[70] См. также: Д. С. Лихачев. О названии «Задонщина». — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964.

ведливо усматривает светское направление интересов, то во втором (монахе того же Кирилло-Белозерского монастыря) Н. А. Казакова видит направление созерцательно-аскетическое, связанное с направлением Нила Сорского. Выводы Я. С. Лурье и Н. А. Казаковой позволяют считать, что хотя индивидуально авторские черты выступают в древнерусской литературе значительно слабее, чем в новой, однако они все же не отсутствуют и в известной мере с ними необходимо считаться текстологу.

Любопытно и другое. Н. А. Казакова проследила не только отражение мировоззрения Гурия Тушина в подборе переписываемых им сочинений, в тех изменениях, которые он в них вносил, но ей удалось отчасти проследить и эволюцию взглядов Тушина,[71] а это опять-таки говорит о том, что индивидуальные отличия книгописцев Древней Руси были явлением вполне реальным.

Изучение индивидуальной манеры отдельных книгописцев и особенностей целых скрипториев (Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Троице-Сергиевского и многих, многих других) — важная и плодотворная задача текстологического изучения древнерусской письменности.

«МАКРОТЕКСТОЛОГИЯ»

В связи с необходимостью изучать историю текста крупных компилятивных произведений — сборников, хронографов, четьих миней, прологов и пр. — в последние годы появилась тенденция к облегчению себе этой кропотливой и трудоемкой работы над ними путем различных приемов, предполагающих возможность установления взаимоотношения списков этих крупных произведений способом выделения в них «существенных признаков» и классификации списков только по этим «существенным признакам». Такая классификация, а иногда даже и попытка установления по ним истории текста объявляется особым текстологическим методом — «макротекстологией», способной якобы полностью заменить собой нормальное детальное сличение текстов. На самом же деле классификация списков по «существенным признакам» (например, наличию или отсутствию той или иной части произведения — предисловия, какого-либо рассказа, речи действующего лица и пр.) может иметь только предварительное и «наводящее» значение. Так, например, если текстологу предстоит произвести сличение нескольких сот списков большого памятника (особенно компилятивного), то чтобы облегчить себе работу по сличению, он может, как бы предугадав выводы сличения, расположить списки по тем или иным гипотетическим группам, ко-

[71] Н. А. Казакова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина, с. 194.

торые, возможно, в дальнейшем исследовании и на самом деле окажутся редакциями, видами, группами текста. Сличать лучше всего тогда, когда списки для сличения расположены в порядке, соответствующем в какой-то мере истории текста. И если текстологу удается предугадать выводы сличения, то это большое облегчение ему в работе. Расположение списков по «существенным признакам» для сличения — прием облегчающий очень часто работу текстолога.

«Макротекстология» больших по величине и с многочисленными списками произведений может рассматриваться как предварительный рабочий прием исследования, отнюдь не заменяющий обычное текстологическое исследование. На самостоятельные, окончательные выводы «макротекстология» не имеет права. Поэтому и термин этот может употребляться только условно. Чтобы подчеркнуть эту условность, приходится брать его в кавычки.

Многое в этой «макротекстологии» зависит иногда от случайно найденного списка, который при ближайшем рассмотрении может показаться по различным основаниям наиболее ранним, различных указаний в тексте одного из списков или группы списков и пр. Многое может подсказать интуиция текстолога. Способы установления истории больших сводных произведений во многом зависят от изобретательности исследователя и его, иногда случайных, находок. Но в любом случае завершить работу может полное сличение текстов на всем их протяжении и во всех имеющихся списках.

«Макротекстология» гораздо более проста и убедительна по выводам, когда мы имеем дело не с рукописными текстами, а печатными — в новой литературе. Задачи этой части «макротекстологии» состоят в изучении влияния на текст произведения включения его в какой-то большой сборник: в состав собрания сочинений, альманаха, серии и пр. Это включение может производиться самим автором, выбирающим и приспосабливающим текст для этого нового, более обширного издания, или редактором, выбирающим текст из нескольких авторских. Отношение автора при этом к своему тексту бывает более свободным и творческим, отношение же редактора более скованным (принцип следования издателем «авторской воле» играет в этом случае, хотя и не всегда, более или менее положительную роль).

Остановимся на нескольких более или менее показательных примерах.

Автор нового времени может создавать специально «журнальный текст» своего произведения, ибо по-одному читается произведение в журнале и по-другому в отдельном издании. «Журнальный текст» может создаваться до полного текста произведения в отдельном издании, либо произведение может писаться как бы в окончательном виде, а для отдельного издания приспосабли-

ваться. Наконец, может существовать смешанный тип обоих изданий, когда автор печатает «окончательный» текст (вернее — осознающийся им «окончательным») в журнале, а затем для отдельного издания учитывает появившуюся критику или собственные вновь появившиеся соображения. Новый текст может принести каждое прижизненное издание, да иногда и посмертные (правка редакторов, наследников и т. д.).

Свои проблемы встают при издании стихов. Автор-поэт создает сборники своих стихов из ранее опубликованных. Поэт дает своему сборнику название, т. е. по существу создает как бы новое произведение на основе старых. При включении в сборник прежде опубликованных стихов поэт может их переделывать. В одних случаях автору-поэту необходимо соблюсти в сборнике определенную поэтическую тональность, расположить стихи так, чтобы чтение их подряд представляло развитие какой-то поэтической идеи. В других случаях поэт ничего не меняет в стихах, а просто отбирает то, что ему кажется уместным для сборника, располагает их в каком-то определенном порядке, который текстолог должен непременно учитывать. Поэт затрачивает иногда на отбор и расположение своих произведений в сборниках немалый труд. С этим трудом текстолог должен считаться, должен разгадать замысел сборника. Иногда разгадка расположения и переработки стихов для сборника заключена не в самом тексте сборника, а в письмах поэта, черновиках, дневниках, воспоминаниях друзей и знакомых.

Как быть составителям и редакторам академического собрания сочинений поэта? Издавать ли его произведения в хронологическом порядке или сохранять состав сборников? Брать ли в виде основного тот текст стихотворения, который увидел впервые свет в журнале, газете, альманахе, или его окончательную обработку для сборника? Единого ответа тут не может быть. Ответ может быть получен только в результате тщательного анализа текста произведения и откликов на него в критике, в истории литературы и пр. Ведь между первоначальным появлением стихотворения и его переработкой для сборника могло пройти много лет. Стихотворение в первоначальном виде вошло в историю литературы, а в переработанном виде для сборника или авторского издания его сочинений осталось малозамеченным. . .

Как быть, например, редактору сочинений А. Блока со сборниками стихотворений, созданными А. Блоком из ранее им написанных и напечатанных: сохранить ли сборники Блока в том их составе, который он создал («последняя творческая воля автора»), или рассыпать их по годам создания (брать первый прижизненный текст)?

Как быть со сборником Н. А. Заболоцкого «Столбцы»? В свое время сборник этот сыграл огромную роль в истории русской поэзии 20-х гг. Но в 50-е гг. автор переработал отдельные стихо-

творения, подготавливая их к своему двухтомнику, и письменно запретил издавать их в ином тексте. Но сборник 20-х гг. «Столбцы» и двухтомник стихотворений Н. А. Заболоцкого 50-х гг. имели различные цели. В 1958 г. Н. А. Заболоцкий пишет по поводу готовящегося им собрания избранных произведений в двух томах: «Внимание! Это должна быть итоговая рукопись полного собрания стихов и поэм. . . Примечание. Эта рукопись включает в себя полное собрание моих стихотворений и поэм, установленное мною в 1958 году. Все другие стихотворения, когда-либо написанные и напечатанные мной, я считаю или случайными, или неудачными. Включать их в мою книгу не нужно. Тексты настоящей рукописи проверены, исправлены и установлены окончательно; прежде публиковавшиеся варианты моих стихотворений следует заменять текстами, приведенными здесь. Н. Заболоцкий. 6 октября 1958 г. Москва».[72]

Разумеется, что к такого рода заявлениям авторов отношение нотариуса и отношение историка литературы окажется различным. Для первого — это юридический документ, завещание, которое следует принимать к исполнению. Но для историка литературы — это документ, раскрывающий один из моментов (в данном случае 1958-го года) творческого развития Н. Заболоцкого. Переносить, например, правку 1958 г. в 20-е гг. совершенно недопустимо. Недопустимо, создавая антологию поэзии 20-х гг., приводить стихотворения «Столбцов» в текстах 1958 г. Недопустимо и, изучая творческое развитие Н. Заболоцкого, игнорировать все то, что оказалось за бортом двухтомника 1958 г. Ясно также, что вся правка 1958 г. взаимосвязана и разбивать ее в хронологическом порядке — по годам создания отдельных произведений — означало бы фальсифицировать творческий путь развития поэта. Автор должен знать, что произведения его, пущенные в печать,— улетевшая птица. Вернуть ее и засадить в новую клетку, но с подписью старого года совершенно невозможно.

Поэтому в будущем при создании академического собрания сочинений Н. Заболоцкого (а Заболоцкий как поэт вполне заслуживал бы академического собрания сочинений) правильнее всего было бы, пожалуй, принять хронологический принцип расположения его произведений и печатать их в том виде, в каком они появились в свое время в свет, правка же должна быть в таком случае отнесена в примечания или приложения.

Хронологический принцип следовало бы, вероятно, избрать и при составлении академического собрания сочинений А. Блока. Стихи его, расположенные по годам их написания или появления в печати, когда они были событиями литературной жизни, должны

---

[72] Н. Заболоцкий. Избранные произведения в 2-х т., т. 2. М., 1958, с. 363.

быть даны в том виде, в каком они появились в свет. Но ведь созданные на их основе А. Блоком сборники тоже были событиями литературной жизни? Да, несомненно. Эти сборники в том виде, в каком они появились в свое время, также должны быть переизданы. Чтобы избежать повторений, сборники Блока следовало бы переиздать в серии «Литературные памятники».

Кстати сказать, сама серия «Литературные памятники», как и другие серии подобного типа («Всемирная литература» и пр.), может быть подвергнута текстологическому исследованию — как одно «произведение». В этом случае также было бы уместно говорить о «макротекстологии». «Макротекстолог» мог бы исследовать и вопрос о том, как велась подборка произведений для серии, по каким общим принципам велась в серии подготовка текстов, выбор переводов и переводчиков, какие иногда случайные обстоятельства отразились на изданиях серии и т. п. Аспект изучения текста в изучении серий всегда весом и всегда необходим.

Конечно, во всех случаях «макротекстология» будет вспомогательной по отношению к текстологии. Противопоставлять «макротекстологию» «микротекстологии» совершенно невозможно. В лучшем случае «макротекстологию» (если принимать этот термин) следует рассматривать как часть текстологии в целом.

Глава VII

ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОРСКОГО ТЕКСТА

ДАТИРОВАНИЕ

Исследуя историю текста того или иного памятника, мы должны по возможности установить даты его списков, редакций и самого памятника. Если такая точная датировка невозможна, мы должны постараться установить крайние хронологические пределы, между которыми список, редакция или первоначальный текст памятника были составлены. Границы времени должны указывать: когда всего ранее (terminus post quem) и когда всего позднее (terminus ante quem) был составлен список, редакция или сам первоначальный текст памятника.

Все датировки между собой тесно связаны. От установления дат списка или списков зависят даты редакции, а от тех и других — установление даты произведения. Начинать следует с установления дат списков, тем более что датировка списков — легче, чем датировка редакций или произведений.

Проще всего обстоит дело в тех случаях, когда дата имеется в самом списке.

Отметки о времени написания рукописи могут встретиться в разных ее местах, но чаще всего они встречаются в конце, в послесловиях переписчиков.

Так, Хронограф в списке ГПБ, F.IV.178 имеет следующее послесловие переписчика: «Слава съвръшителю богу нашему, а писал сию книгу многогрешный во иноцех Васиан пореклу Дракула, а замышлением и повелением господина старца Дософеа лета 7046».[1]

---

[1] Ср. в конце редакции Ионы Думина «Жития Александра Невского»: «Справлено же бысть чюдное житие се благовернаго великаго князя Александра Невскаго чюдотворца в лето 7099-го (1590 г., — *Д. Л.*) марта в 9 на память святых великих страстотерпец 40 мученик, иже в Севастии. В сие же бысть лето луна 12, круг солнцу 15, индиктион 4, в руце лето 4, основание 15, епакта 6» и т. д. (В. Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913, тексты, с. 123—124). Ср. менее точное указание в начале Владимирской

При датировке списка следует иметь в виду, что находящаяся в нем дата может относиться не к самому списку, а к оригиналу, с которого он скопирован, или к той или иной редакции памятника, или же даже к самому памятнику. Дата могла быть бездумно повторена переписчиком, если он механически переписывал текст. Во всяком случае, принимая имеющуюся в тексте списка или в приписках к тексту дату за дату списка, текстолог обязан привести свои соображения, исключающие все другие возможности.

Если список не датирован, то вопрос о дате списка решается на основании палеографических данных — материала, на котором написана рукопись, филиграней, если это бумага, характера почерка, украшений. Эти признаки рассматриваются палеографами в специальных работах по палеографии, поэтому здесь мы ими не занимаемся. Следует только отметить, что для датировки списков, помимо палеографических данных (обычно самых важных), имеют значение показатели языка,[2] взаимоотношение списка с другими списками и редакциями того же памятника. Образцом всестороннего решения вопроса о датировке может служить статья Н. А. Мещерского «К вопросу о датировке Виленского хронографа».[3]

Наиболее достоверные данные для датировки бумажных рукописей извлекаются из анализа филиграней с привлечением соответствующих справочных альбомов Н. П. Лихачева, Брике, К. Я. Тромонина, И. Каманина, И. Лаптева и др.[4]

редакции «Жития Александра Невского»: «Егда же достигшу лет, в няже скипетры Русского царства дръжащу благочестивому царю, великому князю Ивану Василиевичю всея Русии, и сему вложи бог в сердце мысль благу, еже прославити угодника божиа, непобедимаго въина, вътораго Коньстантина, новаго Владимира, крестившаго Рускую землю, предивнаго чюдотворца, великаго князя Александра. Правящу же престол Рускиа митрополиа преосвященному Макарию, митрополиту всея Русии. И повелением самодръжца, оному о сем подвигшуся вседушьне с всем священным събором, и изыскавше известно, с всяцем испытанием, о чюдесех бывающих от честныя его раки. Сице ж ему и мене убогаго понудившу списати сие похваление» (там же, с. 16).

[2] Вопрос о том, как пользоваться данными языка для определения датировок и местного происхождения рукописей, в данной работе не затрагиваем. Это вопрос языковедческий и притом очень сложный. Элементарные сведения см.: А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 74—95.

[3] ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955.

[4] Основная литература о бумажных водяных знаках: Н. П. Лихачев. 1) Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археографический очерк, с приложением 116 таблиц с изображением бумажных водяных знаков. СПб., 1891; 2) Палеографическое значение бумажных водяных знаков: ч. I. Исследование и описание филиграней, с приложением семнадцати фототипических таблиц. СПб., 1899; ч. II. Предметный и хронологический указатель. СПб., 1899; ч. III. Альбом снимков. СПб., 1899. 4258 снимков; Приложения: таблицы, поясняющие в хронологическом порядке изменение формата и строения бумаги. СПб., 1899; С. М. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès

Существенной трудностью при определении даты списка по филиграням является трудность проверить филигрань по всем справочным пособиям. Редкая научная библиотека обладает всеми справочными пособиями по филиграням. Обычно каких-то справочников нет в одной библиотеке, но есть в другой. Но как быть, если описываются рукописи в каком-либо небольшом музее или библиотеке небольшого города? Филиграни приходится срисовывать и проверку производить в рукописных хранилищах Москвы или Ленинграда. Общий выход из этого трудного положения мог бы быть легко найден, если бы нашлась возможность (а эта возможность сравнительно легкая) с помощью множительных аппаратов воспроизвести все альбомы, рассортировать изображения по темам с сообщением дат каждой филиграни и, составив таким образом сводный каталог всех изданных филиграней, разослать его в основные рукописные хранилища. План такого сводного

---

leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Avec 39 figures dans le texte et 16112 facsimilés de filigranes, t. 1—2. 2e éd. Leipzig, 1923—1936; W. Churchill. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnections. Amsterdam, 1935; V. Mošin, S. Traljic. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka, t. I—II. Zagreb, 1957; W. J. Tschudin. The Ancient Papermills of Basle and their Marks. Hilversum, 1958; G. Eineder. The Ancient Papermills of the former Austrohungarian Empire. 1960; К. Я. Тромонин. Знаки писчей бумаги. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. М., 1844; И. П. Лаптев. Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи. СПб., 1824; С. И. Маслов. Из истории русской филигранографии. (Неизданная часть работы К. Тромонина «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге», М., 1844). — Изв. АН СССР, VII серия, ООН, 1934, № 3; І. Каманин, О. Вітвіцька. Водяні знаки на папері українських документів XVI и XVII вв. (1566—1651). Київ, 1923; З. Участкина. Водяные знаки русской бумаги. — Труды Института истории естествознания и техники, т. XII. М., 1956; С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели русского производства XVIII—XX вв. — Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им В. И. Ленина, вып. XIII. М., 1952; С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». Материалы для датировки рукописных и печатных текстов. — Там же, вып. XX. М., 1958; М. В. Кукушкина. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX вв. Обзор собрания П. А. Картавова. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, вып. II (XIX—XX века). М.—Л., 1958; А. С. Гераклитов. Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963; Э. Лауцявичюс. Бумага в Литве в XV—XVIII в. Вильнюс, 1967 (книга на литовском языке с русским резюме; в 1979 г. книга переиздана там же в сокращенном русском переводе); О. Я. Мацюк. Папір та філіграні на українських землях (XVI—початок XX ст.). Київ, 1974; С. А. Клепиков. Филиграни на бумаге русского производства XVIII—нач. XX в. М., 1978; Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. Водяные знаки рукописей России XVII в. По материалам Отдела рукописей ГИМ. М., 1980. — Кроме того в серии «Monumenta chartae papyraceae» переизданы основные альбомы филиграней, в том числе и русских.

каталога всех изданных и датированных филиграней предложил в свое время (лет десять назад) проф. Даниэль Кларк Уо, но идея его так и не была осуществлена, а между тем каталог серьезно облегчил бы работу датировки бумажных рукописей.

Как же быть сейчас, пока такого сводного каталога нет? Я думаю, что описывающий рукописи при ссылке на филиграни обязан кратко ссылаться на то, по каким справочникам филиграней он проверил ту филигрань, по которой он датирует рукопись. Особенно важно указать всю бывшую доступной исследователю справочную литературу, когда филигрань не найдена. Не найдена филигрань, но где не найдена. Это важнее всего. Поиски филиграни тогда могут быть продолжены.

Следует всячески поощрить инициативу сотрудника Рукописного отдела ГПБ В. М. Загребина, составившего несколько пособий для отыскания интересующих исследователей филиграней. Это «Свод изображений филиграни „Кувшинчик“» (Л., 1975), «Свод изображений филиграни „Рука“» (Л., 1976), «Свод изображений филиграни „Горы“» (Л., 1977), в которых сгруппированы по характерным признакам соответствующие филиграни, извлеченные из всех известных альбомов. Три пособия, составленные В. М. Загребиным, позволяют более быстро находить нужную филигрань в известных работах Н. П. Лихачева: Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891. Альбом филиграней. Систематизировал по сюжетам и снабдил указателями В. М. Загребин (Л., 1978); Филиграни рукописей ГПБ в работе Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков». Ч. I—III. СПб., 1899. Указатель. Сост. В. М. Загребин (Л., 1978); Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Альбом филиграней. Систематизировал по сюжетам и снабдил указателем В. М. Загребин (Л., 1982). К сожалению, эти ценные пособия пока не изданы и находятся в Отделе рукописей ГПБ.

Данные о почерке рукописи обычно бывают менее точны, так как почерки меняются медленнее, часто отличаются индивидуальными чертами, сохраняют подчас архаичные черты у пожилых переписчиков или в отдаленных местностях. Во всяком случае, претензии некоторых палеографов датировать рукописи по почеркам с точностью чуть ли не до десятилетия не могут быть признаны основательными. Предположения, что один писец может в скорописи несколько раз за свою жизнь менять почерк, противоречили бы данным физиологии. Только в уставе — почерке медленном, в котором отдельные буквы не столько пишутся, сколько рисуются, возможны смены почерков, как они возможны и у каллиграфов или художников, рисующих плакаты. Известны случаи, когда переписчики уставных пергаменных рукописей подражали уставу своего оригинала, с которого они списывали рукопись, или

намеренно архаизировали почерк. Вот почему при анализе уставных и отчасти полууставных почерков ни в коем случае не следует забывать основного палеографического правила: датировать почерк не по большинству начертаний, а по самым молодым из встретившихся начертаний отдельных букв. Подражая старому почерку, писец где-нибудь да «проговорится», введя новое начертание — начертание своего времени; только оно и будет датировать рукопись.

По отношению к текстологии палеография является вспомогательной дисциплиной. То обстоятельство, что славяно-русская палеография развивается как наука очень медленно, внушает серьезные опасения.[5] Одна из первоочередных задач палеографии — это продолжение изучения исторической изменяемости почерков, как основания для датировки рукописей. Для этого необходимо, чтобы какое-нибудь филологическое или историческое научное учреждение взяло на себя составление фототеки датированных рукописей. Такая фототека могла бы послужить основой для более глубокого, чем сейчас, анализа почерков славяно-русских рукописей и составления точно обоснованной истории письма.

Если тексты отдельных списков исследованы и выявлены их индивидуальные особенности, то особенности эти могут указывать на время их возникновения.

В. Н. Перетц исследовал индивидуальные особенности списка XVIII в. «Повести об Акире Премудром», А. В. Лонгинова — ее третьей редакции. Вот некоторые из этих особенностей, говорящие о переделке третьей редакции повести в Петровское время: «Акир, обучив Анадана, отдал его царю Синографу „для науки всякаго обхождения в поступках и в протчем обходительстве"; Анадан „во едино время пошед в царской кобинет, умысля написал указ"; Акир является „тайным советником"; царь Синограф, „собрав всех своих сенаторов и знатных персон державы своей в особливую палату", говорит им: „господа сенаторы и прочие предстоящие, известно мне учинилось" и т. д. — в стиле документов XVIII в.; выслушав речь царя, — „сенаторы приговорили"; египетское войско насилует „мещанских и протчих дочерей"; царь скорбит „всем своим корпусом"; „от царства до царства" „курьеры" едва поспевают за 50 дней; Акира-победителя царь встречает „при пушечной стрельбе", празднуют „тридневное торжество с колокольным звоном и пушечною пальбою"; начало плача укладывается в вирши:

О, Акире мой прекрасный,
Учинил ты ныне гласы мои безгласны! . .»[6]

[5] Особенно медленно развивается палеография нового времени. См. об этом: С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии нового времени. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. X. М., 1962, с. 393.

[6] В. Н. Перетц. К истории текста Повести об Акире Премудром. — Изв. ОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 1 (отд. отт.), с. 5—6.

*

Датировка редакций произведения и самого произведения практически производится одними и теми же способами. Каждый раз необходимо только точно отграничивать каждый этап истории текста произведения и точно устанавливать, чтó именно мы датируем, так как датирующие указания могут относиться к разным этапам жизни памятника.

Датирующие признаки могут быть очень разнообразны: здесь могут приниматься во внимание различные хронологические выкладки и отсчеты времени в тексте, указания на тех или иных лиц как на живых или умерших, упоминание событий или исторических явлений, даты которых установлены, соотношение с другими произведениями (ссылки на произведения, время появления которых известно, следы влияния этих произведений и т. д.), указания на даты празднования переходных праздников (совпадение с воскресеньем какого-либо числа месяца),[7] данные языка, орфографии (если памятник может быть датирован только в пределах крупного периода времени) и т. п.

Рассмотрим некоторые из этих датирующих признаков.

При определении дат произведения и его редакций следует особенно обращать внимание на имеющиеся в некоторых из них отсчеты от времени того или иного описываемого события до «нашего времени», т. е. до времени, когда работал автор или редактор. Обычно переписчик, который просто переписывал текст, механически сохранял дату, но редактор, перерабатывающий текст, подновлял и эту дату. Поэтому такого рода отсчеты лет «до нашего времени» очень показательны, и текстолог обязан давать им объяснение. Так, например, в «Русском хронографе» имеется статья «Об отложении мяса». В этой статье читаются разные даты — в зависимости от того, к какой редакции относится данная рукопись «Русского хронографа». Так, например, редакция 1512 г. определяется по следующему виду этой статьи: «Подвижнии убо отцы изначала мяса не ядяху, но нецы же глаголют яко на 5 соборе отложено, но не обретается сие ни в котором соборе. Феодор Студит был на седмом соборе за седмь сот лет без двадесятих до скончания седмыя тысящи, а д о с и х в р е м е н за седмь сот лет как был Феодор Студит. . . В том же пишет Никон в последнем слове, в послании, яко ныне благодатию божиею совершенно отложено иноком мясо. Собора ни единаго не помяну, но просто рече ныне, а как Никон был до скончания седмыа тысяща за четыреста лет и двадесять, а до сего времени мало болши». Расчет лет указывает, что этот вид статьи «Об отложении мяса» составлен в 7020 (1512) г.

[7] О вычислении дат рукописей и памятников по дате переходных праздников см.: Н. В. С т е п а н о в. Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907; Л. В. Ч е р е п н и н. Русская хронология. М., 1944, с. 41 и сл.

Другие виды дают и другие цифры; например: «Феодор Студит быв по седмом соборе от Адама в лето 6288 (780). . . а был Никон в лето 6580 (1072)». Вторая редакция «Русского хронографа» составлена в 1617 г. Датируется она опять-таки по статье «об отложении мяса». Последняя имеет во второй редакции «Русского хронографа» следующий вид: «Феодор Студит был на седьмом соборе в лето 6342, а до сих времен за 783 лета. . . Никон уже был в лето 6580, а до сего времени за 545 лет». Русские события в этой редакции доведены до первых лет царствования Михаила Федоровича, что также подтверждает время создания второй редакции.

В Новгородской первой летописи в младших ее списках под 1049 г. читается: «А ту стояла святая Софея конець Пискупле улице, идеже н ы н е (подчеркнуто мною, — *Д. Л.*) поставил Сотъке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом».[8] В тех же летописях под 1167 г. говорится: «На ту же весну заложи Сотко Сытиниць церковь камену святого Бориса и Глеба, при князи Святославе Ростислалици при архиепископи Ильи».[9] Отсюда ясно, что летописец, составивший летописную статью 1049 г. Новгородской первой летописи младшего извода, писал в 1167 г. или в ближайшее после 1167 г. время. Значит ли это, что и самый младший извод Новгородской первой летописи относится к этому времени? Для того чтобы решить этот вопрос, надо исследовать всю историю текста Новгородской первой летописи. Простое извлечение даты здесь недостаточно.

Датирующими признаками являются также упоминания в рукописях имен русских святых, время канонизации которых известно,[10] и титулов: великий князь, царь, архиепископ, архимандрит, патриарх. Так, например, если мы встречаем добавление к имени московского митрополита Алексея «новый русский чудотворец», то это будет означать, что текст относится ко времени после 1431 г., когда были обретены его мощи, но не позднее середины XVI в., так как выражение «новый» не могло держаться долго. Титул «великий князь» появился на Руси не ранее XIII в.[11] Царский титул был утвержден патриаршею грамотою в 1562 г. Патриарх на Москве появился с 1589 г. Титул архиепископа новгородские владыки получили в середине XII в.[12] В Соловецком монастыре «архимандрития» учреждена в 1561 г. Сведения такого

---

[8] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, с. 181.

[9] Там же, с. 219.

[10] А. Д м и т р и е в с к и й. Способы определения времени написания рукописей без определенных дат вообще и богослужебных рукописей в частности. — Православный собеседник, 1884, январь, с. 81—84.

[11] А. Е. П р е с н я к о в. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, с. 62, примеч. 2.

[12] Д. С. Л и х а ч е в. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. — Исторические записки, № 25. М., 1948, с. 248.

рода текстологу необходимы. Пользование ими дает возможность относительно определенно датировать тексты.

К датирующим же указаниям относятся сведения о том или ином лице как о живом или как о мертвом. Зная дату смерти этого лица, нетрудно усмотреть в этих сведениях указания на время, когда памятник мог быть создан. Такими же указаниями могут служить сведения о различных явлениях истории, истории культуры, датировка которых нам известна.

Приведу примеры. Исследователи летописания указывали, что Воскресенская летопись по разным признакам составлена, по-видимому, в 40-х годах XVI в. С. А. Левина уточняет эту дату следующими соображениями: «В списке русских митрополитов, помещенном во введении к Воскресенской летописи, последним назван Макарий, а он стал им 19 марта 1542 года. В списке литовских князей рядом с именем Сигизмунда I имеется пояснение „нынешний король", а он был королем до 8 октября 1544 года. Следовательно, Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 года и 8 октябрем 1544 года».[13] Последнюю дату необходимо, конечно, несколько оттянуть: должно было пройти некоторое время, пока о литовском событии узнали в Москве.

Хронологические выкладки внутри текста переводного памятника по тому или иному поводу помогают также вычислить время его перевода на славянский язык. Так, время составления сербского перевода греческой хроники Зонары устанавливается на основании следующего замечания переводчика по поводу предсказания о том, что Константинополь будет существовать 696 лет. Переводчик заметил по этому поводу, что Константинополь существует и до настоящего времени: «Съврьшену же бывшу Константину граду в 11 день маиа месяца и вънегда съврьши сего, сътвори праздник глаголемый обновление и рождение. От създаниа же миру бе лет 5838, яко быти Константину граду от създаниа его даж до днесь лет 6 тысищь и 850 и двема». «Этим вычислением, — пишет А. Попов, — переводчик хотел сказать, что Константинополь продолжает существовать от 5538 до нынешнего 6852 года, т. е. 1344-го. Отсюда и делаем заключение, что Зонара был переведен на сербский язык в 1344».[14]

Иногда неверная интерпретация текста или неполные сведения о его источниках могут повлечь за собой ошибки в датировке.

Исследователь хронографов приводит следующий пример.[15] А. А. Шахматов посчитал, что первоначальная редакция «Русского хронографа» составлена в 1442 г. на том основании, что,

---

[13] С. А. Левина. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 376.

[14] А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 14—15.

[15] См.: О. В. Творогов Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 190—192.

согласно Западнорусской редакции памятника (которую ученый возводил к первоначальному тексту), византийский император Иоанн Палеолог правил 17 лет. Так как в действительности Иоанн правил более 23 лет, А. А. Шахматов предположил, что Хронограф был составлен на восемнадцатом году его царствования (6933+17=6950, т. е. в 1442 г.)!

В действительности же все обстояло иначе. Дату воцарения Иоанна составитель Хронографа извлек из статьи «Царие, царствующие в Константинеграде, православнии же и еретици». В этой статье указывалось, что Иоанн вступил на престол в 6933 г. Эти сведения и перенес в текст Хронографа его составитель. К царствованию Калуяна в редакции 1512 г., лучше отразившей первоначальный текст Хронографа, были отнесены русские события за 6933—6949 гг. Составитель же Западнорусской редакции, восходящей к редакции 1512 г., на этом основании высчитал, что Иоанн правил 17 лет (6949—6933=16+1=17). Однако если мы проанализируем другие случаи соотнесения русских событий с царствованием того или иного византийского императора, то увидим их произвольность. Так, в главу, посвященную царствованию Василия II (умер в 1025 г.), попали русские события вплоть до 1054 г., в пределах царствования Константина Мономаха (1042—1055) оказываются события 1054—1078 гг., к царствованию Андроника III Палеолога (1328—1341 гг.) отнесены события 1344—1356 гг. и т. д. Следовательно, помещение в царствование Иоанна Палеолога событий вплоть до 6949 (1441 г.) отнюдь не говорило о том, что, по мнению хрониста, Иоанн правил 17 лет.

Итак, датировка, казалось бы, вытекающая из самого текста источника, оказалась ошибочной, поскольку А. А. Шахматову не были известны источник Хронографа и соотношение его редакций.

В некоторых случаях для датировки появления того или иного произведения имеют существенное значение прямые указания в сторонних памятниках. Так, например, мы могли бы сомневаться в том, когда стала известна на Руси «Повесть о Бове Королевиче». Как известно, ранних списков ее не сохранилось (древнейший список ее середины XVII в.),[16] указания в тексте отсутствуют и, наконец, косвенные данные спорны. Дело решается, однако, посланием некоего Ивана Бегичева второй четверти XVII в., в котором читается следующий упрек, обращенный им к кружку московской служилой аристократии, представители которого, кроме «баснословные повести, глаголемыя еже о Бове Королевиче, и мнящихся вами душеполезные быти, иже изложено есть от младенец, иже о куре и лисице и о прочих иных таковых же баснословных повестей и смехотворных писм, — божественных книг

[16] В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Покровская. Библиография древнерусской повести, вып. 1. М.—Л., 1940, с. 155—157.

и богословных дохмат никаких не читали». [17] Следовательно, во второй четверти XVII в. перевод Бовы уже существовал во многих списках, он был популярен.

Большое датирующее значение имеют следы влияния исследуемого произведения на другие датированные памятники. Так, например, в начале изучения Пролога, когда вопрос о времени его перевода был неясен даже приблизительно, большой интерес представили указания И. И. Срезневского на следы знакомства с ним в Новгородской летописи под 1212 г.,[18] И. А. Шляпкина на следы влияния Пролога в «Поучении» Владимира Мономаха и в «Поучении» Луки Жидяты.[19]

Как terminus post quem должно быть принято указание, извлекаемое из даты произведения, повлиявшего на изучаемый памятник. Допустим, если установлено, что на «Задонщину», памятник, возникший на рубеже XIV и XV вв., повлияло «Слово о полку Игореве», то это значит, что само «Слово» возникло никак не позднее этой даты.

В некоторых случаях (особенно если содержание памятника не дает никаких зацепок) приходится для датировки памятника прибегать к очень сложным соображениям. Так, Н. А. Бакланова датирует «Повесть о Ерше Ершовиче» концом XVI в., привлекая для доказательства следующие материалы. Во-первых, она исследует терминологию судебного процесса, употребляющуюся в «Повести», и вскрывает в ней ряд весьма старых терминов. Во-вторых, Н. А. Бакланова рассматривает общий характер судебного процесса в «Повести» и находит, что, поскольку процесс этот изображен обвинительным, а не состязательным (а состязательным процесс стал только в XVII в.), можно рассматривать его как изображение процесса именно XVI в. В-третьих, в «Повести» вместо «гость» говорится «сурожанин». Это также термин древний, указывающий, что «Повесть» не могла быть составлена в XVII в. В-четвертых, в «Повесть» введен эпизод с отпуском на волю холопа и переводом его в крестьяне, причем имеется в виду холопство полное или «обельное». Это явление более типично для XVI в., чем для XVII. В-пятых, о раннем времени свидетельствует и изображение в лице Ерша мелкопоместного обнищавшего служилого человека (сына боярского), охотящегося за землей, населенной крестьянами. В-шестых, большое количество редакций и вариантов указывает на продолжительность существования «Повести

---

[17] А. И. Яцимирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. М., 1898. Отд. отт. из «Чтений в ОИДР», с.4.

[18] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-е. СПб., 1882, с. 90.

[19] И. А. Шляпкин. Лекции по истории русской литературы, ч. 1, вып. 2. СПб., 1913 (литографированное издание), с. 60. Ср. также: Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей X—XI вв. СПб., 1906, с. 144—149.

о Ерше». В-седьмых, некоторым указанием может служить и дата, с которой начинается «судный список», — 1596 год. В-восьмых, если бы «Повесть» была составлена в период крестьянской войны и польской интервенции начала XVII в. или вскоре после него, то события этого времени, потрясшие все государство и вызвавшие целый ряд литературных произведений, не могли бы не найти отражения в «Повести», все содержание которой проникнуто живой действительностью, — тем более что Ростовская область непосредственно испытала власть интервентов. В-девятых, отнесению «Повести» к концу XVI в. не противоречат ее ясно выраженный сатирический смысл и форма, использующая жанр деловой письменности: резкое усиление сатирической направленности литературы наблюдается уже во второй половине XVI в.; широкое применение форм деловой письменности — челобитных, посланий — также представляет характерное явление именно этого времени (в литературной деятельности Ивана Грозного, Пересветова и т. д.); в начале XVII в. появляются и пародии на эти деловые жанры — «Послание дворительное недругу», «Сказание о куре и лисице».[20] Таковы аргументы Н. А. Баклановой. Нужно, однако, сказать, что хотя аргументов и много, но каждый из них не является решающим, и поэтому вопрос о датировке «Повести» все еще остается открытым. Датируя то или иное произведение, надо всегда иметь в виду, что один основательный аргумент стоит любого числа малоосновательных и косвенных.

*

Текстолог, датирующий памятник, его редакции или списки, должен обязательно быть осведомлен в истории русского языка и, в известных пределах, в истории других славянских языков. Он должен уметь определить извод русский, болгарский, сербский, отметить особенности языка и орфографии списка и т. д. *Язык и орфография имеют важное датирующее значение.* Они должны приниматься во внимание текстологом во всех случаях. Если они не дают решающих примет времени, то по крайней мере текстолог должен быть уверен, что ни данные языка, ни данные орфографии не противоречат его выводам, которые он извлек из примет другого характера.

Датирующие данные могут быть извлечены из диалектных особенностей, имеющих свои хронологические пределы (так, например в новгородских рукописях мена «ч» и «ц» характерна только в пределах до конца XV в.), из употребления времен глаголов, из данных лексических и фонетических, из употребления элементов южно-славянской орфографии и т. п.

---

[20] Н. А. Бакланова. О датировке «Повести о Ерше Ершовиче», — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955.

Здесь не место давать сведения по истории русского языка и орфографии. Отмечу только, что наблюдающаяся в последнее время слабая осведомленность текстологов, литературоведов и историков в области истории русского языка отрицательно сказывается во всех звеньях текстологической работы, начиная от прочтения текста и кончая вопросами атрибуции памятника, определения его времени и места возникновения.

*

Каковы бы ни были, однако, отдельные аргументы в защиту той или иной датировки, вопрос о дате произведения нельзя отрывать от истории его текста. Этого требует основной принцип текстологических исследований, сформулированный нами выше — в начале книги: принцип комплексности. Необходимо датировать не только создание авторского текста, но по возможности отдельные редакции, виды, списки произведения. Когда перед нами раскрыта вся история текста произведения, и дата авторского текста приобретает большие основания, становится прочнее. Мы видели выше, что шестым аргументом Н. А. Баклановой в пользу раннего происхождения «Повести о Ерше» было наличие большого числа редакций и вариантов этого произведения. Однако представьте себе, что эти редакции и варианты относятся по преимуществу к концу XVII и к XVIII в. — в этом случае аргумент этот не имеет никакого значения или имеет значение даже обратное. Другое дело, если выяснится, что редакции и варианты «Повести» в основном датируются довольно ранними годами. Конечно, необходимо иметь в виду, что датировать редакции и виды произведения бывает по большей части труднее, чем авторский текст, но зато списки датировать легче всего, а ведь датировка списков, особенно произведений XVI и XVII вв., имеет некоторое значение.

Итак, датируя произведение, всегда необходимо иметь в виду по возможности полную историю его текста, даты и взаимоотношение редакций, видов и списков.

Кроме того, конечно, по возможности необходимо мобилизовать все сведения о местности, в которой могло возникнуть произведение, об авторе, об идейном содержании произведения, о его языке, стиле и т. д. Датировка произведения должна ввести это произведение не просто в летосчисление, а в историю литературы, в историю языка, в историю общественной мысли, в историю быта, искусства и т. д. Вопрос о дате произведения есть вопрос о месте произведения в историческом процессе, в самом широком и разнообразном круге связанных с ним проблем. Таким образом, и этот вопрос является вопросом комплексным.

Обращу внимание еще на одно существенное обстоятельство: указаний на время написания памятника в самом тексте летописей

довольно много, и обычно они разноречивы. Это распространенное в летописях явление. Объясняется оно тем, что разные указания относятся к разным этапам жизни памятника. Вот почему время создания той или иной летописи и невозможно датировать, не прояснив всех этапов истории ее текста.

Конечно, в простых случаях, когда дата произведения точно выводится на основании немногих убедительных соображений, нет смысла осложнять вопрос привлечением всех фактов, связанных с историей памятника. Принцип комплексности вступает в силу в спорных и неясных случаях, когда у нас нет оснований легко и убедительно определить дату. Комплексное решение вопроса о дате произведения может проиллюстрировать работа Л. А. Дмитриева «О датировке „Сказания о Мамаевом побоище“».[21] Датировка «Сказания» была чрезвычайно запутана в связи с неясностью основного вопроса — о взаимоотношении редакций этого произведения (как известно, С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматов датировали редакции совершенно различно). Поэтому Л. А. Дмитриев начинает свою статью с рассмотрения вопроса о первоначальной редакции этого произведения, затем он привлекает данные исторические и историко-литературные. В результате ему удается дать более или менее убедительное, хотя и не окончательное (ввиду отсутствия прочных данных) решение этого вопроса.

Итак, при установлении времени возникновения памятника должны быть приняты во внимание решительно все хронологические приметы. Решающим приметам должно быть оказано предпочтение; в отношении же других должно быть по крайней мере установлено, что они не противоречат основным указаниям. Кроме того, должно быть полное соответствие между датировками первоначального текста, его редакций и списков. В конечном счете, датировка должна находить себе подтверждение во всей истории текста памятника.[22]

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вопрос о месте возникновения памятника тесно связан с рядом других: был ли его составитель местным жителем, отразились ли в его памятнике местные тенденции, местная идеологическая борьба, в какой мере памятник является по своему содержанию действительно «местным» и в какой — общерусским. Часто местные памятники пишутся пришельцами (например, в Новгороде житие новгородских святых писал серб Пахомий Логофет), ком-

---

[21] Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954.

[22] Рассмотрение общих вопросов древнерусской хронологии не входит в задачу текстологической науки. Литературу по хронологии см. в главе VIII («Особенности изучения текста летописей»).

пилятор-летописец использует летописи чужого княжества и оставляет в них сведения сугубо местного характера. Автор «Казанской истории» не обязательно писал в Казани; его произведение составлено, по-видимому, в Москве. В Москве же могло быть составлено житие какого-либо вовсе немосковского святого. Житие Зосимы и Савватия Соловецких составлялось то в Соловках, то в Новгороде, то в Ферапонтовом монастыре.[23] Житие новгородского святого Михаила Клопского составлялось в Новгороде, но москвичом — Василием Тучковым и отличалось московскими идейными тенденциями. Все это указывает на то, что вопрос о происхождении памятника из той или иной местности далеко не прост. По существу перед нами целая группа вопросов по истории текста произведения. Ограничимся только одним вопросом: каковы самые общие приметы возникновения произведения в данной местности? Наиболее часто встречающаяся примета, но вовсе не самая достоверная это — особое внимание в памятнике к своей местности, своему городу, княжеству, области. О местном происхождении известия могут свидетельствовать детальные описания, мелкие географические и топографические особенности, точные даты. Ср., например, в Новгородской первой летописи по Синодальному списку под 1228 г.: «Той же осени бысть вода велика в Вълхове: поима около озера сена и по Волхову. Тогда помързъшю озеру и стоявшю 3 дни, и въздре уг ветр, изламав, вънесе все в Вълхово, и въздре 9 городьнь великаго моста, и принесе к Питбе под святый Николу 8 городьнь в ноць, а 9-ю рознесе, месяця декабря в 8 день, на святого Патапия».[24] Конечно, новгородский автор чаще всего и детальнее всего пишет о новгородских событиях, о Новгороде или той или иной новгородской местности, но это признак вовсе не обязательный: путешественники очень внимательно относятся к местности, по которой они путешествуют, и это не значит, что памятник создан именно там, во время путешествия. Московские летописи XV и XVI вв. включают в свой состав много чисто местных новгородских известий, но это объясняется только тем, что московские летописные своды включали в свой состав обширные новгородские летописи.

Гораздо достовернее не количественный признак, а качественный. Важно не то, *сколько* раз и с какой детальностью пишет автор о своей местности, а то *как* о ней пишет, *как он* ее называет.

Описывая голод в Новгороде под 1230 г., летописец замечает: «Се же горе бысть не в *нашей* земли в одиной, нъ по всей области Русстей, кроме Кыева одиного».[25] Конечно, если летописец

---

[23] В. О. *Ключевский*. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 198—203, 269—270.

[24] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 67.

[25] Там же, с. 71.

(вернее — автор данной летописной статьи) пишет о Новгородской земле «наша», о новгородцах «наши», а о новгородском князе «наш», — он новгородец. Если он пишет о Торговой стороне «он пол», а о жителях Торговой стороны — «ониполовци»,[26] он житель Софийской стороны. Если он с удовлетворением пишет о тверском князе и с неудовольствием о его противниках, — он скорее всего сторонник тверского князя.

Но если летописец бранит московского великого князя — это еще не значит, что он не москвич; он просто его противник. Брань же и неприязненные замечания по адресу всех жителей той или иной местности исключают ее происхождение из данной местности. Так, в Симеоновской летописи под 6678 (1170) г., к известию о том, что новгородцы выгнали князя Романа, добавлено: «таков бо бе обычяй блядиным детем», а по поводу рязанцев под 6879 (1171) г. добавлено: «палаумные смерди». Если автор прославляет какого-либо местного святого, это значит, что он его приверженец, но чтобы решить — был ли он жителем той же местности, что и святой, — надо выяснить: могли ли быть почитатели данного святого в момент составления его жития в других местностях. Даниил Паломник выдает свое черниговское происхождение тем, что сравнивает реку Иордан с черниговской речкой Сновью.[27] Местное происхождение писателя или переписчика рукописи может выдать также ошибка, при которой он принял незнакомое ему географическое название за знакомое ему, местное. Ср., например, в некоторых новгородских летописях XVII в. в рассказе о смерти Игоря: «И убиша его (Игоря, — *Д. Л.*) вне града Коростеня близь Старыя Русы». Последние слова выдают северное происхождение переписчика.

Определяя то или иное местное происхождение какого-либо литературного произведения или летописного свода, необходимо стремиться установить, с какими местными явлениями и кругами был связан памятник. Когда то считалось, что политические устремления памятника совпадают с его местными устремлениями. Теперь мы знаем, что в любой местности были различные общественные группы, имевшие различные тенденции. В Новгороде, в Твери, в Ростове были группы населения, противившиеся Москве и тянувшие к Москве, занимавшие различные позиции в целом ряде конкретных вопросов современной им жизни. Уже

---

[26] Ср. в Новгородской первой летописи по Синодальному списку под 1097 г.: «погоре он пол»; под 1157 г.: «и сташа сторожи у городьных ворот, а друзии на ономь полу»; под 1218 г.: «и възвонишаˇу святого Николы ониполовци черес ночь», и др.

[27] «Всем же есть подобен Иордан к реце Сновьстей и в шире, и в глубле, и лукаво течет и быстро велми, яко же Сновь река» (Житие и хождение Даниила, Русскыя земли игумена. 1106—1108 годы. Под ред. М. А. Веневитинова. — В кн.: Православный палестинский сборник, т. I, вып. III. СПб., 1883, с. 45).

А. А. Шахматов различал княжеские летописные центры от церковных, но и этого, конечно, недостаточно.

Определение местного характера того или иного памятника и определение политических его тенденций взаимно поддерживают друг друга, что и позволяет нам гораздо конкретнее представить себе и происхождение памятника и его идейное содержание.

Приведу пример с определением ростовского происхождения Типографской летописи. Определено оно было в свое время А. А. Шахматовым.[28] Я. С. Лурье следующим образом конкретизирует это ростовское происхождение Типографской летописи:[29] «Как известно, Типографская летопись, действительно, содержит целый ряд известий, относящихся к Ростову и восходящих, по-видимому, к ростовскому летописанию (в официальной московской летописи их нет). Это — известия о различных бедствиях в Ростове, о важнейших событиях в жизни архиепископской кафедры и т. д.[30] Особенно интересны в этом отношении явно местный рассказ о том, как „выло" и „стучало" замерзающее Ростовское озеро, известия о продаже ростовскими князьями в 1474 г. половины своей вотчины, о конфликте между архиепископом ростовским Вассианом и митрополитом (московским, — *Д. Л.*) Геронтием из-за Кирилло-Белозерского монастыря. Сопоставление этого известия с аналогичным известием Софийской II летописи . . . еще ярче подчеркивает горячее сочувствие летописца ростовскому архиепископу и его ненависть к „высокоумным и суетным черньцам Кириллова монастыря" и к их покровителю — митрополиту.[31] Ростовский характер приведенных выше известий делает, на наш взгляд, — пишет Я. С. Лурье, — достаточно вероятным и предположение А. А. Шахматова о ростовском происхождении рассказа о „стоянии на Угре" в 1480 г., содержащегося в Типографской летописи и попавшего (с теми или иными изменениями) почти во все русские летописи конца XV—XVI века. В Типографской летописи рассказ об Угре имеет наиболее развернутый характер: он направлен против „сребролюбцев богатых и брюхатых" — тех представителей боярства, которые побуждали Ивана III к компромиссу с ханом (в частности, против Софии Палеолог, бежавшей во время нашествия хана), и завершающая его концовка содержит пламенный призыв к „храбрым мужественным сыновем Русстим" не следовать примеру „кровопивцев христьянских" и защищать „свое отечество Рускую землю". Политические тенденции, обнаруживавшиеся в рассказе Типографской летописи о событиях

[28] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 294—295.

[29] Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 158.

[30] См. указанные страницы «Обозрения» А. А. Шахматова. (*В цитате примечания Я. С. Лурье*).

[31] ПСРЛ, т. XXIV, с. 186, 194, 197.

1480 г., вполне совпадают с политической позицией ростовского архиепископа во время этих событий. Ростовский архиепископ Вассиан Рыло сыграл, как известно, важную роль в организации обороны Русского государства от последнего нападения Золотой Орды. В полном соответствии с его „Посланием на Угру“ Ивану III, рассказ Типографской летописи резко осуждает поведение братьев великого князя, смело критикуя самого великого князя за его колебания. Во время „стояния на Угре“ Вассиан был в Москве.[32] Любопытно в связи с этим, что и рассказ об Угре Типографской летописи написан с точки зрения человека, находящегося в Москве: говоря о событиях на Угре, автор трижды возвращается к тому, что происходило в это время „в граде же Москве“. Наконец, весьма характерно прямое совпадение между заключительной частью рассказа об Угре и посланием Вассиана: [33] если в заключительной части рассказа осмеиваются греческие и другие восточноевропейские государи, которые убежали от турок „с имении многыми и с женами и з детьми в чюжие страны“, то в послании Вассиан предостерегает Ивана III от той же участи: „Не обратися вспять, не речи в сердце своем: «Жену имею и дети и богатество многое, аще и землю мою возмут; то инде вселюся!», но без сомнения вскочи на подвиг“».[34]

Из приведенного рассуждения видно, что вопрос о местном происхождении того или иного памятника связывается с целым рядом других: с вопросом о политических идеях памятника, с вопросом о близости его к другим произведениям той же местной литературы, с вопросом о близости автора к тому или иному политическому деятелю и т. д. Чем больше «обрастает» вопрос такого рода связями, тем конкретнее и доказательнее он может быть решен. Даже то, что с первого взгляда может показаться противоречащим местному происхождению памятника, в конкретном рассмотрении может обернуться в пользу данного решения вопроса. Так, выше мы видели, что рассказ Типографской летописи о событиях 1480 г. написан с точки зрения человека, находящегося в Москве, но это конкретно объясняется тем обстоятельством, что ростовский архиепископ Вассиан, к которому был явно близок летописец, именно в это время находился в Москве со своими приближенными.

И в вопросе о местном происхождении того или иного памятника ясно выступает основное текстологическое правило: не ограничиваться внешними признаками, а видеть за историей текста историю людей, имевших к этому тексту отношение. Умение ви-

---

[32] И. М. Кудрявцев. «Послание на Угру» Вассиана Рыло. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, с. 163.

[33] ПСРЛ, т. XXIV, с. 202; т. VI, с. 227.

[34] Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в., с. 158—159.

деть этих людей, представлять себе всегда и во всем историю исследуемого текста по возможности конкретно и детально — основное качество, необходимое текстологу, поскольку он не может не быть историком.

Возвращаясь к приведенному анализу местного, ростовского происхождения Типографской летописи, следует отметить, что наиболее важное с методологической точки зрения наблюдение, которое было сделано, — это связь политической направленности Типографской летописи с ее местными особенностями. То и другое отделять невозможно, но в такой же мере невозможно примитивно объединять то и другое. Допустим, невозможно представить себе дело таким образом, что то или иное местное, немосковское, происхождение памятника отразится в нем антимосковской и антивеликокняжеской тенденцией. А именно так поступают в некоторых случаях исследователи. Так, например, А. А. Шахматов определил ростовское происхождение Ермолинской летописи на основании имеющейся в ней резкой критики московских князей и наличествующего в ней под 1396 г. перечня ростовских владык.

Однако Я. С. Лурье в той же, уже цитировавшейся нами статье справедливо возражает против того и другого аргумента А. А. Шахматова. Я. С. Лурье указывает, что поместить список ростовских владык в своей летописи и дополнить его мог не только ростовский летописец — ростовские архиепископы, наряду с новгородскими, были важнейшими иерархами русской церкви. Вместе с тем явно иронический и антивеликокняжеский рассказ Ермолинской летописи об обретении мощей ярославских чудотворцев [35] вряд ли мог быть сделан в окружении ростовского архиепископа. Я. С. Лурье отмечает, что критика московского великого князя шла в Ермолинской летописи (и близких к ней Погодинской № 1409 и некоторых других) главным образом по военной линии и могла исходить из оппозиционно настроенных кругов в самой Москве. В связи с этим приобретает особенное значение одно наблюдение Я. С. Лурье: автор Ермолинской летописи (вернее ее протографа) высказывает особую привязанность к московскому воеводе Федору Басенку. Приведу это наблюдение Я. С. Лурье полностью: отметив критику в Ермолинской летописи военных действий московских воевод второй половины XV в., Я. С. Лурье пишет: «Заметим прежде всего, что далеко не все военные действия этого периода рисуются в интересующем нас летописном тексте в мрачном свете. Наряду с бездарными и подкупными воеводами эта летопись упоминает и такого воеводу,

[35] Рассказ этот содержит насмешки и над самими ярославскими чудотворцами и над великокняжеским наместником Иваном Сущим, которого летописец именует «новым чудотворцем» за его действия по «отписыванию» земель ярославских князей на московского великого князя (ПСРЛ, т. XXIII, с. 157—158).

действия которого неизменно и постоянно увенчиваются успехом. Это — Федор Васильевич Басенок, сражавшийся с татарами еще до свержения Василия Темного в 1445 году и обнаруживший непреклонную верность Василию во время захвата власти Шемякой. В 1445 году Басенок бежал в Литву и оттуда развернул успешную партизанскую войну против Шемяки.[36] После победы Василия Басенок продолжал играть видную роль в военных действиях против татар и Новгорода. Близость летописца к Федору Басенку обнаруживается в ряде известий. „Тогда же мужьствова Феодор Васильевичь Басенок“, — так сообщает о его борьбе с татарами в 6951 (1443) году Ермолинская летопись.[37] Рассказывая под 6963 (1455) годом о сражениях с татарами „Сиди-Ахметовы орды“, Ермолинская, Погодинская № 1409, Софийская I в списке Царского и Новгородская Хронографическая летописи подчеркивают, что „Иван Васильевичь Ощера с коломничи не поспе на них ударити, и пришед сы иные страны Феодор Васильевичь Басенок с великого князя двором, татар бил и полон отнял“.[38] Под 6964 (1456) годом в тех же летописях повествуется о победе Басенка над новгородцами; Ермолинская летопись сохранила в данном случае и необычайный эпитет Басенка — „Феодор Васильевичь Басенк, удалый воевода“.[39] Не менее характерен и рассказ о покушении новгородцев на Басенка в 6968 (1460) году: „Феодор Васильевичь Басенок пил у посадника и поеха ночи на Городище, и удариши на него шилники и убиша у него слугу, именем Илейку Усатого Рязанца, а сам едва утече на Городище и с товарищи. Новгородци же, слышавше голку, и возмятошася, и приидоша всем Новым городом на великого князя к Городищу: чаяли, что князя великого сын пришел ратью на них, и едва утолокшася, мало упасе бог от кровопролития“.[40] Детальный характер этого известия, ряд подробностей — все это заставляет предполагать близость его автора к главному герою происшествия, Федору Басенку. Предположение о близости интересующего нас летописного текста к Федору Басенку подтверждается не только обилием содержащихся в нем известий о военных столкновениях, явным сочувствием летописи Басенку и враждебностью к ряду других воевод. Оппозиционные тенденции этого летописного текста также соответствуют данным биографии Басенка: вскоре после воссест-

[36] ПСРЛ, т. XXIII, с. 152—153. Ср.: ПСРЛ, т. VI, с. 174—175. (*В цитате примечания Я. С. Лурье*).

[37] Там же, с. 151. — В Погод. 1409, Новг. Хроногр. и Соф. I Царск. этого известия нет.

[38] Там же, с. 155; Погод. 1409, л. 115 об.; ПСРЛ, т. V, с. 271; т. IV, примеч. *а*, с. 147.

[39] ПСРЛ, т. XXIII, с. 155; Погод. 1409, л. 116; ПСРЛ, т. V, с. 272; т. IV, с. 147.

[40] ПСРЛ, т. XXIII, с. 156. — В Погод. 1409 и других летописях это известие короче: Погод. 1409, л. 116 об.; ПСРЛ, т. V, с. 272; т. IV, с. 148. Ср. также: ПСРЛ, т. VI, с. 182.

вия на престол Ивана III „удалый воевода“ подвергся опале, ослеплению и ссылке в Кириллов монастырь».[41]

Наконец, о происхождении памятника из той или иной местности свидетельствует сама рукописная традиция. Если памятник длительное время переписывается в псковских рукописях, — это может служить одним из доводов в пользу псковского же происхождения памятника, хотя мы хорошо знаем случаи (и даже массовые явления), когда та или иная местная традиция (псковская, новгородская, тверская и т. д.) сохраняла памятники Киевской Руси, произведения, созданные в Болгарии, и пр.

Косвенным признаком принадлежности памятника той или иной местности может служить вхождение этого памятника в сборник местных произведений: новгородских, муромских, рязанских, псковских. Однако безусловно этому признаку доверять нельзя. Так, в составе псковских произведений часто переписывалось «Хождение в Царьград Стефана Новгородца»,[42] а в составе рязанских — «Повесть об убиении Батыя» Пахомия Серба.[43]

История текста произведения непременно должна приниматься во внимание при решении вопроса о месте происхождения памятника.

Только в связи с историей текста, историей его списков должен приниматься во внимание и важнейший признак местного происхождения памятника—лингвистический.

Но, анализируя язык, выявляя диалектизмы (фонетические, морфологические и лексические), мы все время должны стремиться те из них, которые могли проникнуть в язык памятника от его переписчиков и редакторов, отделить от тех, которые присущи памятнику как таковому. Работа эта очень сложна и, по существу, требует специальных знаний. В данном случае текстолог всегда должен обращаться за помощью к опытному лингвисту, специалисту диалектологу и историку языка.

АТРИБУЦИЯ

Вопрос об авторстве того или иного произведения в древнерусской литературе гораздо сложнее, чем в литературе нового времени. Здесь много неясного в самой своей основе: кого называть автором в древнерусской литературе и что называть его произведением, как отграничить одного автора от другого, автора от компилятора, компилятора от переписчика, различные произведения друг от друга, в какой мере показания идейного содержа-

---

[41] Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века, с. 162—163.

[42] М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934, с. 47—49.

[43] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, с. 267, 268 и др.

ния и стиля могут считаться достоверными доказательствами принадлежности произведения тому или иному автору и т. д.

Прежде всего — что называть произведением в древней русской литературе, как отграничить одно произведение от другого и, следовательно, как разграничить работу авторов?

В решении этой проблемы есть специальные трудности. Многие из произведений древнерусской литературы представляют собой коллективные, многослойные произведения, компиляции или литературные обработки предшествующих произведений. В составлении некоторых памятников древней русской литературы принимало участие много авторов, работавших разновременно, дополнявших и переделывавших работу своих предшественников.

Известно, что летописи представляют собой своды предшествующего летописного материала. Работа различных летописцев соединена в них не крупными кусками, а по большей части отдельными небольшими летописными статьями под каждым годом отдельно. Работа по атрибуции отдельных летописных текстов связана поэтому прежде всего с работой по расслаиванию летописи и по ее хронологизации.

Точно такое же соединение многих мелких авторских текстов представляют собой хронографы, степенные книги, отчасти некоторые исторические повести и т. д.[44]

Житие святого также представляет собой по большей части соединение работ многих авторов. Как правило, дополнительные части в житиях святого — рассказы о его посмертных чудесах — составлялись позднее и принадлежали различным авторам. Но и основной текст жития часто представляет собой «украшенный» текст, составленный на основе первоначального, «неукрашенного» и частично сохраняющий этот первоначальный текст. Очень трудно, например, отделить работу Епифания Премудрого от работы Пахомия Серба в Житии Сергия Радонежского.[45]

Даже в тех случаях, когда перед нами безусловно произведение одного автора, представляется иногда нелегким отделить его самостоятельную творческую работу от нетворческого включения заимствований из других памятников, обработки фольклорного или письменного материала.

Здесь мы подходим еще к одному сложному вопросу: как отделить работу автора от работы редактора. Дело в том, что одно и то же лицо часто выступает и как автор — для тех частей произведения, которые пишутся им самостоятельно, и как редактор — для

---

[44] О компилятивности палейных и хронографических текстов можно наглядно судить по описанию их состава в кн.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, с. 237—304.

[45] В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (к вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского»). — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953.

тех частей, где им только обрабатываются предшествующие источники. Так часто бывает в летописании и хронографии, но так же бывает и в других сочинениях, по преимуществу исторического характера. Вот почему исследователи древней русской литературы нередко вынуждены говорить не об авторах, а о древнерусских «книжниках» вообще, или о компиляторах, «сводчиках», летописцах и т. д., каждый раз применяя особый термин к тому роду работы, которая была выполнена по данному произведению. Понятие «автор» оказывается слишком общим и неточным в применении к большинству древнерусских произведений. Понятие «автор» даже в бóльшей степени неопределенно, чем понятие «авторский текст».

Древняя русская литература в отношении к авторству своих произведений занимает переходное положение между коллективным народным творчеством и индивидуальным творчеством нового времени. Коллективное начало в нем очень сильно, текст произведений неустойчив, подвижен, а понятие авторской собственности весьма своеобразно.

Исследователь древней русской литературы, решая вопрос об авторстве, вынужден не отделять его от вопросов строения произведения, истории его создания, определения времени его возникновения в целом и в отдельных частях, от судьбы текста в последующее время, от вопроса о сохранности авторского текста и т. д. Определяя автора того или иного произведения, исследователь обязан точно оговаривать — в чем выразилось это авторство, где и в каких частях оно проявилось полностью, а где частично и т. д. Простая атрибуция произведения далеко недостаточна, — надо каждый раз конкретно определять не только автора, но и его авторскую работу.

Следовательно, применительно к древней русской литературе, мы должны сказать, что вопрос об атрибуции произведения есть частный вопрос истории текста этого произведения. В дальнейшем мы продемонстрируем это положение на конкретных примерах.

*

История древней русской литературы знает очень много примеров недостаточно обоснованных атрибуций. Нередко болезненное стремление к значительным выводам и «открытиям» без уравновешивающего это стремление чувства научной ответственности приводит к поспешным, хотя и эффектным выводам. Поскольку эффектные выводы легче всего удаются на значительных произведениях, — больше всего различного рода атрибуций было сделано в отношении известнейших памятников. Кого только ни предлагали, например, в авторы «Слова о полку Игореве»: Митусу, Беловолода Просовича, Кочкаря—милостника Свято-

слава Киевского,[46] сына тысяцкого, самого князя Игоря и т. д.

Особенно опасен путь, на который, к сожалению, очень часто становятся исследователи, — это путь приписывания одному более или менее известному автору тех или иных значительных произведений одновременной ему литературы. Так, например, Пахомию Сербу, известному автору середины XV в., приписывалось сказание о князьях Владимирских,[47] старцу псковского Елеазарова монастыря Филофею, создателю известной теории Москва — третий Рим, — Хронограф 1512 г.,[48] Ивану Грозному — сочинения Ивана Пересветова [49] и т. д. Как правило, чем известнее лицо, которому приписывается то или иное произведение, тем меньше приводится доказательств, тем «общée» и неопределеннее соображения, по которым эта атрибуция производится.

П. Н. Берков совершенно правильно пишет: «Сравнительное текстоведение или сравнительное изучение текстов показывает, что „нормальный", „естественный" путь всяких приурочиваний анонимных произведений идет по линии атрибуции их крупным, а не мелким, литературным деятелям. Наоборот, в подавляющем числе случаев приписывание анонимного произведения мелкому автору бывает безошибочным».[50]

Говоря о такого рода атрибуциях произведений какому-либо известному историческому лицу, Б. В. Томашевский остроумно замечает: «Иногда в основе такого приписывания лежит простое невежество и тяга к крупному имени. Оно отлично сформулировано Гоголем в „Записках сумасшедшего" (запись 4 октября): „Дома большей частью лежал на кровати. Потом переписал очень хорошие стишки: «Душеньки часок не видя, думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Льзя ли жить мне, я сказал». Должно быть Пушкина сочинение"».[51]

Очень часто исследователи, приписывающие то или иное произведение какому-либо известному автору, ограничиваются кос-

---

[46] С. Тарасов. Возможный автор «Слова о полку Игореве». — Новый журнал, Нью-Йорк, 1954, XXXIX.

[47] И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, с. 1—151. — Возражения И. Н. Жданову см. в книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских» (М.—Л., 1955).

[48] А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899. — Возражения А. А. Шахматову см. в книге Н. Н. Масленниковой «Присоединение Пскова к русскому централизованному государству» (Л., 1955, с. 162—164).

[49] И. И. Полосин. О челобитных Пересветова. — Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та, 1946, т. XXXV, с. 25—55. Ср. также: С. Вилинский. Новые труды по изучению деятельности Ивана Пересветова. — ЖМНП, 1908, сент., с. 185—192.

[50] П. Н. Берков. «Хор ко превратному свету» и его автор. — В кн.: XVIII век, сборник статей и материалов, под редакцией А. С. Орлова. М.—Л., 1935, с. 197—198.

[51] Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959, с. 190—191.

венными соображениями, не приводя решающих аргументов. Необходимо прямо сказать, что косвенные соображения, как много бы их ни было, не могут иметь полной силы, особенно если эти косвенные соображения в свою очередь опираются на гипотезы и побочные соображения. Косвенные соображения могут лишь подкреплять основной довод.

В статье «Повесть XIII века об Александре Невском», опубликованной в 1957 г. (Учен. зап. МГПИ, т. XVII), Н. В. Водовозов пришел к выводу, что «Слово о погибели Русской земли», «Повесть об Александре Невском» (т. е. его житие) и «Моление Даниила Заточника» написаны одним автором — Даниилом Заточником. Главный аргумент Н. В. Водовозова, которому подчинены остальные, следующий: мог ли молчать Даниил, когда Русская земля лишилась такого великого сына, как Александр Невский? Если Даниил был жив (а это, судя по его возрасту, вполне вероятно, так как в год смерти Александра ему было бы лет 65 или только немногим более), то кто же как не он взялся бы за благодарную задачу рассказать о жизни и подвигах такого человека, который не только соответствовал его идеалу главы государства, но и лично для него был «добрым», идеальным господином?

Итак, основной аргумент, объединяющий автора «Моления», с одной стороны, и автора «Жития Александра Невского» и «Слова о погибели Русской земли» — с другой, состоит в том, что, кроме Даниила, некому было написать «Житие» («кто же как не он»). Остальные соображения — это только различные допущения и предположения, пытающиеся биографически объяснить некоторые частности «Жития» и «Моления».

Если идти дальше путем объединения авторов различных произведений, строя эти объяснения исключительно на вопросе «кто же как не он» и на различного рода допущениях, то легко свести все многообразие древнерусских писателей к двум—трем в каждом поколении. Это о б ъ е д и н е н и е авторов, которое, к сожалению, делается у нас очень часто, есть не что иное, как о б е д н е н и е литературы. Оно зиждется на представлении, что писателей было мало и писать было некому.

Но есть и другие причины, вызывающие обилие слабо обоснованных атрибуций. Одна из этих причин: отсутствие точного учета особых трудностей атрибуции в древнерусской литературе. Нередко приемы атрибуции, выработанные на материале новой русской литературы, механически применяются к древней.

*

Специфические трудности атрибуции древнерусских литературных произведений легче всего установить, сравнив методы и приемы атрибуции произведений новой русской литературы

и древней. При этом оказывается, что многое из того, что в новой русской литературе имеет силу доказательства, к атрибуции древнерусских литературных произведений вообще неприменимо или применимо с большими ограничениями.

В статье Л. Д. Опульской «Документальные источники атрибуции литературных произведений» [52] перечисляются данные, имеющие силу документального свидетельства о принадлежности произведения новой литературы тому или иному автору. Полезно привести эти данные и определить их применимость к произведениям древнерусской литературы.

Первое документальное свидетельство это — полная подпись, а также подпись общеизвестным псевдонимом.[53] Подписи в Древней Руси до XVII в. вообще не употреблялись. Надписывание же произведения в заглавии или в конечной приписке именем какого-либо книжника доказательной силы иметь не может, так как при этом, с одной стороны, не было, как мы уже отмечали выше, точного разграничения авторов, компиляторов, редакторов и переписчиков, а с другой стороны, произведение могло быть приписано известному писателю (русскому или нерусскому) для придания ему бóльшей авторитетности.

Другим документальным свидетельством для новой литературы Л. Д. Опульская считает составленные авторами списки собственных произведений. Такого рода списки авторы Древней Руси обычно не составляли.

Документальным свидетельством в новой литературе Л. Д. Опульская считает также «включение напечатанного некогда без подписи произведения в авторизованное издание избранных произведений», [54] а также в издания, которые осуществлялись лицами, близко знавшими автора и бывшими свидетелями его творчества. Это свидетельство также неприменимо к древней русской литературе. Не говоря уже о том, что в Древней Руси не было ничего похожего на издания сочинений одного автора, не могло быть и авторизации произведений. Правда, в Древней Руси известны подборки произведений одного автора, переписывавшиеся из рукописи в рукопись как единое целое, и включение в эту подборку того или иного произведения составляет довольно сильное свидетельство в пользу принадлежности его тому же автору, что и соседние, однако все же полной доказательности это включение не имеет. До нас дошли подборки сочинений Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, Пахомия Серба, Максима Грека, Ивана Пересветова, Ивана Грозного, Ермолая Еразма, различных авторов (особенно часто проповедников), однако при отсутствии других данных (хотя бы косвенных) одно только вклю-

---

[52] Вопросы текстологии. Сборник статей, вып. 2. М., 1960.
[53] Там же, с. 18.
[54] Там же, с. 29.

чение в собрание сочинений не может быть убедительным, так как известны подборки, которые делались не только по признаку принадлежности произведений одному автору, но и по признаку их тематической близости. В подборку по признаку принадлежности сочинений одному автору какой-нибудь из переписчиков мог легко вставить то или иное заинтересовавшее его произведение, близкое по теме к остальным, которое затем последующими переписчиками закреплялось в этом своеобразном «собрании сочинений».

Следующие документальные свидетельства относительно авторской принадлежности произведений новой литературы, приводимые Л. Д. Опульской, вовсе не применимы к литературе древнерусской: это сведения, почерпнутые в архивах редакций, конторских книгах, гонорарных ведомостях и счетах; сведения о круге сотрудников того или иного периодического издания, о времени их участия в нем.

Важным документальным свидетельством для новой литературы Л. Д. Опульская считает «автопризнания и автоотрицания»,[55] содержащиеся в автобиографиях, дневниках, письмах, мемуарах; носящие характер автопризнаний пометы печатных изданий и рукописных сборников и т. д. Нечто похожее мы можем встретить и в древней русской литературе, но в весьма ограниченных, сравнительно с новой литературой, масштабах. Иногда в своем точно установленном произведении автор ссылается на другое произведение, как на принадлежащее ему же; или наоборот: в произведении неатрибутированном дается ссылка на произведение атрибутированное, как на принадлежащее ему же.

Менее достоверны отсылки и признания в заголовочной части произведения: «Того же инока слово второе», или «Иное сказание того же списателя» и т. д. Меньшая достоверность такого рода ссылок объясняется тем, что заголовочные части произведений очень часто меняются первоисточниками и компиляторами. Перед нами, следовательно, не «автопризнание», а мнение переписчика или компилятора — мнение, вызванное при этом иногда чисто случайными обстоятельствами, случайными соображениями.

Одним из наиболее важных документальных свидетельств принадлежности тому или иному автору являются для новой литературы автографы. «В ряду документальных источников, которые могут свидетельствовать об авторской принадлежности, — пишет Л. Д. Опульская, — первостепенная роль принадлежит рукописи. Рукопись, если она отражает результаты творческой работы, служит бесспорным свидетельством авторской принадлежности».[56]

---

[55] Там же, с. 19.
[56] Там же, с. 13.

Автографов писателей Древней Руси (до XVII в.) почти не сохранилось — их не берегли. Не сохранилось автографов даже Ивана Грозного или Нила Сорского. Случайно дошли незначительные автографы Пахомия Серба, Максима Грека и некоторых других. Следовательно, и это документальное свидетельство мало применимо к древней русской литературе.

Гораздо легче применить к древней русской литературе последнюю группу «документальных свидетельств», приводимую Л. Д. Опульской: разнообразные фактические данные, содержащиеся в самих текстах анонимных произведений. «Автор сообщает, например, факты своей биографии или биографии близких ему лиц, называет другие свои произведения, приводит из них цитаты. В самом произведении удается тогда почерпнуть сведения о том, к какой эпохе и социальному кругу принадлежал автор, где или когда он родился, где бывал, с кем встречался, какие читал книги и проч.».[57] Можно прямо сказать, что наиболее ответственная, первоочередная задача всякого исследователя древней русской литературы, занимающегося поисками автора произведения, заключается во внимательном чтении изучаемого произведения для выявления всей фактической стороны, которая могла бы свидетельствовать об авторе, его социальной принадлежности, времени его жизни, круге лиц, с ним связанных, его литературной эрудиции, стиле и языке его произведений и т. д. При этом надо учитывать не только те данные, которые свидетельствуют о том или ином возможном авторе, но и те, которые прямо или косвенно отводят авторство некоторых известных в истории литературы лиц. Последнее редко делается исследователем, между тем обязанность каждого исследователя, закончив доказательства любого выдвигаемого им положения, — еще раз внимательным образом проверить весь касающийся изучаемого им вопроса материал с той точки зрения: нет ли в этом материале чего-либо, что могло бы противоречить его выводу. Такого рода заключительной, контрольной проверки требует научная добросовестность исследователя. В большинстве случаев отсутствие такой контрольной проверки легко себя обнаруживает.

Заканчивая вопрос о сравнении «документальных свидетельств» для атрибуции в древней русской литературе и в новой русской литературе, необходимо отметить, что свидетельств этих для древнерусской литературы значительно меньше. Каждое из свидетельств не может быть принято само по себе. Необходимо соотнести его со всеми другими данными. Это собственно касается и новой литературы, но особенно следует учитывать это правило специалисту по древней русской литературе. Вот почему, забегая несколько вперед, еще раз скажем: установить принадлежность того или иного произведения древнерусскому автору мы можем

[57] Там же, с. 44.

только в результате работы над историей текста изучаемого произведения. Только убедительные свидетельства по истории текста могут быть и убедительными же свидетельствами в пользу той или иной атрибуции. Еще раз повторим: атрибутировать произведение, не зная истории его текста, в древнерусской литературе невозможно. В этом, как мы уже говорили, одна из специфических сторон проблемы атрибуции в исследованиях по древнерусской литературе.

*

Остановимся на одном из самых важных для древней русской литературы вопросов атрибуции: как отличить переписчика от автора. Дело не только в том, что работа переписчика и работа автора часто переходят одна в другую, но и в том, что в приписках и записях не всегда понятно — идет ли речь о переписчике или об авторе произведения. Вот, например, известная запись игумена Сильвестра в Лаврентьевской летописи под 1110 г.: «Игумен Силивестр святаго Михаила написах книгы си летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила в 6624, индикта 9 лета; а иже чтеть книгы сия, то буди ми в молитвах».

На основании этой записи летописец начала XVв., составивший повесть об Едигее 1409 г.,[58] считал Сильвестра автором Начальной русской летописи — «начальным летословцем киевским» и называл его «великим». Впоследствии, в XIX в., Сильвестра считали то автором, то переписчиком «Повести временных лет», и только А. А. Шахматовым было установлено, что Сильвестр в основном был редактором «Повести временных лет» и автором некоторых ее заключительных частей. К этому выводу А. А. Шахматов пришел в результате полного изучения всей истории текста «Повести временных лет».

Любопытны расхождения, возникающие по вопросу о роли монаха Лаврентия, оставившего о себе заключительную приписку в рукописи Лаврентьевской летописи: «Радуется купець, прикуп створив, и корьмчий, в отишье пристав, и странник, в отечьство свое пришед, тако ж радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако ж и аз худый недостойный и многогрешный раб божий Лаврентий мних. Начал есм писати книги сия, глаголемый Летописець, месяца генваря в 14 на память святых отець наших авва в Синаи и в Раифе избьеных князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священьнаго епископа Дионисья. И кончал есм месяца марта в 20 на память святых отець наших, иже в манастыри святаго Савы избьеных от срацин, в лето

[58] Повесть эта читается под 1409 г. в Симеоновской летописи, Рогожском летописце и Никоновской летописи.

6885 (1377, — *Д. Л.*), при благоверном и христолюбивом князи великом Дмитрии Костянтиновичи и при епископе нашем христолюбивем священном Дионисье Суждальском и Новгородьском и Городьском. И ныне господа отци и братья, оже ся где буду описал или переписал или не дописал, чтите исправливая бога деля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а ум молод, не дошел. Слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всеми нами хрестьяны Христос бог наш сын бога живаго, ему же слава и держава, и честь и поклонянье со отцем и с святым духом. И ныне и присно в векы, аминь».[59]

М. Д. Приселков на основании изучения состава Лаврентьевской летописи, привлекая к этому изучению несколько десятков родственных летописных списков, приходит к выводу, что Лаврентий механически переписывал «ветшаный» тверской летописец 1305 г. — и только. В противоположность М. Д. Приселкову В. Л. Комарович на основании не менее тщательного изучения Лаврентьевского списка и родственных летописей приходит к выводу, что Лаврентий был самостоятельным летописцем, менявшим текст предшествующей летописи и внесшим в нее свою историческую концепцию. Лаврентий пропустил в своей летописи обличение в небратолюбии рязанских князей — обличение, которое острием своим было направлено против Юрия Всеволодовича Владимирского, вставил под 1239 г. похвалу Юрию, убрал все то, что представляло его в невыгодном свете; вместе с тем Лаврентий упомянул в своей похвале Юрию Нижегородский Благовещенский монастырь, постриженником которого Лаврентий был.

Это особое отношение нижегородца Лаврентия — монаха нижегородского Благовещенского монастыря — к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу В. Л. Комарович объясняет тем, что Юрий Всеволодович был основателем Нижнего Новгорода и Благовещенского монастыря. Лаврентий составлял свою летопись по инициативе нижегородского архиепископа Дионисия в связи с учреждением им второго на Руси архиепископства в Нижнем Новгороде.[60] Следовательно, для В. Л. Комаровича Лаврентий не переписчик, а летописец, внесший в свою летопись довольно определенные взгляды на историю Нижнего Новгорода и Владимирского княжества.[61]

Чтобы доказать, что запись о «написании» памятника тем или иным лицом имеет в виду именно автора, а не переписчика или

---

[59] Лаврентьевская летопись, вып. 2. — ПСРЛ, т. I. Изд. 2-е. Л., 1927, стб. 487—488.

[60] См. раздел «Лаврентьевская летопись» в кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 90—96.

[61] См. также: Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. 1. Л., 1972; Я. С. Лурье. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974.

составителя одной из редакций, необходимо иметь дополнительные данные — в первую очередь о распространенности этой записи (запись во всех или в большинстве списков будет свидетельствовать об авторе, запись в списках только одной редакции будет свидетельствовать в пользу того, что в ней говорится о редакторе-составителе этой редакции или о писце). Кроме того, необходимы и другие доказательства, что лицо, названное в приписке, действительно могло быть автором произведения.

Так, В. И. Малышев определил автора «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков» — изографа Василия. Определение это в основном сделано на основании приписки: «Списана же бысть повесть сия в том же богохранимом граде Пскове, от жителя того же града, художеством зграфа, имя же ему есть сице: единица дважды со единем, пятьдесятница же усугубити дважды, и четверица сугубо, десятерица же трижды и четверица сугубо, совершает же ся десятерицею, и всех обрящеши письмен семь».[62] Расшифровывается эта тайнопись — «Василий».

Однако ввиду того, что существовало мнение, что «Повесть» написана в Москве в кругах, близких к Ивану Грозному, и только позже перешла в Псков и стала там переписываться,[63] В. И. Малышев прежде всего обосновывает ту мысль, что повесть написана псковичем (по данным языка) в Пскове и очевидцем обороны. Далее В. И. Малышев обосновывает ту мысль, что повесть действительно написана иконописцем (зрительные, иконописные образы, употребление термина «левкас», профессиональный интерес к описанию икон, вероятность того, что оригинал был иллюстрирован автором и пр.). Отмечает В. И. Малышев и авторитетность списков, имеющих приписку.[64]

Таким образом, для установления авторства в ряде случаев необходимо определять специфические особенности творчества, которые могли быть свойственны только данному, поименованному в произведении автору (ср. выше: черты, свойственные иконописцу, при записи о «написании» произведения иконописцем), восстанавливать историю текста произведения и точно определять характер и объем работы предполагаемого автора.

Даже, казалось бы, совершенно точные указания автора произведения в его заголовке должны быть принимаемы с большой осторожностью. В самом деле, бывают случаи, когда одно и то же произведение приписывается в разных списках различным авторам. Так, распространенное проложное «Сказание о князе Михаиле

---

[62] В. И. Малышев. Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. — М.—Л., 1952, с. 98—99.

[63] М. Н. Тихомиров. Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. XII, вып. 2, с. 172—173.

[64] См. подробнее: В. И. Малышев. Где и кем была написана «Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков». — «На берегах Великой», псковский литературный альманах, 1954, № 5, с. 170—176.

Черниговском» из пергаменного сборника XIV—XV вв. ГПБ (Соф., № 1365) имеет следующий заголовок: «Слово новосвятою мученику, Михаила князя русскаго, и Феодора воеводы первого в княжении его. Сложено въкратце на похвалу святыма отцемь Андреем».[65] Почти тот же текст в рукописи ГИМ, собр. Уварова конца XIV в., № 330 (613) и некоторых других имеет другое указание в заглавии: «Сотворено Иоанном епископом».[66] Если бы не было этого случайного разноречия списков, распространенная редакция проложного «Сказания о Михаиле Черниговском», а может быть, и все «Житие Михаила Черниговского» могло бы быть приписано исследователями либо попу Андрею, либо черниговскому епископу Иоанну.

*

В подавляющем большинстве случаев, как мы уже отметили, русские литературные произведения вплоть до самого XVII в. не подписывались именем автора. Исключение по большей части составляли церковно-учительные произведения: здесь имя автора увеличивало авторитет поучения, слова, послания. В этого рода произведениях мы наблюдали обратное стремление: выставлять имя какого-либо церковно-авторитетного лица в качестве автора анонимного произведения. Так, очень многие русские поучения были приписаны Иоанну Златоусту.

Приписывание произведения какому-либо известному и авторитетному автору могло происходить и сознательно и «бессознательно». В первом случае писец допускал сознательную фальсификацию, а в последнем случае писец был внутренне убежден в правильности своей атрибуции. Приведем примеры последнего. Древняя русская письменность знает немало авторов Кириллов: Кирилл Иерусалимский, Кирилл Александрийский, Кирилл-Константин Философ, Кирилл Туровский, два Кирилла, епископа ростовских (XIII в.), два Кирилла — митрополита киевских, Кирилл Белозерский и др.[67] В тех случаях, когда в заголовке произведения оно присваивалось просто «Кириллу» без дальнейшей детализации, переписчик рукописи мог произвольно добавить к имени автора уточняющее определение или прозвище, приписав переписываемое произведение наиболее знакомому ему, или наи-

---

[65] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915, Приложения, с. 55.

[66] Там же, с. 59.

[67] См.: Е. Петухов. К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе. — Сборник ОРЯС АН, т. XLII, 1887. — Еще несколько Кириллов-авторов указано у И. У. Будовница в «Словаре русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в.» (М.—Л., 1962): Кирилл — архиепископ вятский и пермский, Кирилл — игумен Любартовского монастыря, Кирилл Герасимов и др.

более авторитетному из известных ему Кириллов. Так, к имени Кирилла очень часто добавлялось уточнение — «философа» или «Туровского». Поучения с именем Феодосия приписываются обычно Феодосию Печерскому XI в. Послание Иакова Мниха князю Дмитрию приписывалось Иакову Мниху XI в., хотя вероятнее всего, Иаков Мних, автор Послания князю Дмитрию, был писателем XIII в. Произведение Дмитрия Грека приписывалось более известному Дмитрию Герасимову. Игумену Даниилу Паломнику приписывались отдельные паломничества. И так далее.

Возможность такого рода «уточнений», а вернее — смешений одноименных авторов, должна постоянно учитываться исследователями. Между тем сами исследователи иногда увлекаются совпадением имен — при этом самых распространенных. Так, например, среди памятников поморской письменности XVIII в. известна обширная и весьма интересная «Исповедь». В различного рода справочных изданиях и энциклопедиях [68] вслед за С. В. Максимовым [69] эта «Исповедь» приписывается Ивану Акиндинову главным образом на основании того, что автор ее называет себя Иваном. На самом деле, как основательно доказал по совпадению многих биографических фактов В. И. Малышев, «Исповедь» принадлежит не Ивану Акиндинову, а Ивану Филиппову — известному поморскому писателю.[70]

Иногда имя автора появлялось в заглавии произведения в результате ошибки писца или неправильного осмысления непонятного. В сборнике Уварова № 1244 (863) XVII в. в заглавии «Жития Варлаама Хутынского» читаем «сотворено Пахомием Сербиным тара ермонахом Святыя горы». К этому непонятному «тара», получившемуся из греческого «таха» (τάχα), [71] другой писец добавил «сіем» и тем создал нового автора — «Тарасия».[72] Тарасий

[68] Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами, т. IV. СПб., 1862, с. 409—410 (статья Н. Я. Аристова); С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. I. СПб., 1889, с. 581—583 (целиком перепечатана статья Аристова); Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. I. СПб., 1890, с. 789; Русский биографический словарь, т. II. Изд. имп. Русского исторического общества. СПб., 1900, с. 152—153; С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. I. СПб., 1900, с. 77; Большая энциклопедия под редакцией С. Н. Южакова, т. I. СПб., 1903, с. 656; Русская энциклопедия под редакцией С. А. Адрианова, Э. Д. Гримма и др., т. I. СПб., 1911, с. 374; Энциклопедический словарь «Гранат», т. III. 2-е стереотип. изд., М., 1936, с. 132, и др.

[69] С. В. Максимов. Рассказы из истории старообрядчества. СПб., 1861, с. 163—164.

[70] В. И. Малышев. Кто был автором «Исповеди», приписываемой Ивану Акиндинову. — Рус. лит., 1960, № 3, с. 192—194.

[71] Τάχα μόναχος — недостойный монах. Объяснение этого выражения и краткую историю вопроса см.: Г. Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. М., 1899.

[72] Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 2. М., 1893, с. 487. — Пример взят мною из рукописных материалов В. Н. Перетца.

был знакомым лицом для древнерусского писца. В русской письменности было широко распространено связывавшееся с тем же Хутынским монастырем «Видение Хутынского пономаря Тарасия».

В. Н. Перетц указывает такой случай приписывания анонимного произведения известному и авторитетному автору. В сборнике БАН № 21. 9. 33 конца XVIII в. имеется статья (л. 289—306 об.) «От послания ко Антиоху князю вопрос 41». Речь в этом сочинении идет о восьмиконечном кресте и об отступлениях от православия «великороссийской церкви», о которых, конечно, не мог писать Афанасий Александрийский (IV в. н. э.), которому это сочинение приписывается. Вопрос действительно заимствован у этого писателя, но ответ распространен так, что подлинный ответ Афанасию Александрийскому в нем только цитируется.[73] Следовательно, в данном случае не произведение приписывается известному автору, а основная мысль этого произведения. Перед нами не фальсификация, а своеобразное средневековое представление об авторстве.

Очевидно, неясным представлением о писателе и о переписчике и неточным разграничением их труда объясняется и то обстоятельство, что общеизвестные сочинения в некоторых рукописях приписываются неизвестным авторам. Так, Житие Марии Египетской, сочиненное константинопольским патриархом Софронием, в рукописи ГПБ XVI в. (F.I.915) приписано некоему «Ефросину старцу» («списано бысть Ефросином старцем», л. 232 об.).[74]

Приведенные примеры показывают, с какой осторожностью следует относиться ко всякого рода указаниям авторов, находимым в некоторых рукописях. Вот почему мы не должны торопиться приписывать «Степенную книгу царского родословия» митрополиту Афанасию, «Повести о Николе Заразском» — попу Евстафию второму и т. д. на том преимущественно основании, что лица эти в некоторых списках названы в заголовках произведений или в послесловиях.

*

Очень большой интерес представляют случаи, когда автор, писец или редактор, хотя и не называют себя по имени, но все же говорят о себе в первом лице. Такие высказывания о себе встречаются в летописании, и в житийной литературе, и в повестях, но чаще всего они проникают в учительную литературу. По этим записям, даже если автор их и не называет себя по имени, мы все же можем о нем кое-что узнать: присутствовал ли он при том или ином событии, каково его личное отношение к описываемому,

[73] Вс. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, с. 352. — Пример этот взят мною из рукописных заметок В. Н. Перетца.

[74] Указание в рукописных материалах В. Н. Перетца.

иногда мы узнаем о его социальном положении, о его местожительстве и т. д. Так или иначе, но мы получаем в руки нить, по которой можем иногда разыскать автора. Это исходные данные. Однако из-за сводного (компилятивного) характера многих древнерусских литературных произведений нередко бывает трудно решить: какая часть произведения принадлежит лицу, заявившему о себе в исследуемом произведении: является ли он автором всего произведения или только его части, был ли он автором или редактором, на каком этапе жизни памятника он внес свои заметки о себе и т. д.

Так, например, в своде повестей о Николе Заразском есть прямое указание на автора: «Сии написа Еустафей вторый Еустафьев сын Корсунскова на память последнему роду своему» или «Сия бо написа правнук Еустафиев на память роду своему. Аминь».[75] Даже если мы вполне доверимся правдивости этих записей, то что следует понимать под этими «сии» или «сия»: только ли статью о роде служителей Николы Заразского, или и «Повесть о перенесении образа Николы Заразского из Корсуня», или еще «Повесть о разорении Рязани Батыем», а может быть, еще и рассказы о чудесах от иконы Николы Заразского? На этот вопрос может ответить только обстоятельное изучение всего цикла повестей о Николе Заразском.

Другой пример. В Новгородской четвертой летописи в различных списках есть несколько записей о себе некоего Матвея Михайлова. Под 1375 г. летописец поместил заметку о своем рождении,[76] под 1382 г. — о смерти своего отца,[77] под 1405 г. — о смерти своей матери,[78] под 1406 г. — о своем браке,[79] под 1411 г. — о рождении у него сына.[80] Не представляет сомнения, что перед нами семейные записи, сделанные самим Матвеем Михайловым. Однако трудно решить — какую работу проделал Матвей Михайлов: составил ли он только данные приписки к летописи, которые потом были внесены в текст переписчиком, или он был и летописцем, а если это так, то какая часть летописи ему принадлежит и т. д. Исследуя этот вопрос, А. А. Шахматов обратил внимание на то обстоятельство, что вторая из этих приписок повторена под 1382 г. два раза: сперва — в начале года, перед повестью о пленении и о прихождении Тохтамыша царя и о Московском взятии, а затем — в конце года, за этой повестью. Как устанавливает А. А. Шахматов, вставка повести была сделана не составителем Новгородской четвертой летописи, а раньше — в ее главном ис-

[75] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском, с. 302.

[76] «Родися Матфей Михайлов» (Новгородская четвертая летопись, вып. 1.— ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Пг., 1915, с. 300).

[77] «Преставися Михайло, отецъ Матфеев» (там же, вып. 2. Л., 1925, с. 326).

[78] «Преставися Федосиа Матфеева месяца маиа 18» (там же, с. 397).

[79] «Брак бысть Матфею Михайлову маия в 23» (там же, с. 399).

[80] «Родися Матфею сын Кюприян» (там же, с. 411).

точнике. Ясно, что запись о смерти отца Матвея Михайлова была уже в источнике Новгородской четвертой, так как дублировки этого рода получаются именно в результате вставок нового материала. Переписывая свой источник, летописец произвел вставку, а затем продолжил копирование, но случайно частично повторил уже переписанный текст. Это соображение А. А. Шахматова убедительно, но вот дальнейшее его предположение, что Матвей Михайлов был составителем свода 1448 г.,[81] малоубедительно. Еще менее убедительно произвольное отождествление им Матвея Михайлова с Матвеем Кусовым — уставщиком новгородского владычного двора, имя которого дошло до нас в нескольких записях на рукописях, восходящих к первой четверти XV в.

Найти автора того или иного произведения помогает совпадение в точности излагаемых фактов с данными биографии того или иного лица. Так, например, в тексте «Повести временных лет» начиная с 1061 г. появляются точные датировки текущих событий. Летописец не только указывает год того или иного исторического факта, но кроме того — месяц и день. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что записи с точными датировками отмечают первоначально события в Киеве (1061—1063 гг.), затем подробно же сообщают о событиях в далекой Тмуторокани (1064—1066 гг.), оттуда снова переносятся на Русь (под 1067 г. отмечены события в Полоцке) и в 1068 г. уже определенно ведутся в Киеве. Такого рода переход точных летописных записей из Киева в Тмуторокань, а затем снова в Киев должен быть с несомненностью связан с единственными в своем роде событиями, происшедшими в важнейшем летописном центре XI в. — Киево-Печерском монастыре. Из «Жития Феодосия», составленного в конце XI в., мы узнаем, что монах Киево-Печерского монастыря Никон, по прозванию «Великий» (прозвище это тоже в своем роде замечательно), в начале февраля того самого 1063 г., на котором обрываются точные датировки киевских событий и начинаются точные датировки событий в Тмуторокани, бежал из Киева в Тмуторокань от гнева киевского князя Изяслава. В Тмуторокани Никон принимал активное участие в политической жизни и пробыл на Черноморском побережье до февраля 1066 г. Никон, следовательно, пробыл в Тмуторокани как раз те годы, в течение которых летопись точно датирует события в Тмуторокани и не знает точных дат для событий, происходивших на Руси. Затем по поручению жителей Тмуторокани Никон отправился в Чернигов к князю Святославу, чтобы просить у него его сына Глеба на тмутороканское княжение. Святослава Никон не застал и дожидался его возвращения из похода на Всеслава Полоцкого (ср. точную датировку полоцких событий под 1067 г.), а затем, в 1068 г., водворился в Киеве.

---

[81] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 155—156.

Конечно, это только одно из соображений, заставивших виднейшего исследователя русского летописания А. А. Шахматова приписать участие в летописании этих лет Никону Великому. Других соображений А. А. Шахматова (идейных, стилистических и пр.) мы сейчас не касаемся.

Гипотеза А. А. Шахматова об участии Никона в киевском летописании была расширена еще одной гипотезой относительно того, кто такой этот Никон. Это гипотеза М. Д. Приселкова. Она не столь убедительна, как гипотеза А. А. Шахматова, но общность некоторых приемов заставляет нас вспомнить и о ней. Гипотеза М. Д. Приселкова предполагает в Никоне первого киевского митрополита из русских — Илариона, автора знаменитого «Слова о законе и благодати». Помимо идейной близости двух этих деятелей русского просвещения, М. Д. Приселков обратил внимание на то обстоятельство, что сведения об Иларионе, с именем которого была связана одна из пещер Киево-Печерского монастыря, где он жил, обрываются как раз на том годе, на котором появляются сведения о жизни в этой пещере Илариона — Никона. М. Д. Приселков предполагает, что смещенный с митрополичьей кафедры Иларион принужден был скрыться в монастыре. Он принял схиму как раз в день памяти Никона, чьим именем по обычаям того времени он и назвался (в Киевской Руси при принятии монашества или в дальнейшем схимы было в обычае принимать новое имя не на ту же начальную букву, как это практиковалось впоследствии, а имя того святого, чья память праздновалась в день монашеского пострига или в день принятия схимы). Вот почему впоследствии пребывание Илариона-Никона в Киево-Печерском монастыре вызывало постоянное неудовольствие киевского митрополита-грека и князя.[82] Но здесь мы уже уклоняемся от вопросов текстологии в область чистой истории и биографии Илариона-Никона. Такое уклонение, кстати, характерно: оно лишний раз напоминает нам о том, что область текстологии связана со многими науками и многими сторонами жизни.

Иногда указания на принадлежность тому же автору других сочинений имеются в самих сочинениях. Так, например, ростовский агиограф XIV в., написавший Повесть о Петре царевиче Ордынском, оставил в своей повести указание на то, что ему же принадлежит Житие епископа Игнатия. В других случаях авторы заявляют о своем намерении в другом месте написать о том или ином событии или лице. Та̀кое указание имеется, например, в Житии Сергия Радонежского (автор обещает рассказать об одном из учеников Сергия особо). Автор Волоколамского патерика Досифей Топорков ссылается на свое надгробное слово Иосифу

[82] Подробнее аргументацию по этому вопросу см. в книге М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (СПб., 1913, с. 181—184) и в его же книге «Нестор-летописец» (Пг., 1923, с. 22).

Волоколамскому. Важно отметить, что эти непритязательные указания на авторство бывают в целом более достоверны, чем официальные приписывания произведения в заголовках. Чем менее официально свидетельство об авторе, тем оно достовернее. Это не парадокс: в правильности этого положения исследователь древней русской литературы убеждается на каждом шагу.

*

Как это ни странно, но одно из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору извлекается из тайнописных записей. Мне не известно ни одного случая, когда бы указания тайнописи оказались неправильными. Объясняется это, как мне кажется, тем обстоятельством, что тайнописные записи делались о себе, но не о другом. Тайнописью запечатлевали свои имена по преимуществу сами авторы (поэтому-то в тайнописи встречаются указания на русских авторов, но нет указаний на переводных авторов и очень редко — переписчиков). Делалось это из авторской скромности. Очевидно, две тенденции боролись в составителях тайнописных записей: желание запечатлеть свое имя как автора и, одновременно, сознание нескромности этого желания. Именно этой борьбой и вызывалось, очевидно, это типично древнерусское явление — тайнописные записи о своем авторстве русских писателей. Как бы то ни было, психологическая борьба характерна по преимуществу для самих авторов, и поэтому мы придаем особое значение этим записям.

Приведу примеры тайнописных оповещений о себе авторов древнерусских произведений. В приписке к «Житию Александра Невского» в редакции Ионы Думина сказано: «Справлено же бысть чюдное житие се благовернаго великаго князя Александра Невскаго чюдотворца в лето 7099-го марта в 9 на память святых великих страстотерпец 40 мученик, иже в Севастии. В сие же бысть лето луна 12, круг солнцу 15, индиктион 4, в руце лето 4, основание 15, епакта 6, граничное слово мыслете, в осмое лето христоименитаго царства в победах предивнаго, достохвалнаго государя, царя, великаго князя Федора Ивановича Киевскаго и Владимирскаго и Московскаго и всея Русии самодержца, в достоприятное святительство великаго пресвятейшаго патриарха Иова Московскаго и всея Русии, его же благословением и рукозложением и теплою верою к святому и духовным проразсуждением рукою многогрешнаго, паче всех худейшаго, по слогу убо Заавиазара имянем, по числу же в четырех писменех книжных, от них же по имянованию гласовных двое, согласных едино, двоегласных едино, всех же число 131, и с двоегласным, яже кроме числа; по обещанию же съгласных троегласно, гласовных два, согласно едино, кратких едино, всех же 502, по действу же

согласно единовидное, полугласно единословное, кратких едино-гласное, согласно едино и паки кратких едино и еще долгообразное с согласным и кратким по единому, и паки согласно едино и гласно едино же, всех 474, кроме полугласнаго. О сих же ведущии убо паче нас да и нас, не наученых, научат, неведующий же, якоже и аз, со мною убо купно у премудрейших да совопросим».[83]

Итак, житие было сложено 9 марта 1591 г. в восьмой год царствования Федора Иоанновича. Запись же об авторстве расшифровывается В. Мансиккой следующим образом: «Первая из них „по слогу“ Заавиазара остается неразгаданной, а вторая „по числу“, т. е. по буквам, обозначающим числа, представляет слова: Іона Думинъ архіепископъ[84] — і = 10+о = 70+н = 50+а = 1 (в сумме 131); д=4+у=400+м=40+и=8+н=50 (в сумме 502)». По мнению А. А. Шахматова, «Заавиазар» в переводе на цифры составляет то же число, что и «Іона», т. е. 131.[85] Расшифровка же числа 474 как «архиепископ» спорна.[86]

В известном «Лаодикийском послании» имя его автора зашифровано следующим образом: «Аще кто хощет уведати имя преведшаго Лаодикийское послание: дващи четыре с единым, и дващи два со единым, семьдесят по десяти и десятиа по десяти, царь, дващи два, и шестиа по десяти с единою десятию, десятиа по пяти и пятию по десяти, ер скончевает. В сем же имени слов седмерица, царь и три плоти и три души.

«От роду же прозывается: десять и дващи по пяти, тридцатия по десяти и дващи по пятидесять, девятиа по десяти и дващи по пяти, и дващи три з двема, осмьдесятиа по десяти и девятиа по девяти и дващи девять с единым, три дващи с двема, четырещи по пяти и пятиа по четыре с единою десятию, съврьшает ером; четыре столпы, и четыри приклады.

«От действа же: трищи с единым, и дващи четыре, и един, трищи пять и дващи два с единым, навръшает ером. Две плоти, и две души, и самодръжец, в ино время и оживление творит».[87]

Расшифровка этой записи следующая. Имя: $(2\times4)+1=9=$ ѳ; $(2\times2)+1=5=$ е; $(70\times10)+(10\times10)=800=$ ѡ; $2\times2=4=$ д; $(6\times10)+$ $+10=70=$ о; $(10\times5)+(5\times10)=100=$ р.

От роду: $10+(2\times5)=20=$ к; $(30\times10)+(2\times50)=400=$ у; $(9\times10)+$ $+(2\times5)=100=$ р; $(2\times3)+2=8=$ и; $(80\times10)+(9\times9)+(2\times9)+1=$ $=900=$ ц; $(3\times2)+2=8=$ и; $(4\times5)+(5\times4)+10=50=$ н. От действа: $3+1=4=$ д; $2\times4=8=$ и; $1=$ а; $(3\times5)+(2\times2)+1=20=$ к.

---

[83] В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст, с. 124 (приложение).

[84] Там же, с. 199.

[85] Там же, с. 124 (приложение).

[86] См.: Записки имп. Археологического общества, III. СПб., 1851, с. 148; IV, 1852, с. 142.

[87] Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, с. 270.

В целом запись гласит: «Θеωдоръ Курицинъ диакъ». Федор Курицын — еретик и ученый. Установление поэтому принадлежности ему такого своеобразного сочинения, как «Лаодикийское послание», представляет очень большой интерес.[88]

Своеобразный вид тайнописи представляют собой акростихи, т. е. стихи, в которых начальные буквы строк составляют какое-либо слово или фразу. Акростихи были известны еще греческим авторам служб святым и канонов. В этих акростихах они оставляли признаки своего авторства. Но особенно распространились на Руси акростихи в XVII и XVIII вв. с развитием стихотворства, с одной стороны, и барочною модою на всякого рода замысловатые и фигурные стихи — с другой.

Особенно интересен случай, обнаруженный А. В. Позднеевым, со стихотворцем Германом. Здесь в акростихи оказалось записанным не только имя стихотворца, но и некоторые данные его биографии.[89]

В своих акростихах Герман называет себя чернецом, монахом, иеромонахом, уставщиком и типикарем (т. е. регентом хора), строителем (т. е. заведующим хозяйством монастыря) — соответственно постепенному повышению им своего положения. В стихе же «Память предложити смерти» Герман во втором акростихе сообщает о себе и такое сведение: «Маия месяца болезнен».

Как бы ни была убедительна атрибуция произведения по тайнописи, она не снимает необходимости опереться на историю текста, ибо объем произведения, вид его и пр. все равно требуют своего установления — без чего невозможна атрибуция. Только тогда, когда мы переходим к произведениям нового времени с их стабильным текстом, возможна «чистая атрибуция». К таким произведениям со стабильным текстом относятся стихотворения. Вот почему атрибуция по акростихам не типична для текстологии древней русской литературы.

*

Определению авторства помогает установление соответствий — идеологических, стилистических, языковых — между уже известными произведениями автора и исследуемым.

---

[88] Обзор различных систем тайнописи и способов их расшифровки не входит в нашу задачу. О тайнописи см.: П. А. Лавровский. Старорусское тайнописание. — Древности. Труды Московского археологического общества, т. 3. М., 1873; М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 4/3. Л., 1929.

[89] А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). — Учен. зап. Моск. гос. заочного пед. ин-та, 1958, т. 1, с. 15—18.

В данных случаях, как и во многих других, надо переходить от известного к неизвестному. Изучив идеологию автора, его взгляды по частным и общим вопросам, его стиль и пр. в подлинных сочинениях, филолог переходит затем к произведениям, в отношении которых имеются сомнения, и изучает соответствия последних первым.

Правда, не очень следует увлекаться этими соответствиями. Их следует применять с осторожностью и «с рассмотрением».

Известны случаи, когда именно соответствия являются противопоказаниями для приписывания того или иного сочинения определенному автору. Известно, например, что диалоги «Минос» в «Гиппарх», приписываемые Платону, имеют многочисленные совпадения с достоверными сочинениями Платона. Иногда эти диалоги производят впечатление компиляций из других сочинений Платона. Но именно это говорит против принадлежности их Платону. Характер творчества Платона, никогда не повторявшего самого себя, не позволяет приписать их ему. Еще меньше следует увлекаться механическим приведением соответствий в произведениях древнерусской литературы. Древнерусские авторы как раз любили повторять самих себя, но они же не стеснялись безо всяких ограничений пользоваться материалами других авторов. Следовательно, поиски соответствий в целях атрибуции должны быть ограничены. Они не должны вестись механически. И в этом вопросе, как и во всех других вопросах текстологии, нужно следовать не правилам, а многообразию жизни, видеть за явлениями текста меняющуюся действительность, живое, конкретное творчество.

Атрибуция по основаниям идеологических соответствий никогда не бывает особенно прочной. Не говоря уже о том, что может быть довольно много авторов, разделяющих одинаковые убеждения (особенно убеждения сословные и классовые), самое единство идеологии нескольких сходных или различных по темам произведений доказать бывает довольно трудно. Для этого необходимо глубокое изучение идеологий данной эпохи и во всех их тонких различиях. Тождество идеологий может быть установлено только при наличии глубоко разработанной истории идеологий.

Так, например, А. А. Шахматов на основании идеологического анализа приписал Хронограф 1512 г. авторству псковского старца Филофея. Н. Н. Масленникова на основании подробного анализа идеологической борьбы в псковской литературе конца XV— начала XVI в. обоснованно отвергает эту атрибуцию. Н. Н. Масленникова указывает на существенные различия в воззрениях между автором Хронографа 1512 г. и старцем Филофеем.

Так, например, автор Хронографа 1512 г. считает, что Константинополь пал от завоевания турок, но что он остается центром православия. «Филофей же, — пишет Н. Н. Масленникова, — считает причиной падения Константинополя, как центра право-

славия, более страшное событие, чем завоевание турками, — соединение «с латынею на осмом соборе».[90] Филофей не мог говорить о сохранении „невреженн“ патриаршего престола и о том, что престол остается главою православной веры. Во-вторых, автор повести говорит, что так как престолы остались невредимы, то „православнии же от сего надежю имеют, яко по доволнем наказании нашего согрешения паки всесилный господь погребеную, яко в пепеле, искру благочестиа в тме злочестивых властей вожжет зело и попалит измаилтян злочестивых царства, якоже терние, и просветит свет благочестиа и паки возставит благочестие и царя православныа“.[91] У автора есть надежда, что Константинополь — Новый Рим возродится и царь константинопольский будет царем православным. У Филофея же на такое возрождение надежд нет. Второй Рим пал окончательно, „греческое царство разорися и не созижется“.[92] На смену ему приходит новый, третий Рим. Автор Хронографа считает, что православие восстановится, хотя, по его мнению, только русское царство и сохранило верность православию — „наша же Росиская земля божией милостию и молитвами пречистыя богородица и всех святых чудотворець растет и младеет и возвышается“.[93] Можно думать, что автор надеется на возрождение византийского православия через русское царство. Но это не так. Для возрождения православия нужно победить турок, а русским это нужно не было. Восстановление православия у автора Хронографа произойдет в будущем, а Филофей уже в это время считал русского царя главой всех православных. У автора нет еще представления о Москве, как о третьем Риме, но есть представление о единстве Русской земли, о ее величии, могуществе и вера в великое будущее Русской земли: „ей же, Христе милостивый, дажь расти и младети и расширятися и до скончания века“ [94]».[95]

Итак, между автором Хронографа 1512 г. и Филофеем наблюдаются значительные идейные расхождения. Ясно, что говорить о принадлежности Хронографа 1512 г. Филофею только на основании идеологического сходства не приходится. Это тем более сомнительно, что, как показывает Н. Н. Масленникова в той же уже цитированной нами работе, в Пскове были и другие близкие к Филофею, но тем не менее не тождественные с ним в идеологическом отношении писатели. В частности, Н. Н. Масленникова

---

[90] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, с. 63. (*Примечания в цитате Н. Н. Масленниковой*).

[91] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 439.

[92] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря. . ., с. 41.

[93] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, с. 439—440.

[94] Там же, с. 440.

[95] Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, с. 200—202.

указывает на хронографическую Толковую Палею с ее яркой общерусской идеологической окраской.[96]

Ошибка А. А. Шахматова в атрибуции Хронографа 1512 г. по идеологическим признакам заключалась в том, что взгляды Филофея и автора Хронографа 1512 г. он проанализировал недостаточно глубоко, не установил различий наряду со сходством и не принял во внимание всей идеологической борьбы в Пскове, всех развивавшихся в Пскове этого времени идеологических течений.

В отношении атрибуции произведений древнерусской литературы на основе анализа идейного содержания можно сказать то же, что и в отношении произведений новой русской литературы: «Задачу атрибуции на основе идейного анализа нельзя ограничивать только установлением факта совпадения каких-либо идей и мыслей. Любой жанр литературных произведений представляет собой комплекс взаимообусловленных мыслей, положений, оценок, выражающих в совокупности какую-либо основную идею. Взаимообусловленность тем и идей литературно-критической статьи не позволяет рассматривать каждую ее мысль оторванно, без учета ее связи с другими мыслями и ее места во всем идейном комплексе. Одна или даже несколько мыслей, выхваченных из общей системы мировоззрения неизвестного автора, несмотря на сходство с мыслями какого-либо известного писателя, далеко не всегда могут дать основания для положительных решений. Наличие одинаковых мыслей, одних и тех же идей, не говоря уже о сходстве частных суждений и оценок у разных авторов, — явление вполне закономерное и часто встречающееся. Поэтому сопоставлению идей анонимного и известных произведений предполагаемого автора должен предшествовать глубокий объективный анализ их ведущих, определяющих тенденций, который будет служить основой для дальнейших сравнений. Порой даже весьма близкое, а иногда и текстуальное сходство отдельных мыслей не может свидетельствовать о принадлежности их одному и тому же автору, так как при более внимательном рассмотрении этих мыслей и идей в сопоставлении с ведущей тенденцией содержащих их произведений может выявиться глубокая принципиальная разница в их конкретном понимании и использовании».[97]

Для древнерусской литературы, где индивидуальность автора выражена слабее, чем в литературе нового времени, особенно важным представляется изучение идеологии автора в тесной связи с историей общественной мысли в целом. Идеология автора непременно требует, чтобы она была проанализирована на фоне всей идеологической жизни своего времени, чтобы были выяснены все су-

[96] Там же, с. 202.

[97] Э. Л. Ефременко. Раскрытие авторства на основе анализа идейного содержания произведения. — В кн.: Вопросы текстологии, вып. 2. М., 1960, с. 64.

ществовавшие близкие течения со всеми их оттенками. Тождество устанавливается только на основе исключения всех прочих возможных близких авторов с принятием во внимание всех оттенков идеологии. Индивидуальные оттенки идеологии, различные мелкие детали в вопросе атрибуции иногда даже важнее, чем основные признаки идеологии. На это, казалось бы парадоксальное, явление следует обратить особое внимание.

*

В какой мере при определении автора произведения могут быть приняты во внимание индивидуальные особенности стиля? И в этой области вопрос гораздо более сложен, чем в литературе нового времени.

По поводу атрибуции текстов нового времени по стилистическим основаниям В. В. Виноградов пишет: «Самое основное, сложное и трудное в этом методе атрибуции — исторически оправданное, стилистически направленное и филологически целесообразное применение принципа избирательности характеристических речевых примет индивидуального стиля».[98] И далее: «Метод узнавания автора текста по характеристическим приметам его стиля требует точного отграничения индивидуально-типических примет от того, что имеет более широкое употребление в литературном обиходе того времени».[99]

Даже в новой литературе стилистический анализ не всегда дает безусловные выводы об авторе произведения. Б. В. Томашевский писал: «. . . доказать путем стилистических сопоставлений принадлежность произведения определенному автору гораздо труднее, чем эту принадлежность опровергнуть. Элементы сходства можно найти между любыми произведениями, особенно если они принадлежат одной эпохе или если какое-нибудь подделывалось под другое. На этих незначительных сходствах и строятся обычно заявления о принадлежности, в то время как аргументация противоположного исходит из общего анализа произведения, что всегда производит впечатление бóльшей убедительности».[100]

Стилистический анализ должен сочетаться с аргументацией других типов. Атрибуции по стилю, которые делает В. В. Виноградов, на самом деле отнюдь не исчерпываются наблюдениями стилистического порядка. Стилистический анализ поставляет

---

[98] В. В. Виноградов. Лингвистические основы научной критики текста. — Вопр. языкознания, 1958, № 2, с. 21.

[99] Там же, с. 24.

[100] Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии, с. 195.

только главную аргументацию. Исследование «Об авторстве двух статей „Литературной газеты" 1830—1831 гг. на украинские темы (Сомов, Пушкин или Гоголь)»[101] В. В. Виноградов начинает с замечаний о составе и содержании «Литературной газеты» за указанные годы, с напоминания некоторых биографических данных, касающихся Пушкина и Гоголя, и с некоторых вопросов истории «Литературной газеты». Только «расчистив площадку», В. В. Виноградов приступает к анализу собственно стилистическому. То же самое можно сказать и об атрибуции Достоевскому рассказа «Попрошайка»: В. В. Виноградов касается в этой атрибуции и некоторых вопросов психологии творчества Достоевского, и его творческого метода.[102]

Кроме того, необходимо иметь в виду, что в пределах до XVII в. индивидуальные особенности стиля сказываются значительно слабее, чем в литературе нового времени. Происходит это не только потому, что тексты в древнерусской литературе очень подвижны и «чистый авторский текст» доступен исследователю древней русской литературы только в редких случаях, но и потому еще, что авторское начало вообще слабее сказывается в древней литературе, чем в новой. В древней русской литературе сильнее дают себя знать воля заказчика произведения, требования жанра и в особенности требования литературного этикета. Так, например, произведения одного и того же автора, но написанные в разных жанрах, могут отстоять друг от друга по особенностям стиля гораздо дальше, чем произведения разных авторов, но написанные в одном жанре.

Отмечая различие в атрибуции произведений древней литературы и новой по лингвистическим признакам, В. В. Виноградов пишет: «. . . в древнерусской литературе, по крайней мере до XVII в., проблема индивидуального стиля, его отношений к литературному языку, к его типам или разновидностям не играет той роли, как в русской литературе XVIII и особенно XIX и XX вв. Кроме того, пропуски, изменения или дополнения в тексте древнерусского произведения, характеризовавшие его литературную историю, даже после распространения книгопечатания, по большей части не сближались и не отождествлялись с фальсификациями или подделками в собственном смысле этого слова. Между тем в новой литературе частичное искажение текста иногда переключается в фальсификацию целого, в литературную мистифика-

---

[101] Annali dell'Istituto universitario orientale, Sezione slava. Napoli, 1960.

[102] V. V. V i n o g r a d o v. Попрошайка — un récit inconnu de Dostoevskij. — Revue des études slaves, 1960, t. XXXVII, f. 1—4. Ср.: В. В. В и н о г р а д о в. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 573 и сл. — Об опасности опираться только на данные языка (стиля) при атрибуции пишет и К. Я. Гурский (K. G ó r s k i. Sztuka edytorska. Zarys teorii. Warszawa, 1956, s. 151).

цию.[103] Вопрос о правильности литературного текста здесь органически сплетается с проблемой типических своеобразий индивидуального стиля писателя».[104]

Особое значение в стирании индивидуальных особенностей стиля имеют в древнерусской литературе этикетные формулы, повторяющиеся из произведения в произведение в зависимости от того, о чем пишет автор. Так, например, летописец меняет манеру своего изложения в связи с тем — говорит ли он о князе или о епископе, рассказывает ли он о битве или о жизни святого, дает ли он посмертную характеристику князю или составляет обычную годовую статью с краткими записями об основных событиях года. В некоторых случаях он пишет на церковнославянском языке, в других прибегает к языку русской деловой прозы и т. д. В меньшей мере, но те же колебания в манере изложения встречаем мы у агиографа и проповедника, паломника и составителя исторической повести.[105]

Тем не менее индивидуальные особенности стиля могут быть выделены не только у автора, но и у редактора произведения. Правда, выделяя эти индивидуальные особенности, необходимо быть чрезвычайно осторожным. Так, например, М. Д. Приселков на основании материалов А. А. Шахматова весьма удачно, как мне представляется, определил характер стилистической обработки предшествующего летописного материала у сводчика 1212 г. «Сводчик 1212 г., несомненно, принадлежал к числу реформаторов языка летописания, — пишет М. Д. Приселков. — Он ставил своею целью дать читателю, вместо древнего и уже невразумительного своею лексикою и фразеологиею текста, текст современный и удобопонятный. Его подновления для нас любопытны, потому что своею ошибочностью показывают нам, что подновляемые слова давно уже ушли из современного сводчику 1212 г. литературного и разговорного языка. Так, например, слово „корста“ (гроб) он заменил в одном случае словом „рака“ (под 1015 г.), так как для него из контекста было ясно, что разумелось вместилище для трупа, а в другом случае (под 1093 г.) — словом „крест“, так как рассказ не давал ему возможности точно понять из изложения смысл этого слова. Так, сводчику 1212 г. было непонятно слово „товар“ в значении — обоз, лагерь, и в рассказе о том, что князь послал глашатаев „по товаром“, он заменил слово „по товаром“ словом „по товарыщи“, что для данного места в общем не исказило смысла повествования. Но его подновления для нас любопытны и в тех случаях, когда сводчик 1212 г. знает еще зна-

[103] См.: Е. Ланн. Литературная мистификация. М.—Л., 1930. (*Примечание В. В. Виноградова*).

[104] В. В. Виноградов. Лингвистические основы научной критики текста, с. 5.

[105] См. подробнее: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979, с. 80—102.

чение старого слова. Заменяя современным словом такое устаревшее, но еще понятное слово, он дает нам историю слов. Так, слово „ложница" (в 1175 г.) он заменяет словом „постельница"; „прабошни черевы" — „боты" (1074 г.); „протоптаныи" — „утлыи" (1074 г.); „набдя" — „кормя" (1093 г.); „доспел" — „готов" (992 г.); „уста" — „преста" (1026 г.); „детеск" — „мал"; „детищь" — „отроча"; „исполнить" — „исправить"; „крьнеть" — „купить"; „ключится" — „прилучится"; „полк" — „вои"; „комони" — „кони"; „ратиться" — „сразиться"; „развращен" — „розно"; „ядь" — „снедь"; „уверни" — „възвороти"; „похоронить" — „погрести"; „двое чади" — „двое детей" и др.».[106]

Однако тот же М. Д. Приселков принял за индивидуальную манеру составителя семейной хроники Ростиславичей — игумена Моисея то, что по существу являлось только трафаретом литературного этикета в применении к умершему князю. М. Д. Приселков пишет: «Проглядывая текст киевского свода 1200 г., мы невольно останавливаемся на частом применении к случаям упоминаний смерти того или иного князя приписки элегического тона, как например: „и приложися к отцам, отда обьщий долг, его же несть убежати всякому роженому" (1172 г.) или „и приложися к отцемь своим и дедом своим, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому" (1179). Такие же приписки идут и дальше: под 1180 и под 1198 гг. Поскольку все эти приписки связаны с упоминанием смертей братьев Рюрика (под 1172 г. — Святослава; под 1179 г. — Мстислава; под 1180 г. — Романа; под 1198 г. — Давыда), т. е. относятся к семейной хронике Ростиславичей, они могут свидетельствовать только о том едином авторе, который писал эту хронику и которого мы определили как составителя всей летописной сводной работы 1200 г., т. е. Моисея».[107]

Все построение М. Д. Приселкова рушится, как только мы убедимся в том, что те же выражения применены в Ипатьевской летописи и после 1200 г. — например, под 1289 г. в некрологической статье о Владимире Васильковиче Волынском. Литературный трафарет был принят М. Д. Приселковым за черту индивидуального стиля!

Специфические трудности атрибуции древнерусских литературных произведений по их стилю и вместе с тем вся важность стилистического анализа для их атрибуции могут быть продемонстрированы на примере с сочинениями Ивана Грозного. С именем Ивана Грозного дошло до нас довольно много различных произве-

---

[106] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 86. Ср. также: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., глава «Радзивиловская или Кенигсбергская летопись», с. 44—68.

[107] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., с. 48.

дений — литературных и деловых (речи, молитвы, послания, грамоты и т. д.), но какие из них написаны самим царем, а какие написаны его подчиненными от его имени? Какие из них дошли до нас полностью, а какие только в изложении? Вот перед нами богомольная грамота в Троицкий монастырь, написанная в 1562 г. по случаю войны с Крымом и Польшею. Царь просит в ней молиться о его «великих беззакониях» ввиду наступления врагов. Или вот другое его письмо, 1563 г., — к шведскому королю Эрику. Принадлежат ли они действительно Грозному, или Грозный только «велел их отписать»?

Решающим в этом вопросе может явиться только анализ стиля. Послания Ивана Грозного, написанные лично им, резко нарушают условные правила дипломатической переписки, они содержат вызывающие насмешки, иронические и колкие замечания и т. д. Эти специфические особенности стиля произведений Грозного отмечал уже Карамзин: «В слоге его есть живость, в диалектике — сила».[108]

Вот что пишет Я. С. Лурье о стилистических признаках авторства Грозного: «Главный критерий для установления авторства Ивана IV по отношению к произведениям, подписанным его именем (и даже по отношению к произведениям, написанным от имени других лиц), — совершенно своеобразный литературный стиль этих произведений. Уже писатели начала XVI в. ввели в русскую литературу примеры острой публицистической полемики; в творчестве Ивана Грозного эти приемы достигли особого развития. Живой спор с противником, обильные риторические вопросы по его адресу, издевательское пародирование аргументов оппонента („кто же убо желает такова ефиопьска лица видети?“ — в послании Курбскому) и вместе с тем нередкие обращения к его рассудку („ты бы сам по себе порассудил“) — эти особенности проходят через все изданные нами послания Ивана IV; характерны они и для многих посланий, которые до сих пор издавались лишь как дипломатические документы.[109] Устные основы писательской манеры царя сказываются в большом количестве простонародных, „грубых“ выражений („ты, взяв собачей рот, хочеш на посмех лаяти“ — в послании Иоганну III), в своеобразном синтаксисе, при котором одно предложение вклинивается внутрь другого, образуя как бы замечание в скобках („и ты там сам спрося уведай!“,

---

[108] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X. Изд. Эйнерлинга. Б. м. и б. г., с. 149.

[109] Послание Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 («Литературные памятники»), с. 27, 57, 156, 215, 219, 224, 225 и др. Ср. дипломатические послания: Сборник Русского исторического общества, т. 59. СПб., 1887, с. 539; т. 71. СПб., 1892, с. 55—63, 170—173, 354—362, 442—446, 673; т. 129. СПб., 1910, с. 216—218, 259—264 и др. (*Примечание в цитате Я. С. Лурье*).

„и нам того как утаити!“).[110] И, что особенно важно, перечисленные особенности обнаруживаются в посланиях Ивана IV начиная с 50-х годов (ср. послание Сигизмунду-Августу февраля 1558 г.) и кончая последними годами его жизни (послание Баторию 1581 г. и др.). А между тем мы не могли бы назвать ни одного близкого к Грозному человека, который сохранил бы милость царя в течение всего этого срока. Адашев умер в опале в 1561 г.; Висковатый был казнен в 1570 г. Сподвижники Грозного в последние годы его жизни, Бельский, Годунов, — люди по преимуществу „неписьменные“, деловые политики. Нет ни одного человека, чью образованность и специфический литературный стиль историк мог бы „выдать за образованность самого Ивана IV“».[111]

Замечательно, однако, что и в этом, казалось бы ясном, случае стилистических соображений недостаточно: нужны еще доказательства, что этими стилистическими особенностями не владел никто, кроме самого Грозного.

В самом деле, если мы захотим точнее определить особенности стиля Грозного, мы встретимся с затруднениями: индивидуальные особенности стиля Грозного пробиваются сквозь условности литературных произведений Древней Руси, меняющиеся от темы к теме. Эту же неустойчивость стиля Грозного отмечал и один из наиболее тонких ценителей — А. С. Орлов. Говоря о первом послании Грозного Курбскому, А. С. Орлов замечает: «Письмо Ивана Васильевича разнохарактерно по стилю: то оно важно и скорбно, то иронично и раздражительно до мелочей; сообразно с этим менялся и язык, проходя всю гамму — от парадной славянщины до московского просторечия».[112] В сноске к этому месту своего курса А. С. Орлов обращает внимание, что «Курбский отметил эту смену тонов в ответе на второе послание царя: „. . . ово преизлишне уничижаешися, ово преизобильне и паче меры возносишися“».[113]

Отсюда ясно, что исследование индивидуального стиля древнерусских авторов трудно не только вследствие неустойчивости текста, его постоянных переделок и изменений переписчиками-редакторами, но и в силу переменчивости этого стиля в зависимости от смены тематики.

Особое значение для атрибуции того или иного произведения имеет терминология, отдельные характерные выражения. Отрицая широко распространенную в XIX и начале XX в. в научной литературе атрибуцию «Беседы Сергия и Германа, валаамских чудотворцев» Вассиану Патрикееву, Н. К. Гудзий обратил особое внимание на терминологию и отдельные выражения. Он пишет:

---

[110] Послания Ивана Грозного, с. 152, 160, 193, ср. с. 276.

[111] Я. С. Лурье. Был ли Иван IV писателем? — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 506.

[112] А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. Изд. 2-е, М.—Л., 1939, с. 284—285.

[113] Там же, с. 285.

«В „Беседе“ и в произведениях Вассиана речь часто идет об одних и тех же понятиях, но слова и отдельные выражения, которыми обозначаются эти понятия, в обоих случаях не сходны. Приведем примеры. Слова *лихва*, *лихвы* употребляются Вассианом 14 раз, *нищий*, *нищета* — 24 раза, *убогий*, *убожество* — 19 раз, *стяжание*, *нестяжание*, *безстяжание*, *многостяжательный*, *пристяжавати*, *притяжет* — 15 раз, *лихоимание*, *лихоимство*, *лихоимци*, *лихоимствовати*, *лихоимственне* — 13 раз, *безстудне*, *безстудство*, *безстуден*, *стужаетеси* — 6 раз, *хищение*, *хищницы* — 5 раз, *непщевати*, *непщеваху*, *непщевание*, *непщующе*, *непщуют* — 5 раз, *сребролюбие* — 4 раза, *досажение*, *досаждают*, *досадитель* — 4 раза. В „Беседе“ эти выражения не встречаются ни разу; нет в ней и таких слов, извлеченных из произведений Вассиана, как *удовленно*, *преступарь*, *лѣть* (2 раза), *ошаятися*, *ухапатися*, *батогоносных*, *удица*, *заущати*, *освѣняти*, *блевание*, *въкуплятися*, *бесчадно* (2 раза). С другой стороны, в „Беседе“ отметим следующие особенности. О „простоте царей“ в ней говорится 19 раз, об „иноческой погибели“ — 11 раз, о пьянстве среди иноков — 6 раз, о том, что иноки употребляют лучшие яства по сравнению с мирянами, — 10 раз. У Вассиана об этом нет ни слова. Не находим у него и таких, характерных для „Беседы“, выражений: *сесветное житие*, *сесветная слава* (9 раз), *мирская суета*, *суета мира сего* (10 раз), *бельцы* (6 раз), *трудники* (4 раза), *неподобными статьи* (6 раз), *ложное челобитье* (иноческое) (4 раза), *невеиглаеи* (2 раза), *мястися*, *вершники*, *молчажливый*, *торщити*, *порты*, *шлыки*, *улусы*, *поминки*, *нанос*, *собины*. Монастырские земли у Вассиана называются или *селами* (14 раз) или *имениями* (13 раз), изредка — *землями* (3 раза) и *деревнями* (1 раз). В „Беседе“ им почти постоянно присваивается название *волостей* (21 раз) и только крайне редко *сел* (4 раза) и *вотчин* (2 раза)».[114]

Надо, впрочем, сказать, что индивидуальные особенности стиля достовернее в тех случаях, когда они бессознательны, явились не преднамеренно, а в результате привычки. Древнерусский книжник не стесняется заимствовать стилистические обороты, образы, целые куски у своих предшественников. Он может усвоить чужую манеру изложения (в той же мере, в какой переписчик иногда усваивал почерк оригинала). Однако это усвоение по большей части является следствием его с о з н а т е л ь н ы х стремлений сделать свое произведение лучше, красивее, «ученее». Кроме того, стилистические приемы в очень большой мере зависят в древнерусской литературе от жанра произведения, от его «художественного задания», от требований «заказчика» и т. д. Вот почему нужно с большой осторожностью относиться ко всем особенностям стиля,

---

[114] Н. К. Г у д з и й. К вопросу об авторе Беседы преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев. — Рус. филолог. вестн., Варшава, 1913, № 3, с. 157—158.

которые могли явиться плодом сознательных усилий автора. А вот привычка к отдельным словам, оборотам, не имеющим особой художественной или идейной силы, — гораздо показательнее. И это чрезвычайно важно. По подсчету слов, по исчислению коэффициента употребляемости того или иного оборота речи в будущем можно будет математически обосновывать принадлежность того или иного произведения определенному автору.[115] Но вопрос этот сложный и потребует в каждом отдельном случае отделения намеренных элементов языка и стиля произведения от ненамеренных.

То, что было сказано о преимуществах подсознательных элементов стиля перед сознательными, приводит нас к выводу об исключительной роли исследования именно языка произведений. По наличию диалектизмов можно определять происхождение автора из той или иной местности. Ошибки в языке могут привести к определению национальности автора и т. д. Изучение данных языка помогло установить ряд переводов, принадлежавших болгарским первоучителям.[116] Исключительный интерес представляют собой соображения А. А. Шахматова, касающиеся определения автора «Русского хронографа».[117]

А. А. Шахматов доказывает, что Русский хронограф был составлен сербом в России. Помимо соображений, касающихся содержания Русского хронографа, в котором органически слиты статьи русского и сербского происхождения, А. А. Шахматов приводит и доказательства лингвистического характера. В Хронографе имеется ряд сербизмов, при этом не только в статьях, посвященных мировой истории, но и в русских по своему происхождению. Так, Корсунь названа в Хронографе по-сербски — Херсонь или Херсунь (редакция 1512 г.), русские князья Святослав и Святополк названы, согласно сербскому произношению этих имен, Цветослав, Цветополк, «бык» заменен сербским словом «юнец», вместо «были» («а москвичи были под Вязмою») сказано «били», вместо «плоть» сказано «путь» и т. д.

Но самое интересное, что наряду с сербизмами Русский хронограф заключает в себе и «антисербизмы», т. е. неправильные попытки избавиться от сербизмов — попытки, которые могли принадлежать только сербу, плохо знавшему русский язык, но

[115] См.: В. Виноградов. Лингвистические основы научной критики текста (окончание). — Вопр. языкознания, 1958, № 3, с. 11—17; Б. М. Клосс. О статистических методах исследования текста исторических источников. — В кн.: Математические методы в исторической литературе и историко-литературных исследованиях. М., 1977, с. 326—334.

[116] См. об этом: А. В. Михайлов. Опыт изучения текста Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. 1. Паримийный текст. Варшава, 1912, с. 16.

[117] А. А. Шахматов. 1) К вопросу о происхождении Хронографа. — Сборник ОРЯС, т. LXVI, № 8, 1899; 2) Пахомий Логофет и Хронограф. — ЖМНП, 1899, № 1.

стремившемуся писать по-русски. А. А. Шахматов пишет: «. . .кроме сербизмов, в обилии встречающихся на всем протяжении Хронографа по спискам редакции 1512 года, внимание наше останавливают некоторые случаи, которые можно назвать антисербизмами, а именно неправильную, вызванную ложною аналогией замену того или другого сербского звука русским. Так, например, русскому *ол* соответствует в живом сербском произношении *у* (волк — вук, полн — пун); этим объясняется появление в Хронографе *ол* вм. *у* и там, где сербскому *у* соответствует в русском языке *у*. Так, форма молчаше, читаемая в списке Погод. №. 1404а (список без всякого сомнения русский) вм. мучаше, восходит, думаю, к первоначальной редакции Хронографа».[118] Далее А. А. Шахматов приводит и другой антисербизм: «благооболчен» вм. «благообучен». А. А. Шахматов пишет: «Появление антисербизма, как молчаше вм. мучаше, может быть обязано только сербу и притом сербу, или списывавшему русский подлинник или писавшему в России: читая *ол* русских книг как *у*, он, не справляясь с действительным русским произношением, мог писать *ол* и там, где русские произносили *у*».[119]

Установив принадлежность Русского хронографа сербу, писавшему в России, А. А. Шахматов далее на основании анализа принадлежащей Пахомию Сербу и находящейся в Хронографе «Повести об убиении Батыя» и ее связей с остальным текстом Хронографа приходит к выводу, что Русский хронограф был составлен именно Пахомием Сербом. Убеждает А. А. Шахматова в том, что составителем Русского хронографа был Пахомий Серб, то обстоятельство, что в некоторых других рукописях, принадлежащих перу Пахомия, мы встречаемся с точно такими же сербизмами и антисербизмами, как и в Русском хронографе.[120]

Впрочем, отметим, что Пахомий Логофет (или Серб) не был единственным сербом-писателем в России. В начале XVI в. в России работал, например, Аникита Лев Филолог — серб по происхождению, составивший ряд больших литературных произведений для России.[121] Могли быть и другие сербы писатели.

Приведем еще один пример удачной атрибуции по данным языка. Чрезвычайно интересный анализ языка, орфографии, орфографических ошибок и графики письма Лжедмитрия I папе Клименту VIII дан С. Л. Пташицким.[122] Самозванец отправил, как известно, в апреле 1604 г. из Кракова письмо папе на польском

---

[118] А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, с. 77—78.

[119] Там же, с. 78.

[120] Там же, с. 80.

[121] См.: Д. С. Лихачев. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог. — В кн.: Горски вијенац. A garland of essays offered to professor E. M. Hill. Cambridge, 1970, p. 215—219.

[122] С. Л. Пташицкий. Письмо Первого Самозванца к папе Клименту VIII. — Изв. ОРЯС, 1899, т. IV, кн. 1.

языке, в котором заявлялось об его отречении от православия. Изучение языка показывает, что письмо составлено литературно образованным человеком, превосходно знавшим польский язык, пользовавшимся тонкими оборотами и фразеологией, которая составляет «роскошь польского языка», а переписывалось письмо лицом, плохо знавшим польский язык, допускавшим в орфографии и в графике ошибки и особенности, выдающие в писавшем человека московского образования, близкого по почерку к почеркам канцелярии думного дьяка Б. И. Сутупова. Письмо показывает, кроме того, что писавший знал греческий язык, был знаком с латинской графикой, но не имел навыков в польском письме. «Ввиду такой двойственности — хорошего текста и плохой переписки — приходится, не колеблясь, заключить, — пишет С. Л. Пташицкий, — что составитель письма и его переписчик две разные личности, что Самозванец переписывал готовый текст, составленный для него лицом, опытным в польском языке. Так как письмо это переписано и подписано несомненно собственноручно самим Самозванцем, то оно свидетельствует, что Самозванец был лицом великорусского происхождения, опытным в письме московского характера и притом типа письма канцелярии Сутупова. . ., вместе с тем не чужд был греческой грамоте, но не имел навыка в польской речи и с трудом овладевал польскою графикой».[123]

Любопытно, что удалось установить даже такую деталь, что Самозванец переписывал готовый текст в присутствии лица, хорошо знающего польский язык, которому иногда вовремя удавалось его исправлять.[124]

Одновременно с исследованием С. Л. Пташицкого вышло исследование того же письма Самозванца И. Бодуэна де Куртенэ, в котором последний приходит к очень сходным выводам, совершенно независимо от С. Л. Пташицкого.[125]

Мы можем сказать прямо, что данные языка древнерусских произведений (если только их строго отделять от данных стиля) представляют очень важный материал для суждения о происхождении автора. Исследование этих данных облегчается тем обстоятельством, что в Древней Руси не было устойчивой орфографии и устойчивых требований литературной речи, и поэтому природный язык автора не ограничивался в той же мере обязательными нормами, что язык авторов нового времени. Новгородизмы и псковизмы, оканье и аканье, отдельные областные слова проникали в древнерусскую письменность довольно свободно, позволяя тем самым легко определять областное происхождение автора. Дело затрудняется только тем обстоятельством, что язык переписчика или редактора проникает в произведение с такой же легкостью, с какой в ней сказывается и язык автора. Поэтому чрезвычайно

[123] Там же, с. 407—408.
[124] Там же, с 410.
[125] См.: Sprawozdania Akademii Umiejętności w Krakowie, 1898, № 10.

важно выявить все признаки, по которым мы можем отделить языковые особенности переписчика или редактора, проникшие в произведение, от языковых особенностей авторского текста. Само собой разумеется, что лексика будет меняться переписчиком реже, чем редактором, и что лексические данные поэтому будут наиболее показательными для языка автора в отличие от языка переписчика или редактора. Но в целом надежно помочь в этом отделении языка переписчиков и редакторов от языка автора сможет только исследование языка всех списков и установление истории текста произведения. Следовательно, и в этом вопросе история текста играет решающую роль.

Механические приемы выделения авторского языка, путем ли отбрасывания индивидуальных чтений или подсчета большинства чтений, здесь не годятся, как они не годятся и в других случаях.

Особое значение для определения писца, которым может иногда оказаться и сам автор, или для определения переписчика, который может быть и редактором произведения (с этими возможностями надо всегда считаться), имеют ошибки и описки. Для каждого писца характерны свои типы ошибок, пропусков, неграмотностей. Один писец делает по преимуществу слуховые ошибки, другой — зрительные (это зависит от типа памяти; при переписывании или писании писец запоминает определенные куски текста). Отдельные ошибки свойственны старикам, другие — молодым. Есть типы ошибок, вызванные психическими травмами, другие являются следствием недостаточности общего развития, неосведомленности писца и т. д.

Изучая типы ошибок, можно установить общего переписчика для ряда рукописей или для их протографов. К сожалению, изучение психологии ошибок у нас не ведется, а это было бы чрезвычайно важно для установления авторов, писцов и переписчиков.

*

Существенное значение в определении авторства следует придавать совпадению показаний разнородного характера. Если к установлению авторства приводит группа разнородных признаков, например основанных на анализе языка и стиля, идейного содержания, на косвенных указаниях в тексте самого произведения и в документах эпохи, на анализе почерка, — то доказательность атрибуции значительно повышается. Мы могли бы сравнить атрибуцию по разнородным признакам с определением точки в пространстве по нескольким координатам.

Блестящий пример отождествления трех авторов на основании нескольких разнородных признаков представляет собой фундаментальная работа И. Денисова о Максиме Греке.[126]

---

[126] Élie Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris, 1943.

До 1943 г. о жизни Максима Грека в Италии и на Афоне было известно лишь из случайных упоминаний о ней самого Максима Грека в его сочинениях. Имя Максима Грека, которое он носил в Италии и у себя на родине, было неизвестно. И. Денисов обстоятельно доказал, что Максим Грек — это итальянский гуманист Михаил Триволис и афонский монах Максим Триволис. Тем самым сочинения Максима Грека оказались пополненными рядом его произведений, относящихся к итальянскому и афонскому периодам его жизни: четыре письма Михаила Триволиса, написанные из Мирандолы, два письма Михаила Триволиса, написанные из Флоренции, эпитафия Иоакиму I, патриарху константинопольскому, эпиграмма, посвященная великому ритору Мануилу, три эпитафии Нифонту II, патриарху константинопольскому, и канон Иоанну Крестителю.

Светское имя Максима Грека — Михаил Триволис и афонское — Максим Триволис — установлено И. Денисовым следующими путями. Прежде всего он сопоставляет данные о Максиме Греке, известные из русских источников, с данными о Михаиле Триволисе, открытыми им в архивах и источниках Италии и Афона.

Из русских источников известно, что Максим родился в городе Арта в Эпире и что имя его отца было Мануил. О Михаиле Триволисе на основании архивных источников И. Денисов установил, что отец его был Эммануил, родом из города Арта.

Из русских сочинений Максима Грека известно его описание монастыря св. Марка и монашеской жизни доминиканцев. О Михаиле Триволисе известно, что он был пострижен в монахи, а затем отказался от монашеской жизни.

А. Курбский упоминает о том, что Максим Грек был учеником гуманиста Иоанна Ласкариса. В Национальной библиотеке в Париже имеется переписанный Михаилом Триволисом список греческого сочинения «Геопоники» с надписью Михаила Триволиса, что список этот изготовлен им для Ласкариса.

Из сочинений Максима Грека известно, что он пробыл на Афоне приблизительно с 1505—1506 г. до 1516 г. Именно к этому времени относятся и афонские стихи Максима Триволиса.

Знаменательно, что сведения о Михаиле Триволисе в Италии исчезают как раз с того времени, когда на Афоне появляются документы о Максиме Триволисе, а этот последний исчезает на Афоне как раз тогда, когда в Москве появляется Максим Грек.

Мы привели лишь важнейшие совпадения. Все данные о Максиме Греке, Максиме Триволисе и Михаиле Триволисе сведены И. Денисовым в таблицу. Слева он помещает сведения из русских источников о греко-итальяно-афонском периоде жизни Максима Грека, справа — сведения о Михаиле Триволисе и Максиме Триволисе. В большинстве сведений обе колонки согласуются, и нет ни одного факта противоречия в источниках.

Окончательно устанавливается тождество Михаила Триволиса, Максима Триволиса и Максима Грека путем сопоставления почерков автографов всех трех. Одно сличение почерков или одно сопоставление биографических данных не могло бы дать таких достоверных доказательств, как совпадение показаний разнородного материала.

В качестве примера удачной атрибуции по встречающимся в произведении разнородным данным об авторе может служить также работа Н. С. Сарафановой «Неизданное сочинение протопопа Аввакума».[127] Речь идет о сочинении, названном П. С. Смирновым «Посланием трем неизвестным».[128]

Н. С. Сарафанова углубила и развила атрибуцию этого сочинения, произведенную П. С. Смирновым, и приписывает это послание Аввакуму по следующим основаниям. «Как явствует из первых же строк Послания, автор, ревностный защитник старообрядчества, пишет его, находясь „в Пустозерье", а в свое время он был и „во странах сибирских от врага патриарха", только „лет 15" минуло, как его „из Даур привезоша". Раньше церковные власти „многия" были автору „друзья духовные", он был близок с Ртищевыми, и „царь его зело милосердовал", особенно „добра была царица Марья". Но автор „звратил бранью их", и „его сюды послали". Боярыню Морозову он называет своей „духовной дочерью"». «Во всех этих фактах, сообщаемых автором, — добавляет Н. С. Сарафанова, — нельзя не узнать судьбы протопопа Аввакума».[129] Анализ идейного содержания и стиля послания полностью подтверждает вывод об авторстве Аввакума.

Другим образцом точной атрибуции по разнородным данным может служить определение А. А. Шахматовым автора «Сказания о градех» с описанием города Египта, т. е. Каира. В специальном исследовании, посвященном этому вопросу,[130] А. А. Шахматов обращает внимание на следующие обстоятельства. Во встретившемся ему списке (БАН, 17.9.9; прежний — акад. 399) в заголовке произведения имеется дата: «Лета 7001 сказание о градех». Затем, «Сказание» несомненно составлено русским: дворец египетского султана сравнивается по размерам с московским кремлем («с Москву с кремль»). В конце «Сказания» назван человек, рассказы которого послужили материалом для сказания: это казначей великого князя Михаил Григорьев, ездивший послом в Египет. На этом основании А. А. Шахматов предположил, что автором этого произведения и двух других, связанных с ним по содержанию

[127] ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960.

[128] П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. — РИБ, т. 39. Л., 1927, с. LXXX—LXXXII (Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1).

[129] ТОДРЛ, т. XVI, с. 258.

[130] А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. — Изв. ОРЯС, 1899, т. IV, кн. 1.

и стилю, — «Описания Царьграда» и «Царства Цареградского устав чином», — является дьяк Михаил Григорьев Мисюрь Мунехин. Прозвище Мисюрь могло быть дано Мунехину по его поездке в Египет (древнее название Египта было Мисюрь). Однако дальнейшее изучение показало, что в других списках «Сказания о градех» вместо «Григорьев» читается «Гиреев» и даже «Георгиев», а датировка произведения другая — 1522 г. Окончательное решение вопроса об авторстве этого «Сказания» смогло быть сделано только после того, как А. А. Шахматов разбил списки на редакции, выяснил старшинство и взаимоотношение редакций, палеографически объяснил дату 7030 как ошибочную из 7001 («а» было принято за «л» — обычная ошибка в древнерусских цифрах), выяснил происхождение прозвища дьяка Мунехина, установил основные факты его служебной карьеры, сопоставил данные «Сказания» с историческими данными (в частности, было установлено, что «Сказание» повествует о Египте еще до подчинения египетского султана туркам, т. е. до 1517 г.). Только подробное исследование всей истории текста «Сказания» с привлечением данных истории текста связанных с ним произведений, данных биографических и исторических позволило А. А. Шахматову окончательно решить вопрос об авторстве «Сказания». Правда, некоторые данные по истории текста «Сказания» подверглись впоследствии обоснованному сомнению (принадлежность Хронографа редакции 1512 г. старцу Елеазарова монастыря Филофею), однако в целом атрибуция А. А. Шахматова оказалась достаточно убедительной.[131]

Показательна попытка Б. А. Рыбакова установить автора «Слова о полку Игореве».[132] Все прежние предположения об авторе «Слова» (Митус, Беловод Просович, Ольстин Олексич, княгиня Агафья Ростиславна и под.) по существу не имели никаких оснований, кроме примитивного допущения, что современник событий мог написать о «былинах» своего времени. Литературный талант и широкая историческая осведомленность автора «Слова» в этом случае совершенно произвольно приписываются тому или иному лицу. Б. А. Рыбаков строит свою гипотезу на фактическом материале — на возможности сопоставления реально существующих текстов — летописного текста, приписываемого Петру Бориславичу, и текста «Слова». Именно сравнение текстов позволяет Б. А. Рыбакову сделать ряд сопоставлений: указать на «единство времени и места жизни» летописца и автора «Слова», на одинаковые симпатии и антипатии их, на сходство в оценках конкретных князей и их деяний, на «удивительное единодушие» в оценке политической структуры Руси XII в. Летописный текст позволяет судить о наличии у Петра Бориславича литературного таланта.

---

[131] См. об этом выше, с. 326.

[132] Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 499—512.

Обнаружен и ряд прямых лексических совпадений между «Словом» и летописным текстом, на которые указала В. Ю. Франчук.[133] И хотя Б. А. Рыбаков формулирует свою гипотезу весьма осторожно («поразительное сходство, переходящее порой в тождество, почти всех черт обоих произведений . . . не позволяет полностью отбросить мысль об одном создателе этих двух одинаково гениальных творений»),[134] важно принципиальное отличие этой гипотезы от упомянутых догадок об авторе «Слова» — перед нами разноаспектное сопоставление, основанное на реально существующих текстах.

Другой пример основательной атрибуции — это установление Р. П. Дмитриевой автора «Повести о Петре и Февронии».[135] Исследовательница вернулась к возникшему еще в середине прошлого века спору о времени создания и авторе «Повести», располагая результатами произведенного ею полного текстологического анализа произведения. Р. П. Дмитриевой удалось доказать, что установленный ею первоначальный текст «Повести» оказался совершенно идентичным тексту, обнаруженному в сборнике с произведениями Ермолая-Еразма (ГПБ, Соловецкое собр., № 287/307). Вывод о написании «Повести» Ермолаем-Еразмом нашел и другое важное подтверждение: текстологическое исследование «Повести о рязанском епископе Василии», стилистически близкой к «Повести о Петре и Февронии», показало, что и ее первоначальный текст соответствует тексту, находящемуся в том же Соловецком сборнике. Следовательно, и эта повесть принадлежит тому же автору.

С другой стороны, исследование Р. П. Дмитриевой позволило отвергнуть выдвигавшееся ранее предположение о том, что Ермолай-Еразм обращался к работе над «Повестью о Петре и Февронии» в 60-е гг. XVI в. Тот текст, который считался второй авторской редакцией (рукопись ГБЛ, собр. МДА фунд., № 224), представляет собой редакторскую обработку одного из списков первой редакции, содержащих изменения, возникшие в результате неоднократной переписки. Поэтому редактор этого списка и автор первоначальной редакции не могут быть отождествлены.

Итак, и на этом примере видно, что окончательную атрибуцию произведения может дать только полная история текста произведения. Как бы убедительны ни были отдельные соображения и отдельные данные, если не выяснены тексты всех редакций, не учтены разночтения в местах, служащих для обоснования атрибу-

---

[133] В. Ю. Франчук. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи). — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976.

[134] Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», с. 515.

[135] Повесть о Петре и Февронии. Подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

ции, не прояснен вопрос о границах произведения, не установлена дата произведения и т. д., — никакая атрибуция не может считаться убедительной.

*

При определении авторства в древнерусской литературе в тех случаях, когда нельзя точно найти автора, — большое значение имеет ограничение того круга, из которого мог выйти автор: ограничения хронологические, территориальные, социальные и т. д.

По существу здесь атрибуция произведения переходит в его непосредственное историко-литературное изучение, и нет смысла поэтому этот вопрос о частичной атрибуции рассматривать во всей его полноте. Мне хочется, однако, остановиться на одном способе частичной атрибуции, который очень часто применяется исследователями древнерусской литературы, но заключает в себе существенные опасности. Способ этот основывается на использовании того типа доказательства, который принято называть argumentum ex silentio.

В самом деле, в поисках автора исследователи очень часто прибегают к выявлению того круга явлений, о которых произведение умалчивает. Эти умолчания иногда и в самом деле помогают сузить круг возможных авторов, точнее определить автора во времени, в социальной сфере и в географических пределах, но пользоваться ими нужно с очень большой осторожностью.

Приведу пример неосмотрительного пользования этим аргументом. В. Мансикка в своем исследовании Жития Александра Невского отмечает, что автор его не был ни новгородцем, ни псковичем: «Легко доказать, что автор не был новгородский или псковский житель, — пишет В. Мансикка. — В его рассказе нет таких подробностей, которые известны местным новгородским и псковским летописям и которые предполагают знакомство с местной традицией или обнаруживают пристрастие к местным интересам. Нет, например, упоминания о свадьбе князя, нет известий о его ссоре с новгородцами, о его походе на Емскую землю, о татарских численниках и т. д. Рассказ о взятии немцами Пскова и о построении города „во отечествии Александрове“, т. е. Копорьи, отличается крайней голословностью, между тем как местные летописи могли бы сообщить автору жития кое-какие подробности. Местные летописи перечисляют народы, которые принимали участие в первом походе против Александра, и упоминают о шведском к н я з е, его епископах и воеводе Спиридоне; автор же жития говорит довольно глухо о „римлянах“ и о „короле“ их. Летописец выводит Александра против неприятеля вместе с новгородцами и ладожанами, называет число и месяц, когда была знаменитая „сеча свеем“, 15 июля, и перечисляет по имени убитых новгородцев, которых вместе с ладожанами не оказалось больше двадцати; биограф же

Александра заставляет своего героя выступать без новгородцев, с немногочисленной княжеской дружиной, определяет время воскресеньем, днем памяти таких-то святых, и об убитых не говорит ни слова. Подробности, касающиеся битвы на Чудском озере и приведенные в летописи: обозначение числа, 5 апреля, местностей и количества немецких потерь, не говоря о подробностях самого боя, в житии совершенно опущены».[136]

Я привел это место из исследования В. Мансикки, так как аргументация его в пользу того, что составитель «Жития Александра Невского» не был ни новгородцем, ни псковичем, считается исследователями в общем приемлемой. Однако она же отчетливо выявляет всю слабость такого рода рассуждений. В. Мансикка сравнивает летописи и житие и отмечает то, что отсутствует в житии сравнительно с летописью, но совершенно не учитывает различие в жанрах и в задачах произведения. Все то, что отсутствует в житии, могло отсутствовать в нем и в том случае, если бы автор его был новгородцем и псковичем, — единственно вследствии жанровых особенностей жития, не допускающих излишней детализации и конкретизации изображения.

На этом примере видно, что пользоваться умолчанием автора о каких-то современных ему событиях надо с большой осторожностью. Нельзя, во всяком случае, не учитывать возможности других объяснений авторского умолчания.

*

Итак, определяя автора того или иного произведения, нужно проделывать почти всю работу, связанную с его историко-литературным изучением. Необходимо знать историю текста произведения, его литературные традиции, его эпоху и т. д. На всех стадиях этого историко-литературного изучения произведения могут явиться счастливые находки, которые дадут возможность установить его автора. Нет, следовательно, такой стадии изучения памятника, на которой мы могли бы сложить оружие и заявить: автор его найден быть не может.

Но если брать вопрос в целом, то можно сказать, что есть отдельные стороны в изучаемом памятнике, которые чаще всего способствуют открытию автора. Надо в первую очередь внимательно изучить все высказывания автора произведения о самом себе, сделаны ли они в третьем лице или в первом. Надо обращать внимание на хронологию произведения и на место его возникновения, на идеологию (по преимуществу на оттенки), на стиль, на язык, ловить писателя на таких высказываниях, которые могли бы быть

---

[136] В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст, с. 15—16.

сделаны в специфических условиях, которые могли принадлежать не всякому. Обнаружить такие данные об авторе — дело внимания, таланта исследователя и несомненно счастливого случая. Но ни в коем случае нельзя ограничивать установление авторства только одним каким-нибудь рядом аргументов: палеографических, языковых, биографических, идеологических и т. п. Взаимодействие различных методов атрибуции — необходимое условие ее достоверности.

Если данные об авторе нашлись, необходимо точно определить, в чем состояла его работа, не смешать автора с переписчиком или редактором, определить границы того произведения, которое он создал, определить — в чем состояла его работа.

В этих последних задачах состоят специфические трудности атрибуции в изучении древней русской литературы. Атрибуция тесно связана со всеми видами историко-литературного исследования памятника.

Как в искусствоведении при определении художника наиболее показательные детали извлекаются из второстепенных деталей живописи (например, из приемов, которыми написано ухо), так и при определении автора произведения очень важны специфические частности. Так, например, при атрибуции по идеологическим соображениям решающее значение имеет иногда не основная мысль (общая ряду авторов в силу отражения в ней идеологии класса или какой-то группы людей), а оттенки мысли, детали — все то, что индивидуально для данного автора.

«Официальные» данные об авторе в названии произведения менее достоверны, чем неофициальные. Косвенные указания более бесспорны, чем прямые; преднамеренные указания менее достоверны, чем непреднамеренные и, казалось бы, «случайные»; явления языка дают больше иногда, чем явления стиля, и т. д. Одним словом, очень часто «второстепенное» оказывается для атрибуции первостепенным, а «первостепенное» — второстепенным. Атрибуция имеет свой выбор фактов.

Такого рода преимущество деталей в атрибуции перед общим заставляет быть исследователя весьма осторожным и с особым вниманием следить за согласованностью различных показаний.

В древней русской литературе почти во всех случаях дело обстоит таким образом, что полную уверенность в точной атрибуции памятника мы можем получить только в результате полного же его историко-литературного изучения. При этом атрибуция памятника есть только один из моментов исследования истории его текста.

ПОДДЕЛКИ

В наших рукописных хранилищах имеется довольно много подложных документов. Таковы, например, поддельные грамоты русских князей монастырям — вроде грамоты Андрея Бого-

любского Киево-Печерской лавре,[137] или грамоты Дмитрия Донского Троице-Сергиеву монастырю,[138] или подложные произведения с целью защиты какой-либо вероисповедной точки зрения: старообрядческой против православных или православных против старообрядцев (например, Деяние соборное на еретика армянина Мартына и Феогностов «Требник»),[139] защита русско-литовских антитринитариев против православных (письмо половца Ивана Смеры князю Владимиру) [140] и т. д.

Аналогичное положение существует и в западноевропейских рукописных хранилищах, где находится очень много поддельных памятников.

Известны старинные подделки, например, грамоты короля Дагоберта монахам аббатства С.-Дени, Псевдо-Исидоровы декреталии, некоторые грамоты Карла Великого, грамота Константина Великого папе Сильвестру и т. д. Все эти поддельные документы сыграли в свое время крупную роль, а на критике «Константинова дара» Лоренцом Валлой были заложены основы научной филологической критики текста.[141]

Вопрос о подделках, об их относительной ценности должен быть поэтому особо рассмотрен в нашей науке.

---

[137] Митр. Макарий. История русской церкви, т. III. Изд. 3-е. СПб., 1888, с. 41—55.

[138] Иером. Арсений. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя, преп. Сергия. — ЛЗАК, вып. VII. СПб., 1884, с. 139—175.

[139] В. Г. Дружинин. 1) Поморские палеографы начала XVIII столетия. — ЛЗАК за 1918 г., вып. 31. Пг., 1923; 2) Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века. — ЛЗАК за 1923—1925 гг.. вып. 33. Л., 1926. — Один из лучших и наиболее полных разборов подложности обоих памятников принадлежит старообрядческому деятелю и писателю начала XVIII в. А. Денисову. В своем разборе А. Денисов использовал аргументы палеографические, языковые, исторические, богословские и пр. Подложность обоих памятников была настолько основательно доказана, что обе рукописи были изъяты из обращения официальной церковью и опечатаны.

[140] Н. Малышевский. Подложное письмо половца Ивана Смеры к вел. кн. Владимиру. — Труды Киевской духовной академии, VI—VII. 1876 (здесь же литература вопроса). — Как это ни странно, письмо половца Ивана Смеры, которое поразило своей фантастичностью еще Н. М. Карамзина, было снова в 1950 г. принято за подлинное (Л. Теплов, В. Немировский. Книгопечатание — русское изобретение. — Лит. газ., 1950, № 27 (2618) от 1 апреля).

[141] Характерно, что и в России научные основы критики текста были заложены при доказательстве подложности памятников: «Соборного деяния на еретика арменина на мниха Мартина» и «Требника» митрополита Феогноста (см. об этом: В. Г. Дружинин. 1) Поморские палеографы начала XVIII столетия; 2) Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века). Впрочем, необходимо отметить, что критика текста подложных документов отчасти производилась уже в XVII в. (И. Ф. Колесников. Экспертиза «подметного письма». — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, т. 7. М., 1954).

За последнее время у нас появилось довольно много работ, посвященных отдельным «подделкам»[142] и даже «творчеству» наиболее известных фальсификаторов,[143] однако в целом вопрос о подделках и о принципах их изучения в советском источниковедении не рассматривался.

Вопрос этот очень сложен. Еще совсем недавно он ставился совсем иначе, чем сейчас. Понятие подделки до недавнего времени абсолютизировалось: поддельной считалась всякая рукопись и всякое произведение, относящееся не к тому времени и принадлежащее не тому автору, которые обозначены (прямо или косвенно) в самом памятнике. Такие рукописи и произведения в целом считались совершенно не заслуживающими внимания, и изучение их заканчивалось обычно с момента, когда факт подделки оказывался прочно установленным.

Однако достаточно привести несколько примеров, чтобы стало ясным, насколько относительно самое понятие подделки. Так, например, в результате исследований А. М. Ставрович некоторое время считалось, что Строгановская сибирская летопись — подделка.[144] Основывалось это мнение на том, что А. М. Ставрович доказывала относительно позднее происхождение Строгановской летописи (70-е годы XVII в.), с одной стороны, и тенденциозное преувеличение в ней роли Строгановых в походе Ермака, — с другой. Однако ни отдаленность памятника от событий, в нем описываемых, ни тенденциозность памятника или даже явные искажения исторических фактов не являются еще признаками подделки; в противном случае к «подделкам» пришлось бы отнести львиную долю всех исторических и литературных произведений — будь то исторические произведения XI—XVII или XVIII—XX вв. Ведь тенденциозное изложение и позднее происхождение имеет подавляющее большинство русских летописей, исторических повестей и пр.

К числу подделок до недавнего времени безоговорочно относили «Переписку Ивана Грозного с турецким султаном» и «Статейные списки посольств Сугорского и Ищеина». Основание к тому то, что ни этой переписки, ни этих статейных списков в XVI в. еще не было. Они лишь приписаны указанным в них лицам и по-

---

[142] М. Д. Каган. 1) Повесть о двух посольствах — легендарно-политическое произведение начала XVII в. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955; 2) Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — Там же, т. XIII. М.—Л., 1957; В. Н. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века. — Там же, т. XI. М.—Л., 1955.

[143] М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — В кн.: Проблемы источниковедения, т. V. М., 1956, с. 44—101.

[144] А. М. Ставрович. Сергей Кубасов и Строгановская летопись. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922.

сольствам. Однако обстоятельные исследования М. Д. Каган показали, что перед нами и в этом случае не подделки, а литературные произведения.[145] Подобного рода литературные произведения в виде документов приняли черты законченного литературного жанра в XVII в.,[146] однако складываться этот жанр начал значительно раньше. Так, к последней четверти XV в. относится «Рукописание шведского короля Магнуша» и к XVI в. — «Послание Александра Македонского к русским князьям». Оба эти произведения давно рассматривались историками литературы. Нет поэтому никаких оснований отказываться от рассмотрения таких интереснейших произведений, как «Переписка Ивана Грозного с турецким султаном» или «Статейные списки посольств Сугорского и Ищеина», относя их в разряд обычных подделок.

Приведем еще один пример. В Хрущовском списке Степенной книги (ЦГАДА, МГАМИД (ф. 181) № 26/34) имеются три вставки: две вставки сделаны на новых листах, введенных в рукопись за счет удаления последних листов отдельных тетрадей рукописи, а одна вставка является результатом простого перемещения листов. Две вставки новых листов дают и новый текст. Исследования С. Ф. Платонова,[147] П. Г. Васенко,[148] а затем В. Н. Автократова [149] показали, что перед нами в этих вставках чрезвычайно интересный документ политической мысли, но важен этот документ не для историка XVI в., а для историка конца XVII в. Это уже подделка в собственном смысле слова, но подделка эта оказывается проявлением политической мысли времени своего создания.

Все эти обстоятельства заставляют уделять поддельным памятникам больше внимания, чем им уделялось до сих пор.

В источниковедении принято делить исторические источники на «исторические остатки» и «исторические предания». Один и тот же памятник может изучаться историком как исторический остаток и как предание об этом факте.[150]

---

[145] См. ее работы выше, в сноске 142.

[146] О том, как из деловых форм письменности постепенно вырастают новые светские литературные жанры, см.: Д. С. Лихачев. 1) Повести русских послов как памятники литературы. — В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., 1954, с. 319—346; 2) Возникновение русской литературы. М.—Л., 1955, с. 111—119; 3) К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. — Рус. лит., 1958, № 2, с. 11; 4) Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958, с. 142—150.

[147] С. Ф. Платонов. Речи Грозного на Земском соборе 1550 года. — Соч., т. 1. Статьи по русской истории. Изд. 2-е. СПб., 1912, с. 201—205.

[148] П. Г. Васенко. Хрущовский список Степенной книги и известие о Земском соборе 1550 года. — ЖМНП, 1903, ап., с. 386—400.

[149] В. Н. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века.

[150] Это деление источников, в целом принятое в советском источниковедении, ведет свое происхождение от деления, предложенного А. С. Лаппо-Данилевским (Методология истории, ч. 1. СПб., 1910, с. 380—400), но и у по-

Допустим, что перед нами «Повесть о Петре и Февронии». Мы можем изучать ее как памятник литературы и идеологии XV—XVI вв., но по этому же памятнику можно пытаться восстановить исторические события в Муромском княжестве. Это — и остаток старины, и рассказ о старине.

Если с этой точки зрения подходить к так называемым поддельным памятникам, созданным в Древней Руси, то ясно, что они за редкими исключениями не годятся для изучения как рассказ о старине, но могут быть использованы в исследовании как остаток старины. По поддельным памятникам мы можем изучать мотивы, по которым они были сделаны, литературные приемы самой подделки и т. д. Это памятники быта и представлений своего времени, а часто — общественной мысли и литературы.

Еще в 1904 г. автор весьма замечательной работы «Грамоты галицкого князя Льва и значение подложных документов как исторических источников» И. А. Линниченко указывал: «. . .для историка признанием подложности документа не оканчивается его значение — документ есть все же документ; он имеет известную физиономию, за ним скрывается известный мотив, который и должен быть вскрыт историком. Познание этого мотива может дать историку весьма ценные указания на современные отношения, и чем важнее по задаче своей такой подложный документ, тем он важнее для историка. Центр тяжести, таким образом, передвигается от самого документа к мотиву, вызвавшему подделку акта».[151]

Далее И. А. Линниченко подчеркивает еще одну сторону подложных документов, сравнительно редкую, но которую в иных случаях не следует упускать из виду: если от эпохи, к которой отнесен подлог, до нашего времени не сохранилось подобных памятников, а во времена фальсификатора эти памятники были, то имитация фальсификатора может иметь некоторое значение и для характеристики подделываемых памятников. И. А. Линниченко пишет: «Если задача подложного документа — достижение известного реального результата, то естественно, что автор поддельного акта будет стараться придать ему, по мере своих знаний и искусства, внешний вид документа подлинного. Перед глазами совершающего подлог должен быть образец подлинный, с которого он, с теми или иными, необходимыми для его цели изменениями, копирует свой список. Чем более взыскательному и опытному критику будет представлен на утверждение известный документ, тем большей тщательностью должна отличаться самая техника подделки как со стороны формы, так и со стороны со-

---

следнего оно не оригинально: в этого рода делении отразился опыт многих источниковедов.

[151] И. А. Линниченко. Грамоты галицкого князя Льва и значение подложных документов как исторических источников. — Изв. ОРЯС, 1904, т. IX, кн. 1, с. 90.

держания. Поэтому, например, для составления какой-нибудь „Золотой грамоты" требуется меньше знаний и подготовки, чем для подделки жалованной грамоты, нотариального акта, Краледворской рукописи. Нередко могут быть такие случаи: от известной эпохи до нас не дошло подлинных актов: между тем мы имеем документы поддельные, составленные в такую эпоху, когда подлинные акты времени, которому приписывается известный документ, еще существовали. В таком случае документ и подложный приобретает для нас важное значение: он дает нам формулу недошедших до нас актов, и, если возможно доказать близость копии к бывшему у фальсификатора образцу, может служить и к определению реальных бытовых черт времени, к которому его относит подделыватель».[152] Именно такой материал, как доказывает И. А. Линниченко, и дают подделанные во второй половине XVI в. грамоты Льва Галицкого.

Наконец, обратим внимание еще на одну сторону изучения поддельных памятников: в текстологическом изучении поддельных и подлинных памятников нет принципиального различия. Ведь даже поддельность памятника доказывается всей историей текста. Для того чтобы исчерпывающе доказать поддельность, необходимо исследовать памятник решительно теми же приемами, какими исследуется и подлинный текст. Чем полнее и всестороннее будет исследована история текста поддельного памятника, в частности выяснено время его создания, «автор», побудительные причины (цель подделки), дальнейшая судьба текста, тем основательнее будет доказана поддельность. Но есть одна сторона дела, которая особенно важна для установления подделки. Подделка — это такой же памятник, как и всякий остальной, но сделанный с особыми целями. Вот почему, чтобы окончательно доказать поддельность памятника, нужно абсолютно ясно и убедительно показать цель, ради которой эта подделка была совершена.

До тех пор, пока не выяснены цели и побудительные причины, заставившие прибегнуть к обману, всегда может оказаться необходимость в пересмотре вопроса о поддельности.

Поскольку различия между подлинным памятником и поддельным состоят главным образом в побудительных причинах к их созданию, нет оснований текстологическое изучение подделок вести каким-либо особым образом. История текста так называемых подделок должна изучаться точно так же, как и история текста подлинных произведений.

В самом деле, если мы изучаем поддельный список «Поучения» Владимира Мономаха, то мы должны изучать его теми же самыми приемами, что и подлинный список, т. е. непременно рассматривать историю его текста, историю создания самого списка. Допустим, мы установили, что подложный список сделан не совсем

[152] Там же, с. 90—91.

аккуратно с первого печатного издания Лаврентьевской летописи с желанием подражать уставу XII в. и сделан он в коммерческих целях — на продажу. На основании чего мы должны отвергнуть его из рассмотрения в изучении текстологической истории «Поучения»? Только на том основании, что это плохая поздняя копия с уже изданного текста. Но ведь на этом основании мы не стали бы рассматривать и некоторые подлинные тексты древних памятников. Так, например, мы не исследуем списки Проложной редакции «Повестей о Николе Заразском», — редакции, впервые появившейся в печатном Прологе 1662 г.[153] В текстологическое рассмотрение мы не включаем также обычно списки, о которых мы можем сказать, что они являются копиями с известных нам более древних списков. Ну, а если «подделыватель» занялся сочинительством и дополнил «Поучение» своими вставками? Если этот «подделыватель» жил в XVII в. и вставки его представляют чисто литературный или общественно-политический интерес, — в этом случае мы изучаем такой поддельный список XVII в. как новую редакцию «Поучения». Такая редакция, если бы она была, представила бы для нас очень большой интерес. Аналогичная подделка «Поучения» со вставками XIX в. будет иметь значительно меньший интерес для историка литературы. Значит, и здесь введение или невведение в изучение той или иной подделки зависит вовсе не от того — подделан ли новый список или нет, а от соображений общих — исторических и литературоведческих — таких же, как и в отношении подлинного текста (например: может ли он представлять интерес для познания литературного процесса своего и последующего времени).

Вместе с тем понятие «подделки» — историческое понятие. Об этом необходимо твердо помнить. Оно в значительной мере зависит от представлений об авторской собственности — представлений, меняющихся по векам. «Рукописание шведского короля Магнуша» могло бы считаться «подделкой», если бы оно было создано в XIX в., но с точки зрения историка литературы, учитывающего особенности литературного процесса, — это произведение конца XV в. очень характерно для своего времени и никакого вопроса о том, что это подделка, никогда не вставало.

Некоторые виды «подделок» типичны для XVII в. и представляют любопытное явление в литературном развитии этого времени. Понятие «подделки» уточняется в XVIII и XIX вв. в связи с развитием представлений об исторических источниках, о литературной собственности и т. д. Тем не менее подделки А. И. Сулакадзева и А. И. Бардина начала XIX в. можно изучать как явление истории книжной торговли, и как явление истории русской литературы, и как явление истории исторических знаний, связанное

---

[153] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском, с. 278.

с оживлением научного интереса к прошлому России и к собиранию документального материала в начале XIX в., и как показатель палеографических знаний начала XIX в. Во всех этих отношениях своеобразная «деятельность» обоих фальсификаторов представляет очень большой интерес, хотя объективно она и принесла серьезный вред исторической науке.

С точки зрения историков литературы и историков общественной мысли отдельные подделки, конечно, не равноценны. В первую очередь заслуживают внимания те подделки, которые делались не с коммерческими целями (не для выгодной продажи), а имели основанием более «высокие» побудительные причины (желание поднять значение своей национальной старины, отстоять какую-либо точку зрения, создать политический памфлет и т. д.). Историки литературы не случайно изучают фальсификации второй половины XVIII в. и первой XIX в. — «Сочинения Оссиана, сына Фингала», выполненные шотландским патриотом и фольклористом Джемсом Макферсоном,[154] или литературные мистификации П. Мериме — «Театр Клары Газуль»[155] и «Гюзла»,[156] «Краледворскую рукопись», мемуары Людовика XVIII или мемуары Талейрана, сочиненные Ламотом, и т. д.[157] Историками литературы давно отмечана связь романтического направления в литературе с различными искусственными воспроизведениями старинной литературы и фольклора, некоторые из которых достигали крупной художественной значимости. В целом, однако, критерий ценности, который мы прилагаем к подделкам, тот же, что и в отношении подлинных литературных произведений. Мы не будем интересоваться и неподдельными литературными произведениями, если они созданы только с коммерческой целью, не представляют художественной ценности и не показательны для эпохи.

Итак, мы можем с уверенностью сказать, что изучение подделок не имеет серьезных отличий от изучения подлинных памятников и что отказываться от полного изучения подделок мы должны только по тем причинам, по которым мы отказываемся и от изучения подлинных произведений, — в том случае, если они не представляют значительного литературного, общественного и текстологического интереса. В этом случае достаточно выяснить происхождение подделки, ее цели или по крайней мере ее подлинную дату, установив несоответствие ее данных той эпохе, на которую подделка претендует.

---

[154] The Works of Ossian, the Son of Fingal. In two vols. Transl. from the Galic Language, by James Macpherson. The 3rd ed. London, 1765.

[155] Le Théâtre de Clara Gazul. Paris, 1825.

[156] La Guzla ou choix de poésies illiriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine. Paris, 1827.

[157] См. подробнее: A. Thierry. Les grandes mystifications littéraires. Paris, 1911.

Иными словами — особой методики выяснения поддельности памятника не существует. Поддельный памятник должен изучаться теми же приемами, что и подлинный. Весь вопрос только в его «интересности»: иногда достаточно только доказать, что он относится не к той эпохе, на которую претендует, или принадлежит не тому автору, которому он приписывается, и после этого изучение его может не продолжаться: он отбрасывается, как отбрасываются копии с сохранившихся оригиналов, неинтересные списки и неинтересные произведения.

Почти то же самое, что о подложных сочинениях, можно сказать и о частичных подделках, — например, о подложных записях в подлинных рукописях, увеличивающих их возраст или приписывающих сочинение какому-либо известному лицу.[158] Записи эти могут представлять интерес с точки зрения мотивов, по которым они сделаны. Возраст рукописи можно увеличить для того, чтобы увеличить ее продажную цену. Например, покупатели старообрядцы ценили в первую очередь «дониконовские» рукописи. В связи с этим продавцы очень часто вписывали «дониконовскую» дату или соответственно переделывали в рукописи уже имеющуюся в ней датировку. Так, например, в датах с цифрой 80—«П» (например, 7180—҂ЗРП=1672) достаточно бывает переделать эту цифру на 50—«Н», соскоблив верхнюю черточку и вставив ее посередине между двумя вертикальными мачтами, чтобы сдвинуть дату на 30 лет и сделать рукопись «дониконовской» (7150—҂ЗРН= =1642). Такого рода подделка не представляет особого интереса сама по себе. Ее нужно бывает выявить, но нет нужды ее особо изучать. Совсем другой случай вскрывает Л. А. Дмитриев, изучивший рукопись XVIII в., в которой путем фальсификации заглавного листа подлинное сочинение XVIII в. оказалось приписано дьяку Григорию Котошихину. Здесь были интересны и мотивы и самые обстоятельства, при которых это было сделано.[159] Некоторый интерес представляют подделки части текста в рукописи. Любопытную подделку текста обнаружила В. Ф. Покровская в рукописи БАН под шифром Собрание текущих поступлений № 637. Эта рукопись — автограф известного фальсификатора рукописей А. И. Сулакадзева, в которую заносились им сведения

[158] Подложную запись см. в «Роспевнике» XVII в. (ГПБ, ОЛДП. О. LXVII). Запись эта указывает косвенным образом на время ее написания: между 17 и 31 августа 6754 (1246) г. См.: Х. Лопарев. Описание рукописей ОЛДП, т. III. СПб., 1899, с. 74. — Ср. подложную запись в рукописи второй половины XVIII в. «Книга глаголемая страдание и похвала св. праведных . . . Бориса и Глеба. . .» (ГПБ, I, Q, № 30), относящую ее к 6898 (1390) г. Запись: «Написана бысть святая книга сия. . . при деръжаве благороднаго и царьскоименитом и великым князе Василии Дмитриевиче всея Русии и при боголюбивом митолите (*так!* — *Д. Л.*) Фотии в лето шесть тысящь осмьсот девятьдесят осмаго, месяца ноямбрия, рукою многогрешна в калугерех Ионы, по рсклу Истомы нижегородца».

[159] Л. А. Дмитриев. Вновь найденное сочинение об Иване Грозном. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962,

«О воздушном летании в России с 906 лета по Р. Х.». Здесь в выписках из неизвестных записок некоего Боголепова читается следующий текст, цитирующийся иногда для доказательства русского приоритета в области воздухоплавания: [160] «1731 года в Рязани при воеводе подъячий нерехтец Крякутной Фурвин сделал как мячь большой, надул дымом поганым и вонючим. . .». Однако путем фотографических исследований удалось установить, что слово «нерехтец» написано поверх слова «немец», а фамилия «Крякутной» покрывает собой слово «крещеной», что же касается фамилии «Фурвин», то она исправлена из первоначальной — «Фурцель». Сделаны эти поправки, по-видимому, самим Сулакадзевым для создания очередной сенсации.[161]

Интерес также представляют подделки грамот, связанные со стремлением части дворянства в конце XVII в. создать себе более или менее пышное «генеалогическое древо».

Бывают случаи, когда подделка не создает нового текста, а повторяет уже имеющийся: таковы некоторые подделки «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова о полку Игореве», дворянских грамот.[162] Эти подделки имеют серьезное значение, когда оригинал имитации исчез после снятия копии или потерпел какие-либо искажения и порчу.

Наконец, отметим подделки, претендующие быть копиями с полного текста, якобы утраченного. Этот род подделок ставит исследователей в наиболее тяжелые условия, так как частичные несоответствия эпохе легко могут быть отнесены за счет неточности копии, а анализ палеографический не может быть произведен.

Как же, однако, обстоит дело с моральной стороной деятельности фальсификаторов? В отношении различных эпох дело обстоит по-разному. Представления об авторской собственности слагались исторически. Они были своеобразны в античности [163] и в средние века. Громадное большинство древнерусских книжников, с нашей точки зрения, оказалось бы плагиаторами и компиляторами чужих произведений. Но, будучи и теми и другими, они не выставляли на вновь создаваемых ими сводах, новых

---

[160] Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г. Сборник документов и материалов. Под редакцией В. А. Попова. — В кн.: Материалы по истории воздухоплавания и авиации в СССР. М., 1956, с. 13—15. — Отголоски этой подделки и в фильме Тарковского «Андрей Рублев».

[161] В. Ф. Покровская. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах). — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 634—636.

[162] См., например, об этом последнем случае в работе Н. С. Чаева: К вопросу о подделках исторических документов в XIX веке. — Изв. АН СССР, 1933, VII серия, ООН, № 6—7, с. 485—502.

[163] См. об этом: Peter Hermann. Wahrheit und Kunst. Geschichtsschreibung und Plagiat im Klassischen Altertum. Leipzig—Berlin, 1911; Eduard Stemplinger. Literatur. Leipzig—Berlin, 1912. — По вопросу о подделках см. также: H. Hagen. Über literarische Fälschungen. Hamburg, 1889; J. A. Farrer. Literary Forgeries. London, 1907.

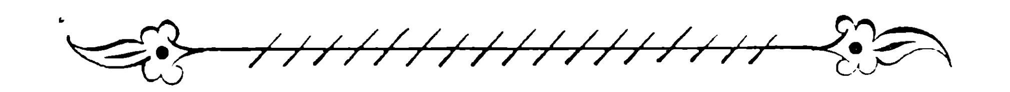
редакциях произведений своих собственных имен, а если и выставляли, то не видели в этом нарушений «авторского права». Это происходило потому, что коллективность творчества, характерная для фольклора, еще не была изжита в Древней Руси. Особенно ярко эта коллективность творчества проявилась в летописании, где каждый летописный свод являлся продолжением и соединением работы многих десятков летописцев. Кроме того, в Древней Руси, как и в античности и на средневековом Востоке, было очень принято подражать какому-либо известному автору и выставлять на этом подражании его имя. В Древней Руси существовало множество подражаний Иоанну Златоусту.

Как известно, Лисию в рукописях приписывается 425 речей, из которых исследователями признаются подлинными менее 200. Почти такое же положение существует с сочинениями Омара Хайяма.[164] Ясно, что в эпоху, когда представления о личном характере творчества не успели в достаточной мере сложиться, вопрос о моральной стороне подделок должен подниматься в строго историческом аспекте. Не может этот вопрос стоять и тогда, когда подделка ставит себе художественные задачи мистификации (Д. Макферсона, П. Мериме и пр.).

В наше время, когда представления об историческом источнике, о научной ценности исторических источников и о литературной собственности стоят на достаточно высоком уровне, фальсификация памятников не может иметь каких-либо исторических оправданий. Объективно она приносит очень большой вред. Всякого рода фальсификации исторических источников должны поэтому стать предметом пристального общественного внимания.

---

[164] Р. М. Алиев, М. Н. Османов. Омар Хайям. М., 1959, с. 4—10.

Глава VIII

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА ЛЕТОПИСЕЙ

Изучение текста летописей представляет много своеобразного, связанного с тем, что летописи составлялись не так, как другие литературные и исторические произведения Древней Руси. Летописи велики по объему, они развивались одна из другой, непрерывно, путем переработок и составления сводов предшествующего материала. Близки к летописям (но не во всем) по характеру своего текста хронографы, степенные книги, различного рода палеи, Еллинский и Римский летописец. Поэтому отдельные принципы текстологического изучения летописания могут быть применены и к этим близким летописанию по своему характеру произведениям.

Текстологическое изучение летописей очень сложно, и вместе с тем в нем имеются крупные достижения. Наука о русском летописании насчитывает около 200 лет своего существования. Изучением текста летописей занимались Н. И. Костомаров, И. И. Срезневский, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, М. Д. Приселков, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов. Им продолжают заниматься Б. А. Рыбаков, Я. С. Лурье, Г. М. Прохоров, Б. М. Клосс и другие крупные специалисты. На изучении текста летописей оттачивались многие передовые принципы текстологических исследований, которые затем с успехом стали применяться и по отношению к другому материалу.[1]

В настоящей книге уже приводились многие примеры из изучения текста летописей, поскольку текстология летописания выработала основные принципы современной текстологии вообще. В данной главе мы остановимся по преимуществу на специфических чертах изучения текста летописей.

---

[1] См. об этом в рецензии Д. С. Лихачева на книгу Л. В. Черепнина Феодальные архивы XIV—XV вв., т. I и II (Изв. АН СССР, ОИФ, 1952, т. IX, № 3, с. 300—304).

РАБОТА ЛЕТОПИСЦА

Методика текстологических исследований, как мы уже видели, в значительной степени зависит от того, как работал древнерусский книжник. Особенности текстологического изучения летописей также в известной мере зависят от того, как работал древнерусский летописец.

В литературе о древнерусском летописании было много споров о том, как велись летописи. Одни из исследователей видели в составителях летописей нехитрых, немудрствующих и объективных излагателей фактов. Другие, как А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, предполагали на основании текстологических данных, что летописцы были весьма осведомленными источниковедами, соединявшими различный материал предшествующих летописей под углом зрения определенных политико-исторических концепций. Безусловно правы последние. Именно их представления позволили распутать сложный состав летописных сводов и построить общую схему истории русского летописания. Приложение этих взглядов к текстологии летописания оказалось практически плодотворным.

Обратимся к заявлениям и высказываниям самих летописцев и детально ознакомимся с их работой.

Прежде всего отметим, что характер текста летописей во многом определялся их острой политической направленностью.

Летопись была самым тесным образом связана и с классовой и внутриклассовой борьбой своего времени, с борьбой между собой отдельных феодальных центров. В 1241 г. галицкий князь Даниил приказал своему печатнику Кириллу «исписати грабительство нечестивых бояр», и этот отчет Кирилла составил основную часть княжеской летописи Даниила. В другом случае (1289 г.) князь Мстислав Данилович приказал занести в летопись крамолу жителей Берестья.

То, как смотрел сам летописец на свой труд, показывает следующая характерная запись в сгоревшей Троицкой летописи. Под 1392 г. в ней читались горькие упреки новгородцам за их непокорность великим князьям: «Беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставны. . . кого от князь не прогневаша или кто от князь угоди им? Аще и великий Александр Ярославичь [Невский] не униловил им!» В качестве доказательства летописец ссылается на московскую летопись: «И аще хощеши распытовати, разгни книгу Летописец Великий Русьский — и прочти от Великого Ярослава и до сего князя нынешнего».[2] Действительно, московская летопись полна политическими выпадами против новгородцев, тверичей, суздальцев, рязанцев, так же как

---

[2] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. Изд. Эйнерлинга. Б. м. и г., примеч. 148.

и рязанская, тверская, новгородская, нижегородская летописи — против москвичей. В летописи мы встретим гневные обличения боярства (в галицкой, владимирской, московской), демократических низов (в новгородской), резкую защиту «черных людей» от житьих людей и боярства (в некоторых псковских летописях), антикняжеские выпады самого боярства (в летописи новгородской XII в.), защиту основ великокняжеского «единодержавства» (в летописи тверской середины XV в. и в московской конца XV—XVI в.) и т. д.

О чисто «мирских» — политических задачах, которые ставили перед собой летописцы, говорят и предисловия к летописям. Этих предисловий сохранилось немного, так как во всех случаях позднейших переделок летописей они уничтожались, как не соответствующие новым задачам включивших их летописных компиляций. Но и те предисловия, которые сохранились, достаточно отчетливо говорят о конкретных политических целях, которые ставили себе летописцы.

Составитель «Летописца княжения тферскаго благоверныхъ великых князей тферьскых» (свода тверского князя Бориса Александровича) пишет в предисловии к своему труду, что он выполнил его по повелению «благочестиа дръжателю» князя Бориса Александровича, что труд свой он посвящает прославлению «чести премудраго Михаила, боголюбиваго князя», т. е. Михаила Александровича Тверского. Он намечает границы своего летописания — «от Киева же бо начну даже и до сего богохранимаго Тферскаго града», говорит об источниках своей компиляции («Владимирский полихрон», «Руский гранограф по великому изложению») и точно указывает свои задачи: показать, как «Господь бог възвыси и прослави рог Тверскыя земля», доказать, что и Михаил, и его отец Александр Тверской были «самодерьжцами», «владяху землею Рускою», заимствовав свою власть по прямой наследственной линии от великого Владимира, «иже святым крещением просветивый землю Рускую».[3]

Совсем иной, антикняжеский характер носит предисловие Софийского временника. Его составитель не ставит себе целей восхваления кого бы то ни было. Напротив, летописец собирается поучать своих современников примером древних князей; он делает резкие замечания по поводу князей своих современников, иронизирует над поведением их и их дружины. «Вас молю, стадо Христово: с любовию приклоните ушеса ваша разумно! Како быша древнии князи и мужи их. И како отбараняху Руския земля и иныя страны приимааху под ся: тии бо князи не сбирааху многа имения ни творимых вир, ни продажь въскладааху на люди. Но оже будяше правая вира, а ту взимааше и дружине на оружие дая. А дружина его кормяахуся, воюючи иныя страны, бьющеся:

[3] Тверская летопись. — ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, с. 463—469.

„Братие! Потягнем по своемь князи и по Руской земли". Не жадаху: „Мало мне, княже, 200 гривен!". Не кладяаху на свои жены золытых обручеи, но хожааху жены их в сребре. И росплодили были землю Рускую; за наше несытьство навел бог на ны поганыя и скоти наша и села наша и имения наша за теми суть. А мы злых своих не останем. . .».[4]

Политически-тенденциозный характер летописи может быть продемонстрирован следующим примером: под 6840 (1332) г. в Синодальном списке Новгородской первой летописи читается: «Иван [Калита] приде из Орды и възверже гнев на Новъгород, прося у них сребра Закамьского, и в том взя Торжек и Бежичьскыи верх за новгородскую измену». Однако, как уже упоминалось (см. выше, с. 91), слова «за новгородскую измену» оказываются написанными по выскобленному, а первоначально, как это видно из чтения других списков Новгородской первой летописи, в нем стояли слова: «черес крестное целование».[5] Это означает, что новгородец-летописец обвинял Ивана Калиту в нарушении крестного целования; москвич же летописец, в руках которого в XV в. побывал Синодальный список, обвинил самих новгородцев в измене, выскоблив обвинения Калите. Создатель летописи — будет ли это монах Киево-Печерского монастыря, представитель белого духовенства (как в Новгороде — Герман Воята), посадник (как в Пскове), московский дьяк или, наконец, сам князь — не был отрешенным от жизни человеком. Представления о том, что летописи составлялись по частной инициативе в тиши монастырских келий, давно оставлены.

Внимательное чтение летописи, особенно параллельное чтение нескольких летописей, отчетливо показывает, как сильно был погружен летописец в чисто мирские интересы, как тесно была связана его работа с политической борьбой своего времени. Одно и то же событие вызывало у разных летописцев то восклицания радости, то проявления горя (ср., например, описание смерти Юрия Долгорукого в киевской летописи и во владимирской), гнев или удовлетворенность, иронию или сочувствие. Летописец стремился поставить свою летопись на службу интересов того или иного князя, епископа, монастыря, той или иной феодальной группы, отстаивал свою историческую концепцию.

*

Современное изучение текста летописей исходит из представлений о них как о «сводах» — огромных компиляциях предшест-

---

[4] Софийская первая летопись, вып. 1. — ПСРЛ, т. V. Изд. 2-е. Л., 1925, с. 9.

[5] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 99 и 344.

вующих летописей. Летописец не был творцом всего текста своих летописей.

Обычно летописи начинались рассказом о начале Руси или начале мировой истории. Этот рассказ составлялся летописцем на основании уже имевшихся у него письменных материалов. Материалов могло быть в его распоряжении много или мало. Это могла быть даже просто одна летопись, которую он, переписав, дополнял сведениями за последние годы. Если летописец был простым переписчиком, то этим отнюдь не отменялся сводный характер его летописи, ибо переписываемый им текст был все же сводом предшествующего материала: почти всякий летописный текст, создаваясь, компилировал предшествующий материал. Источники летописных известий очень часто указываются самими летописцами. Так, в Псковской летописи в Румянцевском списке (ГБЛ, Муз. собр., № 249) и в Вахрамеевском (ГИМ, собр. Вахрамеева № 499) под 6360 г. после слов «начатся прозывати Российская (в Типографской летописи: Руская, — *Д. Л.*) земля», добавлено следующее: «и ходиша славяне из Новагорода, кн[я]зь именем Бравлин воевати на Греки и повоеваша Греческую землю: от Херсона и до Корчева и до Сурожа около Ц[а]ряграда». На полях против этого текста киноварью написано: «О сем писано в чудех Стефана Сурожскаго», т. е. в Житии Стефана Сурожского, откуда сведения об этом походе и взяты.[6] В Синодальном списке Псковской летописи (рукописный сборник Синодального собрания № 154, ГИМ) имеются ссылки на «Русский летописец». Вот что пишет по этому поводу А. Н. Насонов: «Рассказывая о походе Ивана Васильевича на Новгород (под 6979 г.), летописец (Синодальный список) говорит: „О сем аще хощеши уведати, прошед Руский летописец вся си обрящеши. Мы же о нем же начахом, сиа и скажем от велика некая мала“ (ПСРЛ, т. V). Об этом „летописце“ читаем в известии под 6860 г.: „Бысть мор зол в Пскове, и по селом и по всей волости, хракотный; о сем пространне обрящеши написано в Руском летописци“ (там же); подробный рассказ о море читаем в Новгородской четвертой летописи и аналогичный — в Строевском, Архивском 2 и Архивском 1 списках. Из сказанного автором видно, что он сокращенно передавал свой источник — „Русский летописец“».[7]

Ссылка на «старые летописци», которыми пользовался летописец, имеется и в летописи Авраамки.[8]

В Тверском сборнике под 1276 г. летописец пишет: «по то же лето князя летописец».[9] На свой источник ссылается летописец

[6] Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.—Л., 1941, с. LIX.
[7] Там же, с. XLV—XLVI.
[8] ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, стб. 173 (под 1491 г.).
[9] ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 405.

и в предисловии к своду Бориса Александровича Тверского: «Дозде пишущу уставихом ис прьваго летописца въображающе, якоже Володимерский полихрон степенем приведе яве указует, и пречестнейша сего в князех являет. . .».[10]

В Новгородской пятой летописи при статье 1405 г. на поле сказано: «А се с другого старого», т. е. «а это списано с другого, старого летописца».[11]

В Софийской первой летописи начиная с 1077 по 1090 г. читаются отметки на полях: «А писано в Киевском»; «Ищи в Киевском» и пр.[12]

Источники летописи могли быть не только письменные, но и устные. Интересный пример выявления устных источников летописного текста дает исследование А. Н. Насоновым Синодального списка Псковской летописи: «Рассказывая под 6994 г. о столкновении московского князя с тверским, составитель Синодального списка замечает: „Токмо нечто мало слышах от етера мужа" и т. д. (ср. выражение в Синодальном списке под 6988 г.: „Яви бо ся тогда етеру мужю благоверный князь Домонт" — ПСРЛ, т. V). Составитель, таким образом, указывает на устные показания, как на один из своих источников. Что в данном случае говорит именно составитель Синодального списка, можно полагать на следующем основании: фраза (после слов о том, что Иван Васильевич разгневался на тверского князя) читается так: „а не вемы про что, то бог ведает и они сами в себе; токмо. . ." и т. д.; выражение „а не вемы про что" — весьма характерно для текста Синодального списка последних лет: так, в тексте предыдущего (6993) года, после известия о походе на турок, мы читаем: „и не вемы, что будет по сих"; после известия о нападении турок: „и не вемы, что срящеть ны по сих"; под 6992 г. в рассказе об обретении новгородцами иконы на Волхове: „откуду бе не вемы"; под 6991 г. в известии о том, что послы великого князя ездили в Кесь: „не вемы о чем"; под 6990 г. в известии о том, что в Псков приехали послы от местера (магистра Ливонского ордена, — *Д. Л.*) и поехали к великому князю: „не вемы чего деля" (кроме того, под 6993 г. читаем: „буди же и се ведомо, яко сие лето в Псковской земли многым христианом бысть велми притужно о хлебе"; ср. под 6937 г.: „се же буди ведомо, яко сий князь Александр уже третиее приеха в Псков князем"). Итак, мы имеем основание полагать, что сам составитель Синодального списка говорит о своем особом источнике: устных показаниях. Именно тем, что автор пользовался таким источником, мы объясняем живость рассказа в Синодальном списке, например, под 6987 г. в рассказе о походе на Псков, или под 6989 г. в повествовании о князьях Борисе и Андрее

[10] ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 465.

[11] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, примеч. а. Ср.: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 199.

[12] ПСРЛ, т. V. Л., 1925, с. 147—149.

(об отказе их идти на немцев, об их бесчинствах в Псковской области и т. п.) и о самом походе на немцев, передающем настроение современника-псковича (ср. последние слова: „яко же неции рекоша и Псков стал не бывало тако“)».[13]

Понятие летописного свода было выработано в науке еще в XIX в. — в работах П. М. Строева и К. Н. Бестужева-Рюмина. Однако П. М. Строев и К. Н. Бестужев-Рюмин представляли себе летописные своды как механическое соединение разнообразного материала. А. А. Шахматов же открыл в русских летописях сознательную волю их составителей, стремившихся вложить в составляемые ими своды определенную историко-политическую концепцию — концепцию того или иного феодального центра.

Вместе с тем А. А. Шахматов указал на бережное отношение летописцев к текстам своих предшественников. А. А. Шахматов считался с тем, что переработка предшествующего летописного материала могла быть допущена составителем летописного свода лишь по очень веским основаниям, максимально сохраняла предшествующий текст и носила строго определенные формы, ограничиваясь выработанными приемами сокращений, дополнений из других источников или некоторыми, редкими поновлениями языка и стиля. Комбинируя известия предшествующих сводов, летописец стремился сохранить их архаический вид, как бы угадывал их документальный характер. Ни произвольного искажения текста, ни фантастических добавлений и необоснованных утверждений летописцы, работавшие до XVI в.,[14] как правило, не допускали. Отсюда сравнительно поздние летописи обильно сохраняют в неизменном виде известия XI—XIII вв. Однако при этом они обрабатывали предшествующий материал так, чтобы придать ему характер, подтверждающий их политическую концепцию: путем отбора нужного материала, комбинирования источников, самого привлечения нужных источников и иногда только путем осторожного изменения текста.

Самое составление летописного свода бывало приурочено к каким-либо значительным официальным событиям в жизни феодальных центров: вступлению на стол нового князя, основанию собора, учреждению епископской кафедры и т. д. Таким образом, работа летописцев в известной мере носила закономерный, единообразный характер. Летописи были внутренне цельными, политически заостренными произведениями.

Такое представление о летописи как о бережной, политически продуманной компиляции предшествующего летописного материала открывало перед исследователем широкие возможности восстановления лежащих в основе летописных списков древней-

[13] Псковские летописи, вып. 1, с. XLVI.

[14] Характер работы летописцев в XVI в. несколько меняется.

ших сводов, а их приуроченность к знаменательным событиям политической жизни облегчала их датировку. Непрерывность летописной традиции и ее «закономерность» позволили исследователям летописания анализировать работу летописца, вскрывать в ней труд его предшественников, снимать в летописных сводах слой за слоем, подобно тому как поступают археологи в своих исследованиях. Терпеливо распутывая в списках XV—XVI вв. легшие в их основу комбинации предшествующих сводов и анализируя их взаимоотношения, А. А. Шахматову, а затем М. Д. Приселкову, А. Н. Насонову и другим удалось шаг за шагом восстановить всю огромную многовековую историю русского летописания — вплоть до древнейших текстов первой половины XI в. Перед филологической наукой неожиданно открывались, таким образом, возможности восстановления утраченных памятников литературы. Открытие этих возможностей имело исключительное значение. Опыты восстановления древнейших памятников летописания явились одними из высших достижений русской филологической науки. При этом лучшим и наглядным подтверждением правильности исследовательских приемов А. А. Шахматова по изучению состава исчезнувших памятников явились открытия им новых списков летописей, полностью оправдавших своим составом многие из его положений.[15]

*

Характер сводов имеют не только русские летописи, хотя в летописи эта черта выражена наиболее ярко и должна больше всего учитываться текстологами.

---

[15] Насколько точными были выводы Шахматова в отношении позднего летописания, может быть показано на следующем примере. Изучая сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел № 20—25, в начале которого находится летопись, названная Карамзиным Ростовскою, Шахматов нашел, что она представляет собою слияние Новгородского свода, составленного в 1539 г., и Московского, составленного в 1479 г. (см.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904). Позднейшие открытия полностью подтвердили этот вывод Шахматова. Шахматову удалось найти впоследствии рукописи, отдельно отразившие и этот Новгородский свод 1539 г. и Московский свод 1479 г. Новгородский свод 1539 г. был обнаружен Шахматовым в рукописи имп. Публичной библиотеки (ГПБ, F IV. 238), Московский же свод 1479 г. Шахматов нашел позднее в так называемом Эрмитажном списке № 416-б той же библиотеки. Впоследствии М. Н. Тихомиров нашел еще один список свода 1479 г. (ГИМ, Уваровская № 1366). Вряд ли можно привести более яркий пример, когда бы указания ученого-филолога оправдывались с такой точностью непосредственным открытием предполагаемых рукописей. В этом отношении открытие Новгородского свода 1539 г. и Московского свода 1479 г. напоминает известный случай с открытием Леверье планеты Нептун: вначале существование этой планеты было доказано математическими вычислениями, и только затем Нептун был открыт непосредственным, визуальным наблюдением.

Характер «сводов» имеют русские хронографы (Еллинские летописцы всех видов, русские хронографы всех редакций), патерики, исторические повести о Смуте и т. д.

Пополнение основного текста местными материалами происходило постоянно, если только к этому по самому характеру памятника, по особенностям его жанра была возможность. Из жанров такого рода отметим, например, Пролог. Пролог — это сборник, составленный из различных статей о святых, расположенных по дням года. Это расположение материала легко позволяло пополнять его новыми материалами без ломки всей структуры памятника. При чтении о чужих святых естественно возникала мысль пополнить его сведениями о святых своих — местных, иногда только местно почитаемых. Читатели делали дополнения на полях, а эти дополнения в последующей переписке вносились в текст. Вносились в текст и отдельно существовавшие произведения о местных святых. Так, в псковских списках Пролога обычно бывает вписано житие псковского святого — князя Довмонта-Тимофея. Такое пополнение известий составляет очень типичное явление, как мы видели выше, и для летописи.

В «своды» группируются многие из русских повестей (например, сказания об иконе Николы Заразского, литературная история которых во многом напоминает историю летописных сводов).

Отличие, однако, летописных сводов от всех прочих заключается в том, во-первых, что сводный характер в летописях выражен гораздо резче, чем в других литературных жанрах Древней Руси, а во-вторых, в том, что летописные своды не просто соединяют различные произведения, а соединяют под каждой годовой статьей отдельно. Текст летописи входит в текст другой летописи «гребенкой»: каждая годовая статья представляет собой маленькую самостоятельную компиляцию и очень часто сходна по своей структуре с другими смежными годовыми статьями.

Открытие сводного, компилятивного характера русских летописей, сделанное П. М. Строевым (предисловие к «Софийскому временнику», 1820 г.), стало одним из незыблемых основ науки о летописании. Без учета этой особенности русских летописей невозможно их научное изучение.

*

Весьма существен для текстологических исследований вопрос о том, кто были по своему положению в обществе летописцы. Прежде всего отметим, что церковь и церковные деятели в Древней Руси стояли в самом центре политики. Поэтому сама по себе принадлежность летописца к церковным служителям (в тех случаях, когда она имела место) еще не свидетельствовала о том, что перед нами отрешенный от жизни человек. Вместе с тем ши-

роко распространенные представления о том, что летописцы были исключительно монахами, в корне неверны, ведут к неправильному представлению о летописании. В настоящее время не может представить сомнений весьма разнородный социальный состав летописцев, среди которых были рядовые монахи, игумены и епископы, представители белого духовенства и князья, дьяки великих князей московских и псковские посадники, послы, бояре и монастырские библиотекари.

Попробуем бегло перечислить известных нам по имени летописцев.

Летописцем был крупный политический деятель игумен Киево-Печерского монастыря Никон, изгнанный князем Изяславом в Тмуторокань.

Под 1097 г. в «Повести временных лет» нам известен Василий, описавший драматическое ослепление Василька Теребовольского. Его почему-то считают «попом», но данных к этому нет никаких. Известно только, что он выполнял дипломатические поручения.

Как летописец в известной мере может рассматриваться князь Владимир Мономах, оставивший нам краткие летописные сведения о своих походах («путях») и охотах («ловах»). К летописанию же был причастен его сын — новгородский князь Мстислав Владимирович.[16]

Под 1116 г. в Лаврентьевском списке «Повести временных лет» сделал о себе запись летописец — игумен Выдубецкого монастыря Сильвестр.

Под 1144 г. в Синодальном списке Новгородской летописи отметил свое поставление в попы церкви Якова летописец Герман Воята. Он не был монахом, а был белым попом. Об этом Германе Вояте известно, что он выполнял дипломатические поручения новгородского епископа Нифонта. Продолжал летопись Германа Вояты пономарь той же церкви Тимофей.

В середине XII в. имел отношение к новгородскому летописанию Кирик-доместик (т. е. «уставщик» — регент церковного хора и библиотекарь) Антониева монастыря, автор ученого сочинения по хронологии — «Учение им же ведати числа всех лет».[17]

В Ипатьевской летописи отразилось летописание киевского боярина Петра Бориславича.[18]

В первой половине XIII в. летопись князя Даниила Романовича Галицкого составлял его «печатник» (хранитель печати —

[16] См.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 43—44; Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, с. 177—179.

[17] См.: Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. — Исторические записки, № 25. М., 1948, с. 259—260.

[18] См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи, с. 234—241; Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 277—392.

«канцлер») Кирилл. Этому Кириллу Даниил Галицкий поручил «исписать грабительства бояр», и отчет, как мы уже указывали, этот помещен в летописи Даниила.[19]

Имела отношение к летописанию ростовская княгиня Мария Михайловна — вдова князя Василька Константиновича.[20] Возможно, что она была не только заказчицей летописного свода, но и сама вписала в него многие строки.

Рядовым монахом был, по-видимому, Лаврентий, по имени которого названа Лаврентьевская летопись. Сам о себе он пишет, что он молод. О своей молодости пишет и летописец Авраамка.[21]

В XV в. в Новгороде в составлении летописи принимал участие уставщик Матвей Михайлов, сделавший о себе и о своей семье ряд записей в летописи.[22]

Доказано участие в псковском летописании посадников.[23]

В конце XV в. известны как летописцы московские дьяки — люди также вполне светские и крупные политики. В своем походе на Новгород Иван III брал с собой летописца — дьяка Стефана Бородатого.[24] После смерти Афанасия Никитина рукопись его «Хожения за три моря» его товарищи купцы спешат доставить в Москву московскому дьяку Василию Мамыреву для включения в летопись.

В числе летописцев мы можем предполагать митрополита Даниила,[25] ростовского епископа Вассиана Рыло[26] и мн. др.

Таким образом, социальный состав летописцев весьма разнообразен, но при всем разнообразии его в нем преобладают лица, занимавшие высокое общественное положение и принимавшие активное участие в политической жизни страны. Особенно важно отметить большое число лиц, выполнявших дипломатические поручения. Это, очевидно, не случайно, если принять во внимание, что летописями пользовались при дипломатических переговорах.[27] Впоследствии, в XVI—XVII вв., ведение летописания даже официально было передано в Посольский приказ.[28]

---

[19] См.: Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. — Исторические записки, № 12. М., 1941, с. 245—246; Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 49—53.

[20] См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи, с. 282—285.

[21] ПСРЛ, т. XVI, с. 320 («понеже убо млад есмь»).

[22] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов, с. 155—156.

[23] А. Н. Насонов. О русском областном летописании. — Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1945, т. II, № 4, с. 292.

[24] Софийские летописи. — ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 192 (под 1471 г.).

[25] Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, главы 3 и 4.

[26] Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 158—159.

[27] См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи, с. 354 и сл.

[28] См.: Л. В. Черепнин. «Смута» в историографии XVII века. — Исторические записки, № 14. М., 1945, с. 91 и сл.; С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903, с. 55—84 и др.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ: ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД, ЛЕТОПИСЬ, ЛЕТОПИСЕЦ, РЕДАКЦИЯ ЛЕТОПИСИ

Терминология изучения истории летописания крайне неустойчива. Ни одно из понятий — свод, летопись, летописец, редакция летописи — не имеет строгого определения и различными учеными понимается иногда по-различному. Между тем нужда в точной научной терминологии в науке о летописании очень велика.

Неточность терминологии во многом зависит от самого характера явлений. Прежде всего обратим внимание на следующее. Летописи, как мы уже видели, представляют собой соединения и дополнения предшествующего материала. Каждый русский летописный памятник вырастает из соединения и переработки предшествующих памятников. От этого границы отдельных памятников в истории летописания лишены четкости. Мы можем говорить о памятнике в составе более крупного памятника, но при такого рода соединениях памятники перерабатываются летописцами. В связи с этим встает вопрос: какова же степень переработки предшествующего памятника, при которой мы уже не имеем права говорить о памятнике как о таковом. Возьмем простейший пример. В Ипатьевской летописи, в Лаврентьевской и Радзивиловской читается «Повесть временных лет». Во всех трех памятниках, несмотря на переработки, «Повесть временных лет» не утрачивает своей специфики как самостоятельного памятника. Однако в некоторых других летописях «Повесть временных лет» отразилась с такими сокращениями и переделками, что говорить о наличии в них «Повести временных лет» уже нельзя (ср., например, в Рогожском летописце, в Летописи Авраамки, в Летописце епископа Павла и др.). При какой степени переработки памятник перестает быть памятником? Если бы мы даже и решили этот вопрос для «Повести временных лет», введя какие-то условные правила определения памятника, — мы не могли бы легко решить этот вопрос для других, более сложных случаев.

Приведем пример такого более сложного случая. Перед нами летописный свод строго определенного состава. Этот летописный свод представлен, однако, в нескольких списках, где он имеет различные продолжения. Должны ли мы тексты этих списков считать новыми, если сам свод подвергся не переработкам, а только дополнениям? Можем ли мы перешедший из предшествующего памятника текст рассматривать отдельно от дополнений? Если же и самый предшествующий свод подвергся в новом тексте переработке, то какова степень этой переработки, в сочетании с дополнением, которая должна заставить нас считать, что перед нами новый памятник? Ясно, что и в этом случае вряд ли возможно ввести какие-то определенные правила.

Практически чрезвычайно трудно определить различие между понятиями нового летописного памятника и редакцией летопис-

ного памятника. В самом деле, если новый летописный памятник возник на основе одного предшествующего текста, — он может в известной мере считаться новой редакцией этого предшествующего текста. Принципиальной разницы между новой редакцией летописного памятника и новым летописным памятником, возникшим на основе старого, в этом случае не будет: окажется только трудно уловимое количественное различие. Если же новый текст возник на основе не одного, а нескольких предшествующих, то перед нами безусловно будет новый памятник. Выходит, что в истории летописания для определения того, что перед нами новый памятник, а не новая редакция известного ранее, необходимо считаться с двумя явлениями истории текста: новый летописный памятник должен либо в очень сильной степени (в более сильной, чем другие литературные жанры) переработать текст предшествующего памятника, либо он должен представлять собой соединение и переработку нескольких предшествующих летописных произведений.

Что же такое летопись — в отличие от летописного свода и редакции летописного свода?

Мы видели уже, что установить различие между новым летописным памятником и редакцией практически очень трудно. На помощь приходит понятие «летопись». Летописью принято называть реально дошедший до нас летописный текст — в одном списке или в нескольких сходных. Этот реально дошедший до нас текст может быть в своей основе летописным сводом или редакцией летописного свода. По отношению к летописи свод более или менее гипотетический памятник, т. е. памятник предполагаемый, лежащий в основе его списков или других предполагаемых же сводов. Поскольку в изданиях текстов принято издавать только реально дошедшие тексты, — и в изданиях летописных текстов до последнего времени было принято издавать именно летописи, а не лежащие в их основе своды.

Наряду с понятием редакции летописного свода, есть и понятие редакции летописи; это не одно и то же. Реально дошедший до нас в летописях текст разбивается на тексты отдельных списков. Если эти различия имеют принципиальную основу (см. выше, в главе III, о понятии редакции), то можно, конечно, говорить о редакции летописи. Это понятие редакции летописи отличается от понятия редакции летописного свода тем, что последняя сама может представлять собой летопись. Возникает, таким образом, возможность существования редакции редакции. Такая возможность вполне реальна, и объясняется она крайней неустойчивостью и «текучестью» летописных текстов, допускающих постепенные переходы от текста к тексту без видимых градаций памятников и редакций. Приходится поэтому считаться не только с неточностью терминологии и с ее условностью, но и с реальным отсутствием четких границ и сложностью истории летописных текстов.

Иногда термин «летопись» употребляется для выражения понятия летописания той или иной области в целом. Так, А. А. Шахматов и М. Д. Приселков постоянно говорят о ростовской летописи, о владимирской летописи, о галицко-волынской, черниговской, московской, рязанской и т. д. в том же смысле, как о летописании Переяславля Южного или Переяславля Суздальского, летописании Москвы или летописании Пскова. Понятие «летопись» в этом отношении шире понятия летописного свода, оно охватывает все своды и все летописи того или иного летописного центра. Так, в ростовской летописи различаются своды ростовских архиепископов Ефрема, Трифона, Тихона, Вассиана и др. В летописи владимирской различаются своды 1185 г., 1192 г., 1212 г.

Вполне условно и различие между понятием «летопись» и «летописец». Правда, это различие менее принципиально для истории летописания, но все же следовало бы остановиться и на нем.

По большей части (но далеко не всегда) летописцем называют небольшой по объему памятник. Однако представление о величине памятника очень неопределенно и субъективно. Поэтому есть летописные памятники, которые называют то летописцем, то летописью: Рогожский летописец (Рогожская летопись) и Летописец епископа Павла (Летопись епископа Павла). Оба эти «летописца» в той или иной степени охватывают всю русскую историю и не имеют узкой местной, родовой или хронологически ограниченной темы. Их относительно скромные размеры сами по себе не дают все же основания называть их «летописцами». Серьезнее другой признак, который частично кладется в основу различения «летописцев» и «летописей»: летопись охватывает своим изложением более или менее всю русскую историю от ее начала и до каких-то пределов, приближающихся ко времени ее составления; летописец же обычно посвящен какой-то части русской истории: истории княжества, монастыря, города, тому или иному княжескому роду: Китежский летописец,[29] Летописец Рюрика Ростиславича,[30] Летописец великих князей литовских [31] и др.

Другие понятия истории летописания — список (или текст списка), извод, протограф — не представляют существенных отличий от тех же понятий, употребляемых в других областях текстологии (см. выше, главу III). Напомню только, что понятие «архетип» практически к истории летописания не применимо, поскольку, как мы уже указывали (с. 358 и сл.), в истории летописания новые тексты постоянно создаются из с о е д и н е н и я нескольких предшествующих.

Итак, в изучении летописания употребление терминов крайне неопределенно. Эта неопределенность пока еще не только не осла-

---

29 См.: В. Л. К о м а р о в и ч. «Китежская легенда». Л., 1936.

30 См.: А. А. Ш а х м а т о в. Обозрение русских летописных сводов, с. 70—71.

31 См.: там же, с. 329 и сл.

бевает, но растет. Предстоит ее внимательное изучение в классических работах по истории летописания (в первую очередь в работах А. А. Шахматова по позднему летописанию), чтобы на основе этого изучения в известной мере стабилизировать терминологию.[32]

Ввиду такой неопределенности и неясности терминологии, в значительной степени объяснимой сложностью самих явлений, с которыми приходится иметь дело историку летописания, последний должен не только называть памятник, но в известной мере и определять его. Без выяснения состава и истории создания памятника нельзя установить, чтó он собой представляет как памятник.

Данное положение особенно важно при издании памятников летописания. Если издается не традиционно известный памятник (Лаврентьевская, Ипатьевская, Симеоновская, Ермолинская летописи и пр.), а памятник, впервые вводимый в научный обиход, мы обязаны точно определить его место в истории летописания и его отношение к другим летописным памятникам.

Выяснить отношение вновь вводимого в научный оборот летописного памятника к другим летописным памятникам не значит формально определить — в чем он сходствует и в чем он различествует с ними. Этого крайне недостаточно. Необходимо выяснить положение памятника в истории летописания: соединением и развитием каких памятников он является. Дело в том, что сходство и различия в составе памятников могут объясняться различными причинами (различной может быть общность происхождения и непосредственная зависимость) и сами по себе не давать точного представления о памятнике — особенно о его историко-политических тенденциях, без чего невозможно определить, что за памятник перед нами и насколько он самостоятелен.

Начинающие текстологи часто с самого начала отказываются от изучения истории текста и от обобщений там, где они совершенно необходимы, или в процессе изучения капитулируют перед трудностями. Так, например, очень часто текстологи опасаются объявить о новом произведении, созданном на основании предшествующих, и предпочитают говорить о новой редакции или отказываются увидеть редакцию там, где есть все ее признаки, и заявляют лишь о группе списков. В изучении истории летописания эта боязнь выводов и изучения принимает иногда и обратные формы: вместо того, чтобы подробно исследовать отношения нового списка летописи к предшествующим и установить, в каких случаях мы имеем простое продолжение уже известной летописи, в каких — ее новую редакцию и т. д., текстологи, заметив, что перед ними

[32] Всякое устранение неясности терминологии должно основываться на установлении самой этой неясности. Невозможно условиться об употреблении терминов, не выяснив прежде всего всех оттенков их употребления в прошлом и настоящем (это касается не только текстологической терминологии, но и терминологии филологической в целом).

в каких-то частях новый текст, прямо и без долгих размышлений называют этот список новой летописью или даже новым сводом. Это происходит потому, что исследователю легче иногда бывает объявить изучаемый им список летописи, частично содержащий новый текст, новой летописью или новым сводом, освободив себя этим от его дальнейшего изучения, чем определить его отношение к уже известным текстам.

Чрезмерная «осторожность» проявляется иногда и в названии этой вновь открытой летописи: ее называют по последним встречающимся в ней датам «сводом такого-то года». В результате конец XV и начало XVI в. «забиты» в истории летописания огромным количеством сводов с датами, и эти даты начинают уже повторяться, создавая путаницу (так, например, в научный обиход за последнее время введено два различных свода — оба называемые сводом 1518 г. и два различных свода 1484 г.).

Трудности, возникающие в связи с крайней неустойчивостью летописных текстов, могут быть избегнуты или в значительной степени ослаблены, если мы условимся о следующем.

Первое. Полной самостоятельности нет ни у одного из дошедших до нас памятников летописания. Всякий издаваемый памятник летописания представляет собой свод уже известных материалов с добавлением новых и переработкой старого материала на основе некоторой историко-политической точки зрения. Поэтому нельзя издавать летописные памятники, не определив историю их текста в пределах, какие позволяет доступный материал. Выводы по истории текста издаваемого памятника позволят судить о том, в какой степени издаваемый памятник самостоятелен и, главное, в чем он самостоятелен. История текста памятника, выясняемая в доступных пределах, в известной мере служит определением того, чтó собственно издается, и компенсирует неудобства, создающиеся крайней неустойчивостью летописных текстов. Если история текста летописного памятника не выяснена, мы не можем судить о том, что он собой представляет: свод, свод с продолжением, редакцию свода, летопись, текст одного из списков и пр. Совершенно неясными остаются в этих случаях и принципы подведения разночтений (отбор списков для подведения разночтений и отбор самых разночтений).

Второе. Ввиду трудности изучения истории текста издаваемого памятника летописания и сложностей его издания как памятника осторожнее издавать не этот памятник сам по себе, не свод, а лишь дошедший до нас его текст в реальных списках. Мы видели выше, что летописный свод — это то по большей части гипотетически определяемое летописное произведение, которое дошло до нас в более или менее сильно измененных и продолженных списках, которые удобнее всего называть летописями или, если списки близки друг к другу, — летописью.

Ни редакторы первого издания «Полного собрания русских

летописей», ни сам А. А. Шахматов, уточнивший и разработавший понятие летописного свода, «сводов» не издавали. Они издавали летописи — реально дошедшие до нас летописные тексты.

Эти летописные тексты назывались чисто условно (по имени одного из владельцев основного списка, по названию хранилища или собрания, по имени их первого исследователя и т. д.), позволяя сохранять традиционные названия даже при изменении выводов относительно истории их текста.

В свое время М. Д. Приселков предложил переименовать все русские летописи при их новом издании, связав их новые названия с историей русского летописания.[33] Однако такое переименование можно было бы считать относительно целесообразным только в том случае, если бы изучение истории летописания могло бы считаться полностью законченным и открытие новых летописей исключенным. Но даже и при этих немыслимых условиях отрыв от традиционных названий был бы неудобен при использовании исследовательской литературы о летописании, относящейся ко времени до переименования летописей. Так или иначе летописи должны были бы сохранять при новом своем названии и название старое. Укажу, что переименование летописей в прошлом приводило к плачевным результатам. Кто, например, из исследователей не знает те недоразумения, которые создались оттого, что Н. М. Карамзину Лаврентьевская летопись была знакома под названием Пушкинской. Неудачное название «Суздальская летопись» было дано лингвистами (в частности Е. Ф. Карским, издавшим Лаврентьевскую летопись в ПСРЛ), хотя Лаврентьевский список 1377 г. воспроизводит текст Тверского свода 1305 г. и лишь был переписан для Суздальского и Нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича, а Радзивиловская летопись и Московско-Академический список, по которым подводятся разночтения к Лаврентьевской (что текстологически совершенно не обосновано!), также не могут быть отнесены к суздальскому летописанию.

Одна из самых первоочередных задач изучения истории летописания — стабилизация терминологии. Другая задача — выработка принципов названия новых летописей. Третья задача — создание «систематики» летописных текстов, подобной тем, которые существуют в зоологии и ботанике, и создание «Определителя летописных текстов».

О самом плане издания летописных текстов в данной книге мы не говорим. Это вопрос не столько теории текстологии, сколько ее практики, к тому же он очень сложен и требует совместных решений всех специалистов по истории летописания.

---

[33] С. Н. Валк в своей книге «Советская археография» (Л., 1948) приводит данные из этой записки (с. 139—141). На точке зрения необходимости сохранения традиционных названий летописей стоит М. Н. Тихомиров (Русские летописи, вопросы их издания и изучения. — Вестн. АН СССР, 1960, № 8, с. 69—73).

ОСОБЕННОСТИ СЛИЧЕНИЯ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ

Основу текстологической работы над летописями, как и над другими видами памятников, составляет сличение текстов. Однако в самом характере работы текстолога по сличению летописных текстов есть отличие от работы по сличению текстов памятников другого рода.

При сличении летописных текстов главное значение имеют не разночтения в узком смысле этого слова (разночтения в отдельных словах, их формах и пр.), а самый состав текста летописных статей.

Сличая летописные тексты, исследователь следит в первую очередь за содержанием летописей, за их политическими тенденциями, за тем, какие статьи имеются в летописных текстах, каких нет и как расположен в них летописный материал, как располагается летописный материал во всей летописи в целом. Только во вторую очередь, уже после того как сличение по составу произведено, исследователь выявляет и анализирует отдельные разночтения. По большей части (но далеко не всегда) отдельные разночтения в словах выявляются уже после того, как установлен памятник и его редакция. Выявление разночтений производится по преимуществу между списками одной редакции или более широко, если сличение статей по содержанию не привело исследователя к определенным результатам. Наконец, выявление словарных разночтений производится для проверки выводов, достигнутых при сличении текстов по составу.

Объясняется такой метод работы над летописными текстами в основном двумя причинами.

Первая причина состоит в том, что летописные тексты очень велики по объему и списков летописей много. Установление с самого начала всех словарных разночтений отняло бы много труда, а анализ результатов был бы крайне труден.

Вторая причина более сложная. Анализ отдельных разночтений в летописных текстах не всегда может сразу привести исследователя к каким-то определенным выводам о взаимоотношении текстов по той причине, что одинаковые отдельные чтения могли получиться в совершенно различных летописях в результате сложной взаимосвязанности летописных текстов. Общее чтение могло создаться, в частности, через очень отдаленное генеалогическое родство и совершенно не свидетельствовать о том, что перед нами в различных списках единое произведение или единая редакция.

Даже простое определение летописи представляет большие трудности для исследователя. Какая перед исследователем летопись? Самостоятельный ли это летописный свод или одна из редакций, а может быть, механическое соединение нескольких летописей, выполненное без особого плана из случайно оказав-

шихся под рукой у летописца летописных материалов? Очень трудно, особенно для начинающего исследователя, мало имевшего перед тем дела с летописями, определить в новом списке даже хорошо известный в науке летописный текст, так как многие летописи близки по тексту в отдельных своих частях вследствие того, что они использовали одни и те же источники. Кроме того, один и тот же свод может иногда начинаться по-разному в разных списках и так же точно по-разному заканчиваться. Иногда летопись может быть механически присоединена к другой, иногда в ней может быть отброшено начало — особенно хронографическое. Заканчиваться летопись может также по-разному в различных списках — в зависимости от того: продолжена она в данном списке или нет.

Вот почему, только сличив различные тексты летописи по составу и по общей их композиции и сделав на этом основании определенные выводы, можно переходить к проверке и уточнению этих выводов на основании сличения отдельных чтений.

Такие сличения текстов по содержанию и по композиции летописей в целом и отдельных летописных статей мы можем встретить в любой серьезной работе по летописанию. В некоторых случаях материалы этих сличений не приводятся (как, например, в «Истории русского летописания XI—XV вв.» М. Д. Приселкова), а даются лишь выводы. В других — приводятся в основном (ср. исследования А. А. Шахматова, посвященные Симеоновской летописи,[34] Ермолинской[35] и др., книги А. Н. Насонова[36] и Я. С. Лурье[37]).

Приведу пример из книги А. Н. Насонова.

Для установления источника домонгольских южнорусских известий свода 1479 г. А. Н. Насонов сличил текст свода 1479 г. по спискам Эрмитажному и Уваровскому с близкой к ним по составу южнорусских известий Ипатьевской летописью (во всех ее основных списках) и с теми летописями, где южнорусские известия читаются также близко к Ипатьевской и своду 1479 г., — Воскресенской, Софийской первой, реконструированной Троицкой, Новгородской четвертой и некоторыми другими, менее близкими по тексту летописями. Сличение произведено А. Н. Насоновым по составу известий. А. Н. Насонов обращал внимание на то, какие известия имеются и какие отсутствуют, и на реальные сведения (имена, названия и пр.), а также на редакцию известий. В итоге А. Н. Насонов приходит к следующему

---

[34] А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. — Изв. ОРЯС АН, 1900, т. V, кн. 2.

[35] А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — Там же, 1903, т. VIII, кн. 4; 1904, т. IX, кн. 1.

[36] А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

[37] Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

выводу: «. . . история „Русской земли“ XII в. в Московском своде 1479 г. или, точнее, в его общерусском источнике была рассказана частью по Троицкой летописи или близкой к ней, частью по особому киевскому летописному источнику. Текст киевского источника представлял редакцию, местами отличавшуюся от дошедшей до нас Ипатьевской летописи».[38] При этом А. Н. Насонов выделил все южнорусские известия свода 1479 г., отсутствующие в других летописях. Еще один важный текстологический вывод может быть отмечен в этой работе А. Н. Насонова: ему удалось доказать, что предполагаемый исследователями Киевский летописный свод, доведенный до 1199 г., действительно существовал в отдельном виде и имелся даже в руках московского летописца XV в. без соединения с последующей Галицко-Волынской летописью. Южнорусские известия в своде 1479 г. не выходят за пределы XII в. Остается только неясным следующий вопрос: были ли уже в этой киевской летописи те куски из начала галицко-волынского летописания, которые исследователи Ипатьевской летописи определяют как позднейшие добавления в Киевском своде конца XII в.? [39] А. Н. Насонов не придал этому вопросу особого значения.

*

Методика определения родства списков на основе установления общих чтений или общих ошибок, как неоднократно уже указывалось выше, может в настоящее время считаться совершенно неверной, противоречащей нашим современным представлениям об истории текста произведений и, в частности, летописей. Однако в ряду других признаков признак общих чтений и общих описок не только может, но и должен приниматься во внимание. В частности, А. А. Шахматов извлекает обильные данные из анализа описок, общих сразу нескольким спискам. Так, например, в Московском своде 1480 г. А. А. Шахматов видит почти полное отражение сгоревшей Троицкой летописи (свода 1408 г.). Это устанавливается им, в частности, на основании того, что в летописях, связанных со сводом 1480 г. (Ростовской и Воскресенской), имеются те же описки, которые находились и в Троицкой: так, в описании новгородского пожара 1369 г. в Ростовской и в Воскресенской, согласно с Троицкой (ИГР, V, пр. 137), читаем «по Головине улице» вместо «по половине улице» [40].

---

[38] А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века, с. 293.

[39] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., с. 47, 54—55; А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов, с. 71—72.

[40] А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, N 9, с. 155—156.

КОМПЛЕКСНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ

В изучении летописания отчетливее всего сложился принцип комплексного изучения текста летописи. Принцип этот впервые был сформулирован А. А. Шахматовым. Он выступил против изолированного изучения отдельных, выхваченных из летописи мест (годовых статей, повестей) вне всей летописи в целом и за необходимость изучать каждую летопись в тесной связи со всей историей русского летописания.

А. А. Шахматов постоянно возражал против ограничения исследования обзором состава летописных сводов и требовал их сравнительного изучения с привлечением всего необходимого материала. Он писал, что, «замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможности определить его состав и происхождение и что единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический. Подобно тому как исследование языка не может оставаться на почве одного языка и довольствоваться случайным и несистематическим сравнением фактов этого языка с фактами других языков; подобно тому как это исследование становится научным только после привлечения к систематическому сравнению данных нескольких родственных языков, причем это сравнение прежде всего приводит к восстановлению древнейших эпох в жизни исследуемых языков, а затем и к восстановлению того общего языка, из которого они произошли, — так же точно исследователь литературного памятника должен прежде всего подвергнуть этот памятник сравнительному изучению с ближайшими, наиболее сходными, для того чтобы определить последовательный ход в развитии исследуемого памятника и восстановить тот первоначальный вид, к которому он восходит».[41]

«Главною задачей исследователя летописных сводов, как вообще всяких литературных памятников, — писал А. А. Шахматов, — должно быть установление взаимной связи между однородными, сходными памятниками, причем эта связь может частью объясняться общим происхождением от других, древнейших памятников, частью же она может зависеть от взаимного друг на друга влияния этих памятников».[42] Позднее А. А. Шахматов снова писал: «В истории литературы переплетаются в самых разнообразных сочетаниях разные памятники, эволюционные цепи различных литературных произведений. Если следить только за одной из таких цепей, не принимая в расчет ни параллельных, ни перекрещивающих ее движений, то в результате могут получиться сплошные недоразумения вместо верного представления о действительных явлениях».[43]

---

[41] А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — В кн.: Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899, с. 118.

[42] Там же, с. 177.

[43] А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». — В кн.: Отчет о XII присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910, с. 84 (6).

Этот принцип комплексности А. А. Шахматов широко применил к изучению летописных текстов. Каждый текст изучался им в связи с другими текстами, в связи с историей летописания в целом.

В летописи и хронографы могут входить целые произведения, существовавшие до своего включения в них отдельно. Такие произведения, конечно, в известной мере могут изучаться обособленно, однако если эти произведения неизвестны вне летописи и до ее составления, то определять их как особые произведения только по ощущению исследователя отнюдь нельзя. Надо произвести текстологическое обследование всех списков летописи или хронографа, где это произведение имеется, и установить, что оно действительно было составлено отдельно и только затем включено в состав компиляции. Так, например, до последнего времени в некоторых работах по древнерусской литературе летописный рассказ о взятии Москвы Тохтамышем без каких-либо оснований рассматривался как отдельное произведение. Лишь теперь, после текстологического исследования М. А. Салминой, стало ясно, что повесть встречается только в составе летописи.[44]

Могут быть и такого рода случаи, когда выписки из того или иного крупного произведения превращались в особые повести и переписывались отдельно. Так, например, рукописи XVII в. полны отдельными повестями с отметками «выписано из Степенной» или «выписано из Хронографа». Такого рода «бытование» дает некоторое право рассматривать подобные тексты как отдельные произведения (отдельные — только на протяжении последней стадии своего существования), но изучать их в целом отдельно, независимо от степенных или хронографа, права это не дает. Если эти отметки («выписано из Степенной» или «выписано из Хронографа») соответствуют действительности (такого рода отметки могли делаться и «для поднятия авторитета» произведения), то изучение этих произведений должно быть связано с теми крупными историческими памятниками, в недрах которых они родились.

Анализ отдельных летописных статей допускается только при строгом соблюдении сравнительного изучения всего состава летописи. Так, например, А. А. Шахматов, определивший особый интерес открытой им Ермолинской летописи (название, данное этой летописи А. А. Шахматовым) к известному архитектору и подрядчику В. Д. Ермолину, решился прийти к своему выводу лишь в результате сличения Ермолинской летописи со всеми родственными ей.[45] Определилось, что В. Д. Ермолин упоминается

---

[44] М. А. Салмина. Повесть о нашествии Тохтамыша. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 134—151.

[45] А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — Изв. ОРЯС АН, 1903, т. III, кн. 4, с. 77—79.

и в других летописях, но только как обновитель церкви Вознесения в 1467 г. (Никоновская, Воскресенская, Русский временник, список Царского Софийской первой летописи, Львовская), тогда как в Ермолинской на протяжении одиннадцати лет о нем говорится девять раз. Весь последующий анализ идейного содержания Ермолинской летописи также строится А. А. Шахматовым на основании материалов, добытых ее сличением с другими летописями.

А. А. Шахматов придавал большое значение этому принципу комплексности в изучении рукописного наследия Древней Руси. Обычно он начинал свои исследования с выяснения положения того или иного произведения в общей истории родственных текстов и только после этого переходил к более узким исследованиям. Он действовал методом «больших скобок», как называл этот метод его последователь и продолжатель М. Д. Приселков. М. Д. Приселков писал: «Вовлекая в изучение все сохранившиеся летописные тексты, определяя в них сплетение в большинстве случаев прямо до нас не сохранившихся летописных сводов, А. А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, какими пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные, что вызывало неодобрение тех исследователей, которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом».[46]

Этот метод «больших скобок» был совершенно необходим в начале текстологической работы над летописанием. Необходимо было хотя бы приблизительно распределить списки летописей, отнести их к тому или иному этапу летописания для того, чтобы затем можно было начать их сравнительное изучение. Это был необходимый предварительный этап работы, и с этим методом «больших скобок» была, конечно, связана та большая роль, которую занимали всегда в шахматовской системе истории летописания гипотетические построения.

Гипотезы Шахматова всегда имели для него только рабочее значение. Он довольно легко отказывался от них — как только частные исследования летописных текстов их опровергали. Они были необходимы ему как предварительный этап работы над конкретными текстами. С помощью гипотез, которые он всегда стремился сделать наиболее вероятными рядом частных наблюдений, А. А. Шахматов создавал себе общее представление о всем ходе развития русского летописания, о соотношении отдельных списков, а затем проверял их дополнительными наблюдениями, конкретными текстологическими исследованиями. Гипотезы нужны

---

[46] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., с. 13.

были А. А. Шахматову для первоначального, чернового распределения списков, без которого невозможно было производить их сличение. Они не только были «рабочими», имели рабочее значение, но были необходимы и чисто технически. В настоящее время, когда работами А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова это предварительное распределение известных в их время списков уже проделано, нет уже той острой необходимости прибегать к методу «больших скобок». Общая схема истории летописания уже создана; она требует поправок, уточнения и развития, но не коренного пересмотра. Поэтому можно считать, что текстологи, занимающиеся летописными списками, после определения принадлежности изучаемых ими списков могут приступить прямо ко второму этапу изучения — к уточнению анализа текста.

В этом, конечно, громадное значение работ А. А. Шахматова и его непосредственных продолжателей для современных исследователей летописания. Последние обязаны оценить то значение, которое имеет метод «больших скобок» в работах А. А. Шахматова и его ранних последователей, но продолжать пользоваться этим методом нет уже необходимости. Изучение истории летописания в значительной мере перешло в настоящее время за эту свою стадию.

Таким образом, принцип комплексности, чрезвычайно важный в текстологической работе и особенно в работе над текстами летописных сводов, может в настоящее время опираться на предшествующие работы по истории летописания и в меньшей мере пользоваться методом «больших скобок», чем это было во времена А. А. Шахматова, но значение самого принципа комплексности не только не уменьшилось, но, напротив, имеет тенденцию ко все большему возрастанию. Принцип этот выходит за пределы изучения летописных текстов и распространяется в настоящее время на многие другие области рукописного наследия Древней Руси — на изучение житийной, повествовательной и учительной литературы и даже на изучение актового материала.[47]

Совершенно неожиданно принцип комплексного изучения текста летописных памятников оказался атакован в начале 1940-х годов С. А. Бугославским. Последний в своем исследовании «Повесть временных лет (списки, редакции, первоначальный текст)» писал: «Мы вправе выделить и анализировать только текст „Повести временных лет“ из состава различных сводов, не касаясь истории этих летописных сводов в целом, так как „Повесть временных лет“ имела свою самостоятельную историю до продолжения ее новыми подобными записями».[48] Результаты такого пренебрежения историей русского летописания не могли не отра-

---

[47] См. об этом выше, с. 50 и сл.

[48] Старинная русская повесть. Под редакцией Н. К. Гудзия. М.—Л., 1941, с. 13.

зиться на выводах исследования С. А. Бугославского, крайне упростившего историю текста «Повести временных лет» и оторвавшего эту историю текста от истории общей.

Метод Шахматова получил развитие главным образом в работах его последователя М. Д. Приселкова. М. Д. Приселков развил и продолжил тенденцию Шахматова к историческому подходу к летописанию. Это особенно касается его «Истории русского летописания XI—XV вв.», где создание каждого свода объяснено в тесной связи с исторической обстановкой своего времени. Усилена в работах М. Д. Приселкова и историко-литературная сторона метода Шахматова, что в значительной степени нейтрализовало дробность наблюдений над текстом, неизбежно проистекающую из приемов подхода к летописи не как к органическому целому, а как к «своду». В работе М. Д. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.» рассеяны многочисленные, по большей части краткие, но очень веские замечания, касающиеся стиля, а иногда и языка тех или иных сводов.

М. Д. Приселков в своих работах по летописанию отступил, однако, от некоторых весьма важных принципов метода Шахматова. Выводы свои М. Д. Приселков обычно строит не на сплошном изучении текста всех списков, а всегда на немногих отдельных наблюдениях. От этого происходит даже самая разница в объеме работ, обширных у Шахматова и сжатых, энергично насыщенных выводами у М. Д. Приселкова. Однако то, что можно было бы назвать большим объемом сознания Шахматова, постоянное привлечение им всех списков, всего текста, всех фактов для построения выводов, также не забылось. Эта сторона метода Шахматова была подхвачена в исследованиях А. Н. Насонова, выводы которого (хотя бы в отношении псковского летописания) строятся на привлечении всех списков и генеалогические построения которого опять-таки доводятся до всех списков.

ПРИМАТ СОЗНАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ТЕКСТА НАД НЕНАМЕРЕННЫМИ — МЕХАНИЧЕСКИМИ

Другой принцип, примененный А. А. Шахматовым и его последователями к изучению истории летописных текстов, — это принцип примата сознательных изменений текста над механическими. Исследователь текста во всех случаях должен в первую очередь искать сознательные причины изменения текста и только в случае невозможности более или менее достоверно объяснить изменения текста намерениями переписчиков и переделывателей останавливаться на объяснениях, допускающих простую его порчу. На первый взгляд такое предпочтение сознательного бессознательному может показаться произвольным, но на самом деле этот принцип является строго закономерным во всех случаях, когда

мы имеем дело с письменным творчеством вообще и с творчеством летописца в особенности.

Искусствоведы, изучая произведения искусства, стремятся выяснить в них прежде всего сознательные намерения их творцов, отражение художественного метода, художественного стиля и т. д. Литературоведы также обращают внимание прежде всего на замысел автора, выясняют причины, побудившие автора создать произведение именно таким, каким оно вылилось из-под его пера.

Всякое письменное произведение нуждается прежде всего в прочтении, в уяснении его смысла. То же самое можно сказать не только о самом произведении, но и о его вариантах, о тех изменениях, которые претерпел текст в результате его переписки. Эти варианты также нуждаются в прочтении. Иными словами, они нуждаются в том, чтобы в них прежде всего был обнаружен смысл, намерения их «авторов» — в большинстве случаев безвестных, но иногда весьма активных.

Казалось бы, такое естественное требование — читать не только текст, но и его изменения в различных списках — не нуждается в каких-либо обоснованиях, однако в текстологической практике дело обстояло как раз обратно: считалось, что изменения текста в последующих списках в основном являются плодом бессознательной порчи текста его переписчиками. В различных вариантах текста исследователи стремились выделить только один текст — первоначальный, который считали одновременно единственно осмысленным. Всем остальным вариантам (или разночтениям) текста не придавалось никакого значения.

Применительно к летописанию установление принципа примата сознательных изменений текста над несознательными (механическими) имело очень серьезное значение.

А. А. Шахматов исходил в своем изучении летописей из представлений о них, как о сводах разнообразного материала. Летописи, как это было особенно ярко раскрыто в работах П. М. Строева и К. Н. Бестужева-Рюмина, представляют собой соединение разнородных источников: предшествующих летописных сводов, литературных произведений, документов, отдельных летописных статей и т. д. Однако А. А. Шахматов опроверг установленный П. М. Строевым и К. Н. Бестужевым-Рюминым взгляд на летописный свод, как на механическое соединение разнообразного материала. А. А. Шахматов отказался видеть в летописном своде лишь случайный подбор материала и в подавляющем большинстве случаев предполагал в летописи наличие сознательной, продуманной работы летописца, подбиравшего свой материал под влиянием серьезных политических идей и создававшего своды, проникнутые внутренним идейным единством, спаянные острой политической мыслью. Самые политические идеи, вложенные в летописные своды, А. А. Шахматов считал зависящими не от личного

произвола летописцев, а тесными узами связанными с политическими концепциями отдельных феодальных центров, в которых эти своды создавались. Летописи могли создаваться при дворе того или иного князя, митрополита, епископа, игумена и т. д. Во всех этих случаях летопись отражала идеи той или иной ветви княжеского рода, того или иного княжества как такового, того или иного церковного центра. Она создавалась в их интересах, проводила их точку зрения на русскую историю.

Эти наблюдения А. А. Шахматова были значительно расширены в советской науке о летописании. Были установлены посаднические летописи в Пскове, летописи уличанских церквей в Новгороде, летописи, отражавшие настроения и идеи тех или иных слоев населения. Были раскрыты случаи, когда летописец, выполняя официальный заказ, вносил в летопись свои собственные суждения, расходившиеся с точкой зрения заказчика. В летопись могла проникнуть народная оценка событий, элементы народных произведений и т. д.

Все это позволило широко изучать классовую сторону летописи, участие летописи в борьбе классов, во внутриклассовой политической борьбе.

Принцип примата сознательных изменений текста над механическими требует, чтобы, во-первых, исследователь-текстолог обращал внимание прежде всего на сознательные изменения, вносившиеся в текст древними книжниками, и, во-вторых, чтобы во всех изменениях текста он пытался установить эту сознательность, признавая изменения механическими только тогда, когда их не удается объяснить как сознательные. В самом деле, есть единственный способ доказать, что изменение произошло механически, т. е. бессознательно, — это показать в нем отсутствие сознательности. При разделении всех изменений текста на сознательные и механические текстолог и должен направить свои усилия на то, чтобы вскрыть по возможности во всех изменениях текста сознательную волю книжника. И только остающиеся необъясненными изменения текста могут быть отнесены к явлениям, возникшим механически, и классифицироваться как механические.

Совсем иной подход к тексту отразился в работах по древнейшему летописанию В. М. Истрина, опубликованных уже после смерти А. А. Шахматова: «Замечания о начале русского летописания» [49] и «Моравская история славян и история поляно-руси, как предполагаемые источники Начальной русской летописи».[50]

---

[49] Изв. ОРЯС, 1921, т. XXVI; 1922, т. XXVII.

[50] Моравская история славян и история поляно-руси, как предполагаемые источники Начальной русской летописи. — Byzantinoslavica, 1931, t. III, vol. 2; 1932, t. IV, vol. 1.

В. М. Истрин пытался возродить представления о летописце еще начала XIX в. и считал, что летописец «добру и злу внимает равнодушно» и механически записывает в летопись все, что попадает в круг его случайной осведомленности. Все противоречия в тексте, пропуски, изменения для В. М. Истрина, как и для М. П. Погодина или И. И. Срезневского, — результат случайных вариантов письменной или устной традиции. В. М. Истрин пишет: «Одни могли называть Олега князем, другие — воеводой Игоревым; одни передавали, что Олег умер в Ладоге, другие — в Киеве».[51] От этих вариантов устной традиции, происхождение которых никак не объясняется В. М. Истриным, произошли все различия в летописях. Ясно, что сравнительно с теми в высшей степени остроумными объяснениями этих различий, которые были предложены А. А. Шахматовым, объяснениями, подкрепляемыми многими и разнородными наблюдениями, предположения В. М. Истрина были значительным шагом назад. Текстологическое изучение летописи не могло развиваться по этому пути.

Признавая «случай» главным фактором какого бы то ни было развития, неизбежно следует отказаться от изучения этого развития, от всяких попыток открыть в нем закономерности. И история литературы, и историческая наука неизбежно приходят к антиисторизму, как только признают случайность главным фактором в движении литературных форм или в ходе развития истории.

Нет никаких оснований сомневаться, что случай играет в истории текста известную роль. Случайно в руках у переписчиков может оказаться тот или иной текст. Случайно в этом тексте могут оказаться те или иные дефекты. Случайно может пропасть тот или иной список. И так далее. . . Но задача ученого заключается в том, чтобы оставить на долю случая в научном рассмотрении возможно меньше места. Мы можем согласиться, что то или иное явление произошло случайно только тогда, когда полностью исчерпаны все другие возможности объяснения. С точки зрения методики научного исследования, случай — это тот остаток, который остается в результате всех попыток ученого объяснить то или иное явление. Случай лежит на самом дне научного построения, научного объяснения. И этот данный осадок не может не вызывать у ученого некоторого чувства досады. Мы знаем не только на примерах изучения истории того или иного произведения, что чем совершеннее исследование, тем меньше в исследуемом явлении осталось необъясненного, т. е. случайного.

Надо иметь в виду и еще одно обстоятельство: самое понятие случайного относительно. Допустим в рукописи оказался дефект. Безусловно, дефект этот случаен. Но случайно ли, например,

---

[51] В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. I—IV. — Изв. ОРЯС, 1921, т. XXVI, с. 81.

что дефект этот оказался на последнем листе рукописи под крышкой нового переплета? Нет! Очевидно, что последний лист рукописи, если она находилась некоторое время без переплета, страдает больше всего. Допустим, что в руках у новгородского переписчика XV в. случайно оказался текст произведения, переписанный в Константинополе в XIV в. Признавая, что это было делом случая, мы не должны все же упускать из виду, что в XIV в. культурные отношения Новгорода и Константинополя были очень интенсивными и что в Константинополе в русской колонии был переписан целый ряд русских произведений, в том числе и таких, которые совсем исчезли на Руси в результате татаро-монгольского нашествия (например, Еллинский и Римский летописец). Допустим, что первоначальная редакция «Повести о Николе Заразском» случайно исчезла. Но не означает ли все же эта случайность того, что списков этой первоначальной редакции было мало и они, следовательно, не очень интересовали переписчиков и читателей?

Как видим, случайность существует, но она относительна, ее доля мала. Научное объяснение теснит эту случайность. Замечу, кстати, и следующее. Чем более конкретным стремится быть научное объяснение, тем легче оно устраняет случайность. Чем больше мы проникаем в реальную обстановку переписки и редактирования рукописей, чем яснее нам удается увидеть живых людей со всеми их идеями, вкусами, жизненными волнениями и даже привычками, тем меньше остается на долю случайности. Механические приемы анализа текста не должны закрывать от нас конкретной жизни рукописей, а жизнь рукописей есть только частный случай жизни людей, которые имеют с ними дело. Жизнь текста произведений необыкновенно сложна и абсолютно конкретна, поэтому всякого рода «правила» выбора текста и определения «авторской воли» хороши только тогда, когда у нас нет путей приблизиться к этой жизни текста. Но они становятся очень вредны, когда начинают нам загораживать дорогу к восстановлению реальной истории текста. К сожалению, в текстологии часто механические способы выбора и установления текста, опирающиеся на представления о механичности изменения текста в результате бессознательных, случайных ошибок переписчиков, преобладали над исследованием истории текста.

Вернемся к вопросу о случайности в истории текста. Приведем пример объяснения случайностью и последующего объяснения этой «случайности» конкретными причинами.

Как известно, особое значение в наших представлениях о древнейшем русском летописании имеет открытый А. А. Шахматовым в начале Новгородской первой летописи младшего извода (а отсюда и в других новгородских летописях) свод более древний, чем «Повесть временных лет». Свод этот А. А. Шахматов назвал «Начальным» и отнес его составление к 1095 г. Утверждение,

что в новгородских летописях был использован свод более древний, чем сама «Повесть временных лет», лежит в основе всей реконструкции А. А. Шахматовым древнейшего русского летописания. Оно-то именно и явилось его исходной точкой.[52] Это открытие А. А. Шахматова — одно из самых замечательных в истории изучения русских летописей и пока что не вызывало развернутых, продуманных возражений.

Однако А. А. Шахматов допускал в вопросе о Начальном киевском своде целый ряд случайностей, отразившихся на судьбе этого свода. А. А. Шахматов определил, что Начальный свод был использован в Новгородской первой летописи младшего извода случайно и при том со случайными перерывами и только до 1074 г. по случайной же дефектности «нашедшегося» в Новгороде экземпляра Начального свода. Первоначально А. А. Шахматов считал, что Начальный киевский свод был введен в Новгороде в первой четверти XIII в., когда был составлен из соединения новгородской владычней летописи и Начального свода Софийский временник [53] (название «Софийский временник», с точки зрения А. А. Шахматова, представляет собою переделку названия Начального свода — «Русский временник»). Позднее А. А. Шахматов пересмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что Начальный свод был привлечен к новгородскому летописанию в 1423 г.[54] Еще позднее А. А. Шахматов считал, что Начальный свод был использован в 1432 г. [55] Наконец, в своей работе последних лет «Киевский начальный свод 1095 г.» [56] А. А. Шахматов вернулся к некоторым из своих прежних выводов о времени использования в новгородском летописании Начального свода.

В противоположность другим своим выводам по истории русского летописания А. А. Шахматов выводы о времени и о причинах соединения Начального свода с новгородской летописью не обосновывает и с т о р и ч е с к и. С точки зрения А. А. Шахматова,

[52] См.: А. А. Ш а х м а т о в. 1) О Начальном киевском летописном своде. — Чтения ОИДР, 1897, кн. 3; 2) Предисловие к Начальному киевскому своду и Нестерова летопись. — Изв. ОРЯС АН, 1908, т. XIII, кн. 1; 3) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, главы I и XV; 4) Повесть временных лет, т. 1. Пг., 1916; 5) Киевский начальный свод 1095 года. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов под ред. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947, с. 117—160. См. также: О. В. Т в о р о г о в. Повесть временных лет и Начальный свод. (Текстологический комментарий). — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 3—26.

[53] А. А. Ш а х м а т о в. Хронология древнейших русских летописных сводов. — ЖМНП, 1897, апр., с. 463—482.

[54] А. А. Ш а х м а т о в. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, с. 380 и др.

[55] В статье «Летописи» в т. 25 Нового энциклопедического словаря (см.: А. А. Ш а х м а т о в. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 366) и в кн.: Повесть временных лет, т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. XLIX.

[56] А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей. . ., с. 117—160.

в Новгороде просто «нашелся» текст давно вышедшего из употребления Начального свода в случайно дефектном экземпляре.[57] Этот случайный текст и был случайно же (в начале XIII в. или в 1421 г., а может быть в 1424, 1432 или 1434 гг.) привлечен для обновления официальной, чрезвычайно важной в новгородской политической жизни владычней летописи.

В дальнейшем в результате анализа истории текста новгородских летописей в тесной связи с историей Новгорода все эти «случайности» оказались объясненными. Результаты этого анализа могут быть вкратце изложены следующим образом.

До 1117 г. в Новгороде княжил старший сын Владимира Мономаха Мстислав. После отъезда Мстислава из Новгорода в Киево-Печерском монастыре (а возможно, и в «княжом» Выдубецком) при участии какого-то из бывших с Мстиславом в Новгороде книжников в начале 1119 г., как предполагает А. А. Шахматов, составляется последняя, третья, редакция «Повести временных лет». Мстислава сменяет в Новгороде его сын Всеволод Мстиславич (1118—1136 гг.). Верный традициям дома Мономаха, Всеволод, внук Мономаха, оказывает в Новгороде особое покровительство летописанию. Летопись своего отца Мстислава «Повесть временных лет» в третьей редакции, особенно внимательную к событиям новгородской жизни XII в., Всеволод соединяет в Новгороде с новгородской летописью, погодные записи которой начали составляться еще в XI в.

У нас нет данных для полного и точного представления об этом своде. Свод Всеволода подвергался в Новгороде суровой ревизии при епископе Нифонте в конце 30-х годов XII в., после которой в последующих летописных сводах от него сохранились лишь ничтожные остатки.

Тем не менее новгородское летописание последующих веков ясно обнаруживает в своем составе именно эту третью редакцию «Повести временных лет» в некоторых известиях 1107—1117 гг. Этот свод Всеволода составлен не ранее 1119 г. (год составления третьей редакции «Повести временных лет») и не позднее 1136 г. (год изгнания Всеволода и год составления, как мы увидим ниже, нового новгородского летописного свода, в который свод Всеволода вошел как составная часть). Точнее датировать свод Всеволода не удается, но ввиду того что после 1132 г. власть Всеволода в Новгороде чрезвычайно пошатнулась, можно думать, что свод этот составлен до 1132 г.

Судя по тому что в Новгороде в первой трети XII в. было довольно обычным привлекать для выполнения разного рода книжных предприятий киевлян, можно думать, что и третий летописный свод дома Мономаха — свод Всеволода Мстиславича Новго-

---

[57] Повесть временных лет, т. 1, с. XLIX.

родского был выполнен киевлянином, сохранившим литературную манеру киевского летописания и отразившим новгородскую стилистическую манеру лишь в известиях, заимствованных из новгородских летописей XI в.

Дальнейшая летописная работа в Новгороде в чрезвычайно сильной степени зависит от политических событий новгородской жизни середины XII в. История Новгорода в XII в. чревата бурными социальными потрясениями, приведшими к установлению в 1136 г. нового республиканского строя, в общих чертах удержавшегося до конца XV в. Социальное движение смердов, ремесленников и купцов в Новгороде завершилось в конечном счете своеобразной государственной организацией с олигархической купеческо-боярской верхушкой во главе. Князь теряет свои права, земельные владения и принужден удалиться сперва из Детинца, а затем и из пределов города на так называемое Городище, в двух «поприщах» от Новгорода. Новым хозяином Детинца становится новгородский епископ, к которому переходит и большинство земельных владений князя, превративших епископа в могущественнейшего феодала области.

Став во главе Новгородского государства, добившегося некоторой независимости от киевского князя, епископ всячески пытается сбросить с себя также зависимость и от киевского митрополита, стремясь к непосредственному (помимо митрополита) подчинению греческому патриарху. Как устанавливается в настоящее время, епископ Нифонт, принимавший активное участие в изгнании Всеволода и в установлении новых политических порядков в Новгороде, является первым новгородским архиепископом (а не архиепископ Иоанн, как думали раньше). Именно Нифонту принадлежит установление оригинальной системы выборов новгородских архиепископов, фактически устранившей киевского митрополита от участия в делах новгородской церкви.

Переворот 1136 г. и изгнание Всеволода вызвали в том же 1136 г. необходимость пересмотра летописного свода Всеволода. В 1136 г. доместик Антониева монастыря Кирик, один из приближенных Нифонта, составляет работу по хронологии подсобного для ведения летописи характера: «Учение, им же ведати числа всех лет», и в том же 1136 г. принимает участие в летописании, составляя летописную статью 1136 г., в которой изображает прибытие в Новгород князя-изгоя Святослава Ольговича как наступление новой эры в политической жизни Новгорода.

Участие Кирика в новгородском летописании этим не ограничивается; следы работы Кирика видны в записи 1137 г., где даются определения времени по индиктам, как и в его работе «Учение, им же ведати числа всех лет» и в некоторых других годовых статьях, где Кирик обнаруживает интересы, общие с теми, которые были проявлены им в другой его работе — в известных, канонических «Вопрошаниях».

Из анализа текста Синодального списка Новгородской первой летописи, а также Новгородской первой летописи младшего извода и Новгородской четвертой вытекает, что одновременно с этим первоначальным вмешательством Кирика в новгородскую летопись был выполнен и широко задуманный пересмотр всего новгородского летописного свода изгнанного из Новгорода Всеволода по Киевскому начальному своду. Политический смысл этого пересмотра заключался в том, чтобы заменить в начале новгородского летописания Мономашью «Повесть временных лет» в третьей редакции оппозиционной по отношению к княжеской власти летописью Киево-Печерского монастыря — Начальным сводом 1095 г., который, таким образом, попал в начало новгородских летописей отнюдь не случайно.

Новый свод был задуман постриженником Киево-Печерского монастыря и главным участником антикняжеского переворота 1136 г. архиепископом Нифонтом, знавшим политический антикняжеский характер печерского Начального свода, знавшим, что Начальный свод использовал в своем составе новгородские летописи XI в. и что, следовательно, свод этот в некоторой мере отразил историю Новгорода XI в.

Как известно из работ А. А. Шахматова, оппозиционность Начального свода по отношению к княжеской власти получила яркое отражение в предисловии к нему, которое впоследствии при переработке состава Начального свода в недрах «Повести временных лет» было выброшено. В этом предисловии были высказаны по отношению к князьям резкие упреки в «несытстве», в алчности, в притеснении людей вирами, «продажами» и т. д. Упреки эти были как нельзя более своевременны в Новгороде в XII в., когда один за другим отбирались у новгородского князя его доходы, конфисковывались земли и урезывались права. Этому урезыванию княжеских прав и доходов предшествовала, очевидно, соответствующая пропаганда, для которой серьезный материал представляло предисловие Начального свода.

Назвав новый владычный свод «Софийским временником» в подражание названию Начального свода «Временник Русской земли» и увековечив, таким образом, в этом названии новый, недавно перешедший из владений князя во владение новгородского архиепископа центр политической жизни Новгорода — Софию, Нифонт сохранил в начале своего свода и киевское предисловие Начального свода. Таким образом, Начальный свод привлечен к новгородскому летописанию не случайно, а в связи с политическим переворотом 1136 г. и не потому, что в Новгороде случайно оказался экземпляр этого свода, а потому, что постриженнику Киево-Печерского монастыря архиепископу Нифонту, главному участнику антикняжеского переворота 1136 г., был хорошо известен печерский же Начальный свод и его политическое направление.

Предисловие Начального свода не дошло до нас в «Софийском временнике» в полном виде, это опять-таки далеко не случайно. Как можно видеть на основании сопоставления текста этого предисловия с заключительной частью Начального свода, в нем должны были находиться упреки князьям в междоусобицах и в недостаточно крепком отпоре степным кочевникам. Упреки эти чрезвычайно существенны для Начального свода. Текстологически пропуск этих упреков доказывается сопоставлением статьи 1093 г. Начального свода с повлиявшим на нее местом предисловия Начального свода. Пропуски эти в предисловии были сделаны на новгородской почве и отнюдь не случайно. Они были сделаны в процессе политического приспособления предисловия Начального свода к «Софийскому временнику». Необходимость этих пропусков диктовалась не только тем, что борьба со степью не имела для Новгорода существенного значения, но и тем еще, что Новгород ни в коей мере не был заинтересован в сильной княжеской власти, в чем как раз нуждался Киев. Оппозиционное отношение к княжеской власти в Новгороде в 30-х годах XII в. и в Киеве XI в. было принципиально различным. Киевское княжество нуждалось для своей защиты от напора степи в крепкой княжеской власти, способной организовать активную оборону. Упреки князьям в Начальном своде были упреками в слабости. Новгород был заинтересован как раз в обратном — в ослаблении зависимости от Киева. Отсюда ясно, почему предисловие «Софийского временника» сохранило в своем составе только то из предисловия Начального свода, что не противоречило в XII в. непосредственным интересам новгородцев и что было для них важным в их политической и социальной борьбе.

Небольшая вставка в начале предисловия — «прежде Новъгородьская волость и потомь Кыевьская. . .» — предназначалась для смягчения слишком «киевского» характера предисловия, а кстати выражала и любимую мысль новгородцев времен независимости: «а Новгород Великый старейшинство иметь княжению во всей Руськой земли» (Лаврентьевская летопись под 1206 г.).

Переработанное таким образом предисловие Начального свода открыло собой новый летописный новгородский свод Нифонта, сохраняясь на челе летописания Новгорода в течение всего периода его независимости.

Как устанавливается анализом текста Синодального списка Новгородской первой летописи, переработка свода Всеволода по Начальному своду доведена до 1074 г. И это было не случайно. Причина этому заключается не в том, что в Новгороде случайно «нашелся» дефектный экземпляр Начального свода, обрывавшийся на этом годе (как предполагал А. А. Шахматов), а в том, что на 1074 г. прекращались новгородские известия в Начальном своде и последний не мог уже служить основанием для реконструкции новгородского летописания. Начиная с этого года летописец Нифонта вынужден был обратиться к отвергнутому им первоначально

своду Всеволода, в котором известия новгородской летописи XI в. были соединены с известиями «Повести временных лет» в третьей редакции. Воспользовавшись сводом Всеволода, новгородский летописец, однако, весьма основательно его сократил. Оттого новгородские известия этой поры отличаются той чрезмерной, пресловутой краткостью, которая приводила в недоумение изучавших новгородские летописи.

Таким образом, не только позднейшие новгородские летописи, восходящие к сводам Евфимия II второй трети XV в., обладали антикняжеским предисловием Начального свода, но и Синодальный список в своей утраченной части заключал в себе текст этого предисловия. Можно думать, что и утрата начала Синодального списка Новгородской первой летописи произошла также не случайно: кроме антикняжеского предисловия, в этой начальной части находились знаменитые Ярославовы грамоты и среди них «Краткая Правда» — письменные доказательства новгородской независимости. С присоединением Новгорода к Москве цензуровавшие новгородское летописание московские книжники выдрали, по-видимому, из Синодального списка его крамольное начало.

Жестокое сокращение, которому подверглось в своде Нифонта предшествующее летописание Новгорода, явилось причиной того странного и, казалось бы, необъяснимого отсутствия в новгородском летописании многих новгородских сведений XI в., существование которых, тем не менее, явствует из киевских летописных сводов XI в., где они нашли себе частичное отражение. Новгородские события XI в. лучше и полнее представлены в киевских летописях, чем в новгородских. Изложенные соображения подтверждаются изменением стиля новгородского летописания после 1136 г.[58] Подтверждены они были затем и исследованием «Краткой Правды».[59]

Итак, почти все то, что до недавнего времени в концепции А. А. Шахматова выступало как случайное, оказалось далеко не случайным. Полную картину новгородского летописания XII в. удалось восстановить не только благодаря сличению текстов новгородских летописей с древнейшими киевскими летописями, но главным образом потому, что к рассмотрению текстов были широко привлечены исторические факты, частично уже до того освещенные в работах Б. Д. Грекова,[60] а частично впервые установленные специ-

---

[58] Подробнее текстологический анализ и исторические соображения см.: Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. — Исторические записки, № 25. М., 1948.

[59] А. А. Зимин. К истории текста краткой редакции Русской Правды. — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, т. 7. М., 1954.

[60] Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. — Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН, 1929, т. IV. — См. также соответствующие страницы в книге Б. Д. Грекова «Новгородский дом св. Софии» (ч. I. СПб., 1914).

ально в связи с текстологическими изысканиями. Пришлось также выйти за пределы летописания и привлечь другие сочинения Кирика, историю церкви, вопросы канонические, внимательно отнестись к изменениям в стиле летописания и т. д.

*

В связи со всем сказанным понятно, почему в исследовании текста летописей такое существенное место занимает логически-смысловой анализ. В этом логически-смысловом анализе легко могут быть допущены ошибки из-за чрезмерно большой требовательности к логичности содержания, однако только на том основании, что в применении какого-либо метода могут быть допущены ошибки, нельзя объявлять самый метод ошибочным. В некоторых случаях логически-смысловой анализ является единственным средством установить вставку в текст, разрыв изложения, соединение разных источников, переделку и т. д. (см. примеры обнаружения вставок в летописи выше, с. 200—210).

Вставки в текст «Повести временных лет» обнаруживаются, однако, не только анализом логики повествования, но они реально подтверждаются сличением списков и произведений. Шахматов отнюдь не ограничивается смысловым анализом текста.

Возьмем другой пример комплексности наблюдений Шахматова — его анализ рассказа о крещении Владимира, читающегося в «Повести временных лет». Путем логически-смыслового анализа текста Шахматов выяснил, что в основе летописного рассказа лежат два слитых вместе рассказа о крещении Владимира: в одном говорилось о его крещении в Киеве в результате «испытания вер», а в другом о крещении его в Корсуни как условии женитьбы на сестре византийского императора. К тому же выводу Шахматов пришел и другим путем: отдельный рассказ о крещении в Корсуни Шахматов нашел в «Житии Владимира особого состава» в Плигинском сборнике, а рассказ о крещении в Киеве — в «Памяти и похвале князю русскому Володимеру» (в кратких извлечениях из какой-то древней летописи). Следовательно, Шахматов подвергает источник «перекрестному допросу» с разных сторон, разными методами и в результате получает наблюдения большой убеждающей силы.

Таким образом, наблюдения Шахматова очень сложны, «комплексны». К тексту он подходит с разных сторон: грамматически, исторически, логически, путем сличения списков и т. д. Наблюдения Шахматова как раз и рождаются в результате сопоставления всех этих точек зрения. Текст летописей у Шахматова получает своеобразную «глубину», и эта «глубина» не всегда может быть воспринята «одним глазом». Только разные дополняющие друг друга точки зрения дают наблюдению необходимую стереоскопичность.

Собственно логически-смысловой анализ текста редко выступает у Шахматова в одиночку. Это только один из подходов к наблюдаемому месту текста, которое он как бы «засекает» на пересечении разных линий наблюдений: логически-смысловых, чисто текстологических, исторических и т. п.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Привлечение исторических данных для анализа истории текста составляет очень важную черту в текстологическом изучении летописания. Привлечение исторических данных, умение соотносить данные истории текста с данными общеисторическими и объяснять ими изменения текста необходимы во всех случаях, но для истории летописания они имеют исключительную важность.

Особенно широко стал привлекать исторические данные к изучению истории текста летописания А. А. Шахматов, а вслед за ним — и в еще более широком масштабе — М. Д. Приселков, А. Н. Насонов и др.

Каждый из определенных А. А. Шахматовым древнейших сводов получил яркую характеристику в свете политической борьбы своего времени, причем эта политическая борьба всегда имеет у него свежую и оригинальную историческую трактовку. Состав и тенденции Древнейшего свода 1039 г. определились, как это раскрыто А. А. Шахматовым, политическими идеями борьбы за национальную русскую церковь. Свод 1039 г., возникший по инициативе митрополичьей кафедры, основанной в Киеве в 1038 г., пропагандировал идею превосходства христианской Руси над языческой и прославлял деятельность Ярослава.

В печерских сводах 1073 и 1095 гг. отразились политическое направление Киево-Печерского монастыря, оппозиционного по отношению к княжеской власти.

В своде 1073 г. А. А. Шахматов показывает отражение политических убеждений Никона Великого, дважды бежавшего в Тмуторокань от княжеского гнева. А. А. Шахматов вскрывает центральную идею свода 1073 г.: идею единства княжеского рода на основе старейшинства киевского князя среди братьев — русских князей.

В своде 1095 г. А. А. Шахматов вскрывает резкую критику социальной политики князей; показывает и внутреннюю подоплеку этой критики: вражду игумена Киево-Печерского монастыря Иоанна с князем Святополком Изяславичем.

А. А. Шахматов анализирует политическую работу составителя Начального свода 1095 г., стремившегося согласовать противоречивые новгородские и киевские известия, разногласия в сведениях о крещении Владимира, о начале христианства на Руси, об организации церковной иерархии и др.

Таким образом, история текста «Повести временных лет» сопровождается у А. А. Шахматова глубоким историческим анализом, вскрывающим причины тех или иных изменений в летописи, рост политического самосознания летописцев.

В каждой главе «Разысканий о древнейших русских летописных сводах» А. А. Шахматов показывает, как при внешней механичности в приемах работы летописец проявляет сознательный и намеренный выбор фактов и их освещение.

Из митрополичьих сводов XIV в. А. А. Шахматов особо выделяет два свода, составленные, по его мнению, при митрополите Киприане и раньше при митрополите Петре.

Лаврентьевская летопись, доведенная до 1305 г., является, по мнению А. А. Шахматова, отражением одного из первых митрополичьих сводов начала XIV в. Вопрос об этом общерусском митрополичьем своде не был до конца обследован А. А. Шахматовым, и впоследствии существование свода было оспорено М. Д. Приселковым, отчетливо доказавшим иное происхождение известий Лаврентьевской летописи, возводимых А. А. Шахматовым к первому общерусскому митрополичьему своду самого начала XIV в.

Не все из исследований Шахматова одинаковы по методу. Начав с чисто текстологических наблюдений,[61] Шахматов постепенно пришел к выводу о теснейшей связи летописания с политической жизнью русского народа и неуклонно — от исследования к исследованию — усиливал историческую аргументацию своих выводов.

В начале своего изучения «Повести временных лет» Шахматов ограничивался данными текстов и выделил две редакции «Повести». Лишь впоследствии Шахматов пришел к выводу, что каждая из этих редакций отразила в своем составе политические идеи различных партий, находилась в неразрывной связи с политической жизнью Киевской Руси. Анализ исторической жизни Киевской Руси конца XI—начала XII в. многое уточнил и изменил в предложенной им истории редакций «Повести временных лет».

Уже в работе 1897 г. «Киево-Печерский патерик и Печерская летопись» [62] Шахматов прибегает к исторической аргументации, характеризует политическую деятельность и религиозные взгляды Изяслава Мстиславича. С течением времени А. А. Шахматов все усиливал историческую сторону своих исследований летописания. Он выяснил исторические предпосылки составления летописных сводов, указывал цели и движущие политические идеи их создателей.

---

[61] А. А. Шахматов. 1) О Начальном киевском летописном своде; 2) Исходная точка летосчисления Повести временных лет. — ЖМНП, 1897, № 3; 3) Хронология древнейших русских летописных сводов. — ЖМНП, 1897, № 4; 4) Древнейшие редакции Повести временных лет. — ЖМНП, 1897, № 10, и др.

[62] Изв. ОРЯС АН, 1897, т. II, кн. 3.

Особенно резко этот исторический подход к анализу истории текста летописей сказался в первой большой обобщающей работе Шахматова 1900—1901 гг. «Общерусские летописные своды XIV и XV веков».[63] Тонкий анализ политической идеологии митрополичьей кафедры и состава московских летописных сводов позволил Шахматову установить тесную связь между объединением Руси и появлением общерусских по своему содержанию летописных сводов.[64] В работах последних лет Шахматов не только пользуется историческими фактами для своих текстологических выводов, но дает новое, подчас разрушающее старое, представление о многих явлениях политической жизни Руси. Исторические построения А. А. Шахматова основаны на убеждении в сложности политической борьбы, происходившей на Руси между удельными князьями, княжествами, епископами и митрополичьими кафедрами, монастырями и т. д. Именно этой своей стороной работы Шахматова вызвали к жизни ряд чрезвычайно интересных исторических исследований.[65]

М. Д. Приселков развил и продолжил тенденцию к историческому подходу к летописанию. Это особенно касается его «Истории русского летописания XI—XV вв.», где создание к а ж д о г о свода объяснено в тесной связи с исторической обстановкой своего времени. Однако ни А. А. Шахматов, ни М. Д. Приселков не придавали особого значения борьбе различных слоев населения и совсем не видели классовой борьбы, постоянно отражающейся в летописании. Их исторический подход к истории текста летописей был поэтому ограничен. Только советские историки летописания стали учитывать в своих исследованиях социальную борьбу: А. Н. Насонов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Я. С. Лурье и др.[66]

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДУБЛИРОВОК

В результате соединения разнородного материала, касающегося одних и тех же событий, в летописных сводах могут получиться по недосмотру составителей этих сводов повторные изложения одного и того же — «дублировки». Эти повторные изложения одних и тех же событий служат важным показателем того, что в данном случае мы имеем соединение двух источников. В летописи такие

[63] ЖМНП, 1900, № 9 и 11; 1901, № 11.

[64] ЖМНП, 1900, № 9, с. 91.

[65] М. Д. П р и с е л к о в. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; В. А. П а р х о м е н к о. Начало христианства Руси. Полтава, 1913; А. Е. П р е с н я к о в. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909, и др.

[66] Перечисляю исследователей в порядке появления их работ по летописанию.

повторения особенно часты, так как соединение двух и больше источников происходит не однажды, а столько раз, сколько в летописях годовых статей. Вспомним, что при соединении двух летописей в одну материал каждой летописи как бы «расшивается» по годовым статьям и соединяется в пределах каждой статьи отдельно — «гребенкой». А так как материалы летописей часто сходны и отбор событий, заносимых в летописи, довольно определенен, то летописцу приходится часто соединять в единый рассказ два рассказа (а иногда и больше) об одном и том же. Если изложения какого-либо события очень расходятся, то естественно, что летописец может не отождествить этого события, принять его за два разных события. В результате получается целая цепь дублировок. Впрочем, бывает и так, что одно и то же событие попадает в летописный свод дважды в одинаковом или очень сходном изложении: это тогда, когда один и тот же источник, пройдя через ряд летописных сводов, затем вновь соединяется в сложном изложении, а летописец не очень внимателен. Особенно часты дублировки в тех случаях, когда об одном и том же событии рассказыватся под двумя разными годами, вследствие чего дублировку очень трудно заметить. Такие случаи нередки, и в основном они получаются тогда, когда соединяется летописание двух центров, употребляющих разные календарные системы: мартовский год, ультрамартовский или сентябрьский.[67] Сам по себе анализ дублировок может давать очень различные сведения, но он должен строиться с непременным условием полной их связи с другими показателями. Чем в более широкий круг вводятся показания дублировок, тем более плодотворным будет их использование для построения истории летописания.

---

[67] О системах летосчисления в русских летописях и древнерусской хронологии см. работы: П. В. Хавский. Таблицы для проверки годов в русских летописях. М., 1856; Н. И. Черухин. Календарь для хронологических справок. — Рус. старина, 1873, № 7; Д. М. Перевощиков. Правила времясчисления, принятые православною церковью. М., 1880; Д. И. Прозоровский. О старинном русском счислении часов. — Труды 2-го Археологического съезда, вып. 2. СПб., 1881, с. 105—194; Н. В. Степанов. 1) Таблицы для решения летописных задач на время. — Изв. ОРЯС АН, 1908, т. XIII, кн. 2; 2) Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907; 3) Единицы счета времени. — Чтения ОИДР, 1909, кн. 4; 4) Заметка о хронологической статье Кирика. — Изв. ОРЯС АН, 1910, т. XV, кн. 3; 5) Календарно-хронологический справочник. — Чтения ОИДР, 1917, кн. 1; Д. О. Святский. Астрономические явления в русских летописях. М., 1917; Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944; Е. И. Каменцева. Русская хронология. (Справочное пособие). М., 1960; Н. Г. Бережков. 1) Общая формула для определения дня недели по числу месяца в январских годах н. э. и в сентябрьских, мартовских и ультрамартовских годах от «сотворения мира». — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958; 2) Хронология русского летописания. М., 1963; А. Н. Зелинский. Конструктивные принципы древнерусского календаря. — В кн.: Контекст. 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978.

Обратимся к примерам. Один из самых показательных примеров широкого использования данных дублировок представляет собой анализ дублировок в Лаврентьевской летописи.[68]

Вслед за «Повестью временных лет» и в Лаврентьевской летописи и в Радзивиловской читаются известия южнорусские. Южнорусские известия идут сперва непрерывно, а затем перебиваются известиями северо-восточными. С 1157 г. начинается непрерывный ряд этих последних — северо-восточных известий. Южнорусские известия обрываются на 1175 г. Только под 1185, 1186 и 1188 гг. вновь находим южнорусские известия и снова после перерыва — в 1199 и 1200 гг. Это обстоятельство навело А. А. Шахматова на мысль, что южнорусское летописание привлекалось на севере, во Владимиро-Суздальской земле, откуда ведет свое начало Лаврентьевская летопись, не однажды, а с перерывами — три раза. Действительно, северо-восточные известия никогда не повторяются (не дублируются), а южнорусские дублируются, откуда ясно, что южнорусский материал привлекался не однажды и захватывал изложение одних и тех же событий. Одни и те же события отмечены под 1110 и 1111 гг. (поход князей на половцев), под 1115 и 1116 гг. (смерть Олега Святославича), под 1138 г. (о примирении Ярополка и Всеволода Ольговича рассказано дважды), под 1152 г. (Владимирко Галицкий дважды убегает от венгров и дважды просит мира), под 1168 и 1169 гг. (вокняжение в Киеве Глеба), под 1169 и 1171 гг. (поход Михаила Юрьевича на половцев).

Остановимся на последней дублировке подробнее. Под 1169 г. поход на половцев Михаила Юрьевича (или, как его еще называют Михалки — опекуна малолетнего переяславского князя Владимира Глебовича) описан подробнее, чем под 1171 г. Но рассказ 1171 г. не может считаться сокращенным пересказом первого. В нем есть подробности, которые отсутствуют под 1169 г.: указан день победы («неделя», т. е. воскресенье), указано, что переяславцы «полон свой отъяша 400 чади и пустиша я̆ во-свояси». Причем в одном случае победа переяславцев приписана помощи «божией матери» (под 1169 г.), а в другом — Михалку и Всеволоду помогает бог и молитва «дедня и отня». Таким образом, оба рассказа не восходят к одному источнику, они вполне самостоятельны. Однако оба рассказа принадлежат Переяславлю Южному (Русскому). Это видно из того, что про войско Михаила Юрьевича в обоих рассказах говорится «наши», хотя состояло оно из сотни переяславцев и полутора тысяч берендеев и, следовательно, «наши» не могло относиться к русским вообще. Отсюда можно заключить, что рассказы о походе Михаила Юрьевича составлены в обоих случаях на основе материалов Переяславля Южного. Это заключение подтверждается и другими дублировками. Однако, как мы уже видели, при-

[68] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов, с. 17 и сл.; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., с. 64 и сл.

влечена была не одна летопись дважды, а две разные, при этом излагавшие одно и то же событие под разными годами. Предполагаем, — и это предположение подтверждается анализом других дублировок Лаврентьевской летописи, — что в рассказе о походе Михаила Юрьевича под 1169 г. использован епископский летописец Переяславля Южного (в нем победа объясняется помощью божьей матери), а под 1171 г. — княжеский летописец Переяславля Южного (в нем победа объясняется княжой родовой полуязыческой молитвой «дедней и отней»).[69] Характерно, что оба летописца имели разные летосчисления и различие между ними достигало иногда двух лет.[70]

Важно отметить, что княжая летопись Переяславля Южного отразилась также и в составе Ипатьевской летописи. То, что княжая летопись Переяславля Южного отразилась одновременно в Лаврентьевской и в Ипатьевской, дает надежный критерий для отделения переяславских княжеских известий от переяславских епископских в составе Лаврентьевской.

Известия епископской переяславской летописи тянутся в составе Лаврентьевской летописи только до 1175 г. Известия же княжеской переяславской летописи идут до самой смерти Владимира Глебовича (1187 г.). Это позволяет предположительно определить переяславский княжеский летописец как свод Владимира Глебовича. Действительно, переяславский княжеский летописец целиком посвящен прославлению Владимира Глебовича в его борьбе с половцами.

На основании ряда признаков М. Д. Приселков определяет два этапа владимиро-суздальского летописания: свод 1175 г. и свод 1193 г. В первом из этих сводов, как явствует из вышеизложенного, был использован епископский переяславский летописец, доведенный как раз до этого 1175 г., а во втором — княжеский летописец Владимира Глебовича. Затем княжеский летописец Переяславля Южного был использован еще два раза, но дублировок известий уже не вызвал.

Чем же объяснить, что владимирское летописание во всех известных своих сводах с таким поражающим нас сейчас упорством обращалось к летописанию Переяславля Южного? Ответ на этот вопрос сложен. М. Д. Приселков посвящает этому вопросу несколько чрезвычайно интересных страниц своего исследования «Лаврентьевская летопись (история текста)».[71] Он обращает внимание на

---

[69] На эту княжую полуязыческую молитву к предку впервые обратил внимание С. М. Соловьев (История России. Изд. 2-е, кн. I, с. 78, примеч. 5). Подробнее о ней см. в статье В. Л. Комаровича «Культ Рода и Земли в княжеской среде XII века» (ТОДРЛ, т. XVI. М—Л., 1960).

[70] Вопрос о летосчислении в Древней Руси особый, и мы его здесь не затрагиваем.

[71] Учен. зап. Лен. гос. ун-та, 1939, № 32. Сер. исторических наук, вып. 2, с. 95 и сл.

самые отношения владимирских великих князей к Переяславлю Южному, который являлся главным оплотом политики владимирских князей на юге Руси, на династические связи с переяславскими князьями Мономаховичами, на традиции Мономашьего летописания, перешедшие в Переяславль Южный с третьей редакцией «Повести временных лет» через сына Владимира Мономаха — Мстислава, на епископскую кафедру Переяславля Южного, которую одно время занимал Сильвестр, бывший перед тем игуменом Выдубицкого монастыря и перерабатывавший «Повесть временных лет» (от Сильвестра сохранилась и известная запись в Лаврентьевской летописи под 1116 г.). К этому можно добавить особую осведомленность в общерусских делах книжников Переяславля Южного, первым принимавшего на себя удары степных кочевников и где поэтому были особенно заинтересованы в единстве Руси и внимательно следили за движениями степных народов и за событиями в русских княжествах.

Мы видим, таким образом, что объяснение текстологических особенностей ведет нас очень далеко в глубь исторических событий.

Дублирование рассказа об одном и том же событии не всегда легко бывает узнать — не только летописцу, но и современному исследователю. События могут быть сами по себе сходны, рассказываться с различными подробностями, по-разному оцениваться: все это крайне затрудняет их отождествление. Трудно, например, иногда решить: имели ли место два похода на половцев, или это два рассказа об одном и том же походе; дважды ли принимал князь послов или только один раз и т. д. Есть, однако, события, которые по самой своей природе не могут повторяться: смерть, рождение, крещение и пр. Поэтому, если в летописи дважды записана смерть того или иного лица, рождение, посажение на стол в своем княжестве и некоторые другие, — это верный признак соединения разных источников. Так, например, если мы внимательно прочтем в Лаврентьевской летописи рассказ о взятии Владимира Батыем в 1237 г., мы увидим, что в рассказе этом дважды умирает князь Юрий Всеволодович, дважды умирает владимирский епископ. Далее мы заметим, что и некоторые другие события этого взятия Владимира не повторялись дважды, а были дважды записаны. Ясно, что годовая статья 1237 г. соединена из двух источников. Дальнейший анализ показывает, что источники эти — один ростовский и другой явно владимирский.

Иногда дублировки получаются в летописи не оттого, что в ней оказались соединены два рассказа об одном и том же событии, а потому, что текст летописи был перебит вставкой и составитель летописи, сделав эту вставку, возобновил переписку своего основного источника, повторив уже переписанный им текст.

Так, например, в Новгородской четвертой и Софийской первой летописях под 1382 г. читается известие «преставися Михайло,

отець Матфеев» два раза: сначала в летописной статье, предшествующей обширной повести о взятии Москвы Тохтамышем, а потом в статье, помещенной вслед за этой повестью. Ясно, что повторение этой летописной статьи, а в ней и домашнего известия новгородского летописца явилось следствием вставки повести о взятии Москвы.[72] На основании многочисленных дублировок известий в Новгородской четвертой летописи и наблюдения над их составом А. А. Шахматов делает вывод о том, что Новгородская четвертая летопись составлена на основе двух новгородских летописных сводов: Новгородской первой летописи и того обширного, сложного по составу своему свода, который послужил источником Софийской первой летописи.[73]

Пользование дублировками для исследования происхождения того или иного рассказа летописи встречается в работах о летописи М. П. Погодина, И. И. Срезневского, Д. И. Прозоровского и др. Однако только А. А. Шахматов внес новое в самый принцип исследования дублировок. Отказавшись от эпизодических наблюдений летописного текста отдельных его годовых статей вне зависимости от других, А. А. Шахматов стал исследовать дублировки в их совокупности и во всем летописном материале летописных списков в целом. Подобно тому как обобщения А. А. Шахматова охватывали все известные ему летописные списки, — анализ А. А. Шахматова охватывал весь текст каждого летописного списка в отдельности.

Дублировки очень типичны для летописания, и пользование дублировками — одна из самых важных особенностей его изучения. При этом отметим: не так даже сложно обнаружить дублировку, как ее объяснить, а объяснение происхождения дублировок может быть очень разнообразно.[74]

В подходящих условиях дублировки встречаются и не только в летописных сочинениях. Так, например, в «Житии князя Федора Ярославского», составленном монахом Спасо-Ярославского монастыря Антонием, соединены различные источники. В частности, Антоний пользовался предшествующим анонимным «Житием Федора Ярославского» и «Повестью об убиении Батыя», приписываемой Пахомию Сербу.[75] Из обоих этих источников он взял сведения

---

[72] А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 114.

[73] Там же, с. 103.

[74] Иногда установить причину появления дублировок оказывается весьма сложно. См., например, полемику Г. М. Прохорова и Я. С. Лурье по поводу происхождения дублировок в Новгородской Карамзинской летописи (Г. М. Прохоров. Летописные подборки рукописи ГПБ, F. IV.603 и проблема сводного общерусского летописания; Я. С. Лурье. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 165—218).

[75] С. П. Розанов (Повесть об убиении Батыя. — Изв. ОРЯС АН, 1916, т. XXI, кн. 1) сомневается в том, что «Повесть» эта написана Пахомием Сербом.

о завоевании Руси полчищами Батыя, но соединил их неумело. В результате об этом рассказывается у Антония дважды: сначала по «Повести об убиении Батыя», а затем по анонимному житию.[76]

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПИСКОВ ИЕРАРХОВ ЦЕРКВИ, КНЯЗЕЙ, ПОСАДНИКОВ, ГОРОДОВ И ПР.

В летопись очень часто включаются (особенно в начале летописей) нечто вроде указателей имен князей, епископов, городов, посадников и пр. В середине летописи могут встретиться указания — какие существуют дети у князя. По упоминанию детей мы можем судить о том, составлена эта заметка до или после рождения у князя того или иного ребенка. По указанию на последнего епископа, последнего князя или посадника можно также судить о времени составления этого списка, а если список тесно связан с летописью, то и о времени составления последней. В главе, посвященной установлению времени создания произведения, мы уже останавливались на показаниях такого рода списков для хронологических определений. В данном случае подчеркнем, что списки эти очень часты и характерны для летописей и что сведения, извлекаемые из этих списков, касаются не только хронологии.

Списки иерархов церкви, князей, посадников, городов и т. п. помогают установить тождество или различие текстов, а также время окончания работы над текстом, так как списки эти обычно при переработке летописного текста доводились летописцами до своего времени и только механическими копиистами оставлялись без изменений.

Так, А. Н. Насонов, исследуя взаимоотношение списков псковской летописи — Оболенского (рукопись Археографической комиссии № 252 в ЛОИИ) и Погодинского 1-го (собр. Погодина № 1404[а], ГПБ), — пришел к выводу, что в основу списка Оболенского положена не копия с Погодинского 1-го, а только близкий к нему список. Основанием к тому явился анализ разночтений и различий в списке новгородских архиепископов. В списке Оболенского последним указан Моисей (ум. в 1363 г.), а в списке Погодинском 1-м — Давыд (ум. в 1325 г.). Отсюда можно предполагать, что текст Погодинского списка 1-го старше текста списка Оболенского, и это подтверждается разночтениями.

УСТАНОВЛЕНИЕ МЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЛЕТОПИСЕЙ

Центр, из которого вышла та или иная летопись, обычно обнаруживается по особому, а иногда даже мелочному вниманию летописи к событиям в этом центре. Так, например, редакция псков-

---

[76] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915, с. 231.

ской летописи, представленная Вахромеевским, Румянцевским и Типографским списками, проявляет после известий 1547 г. особый интерес к новгородскому Софийскому собору. «Того же лета, — пишется в Вахромеевском списке под 1548 г., — в Великом Новеграде в церкви Иоанна в темницы архиепископ Феодосий подпоры древяные из церкви выметал да своды каменные доспел над гробом чюдотворцевым каменной теремец, да церковь всю выбелил, да иконами и свещами и книгами украсил и свещу неугасимую поставил, и от того времени начаша в церкви святаго Иоанна Предтечи в темницы обедню по вся дни служити по неделям попы Софейского собору». Под 1553 г. говорится о море в Новгороде: «А у соборней церкви у Софии премудрости божии толко осталось 6 попов, да два диакона, а полный собор у святей Софии: протопоп, да 18 попов, протодиакон, да 4 диакона, да архидиакон, и всего в поветрие не стало. . .» и т. д. Далее — о поставлении архиепископом Пимена и о том, что «он же начат служити во святей Софии. . .» и пр. В тех же летописях к известию 6528 г. «родися Ярославу сын Владимер» добавлено: «Иже созда в Велице в Новеграде (в «Велицем Новегороде» в Типографской летописи) церковь святыя Софии Премудрости божия».

Такого рода внимание к новгородскому храму Софии может служить приметой того, что летопись составлялась или перерабатывалась именно здесь. А. Н. Насонов называет свод, представленный псковскими летописями — Румянцевской 1-й, Вахромеевской, Типографской, Бальзеровской и Горюшкинской — новгородско-софийской переделкой новгородско-псковского свода.[77]

Не всегда, конечно, одного только внимания к данной летописи или данному храму достаточно, чтобы определить то или иное местное происхождение летописи или летописного свода. Так, например, в летописании одного из феодальных центров могла быть использована обширная летопись другого центра, и тогда обилие местных известий последней может «окрасить местным колоритом» вторую настолько интенсивно, что вся летопись может казаться принадлежащей первому летописному центру. Так случилось, в частности, с Новгородской четвертой летописью. Ее считали новгородской по своему происхождению, однако М. Д. Приселков не без основания предполагает, что Новгородская четвертая летопись — московская по своему происхождению, но использовавшая в своем составе обширное летописание Новгорода Великого.[78]

Наиболее существен для определения местного происхождения летописи конец летописи, так как в начале и в середине ее по большей части отражается не работа последнего летописца, а использованные им источники. Самые же существенные указания

---

[77] Псковские летописи, вып. 1, с. LVII—LXII.

[78] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., с. 142 и сл.

для определения местного происхождения летописи извлекаются из переработок и изменений текста, в которых можно уловить местные интересы, местные тенденции или же узко местную осведомленность летописца.

Характерный пример находим у А. А. Шахматова в анализе Радзивиловской летописи.[79] Речь идет о продолжении Владимирского великокняжеского свода 1212 г., читающемся в Летописце Переяславля Суздальского. Судя по содержанию, это продолжение сделано в Переяславле Суздальском, не упускавшем из виду событий владимирских и ростовских. Но с этим продолжением в Летописце Переяславля Суздальского была связана и переработка предшествующего материала летописи. Переработка эта была также выполнена переяславцем. Это видно в нескольких местах летописи. Так, к известию 1157 г. о построении Андреем Боголюбским каменной церкви Спаса добавлено: «в Переяславли Новем». Однако в Переяславле Новом, или Суздальском, церковь Спаса была построена не Андреем Боголюбским, а еще Юрием Долгоруким в 1152 г. На самом деле в известии 1157 г. речь шла о церкви Спаса в Ростове Великом, но прямо этот город назван не был. Возможно, что предания связывали в Переяславле Новом построение церкви Спаса с Андреем Боголюбским,[80] но скорее всего летописец связал известие 1157 г. именно со своей церковью, так как привык думать о ней. Такого рода «психологическая» ошибка вполне естественна именно для переяславца.

Есть и другой признак. «Под 1175 г., — пишет М. Д. Приселков, — в молитвенном обращении летописца к памяти убитого Андрея Боголюбского вместо слов Владимирского свода 1212 г. „Молимся помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему победу на противныя и много лета с княгынею и с благородными детми“ — в переяславской обработке находим: „Молимся помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца (т. е. племянника, — *Д. Л.*) и дай же ему победу на противныя и много лета с княгынею и прижитие детий благородных“. Ярослав Всеволодович в эти годы был, как известно, князем Переяславля Суздальского. Наконец, в длинных повествованиях под 1176 и 1177 г. о борьбе за открывшееся наследство Андрея Боголюбского к многочисленным упоминаниям о владимирцах в Летописце Переяславля Суздальского мы находим приписанными слова „и переяславци“».[81]

Такого рода переделки, прибавления, молитвы за своего князя, именования своих людей «нашими» типичны для летописи и служат

---

[79] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов, с. 46—47.

[80] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., с. 59.

[81] Там же, с. 59.

в совокупности надежными указаниями того или иного местного происхождения летописи.

Отмечу, однако, другое. Раньше, в старой науке, в которой внутри какого-либо княжества разные социальные слои (не говоря уже о разных классах) не замечались, всякое указание на враждебное отношение к местному князю, к местному епископу и т. д. обычно рассматривалось как признак происхождения летописи из другой местности. Теперь мы имеем многочисленные указания и для Новгорода, и для Пскова, и для Москвы на то, что враждебное отношение к местным властям шло иногда из местных же истоков и поэтому отнюдь не служит признаком иногороднего происхождения летописи. Это положение резко отличает советских исследователей летописания от их предшественников.

Так, советские исследователи летописания обнаружили по крайней мере три летописных свода конца XV в., вышедшие из московских кругов, но враждебные московским властям.

Так, например, А. А. Шахматов предполагал, что в основе Софийской второй и Львовской летописей лежит ростовский свод Тихоновской редакции.[82] А. Н. Насонов доказал связь этого свода не с ростовским архиепископом Тихоном, а с московским митрополитом Геронтием.[83] Свод этот, как показал Я. С. Лурье, был резко враждебен великокняжеской власти.[84]

А. А. Шахматов предполагал, что в основе оппозиционной московским властям Ермолинской летописи, а также Хронографического списка Новгородской четвертой, списка Царского Софийской первой летописи и неизданной летописи из Погодинского собрания № 1409 ГПБ лежит ростовский свод архиепископа Вассиана. Я. С. Лурье показал, что свод этот, действительно весьма оппозиционный, вышел из московской военной среды, близкой воеводе Федору Басенку.[85]

Одна из обычных ошибок «дошахматовского» изучения летописей (впрочем, имеющая свои рецидивы и в настоящее время) состояла в том, что местные известия приписывались обычно существованию местной же летописи. Так, если в летописях обнаруживалась более или менее компактная группа известий, связанных с тем или иным княжеством, то объяснение этому искали только в том, что существовала летопись именно этого княжества. Так выделялись летописи нижегородские, рязанские, смоленские и пр. Между тем наличие местных известий может служить лишь «наводящим» материалом, указывающим на возможность

---

[82] А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — Изв. ОРЯС АН, 1903, т. VIII, кн. 4; 1904, т. IX, кн. 1.

[83] А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Изв. АН СССР, Отд. гуманит. наук, 1930, № 10, с. 716—719.

[84] Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века, с. 164—165.

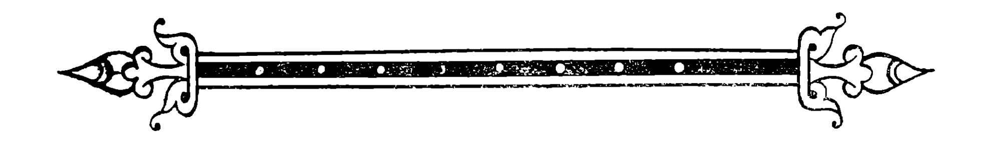
[85] Там же, с. 161—163.

существования как местной летописи, так и летописи, связанной с тем или иным князем, сидевшим некоторое время в этом княжестве, с епископом данной местности или просто на то, что данное княжество, события в нем происходившие, находились в орбите внимания летописца совсем другого княжества. Лишь пристрастие летописца к тому или иному князю, наличие интереса к событиям очень узкого местного значения, знакомство очевидца или осведомленность местного жителя могут в некоторой степени указывать на существование особой летописи. Основным методом изучения летописания остается сличение, сопоставление списков и выводы, основанные на этом сличении и сопоставлении.

*

На примере текстологического изучения летописей особенно отчетливо видно, насколько приемы исследования зависят от характера самого материала. Чем внимательнее учитывает текстолог особенности создания текста, тем успешнее его исследование. Принципы изучения текста должны быть реалистическими, учитывать все аспекты действительности, отражающейся в истории текста. Они должны основываться на признании того факта, что только внимательное сличение текстов летописей дает основной материал для выводов.

В последнее время появилась тенденция к возврату в изучении истории летописания к старым, дошахматовским приемам. Психологическое основание для этого возврата — трудность метода Шахматова. «Идеологически» это «обосновывается» обвинениями Шахматова в гиперкритике, но методика шахматовского изучения летописания внесла столько нового в наши представления о летописании, позволила построить историю русского летописания за шесть веков его активного существования, открыла нам новые летописи и объяснила столько неясного, что обвинения А. А. Шахматова в гиперкритике, а следовательно и в скептическом отношении к данным летописания и самому летописанию, просто смешны. Методическими приемами текстологического исследования русская наука вправе гордиться.

Глава IX

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Ряд особенностей имеет текстологическое изучение переводных произведений. Во-первых, при изучении переводных произведений очень ограничены возможности использования содержания: переводчик — не автор. Во-вторых, ограничены и специфичны возможности изучения стиля. В-третьих, приобретает огромное значение изучение языка перевода, дающего ряд ценных указаний на время, место и характер перевода, его оригинал и пр. Судьба перевода осложняется возможностями дополнительных правок перевода по оригиналу. Наконец, самое главное: изучение текста переводного произведения должно сопровождаться исследованиями в области его соотношений с иноязычным оригиналом.

Прежде всего остановимся на вопросе о том, что́ представляли собой переводы в Древней Руси.

ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ

Современное понятие перевода не всегда применимо к так называемой переводной древнеславянской литературе. Древнеславянские «переводчики», а главным образом переписчики и иногда даже читатели постоянно вносили в эти переводы (на полях рукописей) добавления, разъяснения, упрощали или усложняли язык, вставляли целые куски из других произведений, приспосабливая переводы к нуждам современной им действительности. Иногда древнеславянские книжники перестраивали композицию переводных сочинений или создавали на их основе сводные большие композиции, посвященные крупным темам: всемирной истории, ветхозаветной истории и т. п. «Переводчики» предпочитали считаться с потребностями читателя иногда в большей мере, чем соблюдать близость к оригиналу.

В «Слове о дерзости Павла апостола», где проповедник уговаривает паству не лениться слушать поучения, читаем такую вставку: «Аще бо бы рать на ны половецкая пришла и все наше попленили быша, таче воевода их претил бы и град наш раскопати. . . таче бы от царя нашего ят и связан, в град приведен был, —

не вси ли быхом вскочили и с женами и детми видети его?» Таких дополнений переводные поучения содержат немало.

Перерабатывались на русской почве и переводные жития. Четырьмя новыми рассказами было, например, дополнено переводное житие Николая Чудотворца. В двух из этих рассказов действие происходит в Киеве. Значительной переработке подвергся Пролог.

В еще большей степени подвергалась переработкам литература светская — в первую очередь историческая. Внимательное изучение различных редакций русских переводов византийских хроник показывает, что переводы эти сразу же использовались для больших русских сочинений сводного характера по всемирной и русской истории. Русские переписчики упорно и настойчиво расширяли материал этих хроник все новыми и новыми историческими произведениями, которые включались в их состав для наиболее полного освещения всемирной истории. Одновременно русские переводчики и писцы сокращали их риторические части, выбрасывали морально-философские рассуждения, придавали рассказу бóльшую деловитость. Так, на основании переводного материала и частично русского было составлено на Руси обширное сводное сочинение по всемирной истории — Летописец Еллинский и Римский. Основу его первоначальной редакции составляли переводные византийские хроники — Иоанна Малалы и Георгия Амартола, а также перевод «Александрии» псевдо-Каллисфена. Вторая редакция существенно переработала этот первоначальный текст, дополнив его рядом новых источников — Книгой пророка Даниила с толкованиями, Житием Константина и Елены, повестью о взятии Иерусалима Титом, русской повестью о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г.,[1] фрагментами из русских летописей.

Кроме Еллинского и Римского летописца на Руси было составлено несколько сводных сочинений по всемирной истории: «Иудейский хронограф», различного типа палеи и т. д. Таким образом, византийские хроники не просто переводились — на их основе создавались крупнейшие русские исторические сочинения сводного характера. На Руси существовали своеобразные мозаики из различных переводов, и исследование истории их текста особенно сложно. Здесь надо применять методику исследования переводных сочинений в сочетании с методикой исследования сводов — летописей.

Но характер сводов имели не только исторические сочинения, в которые входили переводы византийских хроник. Характер сводов имели и природоведческие переводные сочинения — «Христианская топография Косьмы Индикоплова», различные Шестодневы, Физиологи и пр. Наконец, переделкам, сокращениям и до-

---

[1] Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954.

полнениям подвергались на Руси переводные повести и романы. Большой интерес вызывал у русских читателей знаменитый эллинистический роман, впоследствии обошедший все феодальные литературы Европы, — «Александрия». На русской почве «Александрия» подверглась различным дополнениям, в частности из хроники Амартола и др.

Исключительный интерес представляет перевод «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия. Русский переводчик акцентировал эпизоды военные, дополнив перевод вставками, в которых содержались призывы к геройству, хвалились те, кто умирает на поле брани, и проклинались те, которые предпочитают умирать от болезни дома. Характерно, что иностранные исследователи «Повести о разорении Иерусалима» А. Берендс, Р. Эйслер и другие, не зная, что русские переводные сочинения обычно дополняют и перерабатывают текст, воспринимали все особенности «Повести о разорении Иерусалима» как особенности того греческого или арамейского текста, который лег в основу перевода.[2]

Таким же активным было отношение русских переводчиков и к другой переводной повести этого времени — к «Повести о Василии Дигенисе Пограничнике» (Акрите), представляющей собою прозаический перевод византийской поэмы X в. Русским переводчиком подчеркнуты героические сказочные мотивы поэмы, ослаблена любовная тема, опущены некоторые исторические детали.[3]

Конечно, не всякое переводное сочинение подвергалось переводчиками и переписчиками таким свободным переделкам. Сочинения авторитетных авторов (например, отцов церкви) изменялись сравнительно мало: их охраняло уважение к имени автора, но, с другой стороны, это же уважение к имени автора заставляло иногда приписывать ему произведения, которые ему не принадлежали (многие оригинально русские проповеди приписывались, например, Иоанну Златоусту). Весьма бережным было отношение к тексту богослужебных и канонических книг. Здесь текст охранялся страхом быть обвиненным в еретичестве.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕВОДНОГО ХАРАКТЕРА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Исследователь, открывающий новый памятник, должен прежде всего определить: переводный это памятник или оригинальный. Первое, на что он должен обратить внимание, — это на содержа-

---

[2] Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 8 и сл.; Н. К. Гудзий. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. — В кн.: Старинная русская повесть. М., 1941.

[3] М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. — В кн.: Сборник ОРЯС АН, т. 99, № 7. Пг., 1922.

ние памятника. Если произведение в основной своей части опирается на русский материал и не принадлежит к числу переводов произведений иноземцев о России, — это памятник оригинальный. Но если памятник посвящен одному из событий мировой истории, описанию иноземных местностей, богословскому вопросу, не имеющему связей с русской действительностью и т. д., — это, конечно, не обязательно памятник переводный, однако он может быть переводным.

Одно время историки древней русской литературы склонны были подозревать перевод почти в каждом памятнике, если он не имел отношения к русской действительности. Это, конечно, неверно, однако исследователь обязан все же проверить, не является ли этот памятник переводным. Этому служат в первую очередь библиографии и справочники по иностранным литературам. Если не удалось найти аналогичного по содержанию памятника, это не значит, что его не было. Надо искать признаки перевода в самом тексте.

Основное, однако, на что следует обращать внимание для определения того, переводное ли перед нами произведение или оригинальное, если нет других указаний в самом тексте, — это язык. Перевод могут выдать отдельные синтаксические обороты, которые могут быть объяснены языком оригинала,[4] оставшиеся не переведенными отдельные слова, характер написания имен и названий и специфические ошибки, проистекающие из того, что переводчик не понял языка оригинала.

Известен спор по поводу того, с какого языка была переведена на древнерусский язык «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Исследователи этого текста Берендс и Эйслер[5] предполагают, что перевод был сделан с арамейского. Русские исследователи считают, что с греческого. Довольно много вполне убедительных соображений на этот счет приводит в своем исследовании «Истории Иудейской войны» Н. А. Мещерский. Приведу его соображения: «. . .в отдельных случаях переводчик. . . оставлял без перевода отдельные греческие слова. Так, в кн. II, гл. XVI, ч. 4 греческое выражение μόνοι δ'ὑμεῖς ἀδοξεῖτε δουλεύειν οἷς ὑποτέκται τὰ πάντα (одни только вы считаете стыдом быть подвластным тем, кому подчиняются все) передано такими словами: „и едиными же адоксите стражем, им же покоряшеся всяческая". Здесь греческое

[4] Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений. — В кн.: Теория и критика перевода. Л., 1962.

[5] A. Berendts. Die Zeugnisse vom Christentum im slavischen «De bello iudaico» des Josephus. Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Hrsg. von O. Gebhardt und A. Harnack. Bd XIV. Leipzig, 1906; R. Eisler. ΙΗΣΟΥΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣΑΣ. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung vom Auftreten Johannes des Täufers bis zum Untergang Jakobs des Gerechten nach der neuerschlossenen Eroberung von Jerusalem des Flavius Josephus und den christlichen Quellen dargestellt von Robert Eisler. I. Heidelberg, 1929; II. 1930.

ἀδοξεῖτε, т. е. форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения настоящего времени, передано буквально непонятным для читателя словом „адоксите“, что свидетельствует о наличии у переводчика именно традиционного греческого текста»[6]

Приведу некоторые другие примеры из того же исследования Н. А. Мещерского.

«В кн. IV, гл. X, ч. 12 повествуется об использовании в момент междоусобной борьбы в Иерусалиме зилотами и сикариями различного рода укреплений. Между прочим в греческом тексте сказано: ὁ δὲ λοιπὸς ὑπὲρ τὴν κορυφὴν κατασκευάσετο τῆς παστοφορίων (последняя башня была сделана над верхними помещениями), в древнерусском: „да бес страха биются с ними с верху постофорья“. Далее тот же рассказ продолжается с указанием на обычаи еврейских священников с этого места оповещать людей трубным звуком (σάλπιγγι δείλῃς) о наступлении субботы, в древнерусском тексте стоит: „иде же един от иереи, стоя по обычаю, трубяше салпиньскы. . .“. Завесу в храме греческий текст описывает так: πρὸ δὲ τούτων ἰσομήκης καταπέτασμα πέπλος ἦν βαβυλώνιος ποικιλῶς ἐξ ὑακίνθου καὶ βύσσου, κόκκου τὲ καὶ πορφύρας (перед теми свешивалась завеса, одинаковая в ширину и длину, из вавилонской ткани, пестро сплетенной из гиацинта, виссона, шарлаха и пурпура), в древнерусском этому точно соответствует: „перед теми же висяще катапетазма, равна широтою и долготою, яж бе паволока вавилонскаа, устроена уакинфом, и усом, и коком и перфиром“ (кн. V, гл. V, ч. 4). В кн. IV (гл. IX, ч. 8) повествуется об окружении сикариями под предводительством Симона иерусалимских зилотов. В греческом тексте говорится, что Симон отсекал руки и носы у тех стариков и женщин, которые выходили за городские стены, чтобы собирать траву λαχανείας или дрова. После этого он отправлял их обратно в город для устрашения жителей. Древнерусский переводчик передает разбираемое место следующим образом: „елико вынидоша лахан собрати или древ, старии, или жены, или немощнии, сеча и руки их, и носы, пущаше в град“. Далее, при описании триумфального шествия Веспасиана и Тита в Риме (кн. VII, гл. V, ч. 4) говорится, что при этом воины стояли без оружия в шелковой одежде и в лавровых венках (κἀκείνου χωρὶς ὅπλων ἦν ἐν ἐσθήσιν σηρικαῖς ἐστεφανομένοι δάφναις). В древнерусском тексте этому соответствует: „стояху ж без оружиа в ризах багряных (бебряных) венчани дафиньи.“ Кроме разобранных случаев оставления без перевода греческих слов, можно указать еще на грецизмы, сохраненные древнерусским текстом в точном соответствии с общепринятым греческим: валъсолом, валсам (βάλσαμον); вусиньский (βύσσινος — вишневый); дисьн (πρὸς δύσιν — к западу); илиськ (ἠλύσιος — райский); камил (κάμηλος); ка-

---

[6] Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе, с. 69.

сия (κασσία — гроб); кедрьн (κέδρινος); кинамон (κινναμώνον — корица); комит (κομήτης — волосатый); кипро (κύπρον); мировалн (μυροβάλανος); оникс (ὄνυξ — коготь, ноготь) и др.» [7]

Языковые кальки (буквальные «снимки» с иностранных слов, сохраняющие морфологическую структуру этого иностранного слова) могут быть также показателями перевода, если они, правда, не вошли в русский язык и не стали в нем обычными. Н. А. Мещерский отмечает следующие кальки с греческого в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: второнейство (греч. τὸ δευτερεύειν — роль второго сына), веледушьни (μεγαλόψυχοι), грамотоносьць (γραμματοφόρος), древонесение (ξυλοφορία), градовъзимание (πολιορκία), конеристание (ἱππόδρομον), полобог (ἡμίθεος), языкодръжьць (ἔθναρχος) и др. [8]

Близко к калькам стоят и буквальные переводы иностранных имен и географических названий: тавры (обитатели Крыма) — «быков род», имя Панихида — «Всеночная» и пр. [9] А. В. Горский определил, что «Наказание святого Илариона к отрекшимся от мира» (или иначе «Послание к брату столпнику») есть произведение переводное, на основании слов «иго мое помазано» вместо «иго мое благо», что может быть объяснено только тем, что переводчик смешал χριστός и χρηστός. [10]

Перевод с греческого ясно чувствуется в некоторых местах договоров русских с греками. Так, в договоре Олега 911 г. имеется следующее место: «Аще кто от хрестьян или от Руси мученьа образом искус творити, и насильем яве возметь что любо дружне, да въспятить троиче». В тексте этом неясно выражение «искус творити». И. И. Срезневский (в «Материалах для Словаря древнерусского языка») сопоставляет значение «искус» с греческими πεῖρα, πείραμα, πείρασις — искушение, испытание, покушение, разбой, откуда получили свое название и разбойники — «пираты». По-видимому, «искус творити» означает «разбойничать», «отнимать силою», «грабить».

В договоре 911 г. Олега с греками в слова «межи нами бывающего мира» вкралась ошибка: вместо «нами» во всех списках читается «вами». Происхождение этой ошибки связано с обычаем заключать договоры между греками и иноверными народами. Исследователи договоров русских с греками, исходя из описания хода переговоров между Византией и Персией, сделанного византийцем Менандром, следующим образом описывают процедуру заключения мирных договоров Византией. Обычно изготовлялись два экземпляра договора — на греческом языке и на языке того

[7] Там же, с. 70—71.
[8] Там же, с. 72.
[9] Там же.
[10] В Остромировом евангелии «иго мое благо». Литературу вопроса об этом произведении см.: Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, с. 91 и сл.

народа, с которым договор заключался. Первоначально изготовлялся греческий экземпляр грамоты, который затем переводился на язык договаривающегося с Византией народа. В переводе изменялась и внешняя форма договора: греческая грамота составлялась от лица императора, перевод же составлялся от имени главы договаривающегося народа и его подданных. Соответственно менялись и местоимения и глагольные формы («мы», «наш» — «вы», «ваш» и т. д.). В приведенном нами выше примере эта перемена местоимений сделана чисто механически — в результате общей мены личных местоимений при изготовлении второй хартии, хотя совершенно ясно, что по смыслу «нами» должно было здесь быть оставлено и не заменяться через «вами», поскольку мир — общее дело и греков и русских.

Переводом с греческого объясняется и заглавие договора Олега с греками 911 г. «Равно другаго свѣщания. . .» Так же озаглавлен и договор Игоря 945 г. Н. А. Лавровский в своем исследовании «О византийском элементе в языке договоров русских с греками»[11] объяснил, что «равно» — это неудачный перевод греческого технического термина το ἴσον, означающего копию, список, а также вообще экземпляр (ср., например, употребление слова τὸ ἴσον в заглавии дарственной Алексея Комнина, и т. п.). Именно копии договоров русских с греками и получил, очевидно, летописец в свое распоряжение. Как доказал акад. С. П. Обнорский, эти договоры достались летописцу в переводах, современных самим переговорам.[12] Переводы эти, как видим, были не совсем точными.

«Но что такое „другаго свещания?“ — спрашивает А. А. Шахматов. — Н. А. Лавровский понимал это, как „другая договорная грамота“; следовательно, все выражение означало „список с другой договорной грамоты“; по-гречески было поэтому τὸ ἴσον или ἴσον τοῦ ἑτέρου συμβολαίου; ср. такое же объяснение у И. И. Срезневского («Славяно-русская палеография», 97). Неясным, однако, представляется, что такое ἕτερον συμβόλαιον, другое совещание. Считаю более правильным предположение, из которого исходил тот же И. И. Срезневский, когда в „Материалах для словаря древнерусского языка“ толковал слово „другый“ в заглавиях всех трех договоров, как дружественный, ἑταῖρος, ἑταιρεῖος, φίλος; итак наши договоры назывались дружественными совещаниями, ἑταῖρον (ἑταιρεῖον, ἑταιρικὸν) συμβόλαιον. Славянский переводчик вместо ἑταίρου (ἑταιρείου, ἑταιρικοῦ) прочел ἑτέρου, тождественное по произношению с ἑταίρου и передал это через „другаадо“».[13] Такой перевод поро-

[11] Н. А. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.

[12] С. П. Обнорский. О языке договоров русских с греками. — В кн.: Язык и мышление, т. VI—VII. Л., 1936, с. 102.

[13] А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. — Записки Неофилологического общества, вып. VIII, отд. отт., 1914, с. 5—6.

дил неправильное понимание заглавия договоров у летописца. Он понимал их так: «согласно с другим (предшествующим) договором». Поэтому-то летописец и решил, по вероятной догадке А. А. Шахматова, что перед договором 911 г. был еще один договор. Он восстановил его предположительно и поместил под 907 г. Что же касается до слов «бывшаго при», то Н. А. Лавровский предполагает более правильный перевод: «находящейся (γινομένου, а не γενομένου) у (πρός)».

Остатки языка оригинала особенно часты в собственных именах и в географических названиях. Так, например, А. И. Соболевский предполагает, что «Космография» Ортелиуса переведена не с латинского, а с польского, хотя польские переводы ее были А. И. Соболевскому неизвестны. Основание к тому — польские географические названия: Саская земля, Сляская земля (Силезия), Ракуская земля (Австрия).[14]

Указания на язык оригинала могут быть извлечены из ошибок перевода, вызванных специфическими для алфавита языка оригинала смешениями букв. Так, например, А. Д. Григорьев высказал в свое время предположение, что «Повесть об Акире Премудром» переведена на древнерусский язык с сирийского.[15] Предположение А. Д. Григорьева было подкреплено Н. А. Мещерским следующим соображением. Герой повести Синагрип назван в ней царем «Адорским и Наливским», т. е. царем Ассирии и Ниневии. «Это может быть объяснено только из особенностей сирийской палеографии (шрифт эстрангело), в которой буквы „нун“ и „лямед“ имеют сходное начертание и отличаются друг от друга только по длине основной вертикальной, полунаклонной влево черты».[16]

Наличие латинизмов, полонизмов или грецизмов еще не решает вопроса о том, с какого языка был сделан перевод.

Исследуя язык переводного памятника неолатинской литературы «О причинах гибели царств», М. А. Салмина пишет: «Знакомство с текстом памятника обнаруживает в нем немалое количество слов и литературных оборотов, восходящих к польскому языку. Так, например: разумение — rozumienie — понимание; помста — pomsta — месть; прироженные — przyrodzony — природные; жалость — żołość — горе; поехать до войска — к войску; с вины — от вины; заушничество — zausznictwo — наушничество, и др. Но так как эти выражения (за исключением последнего) характерны и для украинского языка, решать вопрос в пользу

---

[14] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 58—59.

[15] А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913. Ср. также: Н. Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории повести об Акире. М., 1915.

[16] Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 58.

перевода с польского еще рано. Возможно, что не Польша, а Украина оказалась посредницей в передаче на Русь этого памятника неолатинской литературы; возможно, что сочинение прошло и двойной перевод — с польского на украинский, а затем с украинского на русский язык. Наконец, возможно, что интересующий нас памятник — компиляция из различных переводных сочинений, сделанная уже на русской почве».[17] Добавим от себя, что если последнее верно, то вопрос о том, с какого языка был сделан перевод, должен рассматриваться для каждого из источников компиляции отдельно.

При изучении языка литературных произведений надо иметь в виду, что грецизмы сами по себе еще вовсе не указывают на то, что перед нами переводный источник. Грецизмы могли явиться как результат простого желания автора выказать свою ученость. И дело здесь, конечно, не в суетности древних книжников, а в том, что всякое литературное произведение, посвященное «высоким», церковным сюжетам, должно было быть написано книжным, «ученым», церковным языком. Поэтому различного рода искусственные формы широко вливались в произведения церковные по своей тематике. Так, например, перевод Географии Помпония Мелы, известный в двух списках — XVI и XVII в., заключает довольно много грецизмов: «ара*в*есь», «*в*актри», «*в*ретанийского», «Кам*в*иск царь», «*К*имон», «*К*изик», «Селев*к*ия», «*к*имери», «*к*иринеи», «А*с*ия», «Ви*ѳ*иния», «*ѳ*ивеяне», «а*ѳ*инейский» и т. д. Однако перевод несомненно сделан с латинского. Переводчик знал греческий язык и ввел грецизмы в язык своего перевода от себя, для придания языку ученого характера.[18]

Следовательно, обнаруживая грецизмы, не следует торопиться объяснять их тем, что перед нами произведение переводное.

Приведу другой пример. В распространенном житии князя Владимира I Святославича известный историк русской церкви, весьма скептически настроенный к древнерусской книжности вообще — Е. Е. Голубинский, хотел видеть перевод с греческого.[19] Это же мнение поддерживал А. Н. Попов.[20] Одним из оснований для А. Н. Попова было греческое слово «Ликофрос», встречающееся в этом житии как название холма Перуна, на котором Владимир построил церковь Василия. Однако С. П. Шестаков азъяснял, что «Ликофрос» представляет собой искажение грече.

---

[17] М. А. Салмина. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII в. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 334—335.

[18] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, с. 52—53.

[19] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1. Изд. 2-е. М., 1901, с. 134.

[20] А. Н. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 41.

ских слов λυκείου θρόνος или λυκείου ὅρος. Такое искажение скорее изобличает наивное стремление к «учености», чем перевод.[21]

Грецизмы и греческие слова, написанные русскими буквами, встречаются не только в произведениях, о которых мы можем сомневаться — русские ли они или переводные, но и в явно русских по своему происхождению сочинениях — например, в летописях («аера достигше» — Ипатьевская летопись под 1199 г. и «кириелейсон» и «кирьлѣшь» — там же под 1146, 1151, 1249 гг., «газъфулакия» (γαζοφυλάκιον — сокровищное хранилище), там же под 1199 г., и др.). Встречаются грецизмы в «Житии Довмонта Псковского», «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора и т. д.

В «Повести временных лет» под 971 г. имеется следующий текст: «Поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая». Что это за «град», отличный от других «градов»? Дело в том, что греки часто называли Константинополь просто πόλις,, как римляне Рим — urbs. Речь здесь идет о движении Святослава с его войском на Константинополь.

Другой пример. В той же «Повести временных лет» под 882 г. Олег, заняв Киев, говорит: «Се буди мати градом русьским». Слова Олега имеют не метафорический, а прямой и вполне точный смысл: Олег объявляет Киев столицей Русской земли. Ср. аналогичный термин в греческом: μητρόπολις — мать городов, метрополия, столица.

Надо, кроме того, иметь в виду, что иностранные слова и иностранные обороты речи, не являющиеся даже общеязыковыми заимствованиями, могут проникнуть в произведение через живое общение автора с иноземным населением. Так, например, автор древнерусской «Повести о взятии Царьграда фрягами в 1204 г.» был несомненным очевидцем событий и находился в живом общении не только с греческим населением Константинополя, но и с крестоносцами. Отсюда в его повести греческие названия зданий и местностей Константинополя (подрумье — ипподром, Вергетис — название монастыря Ἐνεργέτης; Испигас — название ворот, ведущих в пригород Пиги — εἰς Πήγας и т. д.), названия военных судов и их частей (галея, скала, дромон, рая и пр.), западноевропейская форма имен и титулов руководителей крестоносного ополчения (Бонифаций, маркграф Монферратский назван «маркус» — от итальянского marchio, marchiso. Балдуин граф Фландрский назван «Кондоф Офланъдр» или «Кондофларенд», т. е. conto (итальянское — «граф») и «of Flandern». Итальянский город Верона назван в немецкой форме Берн (Bern) и т. п.).[22]

---

[21] С. П. Шестаков. К вопросу о месте крещения св. Владимира. — Изв. Общества археологии, истории и этнографии, Казань, 1908, т. XXIII, вып. 5, с. 330.

[22] См.: Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году, с. 130—131.

Среди слов греческого происхождения, употребительных в церковных произведениях домонгольского периода и встречающихся в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, Н. А. Мещерский отмечает: аер (воздух), архиерей (первосвященник) и иерей (священник), акрида (саранча), газофилакия (сокровищница), дискос (церковный сосуд), игемон (начальник), катапетазма (завеса), олакавтома (всесожжение), пентикостия (название праздника — пятидесятница), перфира (багряница), потир (чаша), скинопигия (название праздника кущей), родостома (розовая вода), теревинф (дуб), трапеза (стол), епистолия (послание) и др.[23] Кроме того, Н. А. Мещерский отмечает для того же периода слова греческого происхождения, заимствованные изустным путем и широко употреблявшиеся в письменных произведениях: баня, гистерна (цистерна), калига, калижьници (обувь), каторга (род судна), кация (кадильница), комара (пристройка), кубара (род судна), лентие (полотенце, пояс), лимень (гавань), митрополия, руга (дань), скомрах (скоморох), товар и т. п.[24]

Определяя по языку переводный характер памятника, необходимо иметь в виду язык в с е г о памятника, а не отдельных его частей и не основываться на эпизодических материалах. В самом деле, если памятник имеет заимствования из других памятников, то иностранный оборот или ошибка переводчика могли проникнуть в памятник в составе этого заимствования и вовсе не свидетельствовать о переводном характере всего произведения в целом. Один из таких случаев приводит М. А. Салмина в заметке «„Ентинарий“ в „Повести о зачале Москвы“».[25] В «Повести о зачале Москвы» имеется непонятное слово «ентинарий» в рассказе о закладке Капитолия в Риме. Рассказ этот заимствован в «Повести» из Русского хронографа, а в Русском хронографе он заимствован из славянского перевода Хроники Манассии. Во всех этих произведениях слово это звучит сходно: «ентинарий», «Енътинарие». Объяснение находим в греческом тексте Манассиевой Хроники, где слову этому соответствует греческое ἐν Τυῤῥηνοῖς (в Тиррении, т. е. в Этрурии).

В «Речи философа» в «Повести временных лет» упоминается какой-то город Ендань, которого не знают другие источники. Данное место заимствовано в «Речи философа» из перевода Хроники Амартола, в переводе же Хроники Амартола название этого города — плод ошибки. В греческом тексте Амартола читаем: ἐν Δόν, а в соответствующем месте Библии — «в Дане».

Грецизмы могут быть отмечены в языке перевода сочинения «О государстве» Модржевского,[26] сделанного с латинского.[27]

[23–24] Н. А. М е щ е р с к и й. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе, с. 72.

[25] ТОДРЛ, т. XV, с. 362—363.

[26] А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, с. 160.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКА, НА КОТОРЫЙ СДЕЛАН ПЕРЕВОД

Может показаться, что вопрос этот не представляет особой трудности, однако, если мы примем во внимание, что древнерусский язык, древнеболгарский, древнесербский в домонгольский период были очень близки, а переписчики, отличавшиеся по национальности от переводчиков, вносили в перевод особенности своих языков, то сложность этого вопроса не вызовет у нас никакого сомнения.

В самом деле, древнерусский перевод мог переписываться сербом, болгарином, древнеболгарский — в России, древнесербский — в Болгарии и т. д. На Афоне переводчик сам мог смешивать особенности различных славянских языков и т. д. Для решения вопроса о том, на какой язык сделан перевод: на русский или один из южнославянских (речь идет только о домонгольских переводах), А. И. Соболевский предлагает руководствоваться данными лексики, но не данными фонетики и морфологии, которые могли проникнуть в рукопись через переписчиков позднее.[28]

А. И. Соболевский указывает на следующие группы слов, которые характерны только для русских переводов.

Первая группа слов — это названия бытовых явлений и предметов, должностных лиц, мер веса и расстояния, судов, одежд и некоторые другие, характерные только для русских: «посадник», «староста», «гривна», «куна», «резана», «насад», «кожух». Для части этой группы характерны некоторые значения, встречающиеся только у русских: «гривна» в значении денежной единицы, «пиво» в значении определенного напитка, а не в значении питья вообще.

Вторая группа слов — заимствования из других языков, сделанные только русским языком изустным путем: «тиун», «шолк»,

---

[27] При определении языка, с которого сделан перевод, помощь могут оказать также следующие издания: А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова. Литографированный курс. СПб., 1891; Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. III. Слова, взятые из польского или через посредство польского. СПб., 1899; W. A. Christiani. Über das Eindringen von Fremdwörter in die Russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906; Н. А. Смирнов. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого. — Сборник ОРЯС АН, т. 88, № 2. СПб., 1910; И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915; В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2-е. М., 1938; Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 4-е. Киев, 1953; В. В. Тамань. О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII вв. (автореф.). Л., 1953; Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961. — Мною названы лишь некоторые основные работы.

[28] См. недавно переизданную работу А. И. Соболевского «Особенности русских переводов домонгольского периода» (в кн.: А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980, с. 136).

«плуг», «женчуг», «уксус», «скамья», «кадь», «керста» или «корста», «пъря» (парус), «обезьяна» и др.

Третья группа — это названия стран, городов, народов, известных по преимуществу русским, но неизвестных или малоизвестных южным славянам: «Кърчева», «Сурожь», «Суд», «обез», «мурманин» и т. д. Затем А. И. Соболевский отмечает слова народные русские, не встречающиеся в языках южнославянских: «глаз», «лошадь», «хвост», «пирог», «ковер», «думати» (в значении «советоваться») и некоторые сочетания слов: «учити грамоте», «в тъ чин» (в то время) и пр.

Наконец, к словам А. И. Соболевский присоединяет и отдельные специфически русские значения слов, встречающихся и в южнославянских языках: «село»—только русское значение «селение» (в южнославянских языках «поле»), «сено» — «сухая трава» (в южнославянских языках «трава» вообще) и пр.[29]

В специальной авторецензии на свое издание Хроники Георгия Амартола в древнерусском переводе[30] В. М. Истрин характеризует признаки русского происхождения перевода: «1. Полногласие. Сами по себе полногласные формы ничего не могут говорить в пользу того или иного происхождения памятника. Полногласные формы Хроники Георгия Амартола встречаются во всех списках и свидетельствуют лишь о том, что Хроника сохранилась только в русских списках. Можно заметить даже в истории полногласных форм постепенное, хотя и незначительное их распространение. Однако не все полногласные формы можно считать позднейшими. Анализ текста приводит к заключению, что часть полногласных форм должно отнести к первооригиналу, так как они читаются во всех списках и в обеих редакциях, на которые можно разделить наличные списки. К числу таких слов можно отнести: ожерелиѥ, холопъ, поромъ, городьць, перевозъ, городъ, мороморанъ, волочи; в пользу первоначальности полногласных форм поромъ, перевозъ, мороморанъ, городъ говорит то, что они употреблены в глоссах.

2. Приставка вы в соединении с глаголами. Эта приставка вы является одной из характерных особенностей древнерусского языка, в отличие от южнославянских, где ей обыкновенно соответствуют из — от = ἐξ — διά. С такой приставкой читаются глаголы: выклонитися, вылагати, выселити вынати, высыпати, выскочити, высылати, выгнати. Так как во всех данных случаях все списки между собой согласны, то эту русскую особенность надо возводить к первооригиналу, где она является случайным проникновением русской

[29] Там же, с. 136—137.

[30] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. — Slavia, 1923, roč. II, seš. 2. a 3., 460—467.

стихии в литературный церковнославянский язык,[31] почему она и встречается в незначительном числе случаев; переводчик был склонен пользоваться привычными для него приставками из — от.

3. Греческое μβ в переводе „мб". Такая передача для хроники является правилом в таких словах, как Замбрии, К·амбисіи и т. п. Передача эта до сих пор не объяснена удовлетворительно. Но она встречается в памятниках, русское происхождение которых имеет за собой много данных, как „Повесть об Акире Премудром", „Житие Феодора Студита", „Иудейская война" Иосифа Флавия, „Житие Андрея Юродивого». В древних же переводах заведомо южнославянских мы находим обыкновенно „мв", как напр. в сербском Амартоле или в Хронике Иоанна Зонары. Понятно, что не во всех „русских" памятниках непременно должно встречаться „мб" в соответствие греч. μβ, но сочетание „мв" в них будет объясняться влиянием церковнославянского языка; употребление же в памятнике „мб" будет служить одним из доказательств его „русского" происхождения.

4. Окончание отчества на „ичь" также должно считать за русскую особенность, как „Лагоевичь", „Филиповичь", и др. Такое обозначение отчества проходит через всю Хронику и через все списки, и потому оно должно возводиться к первооригиналу. Частое употребление в одном памятнике окончания „ичь" должно указывать на русскую среду, где князей обыкновенно называли по отчеству на „ичь", как несколько позднее в нашихлетописях.

В „Иудейской войне" Иосифа Флавия с „ичь" можно сопоставить окончание „ичи" для обозначения рода, как „Иродовичи", что напоминает наших „Мономаховичей" и т. п. В памятниках южнославянских, как сербский Амартол и хроники Зонары, Манассии и Симеона Логофета, ни того ни другого окончания нет.

5. Глоссы. В Хронике наблюдается большое количество глосс, анализ которых заставляет относить их к первооригиналу, а не к какому-либо позднейшему интерполятору, как напр. δοκίτης = „докить рекше ꙗко копиѥ", или ἄςτους = „ковриг рекше соухыꙗ посмаги" и т. п. В двух случаях переводчик указал неопределенно на „свой" язык, именно при ἑβδομάδες = „седмиць рекше недѣли нашьскы" и при δημοσίους = „общим н҃шим гл҃мь повознымь". Так как здесь глоссируются слова, не оставшиеся в своей греческой форме, но переведенные, то, следовательно, „наш язык" противополагается не греческому, а тому, которому принадлежат слова седмица и общии, т. е. языку церковнославянскому, в котором эти слова являлись обычными переводами соответствующих греческих слов. Переводчик, переводя ἑβδομάδες обычным литературным словом „седмиць" и δημοσίους

[31] Здесь В. М. Истрин придерживается концепции А. А. Шахматова о возникновении русского литературного языка.

словом „общим“, добавил: „а по-нашему“, т. е. „по-русскому“, — недѣли и повозным. Последнее слово еще и потому должно считаться пояснением русского переводчика, что в той же фразе мы встречаем еще другое русское слово окорокы. Можно обратить внимание на правописание такой глоссы, как Νεάπολιν = рекше Новъ городъ, восходящее в таком виде к первооригиналу. Обыкновенно в хронике употребляется форма град, но в данном случае глосса сопоставилась в уме переводчика с хорошо известным ему „Новгородом“, каковое название он и оставил в русской форме. Такого же происхождения и передача τοῦ Στρογγύλλου καστελλίου через Круглого городца: там, где καστέλλιον не имело значения собственного имени, переводчик писал градець, в данном же случае для обозначения собственного имени переводчик воспользовался также известным ему в значении собственного имени словом. Самое обилие глосс не указывает ли скорее на русскую среду, нежели на южнославянскую? Глоссы вызывались тем, что многие греческие слова, особенно технические, не были известны тем, для кого предназначалась Хроника. На славянском же юге греческий язык был достаточно известен, настолько, что можно было обходиться без комментариев, т. е. без глосс. Болгары-переводчики не считали нужным комментировать какое-нибудь ἔμβολος по той причине, что предполагали это слово хорошо знакомым грамотному читателю. Иное дело было на Руси, где такого знакомства с греческим языком, а тем более с греческой обстановкой не было; поэтому переводчики и считали необходимым иные слова подвергать комментариям, как напр. то же ἔμβολος: имполи рекше улици покровенѣ.

6. Имя Бохмитъ — перевод греч. Μουχούμεδ. Такое наименование встречается только в русских памятниках, как в „Толковой Палее“ и в „Летописи“. Слово „Бохмитъ“, очевидно, есть русская народная передача иноземного Bohmit, как произносили его волжские болгары, входившие в непосредственное соприкосновение с русскими.

7. Суд для передачи греч. τὸ Στενόν и τὸ Ἱερόν. Слова Суд не знают ни сербский Амартол, ни Хроника Логофета, а на Руси в XI веке имя Суд было уже распространенным и всем известным названием и Босфорского пролива и Золотого Рога. В слове Суд совпали два слова: 1. греч. σοῦδα -ров, укрепленный тыном, и 2. скандинавское sund пролив. Σοῦδα были устроены во многих местах Босфора как для удобной стоянки судов, так и для защиты от нападений. Русские, подплывавшие к Босфорскому проливу для нападения на Царьград, прежде всего встречали τὴν Σοῦδαν, где они и отдыхали после трудного переезда через Черное море. Куда бы они ни приставали, они всюду встречали σοῦδαν. Слово σοῦδα поэтому среди русских воинов было более в ходу, нежели какое-либо другое, передававшее греческое название Босфора — Στενόν.

Когда в половине XI в. происходил перевод хроники, то русский переводчик воспользовался сложившейся уже народной этимологией и греч. Στενόν стал переводить через „Судъ“.

8. Главным основанием при решении вопроса о происхождении перевода любого древнеславянского памятника служит словарный материал. С выдвинутым в свое время акад. А. И. Соболевским положением, что словарный материал церковнославянских книг под пером русских переписчиков оставался, за немногими исключениями, без изменений, следует согласиться. Если мы встречаем в каком-либо памятнике ряд слов, которые должны быть признаны р у с с к и м и, то мы можем не сомневаться в том, что в большинстве они восходят к первооригиналу. Все дело, следовательно, в том, чтобы определить именно русское происхождение того или другого слова. В этом отношении в настоящее время еще не может быть сомнений. Если некоторые слова без колебаний могут быть признаны русскими, то относительно других не может быть такой уверенности. Однако не надо бояться, если иные слова, выставляемые как русские, впоследствии могут встретиться и в памятниках южнославянских. Их наличие в последних не поколеблет вывода о русском происхождении памятника, если рядом с ними мы встретим слова действительно русского происхождения или употребления. Что касается Хроники Георгия Амартола, то в ней встречается немало слов, которые должны считаться безусловно русскими; к ним присоединяются слова, которые, хотя и не носят столь явного признака их русского происхождения или употребления, но которые, однако, читаются в других памятниках, русское происхождение коих основывается на совокупности всех данных, и не встречаются в памятниках южнославянского происхождения. Основным фондом для словарного материала служил церковнославянский литературный язык. Но временами невольно проскальзывала русская народная стихия в виде слов народного, очевидно, разговорного языка; переводчик оставлял обычное литературное слово и ставил другое, обычное в его живом говоре. Некоторые из них существуют и сейчас в народном употреблении, а также частью и в литературном. Такими словами, которые могут указывать на русский перевод хроники, являются: болѣсть, бронистець, быль, выньзти, вѣдуниꙗ, грамотица, гридь, гридити, дружина, дружити, дьꙗчьць, заступъ, земьць, изрѧдити, комоница, корста, кубара, ловъ (ловы дѣꙗти), мовьница, наговорити, накупь, намлъвити, неговорливъ, недѣлꙗ, одвериѥ, окорокъ, олѧдь, орь, осада, полъсемы, пополошитисѧ, пристроити, прощеникъ, пуще, скрипаниѥ, скѣди, слонꙗтисѧ, сълъба, съмълвитсѧ, сѣни, трепѧстъкъ, удѣлъ, хортица, чинъ.

Все указанные факты дают достаточно материала для признания перевода хроники русским. Во всех них перевод хроники резко отделяется от других родственных памятников южносла-

вянского происхождения, как напр. хроники Иоанна Малалы, Иоанна Зонары, Манассии, Симеона Логофета и „сербского" Амартола. Наоборот, по крайней мере в словарном отношении, он сближается с такими памятниками, русское происхождение которых, если вполне не доказано, однако имеет за собой много данных, как „Иудейская война" Иосифа Флавия, „Житие Андрея Юродивого", „Житие Василия Нового", „Пчела" и др. В военно-технической терминологии перевод хроники настолько сближается с русскими летописями, как будто он вышел из одной среды с последними; в этой терминологии переводчик не имел в церковнославянском литературном языке необходимого запаса слов».[32]

Впрочем, сколько бы ни было в переводе отдельных признаков его перевода именно на тот или иной конкретный древнеславянский язык, вопрос о языке перевода может всегда оказаться сложнее. С возможностью этих сложных случаев исследователь обязан постоянно считаться. Перевод может делаться группой разноязычных переводчиков, он может перерабатываться в другой славянской стране, может представлять собой свод различных разноязычных переводов и т. д. История текста переводного памятника может быть очень длительной и очень запутанной. Ни один из вопросов текстологического изучения переводного памятника не может быть решен сам по себе, изолированно от других вопросов. Только полная история текста перевода может дать убедительный ответ на любой из отдельных вопросов изучения переводного произведения.

Среди различных доказательств русского происхождения славянского перевода Пролога приводится и такое: греческое βλέμμνες переведено русским словом «глазатые», не встречающимся в других славянских языках. Это русское слово сохраняется и в югославянских списках Пролога. Пример этот очень убедителен, но только в качестве примера. Чтобы делать какие бы то ни было выводы на основании языка памятника, необходимо проверить весь памятник — весь его язык. Проверка должна происходить и для подборки новых доказательств и для выяснения — нет ли в памятнике противоречащих фактов. В текстологической работе здесь и в других случаях необходимо постоянно помнить о возможности других объяснений и удовлетворяться найденным только в том случае, если устранены все другие. При этом исследователь обязан как можно шире представить себе все возможные другие объяснения.

Вернемся к Прологу. Нельзя, например, думать, что могут быть только две теории происхождения перевода Пролога с греческого — русская и болгарская. М. Н. Сперанский предполагал,

---

[32] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, с. 461—465.

например, что над переводом Пролога с греческого языка трудились совместно болгарские и русские переводчики, причем и те, и другие оставили в языке перевода следы своей национальности в языке и в содержании (в Пролог включены памяти славянских и русских святых). Возможным местом такой совместной работы был Константинополь.[33] С другим объяснением выступил Н. Петров. Он считал, что «русские и болгарские переводчики не трудились совместно над переводом одного и того же Пролога, а переводили разные его редакции, сведенные в одно целое только в последствии времени».[34] Совместная работа переводчиков разных национальностей — явление постоянное.

Только на основании изучения языка Кирилло-мефодиевского перевода Евангелия В. А. Погорелов пришел к выводу об участии в этой работе словака, хорошо знавшего латинскую Вульгату.[35]

Но может быть и так, что над переводом трудился переводчик, который сам смешивал разные языки, особенно если переводчик был из пограничной между двумя странами области или был человеком смешанной культуры.

Полонизмы перевода часто сочетаются, например, с украинизмами и белоруссизмами. Так, например, перевод «Космографии» Меркатора, известный во многих списках, сделан на русский язык, но в нем имеются и полонизмы, и белоруссизмы: «бажант» (фазан), «кляштор сиречь монастырь», «место» (город), «Брытания». Латинское «g» часто передается через «кг».[36] Перевод «Сарматии» Гваньини сделан на русский язык, но встречаются наряду с церковнославянизмами и полонизмами — украинизмы: «що» (что), «на нывах», «посреде хати» и т. п.[37]

Если в рукописи смешаны черты разных изводов, то наиболее вероятно, что древнейшие черты будут те, которые не соответствуют изводу самой рукописи. Так, в сербской рукописи черты болгарской лексики указывают на болгарский текст, переписывавшийся сербом и приобретший сербские черты. Конечно, если текст несколько раз переходил из страны в страну или от переписчика одной национальности к переписчику другой национальности, — такого рода суждение очень приблизительно. Во всяком случае, служить признаком того или иного извода такое соотношение их черт не может.

---

[33] М. Н. Сперанский. История древнерусской литературы. М., 1914, с. 197—203.

[34] Н. Петров. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875, с. 98.

[35] В. А. Погорелов. О Кирилло-мефодиевском переводе Евангелия. — Труды V съезда русских академических организаций за границей. София, 1932, с. 324.

[36] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков., с. 60.

[37] Там же, с. 77.

В. В. Виноградов в «Заметках о лексике „Жития Саввы Освященного“»[38] отмечает наличие разных языковых слоев в русском списке XIII в. этого произведения — русских и болгарских. В. В. Виноградов пишет: «Не подлежит сомнению, что „Житие Саввы“ представляет собою список, впрочем, значительно обрусевший, с „болгарского“ оригинала. За это определительно говорят сохранившиеся в графике черты древнего оригинала (тысоущь длъзѣ, мена ъ и ь, переход *о* в *оу* в твор. п. ед. ч., может быть мена *ы* и ь, оконч. *-оуоумоу* и др.) и лексика „Жития Саввы“.[39] В „Житии Саввы“ нет ни одной из ярких лексических особенностей русских переводов, которые выдвинуты ак. А. И. Соболевским в качестве критерия при решении вопроса о месте перевода.[40] Слова, общие древнерусским и церковнославянским текстам, в „Житии Саввы“ употребляются в значениях, свойственных этим последним, напр.: страдати (всегда: πάσχειν), лаяти (не о собаке, см. 523_7; год оулаявъше — καιροῦ ἐπιτηδείου δραξάμενοι),[41] село (σκήνωμα; ср. то же значение в 1 и 2 кн. Царств. Публ. библ. F. № 1. 461),[42] скот (κτῆνος)[43] и др.».[44]

Таким образом, чтобы решить — на какой язык был сделан перевод в случае смешанного извода текста, — необходимо принять во внимание различные обстоятельства: какой слой может считаться последним, каково происхождение самой рукописи (по данным палеографии), есть ли существенные признаки в лексике или один из изводов касается только фонетики и морфологии (которые изменяются легче) и не затрагивает лексики и пр.

Чем сложнее явление, тем оно должно быть конкретнее объяснено. Можно сказать даже, что конкретное объяснение сложного явления бывает особенно убедительным, поскольку сложное явление затрудняет возможность многих объяснений.

---

[38] В. В. Виноградов. Орфография и язык «Жития Саввы Освященного» по рукописи XIII в. (раздел «Заметки о лексике „Жития Саввы Освященного“»). — В кн.: Памятники древнерусской письменности. М., 1968.

[39] См. данные историко-литературные в исследованиях Д. И. Абрамовича и С. П. Розанова (Известия ОРЯС, т. III, кн. 1, т. XVI, кн. 1). (*Примечание В. В. Виноградова*).

[40] Ак. А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода. (Материалы и исследования), стр. 162—177. — В списке русских переводов нет упоминания о «Житии Саввы». Правда, очень употребительные в «Житии Саввы» формы 3 л. ед. ч. аориста вроде *бы*, *я*, *взѧ*, *нача* можно истолковывать как указание на русское происхождение перевода, но они легко объяснимы, как возникшие под пером русских переписчиков. См.: ibid., стр. 164, примеч. (*Примечание В. В. Виноградова*).

[41] Ibid., с. 166, примеч. (*Примечание В. В. Виноградова*).

[42] А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты моравского происхождения. — Русский филологический вестник, 1900, № 1—2, стр. 164. (*Примечание В. В. Виноградова*).

[43] Мы упоминаем лишь те слова, которые по тем или другим соображениям выдвигаются ак. А. И. Соболевским. (*Примечание В. В. Виноградова*).

[44] В. В. Виноградов. Орфография и язык «Жития Саввы Освященного», с. 194—195.

Приведем пример. А. И. Соболевский исследовал Типик Хиландарский, который перед тем исследовали А. А. Дмитриевский и И. В. Ягич. Типик Хиландарский — перевод с греческого. Переводчик не всегда умел разобраться в греческом и примешивал к церковнославянскому языку своего перевода народные слова — сербские и болгарские. И. В. Ягич указал фонетические и морфологические особенности, которые могут быть объяснены только из среднеболгарского языка, частично непонятые и искаженные переписчиком-сербом. А. И. Соболевский отмечает, однако, что сербизмов в старшем списке Типика Хиландарского столько, что они не могут быть объяснены только искажениями переписчика-серба. Кроме того, исследуя лексический материал, А. И. Соболевский обратил внимание на обилие русских слов: «больница», «печаловати», выражение «тебе больше дано, а мне позлее» и пр. И все это рядом с типичными южнославянизмами («свѣнѣ», «сикъ», «забѣлѣжити», «новакъ», «хоботьница», «добытъкъ», «перепера»). А. И. Соболевский предположил, что перевод сделан русским монахом на Афоне. Русский монах жил на Афоне в постоянном окружении южнославянских монахов, и только это сочетание в единственном в своем роде месте на Афоне могло привести к тем сложным особенностям, которыми отличается язык перевода Типика Хиландарского.[45]

Конкретность объяснения А. И. Соболевского в том, что он приурочил перевод к Афону и к русскому монаху, долго там жившему. Но если бы удалось найти еще переводы с теми же особенностями и открыть имя переводчика и обстоятельства, при которых перевод делался, — объяснение можно было бы считать завершенным.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ И МЕСТА ПЕРЕВОДА

Возможности установления времени и места переводов ограничены невозможностью извлечь для этого данные из самого содержания произведения.[46]

Косвенные показания для определения времени перевода могут быть следующие: цитирование данного перевода в каком-

---

[45] А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — В кн.: Сборник ОРЯС АН, т. 88, вып. 3. СПб., 1910, с. 183—185.

[46] Содержание переводного произведения должно непременно приниматься во внимание для определения «созвучия» его времени, когда перевод сделан (и, следовательно, отчасти для выявления причин перевода). Однако в целом опираться при определении времени перевода только на эти «созвучия» отнюдь не следует. Говорить о «созвучиях» перевода тем или иным идеям эпохи мы можем только тогда, когда время перевода выяснено по более надежным основаниям.

либо датированном памятнике, включение его в состав датированной компиляции, использование в переводе других, датированных переводов и оригинальных памятников и т. п.

Так, например, для определения времени составления перевода Хроники Георгия Амартола существенное значение имеют заимствования из нее в «Повести временных лет» — памятнике начала XII в. Но дело этим не ограничивается. В. М. Истрин обращает внимание на то обстоятельство, что анализ заимствований «Повестью» из хроники доказывает, что эти летописные заимствования двоякого происхождения — более раннего и более позднего. «Более поздние заимствования сделаны из полного текста хроники, которую автор Летописи назвал „Летописанием Георгия"; более же ранние заимствования сделаны из особого хронографа, который был составлен русским книжником ранее первоначального свода Летописи и который автором Летописи был назван просто „Летописанием греческим". Этот хронограф в полном виде не сохранился, но им воспользовались позднейшие компилятивные хронографические памятники, именно так наз. „Еллинский летописец" второй редакции и „Хронографические Палеи", причем один из авторов последних назвал его „Хронографом по великому изложению", т. е. по Хронике Георгия Амартола. Анализ Летописи приводит далее к заключению, что первоначальный ее свод составлен в начале 2-й половины XI века при князе Изяславе. Следовательно, „Хронограф по великому изложению" в это время уже существовал, и, следовательно, Хроника Георгия Амартола, по которой составлен Хронограф, существовала по крайней мере в конце первой половины XI века. Это определение времени приводит к периоду литературной и переводческой деятельности кн. Ярослава, о которой говорит русский летописец под 1037 г. По словам летописца, поместившего под этим годом похвалу просветительной деятельности кн. Ярослава, эта деятельность выразилась, между прочим, в переложении книг „от грек на словѣньское писмо". В 1037-м году произошло очень важное событие для русской церковной жизни, а отсюда и для просвещения и развития литературы: в этот год была учреждена русская митрополия, заложена церковь св. Софии и прибыл греческий митрополит. Несомненно, с митрополитом должен был прибыть целый греческий клир, который и привез с собой собрание книг для перевода».[47]

Иногда указание на время и место перевода встречаем в глоссах переводчика. Так, например, все списки «Космографии» Ортелиуса в главе об Азии имеют фразу: «. . . до державы великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Русии,

---

[47] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, с. 465. См. также: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, гл. 2 и 5.

его великого государства». Есть указания на Москву: «Камень копают, который на Москве нарицают аспид».[48]

Если в переводе нет обычных прямых и косвенных указаний на место и время перевода, которые могут быть извлечены из содержания памятника, и отдельных замечаний переводчика, то наиболее весомые указания извлекаются из анализа языка перевода. Эти указания могут быть усмотрены в лексике и в формах языка, свойственных той или иной эпохе, и в диалектизмах.

Так, например, частные лексические совпадения «Девгениева деяния» с южнорусскими летописями XII—начала XIII в. позволили М. Н. Сперанскому обосновать свое предположение о том, что перевод «Девгениева деяния» был сделан еще в домонгольской Руси на юге или юго-западе.[49]

С летописным языком сравнивал язык перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и И. И. Срезневский, определяя его русский характер и древность.[50] Окончательные доказательства русского домонгольского (не позднее XII в.) происхождения перевода «Истории Иудейской войны» дал Н. А. Мещерский и, опять-таки, по преимуществу на основании данных лексики.[51]

В целом приходится повторить то, что было сказано ранее: исследователь переводных произведений должен быть хорошо знаком с историей языка.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОРИГИНАЛА, С КОТОРОГО СДЕЛАН ПЕРЕВОД

Одна из самых трудных проблем в изучении переводных произведений — это проблема установления того текста, с которого делался перевод. Применительно к своему материалу И. Е. Евсеев пишет: «Только через точное научное освещение оригиналом могут быть уяснены достоинства перевода, его историческая жизнь и развитие»; «уяснение точного вида древнеславянских переводов Библии возможно только на основании твердо установленного греческого современного им библейского оригинала»; «Кирилл и Мефодий были официальными миссионерами Константинопольского патриархата IX в. От них остались библейские переводы. Эти переводы неизвестны, их тре-

[48] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, с. 58—59.

[49] М. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты, с. 78 и др.; В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962, с. 59—89.

[50] И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXXI—XC. СПб., 1879, с. 133—144.

[51] Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе, с. 90—121.

буется выделить из массы других переводов и позднейших исторических наслоений. Научный метод естественно побуждает при восстановлении этих переводов прибегнуть к сопоставлению их с греческим оригиналом IX в.»[52] Только после такой работы можно обращаться к изучению судьбы перевода на славянской почве. Конечно, найти самый оригинал, с которого делался перевод, можно только в исключительных случаях (такие случаи есть, и мы к ним еще вернемся), но необходимо стремиться по крайней мере установить редакцию текста, его тип. Это, конечно, требует особых исследований специалистов. Если нет специальных текстологических исследований произведения, послужившего для перевода, — необходимо пользоваться возможно большим числом списков этого произведения в оригинале. Применительно к греческим текстам произведения, переведенного на один из древнеславянских языков, В. М. Истрин пишет: «Почти всегда приходится пользоваться несколькими списками и несколькими редакциями греческого оригинала, так как почти нет случая, чтобы какой-нибудь славяно-русский памятник буквально совпадал с каким-либо одним греческим списком. Чем больше, конечно, берется греческих списков, тем яснее обрисовывается характер перевода».[53]

Это не значит, конечно, что текстолог древнерусской литературы должен сам заниматься историей текста памятника на языке оригинала. В. М. Истрин пишет по этому поводу: «. . .анализировать самый состав памятника, сопоставлять его с „другими аналогичными произведениями по выяснении литературной истории последних“ — это составляет совершенно особую задачу, неисполнение которой славист, в интересах собственно своей науки, не поставит исследователю в вину».[54] Дело, однако, не только в том: можно или нельзя «поставить в вину» текстологу занятие чужим для него материалом, но и в том, что историей текста иноязычного памятника может заниматься только специалист в данной области. Занятия не по специальности крайне вредны в науке.

Чрезвычайно важно, что разные переводы делались часто с разных же оригиналов — с рукописей различных редакций.

На основании особенностей перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия Н. А. Мещерский устанавливает группу греческих списков, к которым ближе перевод. Эта группа позволяет судить о том, какой греческий текст был в руках у древнерусского переводчика.

Особенности эти такие. Вместо города Гиппона в древнерусском переводе стоит город Иоппия, как в части греческих списков.

---

[52] И. Евсеев. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты. М., 1905, с. VII—VIII.

[53] В. М. Истрин. Новые исследования в области славяно-русской литературы. — ЖМНП, 1914, № 6, с. 367.

[54] Там же, с. 367.

Древнерусский текст сообщает, что Веспасиан взял Гадаро, не Габаро (τῶν Γαβάρων), как в основных греческих списках, — и этот Гадаро находит себе соответствие в части греческих списков.

Древнерусский переводчик пишет об «асурах», пленивших Кивот, тогда как в основном греческом тексте значится: ἀλλὰ τὴν ἀπὸ Σύρον ἁρπαγεῖσαν ἁγίαν ἡμῖν λάρνακα. Но в части греческих списков стоит ὑπ' Ασσυρίων.

Проверяя таким же образом остальные отличия древнерусского перевода от основного греческого текста, Н. А. Мещерский установил ту группу списков, с которых был сделан древнерусский перевод. Вместе с тем анализ древнерусского текста позволяет утверждать, что тот недошедший список, к которому восходит древнерусский перевод, отличался большей точностью и сохранностью текста, чем все дошедшие до нас греческие списки.[55]

Два разных греческих текста установил И. Е. Евсеев в основе перевода пророческих книг. Переводы выполнены разными переводческими приемами, причем первая «школа переводчиков» выполняла их с греческого текста константинопольской редакции, а вторая — александрийской.[56] Нередко перевод правился вторично по тому же оригиналу. Так, И. Евсеев отмечает, что паримийная редакция перевода книги Даниила в XIII или XIV в. подвергается частичному исправлению по греческому тексту.[57]

Очень часто различные чтения одного и того же места в разных списках переводного памятника объясняются тем, что перевод исправлялся по другому оригиналу. Иногда перевод выполнялся второй раз, и при этом принимался во внимание первый перевод. В других случаях редактор соединял различные переводы, не справляясь с оригиналом, и в результате в новой редакции переводного памятника появлялся рядом дважды поразному переведенный один и тот же текст. Если вспомнить, что переводы при всем том часто бывали сокращены самими переводчиками или переписчиками, расширены глоссами и интерполяциями, включены в состав сводов и соединены с другими произведениями, — то нам станет понятным, что жизнь переводного памятника в целом бывает еще более сложной, чем жизнь оригинального. Она имеет все сложности оригинального и добавляет к ним свои, связанные с наличием греческого оригинала, часто «вмешивавшегося» в жизнь перевода уже после того, как перевод сделан.[58]

---

[55] Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе, с. 73—74.

[56] И. Евсеев. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты, с. IX—X.

[57] Там же, с. XL—XLI.

[58] См. различные сложные комбинации, в которые вступает текст перевода книги пророка Исайи: И. Евсеев. Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе. СПб., 1897, с. 7 и сл., 19, 24.

Попытаемся показать сложность текстологической истории переводов на примерах исследования В. П. Адриановой-Перетц «Жития Алексея Человека Божия». Прежде всего В. П. Адрианова-Перетц устанавливает, что существует две версии этого переводного произведения — версия Троицкая и версия Златоструя. Анализ их текста показывает, что перед нами разные переводы, сделанные с близких, однако не совпадающих между собой греческих оригиналов.[59]

В переводе Троицкой редакции есть следы знакомства с редакцией Златоструя. «Кроме нередких случаев совпадения обеих редакций, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — в одинаковой передаче греческого оригинала, к этой мысли приводят нас два места Троицкой редакции, в которых как бы чувствуется соединение двух чтений — старого и нового. Описывая благочестие Евфимиана, его щедрость, Троицкая редакция говорит, что он

сам же в 9 час вкушаше хлеба с страньными и с черньци и с нищими ядяше хлеб свой. (*Троицкая*).	сам же в 9 час вкушаше хлеба с чрьньци и с (мимоходящими) ништими. (*Златоструй*).

Сравнивая эти два чтения, мы видим в Троицкой редакции ненужное повторение, вызванное, может быть, тем, что перед глазами переводчика находился греческий текст, в котором вслед за перечнем сотрапезников Евфимиана было добавлено: ἤσθιεν τὸν ἄρτον αὐτοῦ. . .

Другой пример повторения мы имеем в конце жития, где читаем следующее описание исцелений от мощей св. Алексея:

елико же бо их недужных видеша и свободишася от всякоя болезни, елико же их болящих приступиша к нему, вси ицелишася. (*Троицкая*).	елико бо недужьник приступи к нему вьси исцелеша. (*Златоструй*).

И в данном случае перед нами опять явное повторение: переписан старый перевод, а рядом добавлена новая передача сходного греческого оригинала.

Эти факты и заставляют нас допустить, что Троицкая редакция частью повторила старый перевод Златоструя, частью исправила и главным образом дополнила его по более распространенному греческому оригиналу».[60]

Еще более сложная картина перевода «Жития Алексея» в Макарьевских Великих Четьих-Минеях. Сопоставление текста «Жития» в этих последних с редакциями Златоструя и Троицкой показывает, что «количество отклонений макарьевского текста от чтений редакций Златоструя и Троицкой весьма значительно;

[59] В. П. Адрианова. Житие Алексея Человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917, с. 97.
[60] Там же, с. 98.

однако мы не можем рассматривать его как новый перевод жития в целом, независимый от древнейших. Этому препятствует не только близость Макарьевского извода к последним на протяжении всего остального текста за исключением приведенных отступлений,[61] но еще больше наблюдаемое иногда механическое соединение старого и нового чтений.

Например, в описании горя матери после исчезновения Алексея мы читаем в Макарьевской редакции: „отверьзе оконцо мало възглавии себе и отверьзе сьбе на просвещение ея и припаде к оконцу. . .“. Повторение глагола „отверьзе“ произошло потому, что к чтению редакции Златоструя — „отверьзе оконце възглавьи своем“, соответствующему греческому — ἤνοιξεν θυρίδα προσαφὴν αὐτῆς. . . — прибавлен новый перевод того же места по другому, несколько отличающемуся греческому оригиналу:

Макарьевская редакция	
и отверьзе сьбе на просвещение ея и припаде к оконцу.	ἤνοιξε θυρίδιον πρὸς τὴν τοῦ φωτὸς αὐγήν. . . καὶ προδέπεσεν πρὸς τὴν θυρίδα. . .

Несколькими строками ниже читаем: мать обещает не выходить из ложницы, пока не узнает о своем сыне, „что бысть, камо ся де“. Обычное чтение старого перевода „камо ся де“, но в греческом оригинале стоит — τὸ τί γέγονεν, что и было переведено еще раз при сохранении прежнего чтения. Следует отметить, что оба эти примера взяты из отрывка, подвергшегося особенно значительному исправлению. . .

Ниже читаем обращение Алексея-нищего к отцу. Его просьба в старших переводах начинается следующими словами:

рабе божий, помилуй мя убогаго (нища *Троицкая*) страньна и не дей мене во дворе своемь (створи мене в дому твоемь — *Троицкая*).	Δοῦλε Κυρίου, ποίησον ἐντολὴν εἰς ἐμὲ τὸν πτωχὸν καὶ πένητα [μετ' ἐμοῦ ἔλεος] καὶ δέξαι με εἰς τὸν οἰκόν σου. . .

В макарьевском тексте находим комбинированный перевод, где каждая часть просьбы повторена дважды — в старом и новом переводе: „Рабе господень, помилуй мя и сътвори заповед на мне нищем и убоземь и да почию в дому твоем и не дей мене в дворе твоем“. Еще один пример двойного перевода одного и того же греческого оригинала дает следующее место. Когда царь и весь народ направляются к дому Евфимиана на поиски святого, то мать „завесила бяше оконце завесою“, что соответствует грече-

[61] Перед этой цитатой В. П. Адриановой-Перетц было приведено довольно много отклонений текста Макарьевских Четьих-Миней от текста Златоструя и Троицкого списка.

скому: ἁπλώσασα σάβανα βαμβικινὰ ἐν τῇ θυρίδι αὐτῆς. . . Макарьевский текст, повторяя и старое чтение, дает рядом новый более точный перевод того же выражения: „простерши понявицу бумажную в дверцах ея, завесила бяше оконце завесою"».[62]

В целом перевод Макарьевских Четьих-Миней делался следующим образом. В основу был положен древний перевод Троицкой редакции. Перевод этот проверялся по греческому оригиналу, тип которого также установлен В. П. Адриановой-Перетц. Исправления составителя Макарьевской редакции коснулись не только отдельных чтений, но и расположения материала. Отдельные чтения Троицкой редакции заменялись новым переводом, чтобы приблизить текст к греческому оригиналу. Однако если в редакции Златоструя необходимые чтения уже были, составитель Макарьевской редакции вставлял готовый перевод, чем облегчал и сокращал для себя труд перевода. В тех же случаях, когда составитель макарьевского текста переводил сам, он делал это, рабски следуя за своим греческим оригиналом.[63]

ПОМОЩЬ ОРИГИНАЛА ПРИ АНАЛИЗЕ РАЗНОЧТЕНИЙ И КОНЪЕКТУРНЫХ ИСПРАВЛЕНИЯХ ПЕРЕВОДА

При изучении разночтений списков переводного произведения необходимо принимать во внимание текст оригинала. В тексте оригинала текстолог находит опору для суждения о том, какое чтение следует признать древнейшим, и для конъектурных исправлений.

Так, в Архивском списке древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия мы находим: «да имѣють упование н а к а м е н и единого». На месте этого бессмысленного «на камени» в греческом тексте имеем ἐν ἐμοί; следовательно, первоначальное чтение было «на мене». В том же Архивском списке читаем, что Помпий «слышав яко (Аристул, — *Д. Л.*) побѣжен въ твердый град». В греческом тексте этому «побѣжен» соответствует πεφευγέναι, т. е. слово «побѣжен» следует исправить на «побѣже».[64]

Немалую помощь может оказать оригинал при определении пропусков и вставок в списках, восстановлении правильного порядка чтения, определении состава памятника и т. д.

Пропуски, перестановки, сокращения или добавления могут принадлежать самому переводчику (и тогда они повторяются

---

[62] Там же, с. 103—104.

[63] Методика изучения текста переводных произведений затрагивается в многочисленных работах, касающихся критики текста Ветхого и Нового заветов. Назову, в частности, интересную книгу: H. J. V o g e l s. Handbuch der neutestamentlichen Textkritik. Münster in Westfalen, 1923.

[64] Примеры взяты из рукописных материалов В. Н. Перетца.

во всех списках) или составителю одной только редакции (и тогда они повторяются во всех списках этой редакции), или переписчикам данного списка или его протографа (и тогда они встречаются только в одном списке или в списках, восходящих к общему протографу, где этот пропуск был сделан). Особенно важно бывает прибегать к оригиналу, когда пропуск сделан где-то на вершине генеалогического дерева: в самом переводе или в одной из его редакций и когда есть основание сомневаться, обычный ли перед нами пропуск или органическая особенность произведения. Например, во второй главе книги Иисуса Навина сказано во всех списках первой и третьей редакций древнерусского перевода: «Рече има (Раав двум соглядатаям Иерихона, — *Д. Л.*): „Да не срящу ваю, ищущи ваю и скрыитася ту три нощи“». «Спрашивается, — пишет В. Лебедев, — где это соглядатаи должны скрываться „ту“, если ранее ни слова не сказано было о месте, в котором должны скрываться соглядатаи? Очевидно, что-то пропущено. И действительно, в 2 и 4 редакциях рукописей после „рече има“ читается „горою идета“ или „в горьскую идета“, что вполне согласно с греческим подлинником — εἰς τὴν ὀρεινὴν ἀπέλθετε».[65]

ГЛОССЫ И ИНТЕРПОЛЯЦИИ В ПЕРЕВОДАХ

Мы уже говорили выше, что сложность судьбы текстов переводных произведений состоит в том, что р я д о м с текстом перевода продолжает жить текст того оригинала, с которого перевод сделан. Время от времени этот текст оригинала может вторгаться в жизнь перевода: то перевод подвергается вторичной выверке по оригиналу, то в различные виды взаимодействия входят отдельные переводы того же памятника и т. д. В этом состоит основное своеобразие последующей истории текста переводного памятника. Другое своеобразие вытекает из сложности текста переводного памятника. Переводный памятник обычно касается либо сложных богословских вопросов, либо, если он исторический или географический, описывает явления нерусской жизни. Поэтому в переводном памятнике особенно часты различные вставки пояснительного характера: глоссы и интерполяции.

Каждый вид памятников имеет свой типичный для него вид глосс и интерполяций, вызванный самим характером материала. Так, сочинения повествовательно-исторические часто имеют интерполяции из других памятников, описывающих тот же сюжет. Интерполяции эти делаются для полноты освещения событий и связаны иногда с отбрасыванием более короткого текста ради замены его более пространным и более полным.

---

[65] В. Л е б е д е в. Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожской библии. СПб., 1890, с. 90—91.

В сочинениях исторических и географических часты глоссы и интерполяции, разъясняющие неясные для русского читателя места текста: исторические имена, названия должностей, местностей и пр.

В ветхозаветных библейских текстах толкования имеют обычно цель провести параллель между явлениями Ветхого завета и Нового, усмотреть в первых прообраз вторых и иногда обличить иудеев и инакомыслящих. Интересные примеры таких глосс и интерполяций приводит В. Лебедев в своем труде о славянском переводе книги Иисуса Навина.[66] Занимают эти вставки от 4 до 50 строк и заканчиваются обычно словами: «Мы же на предлежащее да възвратимся» или «но якоже рече писание бытейское».

Интересные разъяснения отдельных слов даются, например, в переводе князя А. Курбского «Богословия Иоанна Дамаскина»: «пифиги» — «обезьяны», «кометы — звезды хвостатые, ибо тем подобные», «ценьтрум есть точка малая среди самые земли», «с стихий — с елементов», «дроконы — змиеве великие». Поясняются и самые явления. Так, к словам текста «и облаки родятся нисходящеи сладкой (пресной, — *Д. Л.*) воде» читаем следующее пояснение: «Сладкая вода из моря, вытягиваемая от солнца, обращается во мглу (облако, — *Д. Л.*), которая приидеть в среднюю часть воздуху, — тако от студени аера (воздуха, — *Д. Л.*), згущается, и разтопляется от солнца, альбо от других звезд, и бывает дожч» (л. 18).[67]

Глоссы в переводе «Богословия» сочетаются с интерполяциями из «Сказания» Андрея Кипрского.

В целом глоссы и интерполяции дают очень ценный материал для суждения о лингвистических, исторических, богословских и естественнонаучных познаниях эпохи.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА И ЗАДАЧ ПЕРЕВОДА

Установить личность переводчика и оригинал, с которого непосредственно делался перевод переводчиком, в древней русской литературе бывает очень нелегко. Такие случаи — чрезвычайная редкость. Это отчасти удалось В. П. Адриановой-Перетц в отношении переводов «Жития Алексея». Первый переводчик — это Арсений Грек. Его перевод «Жития Алексея Человека Божия» вошел в напечатанный в Москве в 1660 г. сборник «Анфилогион». Путем тщательного анализа перевода В. П. Адриановой-Перетц удалось установить, что перевод сделан с венецианского издания XVII в.: Βιβλίον Ἐκλόγιον (первое издание вышло в Венеции

[66] Там же, с. 210—220.

[67] А. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова, с. 99—119.

в 1644 г.). Кроме того, В. П. Адрианова-Перетц тщательно проанализировала самую переводческую манеру Арсения Грека и установила близость этой манеры в переводе «Жития» с другими переводами Арсения Грека. Далее В. П. Адрианова-Перетц проследила дальнейшую судьбу этого перевода и, в частности, его использование в болгарском сборнике «Дамаскин» 1760 г. Весь круг вопросов, связанных с этим переводом, был разрешен В. П. Адриановой-Перетц.[68]

Не менее тщательно исследован был В. П. Адриановой-Перетц и составитель другой редакции «Жития Алексея» — Дмитрий Ростовский, включивший это житие в свои Четьи-Минеи. Резюмируя свое исследование редакции «Жития», принадлежащей Дмитрию Ростовскому, В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Произведенный нами анализ жития св. Алексея в редакции св. Дмитрия Ростовского показал, что, сохранивши схему жития по типу Макарьевской Минеи, наш автор дополнил его по переводам Арсения Грека и Piotra Skargi. Латинские сборники житий святых — Сурия и болландистов — послужили ему, видимо, для проверки фактических данных славянских житий, поэтому оттуда он взял лишь некоторые детали. . . В результате такой сложной работы над многочисленными источниками св. Дмитрием Ростовским создана для его Четьих-Миней новая редакция жития св. Алексея, которая представляет собой искусную компиляцию. Составитель ее умело спаял отдельные части разнообразных версий жития и сгладил резкие отличия их стиля, перефразируя местами текст своих источников».[69]

Если невозможно точно установить, кто был переводчик, то полезно бывает извлечь из перевода черты, которые могут быть характерны для переводчика.

Внимательное исследование переводческих приемов (передачи тех или иных иностранных слов, синтаксических оборотов, степень близости к оригиналу и характер отступлений, круг употребляемых стилистических оборотов и пр.) позволяет определить переводческую школу, атрибутировать те или иные переводы одному переводчику.

Так, например, И. Евсеев в своем исследовании книги пророка Исайи определил, что перевод «Паримийника» и перевод «Толковых пророчеств» сделаны с совершенно различных греческих оригиналов и в различной манере. При этом И. Евсеев обращает внимание на передачу наиболее характерных особенностей речи — союзов, предлогов и частиц, на особенности лексического состава, на различия в передаче греческих форм и словосочинений, а также на умение переводчика справляться с отдельными синтаксическими трудностями оригинала.

---

[68] В. П. Адрианова. Житие Алексея Человека Божия, с. 107—114.
[69] Там же, с. 120—121.

Далее, И. Евсеев обращает внимание на взаимоотношение обоих переводов: часто текст одной редакции повторяется в другой с буквальной точностью. Исследование этих совпадений позволяет И. Евсееву установить, что «Толковые пророчества» следовали в этих совпадениях за «Паримийником». Тем самым доказывается бо́льшая древность перевода «Паримийника» сравнительно с переводом «Толковых пророчеств».

И. Евсееву удалось на основании внимательного анализа переводов создать своеобразные «портреты» обоих переводчиков.

«Перевод паримийный, — пишет И. Евсеев, — принадлежит перу человека, сведущего в смысле пророческих писаний, хорошо знакомого с греческим и славянскими языками и приобретшего навык в удачном подборе богословских выражений. Переводчик этот умеет точно, почти буквально, выдержать смысл оригинала и в то же время не подчиниться оригиналу до забвения своей особности. Разумеется, близость или, лучше сказать, непосредственное неотразимое влияние греческого оригинала не осталось без всяких последствий: в переводе удержано множество греческих слов. . ., которые в редакции „Толковых пророчеств“ — очень строгой по части чистоты славянского языка — переданы по-славянски. Но нужно помнить, что перевод паримийный. . . предполагает очную ставку младенчествующего славянского языка с богатейшим из языков греческим, и при том в такой области, которая открывалась славянскому народу впервые.

Не то с редакцией „Толковых пророчеств“. В переводчике здесь виден не опытный богослов, а малосведущий книжник, не освоившийся, как следует, ни с духом писания, ни с языком своего оригинала. В нем видно еще наивное, непосредственное отношение к букве писания, которое не позволяло ему ни на шаг уклониться в сторону от своих соображений. И это ясно в особенности из переводов его в таких местах, которые отличаются или сильною выразительностью или тонкостью понятия. Переводчик „Паримийника“ в таких случаях, где то или иное слово могло бы оскорбить чувство приличия или вызвать неприятное представление, старался смягчать выражение, и это ему удавалось. . .

Чувство приличия и благочестивой набожности древнейшего переводчика книги Исайи (т. е. редакции «Паримийника», — *Д. Л.*) соединяется с такой осторожностью, что все понятия, соединявшиеся с отвергнутым в христианстве языческим миросозерцанием, он, по мере возможности, обходит и заменяет другими, причем то оставляет их без перевода, то счастливо пользуется новообразованиями, то берет слова чужестранные, ставшие уже близкими славянскому уху и давно соединенные с христианским значением».[70]

---

[70] И. Евсеев. Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе, ч. 1. СПб., 1897, с. 10—11.

Далее И. Евсеев подробно анализирует степень понимания обоими переводчиками священного писания, общий уровень их понятий — религиозных, семейных, общественных, понятий в области знания природы, исследует неточности, стремление приблизить к своим понятиям неясное и степень «национализации» содержания. Особый интерес представляет его анализ латинизмов в обоих переводах.

На основании подробного сравнительного исследования обоих переводов И. Евсееву удалось установить, что перевод «Паримийника» близок первой редакции перевода Евангелия, Апостола и Псалтири, т. е. кирилло-мефодиевской.[71]

Нередко о переводчике можно узнать — был ли он хорошо осведомлен в предмете своего переводного сочинения. Так, переводчик «Истории завоевания Китая татарами» Мартиниуса сделал в тексте перевода мелкие сокращения, а также крупные и мелкие дополнения, из которых видно, что он хорошо знаком с Китаем и Монголией и с историческими событиями в этих странах в середине XVII в. (переводчик русский, перевод сделан в 1677 г., что видно из хронологических указаний: «1600, тому ныне 77 лет» и др.).[72]

Очень важный вопрос, который обычно не ставился в старых исследованиях переводных памятников, но который интересует советских исследователей все больше и больше, — это вопрос о том, для чего сделан перевод, т. е. в интересах какого класса или какого сословия он делался, каким потребностям эпохи он ответил, кто были читатели перевода и т. д. Такой именно вопрос ставит М. А. Салмина в своем исследовании весьма интересного историософского переводного памятника «О причинах гибели царств».[73] Дав обстоятельный анализ содержания и языка памятника, М. А. Салмина делает предположение, что памятник этот скорее всего был распространен в слоях господствующего класса и выполнен был в интересах консервативной оппозиции центральной государственной власти. Аргументы М. А. Салминой охватывают не только самое содержание памятника, но учитывают язык его (указывающий на происхождение из среды Посольского приказа), сложность его изложения, которое могло быть непонятным для малообразованного демократического читателя, и судьбу отдельных списков памятника: памятник был в библиотеке Петра, Голицыных, отбирался при обыске у старообрядцев и т. д.

---

[71] Там же, с. 20—21.

[72] См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы, с. 93.

[73] М. А. Салмина. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века.

*

До какой степени сложности доходит текстологическая история переводных памятников в зависимости от меняющихся обстоятельств, видно хотя бы на примере «Синодика в неделю православия», исследованного целым рядом крупнейших ученых (Ф. И. Успенским, Е. В. Петуховым, М. Г. Попруженко, В. А. Мошиным и многими другими). Подытоживая данные своего кропотливого исследования, В. А. Мошин пишет: «Дошедшие до нас славянские тексты — русские, болгарские и сербские — не представляют постепенную эволюцию одного основного перевода греческого Синодика, а зависят от разных греческих редакций и списков своего времени. Вместе с тем славянские тексты имеют и взаимные соответствия, свидетельствующие, что при переводе той или иной редакции с греческого принимались во внимание и существовавшие до того славянские списки».[74]

Сложная текстологическая история славянских Синодиков охватывает время с X в. и включает появление старославянского перевода, его перехода на Русь и в южнославянские страны, составление новых и новых редакций, при которых перевод и состав произведения подвергались выверке по новым греческим текстам, переходы отдельных редакций из одной славянской страны в другую и их использование в новых редакциях, пополнения, сокращения, переделки плана и т. д. Каждая из редакций составлялась в определенной исторической обстановке и отвечала задачам, которые стояли перед определенными церковными и государственными центрами. Среди причин, вызывавших к жизни новые редакции Синодика, могут быть отмечены различные этапы борьбы с ересями, антицерковными движениями, борьбы между собой различных церковных центров, перемены политической обстановки в связи с турецким завоеванием южнославянских областей, общекультурные движения и взаимовлияния славянских стран и т. д.

Итак, древнеславянские переводы — это не единовременный акт. Жизнь переводных произведений так же длительна, как и жизнь оригинальных, но она еще более сложна, поскольку в ней, кроме обычной жизни текста, особую роль играет соотношение с тем иноязычным текстом, с которого перевод сделан.

---

[74] В. А. Мошин. Сербская редакция Синодика в неделю православия. Анализ текстов. — Византийский временник, т. XVI. М., 1960, с. 392.

Глава X

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Особые текстологические вопросы встают при изучении иллюстрированных («лицевых») рукописей. Прежде всего исследователя может интересовать, был ли иллюстрирован протограф изучаемой рукописи, являются ли иллюстрации рукописи копиями с более древних иллюстраций или плодом самостоятельного творчества иллюстратора изучаемой рукописи. В том и другом случае это бывает важно для изучаемого текста. Не менее важен вопрос и о том, не являлся ли протограф изучаемой неиллюстрированной рукописи иллюстрированным.

Участие искусствоведов в этой работе, конечно, обязательно, но изучение иллюстрированных рукописей или рукописей, списанных с иллюстрированных оригиналов, есть также задача и текстологов. Дело в том, что в иллюстрированных рукописях текст подвергается специфическим изменениям. Переписчик пропускает места для иллюстраций. Чтобы уместить текст перед иллюстрацией, он может его сократить. Иногда делаются подписи под иллюстрациями, и эти подписи могут быть в последующей переписке механически перенесены в текст, принятые за его продолжение. Напротив, небольшой текст между двумя иллюстрациями может оказаться пропущенным, так как его легко принять за подпись к иллюстрации. Специфическая ошибка переписчиков иллюстрированных рукописей заключается в том, что, остановившись в своей работе и запомнив по иллюстрации место, на котором они остановились, они затем возобновляют работу в другом месте оригинала на сходной иллюстрации. Иногда в текст вносятся пояснения к рисункам и т. д. Чрезвычайно большой интерес представляет и изучение иллюстраций по их содержанию. Бывает так, что иллюстратор знаком с произведением в другой версии, чем она представлена в тексте, и снабжает свои иллюстрации любопытными, отсутствующими в данном тексте подробностями.

Сравнительное изучение иллюстрированного Радзивиловского списка летописи [1] и неиллюстрированного Московско-академиче-

[1] В 1902 г. весь текст Радзивиловского списка издан фотомеханически из страницы в страницу Обществом любителей древней письменности. К из-

ского [2] в пределах до 1206 г. (до года, на котором кончается Радзивиловский список) позволило А. А. Шахматову установить, что оба списка восходят к общему, не дошедшему до нас, протографу. Протограф Радзивиловского списка летописи и Московско-академического списка принято теперь называть Радзивиловской летописью, которая, таким образом, имеет два списка — иллюстрированный и неиллюстрированный. Оказывается, что протограф этой не дошедшей до нас Радзивиловской летописи также был иллюстрирован. Это видно по тому, что в Московско-академическом списке сохранились следы, указывающие на то, что оригинал, с которого он списывался (т. е. протограф Радзивиловской летописи), был иллюстрирован так же, как и Радзивиловский список, в тех же самых местах. Так, например, текст, находящийся в Радзивиловском списке на обороте листа 284 между двумя иллюстрациями под 1024 г. и занимающий 6 строк от слов «И по сем поступи Мстислав со дружиною» и до слов «А Якун иде за море», в Московско-академическом списке пропущен. По-видимому, и в протографе Радзивиловской летописи этот текст находился между двумя миниатюрами, и писец Московско-академического списка либо принял его за подпись к рисунку, либо, скользнув глазом по сходным по композиции рисункам, возобновил переписку не с той иллюстрации, на которой перед тем закончил, а со следующей.[3] Важно отметить, что самый характер миниатюр Радзивиловского списка убеждает искусствоведов в том, что в основе этих миниатюр лежат более древние изображения.[4]

Представляет значительный интерес и содержание миниатюр Радзивиловской летописи. Так, например, Н. Н. Воронин обнаружил, что древний миниатюрист в своем понимании событий, связанных с убийством Андрея Боголюбского, отошел от текста

данию приложены статьи палеографического характера и исследования А. А. Шахматова и Н. П. Кондакова (исследование последнего устарело).

[2] Московско-академический список издан в I томе ПСРЛ (СПб., 1872, 1897, и Л., 1926—1928 гг.) до 1206 г. в качестве вариантов к Лаврентьевской, а с 1206 г. до конца (1419 г.) в дополнение к этому тому.

[3] Другие случаи изменений текста, вызванных тем, что оригинал рукописи был иллюстрирован, см.: А. А. Шахматов. Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. — В кн.: Радзивиловская или Кенигсбергская летопись, т. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб., 1902, с. 27—30.

[4] Н. П. Кондаков. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка Начальной летописи.— В кн.: Радзивиловская или Кенигсбергская летопись, т. II, с. 30 и сл., а также с. 113—114; Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. СПб., 1908, с. 31—47; М. И. Артамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи. — Изв. ГАИМК, т. X, вып. 1. Л., 1931; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 18; Н. Н. Воронин. Рец. на книгу А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М., 1944). — Вестн. АН СССР, 1945, № 9; О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965.

Радзивиловской летописи. В миниатюре, иллюстрирующей рассказ о смерти Боголюбского, изображена женщина, держащая отрубленную руку князя. В рассказе поздней Тверской летописи говорится об участии жены князя в его убийстве. По-видимому, именно это участие и изобразил миниатюрист Радзивиловской летописи. Следовательно, предание, отразившееся в Тверской летописи, очень древнее.[5] Своеобразные подробности можем мы обнаружить в миниатюрах Радзивиловской летописи, иллюстрирующей рассказ о походе на половцев Игоря Святославича Новгород-Северского в 1185 г.[6] Все это имеет немаловажное текстологическое значение.

Весьма интересны те случаи, когда миниатюры иллюстрируют описки текста оригинала. Так, например, в Радзивиловском списке под 859 г. читаем, что хозары дань «имахоу по бѣле и дѣвеци от дыма». «Дѣвеци» — явная ошибка из «вѣверици» (последнее чтение подтверждается другими текстами «Повести временных лет»; надо бы читать «по бѣлеи вѣверици», т. е. по зимней белке (см. выше, с. 157—158). Характерно, что на соответствующей миниатюре дань изображена так: беличья шкурка и несколько девиц, которых представляет данник повелителю хозар. Отсюда можно заключить, что описка «дѣвеци» вм. «вѣверици» имелась уже в тексте оригинала Радзивиловского списка, так как миниатюрист Радзивиловского списка работал, имея перед глазами текст этого оригинала.

Датировка миниатюр позволяет уточнить датировку редакций произведения, которую они иллюстрируют. Проф. Е. Хилл опубликовала [7] к IV Славистическому съезду в Москве данные об иллюстрированной рукописи XVII в. «Сказания о Мамаевом побоище» 3-й редакции (по С. К. Шамбинаго).[8] Вместе с исследованием Е. Хилл опубликованы два прекрасных воспроизведения миниатюр этого списка. При рассмотрении этих миниатюр мы убеждаемся, что, превосходные по композиции, они выполнены довольно грубо. Это является одним из признаков того, что перед нами копии. Грубая работа кописта особенно заметна на втором воспроизведении, где изображены кони: ноги этих коней явно дурно скопированы с хорошего оригинала. Судя по одеждам плывущих в лодке в первой миниатюре и стоящих вверху второй ми-

---

[5] Н. Н. Воронин. Рец. на книгу А. В. Арциховского..., с. 112.

[6] См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979, с. 38—44.

[7] El. Hill. A British Museum Illuminated Manuscript of an Early Russian Literary Work. An Encomium to the Grand Prince Dimitri Ivanovich and to his Brother Prince Vladimir Andreyevich. The Tale of the Battle of the Don in the Year 6889. Cambridge, 1958. — Одна из этих миниатюр (л. 29 об.) использована как фронтиспис к книге «Повести о Куликовской победе» (М., 1960) без указания, откуда она взята.

[8] С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

ниатюры, копии были сделаны с миниатюр XV в. (стоит сравнить эти миниатюры с миниатюрами Радзивиловского списка и с иконой XV в. «Молящиеся новгородцы», находящейся в Новгородском музее). Раз так, то это позволяет согласиться с мнением тех исследователей, которые, возражая С. К. Шамбинаго, считали, что так называемая третья редакция никак не могла быть создана в XVI в., и предлагали считать ее первой.[9]

В роскошных рукописях не только миниатюры, но и инициалы делались особыми художниками. В связи с этим могли получиться специфические ошибки. Писец основного текста пропускал для художника инициалы. Художник мог по рассеянности не вписать инициал, и если текст при этом все же оказывался осмысленным, пропуск переходил при переписке в следующий список. Кроме того, художник мог обознаться в слове, особенно если он не читал всей фразы, а слово, в котором надо было сделать инициал, отличалось от другого только своей начальной буквой. И эта ошибка могла сохраниться при переписке. А. Дэн приводит следующие ошибки, возникшие этим путем в греческих и латинских рукописях: [χ]ρίζονται вм. [ὀ]ρίζονται; или [H]ic вм. [s]ic.[10]

Позволю себе остановиться еще на одном вопросе — текстологическом значении подписей к сложным иконам с клеймами, изображающими жизнь святого или те или иные исторические события. Исследование этих текстов до сих пор почти не производилось, и занятия этими темами в настоящее время ведутся по инициативе Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, широко представляющего страницы своих Трудов (Труды Отдела древнерусской литературы) для такого рода работ искусствоведов.[11] В иконах и фресках литературные произведения могут быть представлены в более древних редакциях, чем они известны по рукописям; они могут давать представление о том, какие редакции были использованы и как рано они возникли. В иконы и фрески могут проникать устные легенды, детали, неизвестные в письменности. Наконец, тексты подписей под клеймами сами по себе могут являться своеобразными редакциями прозведения и иметь собственную письменную традицию, переходящую из одной иконы в другую и пр.

Укажу, например, что текст «Повести о Мономаховом венце» вырезанный на створках царского места XVI в. в Успенском со-

---

[9] Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954. См. также: Л. А. Дмитриев. 1) Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ; т. XXII. М.—Л., 1966; 2) Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974.

[10] A. Dain. Les manuscrits. Paris, 1949, p. 35.

[11] См., например, том ТОДРЛ, специально посвященный этой теме: «Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси» (т. XXII. М.—Л., 1966).

боре Московского кремля, представляет собой особое произведение, переписывавшееся отдельно.[12]

Иллюстрации могут представить интерес и с точки зрения того, как интерпретировался в определенную эпоху и в определенной среде тот или иной сюжет. Миниатюрист может подчеркнуть тот или иной момент сюжета, может даже в известной мере изменить идеи памятника, внести в него новые темы и т. п. Изучение работы миниатюриста в этом аспекте имеет особое значение. К сожалению, с этой стороны миниатюры Древней Руси почти не изучались. Наконец, текстологу следует иметь в виду, что древние иллюстрации имели свою особую систему «рассказывания». Об этой системе «рассказа» миниатюристом см. подробнее в третьем издании моей «Поэтики древнерусской литературы» (М., 1979) в разделе «„Повествовательное пространство“ как выражение „повествовательного времени“ в древнерусском изобразительном искусстве» (с. 36—54).

---

[12] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, с. 118.

Глава XI

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ

Всякий печатный текст древнерусского произведения в любом издании XVIII—XX вв. мы можем рассматривать как список произведения. Однако в этом нет особого смысла, если списки, на основании которых выполнено печатное издание, сохранились и могут быть использованы текстологом. Вернее, смысл может и быть, но не для историка древней русской литературы, а для историка науки (например, для выяснения приемов научного, научно-популярного издания, свойственных тому или иному публикатору), для историка новой русской литературы (например, для изучения особой редакции «Повести о Савве Грудцыне», созданной А. Ремизовым),[1] при изучении читательских вкусов и т. д.

Печатный текст приобретает, однако, серьезное значение, если список или списки, с которых он сделан, отсутствуют, погибли, потеряны или по каким-либо другим причинам не могут быть использованы. В этом случае печатный текст (научное издание разных типов, микрофильм, фотографии, фототипическое воспроизведение, варианты к изданию другого, дошедшего, списка, художественная обработка, иногда даже перевод и т. д.) приобретает значение списка — значение, на которое все эти воспроизведения (за исключением в известной мере фотографических) не были рассчитаны.[2] Ученый, издающий научный текст, оказывается сам в положении древнерусского писца, к нему устанавливается подход как к древнерусскому писцу, к его тексту предъявляются требования, предъявляемые нами к тексту письменному. Любо-

[1] А. Ремизов. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951.

[2] Отмечу, что текстологическое изучение печатных списков сделало особенно большие успехи в шекспироведении. Как известно, от Шекспира не сохранилось никаких достоверных рукописей. Все огромное текстологическое изучение шекспировских произведений строится поэтому на печатных изданиях, известных под названиями «кварто», «фолио» и пр. См.: Walter W. Greg. The Editiorial Problem in Shakespeare. Oxford, 1954. — Из других работ по текстологии Шекспира укажу на главу «The new textual criticism of Shakespeare» в книге: Fr. Bowers. Textual and literary criticism. Cambridge, 1959, p. 66—116; ср. также: А. А. Смирнов. Проблемы текстологии Шекспира. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1956, т. 15, вып. 2, с. 122—132.

пытно, кстати, что в этом соревновании ученого с писцом преимущества не всегда оказываются на стороне ученого (писец иногда бывает точнее).

Принимая печатный текст за список, мы должны не упускать из виду, что история создания печатного текста имеет специфические для него изменения текста — сознательные и бессознательные.

Остановимся прежде всего на опечатках. Для того чтобы наилучшим образом уловить опечатки и чтобы их объяснить, текстолог должен иметь элементарные сведения о технике набора, знать типы опечаток в ручном наборе и в разных видах машинного (линотип, монотип и пр.), знать типы ошибок, встречающихся в машинописи (в XX в. в набор принимается только машинописный оригинал; следовательно, опечатки могли проникнуть еще в машинописный оригинал, а машинописному оригиналу предшествовал рукописный текст, в котором могли оказаться описки, возникшие по тем же законам, по которым возникают описки и в древнерусском тексте). Знать технику набора и технику машинописи еще недостаточно — надо знать и психологию набора, психологию машинописи. Кроме того, необходимо знать технику и психологию корректуры, так как корректура, призванная устранять ошибки, может сама явиться источником ошибок (например, ошибки «осмысления текста», характерные для переписчиков, очень часто встречаются и у корректоров, и у авторов, когда они держат корректуру). Печатный текст прежде чем появиться на свет проходит много различных стадий. Оригинал переписывается на машинке, машинописный текст сверяется автором (а иногда кем-нибудь другим) с рукописью, проходит редактирование (иногда несколькими редакторами: «главным», «ответственным», издательским, контрольным, литературным), вычитывается. Затем грязные места оригинала переписываются на машинке. Их сверяют с переписанным текстом и подклеивают в рукопись (последние три стадии работы над оригиналом называются монтировкой). После этого текст оригинала набирается, проходит несколько корректур с соответствующими исправлениями в наборе, верстается, иногда переверстывается и, наконец, печатается. Каждая из этих стадий может принести свои специфические виды ошибок.

Кроме тех ошибок, которые типичны и для процесса переписывания, наборщик и машинистка могут делать специфические ошибки, связанные с расположением букв в наборной кассе, клавиатуре линотипа, пишущей машинки, и т. д., например, рука наборщика или машинистки попадает на соседнюю букву. Специфические ошибки возникают при исправлениях текста (редакторами, корректорами, наборщиками).

Полезно знать также систему отливки строк в линотипе. Для исправления одной только ошибки наборщику приходится переливать целую строку. От этого появляются новые ошибки, осо-

бенно опасные тогда, когда основные корректуры набора уже прошли. В верстке линотипного набора могут быть легко переставлены строки. В ручном наборе могут легко осыпаться углы набора, последние или первые в строке буквы. Новый набор или поправка старого, делаемая верстальщиком, бывает не всегда аккуратной.

Опаснее, чем технические опечатки, ошибки осмысления: они делаются обычно не только машинисткой и наборщиком, но также редактором и особенно корректором. Их делает также иногда сам текстолог, когда держит корректуру (я уже не говорю о тех случаях, когда текстолог неправильно читает древний текст). Ошибки осмысления особенно трудно заметить, и они наносят наибольший ущерб изданию, изменяя содержание текста.

Знать все стадии и всю технику печатного дела совершенно необходимо текстологу, занимающемуся текстологическими изучениями произведений новой литературы, но в целом это полезно и текстологу, занимающемуся древней русской литературой, если только он готовит свои тексты для печатного издания. Знание техники и психологии ошибок разных стадий печатания текста позволяет ему сократить число собственных ошибок и ошибок тех, которые помогают ему в напечатании текста (машинистки, редакторов, вычитчика, монтировщика, технического редактора, наборщика, верстальщика, корректора, печатника и др.).

По счастью, на эту тему уже имеется достаточно хорошее руководство, к которому мы и отсылаем читателя: это глава «Книга как источник текста» в работе Б. В. Томашевского по текстологии «Писатель и книга» (Л., 1928; 2-е изд. М., 1959). Глава эта имеет следующие подразделения: «Оригинал. Психология набора. Причины ошибок в наборе. Классификация опечаток. Корректура. Ошибки как результат корректорских исправлений». Все это касается бессознательных изменений текста.[3]

Сознательные изменения текста серьезнее. Здесь мы должны в первую очередь учитывать текстологические убеждения публикатора (если они, вообще говоря, есть), его публикаторские привычки, применяемые правила издания, степень его осведомленности в древнерусском языке (она, как известно, резко колеблется — особенно в связи с тем, что преподавание истории русского языка на исторических факультетах отменено), общую его осведомленность в фактах и реалиях исторического материала; наконец, мы должны учитывать и другие индивидуальные особенности публикатора: вплоть до степени его аккуратности в работе. Само собой разумеется, что подавляющее большинство особенностей приемов публикатора зависит от состояния в его время

[3] Ср. также: О. Рисс. Беседы о мастерстве корректора. М., 1959; П. Н. Берков. Корректура и текстология. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1962, т. 21, вып. 1.

филологических и исторических знаний, от его научной школы и пр. В этом отношении текстолог, имеющий дело с печатным изданием как источником текста, т. е. со своими предшественниками — коллегами текстологами, должен быть в известной мере историком науки.

Если мы не знаем списка, с которого производилась публикация текста, то для выяснения издательских приемов текстолога, а тем самым и для восстановления текста изданного списка очень большое значение имеют все прочие издания того же текстолога с сохранившихся рукописей других произведений. Так, например, чрезвычайно большое значение имеет вопрос об использовании В. Н. Татищевым несохранившихся источников в его «Истории российской»: с какою степенью точности он их цитировал, и могут ли эти цитаты рассматриваться как своего рода издания текста? [4] Выяснению этого вопроса помогает татищевский текст «Русской Правды» (в редакции 1740 и 1749 гг.) в сравнении с основным его источником — дошедшей до нас Новгородской летописью «попа Ивана» (т. е. Академическим списком Новгородской первой летописи). По поводу этого текста С. Н. Валк пишет: «Можно прежде всего отметить, что Татищев отнюдь не считал своей задачей совершенно точную передачу текста, а стремился, наоборот, уже при самой передаче текста сделать его возможно более понятным. Этим можно объяснить известную модернизацию и другие изменения текста; [5] этим же можно объяснить и то, что Татищев при передаче подлинного текста привносил свои толкования его то в виде замены некоторых ему непонятных слов своими истолкованиями этих слов,[6] то даже в виде небольших пояснительных вставок в подлинный текст,[7] а то и в виде пропусков,

[4] Так предлагалось их рассматривать некоторыми археографами. Ср.: В. А. Черных. Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археографии. — Исторический архив, 1955, № 4, с. 202: Татищев «в своей „Истории российской“ впервые широко использовал русские летописи, по сути дела — опубликовал их, переводя текст на современный ему язык».

[5] Например, Татищев изменяет «вынезь» на «вынет» (I, II, 9); «а познаеть» — на «узнав» (I, 13) и «опознает» (II, 13); «тивун» — на «тиун» (I, 21); «чудин Микула» — «чудин Никула»; систематически заменяет «аще» на «оли» и «оже», «любо» — на «или» (I здесь и далее обозначает редакцию 1740 г., а II — редакцию 1749 г.). (*Примечание С. Н. Валка*).

[6] Например, Татищев изменяет: «Перенег» на «Печенег» (II, заголовок Правды Ярославичей); «поиметь» — на «возмет» (I, 13); «старый» — на «старший» (I, 21); «вирное» — на «верное» (I, 19, II, 19); «проче» — на «прок» (I, 14, переводя это как «пожитки») или на «прю» (II, 14, переводя как «распря в обиду»); «ябетник» пояснен был в I, 2 в примечании как «обетник» (дал «обет вечной службы»), а во II, 2 «обетник» уже заменил «ябетника» в тексте; «жеравь» изменен на «жеровль» (I, 29) и на «журавль» (II, 29); «на неделю» превращено Татищевым «в седмицу» (II, 34); «18» воров ст. 25 превращено в «болии» (I, 25; во II, 25 опять «18»), а в ст. 32 «10» воров — в «1» или «18» (в I, 32, во II, 322 — «10»). (*Примечание С. Н. Валка*).

[7] Например, вместо «чудин Микула» у Татищева: «да чудина Никулу новгородца» (II), «сути им на рот» стало: «овса им на рот» (II, ст. 34). К раз-

как это случилось со статьей о кровавом муже в Правде Ярославичей. Нельзя не отметить и некоторых ошибок,[8] виновником которых был не Татищев, а переписчик летописи в 1738 г.[9]».[10]

Таким образом, не имея самой рукописи, но зная общие языковые, орфографические и графические нормы древнейших рукописей, можно все же решить, что в издании оказалось опущено, дополнено или изменено. В отношении «Слова о полку Игореве» не представляет, например, сомнений, что в рукописи были йотированные гласные, юс малый и некоторые другие буквы, в издании опущенные. Нетрудно догадаться также, что пунктуация и прописные буквы расставлены издателями, исчезли титла, выносные буквы и т. д. Все это совершенно ясно каждому, имевшему дело с первым изданием «Слова» 1800 г., и не требует особого углубленного рассмотрения.

Кроме того, можно определить некоторые публикаторские приемы издателей «Слова» на основании других их изданий. В распоряжении исследователей имеется мусин-пушкинское издание «Поучения» Владимира Мономаха. Из всех изданий А. И. Мусина-Пушкина и двух его помощников по публикации «Слова» только это издание, вышедшее в 1793 г.,[11] может служить для выяснения приемов передачи текста «Слова». «Русская Правда», изданная А. И. Мусиным-Пушкиным с участием Болтина в 1792 г.,[12] представляет собой компиляцию XVIII в. из разных списков и поэтому не может быть сверена с рукописями. Все остальные издания А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского посвящены сравнительно поздним памятникам, и итоги сличения их с рукописями не могут быть показательными.

Сопоставляя мусин-пушкинское издание «Поучения» с рукописным текстом «Поучения» в Лаврентьевской летописи, нетрудно

ряду добавлений должно быть отнесено известное дополнение II, ст. 26, о повреждении борти: «а в смерди 2 гривны». (*Примечание С. Н. Валка*).

[8] Например, «тиуне» вм. «княжи тивуне» (I, 21); «рядовнице» вм. «рядовнице княже» (II, 21); «и в ратаинем» списка 1737 г. Татищев прочел «и братанем» (I, 21 и II, 21, и затем перевел как «братей его» и «брата его»); «твои челяди. . . твоего скота» вм. «свои. . . своего» (I, 15); пропуски имеются в ст. ст. I, 14 и II, 14 (каждый раз другие). (*Примечание С. Н. Валка*).

[9] Например, выше было указано, что уже в списке 1738 г. писец вместо «у хлева» написал «у хлеба», Татищев же осмыслил это как «у жита» (I, 13 и II, 31); в списке 1738 г. писец вместо «а в смерде и в холопе» написал «. . . и в охоте», Татищев оставил текст таким, осмыслив «в охоте» при переводе «псарем» (I, 21) и «гулящим» (II, 21). (*Примечание С. Н. Валка*).

[10] С. Н. Валк. Татищевские списки Русской Правды. — В кн.: Материалы по истории СССР, вып. V. М., 1958, с. 618—619.

[11] Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. СПб., 1793.

[12] Правда Русская или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С преложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. М., 1792; 2-е изд. М., 1799.

убедиться в том, что издатели довольно решительно приноравливали текст «Поучения» к орфографической системе церковнославянской печати второй половины XVIII в. Решительность этого приноровления не была, впрочем, одинаково последовательной во всех случаях. Издатели «Поучения» стремились преимущественно к тому, чтобы внешний вид текста не отличался от внешнего вида обычного церковнославянского набора XVIII в. Все диакритические знаки церковнославянского шрифта, как известно, весьма обильные в XVIII и XIX вв., широко применены в издании и никак не отражают той скромной системы этих знаков, которая имеется в рукописи Лаврентьевской летописи. Текст «Поучения», само собой разумеется, разбит на слова, предлоги отделены от последующего слова; в конце слов, оканчивающихся на согласный, последовательно расставлен «ъ», расставлены прописные буквы и знаки препинания, исправлено согласно орфографическим нормам XVIII в. употребление «ѣ» («онемѣють» — «онѣмеютъ», с. 13; «тобе» — «тобѣ», с. 13, и т. п.). Юсы малые поставлены так, как было принято в церковнославянской печати XVIII в. («своѩ» — «своѧ», с. 2; «моѩ» — «моѧ», с. 3; «любаѩ» — «любаѧ», с. 4, и т. п.). По орфографическим нормам церковнославянской печати XVIII в. выправлено употребление «ѡ» («ѩко» — «ѩкѡ», с. 4, 10 и др.; «ѥго» — «ѥгѡ», с. 4, 6, 11 и др.; «тако» — «та́кѡ», с. 3, и т. п.), «ѕ» («зло» — «ѕло», с. 10, 53, 55 и др.; «злых» — «ѕлыхъ», с. 58), «ѱ» («псалтырю» — «ѱалтырю», с. 3), «і» («приимайте» — «пріимайте», с. 4; «мира» — «міра», с. 9, и т. п.). Исправлено употребление выносных букв, сокращений, титл (постоянны «б҃ъ» — «бгъ», «б҃е» — «б҃же», «г҃а» — «гда», «г҃не» — «гдне», «еван҃гльскому» — «еᷢгльскому», с. 9, и т. д.). «Ю» после «ч», «ш» и «щ» заменено, согласно правописанию XVIII в., на «у» («чюⷭна» — «чꙋдна», с. 12; «чюдеⷭ» — «чꙋдесъ», с. 12, и т. д.); «ы» после «к» заменено на «и» (всюду «пакы» — «паки»; «великыⷯ» — «великихъ», с. 12). В некоторых случаях в середину слова вставлен «ь» — опять-таки в тех случаях, где это требовалось орфографией и произносительными нормами XVIII в. («печална» — «печальна», с. 4; «меншими» — «меньшими», с. 7; «хвално» — «хвально», с. 12; «силныѩ» — «сильныѧ», с. 12; «толко» — «только», с. 37; «дѣтми» — «дѣтьми», с. 42; «половечскыⷯ» — «половечьскыхъ»; с. 43, и т. п.). Отдельные русские формы церковнославянизированы («луче» — «лучше», с. 5; «розноличнии» — «разноличнїи», с. 12; «присужено» — «присуждено», с. 31; и т. п.).

Таким образом, мусин-пушкинское издание «Поучения» не может быть охарактеризовано только как издание, «изобилующее разнообразными ошибками»,[13] неправильными прочтениями и т. п.

---

[13] Н. К. Гудзий. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, с. 35.

Во многих случаях то, что исследователи принимали за ошибки, было определенной системой передачи текста.

Остановимся более подробно на некоторых приемах передачи текста в «Поучении», проливающих свет на приемы передачи текста в Екатерининской копии и в издании 1800 г. Существенное значение для установления приемов передачи текста «Слова о полку Игореве» в Екатерининской копии и в первом издании «Слова» имеют принципы расстановки «і» в мусин-пушкинском издании «Поучения». В самой рукописи «Поучения» «і» и «ї» встречаются только шесть раз: «крщенїи», «приїмите», «ѡдіну», «ї на биричи», «ї в ловчих», «і нынѣ». Между тем в издании «Поучения» оно всюду расставлено по правилам орфографии конца XVIII в.: «крщенїи» (с. 1; оставлено как и в рукописи), «пріимите» (с. 14), «одину» (с. 15), «ни на биричи» (с. 46), «и въ ловчихъ» (с. 47), «и нынѣ» (с. 61), а также: «дѣтїй» (вм. «дѣтии»), «бжїй» (вм. «бии»), «прїимайте» (вм. «приимаите»), «лукавнующїи» (вм. «лукавнующии») и мн. др. Следовательно, только в одном случае в издании «Поучения» «і» совпадает с «і» в рукописи!

Ту же выдержанность расстановки «і» по правилам орфографии XVIII в. находим мы и в первом издании «Слова»: «братїе», «повѣстїй», «замышленїю», «вѣщій», «мыслію» и т. д. Данные мусин-пушкинского издания «Духовной» Владимира Мономаха не позволяют сомневаться в том, что расстановка «і» в Екатерининской копии и в первом издании «Слова о полку Игореве» отнюдь не отражает графику самой рукописи. Несомненно, что «і» расставлялось в первом издании в строгом соответствии с правилами орфографии конца XVIII в. Исключение может быть отмечено только в двух случаях: «усобіцѣ» (с. 3) и «а Володимиръ» (с. 28).

Отсюда ясна правота А. С. Орлова, отказавшегося в своем издании «Слова» от «і» первого издания и всюду заменившего его через «и».[14] Думаю, что данные первого издания «Поучения» Владимира Мономаха полностью подтверждают правильность такой замены.

☞ Совершенно ясно, что конечное «ъ» расставлено в Екатерининской копии и в первом издании во всех случаях в конце слов, оканчивающихся на согласный, даже тогда, когда его не было в рукописи. В самом деле, не может представлять сомнения, что в рукописи «Слова» были выносные буквы. Как известно, выносные буквы очень часты в конце слов, но в выносах конечное «ъ» не пишется. В первом же издании «Слова» почти все слова, оканчивающиеся на согласный (за крайне немногими исключениями, о кото-

---

[14] А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е, доп. М.—Л., 1946, с. 65. Ср. также издания: Слово о полку Игореве. Л., 1949 и 1953 (малая серия «Библиотеки поэта»); Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950 («Литературные памятники»); Слово о полку Игореве. М., Детгиз, 1949, 1954, 1962 и др.

рых я скажу в дальнейшем), имеют конечное «ъ». Здесь тот же прием передачи текста, что и в мусин-пушкинском издании «Поучения». Обычна, в частности, постановка «ъ» после предлогов, оканчивающихся на согласный. Предлоги же, как правило, в древнерусских текстах пишутся слитно с последующим словом.

При разделении предлога и слова в мусин-пушкинском издании «Поучения» обычно после конечного согласного в предлоге ставится «ъ»: «въ сердци» (из «всрдци»), «съ нами» (из «снами») и т. д. То же самое видим мы и в первом издании «Слова»: «подъ облакы» (дважды), «предъ пълкы», «отъ стараго», «отъ него», «къ дружинѣ», «съ вами», «въ тропу», «чресъ поля», «чрезъ поля», «къ дону», «въ Кыевѣ», «въ Новѣградѣ», «въ Путивлѣ», «подъ трубами», «подъ шеломы», «въ полѣ» и т. д.

В связи с изложенным встает вопрос, как было написано в рукописи слово «къмети». Как известно, Мусин-Пушкин не знал этого слова и разделил его на два «къ мети», переведя «в цель». Очень может быть, что конечное «ъ» поставлено было им при разделении этого слова на два, в рукописи же это слово вполне могло быть написано без «ъ»: «кмети». Предположение это полностью подтверждается мусин-пушкинским изданием «Поучения», где вместо «инѣхъ кметии молоды^х» напечатано «и инѣхъ къ мети и молодыхъ» (с. 44). Так именно это слово писалось в подавляющем числе случаев.[15] Отсюда ясно, что при реконструкции непонятных «въ стазби» и «въ срожатъ» надо иметь в виду, что «ъ» также могло отсутствовать в рукописи.

Крайне неустойчиво в издании «Поучения» «ѣ». Постоянны случаи постановки «ѣ» в тех случаях, когда его нет в рукописи, и наоборот. По большей части такие перемены производились по орфографическим правилам конца XVIII в.: «сане^х» — «санѣхъ», «смѣренье» — «смеренье» (с. 9), «собе» — «собѣ» (с. 10), «тобе» — «тобѣ» (с. 13), и т. д.

В первом издании «Слова» сравнительно с Екатерининской копией довольно много случаев колебания в написании слов с «ѣ» и с «е». Вряд ли здесь дело только в том, что А. И. Мусин-Пушкин и его ученые помощники не разобрали написаний. По-видимому, путаница объясняется тем, что публикаторы колебались между орфографической системой XVIII в. и написаниями рукописи. При этом по большей части (хотя были и обратные случаи) Екатерининская копия следовала орфографическим правилам XVIII в., а издание 1800 г. частично восстанавливало старые формы рукописи. Так, например, звательный падеж в Екатерининской копии оканчивается на «е», в издании же 1800 г. — на «ѣ»: «землѣ» (с. 12; Ек. «земле»), «Всеволодѣ» (с. 13, 46; Ек. «Всеволоде»), «Осмомыслѣ» (с. 30; Ек. «Осмомысле»), «вѣтрѣ» (с. 38; Ек. «ветре»).

[15] См.: И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, вып. III. СПб., 1893, стб. 1390.

Сравнительно с Екатерининской копией издание 1800 г. восстанавливает древнее написание родительного падежа множественного числа: «на стадо лебедѣи» (с. 3 и 4; Ек. «на стадо лебедей», согласно орфографии XVIII в.).[16] Необходимо при этом отметить, что в конце XVIII в. древнее написание окончания родительного падежа множественного числа на «ѣй» не было известно. Поэтому следование в данном случае издания 1800 г. за рукописью несомненно.

К сожалению, рукопись «Поучения» не знает болгаризованной орфографии в сочетаниях плавных с «ъ» и «ь», и поэтому нам трудно с уверенностью судить о том, как поступили бы издатели «Поучения» в случаях сочетаний «ръ», «рь», «лъ» и «ль». Однако все же на с. 41 мусин-пушкинского издания «Поучения» имеется, правда, один, но весьма характерный пример: там напечатано «полкы», тогда как в рукописи стоит «плъкы». Тот же прием замены болгаризованных сочетаний «ръ», «рь», «лъ» и «ль» русскими «ор», «ер», «ол» и «ел» мы постоянно встречаем в Екатерининской копии. В издании же 1800 г. это болгаризованное сочетание восстанавливается, и, нет сомнений, по подлинной рукописи: «наплънився» (с. 5; Ек. «наполнився»), «плъкы» (с. 5; Ек. «полкы»), «бръзыя» (с. 5; Ек. «борзыя»), «бръзый» (с. 7; Ек. «бързый»), «влъци» (с. 8; Ек. «вълци»), «чръленыя» (с. 10; Ек. «чрленыя»), «млънiи» (с. 12; Ек. «молнiи»), «плъкы» (с. 12, 13, 27; Ек. «полки»), «Чрънигова» (с. 13; Ек. «Чернигова»), «плъци» (с. 14; Ек. «полци»), «Святоплъкь» (с. 16; Ек. «Святополкь»), «плъкы» (с. 17; Ек. «полкы»), «чрьна» (с. 17; Ек. «черна»), «плъкы» (с. 18; Ек. «полкы»), «млъвити» (с. 19; Ек. «молвити»), «плъку» (с. 20; Ек. «полку»), «плъковъ» (с. 22; Ек. «полковъ»), «чръною» (с. 23; Ек. «черною»), «плъки» (с. 30; Ек. «полки»), «плъку» (с. 32, 39; Ек. «полку»), «плъночи» (с. 35; Ек. «полночи»), «влъкомь» (с. 35; Ек. «волкомъ»), «влъкомъ» (с. 36 bis; Ек. bis «волокомъ»), «първое» (с. 37; Ек. «первое»), «пръвую», (с. 37; Ек. «первую»), «пръвыхъ» (с. 37; Ек. «первыхъ»), «слънце» (с. 39; Ек. «Солнце»), «бръзъ» (с. 41; Ек. «борзъ»), «влъкомъ» (с. 41 bis; Ек. bis «волкомъ»), «бръзая» (с. 41; Ек. «борзая»), «влънах» (с. 42; Ек. «волнах»), «помлъкоша» (с. 43; Ек. «помолкоша»), «Млъвитъ» (с. 43; Ек. «Молвитъ»). Только в одном случае нужно думать, что Екатерининская копия дает лучшее чтение сравнительно с первым изданием (в первом издании «мркнетъ», с. 10; в Ек. «мрькнетъ»). Здесь, очевидно, сказалась двойная невнимательность: составитель текста Екатерининской копии не провел своей системы в сочетании «рь» и оставил чтение рукописи, а составители текста первого издания «Слова» имели уже перед собой «исправленный» согласно орфографии XVIII в. список с «меркнетъ» вместо «мрькнетъ», который и выправили

---

[16] См.: И. И. Козловский. Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве. М., 1890, с. 5.

по подлинной рукописи, но не до конца (ограничившись тем, что выбросили «е»).

В мусин-пушкинском издании «Поучения» «ю» после шипящих «ч» и «щ» заменяется согласно орфографическим правилам XVIII в. на «у»: «душю» — «душу» (с. 6, 8), «възношюсѧ» — «взношусѧ» (с. 9), «чюдна» — «чудна» (с. 12 bis), «чюдесъ» — «чудесъ» (с. 12 bis), «чюду» — «чуду» (с. 12), «чюдса» — «чудеса» (с. 13), «чюжимъ» — «чужимъ» (с. 22), «въсходѧщю» — «всходѧщу» (с. 29). К сожалению, мы не можем установить, как было бы в случаях с «я» после «ч» и «щ», так как в рукописи «Поучения» в этих случаях всегда «а», которое, естественно, в издании 1793 г. и сохраняется: «привечавше» (с. 24), «часто» (с. 26), «щадя» (с. 46) и др. В Екатерининской копии в основном «я» после «ч» и «щ» заменяется на «а», но в первом издании первоначальное «я» систематически восстанавливается: «начяти» (с. 1; Ек. «начати»), «поскочяше» (с. 13; Ек. «поскочаше»), «Святьславличя» (с. 15; Ек. «Святъславлича»), «давечя» (с. 18; Ек. «давеча»), «начяша» (с. 19; Ек. «начаша»), «сыновчя» (с. 26; Ек. «сыновча»), «Брячяслава» (с. 34; Ек. «Брячаслава»), «начясте» (с. 35; Ек. «начасте»). Имеется только один обратный случай: «Полочаномъ» (с. 33; Ек. «Полочяномъ»).

Следовательно, и здесь перед нами несомненно свидетельство того, что текст «Слова» для издания 1800 г. выверялся по подлинной рукописи, и приведенная выше особенность орфографии XVIII в., проникшая в первоначально подготовленный текст «Слова» (сохранившийся в Екатерининской копии), затем была отменена.

Отчасти в пользу той же выверки текста «Слова» по рукописи для издания 1800 г. свидетельствует еще и тот факт, что в издании 1800 г., сравнительно с Екатерининской копией, все цифровые обозначения чисел заменены буквенными, как в рукописи («і соколовь» bis; «въ г день» вм. «10 соколовъ» bis; «въ 3 день»).

Особенно интересны в издании «Поучения» некоторые ошибочные прочтения, совпадающие с такими же неверными прочтениями «Слова» в Екатерининской копии и в издании «Слова» 1800 г. Мы уже говорили о том, что А. И. Мусин-Пушкин и в «Духовной» и в «Слове» не понял слова «къмети». В «Поучении» вместо «инѣхъ кмети молоды^х» напечатано «инѣхъ къ метии молодыхъ»; в первом же издании «Слова о полку Игореве» вместо «свѣдоми къмети» напечатано «свѣдоми къ мети». Не понял А. И. Мусин-Пушкин и слов «мужство», «мужаться». В «Поучении» вместо «мужьство и грамоту» напечатано «мужь твой грамоту»; в первом издании «Слова о полку Игореве» — «му жа имѣся сами» вместо «мужаимься сами». Эти общие в «Поучении» и «Слове» ошибки ясно показывают, что виновником их был сам А. И. Мусин-Пушкин, а не кто-либо из его ученых помощников. Ошибки же, кстати сказать, лишний раз и совершенно бесспорно свидетельствуют

о том, что перед А. И. Мусиным-Пушкиным была подлинная, древняя рукопись «Слова», которую он не во всех случаях умел прочесть, и что он делал типичные для себя ошибки в прочтении древних рукописей.

Публикаторскую технику Мусина-Пушкина довольно ярко характеризуют и другие случаи неумелого прочтения и разделения на слова текста «Поучения» («и ѡпочиваетъ» вместо «бо почиваеть», «съ ѣтавкомъ» вместо «со Ставкомь», «и съ Переславлѧ» вместо «ис Переѡславлѧ», «даси ми» вместо «да сими»), а также манера в случаях затруднений с пониманием какого-либо слова считать его именем собственным: «по Стугани ва. . .» вместо «по сту оуганивалъ». И то и другое, как известно, представлено рядом примеров и в Екатерининской копии, и в первом издании «Слова».

Отдельные случаи своеобразной передачи текста в «Поучении» объясняют неточности Екатерининской копии и издания 1800 г. Так, например, в «Поучении» имеются вставки согласного там, где его не было в рукописи, под влиянием требований этимологии: «оттвори» (с. 35; в Екатерининской копии — более вероятное в рукописи «отвори»); ср. в издании «Поучения»: «беззаконье» (с 4, 6 и 49; в рукописи «безаконье»), «безсемени» (с. 60; в рукописи «бесемене»).

В выносных буквах видят обычно остатки графики самой рукописи, отраженные якобы писцом, стремившимся точно следовать за рукописью. Это неправильно. В мусин-пушкинском издании «Поучения» выносные буквы совершенно не отражают графику оригинала. Они расставлены Мусиным-Пушкиным по правилам их постановки в церковнославянских текстах XVIII в., главным образом в конце слов. То же самое видим мы и в Екатерининской копии. Здесь выносные буквы имеются также только в окончаниях слов (по преимуществу конечные «х» и «м», как и в церковнославянских текстах XVIII в.) и отражают приемы расстановки выносных букв в письме XVIII в. (не следует забывать, что выносные буквы еще продолжали употребляться в письме XVIII в.). Это обстоятельство заставляет сильно сомневаться в том, что выносные буквы Екатерининской копии перешли в нее из погибшего оригинала. Эти сомнения окончательно подтверждаются следующим наблюдением. Екатерининская копия имеет выносные буквы только в конце своих строк, там, где строка копии оказывалась длиннее обычного. Выносная буква помогала писцу Екатерининской копии избежать неудобных переносов, и только.

Совершенно неправ Н. С. Тихонравов, который считал выносные буквы Екатерининской копии принадлежностью погибшей рукописи «Слова» и на этом основании даже обвинял первых издателей в том, что они неверно внесли их в текст при подготовке первого издания.[17]

[17] «Слово о полку Игореве». Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. Изд. 2-е. М., 1868, с. V.

И Екатерининская копия, и издание 1800 г. отразили определенные приемы передачи текста древних рукописей, свойственные А. И. Мусину-Пушкину и привлеченным им ученым. Эти приемы близки к тем, которые совершенно достоверно могут быть установлены для мусин-пушкинского издания «Поучения» Мономаха. Ближе всего к приемам этого издания Екатерининская копия. В издании 1800 г. заметно стремление строже придерживаться текста рукописи, в связи с чем некоторые приемы были отменены вовсе, а в других заметны колебания, но некоторая часть приемов осталась без изменений.

В ошибках Екатерининской копии и издания 1800 г. отразилось не простое «неумение» прочесть текст погибшей рукописи, а некоторая, правда, не совсем последовательная и четкая, система приемов передачи текста рукописи.[18]

*

К печатным воспроизведениям текста в известной мере могут быть отнесены и все виды фотографического воспроизведения текста, которыми все более и более пользуются сейчас текстологи, заменяя ими труднодоступные рукописи (например, рукописи, хранящиеся в другом городе или в другой стране). Я имею в виду микрофильмы, фотографии и ротокопии. Пользуясь ими, необходимо иметь в виду обычные технические недостатки: приписки на полях могут легко оказаться за обрезом воспроизведения, не воспроизводятся изменения в цвете чернил, слабо выделяется киноварь, отдельные мелкие детали могут исчезнуть вовсе (например, знаки пунктуации, выносное «с» в виде точки, и т. д.). Особо следует отметить, что изучение текста по фотографическим воспроизведениям затрудняет изучение водяных знаков и текстологического конвоя (см. выше, с. 245—263). Иногда по фотографическим воспроизведениям нельзя установить, на чем написан текст.

Так, например, по-видимому, на основании фотографического воспроизведения в первое издание текста «Хожения за три моря Афанасия Никитина» в серии «Литературные памятники» включена запись «господи, помози рабу своему» («господи» ошибочно транскрибировано «гир»), на самом деле находившаяся не в тексте, а на крышке переплета.[19]

---

[18] Подробнее об ошибках первого издания «Слова о полку Игореве» см.: Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 237—277.

[19] См. об этом: Я. С. Лурье. Археографический обзор. — В кн.: Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.—Л., 1958, с. 161 («Литературные памятники»).

*

По существу всякое издание текста, которое используется в дальнейшей работе (для публикации или для его исследования), следует рассматривать как новый список произведения; издание должно быть подвергнуто обычному текстологическому изучению прежде, чем быть использовано.

В той же мере, в какой современный текстолог не имеет права публиковать текст списка без его предварительного изучения, современный текстолог не может пользоваться печатным текстом памятника, не установив всех его специфических особенностей (происхождение текста, публикаторские приемы, механические ошибки, вкравшиеся в текст, и пр.).

Мне могут возразить и сказать, что иногда печатный текст используется публикатором для механического облегчения своей работы по переписке рукописи. В этом случае, казалось бы, нет необходимости предварительно изучить используемый печатный текст, так как он весь заново проверяется и исправляется по рукописи. Я имею в виду использование старой научной публикации как технической основы для публикации новой, проверенной по рукописи. Такое использование часто делается текстологами для облегчения своей работы. Берется старое издание списка и на страницы этого издания заносятся исправления по рукописи.

В принципе нельзя возражать против такого использования старого издания, особенно если текст велик по объему. Но надо иметь в виду, что ошибки старого издания легко могут проникнуть из-за этого в новое. Текстолог может не заметить различия, может подпасть под «гипноз» прочтения своего предшественника. Все это зависит, конечно, от степени самостоятельности текстолога, от его «внушаемости» (эта внушаемость может быть прямо пропорциональна его самоуверенности), от авторитета для текстолога старого издания и т. д., но в еще большей мере это зависит от того, что текстолог не изучает используемое им издание как список.

Особенно «пикантны» случаи, когда новый издатель, наставительно объявляя старое издание неудовлетворительным и не изучив его, пользуется этим старым изданием как технической основой для выправки текста по рукописи и незаметно для себя повторяет его ошибки, а отчасти и прибавляет новые.

Специфические ошибки возникают оттого, что текстолог, пользующийся старым изданием как технической основой для нового, не учитывает правил и приемов издания старого текста и «накладывает» на эти старые свои новые, делая это недостаточно аккуратно.

Вот несколько примеров того, как текст «Жития» Аввакума, точно воспроизведенный в «Памятниках истории старообряд-

чества»,[20] был искажен в издании «Academia» [21] и перешел в таком искаженном виде в издание ГИХЛ: [22]

РИБ	Academia	ГИХЛ
запалил такъ же, и божія воля учинила так же, и та пищаль не стрелила (*с. 11*).	запалил так же — и та пищаль не стрелила (*с. 75*).	запалил так же, и та пищаль не стрелила (*с. 61*).
соприсносущно (*с. 6*).	соприсущно (*с. 70*).	соприсущно (*с. 58*).
Григорій Нискій (*с. 5*).	Григорий Нисский (*с. 68*).	Григорий Нисский (*с. 57*).
у куров корму ис корыта нагребетъ (*с. 28*).	у коров корму ис корыта нагребет (*с. 94*).	у коров корму ис корыта нагребет (*с. 75*).
сѣлъ на поду. . ., в печи (*с. 50*).	сел на полу. . ., в печи (*с. 121*).	сел на полу. . ., в печи (*с. 93*).
огрыз персты (*с. 10*).	отгрыз персты (*с. 74*).	отгрыз персты (*с. 61*).

Вот несколько других примеров, показывающих искажение текста в ГИХЛ сравнительно с правильным текстом «Academia»:

Academia	ГИХЛ
и с собаками жил (*с. 91*).	и собаками жил (*с. 72*).
годов с шесть и с семь (*с. 95*).	годов с шесть и семь (*с. 75*).
Бился я з бесами, что с собаками (*с. 144*).	Бился я з бесами, что собаками (*с. 112*).[23]
тамо обрящеши (*с. 71*).	там обрящеши (*с. 59*).
тако и душа (*с. 117*).	так и душа (*с. 90*).
и я. . . поворчю (*с. 117*).	и я. . . поворочю (*с. 90*).
знаменоносцы (*с. 58*).	знаменосцы (*с. 101*).
силен Христос и нас не покинуть (*с. 43*).	силен Христос и нас не покинут! (*с. 87*).
Евдокею (*с. 124*).	Евдокию (*с. 95*).
роботников (*с. 92*).	работников (*с. 73*).
по токмо (*с. 147*).	на токмо (*с. 114*).

Приведенные примеры показывают различные типы ошибок, передающихся с помощью печатного текста и «нарастающих» на печатный текст. Преобладают ошибки прочтения в нескольких формах: неправильное «узнавание» текста вследствие внушения, оказанного предварительно прочтенным печатным текстом, и ошибки прочтения вследствие недостаточного знакомства с палео-

[20] Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1 (РИБ, т. 39). Л., 1927.

[21] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934.

[22] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.

[23] Ошибочно пропущенному в тексте «с» здесь и в других случаях в рукописи соответствует выносное «с» в виде точки (это ошибка прочтения).

графией (пропуск выносного точечного «с») и историей языка (модернизация старых форм и старых слов).[24]

Всякий текстолог должен иметь в виду, что не только он распутывает историю текста на основании имеющихся в его распоряжении списков, но что его издание также может явиться отправным пунктом для выяснения его истории текста и что типы ошибок текстолога в известной мере (если исключить те ошибки, которые вызываются самой техникой печатного дела) очень близки к типам ошибок древних переписчиков рукописи.

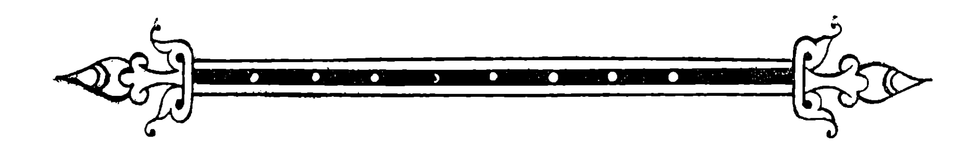
Как правило, при пользовании печатным текстом издаваемого списка с последующей сверкой этого текста с рукописью значительно уменьшается опасность пропусков текста; однако если текстолог хорошо знаком с палеографией и историей языка, то, чтобы добиться наилучших результатов, рекомендуется следующий способ подготовки к печати текста, уже изданного: текст переписывается с рукописи от руки (или прямо на машинку) и после этого сверяется и с рукописью, и с печатным текстом (последнее в целях самоконтроля).

Совершенно, однако, недопустимо пользоваться для подготовки издания печатным текстом другого списка, часто даже другой редакции: здесь могут появиться (при большом различии в текстах) грубейшие ошибки. К крайнему сожалению, в последние годы такого рода «издания» осуществлялись, и текст в них из-за невнимательности текстологов получался иногда совершенно фантастический.

В сущности, при любом использовании печатного текста древнего памятника в научных целях, необходимо проверять его теми же текстологическими приемами, что и при рукописном списке. Принципиальных различий нет, есть только различия, вызываемые спецификой самого материала. Печатные издания древнерусских памятников так же должны изучаться текстологом, если возникает необходимость пользоваться их текстом, как и рукописные списки.

---

[24] История повторения и возникновения ошибок в печатных изданиях текста «Жития» Аввакума на этом не кончается. Почти все вышедшие за изданием ГИХЛ новые публикации «Жития» содержат искажения всех указанных типов.

Глава XII

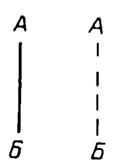
ЗАКРЕПЛЕНИЕ ВЫВОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТЕКСТОВ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ (СТЕММЫ)

Если взаимоотношения списков и редакций достигают большой сложности, полезно и для самого исследователя (для его дальнейшей работы) и для читателей составить схему генеалогических взаимоотношений (стемму). Схемы вносят ясность во взаимоотношение списков и редакций, помогают наглядно представить эти взаимоотношения, в известной мере помогают исследователю включать во взаимоотношения редакций и списков вновь обнаруженные списки и вновь определенные редакции.

Мы уже видели выше, что взаимоотношения списков и редакций между собой бывают очень сложными. Посмотрим, как можно изобразить эти взаимоотношения графически. Будем условно говорить только о взаимоотношении списков; все, что будет сказано о списках, — может относиться и к изображению взаимоотношений редакций.

Древнейшие списки помещаются обычно вверху, зависимые от них списки — внизу. Чтобы показать зависимость *Б* от *А*, *А* и *Б* соединяют линией, причем *А* помещают выше, а *Б* ниже. Если зависимость установлена недостоверно, то соединяющую их линию делают пунктирной:

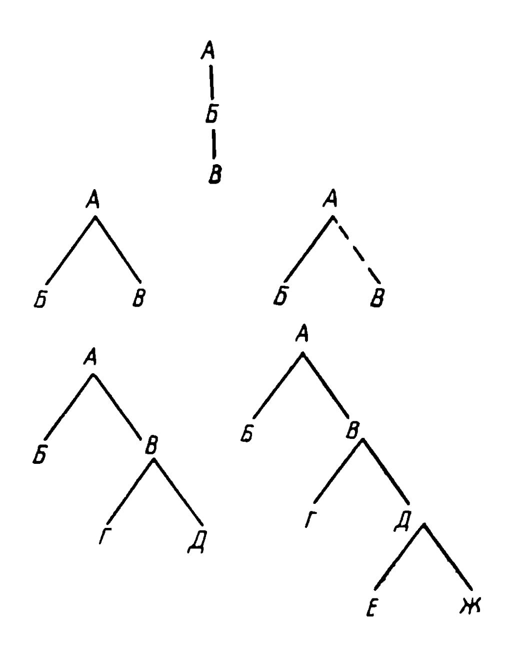

При таком расположении списков — зависимых ниже, а первоначальных выше — нет нужды для демонстрации направления зависимости изображать стрелки. Само расположение списков выше или ниже будет показывать, какие из списков древнее, а какие моложе и что от чего зависит.

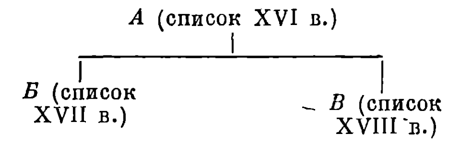
Если зависимость обоюдосторонняя (что бывает относительно редко), линия между *А* и *Б* горизонтальна. Само собой разу-

меется, что обоюдосторонняя зависимость может быть только между хронологически одновременными списками. Таким образом, горизонтальное расположение *А* и *Б* будет указывать, при наличии между ними линии, и на их одновременность, и на обоюдную зависимость друг от друга.

Если число членов стеммы три или более, взаимоотношения между ними могут принимать более сложный характер:

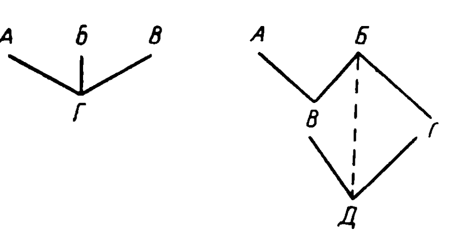

При построении стемм полезно, однако, во всех случаях учитывать хронологические данные. Изображая взаимоотношения списков, даже если между ними нет прямой зависимости, необходимо более ранние (старшие) списки помещать в стемме выше, а более поздние (более молодые) — ниже. Одновременные списки должны помещаться на одном уровне. Уровень, на котором помещен список, показывает, таким образом, время, к которому он относится.

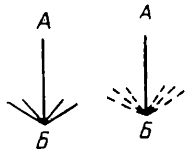

В стеммах могут быть изображены не только расходящиеся взаимоотношения между списками, но и сходящиеся. В последнем

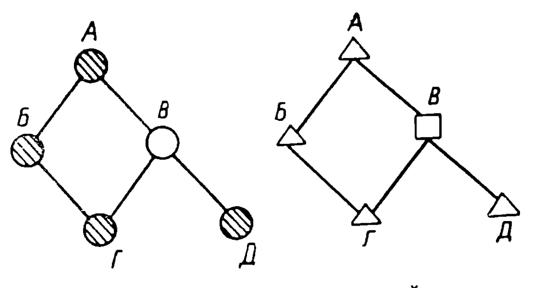
случае протографы того или иного списка показываются так:

Если протографы того или иного списка выяснены лишь частично или не заслуживают подробного отображения в стемме (вследствие своей многочисленности или незначительности), они указываются в виде пучка сходящихся линий, причем предполагаемые источники обозначаются пунктирными линиями.

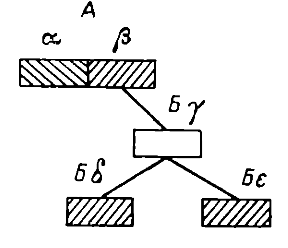

Мы видели уже, что в выяснении генеалогии списков непременно необходимо считаться с возможностью утраченных звеньев. Лишь в редких случаях мы можем предполагать непосредственную зависимость одного списка от другого. В известной мере взаимоотношения между списками изображаются в стеммах условно. Если у нас есть прямые данные, чтобы представить себе какой-то определенный утраченный список, он изображается на стемме с оговоркой, что список не дошел. Эта оговорка может быть сделана просто в соответствующей надписи, или она может быть изображена условно. Лучший способ условного разграничения сохранившихся звеньев истории текста от предполагаемых — изображать первые в виде заштрихованных простых геометрических фигур (кружков и др.), а вторые — в виде незаштрихованных фигур. Можно прибегать и к разным геометрическим фигурам.

Важно также располагать места отхождения или соединения линий так, чтобы наиболее «родственные» списки располагались по возможности ближе друг к другу.

Особо сложные случаи возникают тогда, когда один список произведения зависит только от части другого, и наоборот. В этих случаях необходимо изображать графически сложный состав списка или произведения и вести линии зависимости только от той части списка или произведения, которая оказала реальное воздействие.

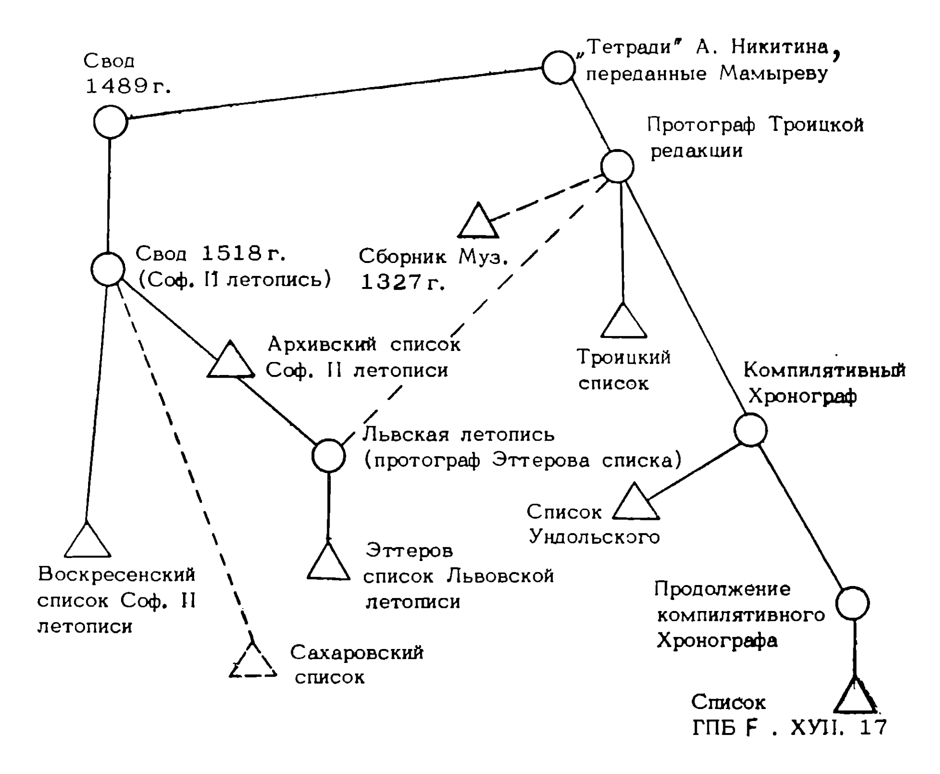
Из этой стеммы видно, что произведение *Б* генеалогически зависит только от второй части произведения *А*. Списки *Б*δ и *Б*ε

происходят от части β произведения *A* через не дошедший до нас список *Б*γ.

Иногда под недостающим звеном в стемме разумеется не один список, а какое-то их неизвестное число.

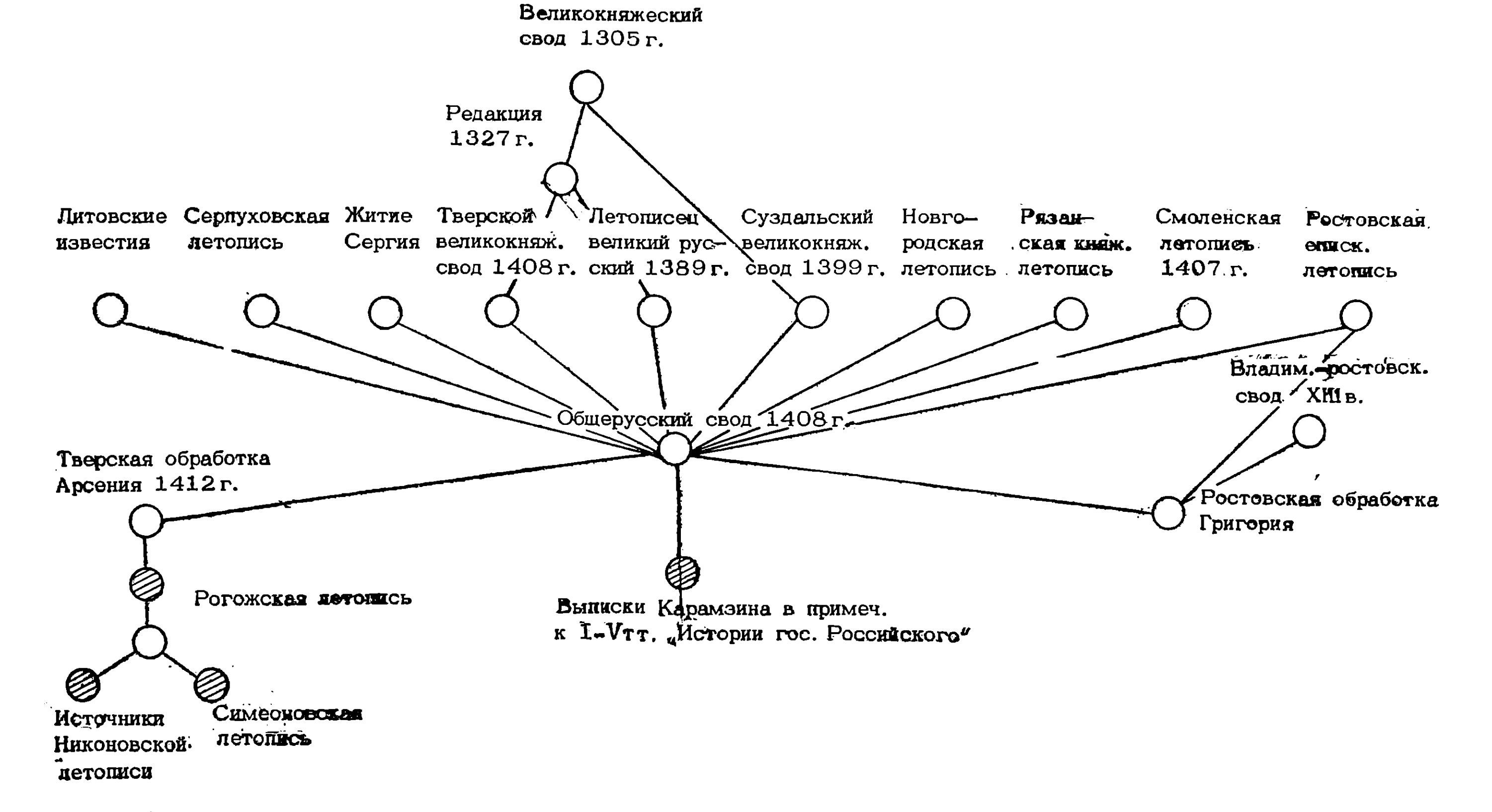
Разумеется, что все сказанное об изображении в стеммах взаимоотношения списков может быть применено и к изображению взаимоотношения групп, видов, редакций, изводов и произведений в целом. Но при этом необходимо помнить, что наилучшая стемма та, в которой отражены не только взаимоотношения редакций произведения, групп списков, но и взаимоотношения отдельных списков.

Приведем примеры различных стемм, составленных исследователями реальных произведений (см. ниже и вклейки к с. 464).

Стемма списков «Хожения за три моря» Афанасия Никитина согласно Я. С. Лурье (см.: Археографический обзор в книге: «Хожение за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Серия «Литературные памятники», 2-е изд. М.—Л., 1958, с. 180).

Треугольниками обозначены списки (список И. П. Сахарова не дошел и обозначен пунктирным треугольником).

Стемма Общерусского свода 1408 г. («Троицкой летописи») согласно М. Д. Приселкову (см.: История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 141).

РЕКОНСТРУКЦИИ

Одним из важнейших средств оживления фактов и гипотез по истории текста служит реконструкция текста произведения на одном из этапов его жизни. С помощью реконструкции текстолог в известной мере может проверить свои предположения, сделать их наглядными и удобовоспринимаемыми. Конечно, реконструкция только тогда заслуживает внимания, когда она учитывает все факты, связанные с историей текста, и когда она обоснована (само собой разумеется, хотя бы с относительной степенью достоверности) во всех своих частях. Если реконструкция использует в о з м о ж н о с т ь в большей степени, чем необходимость, — она относится к области художественного творчества, а не научного. Таких художественных реконструкций (особенно окончания незаконченных авторами произведений) известно немало.

Понятие реконструкции требует разъяснения и в другом. Можем ли мы называть реконструкцией текста, как это иногда делается, освобождение его от случайных описок, с которыми сопряжено научное издание текстов определенных типов? Я думаю, что это было бы неправильно. Ведь самое понятие текста, как мы уже видели, требует, чтобы текст был осмыслен (по крайней мере в самой элементарной степени). Простой набор букв не будет текстом. Не входят в понятие текста и случайные описки писца. Переписчик мог даже не заметить своих описок; они не явились плодом его воли, его понимания текста. Поэтому всякое издание текста требует его освобождения от описок — установления текста в том виде, как его понимал переписчик. Следовательно, освобождение текста от описок не есть еще реконструкция. Это обязанность издателя, но не реконструктора. К понятию реконструкции вполне подходит то, что говорит И. Э. Грабарь о «восстановлении». И. Э. Грабарь пишет: «В понятии „реставрации" необходимо различать два момента — момент ремонта и момент восстановления».[1]

Может все же возникнуть вопрос: не является ли ремонт одним из видов восстановления здания, а отдельные исправления в тексте — не приближают ли они текст к первоначальному и не являются ли они, следовательно, хотя бы элементами реконструкции текста?

Несомненно, что исправление описок в подавляющем большинстве случаев восстанавливает не только тот текст, который намеревался писать переписчик дошедшего до нас списка и в котором сделал описку, но также и тот текст, который был и до него; однако задачей этих исправлений отнюдь не является восстановление тех этапов развития текста, которые были до того, как писец стал их переписывать.

[1] Игорь Г р а б а р ь. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918—1925 гг. — В кн.: Вопросы реставрации, сб. 1. М., 1926, с. 7.

Дело в том, что реконструкцией текста может быть только реконструкция определенных этапов в развитии текста. Не может быть реконструкций вообще без определенных представлений о том, что именно реконструируется, какой этап истории текста решено восстановить. При этом каждый этап в развитии текста есть нечто цельное, законченное, пронизанное единой волей своего создателя. Если редактор текста, в отличие от автора, и не проявил себя во всех элементах своего текста, то во всяком случае он выбрал в нем несколько наиболее существенных элементов, которые решил изменить. Если мы производим частичную реконструкцию, а другие части текста не восстанавливаем или соединяем их с текстом, принадлежащим к другому этапу его истории, то мы тем самым создаем текст, который никогда не существовал, фактически лишаем текст его общего смысла, единой целенаправленности, которую ему придал автор или составитель той его редакции, которая реконструируется.

В издании текста по существу текст остается текстом списка, но только освобожденным от особенностей палеографических и случайных, невольных описок переписчика. Перед реконструктором же стоят совсем иные цели. Реконструктор не «исправляет» текст (исходный для реконструкции текст может быть вполне исправным или неисправным — это не важно), а на основании точного изучения истории сохранившихся текстов стремится восстановить состав памятника какого-то определенного этапа его истории, его текст по содержанию, его языковые формы и т. д.

Реконструктору приходится делать не отдельные, разрозненные исправления (так поступали только в первой половине XIX в. и ранее), а целостное восстановление, заменяя иногда по различным соображениям понятный и ясный текст более сложным, менее доступным, внося изменения в конструкцию памятника, в его состав, содержание, идейную сторону, изменяя языковые формы и т. д. Реконструируя памятник, приходится по большей части не «снимать» «напластования», «наслоения» и исправлять описки, а восстанавливать древний текст какого-то одного и притом вполне определенного этапа в жизни памятника.

Мы уже отмечали в предшествующих главах, что неправильно думать, будто памятник приобретает в различных списках и редакциях только «искажения», описки, «напластования» и «наслоения», т. е. живет якобы только путем механических изменений, которые могут быть механически же удалены путем легкой хирургической операции. В основном, в своих наиболее глубоких из менениях, дающих новые этапы в жизни памятника, текст развивается в результате целенаправленных, целостных изменений, изменений взаимосвязанных, совершающихся путем замен,

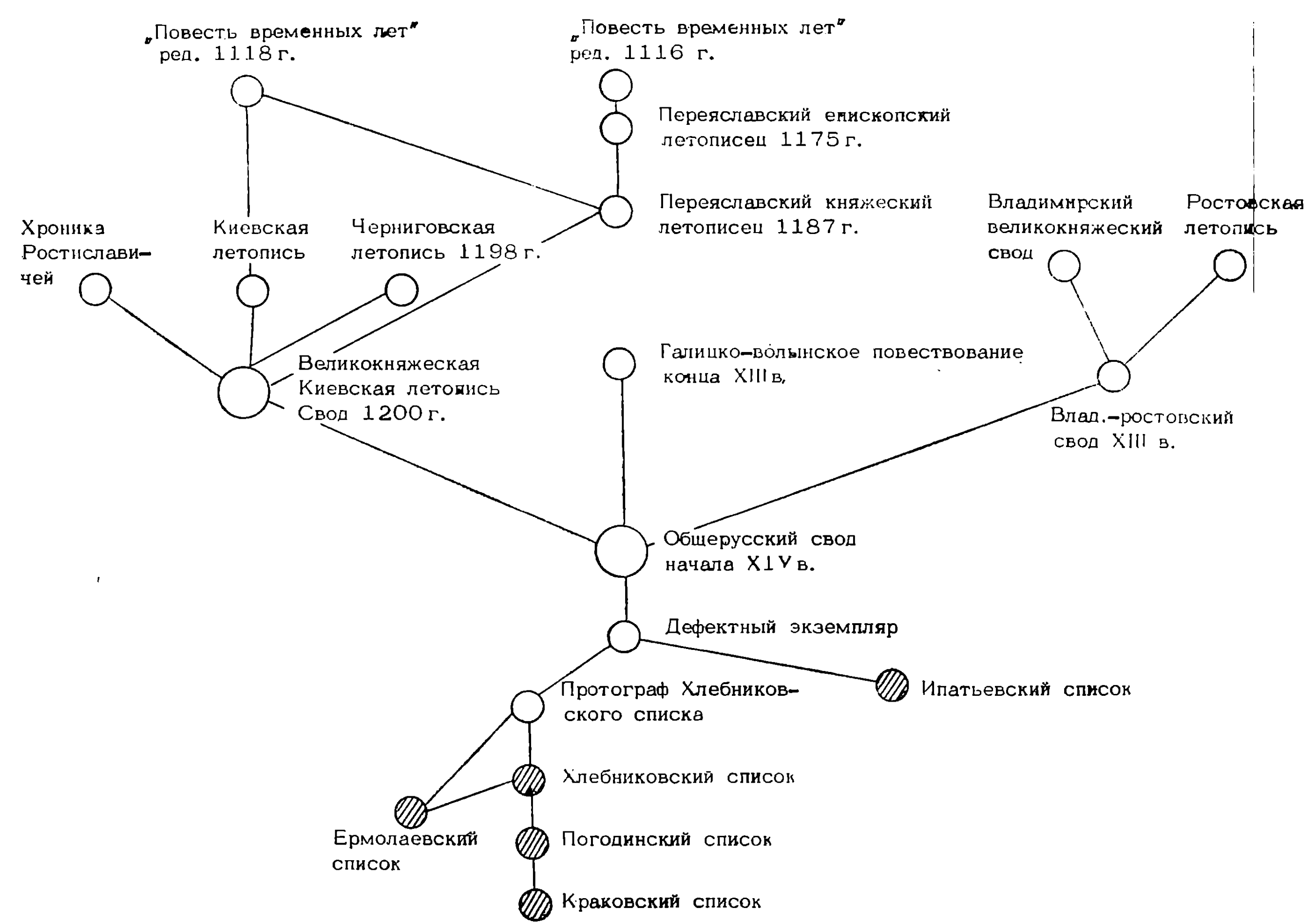
изменений, перестановок, сокращений, дополнений по всему тексту, вносимых в него его переписчиками и редакторами. Описки, ошибки, конечно, в изобилии вносятся в памятник, но роль их в появлении новых этапов в жизни памятника, как мы уже говорили (с. 85), не так велика, как роль тех изменений, которые вносятся в памятник под влиянием новых идейных и стилистических требований, органически и целостно изменяющих состав памятника и его текст. Только сознательные изменения приводят к образованию новых редакций; механические же изменения этих новых редакций составить не могут.

Реконструкция ставит перед собой задачу восстановления всей идейной и стилистической сути определенного этапа в жизни памятника. Научное же издание текста исправляет только механические изменения, проникшие в текст в течение его жизни. Издание реально дошедшего до нас текста ни в коем случае не вносит в него идейных и стилистических изменений. Между тем мы видели, что определенные этапы в жизни памятника (его редакция) определяются именно идейными и стилистическими изменениями, а отнюдь не механическими искажениями и напластованиями.

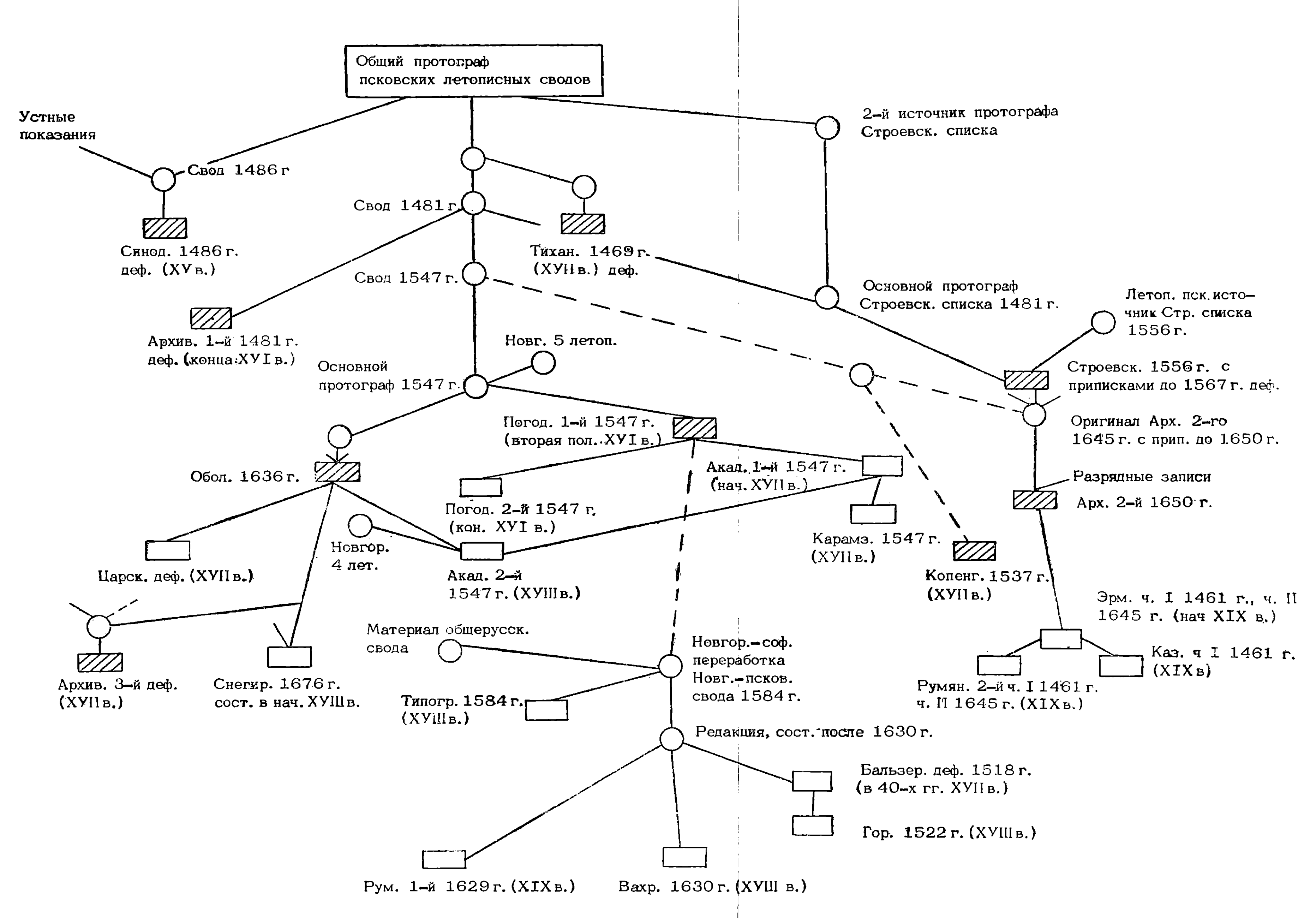
Отсюда ясно, что удаление механических изменений, которое допускается в критическом издании памятника, по самому существу своему не способно восстановить, реконструировать какую-либо из предшествующих редакций памятника, крупных этапов в истории его текста. Удаляя механические изменения в тексте памятника, мы можем восстановить авторский текст или текст какой-либо редакции только в том случае, если издаваемый в критическом издании текст уже, по существу, представляет собой именно этот авторский текст или именно этот текст редакции, но только искаженный отдельными механическими изменениями. По существу, этим способом ничего не реконструируется.

Вместе с тем, если в разночтениях критического издания можно оговорить все изменения основного текста и характер произведенных исправлений механически измененного текста может быть ясен читателю без особых пояснений, то пояснить «исправления» сознательных изменений текста в обычных разночтениях, помещенных внизу страницы, нельзя, да и называть их «исправлениями» также невозможно. Реконструкции текста должно предпосылаться особое исследование, в котором и должны оправдываться все переделки реально дошедших текстов, легших в основу реконструкции.

Принципиальное различие между реконструкцией и научным изданием реально дошедшего до нас текста заключается еще и в следующем. Ошибочность исправляемых в издании чтений может быть доказана. Может быть доказана и необходимость исправлений. В реконструкциях же текст восстанавливается в от-

Стемма Ипатьевской летописи согласно М. Д. Приселкову (см.: История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 56).

Стемма летописных памятников Пскова из книги: Псковские летописи вып. 1. Приготовил к печати А. Насонов, М.—Л., 1941, с. LXIII.
Объяснение к стемме А. Н. Насонова. «В настоящей таблице указаны все известные мне списки, кроме Уваровского, представляющего собой компиляцию, составленную в XIX в. из Архивского 1-го и Архивского 2-го. Четырехугольниками обозначены дошедшие до нас летописи. Затушеванными четырехугольниками обозначены списки, привлеченные к настоящему изданию псковских летописей (выпуски 1 и 2). Вслед за названием указан год, на котором кончается летопись. В скобках дан век или год, когда сделан список, если до нас дошел не первоначальный экземпляр. Пунктиром обозначены линии связи, для точного определения которых нет достаточных данных. Сокращение „деф." означает „дефектный". Слева видим Синодальный список: Псковскую 2-ю летопись. В центре — группу списков, представляющих Псковскую 1-ю летопись. Внизу указана, как особая группа, новгородско-софийская переработка. Справа — группа списков, представляющих Псковскую 3-ю летопись».

дельных частях с разной степенью вероятности. Восстанавливаются и такие чтения, правильность которых может быть доказана, и такие чтения, которые просто должны заполнить образующийся при реконструкции «вакуум текста» и предположительность восстановления которых смущает иногда даже наиболее самоуверенных реконструкторов.

В реконструкциях надо восстанавливать и язык памятника, а это самое опасное, что только может быть в работе по реконструкции памятников. Напомню, что именно на языке восстанавливаемых средневерхненемецких памятников больше всего обнаружилась несостоятельность реконструкций, созданных К. Лахманом и его школой. Реконструкторы исходили из гипотезы существования в период расцвета рыцарской поэзии в Германии особого средневекового литературного языка, отличного от местных диалектов. Диалектные особенности списков К. Лахман считал их «индивидуальными особенностями», и поэтому в своих реконструкциях снимал их, унифицировал язык, восстанавливал, как он думал, первоначальную языковую форму. После того как Герман Браун в 70-х годах XIX в. доказал, что общего средневерхненемецкого литературного языка не существовало, реконструкции Лахмана были признаны негодными для пользования.

Не менее сложные проблемы лингвистического характера возникают и при реконструкциях древнерусских текстов. Одна из самых слабых сторон реконструкции «Повести временных лет» А. А. Шахматова — это ее «гипотетический», искусственный древнерусский язык. Реконструкция А. А. Шахматова «Повести временных лет» неприемлема для нас прежде всего с точки зрения ее языка. А. А. Шахматов затратил очень много усилий на то, чтобы восстановить язык «Повести», но восстановил его, само собой разумеется, согласно тем представлениям, которые он сам имел о литературном языке начала XII в. Не следует забывать, что проблема языка встает перед каждым реконструктором, если его реконструкции претендуют на некоторую законченность.

Реконструировать текст, не учитывая возможных его языковых особенностей, свойственных тому времени, к которому исследователь его относит, — значит искусственно создавать текст, который заведомо не мог существовать. Реконструкция памятника XIV в. в формах языка XVI или XVII в. — нелепость. Между тем, конечно, реконструкция языка памятника или необходимость учитывать его языковые изменения — самое трудное, что стоит перед каждым реконструктором.

Реконструкции имеют очень большое значение в деле научной интерпретации источников. Но реконструкции всегда связаны с тем или иным исследователем, их создавшим. Они конкретизируют его положения, иллюстрируют их, дают возможность буду-

щим исследователям удобно ссылаться на выводы своего предшественника. Документальный же текст памятника должен существовать независимо от того, кто его опубликовал. Реконструкции «приходят и уходят», двигая вперед изучение текста памятника, но сам реально дошедший текст памятника в его списках остается незыблемым.

Итак, из всего сказанного ясно принципиальное и резкое различие между изменениями, вносимыми в текст списков при реконструкции, и изменениями, вносимыми в текст списков в научном издании.

Текст критического издания памятника — это реальность. Текст реконструкции, как бы она тщательно ни была выполнена и какую бы уверенность в своей правильности она ни внушала ее составителю, — всегда гипотеза, точность которой может быть доказана только одним путем: находкой нового подлинного списка с этим самым реконструированным текстом. Но в этом последнем случае реконструкция перестает уже быть реконструкцией.

О том, что задачу публикации следует строго отличать от задачи восстановления первоначального текста (т. е. от реконструкции), пишет и один из лучших советских текстологов А. Н. Насонов. Вот что говорится у него об издании Псковских летописей в IV томе «Полного собрания русских летописей», где издатель смешивает разные списки, произвольно «переходит от одного списка к другому: одну фразу берет из одного списка, другую из другого и т. п.; иными словами, предлагает текст, в сущности, несуществующий».

«Возможно, что при этом, — пишет А. Н. Насонов, — издатель имел в виду дать первоначальный текст. Восстановление предполагаемого, не дошедшего до нас текста можно дать только в результате особого рода большой и сложной исследовательской работы; задачу, которую ставит себе подобного рода работа, не следует смешивать с задачей публикации дошедшего до нас материала (ср. шахматовское издание «Повести временных лет» 1916 г.)».[2]

Только иногда возможно соединить задачи издателя подлинного текста и издателя реконструкции. Я имею в виду те случаи, когда подлинный текст и реконструкция действительно могут совмещаться, а не вытеснять друг друга: в реконструкциях утраченных мест документов (берестяных грамот, актов, известных только в одном списке, и т. п.). Здесь совмещение чисто механическое, издательское. Реконструированный текст, поскольку это позволяют утраченные части подлинника, можно печатать вместе

---

[2] Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, с. V.

с этим последним («впритык»), набирая их различными шрифтами, но можно печатать и отдельно: по существу, в реконструкции и в подлиннике от этого ничего не меняется и между собой они не смешиваются.

Допустимы также такие совмещения текстов, при которых утраченная часть списка с соответствующей оговоркой восполняется по другому списку.[3] Такого рода восполнения текста не являются, по существу, его реконструкцией.

*

В старых изданиях средневековых и античных текстов задачи издания реально дошедшего до нас текста постоянно смешивались с задачами реконструкции архетипа или же авторского текста. Зависело это от тех представлений, которые существовали по истории текста у текстологов школы К. Лахмана. Считалось, что единственно достойный издания текст — текст авторский или близкий ему (если не совпадающий) текст архетипа. Переписчики только портят этот авторский текст. При этом все переписчики лишены творческого отношения к тексту, они его не исправляют, не вкладывают в него своих идей. Никаких этапов в своем развитии текст не имеет. История текста — это история постепенной порчи текста оригиналов. У каждого переписчика при этом перед глазами только один оригинал. Следовательно, восстановление авторского текста или его архетипа может совершиться путем простой замены испорченных чтений правильными.[4] Если чтений несколько, то отбрасываются «индивидуальные» чтения — чтения одного списка.

Поскольку этапы в развитии текста отсутствуют, можно восстанавливать авторский текст или архетип текстов частично или полностью, можно даже «приближать» текст к авторскому путем частичных замен «испорченных» чтений и отбрасывания чтений «индивидуальных».

Задача реконструкции авторского текста была основной задачей филологической критики и публикаций школы К. Лахмана. Надо удивляться упорству, остроумию, колоссальности

---

[3] См. издание Я. С. Лурье текста первого послания Грозного Курбскому в книге: Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1951.

[4] Последователь К. Лахмана А. С. Лаппо-Данилевский так определяет задачи «критики текста»: «Задача критики текста состоит в том, чтобы, по возможности, восстановить его подлинный вид в первоначальной его чистоте, что, разумеется, иногда сводится лишь к тому, чтобы возможно более приблизиться к ней. . . Критика текста характеризуется особого рода приемами: главнейшие из них состоят в принятии известного чтения, а в случае нужды,

затраченного труда реконструкторов текста, воспитанных К. Лахманом, его учениками и учениками его учеников. Поиски авторских чтений в рукописях приобретали порой характер мании и наводнили филологические и исторические работы различного рода реконструкциями, к которым мы сейчас можем относиться только с улыбкой, несмотря на то что выполнялись они на основе строго методических приемов, продуманных и единообразных. Одна из важнейших заслуг А. А. Шахматова была в том, что он показал значение как исторических источников промежуточных этапов летописания. М. Д. Приселков показал значение как исторических источников последующего (не «авторского») текста ханских ярлыков, их собраний как полемического орудия против нестяжателей.[5] Л. В. Черепнин абсолютно убедительно показал, что изучение истории текста документа в различных архивных собраниях вскрывает в нем новую сторону как исторического источника.[6]

«Сводные тексты» (И. И. Срезневского, Н. С. Тихонравова и др.) именно и были теми «приблизительными» реконструкциями «авторского» текста, а по существу произвольными компиляциями из различных чтений отдельных списков — компиляциями, которые зиждятся на представлениях о том, что только «авторский текст» представляет ценность, а все последующие этапы истории текста этой ценности не имеют, так как якобы памятник претерпевает только постепенную и механическую порчу в руках его последующих переписчиков, в связи с чем является возможность удалить эту порчу путем выбора из разных чтений «лучших» и отсеивания индивидуальных особенностей списков. С точки зрения составителей «сводных» текстов, отдельные этапы в истории текста памятника не дают ничего качественно нового, цельного и законченного, а потому можно текст позднейших списков «приблизить» к «авторскому тексту» путем отдельных выборок из других реально сохранившихся списков.

В основе этих представлений лежало два убеждения: 1) весь текст архетипа целиком может быть собран по частям из отдельных списков и 2) подлинность получившегося в результате такого рода компиляции текста определяется подлинностью тех элементов, из которых компиляция слагается. Оба убеждения, конечно, ложные, так как первое не учитывает возможности исчезнувших

и в его исправлении» (А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, ч. I. Теория исторического знания. СПб., 1910, с. 579—580).

[5] М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

[6] См. об этом в моей рецензии на I и II тома «Русских феодальных архивов» Л. В. Черепнина: Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1952, т. IX, № 3, с. 300—304.

звеньев в истории текста, а второе опровергается тем обстоятельством, что — как бы ни были близки между собою отдельные списки — они обычно все же разновременны, дают разные тексты и отдельные разночтения их следует учитывать в их целом. Простая сумма подлинных частей (но не всех и не одновременных) не составляет подлинного целого. Поэтому всякого рода компиляции из подлинных элементов, внесение более ранних элементов в более поздние тексты, соединения различных чтений из различных списков, разрушение цельности текста путем частичных восстановлений и улучшений текста не являются реконструкцией. Издание реконструкций типа «сводных текстов», представляющих собою выборку «древнейших» чтений из разных списков, — давно пройденный этап в развитии русской науки.

Реконструкция должна быть гипотетическим восстановлением строго определенных и конкретных этапов в развитии текста. При всей гипотетичности таких реконструкций они по крайней мере пытаются представить если не реально дошедший до нас текст, то тот текст, который мог реально существовать.

Если же пытаться создавать текст сводный — на основании различных чтений разновременных текстов и при этом лишь «приближающий» нас к авторскому тексту в отдельных своих частях, а в других остающийся поздним, то это значит создавать компилятивный текст, который a priori никогда не существовал и не мог существовать, — текст, смешивающий различные этапы в жизни памятника, это значит, иными словами, придерживаться антиисторических принципов издания текста.

Создание текстов, «приближенных» к авторскому путем исправления отдельных чтений, невозможно не только потому, что реальное движение текста отнюдь не постепенно и равномерно, а совершается от редакции к редакции скачкообразно, причем на отдельных этапах развития текста отдельные чтения взаимосвязаны идейными и художественными (если они есть) задачами переделывателя, но и потому еще, что на поздних этапах развития текста, как уже было сказано, могли отразиться самые древние и даже авторские чтения. Переписчики не только имели перед глазами один единственный протограф (оригинал) — они очень часто «сводили» различные тексты (отсюда летописные своды), соединяли старые и новые редакции, проверяли новые тексты по старым (в Древней Руси известны даже специальные поиски «добрых» и «полных» летописцев, особенно цепившихся) и т. д. Отсюда в отдельных чтениях (особенно «индивидуальных») новых текстов могли отразиться чтения авторские, архетипные и т. д. Это обстоятельство постоянно учитывается, например, историками русского летописания. Оно хорошо известно западноевропейским филологам, работающим с текстами классических и средневековых памятников.

*

Работа по реконструкции памятников необыкновенно сложна. Однообразный, раз и навсегда выработанный подход, применение однообразных, шаблонных методических приемов — основное зло критики текста вообще, а тем более в такой сложной работе, как восстановление утраченных этапов истории текста произведения.

Строгие, выработанные, методические приемы восстановления текстов мало что могут дать, так как сам процесс движения текста отнюдь не механический и однообразный, а живой, сложный, творческий, тесно связанный с идеологией переписчиков, с классовой борьбой и общественными движениями своего времени. Именно однообразие приемов, создавая иллюзию строгой научной методичности, на самом деле вводит произвол и субъективизм в восстановление текстов. И это отчетливо видно на судьбе многочисленных реконструкций памятников средневековья и классической древности, созданных на основе продуманных и методически аккуратных приемов К. Лахмана и его школы. В том-то и была ошибка старых текстологов, что во всех случаях они предполагали один, и притом далеко не сложный, ход развития текстов. История текста античных авторов разрабатывалась в течение многих сотен лет, но по мере того как пески Египта приносили за последние 50—60 лет все новые и новые открытия папирусов с текстами античных произведений, становилось ясно, что история их текста была гораздо сложнее, чем предполагалось исследователями, и многие реконструкции, в том числе и такие методически точно разработанные реконструкции, как реконструкции К. Лахмана, рассыпались, как карточные домики. Основная ошибка исследователей, реконструировавших античные тексты, именно и заключалась в том, что они слишком механически применяли все одни и те же методические приемы работы с текстами, не считались с возможностью исчезновения огромной массы списков, отдельных редакций, недооценивали недостающие звенья, слишком доверяли себе. Приходится пожалеть о колоссальном, поистине египетском труде, затраченном на реконструкции, тогда как этот труд мог бы быть с гораздо большей пользой употреблен на издание реально дошедших текстов — текстов, которые только и могут считаться документами, источниками.

Для восстановления текста надо очень ясно представить себе авторов, редакторов, переписчиков — их мировоззрение, их психологию, создаваемую исторической действительностью. Необходимо учитывать требования «канцелярий», где эти тексты создавались или переделывались, требования заказчиков (когда они были), возможные противоречия между заказчиком и исполнителем — противоречия, создаваемые самим мировоззрением исполнителя, его политическими идеями и бессознательными устремлениями.

Тот исследователь, который лучше всего сможет себе представить все это на основе всего имеющегося конкретного материала, тот и будет иметь наибольшие шансы к самому убедительному восстановлению текста.

Изучение истории текстологии ясно показывает недолговечность всех изданий реконструкций и долговечность всех изданий документов, по преимуществу дипломатического типа.

Издания реконструкций классических и средневековых памятников К. Лахмана и его учеников давно признаны «длинным рядом фальсификаций». Никого не могут привлечь к себе и реконструкции «Нибелунгов»[7] и «Слова о полку Игореве», предложенные немецким исследователем Э. Сиверсом.[8] Разве не подтачивает время даже такие великолепные реконструкции, как реконструкции А. А. Шахматова, тогда как изданные им реальные летописные тексты стоят незыблемо и будут служить еще много десятилетий.

Завидная самоуверенность адептов школы К. Лахмана сменилась сейчас в разных областях текстологической работы осторожностью исследователей, для которых фантастика гипотез начала постепенно уступать место фактической стороне дела.

Необходимость резко отличать издания реальных текстов от изданий реконструкций все решительнее осознается сейчас и в наиболее значительных работах западноевропейских ученых по текстологии.

Итак, издание реально дошедших до нас текстов следует отличать от научных реконструкций. Эти научные реконструкции должны основываться на современных представлениях об истории текста памятника. Они должны реконструировать вполне определенные этапы в жизни памятника — этапы, связанные с историей идей, в нем отразившихся, с историей всего общества.

*

Примеры конкретных реконструкций, которые мы приведем ниже, ясно показывают, что ни одна реконструкция не может претендовать на полную достоверность и точность. В той или иной степени все реконструкции приближенны, состоят

---

[7] Впрочем, фрагмент этой реконструкции, вызвавшей у себя на родине весьма скептические отклики, почему-то напечатан Н. С. Чемодановым: Хрестоматия по истории немецкого языка VIII—XVI вв. М., 1953, с. 96—104.

[8] Eduard Sievers. Das Igorlied. Leipzig, 1926 (реконструкция «Слова о полку Игореве» на с. 25—55).

из элементов большей или меньшей достоверности и напоминают строительство из блоков, взятых из различных комплексов. Во всякой реконструкции перед нами, в сущности, макет.

Обратимся к наиболее известным реконструкциям, выполненным крупными учеными на основании многолетних занятий памятником. Прежде всего об известной реконструкции текста «Повести временных лет», осуществленной А. А. Шахматовым. Первый том этой реконструкции был завершением многолетних исследований, которые А. А. Шахматов начал в самые молодые годы.

В центре всех летописных исследований А. А. Шахматова была «Повесть временных лет». Поздним летописанием А. А. Шахматов занимался по преимуществу в связи с изучением судьбы текста «Повести» в поздних летописях. Он ставил перед собой задачу, которую до него ставил себе А. Л. Шлецер: восстановление летописного текста «Нестора». Но какое большое различие! А. Л. Шлецер «очищал» текст «Повести временных лет» от «позднейших ошибок» путем анализа отдельных разночтений и выяснения в каждом отдельном случае, без связи с другими, какое разночтение должно быть признано древнейшим. В противоположность А. Л. Шлецеру А. А. Шахматов прежде всего стремился установить историю текста «Повести временных лет» на основе установления генеалогических связей всех дошедших до нас списков летописей. Реконструкции текста «Повести временных лет» А. А. Шахматов предпослал грандиозную работу по восстановлению всей картины истории русского летописания до XV в. включительно. В результате для своей реконструкции А. А. Шахматов смог привлечь все списки «Повести временных лет» — в той или иной степени. Если он и отвергал некоторые списки, то у него были к тому достаточные основания, почерпнутые в установленной им истории летописания.

Далее, А. А. Шахматов не просто восстанавливал «авторский» первоначальный текст «Повести временных лет» Нестора, как это пытался делать А. Л. Шлецер, — он устанавливал этапы развития текста «Повести временных лет» — ее редакции, затем предшествующие ей своды. Каждый из этапов развития «Повести временных лет» он пытался реконструировать отдельно.

Занятия А. А. Шахматова «Повестью временных лет» протекали следующим образом. Еще при подготовке к магистерским экзаменам, в 1887—1890 гг., А. А. Шахматов занимается «Повестью временных лет». Ей же была посвящена одна из его двух пробных лекций по окончании экзамена (в 1890 г.). Своих занятий «Повестью временных лет» А. А. Шахматов не прерывает и впоследствии; через семь лет он публикует ряд детальных исследований по древнейшему русскому летописанию. Но уже в 1900 г., стремясь охватить историю летописания на всем ее протяжении, он публикует свое знаменитое исследование «Общерус-

ские летописные своды XIV и XV вв.». С тех пор А. А. Шахматов работает над рядом частных вопросов, охватывающих все русское летописание в целом и направленных, в конечном счете, на изучение всех списков «Повести временных лет». Результатом этих работ явился его обширный труд, подготовивший собой появление его реконструкций, — это «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», вышедшие в свет в 1908 г. Всю жизнь А. А. Шахматова сопровождал и другой труд: большой том рукописных материалов по изучению поздних летописных сводов, содержащих текст «Повести временных лет». В 1938 г. этот труд был частично издан М. Д. Приселковым под названием «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.».[9] Таким образом, реконструкция текста «Повести временных лет», появившаяся в свет в 1917 г. (листы ее были отпечатаны в 1916 г., но обложка издания помечена 1917 г.), была подготовлена с необыкновенным размахом. Характерно, что второй том его реконструкции, увидевший свет в т. IV «Трудов Отдела древнерусской литературы» в 1940 г., мог также рассматриваться как подготовительный: в нем с необыкновенной тщательностью были проанализированы все источники «Повести временных лет», что было очень важно, как мы увидим несколько ниже, для восстановления текста «Повести». Были реконструированы затем предшествующие «Повести временных лет» своды: древнейший Киевский летописный свод 1039 г. в редакции 1073 г. и Новгородский свод 1050 г. с продолжениями до 1079 г.[10]

В реконструкции текста «Повести временных лет» А. А. Шахматов стремился к максимальной достоверности текста, произвел

[9] «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» представляет собою труд справочного характера, созданный А. А. Шахматовым для себя, для своей работы. В нем А. А. Шахматовым даны материалы по истории текста важнейших сохранившихся русских летописных сводов. «Обозрение» было начато А. А. Шахматовым в самом начале его изучения летописей. Он расширял и пополнял его всю жизнь, внося поправки и целые новые главы. А. А. Шахматов обращался к текстологическому материалу глав «Обозрения» как к своего рода справочнику. Каждый раз, приступая к большому обобщающему труду по истории русского летописания, А. А. Шахматов подвергал некоторому пересмотру и дополнениям рукопись «Обозрения». Так было при написании «Общерусских летописных сводов XIV и XV вв.» в 1900—1901 гг., так было в 1907—1908 гг., в связи с работой над «Разысканиями», так было, наконец, и в 1914—1917 гг., в связи с выпуском I тома «Повести временных лет». Мысль о «Повести временных лет» никогда не оставляла А. А. Шахматова при работе над любым памятником летописания: большинство глав «Обозрения» после изучения и анализа того или иного памятника заканчивалось анализом находящегося в нем текста «Повести временных лет». К сожалению, при издании «Обозрения» только первые 5 глав сохранили свои окончания, посвященные «Повести временных лет», остальные были отброшены редактором — М. Д. Приселковым.

[10] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 537—629.

ряд частных исследований памятников, с которыми «Повесть временных лет» была связана. При всем этом А. А. Шахматов признал текстуальное восстановление первой недошедшей редакции «Повести временных лет» или отдельно второй (Сильвестровской) и третьей (Киево-Печерской) редакции невыполнимым. Поэтому текст «Повести временных лет» дан одновременно в обеих последних редакциях. Распределение текста между обеими редакциями сделано условно и неполностью: статьи, читавшиеся только в третьей (последней) редакции, показаны в печати с отступлением вправо, но несомненно существовавшие исправления в тексте третьей редакции сравнительно со второй в издании не показаны, так как задача эта не могла быть решена с полною достоверностью. На полях текста А. А. Шахматов отметил источники «Повести временных лет». Но из реконструируемых самим А. А. Шахматовым древнейших предшествовавших «Повести временных лет» сводов указан только один — Начальный: весь текст, предположительно восходящий к нему, набран в издании особым шрифтом.

В основу своей реконструкции А. А. Шахматов положил Лаврентьевский список. Текст последнего, тем не менее, признается А. А. Шахматовым обладающим множеством дефектов и отступлений от текста второй (Сильвестровской) редакции, так как многие особенности Лаврентьевского списка, вместе с группой близких ему списков, а также многие общие с ним места в Ипатьевской и близких ей списках восходят, по концепции А. А. Шахматова, к Владимирскому своду начала XIII в.

Эти общие места, восходящие к Владимирскому своду начала XIII в., трудно определимы, а потому и не могут быть устранены. Это главное препятствие к восстановлению одной из последующих редакций «Повести временных лет» — второй или третьей.

Что касается отдельных чтений, то древнейшие чтения есть как в Лаврентьевском списке, так и в Ипатьевском.

«Итак, — пишет А. А. Шахматов, — для второй редакции основным списком избран Лаврентьевский, но все остальные списки принимались по возможности во внимание при исправлении этого основного источника. Равным образом Лаврентьевский список принят за основной при восстановлении тех статей третьей редакции, которые внесены в него из подсобных источников; в основание же статей третьей редакции, не читающихся в Лаврентьевском, положен список Ипатьевский. Текст статей второй редакции, опущенный в Лаврентьевском вследствие утраты листов. . ., восстанавливается по Радзивиловскому. Отдельные фразы, опущенные в Лаврентьевском по недосмотру, равно как отдельные слова, восстанавливаются иногда по Радзивиловскому, иногда по Ипатьевскому, а также в редких случаях по другим спискам».[11]

[11] А. А. Шахматов. «Повесть временных лет». Пг., 1916 (1917), с. LIX.

В приведенной выдержке важно, что речь идет все время о пропусках по недосмотру или вследствие утраты листов, т. е. о явных дефектах, но не о замене худших чтений лучшими. Последнюю текстологическую операцию, столь частую во многих наших изданиях текстов, выполненных по старым принципам, А. А. Шахматов не считал возможным допустить даже в реконструкции. А. А. Шахматов пишет далее: «Сопоставляя текст Лаврентьевского, а для третьей редакции и Ипатьевского списка с текстом других летописных сводов, я по общему правилу решился на исправление основных списков только в крайних случаях (явные пропуски, явные искажения); сомнительные случаи я толковал в пользу основных списков. Но несомненно, что это правило не выдержано мною последовательно, и я уступал нередко впечатлению от видимого лучшего чтения подобных списков, заменяя этими „лучшими" чтениями чтения списков. Ставлю себе в вину эти уступки, но пересмотр исправлений отлагаю до следующего издания».[12] Из последних слов А. А. Шахматова совершенно ясно, что возможность замены «лучшими» чтениями чтения основного списка в тех случаях, когда эти чтения не заключали в себе явных дефектов, совершенно им отвергались.

Довольно спорными в работе А. А. Шахматова были сверка и восстановление некоторых мест «Повести временных лет», заимствованных из различных известных произведений, по древнейшим текстам этих произведений. Так, заимствования в «Повести временных лет» из Хроники Амартола сверены и исправлены им (конечно, только в явно дефектных местах) с текстом перевода Амартола в списках Московской духовной академии № 100 и Уваровском XV в. № 966. При этом приняты во внимание и заимствования из Амартола, читающиеся в древнейших списках Еллинского летописца. Части Хронографа, восходящие к Хронике Иоанна Малалы, сверены с изданием I и II книги Малалы, приготовленным В. М. Истриным. Привлечены к исправлению текста Иудейский хронограф, Житие Мефодия по списку XII в. Успенского собора, Житие Василия Нового (по изданию А. Н. Веселовского); тексты пророков сверены с соответствующими местами «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона по Мусин-Пушкинскому списку, Исповедание веры, предложенное Владимиру, — по изданию его Троицкого списка XII—XIII вв. Похвала Владимиру сверена с списками обычного жития Владимира. Привлечены были также А. А. Шахматовым «Сказание об убиении Бориса и Глеба» по списку XII в. и по Сильвестровскому сборнику XIV в.

---

[12] Там же, с. LXII.

Обращался А. А. Шахматов и к «Киево-Печерскому патерику» по изданию Д. И. Абрамовича. «Поучение о казнях божиих» сверено со списками Златоструя XII в., статья о перенесении мощей Бориса и Глеба — с соответствующим текстом Успенского сборника XII в., заимствования из «Откровения» Мефодия Патарского — с изданиями этого «Откровения» В. М. Истрина и Н. С. Тихонравова. Были произведены А. А. Шахматовым и другие сверки и сличения.

Вопрос о допустимости таких сверок весьма спорен, так как в руках у составителей «Повести временных лет», возможно, были далеко не лучшие списки тех сочинений, отрывки из которых они включали в свой текст. Следовательно, для исправлений основание должно было черпаться не из того факта, что текст «явно испорчен», а из того, что текст «явно испорчен п о з д н е е» составления основных редакций «Повести».

Реконструкция А. А. Шахматовым текста «Повести временных лет» заслуживает самого серьезного внимания. Она помогает конкретно представить выводы А. А. Шахматова по истории древнейшего русского летописания, но было бы глубоко ошибочным воспринимать эту реконструкцию за издание текста и пользоваться ею как историческим источником. Вот что писал А. А. Шахматов в рецензии на книгу М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси» (СПб., 1913) по поводу попытки последнего использовать его реконструкцию в качестве исторического источника: «Автор (т. е. М. Д. Приселков, — *Д. Л.*) должен был бы стать в теснейшую и непосредственную связь с основным для него источником — русскою летописью, между тем он поставил между этим источником и собой мое исследование о древнейших русских летописных сводах. М. Д. Приселков идет при этом настолько далеко, что редко ссылается на Лаврентьевский или Ипатьевский списки, излагая события X и XI вв.; летописные тексты приводятся им по моему п р е д п о л о ж и т е л ь н о м у чтению».[13]

Несколько другой характер в связи с другими исходными материалами носит реконструкция сгоревшей во время Московского пожара 1812 г. Троицкой летописи самого начала XV в., выполненная М. Д. Приселковым. Так же, как и А. А. Шахматов, М. Д. Приселков работал над своей реконструкцией очень долго. Он предпослал ей ряд очень важных и глубоких исследований летописания XIV в. и только после многих колебаний в отдельных вопросах, колебаний, отразившихся даже непосредственно при

---

[13] Научный исторический журнал, 1914, № 4, с. 45. (Разрядка моя, — *Д. Л.*). Кстати, М. Д. Приселков никогда не был «учеником» А. А. Шахматова, как его часто называют. Его можно считать (с оговорками) лишь последователем Шахматова в некоторых вопросах изучения истории русского летописания.

написании введения к своему изданию, он смог предложить своим читателям нечто вроде макета текста сгоревшей рукописи. Реконструкция М. Д. Приселкова, так же как и реконструкция А. А. Шахматова, не давала законченного текста, это — подборка текстов по содержанию: текстов достоверных и текстов, близких к тексту Троицкой летописи по данным истории летописания. Сам М. Д. Приселков писал о своей реконструкции: «Реконструкция не есть реставрация. При наличии наших данных нет никакой сейчас возможности ставить задачу восстановления памятника начала XV в. во всех подробностях его состава, изложений и чтений. Мы можем, как было сказано выше, собрать в нем два рода материалов, весьма неравноценных. Первый род материалов — достоверные куски подлинного текста, в отношении которых могут быть колебания или неуверенность только в смысле орфографии или данных языка. Второй род материалов — это разной степени достоверности другие куски того же погодного повествования Троицкой летописи, определяемые путем различного рода разысканий и соображений. Вот почему вся работа по реконструкции текста Троицкой летописи предлагается читателю в наборе двух шрифтов: один более крупный на протяжении всего реконструированного текста означает подлинные куски текста Троицкой летописи, дошедшие до нас как таковые или как таковые достоверно определенные, а другой шрифт, менее крупный, также на протяжении всего реконструированного текста означает предполагаемые куски изложения Троицкой летописи, которые мы добываем из дошедших до нас летописных сводов с тою или другою степенью достоверности. В отношении каждого кусочка Троицкой, отнесенного к первому разряду материалов, т. е. к подлинным выпискам из Троицкой, в примечаниях к реконструированному тексту дается весь доказательный материал и излагаются все соображения о их подлинности».[14] В отношении же второго разряда материалов — все соображения о его подлинности М. Д. Приселков дал во вводной статье на основе своих многолетних разысканий по истории русского летописания XIV и последующего веков.

Само собой разумеется, что М. Д. Приселков считал возможным использовать в качестве бесспорного исторического источника лишь первый род материалов, текст которых им о т н ю д ь н е р е с т а в р и р о в а л с я, а сохранялся в подлинном виде. «Мне думается, — писал М. Д. Приселков, — что в таком виде этот опыт реконструкции утраченного текста Троицкой летописи н и к о г о н е в в е д е т в з а б л у ж д е н и е».[15] Итак, и

---

[14] М. Д. П р и с е л к о в. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 24.

[15] Там же. (Разрядка моя, — *Д. Л.*). — К сожалению, однако, текст реконструкции Троицкой летописи постоянно вводит в заблуждение невнимательных исследователей, принимающих реконструкции за издания текстов.

этот пример ясно показывает, что подлинный текст отнюдь нельзя смешивать с реконструированным.[16]

*

Итак, реконструкции текстов — это особый способ проверки возможности построения исследований, это способ представить наглядными утверждения и гипотезы исследователя.

Реконструированный текст есть своего рода «макет» текста, восстановленный в своем содержании, идеях, целенаправленности, а не только «очищенный» от позднейших описок и искажений в отдельных своих чтениях. Создавая этот «макет», реконструктор идет от целого к его частям, а не наоборот, как это имело место у адептов школы К. Лахмана. При этом реконструктор обязан подумать и об «одежде» своей реконструкции — о ее языке. Невозможно смешивать в реконструкциях явления языка разных эпох, вкрапливать в язык позднейший, представляющий собой законченную систему определенной эпохи, элементы языка более раннего, соединять то и другое, соединять орфографические явления второго южнославянского влияния с более древними и т. п. Нельзя также реконструировать древний текст в формах языка более позднего. Последнее возможно только тогда, когда реконструируется не текст, а содержание исчезнувшего текста.

[16] См. также: Д. С. Лихачев. Восстановление литературных текстов Древней Руси. — В кн.: Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981.

Глава XIII

ТЕХНИКА ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ

ТИПЫ ИЗДАНИЙ

Во введении к данной книге уже говорилось о том, что текстология занимается изучением текста — его истории. Вопросы издания текста — это вопросы практического приложения выводов текстологии. Поэтому настоящая глава «Техника издания текстов» носит дополнительный характер. Мы закончили рассмотрение вопросов текстологии и будем говорить в дальнейшем лишь об одном из ее практических применений. Другие применения текстологии, в частности в литературоведении, должны составить предмет особых работ.

*

Тип издания памятника зависит от того, для чего предназначается издание, и от характера самого памятника. Прежде всего отметим, что издания памятников литературы могут быть предназначены для литературоведов, историков и лингвистов.

Очень часто приходится встречаться с мнением, что издание древнеславянских текстов должно удовлетворять как литературоведов и историков, с одной стороны, так и языковедов — с другой. Основанием к тому выставляется необходимость экономить труд издателей. Издание памятника, утверждают сторонники этой точки зрения, — дело сложное, весьма трудоемкое и требующее больших затрат. Поэтому необходимо обеспечить такие способы научного издания памятников, которые могли бы удовлетворить всех работников науки, с тем чтобы не требовались повторные, более точные издания. При этом все различие между изданиями, предназначенными для историков и литературоведов, с одной стороны, и для лингвистов — с другой, сторонники этого мнения видят только в степени точности передачи орфографии и графики рукописей.[1] Если историков и литературоведов, — утверждают

[1] «На протяжении XIX в. в России определились в зависимости от назначения два типа изданий памятников. С одной стороны, это публикации,

они, — может удовлетворить не буквально точная передача текста, то лингвистов может удовлетворить только издание текста с полным соблюдением орфографии и последовательной передачей особенностей графики. Указаний на какие-либо другие различия между изданиями лингвистическими и историко-литературоведческими в исследовательской литературе мне не встречалось.

Если дело обстоит действительно так, т. е. если действительно следует экономить только труд издателей, а не труд тех ученых, которые этими изданиями будут пользоваться, и если бы действительно все различия состояли только в степени точности передачи орфографии и графики рукописей, то издавать следовало бы несомненно так, как этого требуют сторонники этой точки зрения: для историков, литературоведов и языковедов одновременно.

Дело, однако, обстоит гораздо сложнее. Прежде всего о принципе экономии. Наука движется путем дифференциации специальностей, возникновения новых специальностей, углубления различий, углубления специфических особенностей методики научных исследований и т. д. Точно так же и в производстве: промышленность увеличивает виды продукции, идя навстречу усложняющимся потребностям людей, а не упрощает эти потребности, идя навстречу экономии затрат производства. Я позволил себе обратиться к примеру производства, так как аргумент сторонников упрощения типов изданий именно «производственный»: он имеет в виду экономию издательских затрат в первую очередь. Отметим и другую непоследовательность в рассуждениях сторонников этой точки зрения: не допуская возможности различать издания, предназначенные для литературоведов и историков, с одной стороны, и для языковедов — с другой, сторонники объединения этих изданий допускают, однако, сосуществование разных типов изданий памятников по степени их сложности: научных, учебных, популярных изданий.

При обсуждении вопроса об экономии следует, как мне кажется, помнить и о другом: изданный памятник начинает «жить» в ученых трудах — его цитируют. Об удобствах цитирования в научных трудах необходимо всегда заботиться, издавая памятник. Если памятник издавать со всеми его орфографическими и прочими особенностями — с юсами (а может быть, и с типами юсов — на-

подготовленные лингвистами и предназначенные для языковедческих исследований, а с другой — издания, подготовленные историками, литературоведами и другими специалистами-нелингвистами и предназначенные для исторических и иных исследований. Различия между этими двумя типами изданий проявлялись и в выборе конкретных рукописей для публикации, и в способах обработки и воспроизведения текста, и в оформлении и составе справочных данных. В публикациях историков и литературоведов факты письма могли передаваться неточно: ради удобочитаемости текста сокращенно написанные слова воспроизводились в полном виде, непонятные для читателя места дополнялись по другим источникам и т. п.» (Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961, с. 4 (Институт русского языка АН СССР)).

пример, с треугольным юсом малым), с йотированными гласными, фитой, ижицией и пр., сохраняя при этом титла, выносные буквы, надстрочные знаки и пр., — то как же его цитировать нелингвистам? Ведь текст придется упрощать, истолковывать, раскрывая титла, сокращения, вносить выносные буквы в строку и т. п. Значит, единого текста не будет, каждый будет производить всю эту работу на свой лад, а некоторые малоопытные в изданиях текстов исследователи начнут еще делать это с ошибками. Где же тут экономия? Лингвисты, может быть, захотят и смогут оставлять в своих исследованиях именно тот текст памятника, который напечатан, но историкам и литературоведам, изданий которых выходит значительно больше, оставлять такой текст с сохранением всех особенностей его публикации будет просто невозможно: иначе придется перестраивать шрифтовое хозяйство во всех типографиях, где только печатаются издания историков и литературоведов. Следовательно, и с точки зрения экономии предложение объединить публикации памятников едиными правилами для литературоведов, историков и лингвистов может быть подвергнуто основательному сомнению.

Практика показывает, что изданиями текстов пользуются многие десятки лет, эти издания обслуживают очень многих ученых, и следует в первую очередь подумать об экономии труда этих ученых, сделать издания удобными в пользовании ими, полностью соответствующими требованиям различных научных дисциплин. Это станет возможным только тогда, когда издания будут иметь вполне конкретного адресата, будут учитывать специфические требования каждой дисциплины. Сторонники общих изданий древних текстов напрасно полагают, что между языковедами, литературоведами и историками может быть достигнуто единство требований, если только историки и литературоведы согласятся пользоваться изданиями «более точными в орфографическом и графическом отношении», чем те, какими они пользовались до сих пор. Эти различия гораздо более серьезны.

В чем же заключаются различия между требованиями к изданиям текста лингвистов, литературоведов и историков?

1. Установление текста производится совершенно различно лингвистами, с одной стороны, и историками и литературоведами — с другой, особенно при наличии многих списков одного памятника. Лингвист кладет в основу издаваемого текста список, наиболее ценный с точки зрения языка; историк и литературовед кладут в основу издания список, выбранный на основании требований своих наук. Историк и литературовед изучают всю историю текста с точки зрения его идейного содержания, исторической значимости и т. д., у лингвиста более простые требования (язык), но требования эти в подавляющем числе случаев диктуют выбор того или иного списка. Известно, например, что древнейший список очень часто не принадлежит к древнейшей редакции, но он почти

всегда будет древнейшим по языку (за некоторыми исключениями).

2. Лингвисты нуждаются в издании текста одного списка — историки и литературоведы издают текст памятника по всем спискам. В гораздо большей степени, чем лингвисты, историки и литературоведы интересуются редакциями, историей текста и понимают историю текста часто на основании своих данных иначе, чем лингвисты (ср. существующие в научной литературе расхождения лингвистов и литературоведов в понимании истории текста Моления Даниила Заточника). Думать, что литературоведы или историки в своем понимании текста и его истории всегда сходятся с лингвистами, нельзя. Пользуясь научным изданием памятника, особенно важно знать, кем приготовлен текст — историком или лингвистом, чтобы правильно представлять себе, из каких данных он исходил, устанавливая текст; эти данные не могут быть целиком изложены в археографическом введении к публикации — надо знать самую методику текстологической работы, которая различна в различных дисциплинах.

3. Решительно отличен у литературоведов и историков, с одной стороны, и языковедов — с другой, выбор разночтений и характер исправлений основного списка. Если включить в разночтения все отличия орфографические и графические, это невероятно загромоздит издание и сделает разночтения фактически недоступными для пользования. Значит, надо разночтения давать выборочно (в большей или меньшей степени), но выбор разночтений у языковедов, историков и литературоведов не будет совпадать (здесь, кстати, намечаются различия и между историками и литературоведами; последних будет, например, интересовать стиль произведения, и они будут выбирать разночтения, этот стиль характеризующие). Требовательного лингвиста, конечно, никакие разночтения не удовлетворят, так как в разночтениях невозможно отмечать все особенности орфографии, титла, выносные буквы и прочее. Лингвист потребует для своих целей издания каждого списка отдельно — и будет прав.

4. Нельзя думать, что самое прочтение рукописи, выполненное историком и литературоведом, сможет удовлетворить лингвиста. Ведь прочтение рукописи есть уже до известной степени ее истолкование. Это особенно ярко проявляется в расстановке знаков препинания, но касается также раскрытия титл, внесения в строку выносных букв, раскрытия сокращений (окончаний «ся» и «сь», «ь» в середине слова и т. д.), а особенно — разделения текста на слова. Бывают и обратные случаи, когда прочтения текста рукописи лингвистом не удовлетворяют историка, когда историк может, со своей точки зрения, точнее прочесть текст, чем лингвист, точнее его реконструировать. Иными словами: историк не может готовить издания для лингвистов, лингвист же — для историков. На данном этапе изучения памятников предположение, что неспециалисты

могут издавать памятники для специалистов, — утопия. Издание Лаврентьевской летописи лингвистом Е. Ф. Карским с точки зрения лингвистов выполнено превосходно, с точки зрения историков и литературоведов оно выполнено плохо, так как Е. Ф. Карский соединил различные памятники.[2] Вот почему А. А. Шахматов поступил правильно, издавая Симеоновскую летопись и Ермолинскую только для историков. Для лингвистов их следовало бы издать иначе. Напомню, что некоторые советские историки, надеявшиеся своими изданиями удовлетворить лингвистов, ошиблись в своих надеждах (ср., например, «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», изд. Института истории АН СССР. М.—Л., 1950). Даже если бы превосходные лингвисты и превосходные историки объединили свои усилия, — все равно при совместной подготовке текста к изданию им пришлось бы встать либо на точку зрения лингвиста и издавать для лингвистов, либо стремиться удовлетворить потребности историков, как это и делал в своих изданиях А. А. Шахматов, каждый раз имевший в виду конкретного адресата. Одним словом, научные издания, как нам кажется, могут быть только целенаправленными. Лишь в очень простых случаях (короткий памятник в одном или двух списках) можно вести работу по подготовке издания, имея в виду интересы нескольких наук одновременно.

Можно было бы привести еще ряд соображений в пользу того, что издания, предназначаемые для историков и литературоведов, и издания для языковедов не должны смешиваться, но думаю, что и сказанного достаточно.

*

Остановимся на типах изданий для литературоведов (типы изданий для историков и для лингвистов требуют особого рассмотрения).[3] Издания для литературоведов могут в свою очередь разделяться по своим задачам на издания научные и популярные. Научные издания в свою очередь делятся на полные издания по всем спискам и издания одного какого-либо списка. Научные издания по всем спискам — это основной тип научного издания памятников древнерусской литературы. Они ставят себе целью

---

[2] М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — Учен. зап. Гос. пед. ин-та им. Герцена, 1939, т. 19, с. 183.

[3] Типы изданий для лингвистов и требования, предъявляемые к ним, разобраны в книге: Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961. (Институт русского языка АН СССР). См. также: М. М. Пещак, В. М. Русанівський. Правила видання пам'яток української мови XIV—XVIII ст. Відповідальний редактор К. К. Цілуйко. Київ, 1961. (Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні АН УССР); Л. П. Жуковская, С. И. Котков. О публикации памятников русского языка и письменности. — Вопр. языкознания, 1960, № 4.

представить всю историю текста издаваемого памятника. Поэтому текст должен издаваться во всех его редакциях, а в зависимости от необходимости давать представление и об отдельных видах редакций.[4]

Только иногда нет необходимости давать представление о поздних редакциях текста (XIX—XX вв.), особенно если эти редакции возникли в узкой среде, не получили распространения и поэтому не представляют особого интереса для историка литературы. Само собой разумеется, что издание текста во всех его редакциях требует разночтений (смысловых во всяком случае и стилистических — во многих случаях) и должно сопровождаться подробными комментариями и исследованиями. В последнее время такого рода соединение издания памятника с его исследованием получает все большее и большее распространение.

Для того чтобы судить о том, насколько важно одновременное исследование текста с его публикацией, сошлюсь на опыт издания Берлинской Академией наук серии «Немецкие средневековые тексты» («Deutsche Texte des Mittelalters»). Когда они издавались под общим руководством Густава Рете, — это были издания отдельных списков как предварительный материал для будущих критических изданий текста произведений. Это были только аккуратно напечатанные рукописи без всяких исследований. Постепенное и осторожное обращение к критическим изданиям началось в 40-х годах XX в. под руководством нового руководителя этой серии Альфреда Гибнера. Критические приемы издания могут быть отмечены в издании «Ланцелота» (1948 г.), «Младшего Титуреля» Альбрехта фон Шарфенберга (1955 г.) и др. Научный опыт в данном случае подсказал необходимость соединять исследование памятника с его изданием. Огромных предварительных исследований, десятилетий упорного труда потребовало издание сочинений Генриха фон Вельдеке, подготовленное Теодором Фрингсом и его сотрудницей Габриэль Шиб. Исследователями

[4] Печатание текста произведений по нескольким редакциям принято и для произведений нового времени, но в значительно меньшем масштабе, поскольку история текста того или иного произведения в силу развитого авторского начала представляет меньший интерес и обычно суживается до пределов «творческой истории» авторского текста. Если редакции произведений новой литературы и издаются, то только авторские. Так, например, в академическом издании сочинений Н. Г. Чернышевского в т. IX напечатаны две редакции романа «Что делать?». В академическом издании Баратынского под ред. М. Л. Гофмана в двух редакциях напечатаны поэмы «Пиры», «Эда», «Цыганы». П. А. Кулиш в своем шеститомнике сочинений Н. В. Гоголя (1857) напечатал в двух редакциях повести «Тарас Бульба» и «Портрет»; этот же принцип сохранен и в академическом издании писателя. В двух редакциях печатается обычно «Маскарад» М. Ю. Лермонтова — например, в академическом издании сочинений М. Ю. Лермонтова под ред. Д. И. Абрамовича и даже в однотомнике М. Ю. Лермонтова под ред. Б. М. Эйхенбаума и К. М. Халабаева (6-е издание, 1934).

были составлены словари рифм, словари языка, многочисленные комментарии к отдельным произведениям и даже отдельным спискам. В 1956 г. вышло, наконец, издание «Легенды о Сервации» этого автора.[5] Оно снабжено картой, показывающей распространение культа святых, подробными статьями, словарем и указателем рифм и чтений.

Тип соединения издания памятника с его исследованием представляет серия монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы, издаваемая Сектором древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Серия существует с 1955 г. Тогда вышли сразу три книги этой серии: «Казанская история» Г. Н. Моисеевой, «Сказание о князьях владимирских» Р. П. Дмитриевой и «Сказание Авраамия Палицына», подготовленное коллективом авторов (О. А. Державиной, Е. В. Колосовой и Л. В. Черепниным). В том же году в «Трудах Отдела древнерусской литературы» вышла и статья «Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы»,[6] автор которой Р. П. Дмитриева суммировала пожелания к этой серии со стороны Сектора древнерусской литературы.

Серия родилась из определенных научных требований, выдвинутых ходом научных исследований древнерусской литературы, и самый тип книг этой серии вырабатывался постепенно и продолжает вырабатываться и уточняться до настоящего времени.[7]

Тип книг этой серии вырабатывался не без влияния опыта работы сотрудников Сектора древнерусской литературы над отдельными выпусками «Литературных памятников». В серии «Литературные памятники», как известно, вышли следующие широко объясненные издания памятников древнерусской литературы: «Воинские повести Древней Руси» (1949), «Слово о полку Игореве» (1950), «Повесть временных лет» (1950), «Послания Ивана Грозного» (1951), «Симеон Полоцкий» (1953), «Русская демократическая сатира XVII в.» (1954), «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.» (1954), «Повесть о Скандербеге» (1957), «Хожение за три моря» Афанасия Никитина (1949 и 1958), «Повести о Куликовской битве» (1959) и др.[8]

Соединения издания памятника (непосредственно по рукописям) с подробными объяснениями и исследованиями его текста и исторической обстановки его создания оказалось чрезвычайно

[5] Henric van V e l d e k e. Sente Servas — Sanctus Servatius. Kritisch hrsg. von Th. Frings u. G. Schieb. Halle, 1956.

[6] ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955.

[7] См.: Р. П. Д м и т р и е в а. Монографические исследования-издания памятников древнерусской литературы. — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972.

[8] См. подробнее: Л. А. Д м и т р и е в. Обзор изданий памятников древнерусской литературы (1917—1978). — Рус. лит., 1979, № 1.

удобным для читателя и вызвало большую популярность этих изданий. Отмечу, например, что в последних зарубежных исследованиях историков и филологов «Повестью временных лет» постоянно пользуются по изданию в серии «Литературные памятники»; широкий интерес возник к «Посланиям Ивана Грозного», к «Хожению» Афанасия Никитина в данной серии. Последние два издания легли в основу изданий иностранных.[9]

Дело, однако, не только в том, что соединение издания памятника с его исследованием было у д о б н о для читателя, — это соединение оказалось принципиально правильным и с чисто научной точки зрения. Неустойчивые тексты древнерусских памятников не могли быть научно изданы без соответствующей научной интерпретации текста и его истории. Тексты выступали подчас в совершенно новом виде, препарированные с помощью новой текстологической методики, успешно развивающейся за последние годы в изучении памятников древнерусской литературы.[10] Один из принципов этой новой методики заключается, как мы уже видели выше, в отказе от механических приемов классификации текстов. Текстолог обязан не только приводить факты, но и объяснять их. Ни один текстологический факт не может быть использован, пока не дано ему объяснения. Текстолог должен интересоваться не только тем, ч т о произошло с текстом, но и тем, п р и к а к и х о б с т о я т е л ь с т в а х это произошло и п о ч е м у. Регистрация изменений текста и объяснение этих изменений — не две различные исследовательские задачи, а единая задача, вызывающая необходимость при текстологической работе широкого литературоведческого исследования памятника в целом.

В самом деле, даже простое прочтение текста древнего памятника требует от текстолога известной своей интерпретации этого текста, сказывающейся на каждом шагу текстологической работы, — в разбивке текста на слова, в расстановке знаков препинания, в выборе тех или иных чтений из различных списков и т. д. Все это уже требует своих объяснений, доказательств объяснений, исследования списков, языка памятника, его стиля, исторической

---

[9] Putování ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře. Připravil Vincens Lesný. Slovanské nakladatelství. Praha, 1951; Listý Ivana Hrozného. Přeložili Hana Skalová a Bohuslav Ilek. Praha, 1957; The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia. 1564—1579. Edited with a translation and notes by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955; Ivan le Terrible. Lettres traduites par Daria Olivier. Paris, 1959; Ivan den Skraekklige. Brevveksling med Fyrst Kurbski, 1564—1579. Oversat of Bjarne Nörretranders. Munksgaard, 1959.

[10] См.: Д. Л и х а ч е в. 1) Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1955, т. XIV, вып. 5; 2) Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения. — Slavia, 1958, roč. XXVII, seš. 4.

обстановки и т. д. Текстология уже в этих элементарных случаях незаметно и органически сливается с литературоведением в целом. При этом изучение памятника должно предшествовать его изданию. Сперва изучить, а потом издать на основе этого изучения — таков принцип советской текстологии. Он диаметрально противоположен укоренившейся в старой, дореволюционной науке практике издавать памятники для их последующего изучения.

С тех пор как текстология перестала пользоваться механическими и формальными приемами издания текстов, а стала изучать историю текста во всей его сложности, рассматривая при этом историю текста как историю людей, этот текст создававших, текстологические данные оказались исходным материалом для изучения памятника.

Конкретная жизнь памятника не может быть вскрыта механическими приемами и подсчетами, как это предлагалось текстологической школой К. Лахмана; оказавшей огромное влияние на русскую медиевистику прошлого. Чтобы полностью восстановить историю текста, надо войти в историческую обстановку, детально знать исторические события, детально знать факты классовой и внутриклассовой борьбы. Текстолог должен вникнуть в психологию переписчика, ясно понимать причины ошибок писца и тех изменений, которые они вносят в текст; но в еще большей мере он должен знать его идейный строй, его идеологию, а также идеологию «заказчика» переписываемого произведения и т. д.

История текста памятника, воспринимаемая как история идей и вкусов конкретных людей, выступает перед нами в тесной связи с историей всего общества.

Задачи издания и изучения памятника в результате всего этого и объединились и осложнились. Текстология потребовала все более и более интенсивного литературоведческого аспекта, а литературоведение в изучении древних памятников все более стало опираться на конкретный и объективный материал текстологии.

Из всего изложенного ясно, что объединение в одном исследовании текста памятника, его текстологического анализа и литературоведческой интерпретации явилось результатом особого научного направления в изучении наших древних памятников и отнюдь не представляет собой случайности.

Примечательно, что в выпусках серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы были представлены два типа монографий — выполненных одним автором и выполненных группой авторов. Привлечение нескольких авторов к выполнению одной монографии вызывалось необходимостью всесторонне осветить памятник, что не всегда было под силу одному специалисту. В частности, Л. В. Черепнин был привлечен к исследованию «Сказания Авраамия Палицына» в качестве историка: идеология такого сложного и крайне противоречивого политического деятеля, как Авраамий Палицын, нуждалась во

внимательной исторической интерпретации. Действительно, «Сказание Авраамия Палицына» является тенденциозным и, в известной мере, автобиографическим документом, составленным человеком, который, находясь на вершине бурных событий начала XVII в., неоднократно менял свою политическую позицию. Его поведение, его изменчивые взгляды нуждались в освещении историком.

В дальнейшем некоторые выпуски этой серии составлялись также коллективно. Так, «Сочинения Ивана Пересветова» подготовлялись в основном историком А. А. Зиминым, для решения же чисто литературоведческой части этой работы были привлечены литературоведы Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, Л. Н. Пушкарев и М. Д. Каган. «Послания Иосифа Волоцкого» подготовлялись тремя исследователями — И. П. Ереминым, Я. С. Лурье и А. А. Зиминым. Первый дал характеристику Иосифа Волоцкого как писателя в той своеобразной манере, которая свойственна только этому исследователю и которая в данном случае оказалась особенно удачной.

Таким образом, серия включает в себя и коллективные и индивидуальные работы. Коллективные исследования организуются только тогда, когда это вызывается требованиями самого материала исследования.

По какому типу строятся отдельные выпуски серии? В «Проекте» серии, опубликованном Р. П. Дмитриевой в т. XI «Трудов Отдела древнерусской литературы», были установлены структура отдельных выпусков, тип и характер входящих в них историко-литературных и текстологических исследований. Практически в процессе непосредственной подготовки отдельных выпусков эта часть «Проекта» постоянно нарушалась. Не нарушались общие требования к исследованию — требования методологические и научно-методические, но построение отдельных выпусков серии различно. Если оставить в стороне первую книгу этой серии «Казанскую историю» как нетипичную, то нужно сказать, что издания памятников выполнялись всюду на основании всех доступных списков и по всем редакциям с учетом современной текстологической методики. Исключение составляет только «История Иудейской войны» в древнерусском переводе — памятник большой и поэтому затруднительный для издания по всем редакциям.

Публикации текстов предшествуют исследования. Число этих исследований, вопросы, в них затрагиваемые, совершенно различны и зависят исключительно от того, в освещении каких сторон больше всего нуждается памятник. Так, памятник переводный и чрезвычайно важный с точки зрения истории русского языка, искусства перевода и художественной стилистики — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе — по вполне понятным причинам не сопровождается историческим исследованием, но зато имеется исследование языка и перевода,

Книга, посвященная первой пьесе русского театра «Артаксерксову действу», также не имеет исторического исследования (оно было бы в данном случае совершенно излишним), но имеет исследование текстологическое и театроведческое. Тесно связанное с историческими событиями и официальной идеологией русского правительства XVI в. «Сказание о князьях владимирских» исследуется в органическом единстве своих текстологических и исторических данных. В нем не выделялись отдельно исторические части исследования, хотя историческое изучение и занимает в книге большое место.

«Повесть о Сухане» — замечательное произведение XVII в., открытое В. И. Малышевым в единственном списке, сопровождается полным фототипическим воспроизведением всей единственной рукописи этого произведения, что вполне закономерно для данной книги и чего, конечно, не стоило делать в других, менее ответственных случаях. Это же издание заключает в себе материалы для будущих исследователей: транскрипции текста «Повести о Сухане», былины о Сухане, полную библиографию и т. д.

Не буду приводить еще других примеров различия в структуре отдельных монографий; важно, что эти различия диктуются требованиями материала. Отличие данного жанра литературоведческих монографий от других литературоведческих жанров определяется следующими признаками: все книги серии исследуют памятник или группу памятников на основе текстологического анализа всех списков с установлением истории текста памятника там, где это возможно; а основой для литературоведческого анализа текстологического материала служит его марксистский анализ на базе изучения исторической действительности своего времени.

Большое значение придается единообразию технического оформления подготовляемого к изданию текста. В «Проекте» издания памятников древнерусской литературы, опубликованном в XI томе «Трудов Отдела древнерусской литературы», приведены подробно разработанные правила публикации текстов. Здесь и правила передачи текста, и правила печатания произведений с разбивкой на редакции, виды, изводы, и правила подведения разночтений, составления подстрочных примечаний, пользования шрифтами и т. д.

Подробная разработка правил издания текстов очень важна. Читателю обычно бывает трудно запомнить все многочисленные приемы, которыми различные публикаторы пользуются по-разному, и если не ввести строгого единообразия в техническое оформление всех изданий серии, то смысл многих из применяемых приемов публикации попросту будет утрачен и не воспринят читателем. Надо, чтобы техническое оформление передачи текста стало п р и в ы ч н ы м для читателя, чтобы значение курсива, прямых, круглых или угловых скобок, условных сокращений, отдельных спо-

собов подведения разночтений и многое, многое другое воспринималось читателем непосредственно, без того, чтобы ему приходилось каждый раз обращаться к «правилам издания», которые по необходимости не могут быть слишком пространными.

В основном выработанные в «Проекте издания памятников древнерусской литературы» правила публикации текстов неукоснительно соблюдаются, причем правила эти, поскольку они удобны и хорошо обоснованы, распространились и на другие издания по древнерусской литературе, в частности на публикации текстов в «Трудах Отдела древнерусской литературы».

Надо, однако, сказать, что правилами публикации текста не исчерпываются текстологические приемы исследователей. Многие из этих приемов подчиняются не правилам, а текстологическим убеждениям исследователей и зависят от характера материала. Поскольку в текстологии не достигнуто еще единства взглядов на многие вопросы, а круг памятников, издаваемых в серии, очень разнообразен, полное текстологическое единообразие в серии отсутствует. Все исследователи, публикующие свои работы в серии, одинаково убеждены в необходимости исследовать историю текста, в том, что история текста есть плод прежде всего сознательной и целенаправленной деятельности людей, а не простой порчи текста переписчиками; все они предпочитают историческую классификацию текстов формальной и т. д.; но не все исследователи одинаково относятся к реконструкции текста — частичной или полной, к значению так называемых индивидуальных чтений и т. д. В результате в серии есть издания, точно воспроизводящие тексты списков, и есть издания, реконструирующие архетипы, вводящие в текст «лучшие чтения» или ограничивающиеся только самыми необходимыми поправками. В виде опыта в серии допускается и то и другое. «Сочинения Ивана Пересветова» изданы со включением в текст «лучших» чтений и исключением чтений индивидуальных. Древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия частично реконструирует архетип. Этого не допускают издания «Сказания о князьях владимирских» или «Валаамской беседы».

Научные споры здесь продолжаются, и непосредственная работа над подготовкой памятников к изданию позволит решить многое. Серия отражает научные искания, стремится прокладывать новые пути в изучении древней русской литературы на строго научной основе. Используя огромные достижения старой филологической науки и вводя новые принципы марксистской методологии, серия приближает исследования к принципам подлинного историзма, порывая с механистичностью приемов старой текстологии, связывая текстологические исследования с литературоведческими.

Мне остается сказать о выборе тем для отдельных выпусков. В «Проекте издания памятников древнерусской литературы» го-

ворится: «Выпуски серии посвящены в первую очередь лучшим произведениям в художественном и идейном отношении и произведениям, имеющим большое историко-литературное значение». Требования нашей науки внесли в это положение существенные поправки.

В целом в серию монографических исследований памятников древнерусской литературы в первую очередь включаются те произведения, которые нужны для науки и до сих пор не исследованы или исследованы мало и с неверными выводами.

Отдельные выпуски посвящены: впервые найденным произведениям, как «Повесть о Сухане»; произведениям во вновь найденных лучших списках, восполняющих дефекты ранее известных, например, древнерусскому переводу «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и первой пьесе театра Алексея Михайловича «Артаксерксово действо»; новому составу сочинений Ивана Пересветова и Иосифа Волоцкого, и т. д. Каждый выпуск в той или иной мере уточняет перспективу исторического развития древней русской литературы, в целом установленную еще дореволюционным русским литературоведением. В этом исправлении исторической перспективы особенно нуждается литература XVI и XVII вв., поэтому неудивительно, что большинство выпусков посвящено произведениям именно этих веков.[11]

Между научным изданием произведения по всем спискам и научным изданием одного списка произведения бывает довольно много промежуточных форм. Эти промежуточные формы не являются каким-то особым типом издания памятника: чаще всего они — результат незавершенности работы по изданию. Так, М. О. Скрипиль издал в «Трудах Отдела древнерусской литературы» первую редакцию «Повести о Петре и Февронии Муромских», не издав всех остальных. Иногда издание выходит без исследования (текстологического и историко-литературного): ср. издание Н. Н. Зарубиным «Моления Даниила Заточника» и пр. Останавливаться на этих незаконченных изданиях и видеть в них особый тип издания нет смысла: форм этих незаконченных изданий может быть столько же, сколько может оказаться форм текстологических недоделок.

Перейдем к научным изданиям одного списка. Здесь следует различать издание текста списка от факсимильных изданий самого списка — его рукописи.

[11] Характеристику этой серии см. в статье Д. С. Лихачева «Серия монографических исследований памятников древнерусской литературы» (Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1960, т. XIX, вып. 3), в статье Р. П. Дмитриевой в Археографическом ежегоднике (см. выше, с. 485) и в польском журнале «Studia źródłoznawcze» (1959, IV) в рецензии на статью «Проект монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы» (ТОДРЛ, т. XI. М.—Л. 1955), принадлежащей перу А. Поппе (And. Poppe), а также в статье: M. W o l t n e r. Die altrussische Literatur im Spiegelbild der Forschung, Teil IV. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1958, Bd XXVII, H. 1, S. 195—197.

Издания текста списка очень многочисленны. По существу это не издание памятника, а лишь публикация материалов к изданию.[12] Издавать текст — это значит устанавливать текст памятника и его историю. Публиковать же список — это воспроизводить его без оглядки на другие списки. Отдельные списки памятника обычно именно публикуются. Если списков памятника много, а исследователь обнародует только один из его списков, то это обычно делается в целях предварительного извещения ученых о новой находке. Поэтому текст одного списка при своей публикации должен быть воспроизведен возможно точнее. Во вступительной статье публикатор обязан указать на основные отличия обнаруженного им текста от других, уже известных текстов данного памятника, но подводить к этому тексту варианты, т. е. делать его основным списком издания, было бы неправильным. В редких случаях разночтения могут оказаться нужны: если бы это было наиболее удобной формой демонстрации отличий публикуемого списка от других. В этом случае подбор разночтений и самый их характер резко отличен от разночтений, применяемых в обычных изданиях по многим спискам. Часто, однако, в этих дипломатических изданиях господствует грубый позитивизм издателей; исследователи облегчают себе работу, издавая тексты по одному списку и отказываясь от исследования истории текста памятника и от задач установления текста.

В последнее время за рубежом все чаще и чаще применяются издания по одному списку. Объясняется это распространение изданий по одному списку разочарованием в критических изданиях в результате затянувшегося спора между сторонниками текстологических приемов К. Лахмана и сторонниками Ш. Бедье.[13] Обе стороны сумели достаточно дискредитировать друг друга, не создав новой положительной методики научного издания текста по многим спискам.

Ввиду того что изданиями текста памятника по одному списку текстологи часто злоупотребляют и прибегают к этому виду публикации единственно из желания облегчить себе работу, остано-

---

[12] А. Дэн видит принципиальное отличие публикаций текста от его изданий. Публикация текста — это его воспроизведение без изменений, издание же текста — это научное установление текста памятника («éditer un texte, c'est essentiellement retrouver une tradition»: A. Dain. Les manuscrits. Paris, 1949, p. 169).

[13] Об этом споре см. выше (с. 12 и сл.) и в статье: Д. Лихачев. Кризис современной зарубежной механистической текстологии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1961, т. XX, вып. 4. — Ш. Бедье предпочитал издание текстов по одному списку. По этому поводу А. Кастеллани пишет: «Текст, изданный по одному списку, лучше сохраняет свой дух. Язык, на котором он написан, не является плодом гипотезы: даже если он смешан, его происхождение обусловлено исторической реальностью. В этом я совершенно согласен с Ш. Бедье» (Arrigo Castellani. Bédier avait-il raison? La méthode de Lachmann dans les éditions de textes du moyen âge. Fribourg, 1957, p. 51 (Discours universitaires. Nouvelle série, 20)).

вимся несколько подробнее на вопросе о том, в каких случаях подобного рода издания могут считаться правомерными. Прежде всего такие издания по одному списку часто могут быть оправданы лингвистическими целями издания. Издается древнейший, датированный, хорошо сохранившийся список в целях изучения его языка. Литературная история памятника, фиксация изменений его текста в данном случае могут быть и не нужны.

Иное дело с изданиями, предназначаемыми для литературоведов и историков. Допустим, что исследователь нашел новый и важный список памятника, который уже перед этим был издан вполне удовлетворительно по всем спискам. Найденный им список не разрушает системы издания, принятой его первым научным издателем, а лишь дополняет старое издание. В этом случае достаточно издать новый список, исследовав его отношение к уже изданным спискам.

Допустим, однако, что памятник известен по нескольким спискам, предшествующего научного удовлетворительного издания памятника по всем спискам нет. В этом случае текстолог должен поставить перед собой вопрос и достаточно четко на него ответить читателям: почему он издает только один новый список, не предпринимая полного нового издания памятника по всем известным спискам. Некоторым оправданием текстологу могут служить только следующие соображения: взаимоотношения всех сохранившихся списков памятника исследованы и установлены, издаваемый список занимает строго определенное положение и текст его имеет самостоятельное значение (например, список принадлежит к первой редакции и является древнейшим по тексту), другие списки памятника имеют гораздо менее важное значение. Все же и в данном случае текстолог должен поставить перед собой вопрос — почему же не издать памятник по всем спискам?

От обычных предварительных изданий по одному списку следует отделять издания одного списка дипломатическим способом.

В дипломатических изданиях текста документ воспроизводится средствами типографского набора с максимальным приближением ко всем особенностям оригинала. «Узнать» в подлиннике все буквы и знаки, определить их взаимоотношение — в ряде случаев задача, совершенно необходимая для будущих истолкователей текста. Практика показывает, что дипломатические издания — один из самых сложных способов воспроизведения текста и одновременно наиболее «долговечный». Он требует от археографа превосходного знания языка памятника, огромного опыта чтения рукописей, умения определять значение отдельных графических деталей, которые в иных типах изданий обычно опускаются, определять сокращения и выносные буквы, старую пунктуацию, расположение строк и т. д.

Дипломатические издания, выполненные в свое время А. А. Шахматовым, П. Симони, Е. Ф. Карским и А. С. Лаппо-

Данилевским, представляют очень большую ценность для историков, лингвистов и литературоведов, позволяя вести работу по углубленному толкованию памятников. Естественно, что дипломатические издания совершенно необходимы для наиболее важных памятников, известных в одном списке («Повесть о Горе-Злочастии», «Песни, записанные для Ричарда Джемса», «Повесть о Сухане» и пр.), и для наиболее значительных списков наиболее важных памятников, известных во многих списках («Русская Правда», «Повесть временных лет» и т. д.). В этих наиболее значительных памятниках имеет значение каждое слово, каждый знак.

Близко по целям издания к изданиям дипломатическим стоят издания факсимильные, воспроизводящие не только текст, но и самую рукопись. Факсимильные издания предназначаются для самостоятельных изысканий исследователей, которые стремятся изучать текст в возможно более приближенном к рукописи виде, а некоторые из них — и для того, чтобы сохранить внешний вид разрушающейся рукописи на долгие годы (уже сейчас в наших рукописных хранилищах есть рукописи, о внешнем виде которых в отдельных их частях могут дать лучшее представление фотографии, снятые с них в начале XX в.). Факсимильные издания могут быть очень различны: это могут быть издания фотографические (ср., например, фотографическое издание «Кондакаря XII века», под редакцией М. В. Бражникова, выполненное Публичной библиотекой в Ленинграде в 1955 г.),[14] фототипические, автотипические, цинкографические и др. Техника воспроизведения играет в этих изданиях доминирующую роль. Каждый вид воспроизведения имеет свои преимущества и свои недостатки.

Описание различных способов факсимильных изданий не входит в задачу данного труда. Это завело бы нас далеко в сторону, в область полиграфического искусства.[15] Издатель факсимильных воспроизведений и исследователь, пользующийся ими, обязаны знать технику этих факсимильных воспроизведений и те различные недостатки, которые в них могут встретиться. Обычные представления о том, что факсимильные воспроизведения полностью за-

---

[14] Благовещенский Кондакарь. Фотовоспроизведение рукописи. Министерство культуры РСФСР. Гос. Ордена Трудового Красного Знамени Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Л., 1955; тираж 10 экз. Отметим, что обычные микрофильмы, фотографии, ротокопии с рукописей в известном смысле также могут рассматриваться как издания текста, но издания с тиражом в 1 экземпляр. . .

[15] Описания различных способов воспроизведения оригинала см. в специальных пособиях по полиграфическому делу (например, в книге: Ю. Л а у б е р т. Фотомеханические процессы. М., 1930; см. также: Б. В. Т о м а ш е в с к и й. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959, с. 56—57).

меняют рукопись, ошибочны. Факсимильные воспроизведения, во-первых, не дают представления о материале, на котором написан текст, о водяных знаках на бумаге, о выделке пергамена, о цвете (даже цветные воспроизведения искажают цвет) букв (из-за этого могут пропасть киноварные выделения, не быть определены поправки, поновления и пр.), в них могут быть ошибки ретуши, поля рукописи и имеющиеся на них исправления могут оказаться срезанными, в факсимильных воспроизведениях может исчезнуть тот или иной лист, страница, тыльная сторона переплета может быть принята за лист; в них могут чересчур выступить одни части текста и исчезнуть другие; может выступить просвечивающий оборот листа; трещины (в берестяных грамотах) и грязные пятна слиться с буквами, показаться их продолжениями и т. д., и т. п.[16] Передержка при фотографировании может изменить характер почерка: тонкие линии могут выйти на передержанной фотографии толстыми; в результате недодержки могут совсем не выйти тонкие линии, карандашные отметки. Сравнительно с подлинной рукописью в факсимильном издании последовательно наслоились: дефекты фотографии и ретуши, дефекты клиширования, дефекты печатания (плохая приправка, плохая типографская краска, особенности бумаги; затемнить оттиск может то, что печатник его смажет, блеклость создается присыпкой и т. д.).

Предпринимая факсимильное издание или пользуясь им, еобходимо помнить следующее. Факсимильное издание может в известной мере заменить рукопись. Оно может даже заменить глаз ученого и дать больше, чем обычная рукопись, если в ее основу положены усиленные или увеличенные фотоснимки, сделанные особым образом и восстанавливающие выцветший текст или текст палимпсестов. Однако факсимильное воспроизведение бессильно заменить ум ученого, его исследовательскую мысль, без которой, конечно, настоящее научное издание невозможно.[17]

По существу текст факсимильных изданий остается в них непрочтенным и неустановленным. Читателю предлагается сырой материал. Тем не менее издания эти, как мы уже отмечали выше, очень нужны: 1) для того чтобы дать представление о рукописи (сохранить внешний вид рукописи при опасности ее уничто-

---

[16] Так, например, в фотомеханическом воспроизведении первого издания «Слова о полку Игореве» (М., 1920) довольно много ошибок. См. об этом рецензию Н. Кашина (Книга и революция, 1921, № 10—11, с. 40). См. также: Л. А. Дмитриев. Факсимильные издания «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 78—79.

[17] См. подобные издания: Мерило праведное по рукописи XIV века. Изд. под наблюдением и со вступительной статьей акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961; Новгородская харатейная летопись. Изд. под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова. М., 1964.

жения) и 2) для воспроизведения спорных для прочтения текстов.

Иногда типы изданий могут совмещаться. Так, издание берестяных грамот, подготовленное А. В. Арциховским,[18] удачно соединяет издание факсимильное, дипломатическое и критическое.

Все три вида издания совершенно необходимы для этого ценнейшего исторического источника. Факсимильное, дипломатическое и критическое издания текста соединяет в себе издание «Повести о Сухане», выполненное В. И. Малышевым.[19] То же совмещение нескольких видов изданий встречаем мы и у П. Симони, [20] и в некоторых изданиях памятников древнерусской литературы.[21] Во всяком случае, ввиду указанных выше дефектов факсимильных изданий их соединение с одним из других видов изданий в настоящее время следует признать обязательным.

Популярные издания древнерусских памятников наиболее разнообразны. Они разнообразны в зависимости от степени популярности и от назначения: могут быть издания для учебных занятий в вузах (хрестоматии, сборники), для внеклассного чтения в школе, для массового читателя и пр. Разбор всех этих видов изданий не может входить в задачу данной книги. Отмечу только, что текст в этих изданиях не может издаваться по случайному списку; он должен быть установлен по всем спискам на основе введения в текст основного списка исправлений по другим спискам той же редакции. Выбор редакции для издания зависит и от назначения издания, и от характера истории текста.

Итак, предлагаем следующую схему типов изданий:

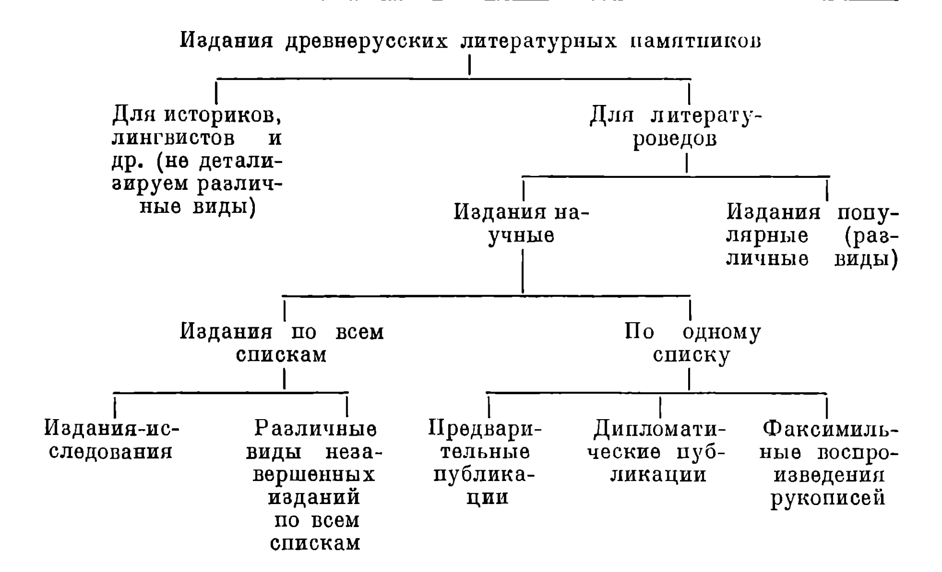
---

[18] А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М., 1958; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.

[19] В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956.

[20] П. Симони. 1) Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907; 2) Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. СПб., 1907; 3) Задонщина по спискам XV—XVIII столетий. Задонщина по Кирилло-Белозерскому списку 1470 г. Пг., 1922.

[21] См., например: Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции. Подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. М., 1961; Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975.

Предложенное нами деление изданий текстов в известной мере развивает то, которое утвердилось и в мировой науке. Так, бельгийский ученый Франсуа Масэ предлагает следующее деление изданий на типы:

«1) издание критическое, пытающееся использовать все документальные данные, чтобы восстановить прошлые этапы истории текста и по возможности оригинал списков;

2) факсимильное издание, механически воспроизводящее документы;

3) издание дипломатическое, или археографическое воспроизведение текстов».[22]

Я не указываю здесь классификаций изданий по методам, которыми они выполнены.[23] Такого рода классификации важны

---

[22] François Masai. Principes et conventions de l'édition diplomatique. — Scriptorium, 1950, vol. 4, № 1—2, p. 178.

[23] Пример такой классификации дает Холмз в рецензии на книгу А. Кастеллани: «There are four possibilities, in the main: (1) to follow the Lachmann method; (2) to use the Bédier system, choosing the best manuscript and correcting only obvious errors; (3) selecting the best manuscript as a base, to allow oneself considerable correction from other manuscripts, and even subjectively according to what the editor thinks the author intended — provided all this is well marked in the footnotes or variants; (4) to make a diplomatic text, reproducing irregularities, abbreviations, etc., as closely as this can be done with printed type» (Urban T. Holmes. Рец. на кн.: A. Castellani. Bédier avait-il raison? Fribourg, 1957. — Speculum, 1958, October, p. 527—528). О классификации типов изданий см. также интересные соображения в книге: K. Górski. Sztuka edytorska. Zarys teorii. Warszawa, 1956, s. 164—197. Ср.: G. Witkowski. Textkritik und Editionstechnik neuerer Schriftwerke. Ein methodologischer Versuch. Leipzig, 1924.

для историков науки, но не в практических целях издания текстов, так как перед каждым текстологом стоит вопрос выбора одного метода издания текстов и этот выбор должен быть совершен раз и навсегда.

Итак, выбор типа издания зависит от целей издания и от характера памятника. В зависимости от целей издания и от характера памятника должны быть продуманы и приемы издания. Ни одно издание не должно быть механически подчинено трафарету.

ВОПРОС О «КАНОНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ»

Вопрос о «каноническом тексте» литературных произведений дебатируется столь часто в работах и даже газетных статьях текстологов, занимающихся литературными произведениями нового времени, что выразить свое отношение к этому вопросу текстологу древнерусских памятников совершенно необходимо.

Термин «канонический текст» заимствован литературоведами нового времени у богословов. Под этим термином богословы подразумевают тот текст канонических книг, который официально принят церковью. Казалось бы, древняя русская литература в целом ближе к церковным текстам и, следовательно, понятие «установленного церковью» текста ей должно быть более свойственно, чем литературе нового времени. На самом деле понятие «канонического текста» в текстологии древнерусских памятников не применяется совершенно.

Конечно, церковное происхождение понятия «канонический текст» сейчас уже не принимается во внимание. Никто из текстологов нового времени не вносит в это понятие каких-либо церковных представлений. Под каноническим текстом классического произведения понимается текст раз и навсегда закрепленный, установленный для всех изданий, твердый, стабильный, обязательный для изданий. Установление канонического текста классического произведения нового времени необходимо главным образом в практических целях массовых изданий. Тексты классических произведений издаются по многу раз. Невозможно, чтобы текст для каждого издания готовился заново. Крайне вредно в педагогическом отношении, чтобы тексты классических произведений (особенно стихотворных), которыми пользуются школьники, разнились между собой. Надо устранить возможность произвола тех текстологов, которые любят «украшать новациями» собственные издания классических произведений. Страсть к открытиям, особенно опасная при наличии многих рукописей, корректур, различных прижизненных изданий того или иного автора, к сожалению, обуревает начинающих текстологов не менее, чем и начинающих представителей некоторых других гуманитарных специальностей.

Массовые издания памятников древнерусской литературы гораздо реже, чем издания памятников новой классической русской литературы. В связи с этим нет такой необходимости «вырабатывать» и канонизировать специальный текст для изданий. Но, кроме того, существуют особые, специфические для древней русской литературы, препятствия к выработке и канонизации определенного текста.

Если говорить об «авторской воле» и о «последней авторской воле» как специальном требовании канонизации текста, то эти понятия, крайне смутные и в отношении памятников нового времени, совершенно неприменимы к памятникам древним. В самом деле, даже самое понятие «автора» в древнерусской литературе весьма относительно. Что такое «автор» посланий Ивана Грозного? Это один Грозный или Грозный с помощниками, которые записывали то, что Грозный диктовал, наводили для него справки, вставляли цитаты, дорабатывали текст? Был ли единый автор у «Повести о разорении Рязани Батыем»? Не приходится ли иногда особое внимание уделять работе редакторов; как разделить работу автора и работу редакторов? Следы коллективности в работе над древнерусскими литературными произведениями слишком явственны, и слишком явственна текучесть, изменчивость древнерусских текстов, затормозить которую изданием одного канонического текста вряд ли возможно и необходимо.

Вместе с тем, если бы воля авторов и редакторов древнерусских литературных произведений и была установима, то она в очень многих случаях оказалась бы отнюдь не художественной, «литературной» волей, а волей, стремящейся выразить чужое мнение — мнение заказчика, идеологического доминатора или мнение той социальной среды, к которой автор принадлежал. В Древней Руси не было той «фокусировки» авторской воли в индивидуальном сознании автора, которая могла быть только в новое время с его обостренным сознанием личности творца. К древнерусским литературным произведениям в еще большей мере, чем к произведениям новой русской литературы, можно отнести положение Б. В. Томашевского: «Произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты».[24]

Далее. Канонический текст древнерусских литературных произведений нельзя создавать еще и потому, что каждое литературное произведение Древней Руси является одновременно в той или иной степени и историческим источником. И здесь дело не только в том, что древнерусскими литературными памятниками гораздо чаще литературоведов пользуются историки-источниковеды, а в том еще, что по самой своей природе литературные памятники Древней Руси стоят на грани литературных и деловых,

[24] Б. В. Томашевский. Писатель и книга, с. 152.

литературных и исторических. Что же стало бы с историческими источниками, если бы стали стандартизировать их текст, утверждать («канонизировать») для пользования им только один его вид, тем более текст, который жил живой жизнью в течение 500—600 лет?

Значит ли все то, о чем мы говорили выше, что следует мириться с субъективизмом текстологов и не требовать от них объективных результатов? Конечно, нет! Именно потому, что в Древней Руси тексты памятников особенно неустойчивы, что они служат не только целям удовлетворения потребностей в литературе, но и историческими источниками, — мы должны удесятеренными усилиями добиваться объективных результатов и всячески бороться с субъективизмом. Однако только научное изучение приводит к объективным результатам, а не инструкции, правила публикации текстов и официальные канонизации определенных текстов. Инструкции, правила публикаций и «канонизации» могут создать лишь внешнее единообразие текстов, что несомненно в известных пределах также чрезвычайно важно, но это внешнее единообразие может явиться результатом простой канонизации одного субъективного подхода из многих, а отнюдь не торжеством научной объективности. Инструкции полезны только тогда, когда они являются результатом объективного и конкретного изучения.

Субъективизм возникает в результате недостаточного понимания явления, в результате незавершенности научного исследования. Чем лучше изучена история текста произведения, тем меньше будет различий между отдельными изданиями этого текста. Конечно, в зависимости от целей издания, его типа, издатель и впредь будет предпочитать то одну редакцию произведения, то другую, а иногда издавать памятник по всем редакциям и прибегать к разным приемам упрощения текста и т. д. Но это и не страшно. Страшно другое: когда *одна и та же* редакция издается по разным спискам, когда не существует единства в понимании истории текста и т. д. Повторяю: только научное понимание приводит к объективной истине и, следовательно, к объективным результатам. Так, например, вопрос о том, надо или не надо исправлять текст в издании, часто только потому и стоит, что мы не уверены в необходимости и обоснованности некоторых исправлений. Если бы мы точно знали историю текста — этого вопроса не стояло бы. Точно так же и в вопросе: издавать ли «Душеньку» Богдановича по последнему варианту или так, как она была издана впервые? Вопрос рушится, как только мы узнаем все то, чем руководствовался Богданович при своем последнем, старческом исправлении «Душеньки». Тот же вопрос и тот же ответ могли бы быть повторены и получены относительно многих других произведений.

Заключим наше рассуждение следующим утверждением: всякое издание должно быть *научным*, т. е. должно основы-

ваться на научном текстологическом изучении произведения — будет ли это научно-популярное издание массового типа или издание для специалистов. Тексты в них могут быть различными (может издаваться та или иная редакция или все редакции, правила передачи текста могут быть «облегченными» или требовательными), но научное понимание этих текстов должно быть по возможности единым, т. е. должно основываться на полной изученности всех связанных с ним фактов.

Текстологическое изучение любого произведения ведется совершенно независимо от того, для какого издания это текстологическое изучение предназначается и предназначается ли оно вообще для какого-либо издания. Любое издание, любой тип издания должны пользоваться одними и теми же объективными результатами научного исследования.

ВЫБОР ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Если приходится издавать памятник по нескольким спискам со сложной рукописной традицией, то какой из них следует положить в основу издания? Само собой разумеется — лучший. Но что такое «лучший список»? В этом важном вопросе мы не имеем единых взглядов. Понятие «лучшего списка» сильно колеблется в зависимости от того, как текстолог представляет себе движение текста памятников.

Наиболее простой случай: текстолог берет за основу самый исправный список, т. е. список, в котором нет или сравнительно мало внешних дефектов — пропусков, описок, неясных мест и т. д. Конечно, издатель текста должен считаться с тем, много ли внешних дефектов в списке, который он собирается принимать за основной. Однако «исправность» списка далеко не то его качество, которое следует иметь в виду в первую очередь. Ведь «исправность» текста может быть результатом последующих исправлений, а не следствием его первоначальной сохранности. Представление о том, что наилучший текст в смысле его понятности, композиционной и стилистической стройности — авторский или ближайший к авторскому, тоже не всегда верно. Напротив, очень часто бывает так, что средневековые писцы отделывают предшествующий текст, составляют обширные компиляции (такими компиляциями являются летописи, хронографы, палеи и т. д., фактически не имеющие единого «автора»). Они переосмысляют текст, «облегчают» его, поновляют или в соответствии со своими вкусами архаизируют (вносят, например, в текст церковнославянизмы), восполняют пропуски и т. д.

Итак, «исправность» списка может быть мнимой: она может явиться результатом поздней обработки текста. Отсюда ясно, что одна только «исправность» списка, без изучения истории его текста, не может служить признаком «лучшего списка».

Другой случай: текстолог берет за основу наиболее древний из дошедших списков (vetustissimus codex). Смешение древности списка с древностью его текста давно опровергнуто в текстологии, однако в текстологической практике еще встречается.[25] Между тем относительная древность списка (если это только не автограф) не означает еще древности его текста. Древнейший текст может быть представлен списком более молодым, но списанным с оригинала более древнего.[26]

Третий случай: текстолог считает лучшим списком наиболее «типичный» [27]— тот, в котором меньше всего индивидуальных чтений, текст которого получает подтверждение в большинстве других списков. Именно такой список текстолог принимает за «основной» («le manuscrit de base»), полагая, что история текста — это история только отдельных расхождений, получающихся в результате того, что каждый переписчик копирует о д и н лежащий перед ним список.[28] Между тем текстологическая практика (особенно в области изучения летописания, но не только летописания) ясно показывает, что переписчики или, вернее, древние редакторы текста нередко имели перед собой не один список, а несколько, проверяя один текст другим, создавая полные и «распространенные» редакции, новые виды произведения, «своды».[29] А. Дэн обращает

---

[25] Так, например, Х. Вильямс (H. F. Williams) в журнале «Romance Philology» (1953/4, VII, p. 238—239) в рецензии на издание А. Бломквиста «Roman des Deduis» («Gace de la Buigne») предлагает публиковать списки, группируя их по старшинству, исходя из принципа «чем старше список, тем ближе он к оригиналу». На то обстоятельство, что списки позднейшие могут оказаться гораздо древнее по тексту, чем списки древнейшие, в русской науке обратил внимание еще И. И. Срезневский, — см. его «Славяно-русскую палеографию XI—XIV вв.» (СПб., 1885).

[26] Так именно обстоит дело со списками «Домостроя», «Девгениева деяния» и многими другими.

[27] Определение того, что следует считать «типичным» текстом, см. в работе С. А. Бугославского «Несколько замечаний к теории и практике критики текста» (Чернигов, 1913, с. 2—3).

[28] Этого взгляда придерживался академик В. Н. Перетц: «Ошибки могут быть индивидуальными для каждого списка — такие при построении родословного древа менее важны; но общие ошибки дают верный путь для раскрытия судьбы памятника и установления его рецензий или изводов» (Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев, 1914, с. 272).

[29] «Своды» встречаются не только в летописании. Большинство литературных произведений Древней Руси входит в состав тех или иных сводов, но и сам текст той или иной повести очень часто является результатом сведения воедино текста разных списков. В списке «Повести о зачале Москвы» (ГБЛ, Собр. Румянцева, № 413) на полях написано киноварью: «Сия повесть свожена. Где и у ково сия повесть услышитца или увидитца, и брано, и свожено, и сходилось, только зде справлено речи мало нечто, а сводил не с одного переводу» (см.: Л. Н. П у ш к а р е в. Повесть о зачале Москвы. — В кн.: Материалы по истории СССР, вып. II. М., 1955, с. 223). Это заметка читателя, своеобразного текстолога, заметившего, что список повести соединен из различных источников. Несколько ниже тот же читатель киноварью помечал, где, по его мнению, находится конец повести. Против слов «Симеон, Иван» записано: «Сей повести де конец, что свожена не в одно время» (л. 134).

внимание на то, что переписчик, составляющий «официальный экземпляр» и имеющий в своем распоряжении несколько рукописей, среди разных вариантов может выбирать понравившийся ему. Переписанный им список становится, таким образом, «editio variorum» («изданием по разным спискам»), и это очень усложняет классификацию списков, выбор лучшего.[30]

Иными словами, наряду с расхождением текста история текста знает и его частичные схождения, сознательные «исправления» и дополнения текста одной редакции по другой, выборочную переписку текста из разных списков, из разной рукописной традиции и, как следствие этого, уничтожение индивидуальных чтений, иногда восходящих к архетипу произведения, и замену их чтениями, общими для многих списков, т. е. создание своеобразной «вульгаты», рядом с которой может сохраниться в единственном или в малом числе списков вполне «индивидуальный» текст, который и будет древнейшим, «лучшим».

Итак, в установлении «основного списка» мы не должны руководствоваться только тем соображением, что в нем мало внешних дефектов или описок (отсутствие дефектов или описок может быть, как мы уже видели, следствием последующих исправлений и осмыслений), или тем, что это список древнейший (относительная древность списка не означает, что и текст этого списка древнейший), или тем, наконец, соображением, что он наиболее «типичный» и в нем мало индивидуальных чтений (это может быть результатом последующих «схождений» текста или результатом того, что наибольшее распространение получил какой-либо, иногда весьма поздний, вариант текста). Все эти признаки сами по себе, в отрыве от других данных, не могут служить принципами отбора «основного списка», но каждый из этих принципов должен, конечно, приниматься в расчет при выборе списка, текст которого кладется в основу издания.

Механическое следование определенным навыкам текстологической работы, механичность в классификации текста, в разбивке его на редакции, в выборе «основного списка» — бич текстологии. Безоговорочное следование одним и тем же правилам, исходящее из однообразных и нивелирующих индивидуальные случаи представлений об истории текста памятника, ни в коем случае не должно применяться в текстологической работе. Знать, что делаешь, и во всем соблюдать историчность — единственное текстологическое правило, которое обладает всеобщностью.[31]

Понятие «основного списка» в значительной мере условно и зависит от цели, которую преследует издание текста. Если цель издания — дать авторский вид памятника, то основным списком будет тот, который в результате изучения истории текста памят-

[30] A. D a i n. Les manuscrits, p. 126.
[31] Ср. сходную мысль: там же, с. 165—167.

ника окажется наиболее близким этому авторскому виду. Если цель издания — дать представление о всех этапах истории текста памятника, то основные списки должны быть ближайшими по тексту к каждому этапу истории текста: редакции, виду, изводу и т. д. И здесь все зависит от того, насколько точно восстанавливается история текста памятника. Установление истории текста памятника — необходимое условие для определения основного списка.

Не всегда, конечно, историю текста памятника можно восстановить более или менее точно. Иногда приходится ограничиваться предположениями или даже признавать свое бессилие в установлении истории текста. В таких случаях издание текста должно давать читателю представление о всех видах текста (редакциях, видах, изводах и т. д.). В этих последних случаях основной список должен быть наиболее типичным, но выделение типичного текста как основного для издания — это не правило, а исключение, знак того, что в данном случае текстологу пришлось «сложить оружие» перед невозможностью установить древнейший по тексту список.

Итак, основной список должен быть наиболее близок тому этапу и с т о р и и текста памятника (авторскому тексту, отдельной редакции, изводу и т. д.), о котором текстолог считает нужным дать в своей публикации представление читателю.

Но что означает это выражение «наиболее близкий»? Текст может быть наиболее близок по составу, но менее близок, чем другие, по языку, иметь частные стилистические изменения, но сохранять близость по содержанию, иметь небольшие преднамеренные изменения или изменения большие, но случайные и т. д. В этих случаях условность выделения лучшего списка возрастает. Для языковеда наибольшую важность будет иметь язык списка, для историка — его содержание, для литературоведа — стиль и содержание. Выбор списка может оказаться различным у языковеда, историка и литературоведа. Однако во всех случаях — и в случае издания языковедческого, и в случае издания исторического, и в случае издания литературоведческого — мы в первую очередь должны считаться с преднамеренными изменениями текста, а во вторую — со случайными, непреднамеренными. Сама по себе механическая порча текста как таковая не составляет еще его истории. История текста — это в первую очередь история его сознательных изменений.

На всем протяжении истории текста памятника на него оказывают воздействие люди с их классовыми и сословными интересами и идеями, с их вкусами и воззрениями, с их навыками письма и чтения, особенностями памяти и общего развития. Из этих людей по большей части наибольшее значение имеет автор, но важное место занимают и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, снабжающие текст своими глоссами или влияющие на судьбу текста через переписчиков и редакторов.

Увидеть за списками памятника, за его редакциями, вариантами и разночтениями конкретных людей во всем их разнообразии и разноликости — в этом и состоит искусство текстолога, которое сказывается во всех звеньях его работы, в том числе и в условном выборе основного списка для издания.

Для литературоведа, выбирающего основной список для издания, прежде всего необходимо выбрать для издания редакцию или редакции (одну, несколько или все). Если выбрана редакция, надо выбрать вид редакции (конечно, если виды редакции имеются). Когда все это проделано и осталось выбрать только самый список, то в этом случае принимается во внимание все то, что само по себе не могло бы служить критерием для выбора текста: древность списка, отсутствие внешних дефектов текста и относительная его полнота, правильность языка и стиля и т. д. Все эти признаки должны оцениваться в совокупности в связи с историей текста, насколько она известна (насколько ее удалось установить текстологу).

Если старшинство текста разделяется между несколькими списками (например, по составу древнее один список, а по языку и стилю — другой), то необходимо решить, чтó для данного памятника и для задач данного издания важнее, и в зависимости от этого выбрать список.

*

Заключая рассмотрение вопроса об основном списке, не могу не привести одного весьма выразительного высказывания А. Хаузмана: «Нерассудительный текстолог (an editor, — *Д. Л.*), постоянно сталкивающийся с двумя списками произведения и вынужденный выбирать между ними, не может не чувствовать всеми фибрами своегó существа, что он осёл между двумя охапками сена. Что же он должен делать? . . Он смутно представляет себе, что если одна из охапок сена будет устранена, он перестанет быть ослом. И он устраняет ее. Но если два списка равны и продолжают смущать его своими равными достоинствами и требуют от него новых и болезненных мозговых усилий? Тогда он делает вид, что они не равны, он называет один „лучшим списком" и ему он передает издательские функции, которые сам он неспособен нести. . . Предположим, что его „лучший список" и в самом деле лучший: способ употребления этого лучшего списка будет не менее смешным (ridiculous, — *Д. Л.*). Верить, будто там, где лучший список дает возможные чтения, — он дает правильные чтения, и что только там, где он дает невероятные чтения, он дает ошибочные чтения, — значит верить, что некомпетентный текстолог — любимец провидения, которое дало своим ангелам поручение, чтобы ни разу его лень и глупость не произвели своих обычных результатов и не подвергались соответствующему наказанию.

Случайность и обычный ход вещей не могут привести к тому, чтобы чтения списка были правильны, каждый раз когда они только возможны, и чтобы они не могли случайно появиться, раз только они ошибочны: это требовало бы божественного вмешательства; но когда кто-либо рассматривает историю человечества и образ вселенной, я надеюсь не будет непочтительностью, если он признает, что божественное вмешательство могло бы иметь лучшее применение».[32]

Близко к Хаузману высказывается и Е. Рэнд, Е. Рэнд пишет: «Выбрать то, что кажется лучшим списком, в качестве основы, и употребить другой выборочно. . . — это метод отчаяния».[33]

Между тем все дело в том, что понятие основного списка понимается обоими авторами неправильно. Выбор основного списка вовсе не означает, что найден основной текст памятника. Основной список, избранный для издания, представляет не текст памятника, а текст, ближайший к авторскому или к одной из редакций, но с наличием индивидуальных особенностей, присущих только данному списку. Текст основного списка наиболее показателен для избранной для издания редакции или вида памятника, но он не может претендовать на то, чтобы представлять текст памятника самого по себе. Выбор основного текста для издания определяется установленной текстологом историей текста памятника, а не «лучшими» чтениями.

В тексте этого основного списка не может происходить поэтому замены «худших» чтений «лучшими», что может быть и субъективно и опасно для цельности текста, не может происходить изгнания «индивидуальных» чтений и пр. Вместе с тем в тексте основного списка при его издании должны быть устранены явные ошибки. Понятие текста подразумевает его осмысленность. Если в рукописи ошибки, — текста в данном испорченном месте рукописи нет. Поэтому естественно, что в изданиях устраняются ошибки, но это устранение ошибок принципиально отлично от замены «худших» чтений «лучшими» чтениями. Выбор текста для издания и издание этого текста не есть реконструкция памятника. Если это усвоить, то отпадает комичность положения текстолога, выбирающего «вещь в себе» среди различных «явлений».

ПЕРЕДАЧА ТЕКСТА

Прочтенный и установленный текст подготовляется к изданию с учетом целей издания и характера памятника.

Передача текста различается в зависимости от того — предназначается ли она для лингвистического издания или для исто-

---

[32] A. Housman. Manilius, 1903, p. XXXI—XXXIV.
[33] E. K. Rand. — Harvard Theological Review, 1924, XVII, p. 204.

рического и литературоведческого; предпринимается ли научное издание или издание популярное; требует ли научное издание памятников дипломатических приемов издания или обычных критических и т. д.

Различается передача текста и от того: глаголический это памятник или кириллический, уставный, полууставный или скорописный, к какому времени он относится, есть ли в нем следы южнославянской орфографии, какой извод он представляет, а также в скольких списках он представлен, какую лингвистическую, литературоведческую и историческую ценность он имеет и т. д.

Во всех этих случаях текстолог прежде всего обязан установить правила издания. Отдельные положения этих правил должны быть строго согласованы между собой, находиться во внутреннем единстве и «равновесии» требований. Недопустимо, например, чтобы одно из положений предусматривало интересы лингвистов, а другие не предусматривали их, чтобы одни положения были более строги в смысле требований точности, а другие менее строги, чтобы в одних случаях графика и орфография рукописи передавались, а в других — нет и т. д. Если, допустим, мы исключаем из передачи «юсы», то нет смысла оставлять написание «оу» — гораздо менее важное. Если в издании решено отмечать раскрытие титл, то необходимо отмечать и внесенные в текст выносные буквы. И т. п.

Выработка правил издания есть искусство. Это дело знаний и такта издателя. В них вредна и чрезмерная точность издания (без нужды) и, особенно, недооценка этой точности.

Обратимся к некоторым примерам.

Итак, при передаче текста необходимо строго согласовывать правила транскрипции с целями издания. Совершенно излишне, например, при передаче текста летописи в издании, предназначенном не для лингвистов, а для историков и литературоведов, сохранять такую чисто графическую особенность, как написание «оу» вместо «у». Это написание «оу» — механическое заимствование греческой графики написания буквы «у». Если в издании устраняются многие орфографические особенности и не передаются особенности графики, то сохранение написания «оу» — прямая непоследовательность, только затрудняющая чтение текста и не имеющая значения даже для очень требовательного читателя. Характерно, что даже А. А. Шахматов, обращавший очень большое внимание на языковую сторону своих изданий текста, отказался от сохранения написания «оу» в своей реконструкции «Повести временных лет». А. А. Шахматов писал во введении: «Вместо „*оу*“ основных списков пишу систематически „*у*“: *путь*, *судъ*, *пользу* вместо рукописных *поуть*, *соудъ*, *пользоу*; так писали в XIV в., а тем более в XII; я позволил себе такое упрощение

ввиду того, что никого оно в обман ввести не может».[34]

Иногда в изданиях в интересах удобства чтения необходимо вводить буквы, которых не было в рукописях. Необходимо, например, в текст набора вводить знак «ѵ» (ижицу) вместо «у» в тех случаях, когда это «у» означает «ѵ», а не «у»: надо писать «Моѵсѣй» вм. «Моусѣи», «Еѵпракси» вм. «Еупракси», «егѵпьтяне» вм. «егупьтяне», «Еѵфимию» вм. «Еуѳимию».[35] Сохранение рукописного «у» создает большое затруднение для современного читателя.

Более осторожно, и только в популярных изданиях относительно поздних текстов, не предназначенных для лингвистов, следует вводить букву «й» вместо буквы «и». Хотя каждый языковед и палеограф знает, что этой буквы до XVII в. в русских рукописях не было и что, следовательно, введение ее в текст вызвать недоразумений не может, однако введение этой буквы связано с изменением произношения. Древние тексты не знают этой буквы, так как в русском языке в соответствующих местах слова не было и обозначаемого ею звука. Поэтому текстологу необходимо непременно посоветоваться с языковедами, прежде, чем вводить эту букву в издаваемый текст.

Выше мы сказали, что правила передачи текста должны быть согласованы с характером памятника и с особенностями его списков. Так, например, сложный вопрос встает перед издателем литературного памятника или исторического документа, когда он сталкивается с особенностями южнославянской орфографии. Передавать эти особенности или нет? Кстати, вопрос этот почему-то совсем не затрагивается в правилах передачи документов, неоднократно публиковавшихся историками. Не затрагивается он и в пособиях, выпущенных Московским Историко-архивным институтом. Между тем этот вопрос очень важен. Южнославянская орфографическая манера широко распространилась в русских памятниках XV—XVII вв. и крайне затрудняет чтение древнерусских текстов. Неоднократно приходится слышать в чтении древнерусских текстов даже у опытных исследователей искажение древнерусских слов только потому, что чисто внешние особенности южнославянской орфографии принимаются ими за особенности языка. Можно себе представить, как коверкают древнерусский язык памятников менее опытные в чтении текстов — студенты, педагоги, обычные читатели. Вот, например, слова: «влъкъ», «млько» и пр. Ясно, что они произносились не так, как писались. Перед нами чисто условная, «ученая» южнославянская орфография.

Если публикатор текста уславливается с читателем, что орфографические особенности списков в вариантах не приводятся, то

---

[34] А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», т. I. Пг., 1916 (1917), с. LXIV.

[35] См. об этом там же.

незачем делать исключения для южнославянизмов, если, конечно, перед нами не южнославянский памятник или список.

Только иногда особенности южнославянской орфографии в списках XVII в. представляют научный интерес. Допустим, что перед нами текст в списках XVII в., который мы затрудняемся датировать XVI или XVII в. Тогда особенности южнославянской орфографии, при этом совпадающие в различных списках, будут говорить за тот век, в который эта южнославянская орфография была более распространенной и выдерживалась строже, т. е. за XVI в. Южнославянизмы эти нужно сохранить. Допустим, однако, что произведение точно датируется XVII в., а в списках его непоследовательно встречаются некоторые грубо расставленные по капризу писца мнимые особенности южнославянской орфографии; например, не к месту стоящий в середине слова «ъ» между согласными. Практически эти «ъ» ни о чем не свидетельствуют, отнести на их основании памятник к XVI в. нельзя, но чтение затрудняется ими очень сильно. Ясно, что от них нужно освободиться, отметив эти написания рукописи в текстологическом введении. Вводить все эти причуды «учености» переписчика в текст, а тем более в разночтения издания, излишне. Иногда особенности южнославянской орфографии предпочтительнее все же оставлять, несмотря на все противопоказания: тогда, когда публикатор текста не обладает достаточной лингвистической квалификацией для производства этой, в общем непростой, операции исключения. В этом случае публикатор должен найти в себе мужество признать свою некомпетентность и издавать текст без особых орфографических изменений. В вопросе о том, оставлять или не оставлять в издании особенности южнославянской орфографии, нельзя предлагать какие-то общие правила. Надо каждый раз сообразовываться с историей текста произведения, с целями издания. Здесь, как и в остальных случаях, правила издания должны выводиться на основе изучения произведения и истории его текста и сообразоваться с задачами публикации. Могут быть в истории текста такие особенности, которые трудно предусмотреть в правилах. Правила, выработанные для какой-либо серии, для учреждения, для какого-либо одного вида памятников, могут быть только ориентировочными. Публикатор должен ясно представлять себе — что́ может получить читатель от тех или иных орфографических и графических особенностей текста, и выработать свои правила с расчетом на наибольшую целесообразность.

Может, однако, возникнуть вопрос: не получится ли слишком большой разнобой от того, что мы будем каждый памятник публиковать по своим правилам? Вспомним следующее: разнообразны сами по себе не правила публикации, а памятники, их списки, их орфография, их литературная история, разнообразны цели и задачи издания. Если все это разнообразие мы будем рядить в одинаковые одежды, то единообразия не получится, а получится

безобразие. Одним эти одежды будут велики, другим малы. У корректоров есть хорошее слово «однобой» (в противоположность «разнобою»). Это слово означает, что «однообразие» в тексте проведено вопреки смыслу и удобству чтения произведения, проведено чисто формально. Правила издания текста должны предусматривать возможность варьирования этих правил в зависимости от текстологического содержания издаваемого. Так и в отношении южнославянской орфографии: надо в сохранении ее строго следовать необходимости. Это и будет основным правилом. Дальше нужно только условиться, что же считать необходимым в сохранении южнославянской орфографии в каждом конкретном издании. Без консультации лингвистов текстолог этот вопрос не всегда может решить. Вообще необходимо сказать, что текстолог (историк и литературовед) должен гораздо чаще обращаться к лингвистам, чем это делается сейчас, но строго помнить, что памятник издается им не для лингвистов. Лингвисты должны сами для себя издавать памятники (см. выше, с. 479 и сл.).

В разделе «Прочтение и установление текста» главы IV было отмечено, что в понятие текста не входят описки писца. Текста не существует вне понимания его писцами и создателем текста. Если описка явилась помимо воли писца, — незачем ее сохранять в тексте. Она должна быть исправлена (рекомендуется исправленное место выделить курсивом), а ошибочное чтение списка — отнесено в примечания. При этом ни в коем случае в исправления не следует вносить «лучшие» чтения вместо «худших». Понятия «лучший» и «худший» в подавляющем большинстве случаев могут быть истолкованы крайне субъективно. Нет никакой уверенности, что «лучшее» чтение всегда первоначальнее. Кроме того, в задачу издания текста не может входить реконструкция архетипа (тем более реконструкция частичная, создающая сборный, никогда не существовавший текст). Другое дело — исправление явных описок: описки — явление, лежащее за пределами текста.

Если с описками дело обстоит абсолютно ясно, то как быть с другими видами ошибок, явившихся в результате непонимания писцом некоторых слов, оборотов, имен, названий и пр.? Это непонимание текста писцом в иных случаях очень характерно, является своеобразным показателем его «понимания». В зависимости от важности этого «понимания» или «непонимания» и от целей издания, оно может то сохраняться, то быть исправленным. Ошибки писца не нужны в массовом издании и очень иногда нужны в научном издании, когда текстологу необходимо продемонстрировать особенности списка. В древних списках имеет бо́льший смысл сохранять их, чем в новых. Нет смысла сохранять, например, ошибки профессионального писаря конца XVIII в., но есть смысл иной раз сохранять ошибки писца XI—XV вв., которые могут дать представление об уровне его образованности и осведомленности в целом ряде понятий переписываемого им текста. Во всех

этих случаях должны, однако, быть выработаны твердые, единые правила для всего текста, и читатель должен хорошо быть информирован о том, почему устраняются одни ошибки и сохраняются другие.

При устранении из текста памятников явных описок надо иметь в виду следующее. Если памятник издается по многим спискам, и описка характеризует только один из списков памятника (тот, в частности, который принят за основной), то сохранение ее имеет весьма относительный смысл. Но если мы представим себе памятник равной ценности в единственном списке — смысл сохранения описки возрастает. Он еще более возрастет, когда перед нами будет подлинник исторического документа — его оригинал (например, исторические акты). И в отношении этого материала безусловно прав А. А. Зимин, утверждающий: «В актовых источниках до XIV в. не следует исправлять в тексте даже явные описки: нужно делать оговорки в примечаниях. В источниках XVII—XVIII вв. описки и погрешности нельзя устранять, так как в ряде случаев они имеют значение для установления языковых особенностей автора, степени его грамотности и т. п.».[36] Устраняемые описки (путем конъектур или замены текста основного списка разночтением из другого) все обязательно отмечаются в примечаниях, а само исправление выделяется в тексте (лучше всего курсивом).

Выше было указано, что правила издания текста должны учитывать время, к которому относится текст. В данном случае имеется в виду не текст самого памятника, а текст издаваемого списка или группы списков. Так, например, если издается текст списка «Девгениева деяния», относящийся к XVIII в. (сам памятник относится к XI—XII вв.), то правила передачи этого текста должны, конечно, учитывать именно дату списка (XVIII в.), а не дату происхождения самого памятника (XI—XII вв.). Другой вопрос, который должен интересовать публикатора, — это вопрос о хронологических рубежах для правил издания текста. Памятники в списках разных эпох должны, как мы уже видели, издаваться по-разному. А. А. Зимин предлагает примерно следующие рубежи: «1) Источники до XVI в., 2) источники XVI и XVII вв. и 3) источники более позднего времени».[37] Были и другие предложения. Так, в «Правилах издания сборника грамот Коллегии экономии» (Пг., 1922) предлагались следующие грани: а) XIV—XV вв., б) первая половина XVI в., в) вторая половина XVI в. и XVII—XVIII вв.[38]

---

[36] Обсуждение вопроса о передаче текста исторических источников. — Исторический архив, 1956, № 5, с. 239.

[37] Там же.

[38] Правила издания сборника грамот Коллегии экономии. Пг., 1922, с. 49.

Не различают хронологических рубежей правила издания древнерусских литературных памятников, составленные акад. Н. К. Никольским,[39] и правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР, утвержденные акад. Б. Д. Грековым.[40]

Составители «Правил издания исторических документов Института истории АН СССР и Московского Историко-архивного института» (М., 1955) предлагают следующую периодизацию правил передачи текста: «Передача текста рукописей до начала XVI в. Передача текста рукописей XVI—середины XVIII в. Передача текста рукописей начиная с середины XVIII в.».[41]

«Методическое пособие по археографии», изданное под редакцией М. С. Селезнева и Е. М. Тальман Московским Историко-архивным институтом (М., 1958), делит правила передачи текста документов по следующим хронологическим рубежам начиная с XIV в.: 1) передача текста документов до XVI в., 2) XVI—XVII вв., 3) XVIII в., 4) XIX—начала XX в., 5) Советская эпоха. Как видно, в основу этого деления правил передачи взята в основном периодизация по типам почерков, разбитая для «округления» по векам. Составители «Методического пособия по археографии» пишут: «Исходя из внешних графических особенностей текстов документов в истории русской письменности начиная с XIV в., можно установить следующие периоды: 1) устав и полуустав XIV—XV вв.; 2) скоропись XVI—XVII вв.; 3) письмо (?) и скоропись XVIII в.; 4) гражданская письменность XIX—начала XX в.; 5) современная советская письменность».[42]

Далее составители пособия пишут: «Тексты документов каждого названного периода имеют отличия в начертании букв (например, ȣ, оу — у), в способах написания некоторых слов (например,

---

[39] Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929.

[40] Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР. М., 1945.

[41] Правила издания исторических документов. Академия наук СССР. Институт истории. Главное Архивное управление. Государственный Историко-архивный институт. М., 1955, с. 22—23 и 70. — По вопросу о правилах см. также весьма значительную работу: А. И. Андреев. О правилах издания исторических текстов. — Архивное дело, 1926, вып. V—VI и VII. Ср.: А. А. Сергеев. 1) Методология и техника публикации документов. — Архивное дело, 1932, № 1—2 (30—31); 2) К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР. — Архивное дело, 1935, № 1 (34); А. А. Сидоров. К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР. — Архивное дело, 1953, № 1. Обзор вопроса: С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, с. 41—70. — Из многочисленных иностранных правил издания укажу: L. Havet. Règles pour éditions critiques. Paris, 1920; L'Académie royale de Belgique. Instructions pour la publication des textes historiques. 2 éd. Bruxelles, 1922.

[42] Методическое пособие по археографии. Под редакцией М. С. Селезнева, Е. М. Тальман. М., 1958, с. 77. (Разрядка моя, — *Д. Л.*).

слова под титлами: чл҃вк — человек), в форме употребления знаков препинания, прописных букв и т. д. Документы указанных периодов имеют также особенности, вытекающие из изменений, которые претерпевал язык: грамматические формы, словарный состав, стилистические и фонетические особенности».[43] В этом делении на эпохи неясно сочетание его с делением по принципу смены почерков. Во-первых, полуустав вовсе не сменяется скорописью в XVI в. Скоропись возникает значительно раньше и в последующее время сосуществует с полууставом. Литературные произведения в XVI и XVII вв. переписываются столь же часто полууставом, как и скорописью, а в XVIII—XIX вв. в старообрядческих рукописях полуустав даже преобладает. Во-вторых, известно, что категорию современного письма нельзя противопоставлять скорописи, поэтому неясно, что следует подразумевать под «письмом» просто, под «гражданской письменностью» XIX—начала XX в. и под «современной советской письменностью». Известно, что тип беглого индивидуального письма, утвердившийся в первой половине XIX в., сохраняется и по сию пору без принципиальных изменений. Очевидно, что понятия «письмо», «гражданская письменность» и «современная советская письменность» — категории отнюдь не графического характера. Отсюда можно признать, что логический принцип деления в этой периодизации не выдержан.

Для правил передачи текста литературных произведений самым важным является хронологический рубеж конца XIV в. С конца XIV в. резко увеличивается количество рукописей в результате введения в обиход бумаги; в это же время совершается переход от старшего полуустава к младшему и (что является самым важным для правил передачи текста) входит в употребление орфография, введенная в результате известной орфографической реформы патриарха Евфимия.

В связи с этим, как мне представляется, рубеж, отделяющий памятники, которые нужно издавать по более «жестким» правилам, от памятников, которые следует издавать по более «облегченным», — лежит на переходе от XIV к XV в. Если же рукопись относится к этому рубежу, то следует обращать внимание на почерк: устав ли это и старший полуустав или младший полуустав и скоропись. Появление младшего полуустава тесно связано с появлением южнославянской орфографии, поэтому почерк будет указывать, к какой орфографической системе относится рукопись, а это в свою очередь — важнейшее основание для выбора правил издания.

При издании литературных текстов нет смысла применять так называемый церковнославянский шрифт для обоих периодов. В конце концов, любой из употребляемых сейчас церковнославян-

[43] Там же.

ских шрифтов очень мало похож на древние почерки. Недостающие же в нынешнем гражданском шрифте древнерусские буквы могут быть легко присоединены к гражданскому шрифту, как и титла. Для текстов до конца XIV в. безусловно необходимо сохранение буквы «ѣ», желательно передавать в изданиях обе основные разновидности юсов — большой и малый (так называемый треугольный юс малый не имеет особого лингвистического значения), йотированные гласные «ꙗ», «ѥ», а также «ѳ», «ъ» и «ь» во всех случаях их употребления в рукописи. Менее необходимо сохранять «і», написание «оу» (см. выше) и написание «ꙑ». По возможности выделяются также в издании все раскрытия сокращений, титлов и внесение выносных букв в текст. При этом следует иметь в виду, что если решено отмечать все внесенные в текст буквы при раскрытии титлов и сокращений, то делать это следует одним способом, а буквы, которые в рукописи являются выносными и вносятся в текст, — другим. Дело в том, что вынос букв над строку очень часто связан с сокращениями (выносится одно «л» в «ли», сокращаются падежные окончания и пр.).[44] Поэтому требовательный читатель должен быть в равной мере предупрежден об обоих типах внесения в текст букв, но разными способами. Буквы, добавленные в текст в результате раскрытия сокращений и титлов, могут рассматриваться как внесенные редактором и поэтому их удобно выделять курсивом.[45] Буквы, внесенные в строку из надстрочного положения, лучше всего печатать своим шрифтом, не курсивом (эти буквы реально представлены в тексте), но заключать в скобки (вполне достаточны круглые скобки, поскольку их нет в древних текстах и до XVII в. их условно-издательское происхождение поэтому совершенно ясно).

В изданиях текстов последующего времени буква «ѣ» может сохраняться (это зависит от целей издания, от значительности памятника, его списков, особенностей языка [46] и пр.), но в сохране-

---

[44] В этом отношении Е. М. Тальман явно ошибается, когда пишет: «Перемена. . . места (т. е. перенесение в строку надстрочных букв, — *Д. Л.*) ничего не изменит в языке документов» (Е. М. Тальман. О передаче текста исторических источников. — Исторический архив, 1956, № 5, с. 180). Так же точно ошибается она, когда утверждает, что сокращения слов под титлами раскрываются легко и одинаково: в том-то и дело, что слова под титлами могут быть написаны по-разному. Известно множество ошибочных раскрытий сокращений и внесений выносных букв в строку. От этих неправильных раскрытий сокращений и ошибок с выносными буквами, как известно, сильно пострадал текст «Слова о полку Игореве». Если бы первые издатели «Слова» издали б его со всеми титлами и выносными буквами — мы бы знали текст «Слова» значительно лучше, чем знаем сейчас.

[45] Все, что отсутствует в рукописи и внесено редактором-издателем текста, обычно печатается курсивом. Такое употребление курсива применяется в изданиях памятников Сектором древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.

[46] Иногда букву «ѣ» необходимо сохранять в поздних памятниках северного происхождения или юго-западного.

нии остальных ныне отмененных букв особой необходимости нет. Нет необходимости отмечать раскрытие сокращений и внесение в строку выносных букв. Мягкий знак ставится по правилам современной орфографии (в рукописи «болшой» — в издании «большой»). Известно, что «ь» часто заменялось через ’ или опускалось вовсе; смягчение же согласных происходило там же, где оно происходит и сейчас; поэтому постановка «ь» не искажает языковых форм памятника и сильно облегчает чтение.

Не искажает языковых форм и замена «і» на «и». Различие между «і» и «и» чисто графическое, причем не имеющее особого значения и не определяющееся какими-нибудь точными правилами. Поэтому замена «і» на «и» не может как-либо исказить текст. Конечное «ъ» в изданиях текстов конца XIV в. и последующего времени обычно убирается. Однако оно не может быть убрано там, где произносится: в словах «нъ», «тъ», «въ время» и некоторых других случаях. Ср., например: «И тъ невидем бысть от него».[47]

Относительно форм южнославянской орфографии мы писали выше. Сохранение их зависит от целей издания, от необходимости выявить орфографическую сторону текста памятника или его списков. Отметим следующее: если есть уверенность, что южнославянская орфография была присуща самому памятнику или если ее трудно отличить во многих случаях от явлений языка (как, например, в тексте «Слова о полку Игореве»), то ее лучше сохранять. Прописные буквы в древнерусских текстах либо не употреблялись (были инициалы, но с них обычно начинался новый раздел текста), либо употреблялись относительно редко. Для облегчения чтения в издании прописные буквы расставляются по современным нам правилам. Это делается даже в изданиях дипломатического типа.

Отличия от современной расстановки прописных букв допускаются только для обозначения народностей. Издавна в изданиях древнерусских текстов названия народностей было принято писать с прописной буквы. Смысл этого написания в том, что в древнерусском языке иногда очень трудно отличить название народности от названия страны, где этот народ обитает: Русь — это одновременно и страна и народность, так же точно Греки, Угры и пр. «Ушел в Половцы», «Литва из болот на свет не выникиваху», «отселе до Угор и до Ляхов, до Чахов, от Чахов до Ятвязи, и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корелы, от Корелы до Устьюга», «жил в Немцах», «воротился изо Угор», «вышли суть из Руское земле в Ляхы», «со всею Половецкою землею идеть на Русь» и пр.: во всех этих случаях очень трудно отличить название народности от названия страны. Поэтому следует с осторожностью употреблять прописные буквы не только для географических названий, но и для названий народностей.

[47] И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского IV. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 414.

Буквенная цифирь во всех древнерусских текстах передается обычно арабскими цифрами. Сохранять буквенное обозначение цифр имеет смысл только в изданиях дипломатических.

Как быть в сомнительных случаях с расстановкой знаков препинания? Я имею в виду те случаи, где можно расставить поразному знаки препинания и в зависимости от расстановки меняется смысл текста. Многие из современных издателей рекомендуют в этих случаях вовсе не ставить знаков препинания, предоставляя это сделать будущим исследователям текста. Я думаю, что это не совсем правильно, и вот с какой точки зрения: будущий исследователь может и не обратить внимания на двусмысленность текста, принять произвольно ту или иную расстановку знаков препинания, сочтя отсутствие их простой небрежностью издателей. Гораздо правильнее поступают составители «Правил для переписки и издания документов Московского архива Министерства юстиции». В параграфе 10 раздела *В* они пишут: «В тех случаях, когда смысл текста не ясен, знак препинания ставится в квадратных скобках».[48]

Знак, взятый в квадратные скобки, во-первых, все же дает какое-то, хотя бы и предположительное решение, а во-вторых, самими скобками своими указывает на то, что следует поискать возможности и другого решения. Укажу, что даже одна запятая может гораздо серьезнее изменить текст, чем та или иная буква или слово.

Необходимость ставить в сомнительных случаях знак препинания в квадратные скобки, а не просто пропускать его, особенно ясна из тех случаев, когда само по себе отсутствие знака препинания есть уже своего рода определенное понимание текста. Так, например, в берестяной грамоте № 2 читаем следующий текст: «Аѣкуевь бѣла росомуха». Толкуя эту грамоту, издатели усмотрели в словах «бѣла росомуха» — росомаху альбиноса.[49] Между тем между словами «бѣла» (белка) и «росомуха» следует просто поставить запятую и только. Белка («бѣла», «бѣль») в этой грамоте упоминается еще четыре раза.[50]

В древнейших уставных и полууставных текстах, особенно издающихся для лингвистов, полезно отмечать конец строки

---

[48] Хрестоматия по археографии. Пособие для студентов Московского гос. Историко-архивного института, под ред. проф. Г. Д. Костомарова. М., 1955, с. 165.

[49] А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), с. 22—23 (со ссылкой на Б. А. Кузнецова: «По справкам, полученным от Б. А. Кузнецова, белые росомахи (альбиносы) встречаются очень редко, мех росомахи является ценным»).

[50] См. подробнее: Д. С. Лихачев. Рец. на кн.: А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. — Советская археология, 1954, XIX, с. 325.

(обычно это делается перпендикулярной черточкой). Дело в том, что древний переписчик, заботящийся о красоте строки, никогда не сужал и не расширял буквы в случае, если ему не хватало места или, напротив, его было много; чтобы сохранить красоту строки, он либо растягивал слова добавлением «ъ» или «ь», либо выбрасывал их из слов. Поэтому для написания «ъ» и «ь» важно — стоят ли они в конце строки или в ее средней и начальной части. Иногда, если места для написания слова не хватало к концу строки, писец выносил буквы поверх строки (так было и в XVIII в.).

В рукописях, в надписях мы часто имеем дело с дефектами, вызывающими необходимость отмечать в изданиях пропуск. При этом издатель должен непременно дать представление о размерах пропуска. Лучше всего это делать, указывая количество пропущенных букв (при небольших пропусках) или количество строк и страниц (при больших пропусках). В некоторых случаях указания такого рода могут быть сделаны точно, в других же издатель может сделать это только приблизительно. То и другое также должно быть оговорено.

Если пропуск был в протографе издаваемого списка (писец иногда оставляет пустые места, указывая, что переписываемая рукопись «ветшана», что в ней недостает тех или иных листов и пр.), то перед нами не простой пропуск, а дефект более сложный. Мы не всегда можем положиться на то, что писец точно обозначил размер своего пропуска. В этих случаях оговорки издателя должны быть более сложными и как можно более точными.

Пропуски могут быть восполняемы по другим спискам, но с точным выделением всего восполняемого текста и по возможности по наиболее близкому списку.

В разделе о прочтении текста мы говорили о расчленении текста на слова; может быть еще один вид расчленения текста — на абзацы. Это расчленение текста на абзацы особой трудности не представляет. Оно делается по современным нам соображениям и обычно не требует особых оговорок, поскольку всем известно, что деления текста на абзацы в древности не существовало. Нашу красную строку заменяла действительно красная, написанная киноварью строка. В дипломатических изданиях текст на абзацы, как правило, не делится, а киноварные буквы набираются полужирными шрифтами.

Правила передачи текста в дипломатических изданиях устанавливаются каждый раз особо. Разрабатываются они особенно подробно. Точно оговаривается: какими средствами современного типографского набора передаются особенности графики рукописи. Все особенности текста, передача которых не предусмотрена в правилах, оговариваются особо в примечаниях (например, различные порчи текста, материала рукописи и явные ошибки писца).

Целую систему различных знаков и форм скобок предлагает для дипломатических изданий Ф. Масэ,[51] а также П. Маас.[52] Вряд ли, однако, целесообразно чрезмерно усложнять систему условных знаков: сложную систему трудно запомнить. Условные обозначения должны быть по возможности просты и легко запоминаться. Для всех редакторских исправлений, изменений, замечаний (одним словом, для всего того текста, который идет от редактора-издателя) следует применять курсив. Полужирный шрифт применяется для обозначения киновари.

Правила передачи текста распространяются на все разночтения, но об этих последних см. ниже, в следующем разделе — «Подготовка разночтений для издания текстов».

При издании стихотворных текстов возможны два вида передачи текста: один дипломатический — строка в строку, и другой с разбивкой на стихотворные строки (чего, как известно, иногда не делалось в древних текстах). Само собой разумеется, что первый способ потребует более точных приемов передачи текста, а второй — такого, который бы позволил легко читать текст как стихи (следовательно, с учетом фонетической структуры текста в первую очередь). Так именно и поступает В. И. Малышев при издании текста «Повести о Сухане». В. И. Малышев пишет: «Повесть о Сухане подготовлена нами. . . в двух видах: первый передает текст строка в строку, во втором повесть разбита на стихи. . . В первом тексте допущены следующие упрощения орфографии подлинника: титла раскрыты, „ъ" в конце слов опущен, но оставлен внутри слов, омега заменена через „о", юс малый и йотированное „а" — через „я", ять через „е". Выносные буквы внесены в строку, причем выносные буквы „с" и „т" в окончании глаголов передаются через „сь" и „ть", а надстрочные мягкие согласные в словах „каме*н*е", „ко*л*нул", „ко*п*е", „коре*н*е", „малехо*н*ко", „проше*н*е", „ско*л*ко", „соверше*н*е", „то*л*ко", „тре*т*ева" передаются с мягким знаком после них («кольнул», «копье» и т. д.). Выносная буква „ч" в слове „про*ч*" передается с мягким знаком. Введено деление слов, написанных слитно; пунктуация современная. В этом тексте оставлены без исправления испорченные слова и явные пропуски. Во втором тексте, кроме отмеченных отступлений от подлинника, дополнительно введены еще следующие изменения: ошибочные чтения исправлены в тексте и оговорены в каждом

---

[51] Fr. Masai. Principes et conventions de l'édition diplomatique. — Scriptorium, 1950, vol. 4, № 1—2, p. 192—193.

[52] Paul Maas. Textkritik. Leipzig, 1957, S. 15—16. — В «Правилах лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (Академия наук СССР. Институт русского языка. М., 1961) предлагается несколько видов скобок (круглые, прямые или «квадратные», прямые со срезанным верхом, фигурные, угловые), несколько видов подчеркиваний (в том числе волнистой чертой), пользование несколькими гарнитурами и несколькими кеглями различных шрифтов со своими условными значениями, различными знаками и пр.

отдельном случае в подстрочном примечании. Пропуски букв и слогов восстановлены в квадратных скобках. Твердый знак употребляется согласно современным нормам правописания. Мягкий знак в словах „ужь“, „охочь“, „гордь“, „Дамантьевичь“ и „Товруевичь“ опущен».[53]

*

Несколько слов о самой технике подготовки текста. Мы знаем, что ошибки получаются в процессе переписок. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы по возможности сократить число переписок.

При переписке следует вносить только наиболее простые исправления из тех, которые выработаны для данного текста. Боле сложные исправления и знаки препинания следует делать в уже переписанном тексте. Правка должна вноситься так, чтобы было возможно прочесть зачеркнутые буквы. Только при этом условии может быть достигнута систематичность и явится возможность еще раз обратиться к местам, внушающим сомнения (ср. ниже аналогичное правило при подведении разночтений).

Для того чтобы избегнуть ошибок прочтения, необходимо хорошо знать палеографию и язык рукописи, в нужных случаях, не откладывая, прибегать к помощи справочных пособий и консультироваться со специалистами. Для неясно написанных мест полезно прибегать к помощи лупы. Для трудных почерков полезно составить себе таблицу начертаний отдельных букв и сравнивать, как пишется данное сочетание букв в других местах той же рукописи.[54] В случаях, если текст стерт, выцвел или неясен по другим причинам, полезно прибегать к помощи фотосъемок, съемок в инфракрасных лучах и др.[55] Идти от целого к частям: читая то или иное неясное место, принимать во внимание контекст.

---

[53] В. И. Малышев. Повесть о Сухане, с. 134—135. — По поводу передачи текстов древнерусских исторических источников см. еще мою полемику с В. А. Черныхом: Д. С. Лихачев. По поводу статьи В. А. Черныха о развитии методов передачи текста исторических источников. — Исторический архив, 1956, № 3 (см. статью: В. А. Черных. Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археографии. — Исторический архив, 1955, № 4).

[54] Ср., как, например, было установлено написание слова «праздничный» в рукописи дневника Верещагина, принятое первоначально за фамилию «Преспницкий»: В. В. Лукьянов. Дополнения к биографии Иоиля Быковского. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958.

[55] Конкретные случаи применения этой техники см. в статьях: В. Ф. Покровская. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах). — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958; Я. С. Лурье. К вопросу о «латинстве» Геннадиевского кружка. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М. 1961. — См. общие работы по этому вопросу: Д. П. Эрастов. Основные методы фотографического выявления угасших текстов. М.—Л., 1958; В. С. Голышенко, В. С. Люблинский, Д. П. Эрастов. Новейшие приемы фотоанализа на службе палеографии и источниковедения. — В кн.: Про-

Для того чтобы избегнуть ошибок запоминания, текст надо списывать небольшими отрывками (по два-три слова), кладя списываемую рукопись как можно ближе к себе и к рукописи, в которую текстолог переписывает текст.

Ошибки внутреннего диктанта избегаются тем, что текстолог переписывает текст, только внимательно разобравшись в его языке и содержании.

Ошибки письма должны устраняться тотчас после того, как текстолог переписал очередной отрывок в два-три слова: переписанный отрывок следует тотчас же прочесть. Следует выработать в себе навыки не только перечитывать текст по содержанию, но и «охватывать» текст в количественном отношении (следя за количеством букв и слов во избежание пропусков).

Когда этим способом текст переписан, текстолог должен еще раз перечесть с рукописью переписанный текст. Следует помнить, что работа вдвоем (один читает, а другой пишет или сверяет переписанный текст) плодит очень много специфических ошибок и не рекомендуется.

Текстолог должен хорошо изучить типы ошибок, встречающихся при переписке. Это помогает не допускать их в собственной работе.

Особенно внимательно следует следить за самим собой; изучить типы собственных ошибок; изучить тип своей памяти (ассоциативный, зрительный, слуховой и т. п.). Работать следует без напряжения, с первых же шагов собственной текстологической работы вырабатывая в себе правильные прочные навыки. Текстолог, применяющий в своей работе правильные приемы работы, ставшие привычными, лучше всего гарантирован от ошибок.

Относительно характера ошибок, получающихся при пользовании старым печатным изданием для подготовки нового, мы уже писали выше (с. 454—456) в главе XI «Особенности изучения печатных текстов».

При пользовании для подготовки текста микрофильмами, фотографиями или ротокопиями необходимо по возможности проверить текст по рукописи. Если текст по рукописи не проверен, то публикатор должен особо оговорить, по какому виду фотовоспроизведения текст издается. Корректуры рекомендуется проверять по рукописи или по одному из видов фотовоспроизведения.

блемы источниковедения, IX.-М., 1961; Л. П. Жуковская. Научное факсимильное издание древних рукописей. — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981; Д. П. Эрастов. Факсимильное издание — косвенный путь повышения физической сохранности рукописных памятников. — Там же; K. Krumbacher. Die Photographie im Dienste der Geisteswissenschaften. Leipzig, 1906; G. Ouy. Histoire «visible» et histoire «cachée» d'un manuscrit. — Le Moyen Age, 1958, LXIV, N 1—2, и др.

И еще один совет: никогда не довольствоваться «полусмыслом» или «полупониманием» текста, — это полупонимание текста наиболее опасно с точки зрения возможностей «ошибок осмысления».

ПОДГОТОВКА РАЗНОЧТЕНИЙ ДЛЯ ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ

Говоря о предварительном подведении разночтений, мы уже отметили, что без него не может быть произведено сличение текстов. Это один из основных методических приемов текстологии. Необходимы ли, однако, разночтения в издании текстов, и если необходимы, то в каком объеме? Значение разночтений в издании текстов было понято далеко не сразу; представлялось излишним их подбирать вообще. Вот что писал по этому поводу А. Оленин: Знаменитый Шлецер предлагал издать сводный летописец, в котором он назначал собрать шесть рукописей для показания, какая между ими находится буквальная разность в словах (что встречается почти на каждой строке). Но дело сие, требующее несметно долгого времени и мелочной самой точности, есть-ли не будет сопровождено основательными и подробными критическими примечаниями, истинной пользы к лучшему разумению отечественной нашей Истории нимало не принесет. — Сие частию доказывается (первым и прекрасным, впрочем) опытом Московского исторического общества: в оном сведены только три рукописи, но и малое сие число составляет уже такое пестрое издание, которого чтение весьма неприятно и утомительно, и коего польза главнейше в том только состоит, что в нем видеть можно, как и сколько раз в каком списке перепищики ошибались, например: что в ином списке сказано: „се повести", а в другом просто „повести" без „се"; в ином „времяньных лет", а в другом „временных", а в третье „временных лет". Здесь можно спросить, по примеру славного Эйлера: et qu'est-ce que cela prouve? — Искренний на то будет ответ, что много времени утрачено, и труд понапрасну употреблен».[56]

Случается, что издание текста с разночтениями, а особенно со многими разночтениями, и в настоящее время встречает возражения. Возражающие отмечают, что разночтения в полном объеме «никем не читаются», что они поэтому не нужны, что они усложняют издание и т. п. Все чаще появляются издания памятников древнерусской литературы и литератур древнеславянских, а также летописей, выполненные по одному списку без разночтений. Случается, что исследователями публикуются «новые списки» без приведения даже элементарных данных их сличения с уже опубликованными ранее списками. В результате такого отношения к под-

[56] А. Оленин. Краткое рассуждение о издании Полного собрания русских дееписателей. — Сын отечества, СПб., 1814, ч. 12, с. 5—6.

ведению разночтений чрезвычайно разрастается материал сырых публикаций по случайным спискам. Публикации памятников подменяются публикациями списков. Текстологическое исследование, которое непременно должно предшествовать научному изданию памятника, откладывается до полного опубликования всех списков. Однако ни один серьезный исследователь не будет слепо доверять чужим публикациям, и в необходимых случаях он сам обратится к рукописям, и поэтому публикации «новых списков» без подведения разночтений могут выполнять лишь весьма скромную роль предварительных информаций — не более.

Что же представляет собой настоящая научная публикация памятника? Научная публикация памятника выполняется с разбивкой всех сохранившихся текстов по редакциям. Каждая редакция печатается отдельно. Выбор редакции и основного списка ведется на основании полного изучения всех списков и установления (по возможности) полной картины истории текста. В научной публикации памятника разночтения приводятся: 1) как обоснование выбора текста (это научные доказательства правильности выбора текста), 2) как материал, наглядно демонстрирующий различия в текстах списков, 3) как корректирующий материал (поскольку основной список не может еще дать первоначального текста). Исследователю, пользующемуся текстом, должна быть предоставлена свобода проверки исследователя и свобода выбора нужного чтения. Ведь выбор основного списка всегда более или менее условен, а основной список не всегда дает архетипные чтения.

Просматривая разночтения, будущий исследователь может убедиться, что выбор основного списка сделан публикатором правильно;[57] он может определить для себя особенности разночтений: имеют ли они стилистический характер, смысловой или языковой; плод ли они сознательного «творчества» переписчиков или нося бессознательный характер (как, например, описки, изменени орфографии, внесение диалектных форм и т. д.). Наконец, будущий исследователь, пользующийся изданием текста, может проверить фактические данные, сообщаемые основным списком, если они имеют разночтения в других списках (это особенно важно при издании памятников общественной мысли и исторических материалов, где очень часто в списки вносятся фактические поправки — в цифры, имена, различного рода другие сведения и т. д., или где допускаются искажения).

[57] М. Н. О. Османов пишет: «Опубликование даже глубоко продуманного текста без обозначения в аппарате разночтений лишит последующих исследователей возможности проверки отбора и не явится определенным этапом в критике текста, так как новым текстологам опять придется начинать всю работу снова и обрабатывать те же списки» (Ближневосточная текстология в Советском Союзе и ее основные принципы. — Вестн. истории мировой культуры, 1961, № 4, с. 122).

Разночтения являются также экономной формой издания списков. Вместо того чтобы публиковать отдельно все «новые» и «новые» списки того или иного произведения, достаточно опубликовать один основной список, а остальные дать в разночтениях. Экономия при этом достигается не только в объеме публикации, но и в затрачиваемом труде пользующегося изданием исследователя памятника, который сразу видит, насколько глубоки различия между списками и каков самый характер этих различий.

Совершенно исключительное значение имеют разночтения в реконструкциях: разночтения в реконструкциях играют ту же роль что и в издании списков, в дополнение к этому привязывают реконструкции к конкретному материалу списков. Характер реконструкции, обоснование реконструкции, вся внутренняя механика работы реконструктора останется темной для читателя, если в ней не приведены разночтения по конкретным спискам.[58]

*

При самой точной публикации текста нет смысла приводить все решительно разночтения: графические, пунктуационные, орфографические и т. д. Дело в том, что графика, пунктуация и орфография часто в списках случайны. Пунктуационную систему, связанную с текстом в целом, при разбивке на разночтения, восстановить затем по этим разночтениям бывает весьма затруднительно. Во многих случаях есть поэтому прямой смысл сокращать по определенным и строго отобранным признакам количество разночтений. Часто это значительно облегчает пользование разночтениями.

Устанавливая правила сокращения разночтений, нужно прежде всего считаться с характером памятника, характером самих разночтений и целями издания. Если памятник очень ценен, то, конечно, следует возможно полнее приводить разночтения. Полнее следует стремиться приводить разночтения, если отдельные списки имеют особый интерес. Орфографические разночтения следует давать только, если памятник ценен с точки зрения своего языка и если издание его предназначается для лингвистов. Есть смысл относительно полно приводить разночтения в тех случаях, когда их немного (вследствие того ли, что списков мало, или вследствие того, что они близки друг к другу). Но если списки дают много чисто случайных описок писцов, лучше отказаться приводить эти описки вообще. Если памятник интересен по преимуществу для историков, нет, например, смысла приводить простые перестановки слов, столь частые в некоторых списках, составлявшихся писцами, имевшими обыкновение прочитывать и запоми-

---

[58] О разночтениях и их значении см. в книге: Walter W. Greg. The Calculus of Variants. Oxford, 1927.

нать при переписке большие куски текста (см. об этом выше, с. 72). Иногда в памятниках, интересных по преимуществу для историков и не имевших особо значительной литературной истории, нет необходимости приводить стилистические разночтения. Описки представляют интерес только при изданиях дипломатических.[59]

Выбирая ту или иную систему публикации разночтений, публикатор обязан строго ее обдумать, выработать четко изложенные правила подведения разночтений и дать их во введении к своей публикации. Читателю должно быть абсолютно ясно, по какой системе подводятся разночтения и почему они подводятся именно данным способом. И еще: нельзя устанавливать одну систему для одних списков и другую систему для других. Так, например, если стилистические разночтения интересны только в одном списке, а в других не интересны, то совершенно недопустимо выделять этот один список особыми правилами подведения разночтений, а для других списков установить сокращенную систему подведения разночтений.

Правила подведения разночтений должны быть ясны, просты, легко запоминаться. Читатель не должен все время обращаться к введению и проверять по нему, мог ли попасть в издание тот или иной тип разночтений. Необходимо прямо и твердо заявить: пусть в аппарат издания попадут и не совсем интересные разночтения, но *в пределах определенной системы их подачи они должны быть даны абсолютно все*. Достигнуть такой строгой выдержанности не просто. Малоопытные публикаторы, установив систему отбора разночтений, затем отступают от нее, приводят разночтения несистематически, пропускают то, что им кажется неинтересным. Особенно часты эти случаи, когда публикатор, решив провести ту или иную систему, руководствуется затем своею памятью. Допустим, публикатор решил не давать орфографические разночтения. Такое решение, само собой разумеется, чаще всего будет приниматься публикатором-нелингвистом. Нелингвисту (да в какой-то мере и лингвисту) часто бывает очень трудно отграничить орфографическое разночтение от языкового. В этом случае нередко бывает так, что публикатор, решив в начале своей работы считать тот или иной тип разночтения языковым и вводить его в публикацию, в дальнейшем под влиянием усталости и бессознательного желания упростить

---

[59] К опискам нельзя относить ошибочные осмысления непонятного текста. Нельзя к ним относить и текст, непонятный для современного исследователя. Е. Э. Бертельс считал необходимым очень осторожно относиться к исключению описок из разночтений (Е. Э. *Бертельс*. Вопросы методики подготовки критических изданий классических памятников литератур народов Ближнего и Среднего Востока. — Первая всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, с. 240—241).

свою работу забывает о своем решении и перестает отмечать этот тип разночтений.

Выше уже отмечалось, что публикатор-исследователь часто допускает в своей работе все те ошибки (типы ошибок), которые допускали и древние переписчики рукописей. Действительно, в какой-то доле своей работы современный ученый публикатор есть переписчик рукописи. Законы же человеческой психологии в своих элементарных формах (а именно элементарные законы действуют в психологии переписчика наиболее последовательно) одинаковы для всех веков. Я бы сказал даже так: древние переписчики в смысле точности своего профессионального внимания к тексту и по своему профессиональному опыту имели много преимуществ перед современными публикаторами. Публикация текста памятника — это в известном смысле то же, что составление его нового списка. Ведь и в самом деле, в ряде случаев мы принимаем опубликованный текст памятника, если утрачен список, с которого делалась публикация, за особый список памятника. Так, за списки «Слова о полку Игореве», поскольку была утрачена его рукопись, мы принимаем первое издание «Слова» 1800 г. и Екатерининскую копию. Лучший список «Повести о Савве Грудцыне» был утрачен, и теперь мы принимаем за список сделанную по утраченной рукописи ее публикацию в «Памятниках» Кушелева-Безбородко. За список сгоревшей в московском пожаре 1812 г. пергаменной Троицкой летописи мы принимаем выписки из нее в примечаниях к «Истории» Карамзина и разночтения из нее к изданию Лаврентьевской летописи Р. Ф. Тимковского.[60]

Различие между рукописным списком и печатным в смысле их точности заключается лишь в том, что печатный список многократно выверяется и исправляется публикатором, читающим его в рукописной или машинописной копии, а затем в корректуре. Однако в процессе подготовки текста к печати и публикации его основной текст практически выверяется гораздо лучше, чем разночтения. Добросовестный публикатор выверяет корректуры основного текста в рукописных хранилищах, но разночтения обычно при этом остаются без дополнительной выверки, да и внести в них исправления бывает очень трудно, поскольку при внесении исправлений в разночтения приходится менять их нумерацию. Есть, правда, очень простой прием, с помощью которого можно установить неточность разночтений в издании, не обращаясь даже к рукописям: если в публикации в разночтениях мы встретим тот же текст, что и в основном тексте, то значит разночтениям доверять нельзя. Жаль, конечно, что наши рецензенты научных публикаций

[60] Летопись Нестерова по древнейшему списку мниха Лаврентия. Изд. проф. Р. Тимковского. М., 1824. — См. реконструкцию Троицкой летописи: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

редко проверяют их по рукописям, а уж если и проверяют по рукописям, то только основной текст, оставляя без внимания разночтения. Все это вместе ведет к тому, что количество ошибок в разночтениях наших научных публикаций угрожающе растет.

Чтобы добиться выдержанности системы подведения разночтений, необходимо систему эту устанавливать в уже полностью подведенных разночтениях. Первоначально, при непосредственной работе над рукописями, разночтения необходимо подводить относительно полно (отбрасывая, допустим, только разночтения пунктуационные и графические). Далее в листах с разночтениями (писанными чернилами) рекомендуется карандашом вычеркивать те из них, которые будут не нужны по принятой публикатором системе. В этом случае публикатор легко может себя проверить, насколько единообразно он сокращает разночтения. Кроме того, сокращение уже подведенных разночтений делается относительно быстро, и публикатору поэтому легче придерживаться своей системы и проследить, чтобы в однородных случаях было однородное же решение вопроса — оставлять данный тип разночтений или не оставлять. Только тогда, когда публикатор основательно проверит все разночтения и последовательность в их подборке, можно приступить к их нумерации. Лучше нумеровать разночтения не постранично, а сплошь от 1 до 100, и затем начинать новую сотню, обозначая каждую сотню римской цифрой. Дело в том, что при нумерации постраничной приходится затем в корректуре изменять нумерацию разночтений, а если в корректуре потребуется переверстка, то придется изменять ее столько раз, сколько окажется переверсток. Такие изменения нумераций в корректуре очень опасны, особенно в линотипе, так как в линотипе переливается вся строка, а следовательно, и все разночтения исправляемой строки; переливается и вся исправляемая строка основного текста.

Разночтения могут даваться внизу страницы или в конце памятника. Первый способ, конечно, удобнее в научном издании, но недостаточно красив для издания, рассчитанного на широкого читателя. Второй способ принят в научно-популярных изданиях (например, в серии «Литературные памятники» Академии наук СССР) и при издании коротких документов (в этом случае разночтения помещаются сразу за текстом документа; так именно напечатаны разночтения в «Актах социально-экономической истории северо-восточной Руси». М., 1952).

Когда разночтение относится к одному слову, знак сноски ставится в конце того слова, к которому относится разночтение. Если же разночтения охватывают несколько слов, то знак сноски ставится у первого и последнего слова, к которым относятся разночтения. Существует, однако, два способа отмечать первое слово, к которому относится разночтение: знак сноски в одном случае ставится как обычно в конце первого слова, а в другом — в начале

первого слова, при этом все место, к которому относятся разночтения, как бы берется в «клещи». Этот последний способ нагляднее отмечает место текста, к которому относятся разночтения, и поэтому он предпочтительнее.

Система буквенных обозначений, привлекаемых для разночтений списков, нами уже описывалась выше, когда мы говорили о предварительном подведении разночтений для сличения списков. Буквенные обозначения списков без крайней нужды в процессе работы менять не следует. Они должны быть установлены в самом начале работы раз и навсегда.

В разночтениях условные обозначения ставятся либо перед разночтением, либо после него. Некоторое преимущество имеет последнее местоположение условного обозначения. Во-первых, само разночтение важнее, чем его условное обозначение. Читателю необходимее самые разночтения, чем то, где, в каких списках они встречаются. Поэтому удобнее начинать с самого разночтения. Но дело не только в этом. После разночтения не следует ставить знак препинания (выше я уже говорил, что разночтения знаков препинания приводить нет смысла), однако, оформляя каждую отдельную сноску с разночтением, неудобно (с точки зрения полиграфического оформления) оставлять ее без знака препинания. Если же за разночтением без знака препинания будут следовать условные обозначения списков, то после них вполне можно поставить заключительную точку и эта точка никак не может быть связана в сознании читателя с текстом разночтения.

Отдельные сноски, поскольку они, как правило, коротки, можно помещать не построчно, а в строку (не одна под другой, а в горизонтальной последовательности — одна за другой), но отбивая их двумя-тремя круглыми [61] вместо одной, для того чтобы сноски более четко отделялись друг от друга.

Последовательность, в которой приводятся разночтения, должна соответствовать степени близости списка к основному: сперва помещается разночтение, ближайшего к основному списку, затем менее близкого и т. д. Если разночтения одинаковы, — нет смысла их повторять. В этом случае за буквенным обозначением первого списка, в котором встречено данное разночтение, помещается буквенное обозначение следующего списка и т. д. — опять-таки в порядке близости списков к основному.

Конечно, степень близости списка к основному весьма условна: список может быть очень близок к основному в одном отношении и быть весьма далек от него — в другом. Исследователь по собственным различным соображениям устанавливает порядок близости списков к основному, и этот порядок в известной мере, конечно, условен.

---

[61] Круглой в типографском языке называется шпация (пробел между буквами), по ширине равная кеглю (размеру) шрифта.

Если разночтение не просто заменяет собой текст основного списка, а оказывается в своеобразном положении по отношению к тексту основного списка (например, слово зачеркнуто, вытерлось, оторвано, просто отсутствует и пр.), то это своеобразие должно быть отмечено словесно. При этом словесные обозначения должны быть, во-первых, краткими и, во-вторых, одинаковые случаи должны выражаться словесно одинаково. Кроме того, следует иметь в виду, что весь тот текст, которого нет в рукописи и который введен научным издателем текста, должен отличаться в наборе от текста памятника. Лучше всего весь текст от издателя набирать курсивом. Курсивом, следовательно, в разночтениях будут приводиться условные обозначения списков и слова: «*вм.*» (вместо), «*нет*», «*доб.*» (добавлено), «*ркп.*» (рукопись), «*текст обрывается*», «*далее зачеркнуто*», «*вписано над строкой*» и пр.

*

Разночтения должны давать представление о каждом списке, привлекаемом для разночтений. В сущности, по разночтениям читатель должен иметь возможность восстановить все привлекаемые списки. Степень точности этих восстановлений должна соответствовать степени точности, с которой подводятся разночтения. Иными словами, если подводятся разночтения с исключением орфографических, то читатель должен иметь возможность восстановить памятник во всем его языковом обличии, но без орфографических уточнений. Если подводятся только смысловые разночтения и не подводятся разночтения языковые и стилистические, то читатель должен иметь возможность представить себе каждый список в его смысловом выражении. И т. д. Достигается это абсолютной систематичностью следования твердо и последовательно выработанным правилам.

В науке возникает иногда потребность восстановления списка по его разночтениям в каком-либо издании, и тогда по-настоящему проверяется степень точности издания.

Приведу пример. Своеобразный материал для реконструкции текста сгоревшей в московском пожаре 1812 г. Троицкой летописи дали М. Д. Приселкову разночтения по Троицкой летописи, подведенные к тексту Лаврентьевской в незаконченном издании последней Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова.[62] По этому изданию оказалось возможным восстановить текст Троицкой летописи в пределах от начала и до 906 г., выверяя восстанавливаемый

[62] Сохранилось 10 печатных листов этого труда и корректурный оттиск первого листа. В 1811 г. работа над изданием была прекращена. См. подробнее: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста, с. 11—13.

по разночтениям текст материалом, добытым из выписок Карамзина из Троицкой летописи в его «Примечаниях» к «Истории государства Российского», и теми отметками, которые делал Г. Миллер, сверяя печатный экземпляр Кенигсбергской летописи (издание 1767 г.) с текстом Троицкой. Однако пример использования вариантов из издания Чеботарева и Черепанова ясно вскрывает некоторые дефекты этого издания, которые в противном случае остались бы незамеченными. В самом деле, точность этого издания может быть сейчас проверена по сохранившимся до наших дней Лаврентьевской и Радзивиловской летописям (разночтения по Радзивиловской летописи также подведены). Эта точность сравнительно очень высокая, как отмечает специально занимавшийся этим вопросом М. Д. Приселков. Однако при восстановлении утраченного текста Троицкой летописи выяснились следующие недостатки подведения по ней разночтений: отсутствие точного обозначения больших пропусков в тексте Троицкой, неясность терминологии и некоторые дефекты в знании языка рукописи.

Приведу полностью замечания М. Д. Приселкова относительно разночтений Троицкой летописи в издании Лаврентьевской летописи Чеботаревым и Черепановым. Замечания эти важны особенно потому, что они вскрывают обычные недостатки подведения разночтений даже в современных изданиях. М. Д. Приселков пишет: «Промахи этого издания (издания Лаврентьевской летописи Чеботарева и Черепанова, — *Д. Л.*) для нас главным образом заключаются не в том, что издатели, наивно упорствуя, всегда пишут „бысь", „нѣсь" вместо „бысть" и „нѣсть", „іесть", очевидно стараясь точно передать йотированное „есть" и т. п., а в том, что издатели не только не вдавались в подробности, но и пропускали весьма серьезные вещи. Так, у них остался совсем неоговоренным дефект текста Троицкой летописи от повествования о сменении языков до повествования о путешествии апостола Андрея и не оговорено то обстоятельство, что повествование об Андрее в тексте Троицкой начиналось фразою: „По сем же по колицех временех, по мнозих летех бысть по воплощении Христове и по разпятии и воскресении и на небеса по вознесении", которой нет ни в Лаврентьевской, ни в Радзивиловской. Второй крупный дефект Троицкой летописи в пределах издания Чеботарева и Черепанова падал на конец описания обычаев радимичей, вятичей и северян и простирался до конца 6367 (859) года. Издатели, указав начало этого дефекта, не дали точного указания на его окончание, ограничившись только фразою: „а потом (в Троицкой после «съсуд») большой пропуск до пришествия варягов к новгородским славянам". Сверх того, безо всякой нужды, на протяжении этого дефекта Троицкой летописи, они в примечаниях не раз возвращались к этому дефекту, всегда в выражениях, которые могли только путать читателя. Можно указать, наконец, на неясность терминологии издателей. Так, в примечании „ы" стр. 50

читаем: „в Трц. ркп. к слову Рюрикъ прибавлено: сѣдѣ Новѣгородѣ". Это примечание относится к известному рассказу 862 г. о призвании князей. В Лаврентьевской сказано: „И придоша старѣшии Рюрикъ, а другии Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ" и т. д., т. е. опущен глагол и указание на место вокняжения Рюрика. Как это читалось в Троицкой? Что хотели сказать издатели выражением „в Трц. ркп. . . прибавлено сѣдѣ Новѣгородѣ"? Прибавлено в отношении текста лаврентьевского или в отношении текста самой Троицкой летописи (т. е. добавлено там позднейшей рукою)? Однако все эти промахи, к счастью поправимые, не закрывают возможность по изданию Чеботарева и Черепанова дать полную реставрацию текста Троицкой от начала его и до 906 г.».[63]

В издании текстов нельзя смешивать и объединять различные редакции. Каждая редакция должна издаваться отдельно. Соответственно отдельно, по редакциям, должны подводиться и разночтения.[64] Примером неправильного способа подведения разночтений может служить издание Псковской летописи М. П. Погодина.[65] В тексте особыми значками отмечены фразы, сходные в двух или трех списках (всего привлечено три списка), в примечаниях же внизу страницы приводится только новый материал сравнительно с основным списком.

Только в одном случае может быть разрешено подведение разночтений по спискам другой редакции: если этот список другой редакции может объяснить непонятное место, восстановить исконное чтение данной редакции. Но при этом текстолог всегда должен отдавать себе отчет: насколько чтение, взятое из списка другой редакции, можно предполагать в издаваемой. Смешения чтений разных редакций недопустимы.

Что касается групп и видов списков, то здесь дело обстоит сложнее. Понятие группы списков или их видов менее определенно, чем понятие редакции, поэтому все зависит от обстоятельств. Если решено не различать в издании группы и виды списков и издавать памятник только по его редакциям, то, разумеется, разночтения групп и видов должны приводиться также вместе. Если же решено издавать какой-либо вид отдельно, то разночтения к нему также должны приводиться только по спискам этого вида и лишь в целях исправления испорченного места можно с оговорками и условно (см. выше) пользоваться списками другого вида.

---

[63] Там же, с. 26—27.

[64] Правила подведения разночтений исторических источников см. в издании: Правила издания исторических документов. М., 1955, с. 15—18. (Академия наук СССР. Институт истории и Главное архивное управление. Гос. Историко-архивный институт).

[65] Псковская летопись, изданная на иждивении Общества истории и древностей российских при Московском университете М. Погодиным. М., 1837.

Если редакция какого-либо памятника представлена тремя списками и больше, то, конечно, списки этой редакции будут естественно распадаться на группы или виды, поскольку один список будет более близок к другому, чем к третьему. Степень близости списков друг к другу не может быть равной, а следовательно, списки всегда будут распадаться на группы, но естественно, что в издании того или иного памятника такого рода разбивку текста на группы возможно отражать лишь в исключительных случаях: когда списки, не давая новых редакций, все же сильно различаются между собой по тексту и различны по происхождению. Располагать разночтения следует по степени близости списков к основному, но группируя однородные.

*

При подведении разночтений не обязательно использовать все списки. Так, к разночтениям не привлекается список, если он ничего не прибавляет для истории текста (например, очень поздний список, относящийся ко времени, которое уже не интересует текстолога, и не отражающий более раннего текста). Не привлекаются также простые копии дошедших до нас списков.

Так, например, Ипатьевская летопись известна в двух основных списках — Ипатьевском, хранящемся в Библиотеке Академии наук СССР, и Хлебниковском, хранящемся в Публичной библиотеке в Ленинграде. Ипатьевская летопись и должна издаваться по одному из этих двух списков (предпочтительнее по Хлебниковскому, хотя и более позднему, чем Ипатьевский, но сохраняющему древний тип текста), с вариантами по другому. Привлечение к изучению и к изданию списков Погодинского, Ермолаевского, Краковского и других, являющихся простыми копиями с Хлебниковского, совершенно не нужно.

Вот почему, кстати, только как недоразумение могут быть объяснены многократные упреки А. А. Шахматову, содержащиеся в статье С. А. Бугославского «Повесть временных лет», за то, что А. А. Шахматов в своих исследованиях «Повести временных лет» не принял во внимание вариантов всех списков группы Ипатьевской летописи. А. А. Шахматов не принимает в расчет Погодинской летописи, являвшейся простой копией Хлебниковского списка (этого не заметил С. А. Бугославский), а Ипатьевский и Хлебниковский списки в своих общих частях называет «Ипатьевской летописью». Так же точно Радзивиловский список, оканчивающийся на 1206 г., и очень близкий к нему Московско-академический список в пределах до 1206 г. А. А. Шахматов (а вслед за ним и М. Д. Приселков) называют «Радзивиловской летописью» и в исследованиях летописания ссылаются на чтения, общие для этих двух списков, как на чтения Радзивиловской летописи.

Между тем С. А. Бугославский наставительно замечает: «Устанавливая генеалогию и источники летописных сводов, Шахматов часто базируется на анализе вариантов не всей совокупности списков, а только двух или трех, и делает отсюда выводы об общем их источнике. . .».[66] Только недоразумением являются также следующие дальнейшие рассуждения С. А. Бугославского: «Так, например, Шахматов анализирует ряд чтений, общих для Ипатьевской, Радзиловской и Новгородской I летописи, — представителей, как мы покажем ниже (и, добавлю от себя, как это было хорошо известно и Шахматову, — *Д. Л.*), трех семейств летописных сводов. Из общности чтений Ипатьевской, Радзиловской и Новгородской I летописи Шахматов делает заключение о ближайшем общем источнике этих сводов. При проверке же оказывается, что эти чтения свойственны и другим спискам (речь идет здесь о списках, а выше о сводах, т. е. о произведениях, которые могли быть представлены во многих списках, — *Д. Л.*) основных групп, а отступает от них только один Лаврентьевский список. Из родства списков Лаврентьевского (сок. *Л*), Радзиловского (*Р*), Академического (*А*), с одной стороны, Ипатьевского (*И*), Погодинского (*П*), Хлебниковского (*Х*), с другой, а также списков новгородской группы. . . ясно видно, что приведенные Шахматовым чтения восходят не к ближайшему общему источнику данных трех списков, а к тексту, к которому восходят списки всех трех указанных групп. . .».[67] Далее С. А. Бугославский пишет, что А. А. Шахматов делает «заключения о взаимоотношении летописных сводов на основании чтений, выбранных из двух-трех списков без учета вариантов остальных. . .» [68] и т. д. Непонимание С. А. Бугославским методики анализа разночтений, применяемой А. А. Шахматовым, очень для него характерно: С. А. Бугославский механически анализирует разночтения всех списков, тогда как А. А. Шахматов отбрасывает вторичные списки и восстанавливает чтения сводов, анализируя в дальнейшем уже эти чтения.

Итак, анализируя списки, исследователь обязан упростить этот анализ, удалив из рассмотрения те материалы, которые не нужны, и объединив те, которые поддаются объединению. То же касается и подведения разночтений. Поэтому требование С. А. Бугославского «привлекать к рассмотрению варианты всех списков» не более чем недоразумение. Привлекать к работе надо все списки, но как только в результате изучения всех списков обнаруживается, что некоторые из них могут быть отброшены, а другие объединены под общим названием и могут привлекаться к рассмотрению

---

[66] С. Бугославский. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст). — В кн.: Старинная русская повесть. М., 1941, с. 10.

[67] Там же.

[68] Там же, с. 12.

как целое, это и должно быть сделано. Только в этом случае ход исследования и доказательства приобретут простоту и ясность и можно будет избавиться от приведения нагромождений мелких фактов и замечаний, которыми страдают обычно работы начинающих текстологов.

Еще один вопрос представляет практически очень большую важность: как быть с разночтениями правленной рукописи — как отмечаются разночтения самой правки?

Правленная рукопись по существу заключает два текста (если же текст правился два раза — то три текста, три раза — четыре текста и т. д.). Поэтому, подводя варианты, надо его расчленить и каждый текст обозначать особо. Допустим, что список мы условно обозначили буквой *П*, тогда основной текст этого списка удобно обозначить через *Па*, первый правленный текст *Пб*, второй — *Пв* и т. д.

От разночтений следует отличать примечания, которые делаются к основному списку. Допустим, надо отметить, что данная буква читается неясно, что слово зачеркнуто, что в пергамене дефект, что буква подправлена другими чернилами и т. п. или что в тексте исправляется явная описка писца (диттография, гаплография и т. д.). Эти примечания не следует смешивать с разночтениями. Они отличаются от разночтений по самому своему существу. Поэтому эти примечания обычно выделяются в особый «этаж» (обычно — верхний, первый) и отмечаются не цифрами, а строчными курсивными буквами.

Образец набора текста, текстовых примечаний и разночтений

Того же лѣта князь великыи позва владыку к собѣ [14] на Москву на честь, и посадника и тысячкого [15] и вятших [16] бояръ; и владыка Василии ѣздивъ, [17]и чести великои много видилъ[17]. Тои же осени внесе [18] лед и снѣгъ [в][а] Вълво [19], и вышибе [20] 15 городень Великаго мосту; то же, богъ вѣсть, или казня нас или милуя [21]. [Не далъ богъ кровопролитиа][а] промежи братьею [22]: наважениемъ || дья- *л. 20 об.*
вольскым [23] сташа си сторона и она сторона, доспѣвше [24] въ оружъи [25] противу себе [26] оба полъ Волхова; нь [27] богъ ублюде и снидошася[б] в любовь.

[а] *В квадратных скобках — из А Т.*

[б] *Буква* д *переделана из буквы* м.

[14]себѣ *А Т.* [15] тысяцскаго *А*, тысячскаго *Т.* [16] нарочитыхъ *А Т.* [17–17] бывши на Москвѣ много чести видѣлъ *А Т.* [18] вънесе *А.* [19] Волховъ *А Т.* [20] *В А буква* и *написана по подскобленному.* [21] милуа *А.* [22] братиею *А Т.* [23] диавольскымъ *А Т.* [24] доспѣвши *А Т.* [25] оружии *А Т.* [26] себѣ *А.* [27] нъ *А Т.*

П о я с н е н и е к о б р а з ц у н а б о р а. Основной текст — Комиссионного списка Новгородской первой летописи; разночтения — по Академическому и Троицкому спискам той же летописи. Для образца использовано

издание А. Н. Насонова (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 347) с некоторыми изменениями. Обратить внимание на следующее. Текстовые примечания обозначены буквами и помещаются внизу страницы выше разночтений, обозначенных цифрами. Цифровые обозначения разночтений помещаются в тексте перед знаками препинания. Первая цифра «клещей» в тексте при отсутствии другого значения (она может служить одновременно цифровым обозначением разночтения) прибивается не к предшествующему (см. [17]), а к последующему тексту. Весь текст, отсутствующий в рукописях, за исключением цифр сносок, набирается курсивом (примечания редактора, условные обозначения списков и пр.). Дополнения из других списков даны в квадратных скобках. Киноварная буква набрана полужирным шрифтом. Переход с одной стороны листа на другую или с листа на лист обозначается двумя вертикальными черточками (в случае нужды переход со строки на строку обозначается одной вертикальной черточкой) и на полях петитом отмечается номер нового листа или оборота листа («л. 204 об.»).

РАСПОЛОЖЕНИЕ ТЕКСТОВ РЕДАКЦИЙ В ИЗДАНИИ И СОСТАВ ТЕКСТА

Расположение редакций произведения в правильной временной последовательности их создания позволяет правильно понять и их идейный смысл. Читая редакцию вне ее связи с предшествующими, мы только с трудом можем иногда выявить, какую идею хотел в нее вложить ее составитель. Ведь, внося идейные изменения в текст произведения, составитель новой редакции по большей части ограничивается весьма малым. Он изменяет текст, а не пишет его заново. Эти изменения в количественном отношении очень невелики. Однако для уяснения смысла редакции важны именно они. В редакциях текста внесенные в него изменения важнее, чем текст основной, не подвергшийся изменениям. Сравнивая места, подвергшиеся в последующем изменениям, с этими самыми изменениями, мы постигаем смысл новой редакции и узнаем, как понимался древним книжником предшествующий текст. При отсутствии в Древней Руси критики движение текста дает возможность все же понять отношение к произведению если не читателей, то, во всяком случае, его переписчиков.

К этому нужно добавить, что в новых редакциях особую важность имеет не только то, что в них *написано*, но и то, что в них *не написано*, *пропущено*. Ведь для понимания произведения важно не только то, что составитель *хотел* сказать, но и то, что он *не хотел* сказать, что он хотел *скрыть* от читателя. Иногда даже это последнее бывает важнее, чем первое.

Выявить все это можно только путем изучения истории текста. История текста дает, следовательно, нам ключ к правильному пониманию содержания произведения.

Сходную картину открывает и изучение стилистических изменений. Точное представление о стиле редакции дает сравнение ее с предшествующей. Выявляя изменения и исследуя их, мы мо-

жем получить довольно точное представление об «идее» стилистической работы составителя. Поэтому последовательность редакций должна быть хронологическая. Если редакции возникли параллельно, их следует помещать одна за другой, выбор последовательности будет здесь зависеть от других соображений: например, от степени научной интересности редакции.

Следует ли издавать все редакции? Принцип отбора редакций для литературоведческих публикаций должен быть историко-литературный. Если редакция не имеет историко-литературного значения, ее издавать нет смысла. Не имеют историко-литературного значения некоторые редакции XVIII и XIX вв.: редакции чисто церковные, поздние редакции, выполненные каким-либо любителем, имевшиеся только в одном экземпляре и пр. Все, конечно, зависит от «идеи» публикации; от того, о чем хочет дать представление публикатор, с какой точки зрения он считает публикуемый памятник интересным и важным.

*

Если в основном списке расположение материала перепутано (в результате ли ошибки переплетчика или неправильно вставленных выпавших листов), и восстановление правильного порядка не представляет затруднений и может быть подтверждено другими списками, — необходимо восстановить традиционную композицию памятника, отметив в подстрочных примечаниях тот порядок, который существует в рукописи.

Если же памятник известен в одном списке, и восстановление порядка не может быть проделано бесспорно, или если изменение порядка закреплено известной традицией, — восстановление первоначального порядка не должно иметь места.

В качестве примера применения неправильных принципов восстановления первоначального порядка памятника можно привести издания Новгородской второй летописи. Летопись эта начинается с 911 г. и в основном доведена до 1573 г. При переплетении листы этой летописи были перепутаны, известия разных годов соединены небрежно, и т. д. При первом издании этой летописи в III томе «Полного собрания русских летописей» в 1841 г. и позднее, в издании 1879 г.,[69] издатели тщетно стремились восстановить хронологический порядок изложения и очень неточно «исправляли хронологические ошибки», чем затруднили не только возможность изучения этой летописи по ее изданиям, но элементарное пользование изданиями.

В компиляциях, в которых текст вступил в органическое соединение, представляя известное целое, ни в коем случае не следует

[69] Новгородские летописи, так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи. СПб., 1879.

рассекать текст, выделяя его отдельные части или освобождая его от инкрустаций другим памятником. Древнерусский текст «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в Виленском хронографе XVI в. перебит вставками из хроник Малалы и Амартола, Евангелия и других источников. Считается, что при установлении текста «Истории» вставки эти нужно исключить. Однако текст вставок вступил в органическое соединение с текстом Иосифа Флавия,[70] и, следовательно, такое исключение вряд ли целесообразно, его можно производить только в реконструкциях первоначального текста памятника, но не в издании текста памятника или его редакций.

*

Несколько слов о том, как передавать текст, в котором много исправлений, зачеркиваний, надписанных слов, вставок на полях и т. д. Вопрос этот очень важен для текстологии литературы нового времени, где проблема черновика занимает очень ответственное и большое место. В зависимости от того, как будет передан текст черновика, находится и передача в издании творческого процесса автора, отраженного в его бумагах. Мы знаем, что «творческая история» того или иного произведения чрезвычайно важна. Для литературы древней вопрос о творческой истории почти полностью снят за ее недоступностью: авторских текстов от древней литературы до нас дошло крайне мало. Тем не менее тексты с исправлениями (редактора, писца, компилятора) встречаются и в ней. Как передавать такого рода «многослойные» тексты? Для воспроизведения текстов черновиков произведений литературы нового времени было предложено очень много различных приемов. Особенно показательны в этом отношении различные способы воспроизведения черновиков А. С. Пушкина (П. О. Морозовым, М. Гофманом, Г. О. Винокуром, Б. В. Томашевским, Ю. Г. Оксманом, С. М. Бонди и др.). Здесь были применены различные типы скобок, различные шрифты. Пытались подражать черновику в расположении текста — его строк, надписываний, заметок на полях и т. п. Н. К. Пиксанов в воспроизведении Жандровской рукописи «Горя от ума» ввел даже зачеркивания тонкими чертами вместо скобок для условного обозначения вычеркнутого текста. Мне представляется, что все типографские, наборные попытки воспроизвести внешний вид черновика бесцельны. Если текстологу удалось расслоить текст и выявить в черновике несколько последовательно сменяющих друг друга текстов, если, иначе говоря, издаваемый текст или тексты изучены, история текста установлена, то следует печатать каждый текст отдельно или рас-

[70] Н. К. Гудзий. Новейшие издания и исследования выдающегося переводного памятника Древней Руси. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1959, XVII, вып. 6, с. 568.

сказать об изменениях текста в статье, в исследовании. Если же текст не изучен, смена текстов в черновике не установлена, то никакой наборный текст не поможет читателю самому разобраться в истории текста.

При издании сложного, многослойного текста с особенной ясностью встает задача научной интерпретации текста, качественного различения отдельных слоев, выделения главного и установления истории текста. При необходимости издать сложный, многослойный текст мы должны особенно твердо придерживаться основного правила современной текстологии: сперва изучить, а потом издать текст. Без изучения истории текста невозможно издать сложный, многослойный текст, — можно только опубликовать список, в котором этот текст находится, путем его факсимильного воспроизведения, но факсимильное воспроизведение рукописи не есть издание текста, и об этом следует всегда твердо помнить.[71]

С каждым слоем сложной рукописи мы должны поступать как с отдельной рукописью: если слои представляют собой различные редакции одного произведения, мы должны издать их отдельно, как издают редакции; если слои представляют собой обычные, незначительные, не имеющие идейного смысла варианты одного и того же текста, одной и той же редакции, — мы должны отмечать их в разночтениях с соответствующими замечаниями от редактора, давая каждому слою свое условное обозначение — такое же, как и условное обозначение отдельных списков произведения. Само собой разумеется, что сложным, многослойным рукописям мы должны уделять серьезное внимание в текстологических исследованиях, предпосылаемых изданию, раскрывая в них всю аргументацию произведенного расслоения и установления истории текста данной рукописи.

Если выводы установления истории текста сложной, многослойной рукописи гипотетичны, — факсимильное воспроизведение рукописи желательно или даже необходимо. Оно должно быть приложено к изданию.

В тех случаях, когда правка текста не является созданием нового текста (например, часть текста вычеркнута, но не заменена новым и не создает связного нового текста, исправлено бессмысленное выражение, исправлена описка, сделана вставка явно пропущенного и т. д.), правка эта отмечается в самом тексте (скобками, шрифтовыми выделениями и пр.) и отмечается в примечаниях.

---

[71] Об издании сложных текстов, черновиков и пр. см. важные соображения в статье С. Н. Валка «О приемах издания историко-революционных документов» (Архивное дело, 1925, вып. III—IV, с. 60—81). По существу не являются изданиями текста и «полуфаксимильные» издания рукописи, в которых те или иные фотомеханические приемы издания заменены наборными подражаниями рукописи. Наборные подражания рукописям не есть по существу издания их текстов и не есть их факсимильное воспроизведение.

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ ИЗДАНИЙ

Вопроса о справочном аппарате изданий мы отчасти уже касались в этой же главе, в разделе, посвященном типам изданий.

Справочный аппарат изданий — это археографическое введение, правила передачи текста, указатели (именные, географические, предметные и др.), словоуказатели, словарь, библиография, комментарий.

Археографическое введение обязательно при каждом издании. Оно отличается от текстологического исследования тем, что в нем приводятся чисто археографические сведения: сведения о местах хранения использованных рукописей, их шифры, датировочные данные, сведения об их языке, почерках, водяных знаках и распределение по редакциям и видам на основании данных текстологического исследования. Все эти сведения сообщаются независимо от того, что многие из них подробно рассматриваются в текстологическом исследовании. Археографическое введение носит справочный характер: оно должно быть удобно для наведения справок и, следовательно, кратко, лаконично и ясно. Элементов самого исследования в археографическом введении не дожно быть. Они должны быть отнесены в текстологическое введение.

Правила передачи текста также обязательно должны предпосылаться каждому изданию. Они также должны обладать всеми качествами справочной статьи: краткостью формы, ясностью изложения, удобством для наведения справок.

Указатели составляются того типа, который необходим для изучения данного текста, в зависимости от его характера. Так, например, издания текстов летописей сопровождаются указателями именными и географическими, издание «Хожения за три моря» Афанасия Никитина — указателем географическим (интерес представляют, однако, указатели именной и предметный), издание «Русской Правды» — указателем предметно-терминологическим.

Памятники, интересные с точки зрения своего языка и стиля («Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Киево-Печерский патерик» и пр.), сопровождаются словоуказателями, иногда снабжаемыми сведениями о встречающихся в памятниках грамматических формах.[72]

К сожалению, словоуказатели, которые сами по себе могли бы представлять интерес не только для лингвистов, но и для литера-

---

[72] Такого рода словоуказателями сопровождены, например, издания: Изборник 1076 года. Изд. подгот.: В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965; Успенский сборник XII—XIII вв. Изд. подгот.: О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. Выголексинский сборник. Изд. подгот.: В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977, и др.

туроведов, занимающихся проблемами стиля, и для историков, заменяя последним полные предметно-терминологические указатели, крайне редко прилагаются к изданиям, может быть, ввиду трудности их составления.

Следует особо подчеркнуть важность составления словарей к памятникам древнерусской литературы. Вслед за словоуказателем к тексту «Слова о полку Игореве», составленным Р. Нахтигалем,[73] появился словарь к памятнику, составленный Т. Чижевской,[74] а затем и многотомный «Словарь-справочник».[75] Недавно вышел в свет словарь к «Молению» Даниила Заточника.[76]

Наконец, в научных изданиях текстов совершенно необходимы библиографии. В библиографии включаются материалы о печатных описаниях, в которых даны сведения об издаваемых рукописях, сведения об использовании привлекаемых рукописей и самого памятника в научной литературе и иногда библиографические данные, требуемые интересами комментария.

Наиболее труден вопрос о комментариях. Комментарии разного типа крайне желательны при изданиях древних текстов ввиду их сложности, и с точки зрения языковой, и с точки зрения текстологической, историко-литературной, исторического, географического или какого-либо другого реального своего содержания.

В целях удобства пользования следует соединять различные типы комментариев в один. Комментарий поэтому может быть исторический и филологический (включающий в себя сведения языковые, исторические, историко-литературные и текстологические), исторический и географический, историко-юридический (к «Русской Правде», к судебникам и пр.), терминологический и пр. Выбор типа комментария зависит не только от характера издаваемого памятника, но и от специальности исследователей. Составление исследовательского комментария дело нелегкое, и оно не должно поручаться неспециалистам в данной области.

Хороший исследовательский комментарий должен быть лаконичен по форме изложения, не должен излагать тех сведений, которые легко найти в общедоступных энциклопедических словарях и элементарных справочниках. Крупный недостаток некоторых комментариев состоит в неправильном выборе комментируемых мест: комментируется часто то, что легко может быть установлено, и совсем не комментируется то, на что комментатор не нашел ответа. Места, не понятые комментатором,

---

[73] Prof. R. Nahtigal. Staroruski ep Slovo o polku Igorevě. Ljubljana, 1954, s. 97—132.

[74] Tatjana Čiżewska. Glossary of the Igor Tale. London, 1966.

[75] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова, вып. 1. А—Г. М.—Л., 1965; вып. 2. Д—Копье. Л., 1967; вып. 3. Корабль—Нынешний. Л., 1969; вып. 4. О—П. Л., 1973; вып. 5. Р—С. Л., 1978; вып. 6. Т—Я и Дополнения (в печати).

[76] Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981.

должны непременно включаться в комментарий с указанием, что данное место не поддается комментированию.

Комментарий помогает читателю узнать историческое имя, географическое название и пр., понять то, что неясно, и получить сведения о том, что еще в данном тексте не установлено и не объяснено наукой, что нуждается в дальнейших исследованиях.

Очень часто встречаются комментарии, повторяющие сведения, сообщенные в других комментариях, выписывающие сведения из справочных пособий и т. д. Комментарий к научному изданию должен носить исследовательский характер. Это род исследования текста. Комментарий, излагающий более или менее известные данные, допустим только в научно-популярных изданиях.

Самое важное в комментарии — это самое трудное место в литературном произведении. Поэтому дать комментарий к тому, что не было до сих пор правильно понято, что сейчас понимается иначе читателем, чем понималось автором или его читателями-современниками, — задача почетная, превращающая комментарий в исследование. Но бывают и примитивные комментарии, объясняющие взрослому читателю то, что он легко может найти в общедоступных справочниках (словарях, энциклопедиях и пр.), которые каждый интеллигентный человек должен иметь дома или, по крайней мере, может найти в библиотеке. Комментарии, повторяющие сведения из общедоступных справочных руководств, — «глупые» комментарии.

Недопустимо комментировать только то, что комментатор легко понял, и оставлять без объяснения трудные места. Конечно, комментатор может столкнуться с трудностями, может не найти объяснения тому или иному месту, но в таком случае он должен честно написать: «Место не поддается объяснению» или, лучше: «Это место не удалось объяснить». Тем самым он указывает на необходимость дальнейших поисков, и такое признание собственного бессилия оказывается небесполезным. Это признание честное, и оно свидетельствует об известном уровне «научной этики» комментатора — конечно, если он только действительно приложил усилия для расшифровки загадочного места.

Надо сказать, что над истолкованием трудного места приходится иногда биться неделями, но полученный ответ от этого только выигрывает в ценности, комментарий получает научный характер и становится «красивым комментарием». Красота комментария незаметна на первый взгляд, но она свидетельствует больше всего о высокой культуре издания. Это красота — деловитости, экономности и сжатости и «исчерпанности» всех действительно трудных мест. Уродливый комментарий — легко сделанный, с поверхностными объяснениями только «легкого» материала, с пропусками трудных мест и т. д.

Этика комментирования состоит в уважительном отношении к читателю, которое выражается в том, чтобы точно знать его запросы, ответственно на них отвечать, не «мошенничать» по мелочам, притворяясь слепым к трудно поддающимся объяснению местам текста.

Этика и эстетика комментирования почти совпадают. Почти, но не совсем. Известные комментарии В. Набокова к «Евгению Онегину» в четырех томах составлены с известным щегольством.[77] В них есть ответы на сложные вопросы текста, но есть и придуманная сложность, чтобы показать свою эрудицию (кстати сказать, в некоторых областях действительно большую), есть известная эгоцентричность, в известной мере допустимая, поскольку В. Набоков крупный писатель и мнение его действительно может представлять интерес для его читателей. В комментариях Набокова Пушкин иногда как бы уступает место Набокову, а Набоков, пропуская вперед Пушкина, делает это, однако, так, что читатель больше обращает внимание на Набокова, занимающего читателя своею светской изысканностью и воспоминаниями о разных петербургских утонченностях. Есть у Набокова и своеобразный юмор (комментирование остроумное — это редкий случай в литературоведческой практике). Так например, комментируя известные строки первой главы, строфы XVII «Онегин полетел к театру», Набоков пишет, что летел он все же недостаточно быстро, так как Пушкин обогнал Онегина и поспел в театр на три страницы быстрее.[78]

Принимаясь за комментарии надо точно знать, для кого и для чего этот комментарий делается: будет ли он, в частности, для самостоятельного чтения (как комментарий Набокова к «Онегину»), или для справок, для разъяснения серьезных затруднений серьезного читателя, или для разъяснения общеобразовательного характера (как комментарий Бродского к тому же произведению).[79]

Обычно материал комментария располагается в последовательности текста памятника. Удобнее всего для читателя повторять комментируемое место в качестве заголовка к отдельной статье комментария, указывая страницу и строку издания. Технические способы «привязывания» комментария к тексту памятника различны. Один из удобнейших тот, который принят в серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.

Если комментируемые (нуждающиеся в комментировании) места часто повторяются в тексте (например, упоминаемые в воспомина-

---

[77] *Pushkin Aleksandr.* Eugene Onegin. A Novel in Verse. Transl. from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 1—4. New York, 1964.

[78] Ibid., vol. 2, p. 78.

[79] Н. Л. Бродский. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей. Изд 5-е. М., 1964.

ниях фамилии или сокращенные имена в разной форме: Маша, Маня, Маруся и пр.), то возможно расположить комментарий в форме словаря — в алфавитном порядке. Допустим и такой порядок: фамилии и имена комментируются в алфавитном порядке а все остальное постранично.

Если комментируются повторяющиеся места текста, которые можно расположить в алфавитном порядке, — тип комментария-словаря вполне допустим. В научно-популярных изданиях желательны переводы трудных текстов или краткие словари трудных слов и выражений. Требования, предъявляемые к переводам с древнерусского и к кратким словарям, — вопрос особый и очень сложный. Он не может быть освещен в данной книге.

О ЕДИНООБРАЗИИ В УСЛОВНЫХ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ

Выше мы неоднократно касались составления правил издания памятников. Правила издания должны охватывать все стороны издания и в основном опираться на данные изучения текста, вытекать из этих данных. В правилах должны быть предусмотрены вопросы издания редакций и видов редакций памятника, выбора основного текста, передачи текста, подведения разночтений, системы вспомогательного аппарата и мн. др. Их нельзя ограничивать, как это часто делается, по преимуществу вопросами передачи текста и составления аппарата.

Правила издания необходимы прежде всего для *понимания* изданного текста, для понимания того, как относится изданный текст к текстам рукописей данного памятника. Однако правила издания необходимы не только для понимания взаимоотношения изданного текста и рукописного. Они необходимы для *облегчения непосредственного пользования* изданием. Нельзя требовать от пользующегося текстом, чтобы он каждый раз заново изучал и запоминал правила издания. Поэтому правила должны быть по возможности единообразны и просты для восприятия и запоминания. Они должны быть логичны, составлять ясную систему и не требовать длинных объяснений. Конечно, полного единообразия издания всех типов памятников и для всех назначений достичь невозможно: правила должны гибко приспособляться к характеру памятника и назначению издания. К сожалению это не всегда учитывается, и многие «правила публикации», выработанные историками, лингвистами и литературоведами, недостаточно учитывают разнообразие типов рукописных традиций, назначение издания и пр. Чрезмерно «жесткие» конструкции так же вредны в текстологии, как иногда и в технике. «Жесткость» должна сочетаться с гибкостью. Есть раздел правил издания, который безусловно нуждается

в «жесткости» и где индивидуальные отклонения только вредны. В нем мы должны добиваться полного единообразия, и по нему необходимо было бы заключение особой текстологической «конвенции» между историками, лингвистами и литературоведами.

На этот раздел правил издания в свое время указал немецкий историк Бернгейм. Он считал, и был в этом отношении почти одинок, что издателям должна быть предоставлена свобода в установлении правил издания, кроме общих правил «условно внешнего характера».[80] Я бы назвал этот раздел правил издания несколько иначе: раздел условных текстологических обозначений. Следует точно условиться о значении или значениях различного типа типографских обозначений — скобок (круглых, прямых, угловых, фигурных), шрифтов и шрифтовых выделений (курсив, полужирный шрифт, разрядка, капитель и пр.). отдельных наборных знаков и условных обозначений (три точки, две точки, три точки внутри круглых скобок, звездочка в начале слова, вертикальная черточка, две параллельных вертикальных черточки, косая черточка, две параллельных косых черточки, тире — не в пунктуационном значении и т. д.), о различии в значении буквенных и цифровых знаков сносок для разночтений и т. п. Все эти типографские условные знаки должны быть четко определены в своем значении для всех изданий. Эта система знаков — своеобразный язык текстолога, и он должен быть ясен всякому читающему издание памятника.

Систему текстологических знаков необходимо продумать всесторонне: и с точки зрения того, какое точное и узкое значение должно быть придано тому или иному существующему типографскому знаку, и с точки зрения того, какие основные явления текста нуждаются в условных обозначениях. Система, чтобы быть удобной, нуждается и в том, и в другом. Так, например, необходимо условиться, как единообразно обозначить типографскими средствами пропуск или добавления в тексте, как выделять текст, взятый из других рукописей, или конъектурные исправления, как выделять внесенные в строку выносные буквы или буквы, добавленные в результате раскрытия титл и сокращений, как единообразно, путем наипростейших обозначений строить генеалогические схемы списков и редакций памятника, и мн. др.

Выработанная система условных текстологических обозначений не будет правилом изданий памятников. Речь идет лишь о системе знаков, которые в отдельных случаях могут применяться или не применяться, в зависимости от тех или иных задач издания и типа рукописной традиции памятника. Эта система условных текстологических обозначений должна быть едина не только для той или иной серии, не только для различных типов издания,

[80] E. Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode. 5—6. Aufl. Leipzig, 1908, S. 462—463 (имеется русский перевод, вышедший в 1908 г.).

но для всех вообще изданий памятников — к какому бы времени эти памятники ни относились, для какого бы их издания ни предназначали (для широкого читателя или для специалистов — лингвистов, историков, литературоведов). Система условных текстологических обозначений должна быть не только единой для всех специальностей внутри страны, но она должна учитывать публикаторскую практику и других стран.[81]

Текстологическая практика уже сейчас непосредственно подводит издателей текстов к решению многих вопросов, встающих в связи с созданием единой системы условных текстологических обозначений. Так, например, курсив, согласно его исконному назначению служить для выделения прямой речи (курсив еще в середине XIX в. употреблялся вместо кавычек), очень часто и с удобством используется для всего того, что вносится в текст памятника от издателя (для редакционных примечаний, конъектурных поправок, буквенных обозначений списков и пр.); полужирный шрифт обычно применяется для киноварных выделений и т. д. Нет, впрочем, единообразия в употреблении отдельных типов скобок (круглые, прямые,[82] угловые, фигурные): они применяются в различных изданиях по-разному. Три точки по большей части вводятся для обозначения недоконченного слова. Для пропуска куска текста с полными словами применяются три точки внутри скобок.

Но этих выработавшихся в практике обозначений, конечно, крайне недостаточно. Необходимо, чтобы представители всех гуманитарных специальностей создали комиссию по выработке единых условных текстологических обозначений, и результаты работы этой комиссии должны быть опубликованы в виде рекомендаций всем издателям памятников.

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Несколько соображений о выборе памятника для исследования и публикации. Прежде всего, конечно, текстолог должен сообразоваться с важностью данной темы. Важность эта может быть двоякого рода: памятник может вызывать интерес широкой публики и поэтому считаться «крупным», «значительным» и пр.,

[81] Ср. условные обозначения в работах: Fr. Masai. Principes et conventions de l'édition diplomatique. — Scriptorium, 1950, vol. 4, № 1—2, p. 190—193 (§ III — «Les signes conventionnels»); Paul Maas. Textkritik. Leipzig, 1957, S. 15—16 u. a.; Zasady wydawania tekstów staropolskich. Projekt. Przykłady opracował Jerzy Woronczak. Wrocław, 1955, s. 30, 37—38, 59—60, 64—65 (symbole edytorskie). Ср. также: J. Bidez, A. B. Drachmann. Emploi des signes critiques, disposition de l'apparat dans les éditions savantes de textes grecs et latins. Conseils et recommendations. Éd. nouvelle par A. Delatte et A. Severyns. Bruxelles—Paris, 1938.

[82] Прямые скобки иногда называются также «квадратными».

но, с другой стороны, памятник может не представлять особого интереса для широкого читателя, однако он может быть важен для решения тех или иных теоретических или исторических вопросов (историко-литературных в широком смысле этого слова). Исследователь-текстолог должен учитывать обе эти стороны. Первая сторона ни в коем случае не должна подавлять второй. Очень часто предпочтение отдается только первой, особенно со стороны неспециалистов. Исследователь должен иметь мужество отстаивать необходимость занятия такой темой, которая актуальна и значительна с точки зрения перспектив научного развития.

Далее. Текстолог должен сообразовываться при выборе памятника для исследования и публикации с собственными способностями и знаниями. От этого зависит успех исследования. Между тем очень часто бывает так, что ученый, обнаружив новый интересный список какого-либо произведения, берется за случайную для него тему. Текстолог, который много работает над рукописями, часто открывает интересное за пределами своих занятий, особенно если текстолог — работник рукописного хранилища. Вместо того чтобы сообщить об этом списке тому текстологу, который прямо занимается этим памятником, он приступает к работе над ним сам, соблазненный возможностью открытий, и в результате разбрасывается, теряет свой круг тем и в известной мере дезорганизует текстологическую работу.

*

Наука давно перестала быть индивидуальным делом ученого, его кабинетным занятием, а ученый — своеобразным отшельником. Наука коллективна. Это в значительной мере касается и текстологических исследований.

Текстолог тесными узами связан со своими товарищами по работе, с работниками рукописных хранилищ. Он получает от них сведения о рукописях, консультируется с ними по определению почерков и филиграней; совместно с работниками издательств он уточняет правила издания, правила передачи текста; он работает вместе со своим научным редактором. Иногда исследования и издания текста предпринимаются коллективно. Наконец, текстологу постоянно приходится иметь дело со своими предшественниками в той же области; теми, кто нашел его рукописи, публиковал и изучал их раньше, кто установил те или иные факты, оказывающие помощь ему в его работе.

Ученый — это общественник и в какой-то мере организатор, человек практический, привыкший к общению с людьми.

Организуя исследовательскую работу по той или иной теме, научный работник обязан быть очень точен и корректен в своих взаимоотношениях с товарищами.

Прежде всего о «сборных» текстологических исследованиях и изданиях, в которых работа механически разделена между многими участниками. К сборным формам выполнения текстологической работы надо прибегать возможно реже и только в случае крайней необходимости: например, если памятник велик, если сроки издания или исследования очень сжаты и одному исследователю их не выдержать и т. п. Дело в том, что во всякой текстологической работе есть свой «почерк» исследователя. Этот «почерк» должен быть выдержан по возможности единообразно. Единообразие необходимо потому, что в научной работе оценка результатов в значительной мере зависит от оценки методики, которой пользуется исследователь, от оценки приемов его работы, даже от манеры, в которой он излагает свои выводы. Мы по-разному будем доверять выводам, добытым в исследованиях А. А. Шахматова или В. М. Истрина, И. Тихомирова или И. Сенигова. Дело, конечно, не только в том, что перед нами ученые разных масштабов, а дело в том, что у каждого ученого есть свои слабые и сильные стороны, которые необходимо знать тем, кто пользуется результатами их трудов. Есть исследователи категоричные в своих выводах и осторожные, тщательные и неряшливые, одаренные научным воображением и стремящиеся оставаться всегда на почве факта, сильные в знании иностранных языков и пользующиеся данными об иностранных источниках на основе исследований их предшественников, знающие одну область лучше — другую хуже, сильные в критике и слабые в собственных построениях или наоборот и т. д. Для читателя, пользующегося научным трудом, крайне важно знать, к т о этот труд написал, и иметь точные сведения об ученом: о его научных интересах, его эрудиции в той или иной области, о приемах научной работы и пр., и пр. Ясно, что если работа механически разделена между многими участниками, все эти стороны труднее воспринимаются, а отдельные выводы каждого исследователя могут соединяться в такого рода сборной работе только в самом общем виде.

Особенно сложно обстоит дело при издании текстов. При подготовке текста к печати невозможно решительно все предусмотреть «правилами издания». Каждому исследователю свойственно делать свои ошибки, обусловленные степенью его осведомленности в отдельных фактах, связанных с содержанием издаваемого памятника, или обусловленные степенью его знания языка памятника. Невозможно строго оговорить все правила расстановки знаков препинания.

Одним словом, достигнуть полного единообразия в многолюдной подготовке памятника к печати еще труднее, чем достигнуть единообразия в исследовательской текстологической работе, распределенной между многими участниками.

От выводов исследования, как мы уже сказали, зависят в значительной мере и приемы издания. Весьма важно поэтому, чтобы

исследователь истории текста сам же и издавал изученный им текст.

К сожалению, в очень многих случаях научные учреждения мельчат научную работу и без особой нужды прибегают к сборным формам работы над текстом. Объясняется это желанием поскорее закончить работу, а с другой стороны — стремлением освободить от «черновой работы» маститых ученых.

Важен вопрос и о том, чье имя должно стоять на титуле издания текста. Имя текстолога, подготовившего древний текст к изданию, по существу равняется имени исследователя, и оно несомненно должно быть известно тому, кто этим изданием пользуется. В настоящее время очень часто работники, непосредственно подготовляющие текст к изданию, не упоминаются на титуле издания; упоминаются лишь редактор или составитель.

Если уж никак нельзя поместить на титуле всех работников, подготовлявших текст к изданию, то работа их должна быть четко обозначена в оглавлении.

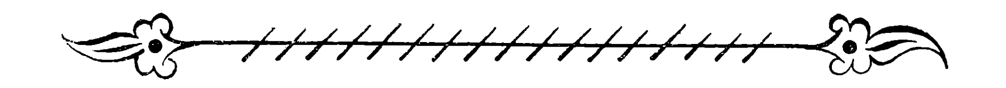
Вопрос о том, где обозначить имя авторов, исследователей, непосредственных создателей труда или подготовителей текста к печати, — вопрос очень важный, так как в библиографические сведения входят только данные титульного листа, а это значит, что все издание становится известным в научной литературе только под тем именем, которое обозначено на титуле.

*

Чем чаще обращается текстолог за консультациями к специалистам (палеографам, археографам, искусствоведам, историкам, специалистам в том или ином вопросе), тем это, конечно, лучше, тем весомее и достовернее результаты работы, тем к более широкому кругу проблем приобщается исследование, а это, в свою очередь, позволяет делать более широкие выводы. В иных случаях текстолог может выступать даже не столько исследователем, сколько организатором исследования, заинтересовывая своей темой возможно более широкие круги ученых и получая от них сведения и предложения.

Встает вопрос: в какой мере необходимо отмечать в издании всех этих консультантов? Вне всякого сомнения, источники всех сведений, полученных в порядке товарищеской помощи, должны быть тщательно отмечены. Это необходимо не только из этических соображений, но и из чисто научных. Крайне важно, например, знать — кто дает определение времени почерка, орнамента, миниатюры, кто сообщил исследователю исторические данные, кто указал шифры рукописи. Устные источники сведений указывать важнее, чем письменные. Последние так или иначе могут быть установлены, даже если они не указаны в издании, первые же — почти невозможно установить.

Сообщая о том, кто были консультантами автора в тех или иных вопросах, автор тем самым не только отдает должное работе этих консультантов (а доля их участия может быть очень велика — особенно со стороны работников рукописных хранилищ), но осведомляет читателя о круге специалистов, позволяет читателю судить до известной степени и о достоверности сообщаемых сведений. В тех случаях, когда исследование не пришло к окончательному результату (а таких случаев немало), всегда необходимо сообщать читателю, как получен тот или иной предварительный вывод, путем каких умозаключений, данных, консультаций автор пришел к своему выводу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение своей книги мне хотелось бы вновь напомнить ее читателям о тех принципиальных положениях, которые лежат в ее основе.

Каковы те принципиальные положения, которые можно считать наиболее прогрессивными в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы? Этих принципиальных положений десять.

1. Текстология — наука, изучающая историю текста произведения Одно из ее практических применений — научное издание текста

Основное положение состоит в том, что текстология — не вспомогательная дисциплина, разрабатывающая технику издания текста, а самостоятельная наука, изучающая историю текста произведений.

Выводы текстологии могут быть использованы в самых различных областях: историей литературы, для художественной и идейной интерпретации произведения, в историческом источниковедении и в исторической науке в целом и пр., в эдиционной технике, которую следует рассматривать как особую область, практически применяющую выводы текстологии, но отнюдь не как самую текстологию.

Отношение «критики текста» к текстологии приблизительно такое же, как «химического анализа» к химии. Мы движемся от критики текста — к текстологии. Термин «текстология», введенный Б. В. Томашевским, представляется мне в высшей степени удачным. Он помогает осмыслить задачи изучения текста как особой науки.

Необходимо строго разделять вопросы, «как изучать текст» и «как издавать текст». Это разделение, с одной стороны, дает свободу и простор для научного исследования текста и одновре-

менно, с другой, освобождает практические задачи издания текста от необходимости неполно, эмпирически, частями решать отдельные вопросы истории текста для целей его издания. В этом разделении изучения текста и его издания техника остается техникой, а вопросы изучения текста — наукой.

2. Сперва изучить текст — потом его издать

Итак, текстология есть наука, изучающая историю текста; с этим положением органически связаны и другие.

Если текстология изучает историю текста и на выводах ее строится эдиционная техника, то это, иными словами, означает, что мы должны сперва изучить историю текста, а затем уже его издавать, но не издавать текст для последующего его текстологического изучения. Между тем даже после основополагающих текстологических работ акад. А. А. Шахматова очень часто бывает обратное: текст издается неизученным. Опыт показывает, что изучать историю текста по изданию, выполненному без предварительного исследования текста, невозможно.

Известны некоторые издания памятников, выполненные внешне очень аккуратно, с большим числом разночтений, но без тщательного изучения истории текста; в результате этими изданиями нельзя пользоваться для изучения текста, так как в качестве основных выбраны не те списки и разночтения смешаны из-за неправильной классификации списков. В этих случаях для установления истории текста произведения все равно приходится обращаться к рукописям. Только тогда, когда история текста изучена, и изучена по всем доступным спискам, можно определить, какие существуют редакции, какие редакции издавать, какие списки привлекать для издания и какими пользоваться приемами издания.

Предварительным изучением истории текста по всем спискам достигается и известная экономия в изданиях. Мы не можем расточительно публиковать все новые и новые списки по мере их открытия, без строгой классификации их, выполненной на основе изучения их истории.

3. Издание текста должно давать представление об его истории

Если издание текста строится на основании изучения истории текста, то издание должно в свою очередь давать представление об истории текста произведения, конечно, о тех ее этапах, которые имеют историко-литературную, источниковедческую или какую-нибудь иную ценность.

В этом отношении не все обстоит одинаково в различных областях литературы. Так, например, в древней русской литературе ценность имеют почти все этапы истории текста, за исключением, может быть, этапов, выходящих за пределы самой древней литературы, — XVIII и XIX веков. В древней русской литературе авторский текст не всегда лучший; иногда позднейшие этапы дают наиболее значительные в историко-литературном отношении тексты (например, в некоторых случаях истории русского летописания). Характер истории текста произведений древнерусской литературы имеет много общего с фольклором, где текст не только просто меняется, но часто и совершенствуется на позднейших этапах своего существования.

Иначе обстоит дело с произведениями античной литературы. Эти произведения существуют в переписке тысячелетиями. Исследователь обязан, конечно, изучать всю историю текста для восстановления так называемого авторского текста, для суждения о степени его измененности, но самостоятельная ценность последующих этапов развития текста сравнительно небольшая. Исследователей, да и читателей будет интересовать прежде всего текст самого античного писателя, а не его переделки. Работа переписчика, редактора произведения не сравнима с работой автора. Ни один переписчик не восстановит дефекты рукописей Эсхила, не допишет за автора конец утраченной драмы. Думаю, что он и не напишет сам что-либо более интересное, чем Эсхил.

В новой литературе интерес для изучения при наличии авторских рукописей и прижизненных автору изданий представят по преимуществу эти последние, а не последующие этапы развития текста, если это развитие и существовало. Посмертные тексты представят интерес только тогда, когда они смогут дать материал для выяснения прижизненной истории текста. Впрочем, иногда и в новой русской литературе встречаются случаи, когда история текста произведения приближается по своему типу к древнерусской (агитационная политическая литература XIX в., «Горе от ума», «Путешествие из Петербурга в Москву» и др.).

Если исследование истории текста дает единственную научную возможность восстановления интересующих нас текстов для их издания, то как мы будем относиться к старым способам восстановления авторского текста или к старым способам восстановления архетипов, которые предпринимались сторонниками так называемой критики текста с ее разделением приемов на рецензию и эмендацию? Не считались ли и они также в какой-то мере с историей текста произведения?

По моему глубокому убеждению, державшиеся столетиями приемы критики текста — рецензия и эмендация текста — должны решительно отпасть. Да практически в текстологических работах специалистов по древней русской литературе они и отпали.

В самом деле, традиционные приемы критики текста, восстанавливающие авторский текст, рецензия и эмендация, по существу отрицают историю текста как единого целого, подменяя историю текста как целого примитивно понятой историей его отдельных мест. Переписчики якобы всегда портят текст, и надо эту порчу устранить путем по преимуществу конъектурального исправления каждого места в отдельности или исправления на основе чтений других списков.

Конкретная жизнь памятника не может быть вскрыта механическими приемами и подсчетами, как это предлагалось текстологической школой К. Лахмана, оказавшей огромное влияние на русскую медиевистику прошлого. Чтобы полностью восстановить историю текста, надо войти в историческую обстановку, детально знать исторические события, детально знать факты классовой и внутриклассой борьбы. Текстолог должен вникнуть в психологию переписчика, ясно понимать причины ошибок писца и тех изменений, которые они вносят в текст; но в еще большей мере он должен знать его идейный строй, его идеологию, а также идеологию «заказчика» переписываемого произведения и т. д. Редакция текста, его виды и изводы представляют определенные этапы в жизни памятника. И исследователь-текстолог должен по возможности установить — какие это этапы, чем они вызваны, кем созданы.

На всем пути истории текста памятника стоят люди с их воззрениями, интересами, вкусами, навыками письма и чтения, особенностями памяти и общего развития. Из этих людей наиболее важен для нас автор произведения или его авторы, поскольку коллективное начало играет в древнерусской литературе очень большую роль, но значение имеют и редакторы, заказчики, переписчики, читатели, которые также оказывают влияние на судьбу текста. За всеми этими людьми в свою очередь стоят люди и люди: все общество в целом оказывает заметное и незаметное влияние на судьбу памятника.

История текста памятника, воспринимаемая как история идей и вкусов конкретных людей, выступает перед нами в тесной связи с историей всего общества.

Полное изучение истории текста произведения делает неправомерным выделение отдельных вопросов истории текста, как требующих к себе особого внимания и изучаемых якобы особыми методическими приемами. Я имею в виду вопросы атрибуции и атетезы, установления времени и места создания произведения. Вопросы атрибуции и атетезы, определения времени и места создания произведения, его подлинности — все это лишь частные вопросы истории текста. Чтобы точно датировать произведение, необходимо полно и всесторонне изучить историю текста, датировать все его этапы, все списки. Тогда картина времени создания текста бу ет ясной и убедительной. Но то же самое нужно для

определения авторства, подлинности и пр. Это вопросы, которые в той или иной мере требуют одинаковых данных и одинаковых исследований, и их не надо заново повторять каждый раз.

Авторство, дата произведения, место его создания, подлинность произведения — лишь частные вопросы истории текста. Чем полнее мы изучим историю текста произведения в целом, тем точнее мы сможем ответить на отдельные вопросы этой истории. Есть общие методологические приемы изучения истории текста, но нет особых, отдельных приемов установления авторства, датировки, подлинности произведения и пр.

4. Нет текстологического факта вне его объяснения

На основании вышеизложенного ясно, что текстолог не имеет права удовлетворяться механической классификацией текстов. Необъясненный текстологический факт — еще не факт, так как внешне одинаковые изменения текста могут иметь совершенно различное происхождение, коренным образом изменяющее наше отношение к ним. Допустим, в списке отсутствует кусок текста. Это может быть результатом утраты листа, результатом невнимательности переписчика или его сознательным стремлением уничтожить какую-то часть текста, с которой он не согласен. Каждый раз перед нами особый случай; факты здесь различны при всей их внешней схожести.

Неустойчивые тексты древнерусских памятников не могут быть научно изданы без соответствующей научной интерпретации текста и его истории. Тексты выступают подчас в совершенно новом виде, когда они препарированы с помощью новой текстологической методики, успешно развивающейся за последние годы в изучении памятников древнерусской литературы. Текстолог обязан не только приводить факты, но и объяснять их. Ни один текстологический факт не может быть использован, пока не дано ему объяснения. Текстолог должен интересоваться не только тем, *что* произошло с текстом, но и тем, *при каких обстоятельствах* это произошло и *почему*. Регистрация изменений текста и объяснение этих изменений — не две различные исследовательские задачи, а единая задача, вызывающая необходимость при текстологической работе широкого литературоведческого исследования памятника в целом.

В самом деле, даже простое прочтение текста древнего памятника требует от текстолога интерпретации этого текста, сказывающейся на каждом шагу текстологической работы — в разбивке текста на слова, в расстановке знаков препинания, в выборе тех или иных чтений из различных списков и т. д. Все это уже требует своих объяснений, доказательств объяснений, исследования спи-

сков, языка памятника, его стиля, исторической обстановки и т. д. Текстология уже в этих элементарных случаях представляет собой историческую дисциплину — дисциплину, изучающую изменение текста, его динамику, а не статику.

5. Отдавать предпочтение показаниям сознательных (идеологических, художественных, психологических и пр.) изменений текста перед показаниями механических (бессознательные ошибки писца) изменений текста

Когда-то считалось, что механические изменения текста встречаются чаще, чем намеренные, и поэтому прежде всего следует считаться с ними. Это неправильно: простая порча текста не составляет еще его истории. История текста — это в первую очередь история его сознательных изменений, это история тех людей, которые за этим текстом стоят.

Увидеть за списками памятника, за его редакциями, вариантами и разночтениями конкретных людей во всем их разнообразии и разноликости — в этом и состоит искусство текстолога, которое сказывается во всех звеньях его работы.

Отсюда ясно, что текстолог должен особенно ценить те изменения текста, в которых сказывается сознательная работа его творцов. В каждом изменении текста текстолог пытается увидеть идейное или эстетическое волеизъявление его творца, и только если это не удается, он признает это изменение результатом случая, механической порчи, ошибки переписчика.

Во всех изменениях текста текстолог ищет прежде всего сознательную волю автора, редактора, переписчика.

6. Изучать текст как целое (принцип комплексности в изучении текста)

Очень важно признать, что текст изменяется как единое целое. В каждом тексте отражается индивидуальность переписчика, типичные вкусы, воззрения, его личное отношение к тексту, типичные для него ошибки. Поэтому изменения текста в переписке, а тем более при редактировании текста писцом, нельзя рассматривать порознь, видеть в них не связанные между собою безличные простые изменения. Необходимо все изменения текста на определенном этапе его развития рассматривать как целое и прежде всего искать в этих изменениях индивидуальность переписчика (обусловленную особенностями своей эпохи, своего класса, сословия, биографическими обстоятельствами и т. д.).

Индивидуальность переписчика может отразиться как в сознательных изменениях текста, так и в «бессознательных» (вызванных теми или иными ошибками памяти, зрения, слуха и пр.). Изменения текста нужно изучать послойно, т. е. разделяя изменения текста по различным эпохам, различным творцам текста, различным этапам работы этих творцов текста. Объяснения отдельных изменений текста в каждом слое должны согласовываться друг с другом, дополнять друг друга. Все изменения текста одного слоя должны характеризовать творца текста (автора, редактора, переписчика) как личность, быть объединены его личностью или, если с одним творцом текста связано несколько слоев, — этап его творчества.

Вот почему, исправляя текст, нельзя соединять разные этапы развития текста, каждый из которых представлял собой известное единство. Нельзя соединять различные редакции, изводы, виды текста. Думаю, что это положение в известной мере может быть применено и к исправлениям текстов писателей нового времени на основании черновиков, отдельных списков или изданий, если только это не делается со строгим учетом истории текста как единого целого, сохраняющего эту целостность на всех этапах своего существования.

7. Изучать текстологическое сопровождение (конвой) памятника в сборниках (кодексах)

Если произведение переписывалось писцами в составе сборников, имеет в этих сборниках устойчивое, более или менее постоянное окружение другими памятниками, то это текстологическое окружение в списках («конвой») следует внимательно изучать.

Большинство древнерусских литературных произведений дошло до нас в составе сборников (кодексов). Связь между дошедшими до нас литературными произведениями в сборниках или вне их может быть очень различна — от самой тесной по содержанию до минимальной, от исторически сложившейся до случайно создавшейся в единственном списке в результате механической работы последнего писца или даже просто переплетчика, переплетшего вместе различные по содержанию и разновременные рукописи.

Изучение исторически сложившихся сборников с устойчивым или только относительно устойчивым составом открывает новый, дополнительный источник для восстановления истории текста входящих в них литературных произведений, для суждения о литературных вкусах читателей и переписчиков, для выяснения того, как понимался древнерусскими читателями и переписчиками жанр произведения, его идейный смысл, для изучения общих сознательных изменений текстов и общих механических ошибок и пр.

Конечно, не все важно в составе рукописей. Только в той части памятника, которая переписана одним писцом или «дружиной» («артелью») писцов, работавших по единому указанию, мы можем определить то важное текстологическое явление, которое я и предлагаю называть «конвоем». Под этим термином следует понимать такое сопровождение текста изучаемого произведения в сборниках, которое может рассматриваться как традиционное, повторяющееся в различных рукописях, хотя бы внутренней связи у изучаемого произведения с памятниками, его сопровождающими, и не было.

Конвой может занимать в рукописях различное положение относительно изучаемого памятника. Он может следовать за памятником, предшествовать ему, «обнимать» его с обеих сторон, состоять из одного произведения или многих. Все это представляет интерес для исследователя, устанавливающего происхождение памятника, но самое важное, на что следует обращать основное внимание при изучении конвоя, это стабильность его положения относительно основного исследуемого памятника. Так, в конвой цикла рязанских повестей о Николе Заразском входит «Повесть об убиении Батыя» Пахомия Логофета. Эта повесть сопровождает рязанский цикл не во всех его редакциях, а только в древнейших и, кстати, служит одним из признаков, по которым эти редакции могут быть опознаны, но место, занимаемое этой повестью относительно цикла, различно: повесть следует за циклом, вторгается внутрь цикла в разных частях. Это объясняется тем, что «Повесть об убиении Батыя» рассматривалась переписчиками и древними редакторами текста как произведение того же круга и о тех же событиях.

Любопытные данные по истории текста и вопроса о понимании древними переписчиками самого жанра произведения дает изучение конвоя «Сказания о киевских богатырях». Важное значение имеет установление конвоя произведений Грозного и Курбского, обычно объединяемых в единый цикл. Изучение конвоя произведений Ивана Пересветова помогло установить принадлежность Пересветову еще одного произведения: особой редакции «Повести о взятии Царьграда турками». «Повесть о двух посольствах», затрагивающая тему русско-турецких отношений XVI в., не случайно сопровождается конвоем других произведений, также касающихся русско-турецких отношений. Уже давно обращено внимание на состав Мусин-Пушкинского сборника, в котором найдено «Слово о полку Игореве». Может ли этот состав быть признан стабильным? Ведь сборники того же состава встречаются без «Слова о полку Игореве». Изучение этих сборников помогло бы нам установить ту рукописную традицию, в которой дошло до нас «Слово».

Невнимательное отношение к конвою приводило к тому, что исследователями не были установлены целые циклы произведений;

больше того, в некоторых случаях литературные произведения неправильно и непоследовательно выделялись в сборниках. Поучительно, например, отношение исследователей к «Сказанию о князьях владимирских». Из-за пренебрежения к конвою из «Сказания» была изъята его органическая часть: «Родословие литовских князей». Сходное же «Родословие литовских князей» в близком к «Сказанию» «Послании» Спиридона-Саввы оставлялось. Только исследованием конвоя удалось правильно отграничить «Сказание» от сопровождающих его произведений и установить историю его текста.

Конечно, понятие «конвоя» относительно. Если текстолог меняет тему исследования, то тот памятник, который он раньше изучал как основной, может оказаться в конвое нового исследуемого произведения.

Исследование конвоя должно использоваться только как вспомогательный способ установления редакций и видов произведения. Данные конвоя имеют либо «наводящее» значение, помогая установить деление текста на редакции и виды, либо — проверочное значение, подтверждая правильность деления текста, установленного другими приемами, либо — объясняющее значение, помогая в некоторых случаях выявить причины возникновения той или иной редакции, того или иного вида. Ни в коем случае нельзя ограничиваться исследованием и установлением конвоя, считая, что тем самым доказано наличие редакций и видов. Между тем соблазн ограничиться исследованием конвоя всегда велик, ибо он чрезвычайно облегчает задачу установления редакций и видов, ничего, впрочем, не доказывая.

8. Изучать отражение истории текста произведения в других памятниках

Принцип комплексности ведет нас и дальше. Следует изучать не только списки данного произведения и списки других произведений, переписывавшихся одним и тем же писцом, а также целых книгописных мастерских, скрипториев, но необходимо исследовать отражение данного произведения в других произведениях. Здесь текстология соприкасается самым тесным образом со сравнительным изучением литератур. Задача эта также очень важна для изучения древней русской литературы, где тексты отдельных произведений постоянно перекрещиваются. Приведу пример. «Повесть о разорении Рязани Батыем», по-видимому, относится к XIV в., а древнейший ее список — к XVI в. Восстановлению истории текста этого произведения за целые два века помогает изучение отражения этого произведения в других произведениях — в летописях, в «Слове о Дмитрии Ивановиче», в «Сказании о Мамаевом побоище», в «Сказании о взятии Царьграда» и т. п. Изучение

отражения «Повести о разорении Рязани Батыем» во всех этих произведениях позволяет определить древнейшие чтения и древнейшие слои текста, а с другой стороны, с несомненностью доказывают, что текст плача князя Ингоря Ингоревича по убитым рязанцам есть позднейшая вставка: это переделка плача вдовы Дмитрия Донского Евдокии из «Слова о житии и преставлении царя русского Дмитрия Ивановича». Вставка эта позволяет решить и сложный вопрос о том, какая из двух основных редакцией «Повести о разорении Рязани Батыем» древнее.

9. Изучать работу переписчиков и деятельность отдельных скрипториев

Принцип комплексности выводит текстолога за рамки изучения одного только данного произведения. Он означает, что изучение истории текста произведения должно вестись не только в пределах текста этого произведения и не только в пределах всего сборника (кодекса) как единого целого. Переписчик очень часто переписывал ряд произведений. Естественно, что он делал общие изменения во всех переписываемых им произведениях. У переписчика могло быть одинаковое ко всем текстам переписываемых им сочинений отношение. Следовательно, чтобы понять изменения текста интересующего нас памятника, необходимо изучать и изменения, вносимые тем же переписчиком в другие произведения. Кроме того, на происхождение исследуемого текста может указать происхождение соседнего переписанного тем же переписчиком текста. Отсюда возникает необходимость изучения скрипториев, индивидуальности писца и пр.

10. Реконструкции текста не могут подменять собой реально дошедших текстов

Между критическим изданием текста и его реконструкцией есть принципиальное и очень резкое различие.

Реконструкция может быть только реконструкцией конкретного памятника или конкретного же вида памятника, не дошедшего до нас. Реконструируется несохранившийся авторский текст, несохранившийся архетип наличных списков или только архетип какой-то части этих списков (редакции, вида, извода и т. д.).

В критическом же издании предлагается реально дошедший текст. В этом тексте могут быть отдельные исправления, но их отнюдь нельзя отождествлять с реконструкцией, ибо сама реконструкция — ни в коем случае не есть простое исправление текста,

В критическом издании мы исправляем механические описки, часто не зная, кому они принадлежат: может быть, это ошибки последнего переписчика, может быть — его предшественников, может быть, составителя одной из редакций памятника, а может быть, и самого автора. По существу текст остается текстом списка, но только удобочитаемым, удобопонимаемым и удобоцитируемым.

Перед реконструкцией же стоят совсем иные цели. Реконструктор не «исправляет» текст (исходный для реконструкции текст может быть вполне исправным или неисправным — это неважно), а на основании точного изучения истории сохранившихся текстов стремится восстановить состав памятника какого-то определенного этапа его истории, восстановить его текст по содержанию, его языковые формы и т. д.

Реконструктору приходится делать не отдельные, разрозненные исправления (так поступали только в первой половине XIX в. и ранее), а целостное восстановление, сплошь и рядом заменяя по различным соображениям понятный и ясный текст более сложным, менее доступным, внося изменения в конструкцию памятника, в его состав, содержание, идейную сторону, изменяя иногда языковые формы и т. д. Реконструируя памятник, приходится большей частью не «снимать» «напластования», «наслоения» и исправлять описки, а восстанавливать древний текст какого-то одного и притом вполне определенного этапа в жизни памятника.

Текст критического издания памятника — это реальность. Текст реконструкции, как бы она тщательно ни была выполнена и какую бы уверенность в своей правильности она ни внушала ее составителю, — всегда гипотеза, точность которой может быть доказана только одним путем: находкой нового подлинного списка с этим самым реконструированным текстом. Но в этом, последнем случае необходимость реконструкции исчезает, и она должна быть заменена изданием найденного списка.

Само собой разумеется, что никакие «частичные» (неполные) реконструкции, «приближенные» к авторскому тексту, «сводные тексты» не могут быть приняты.

Реконструкция должна быть реконструкцией, т. е. гипотетическим восстановлением строго определенных и конкретных этапов в развитии текста. При всей гипотетичности таких реконструкций они по крайней мере пытаются представить если не реально дошедший до нас текст, то тот текст, который мог реально существовать. Если же пытаться создавать текст сводный — на основании различных чтений разновременных текстов и при этом лишь «приближающий» нас к авторскому тексту в отдельных своих частях, а в других остающийся поздним, то это значит создавать компилятивный текст, который a priori никогда не существовал и не мог существовать, текст, смешивающий различные этапы в жизни памятника. Это значит, иными словами, придерживаться

антиисторических принципов издания текста. Сумма подлинных частей еще не составляет подлинного целого. Поэтому всякого рода компиляции из подлинных элементов, внесение более ранних элементов в более поздние тексты, соединение различных чтений из различных списков, разрушение цельности текста путем частичных восстановлений и улучшений текста отнюдь не является реконструкцией. Издание реконструкции типа «сводных текстов» — текстов, представляющих собою выборку «древнейших» чтений из разных списков, — давно пройденный этап в развитии русской науки.

Наконец, против «частичных» реконструкций, сводных текстов, текстов, «приближенных» к оригиналу, следует выставить и еще одно возражение. Всякая реконструкция текста есть реконструкция и его языковой формы. Компилятивно соединять текст из разновременных и различных по месту происхождения и по переписчикам кусков невозможно, с языковой точки зрения. Это неграмотно лингвистически. Нельзя соединять разные этапы развития текста, нельзя смешивать в одном тексте языковые формы разных эпох, стилистически и идейно разнородные тексты и пр.

Из изложенного ясно, что текстологическое изучение рукописного наследия Древней Руси имеет большое и самостоятельное значение.

Главная задача этого изучения: установление истории текста. Главный методический принцип — соблюдать во всем историчность и на всех этапах изучения текста учитывать его взаимосвязи с другими текстами, соблюдать принцип комплексности изучения.

Если опыт текстологии древнерусских произведений позволительно применить и к текстологии памятников других литератур, тогда можно будет сказать, что текстологическая работа имеет принципиально важное значение в развитии литературоведения. Это фундамент, на котором строится все последующее литературоведческое исследование. Выводы, подтвержденные изучением движения текста памятника, приобретают объективность, ибо только изучение динамики текста (будь то динамика авторской работы над текстом или динамика жизни памятника в руках его многочисленных переписчиков) показывает направление творчества, вскрывает намерения автора, переписчиков и переделывателей. Интерпретация произведения, доступного только в одном тексте (одном списке или в нескольких списках, но с одинаковым текстом), всегда может оказаться субъективной. Только между двумя точками можно провести линию, которая будет точно указывать направление движения; так же точно только два (или больше) текста твердо указывают цели и намерения автора и его «соавторов»-переписчиков.

Обычно читатель пассивно и в известной мере субъективно воспринимает окончательный, неподвижный вид произведения; ис-

следователь же обязан по мере возможности восстановить процесс творчества, «историю текста», так как именно эта история текста дает ему наиболее объективное основание для того, чтобы судить об идеях автора, его намерениях как творца художественной формы и т. д. В свете этого реального движения текста исследователь обязан воспринять и «последнюю волю» автора. «Последняя воля» выражается не столько в последнем тексте, сколько в движении текста к этому последнему этапу.

Древнерусское литературное творчество, где в подавляющем большинстве случаев перед нами выступает коллективный автор, не в меньшей мере, а, очевидно, в гораздо большей нуждается в изучении динамики текста, с тем только различием, что эта динамика гораздо сложнее, чем в творчестве личном. Почти каждая древнерусская рукопись являет собой в той или иной степени одновременно и законченный и переходный этап развития памятника. Каждый список древнерусского произведения предназначался для читателя (в этом отношении он был законченным этапом движения текста; черновиков до нас почти не дошло), но вместе с тем он мог служить основой для новой его переделки и переписки (в этом смысле он представлял собой переходный этап движения текста, своего рода «черновик»).

Итак, только изучив движение текста, можно с большей или меньшей уверенностью говорить о намерениях автора, составителя свода, компилятора, редактора текста, его переписчика.

Текстологическое раскрытие памятника — это то «поле радостной битвы», которое только и может принести исследователю прочные и навсегда одержанные победы, которое дает ему и столь важное и в литературоведении ощущение памятника «на ощупь».

Из всего сказанного вытекает, что текстология — это фундамент исследования литературы, древнерусской по крайней мере. Текстологию нельзя рассматривать как «систему филологических приемов» для установления текстов.

Правильное издание текстов — это одно из практических следствий, вытекающих из наших точных представлений о том, как текст слагался и изменялся, но этим значение текстологии не только не исчерпывается, но и не определяется.

Значение текстологии как основы литературоведения особенно отчетливо в изучении древней русской литературы, где движение текста произведений длительно, многообразно, сложно, не имеет границ и не связано современными нам представлениями об авторской собственности. Учитывая взаимосвязанность всего рукописного наследия, текстолог значительно облегчает себе работу по установлению истории текста.

*

Итак, от критики текста — к текстологии. Текстология — не прикладная дисциплина, ставящая себе целью правильное издание текста, а самостоятельная наука, изучающая историю текста произведений. Выводы ее могут быть использованы в самых различных областях: для истории литературы, для художественной и идейной интерпретации произведения, в историческом источниковедении и в исторической науке в целом и пр. Они необходимы и в эдиционной технике, но эдиционная техника — особая область, лишь практически применяющая выводы текстологии, но отнюдь не сама текстология.

Процесс превращения текстологии в самостоятельную науку с самостоятельными задачами отчетливо определился в тех областях, где изучение истории текста оказалось особенно сложным: прежде всего в изучении текста летописей. Во многом данная книга исходит из идей А. А. Шахматова и его школы в изучении летописания.

Развитие наук имеет свои закономерности. Развитие текстологии как самостоятельной науки, отделившейся от прикладных задач, идет по пути многих естественных наук, также отделившихся от технических дисциплин. В области гуманитарных наук текстология во многих отношениях разделяет судьбу исторического источниковедения, палеографии, нумизматики, археологии. Напомню, например, что палеография от задач прочтения и определения времени рукописей все больше превращается в науку об истории письма, и приоритет в этом отношении принадлежит советской науке — О. А. Добиаш-Рождественской и ее школе.

Отвлекаясь несколько в сторону, скажу, что закономерности развития наук все настойчивее и настойчивее требуют своего внимательного изучения. Мы переживаем сейчас не только в области естественных наук, но и в области гуманитарных решительные перестройки. Этими перестройками необходимо управлять, а для этого необходимо их изучать. Десятками возникают новые науки, а старые меняют свой профиль. Науки, с одной стороны, эмансипируются, приобретают самостоятельность, отвоевывают самостоятельные области изучения и воодушевляются самостоятельными задачами. С другой же стороны, науки все теснее и теснее объединяются. Новые науки образуются на стыках между старыми.

Путь развития текстологии как самостоятельной науки только начался.

Новые принципы в текстологии древнерусских памятников свидетельствуют о том, что текстология, став самостоятельной наукой с самостоятельными, отнюдь не «вспомогательными» задачами, идет к сближению с литературоведением в целом.

Текстология, приобретя самостоятельные задачи, отделившись от одного берега, движется к другому: от технологии к превращению в науку и, далее, к сближению с литературоведением в целом.

Обращу внимание еще на одну сторону этого процесса сближения с литературоведением в целом, особенно важную.

Советские специалисты по древней русской литературе в 20-х и 30-х годах занимались по преимуществу марксистским осмыслением памятников, изданных старой филологической и исторической наукой. Современный исследователь этим не довольствуется. Он обращается непосредственно к рукописям, стремится на основе современной марксистской методологии перестроить и самое обращение к рукописям. Тем самым устанавливается теоретическое единство всех этапов исследования памятников — теоретическое единство, которого было лишено изучение древней русской литературы на первых этапах ее перестройки на марксистских основаниях.

Если текстологическое исследование памятника предполагает глубокое исследование содержания памятника в тесной связи с историей всего общества, то это означает, что текстология сближается не только с литературоведением, но и со всеми науками, изучающими общество.

Вот почему текстология в своих исследованиях не замыкается данными текста. Текстология привлекает самые разнообразные показания для установления реальной картины жизни текста и использует данные различных наук. Покажем это на примере «Повести о перенесении образа Николы Заразского из Корсуня».

Для определения времени возникновения этой повести некоторое значение имеют данные археологии. Если прав археолог А. Л. Монгайт, что «все известные нам археологические материалы из города Зарайска [1] не позволяют говорить о его древности», [2] то тогда встает вопрос — могла ли сама повесть, тесно связанная своим сюжетом с этим городом, относиться к столь раннему времени, какое указывается в родословии служителей иконы Николы Заразского, обычно сопровождающей ее. [3]

Для определения достоверности сообщения этой повести об авторе этой повести — сыне корсунского попа Евстафия — существенный материал могут представить данные другого архео-

[1] «Зарайск» — позднее (с конца XVII в.) название древнего рязанского города Заразска.

[2] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, с. 238.

[3] Перенесение образа Николы повесть относит к 1225 г., автором же повести родословие считает сына перенесшего икону священника Евстафия: «Сии написа Еустафей вторый Еустафьев сын Корсунскова» (Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. (Тексты). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, с. 302). Иначе говоря — повесть могла быть составлена, согласно этой записи, не позднее начала XIV в.

лога — А. Л. Якобсона о русском населении в Корсуни.[4] Эти же данные подтверждают возможность существования в Корсуни в XIII в. русских церквей и русских священников. Русское происхождение Евстафия объясняет, почему движение степных народов при нашествии с Востока могло заставить его покинуть Корсунь и срочно выехать на Русь вместе со всей семьей и с иконой.

Для истории текста этой повести чрезвычайно существенны искусствоведческие данные о самой иконе и ее культе. Приведу полностью заключительные положения работы В. И. Антоновой «Московская икона начала XVI в. из Киева и „Повесть о Николе Зарайском“».[5] Положения эти покажут, насколько большое значение для текстологического изучения того или иного памятника могут иметь искусствоведческие данные. В. И. Антонова пишет:

«1. До конца XIII в. возникает русский культ Николы Зарайского — защитника от „онаго поганых насилия“, сопровождаемый в начале XIV в. распространением икон этого названия и сложением древнейшего варианта сказания о происхождении и значении памятника — „Повести о Николе Зарайском“.

2. В связи с тем, что одно из древних живописных произведений на эту тему — Никола Зарайский из Киевца — выводится из Киева, истоки культа и прототип иконы нужно искать в Киевской Руси. Вопрос о корсунском происхождении прототипа остается открытым вследствие утраты древнейшего памятника в Зарайске. Кроме того, решению вопроса мешает неизученность корсунских памятников Древней Руси.

3. Первоначальный воинский состав „Повести“ бесспорен. Распространение и назначение памятников Николы Зарайского, направленность культа их, подтверждаемая свидетельствами исторических источников, объясняют органическое соединение в „Повести“ трафаретной церковной легенды с полными жизни и чувства рассказами о разорении Рязанской земли и героизме Евпатия Коловрата. Косвенным подтверждением воинского характера „Повести о Николе Зарайском“ служат типологически близкие к герою зарайской легенды Никола Можайский (начало XIV в.), Никола Великорецкий (середина XVI в.) и Никола Радонежский (середина XVII в.), пропагандировавшиеся как защитники от врагов.

4. Распространение икон Николы Зарайского XIV в. в Ростове, Владимире, Костроме, Новгороде, Твери и Москве позволяет думать, что и „Повесть о Николе Зарайском“ имела широкую известность.

---

[4] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). — Материалы и исследования по археологии СССР, 1950, № 17.

[5] В. И. Антонова. Московская икона начала XVI в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957.

5. Борьба с крымскими татарами в XVI в. оживила воинский культ Николы Зарайского и привлекла особое внимание к „Повести", что вызвало переработку ее. Возможно, что именно в это время в связи с общим направлением русской исторической концепции была подробно развита „корсунская" тема.

6. Литературные достоинства и убедительность „Повести", подражающей в своей структуре летописи, в сочетании с обилием икон Николы Зарайского привели к длительной жизни ее в разнообразных народных редакциях XVII в. И иконы, и „Повесть" получают черты народного творчества, скованного в живописи церковным назначением ее. Последними отзвуками былой значительности в битвах с врагами иконы Николы Зарайского и повести о нем являются две воинские и стрелецкая редакции „Повести о Николе Зарайском", а также культ Николы Радонежского. По-видимому, в военной служилой среде и в XVII в. сохранился особый профессиональный интерес к русской воинской доблести, так ярко и живо описанной в древней „Повести о Николе Зарайском"».[6]

К той же «Повести о перенесении образа Николы Заразского» имеют прямое отношение данные топонимики, так как эпизод с кормильцем князя Федора — Апоницей представляет собой несомненно топонимическую легенду, связанную своим происхождением с селом Апоничищи к северо-западу от Заразска.

Помогают раскрыть историю текста «Повести» данные о роде рязанских князей, данные истории архитектуры (относительно упоминаемых в повести и в ее продолжениях храмах в Херсонесе, Заразске, Старой Рязани, Коломне), данные по истории вооружения русских войск (датирующими признаками могут служить упоминаемые в разных редакциях повести «пороки», «тмочисленные пушки», «наряды заряжены», «снаряды оружейныя», «сенные возы», «сани с нарядом» и пр.), данные внешних сношений России (приезд в Москву в XVI в. представителя графов Коловратов за розысками сведений об их «предке»), данные исторической географии (о городе Риге и городе Кеси — Цесисе, упоминаемых в различных редакциях), данные по истории Коломны (для датировки «Коломенского чуда»), данные фольклористики (особенно для изучения эпизода с Евпатием Коловратом). Я уже не говорю о такой важнейшей стороне вопроса — как изучение данных языка, стиля, литературных представлений и пр.

Поскольку древнейший список «Повести» относится к сравнительно позднему времени (XVI в.), особое значение для истории ее текста представляют случаи отражения ее в различных литературных произведениях: летописной повести о нашествии Тохтамыша, «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича», «Сказании о Мамаевом побоище», «Сказании о взятии Царьграда тур-

[6] Там же, с. 391—392.

ками» и пр., а также изучение памятников, входящих в ее текстологический конвой: в частности, «Повести об убиении Батыя». Текстолог обязан быть литературоведом в самом точном смысле этого слова.

В текстологической работе совершенно обязательны знания в области истории русского языка, знание исторической диалектологии и лексикологии. Это необходимо не только для отчетливого понимания текста (как правило, текст кажется гораздо яснее тем, кто плохо знает историю русского языка), но и для того, чтобы определять по языку время написания памятника, редакции списка, происхождение памятника из той или иной местности или страны, отличать переводный памятник от оригинального, определять, с какого именно языка он переведен, отличать поддельное произведение от подлинного и т. п. Вне всякого сомнения, необходимо хорошо знать язык, чтобы отличать смысловые разночтения от языковых, языковые от орфографических и т. д.

Казалось бы, все это абсолютно ясно и не требует доказательств, между тем очень часто приходится сталкиваться с положением, когда текстологи — историки и литературоведы — знают язык только из практики чтения текстов, имеют навыки в чтении текстов, но не знают язык теоретически, плохо знают редкую лексику, не разбираются в синтаксисе и морфологических формах. В результате при выборе разночтений и установлении текста происходит совмещение несовместимых грамматических форм, нарушается синтаксис, допускаются неправильные прочтения. Выбор чтения из разных списков также требует хорошего знания языка.

Вне всякого сомнения необходимо пользоваться консультациями у лингвистов, но знание языка необходимо и самому текстологу, так как он на каждом шагу встречается с трудностями именно языковыми. Нельзя, например, анализируя разночтения, в каждом отдельном случае прибегать к консультациям лингвистов, а между тем выбор чтения требует основательного знания истории языка.

Знания текстолога должны быть очень широки. Чем разностороннее осведомленность текстолога, тем успешнее ведется им исследование и тем убедительнее его выводы.

Нет более вредной методики, чем методика следования только внешним данным текста и изучения этих внешних данных внешними же, механическими приемами.

*

Последовательность, в какой идет текстологическое изыскание, обратна той последовательности, в которой совершалось движение текста. Исследователь начинает с наиболее поздних этапов, ис-

следует сохранившиеся списки и от сохранившихся списков постепенно восстанавливает все более древние этапы истории текста, пока не восходит к авторскому тексту. Текстолог разматывает клубок в единственно возможном порядке, — идя от наружного конца, т. е. от наиболее поздних этапов. Разумеется, такая последовательность в полной мере может быть осуществлена только там, где есть достаточно материала. В противном случае приходится довольствоваться немногим, самыми общими соображениями о старшинстве редакций и списков. Сплошь и рядом история текста, реконструируемая исследователем, является только гипотезой, и в таком случае исследователь обязан предупредить об этом читателя.

*

Напомним о некоторых общих правилах текстологических исследований, распространяющихся на все звенья текстологической работы.

Первое правило: во всех случаях проверять возможность других решений. Приведу пример. Текстолог легко может доказать связь текста *А* с текстом *Б*. Гораздо труднее для текстолога доказать то или иное историческое происхождение этой связи: произошла ли эта связь оттого, что текст *А* повлиял на текст *Б*, произошел ли текст *Б* от текста *А*, повлиял ли текст *Б* на текст *А* или текст *А* произошел от текста *Б*, или и текст *А* и текст *Б* оба восходят к общему источнику, находятся под влиянием общих памятников. При этом термины «повлиял» и «произошел» требуют, конечно, своей расшифровки: формы зависимости одного текста от другого могут быть бесконечно разнообразны. Если текстолог пришел к определенному выводу о зависимости одного текста от другого, объясняющему их близость, он должен исключить возможность всех других выводов. Одно и то же явление, взятое изолированно от других, может иметь несколько удовлетворительных объяснений. Истинное объяснение находится только тогда, когда исключена возможность других. Для этого необходимо, с одной стороны, постоянно «перевертывать» объяснение, а с другой стороны, привлекать все факты. Факты либо должны подтверждать объяснение, либо быть нейтральны по отношению к нему. Если остается хотя бы один факт, противоречащий предложенному объяснению, — объяснение не годится.

Это правило применимо ко всякому исследованию, но в текстологии, где мы имеем дело со множественностью явлений, правило это необходимо соблюдать с особенной внимательностью.

Мы можем иметь несколько сот разночтений, подтверждающих предлагаемое объяснение или нейтральных по отношению к нему, но если хотя бы одно разночтение противоречит этому объяснению, — вся концепция текстолога опрокинута.

Допустим, мы имеем сотни приписок в литературном произведении, позволяющих объяснить их принадлежностью одному определенному автору, — одна приписка эту принадлежность может исключить.

Поэтому надо внимательнейшим образом проверять: не остались ли факты, противоречащие предложенной концепции. От одного прикосновения такого факта могут разлететься самые эффектные карточные домики.

Другое правило: решение той или иной текстологической проблемы должно быть по возможности конкретным. Иными словами, решение должно быть возможно более детализировано применительно к условиям времени, места, к особенностям литературной традиции, к индивидуальности непосредственных творцов текста и его изменений. Чем более связано текстологическое объяснение с жизненно конкретными обстоятельствами, тем оно надежнее. Тексты возникают и изменяются не сами по себе — их создают и изменяют автор или авторы, компиляторы, редакторы, переписчики, окружающие их люди — среда в целом, заказчики, вдохновители, руководители и читатели (каждый автор воображает своих читателей, пишет для их определенного круга; читатели «дополняют» произведение вставками и разъяснениями, влияют на состав письменности, сохраняя или уничтожая рукописи). У всех этих книжников необходимо в первую очередь учитывать их классовые, сословные, групповые и тому подобные интересы и мировоззрение, их литературные вкусы.

Вот почему методические приемы текстолога должны быть крайне разнообразны. Текстолог должен быть историком и историком литературы, историком общественной мысли и историком быта; применительно к древней литературе он должен хорошо знать еще историю церкви, палеографию, археографию, историю русского языка. Это минимум. Но в целом очень трудно предугадать, какие знания могут еще понадобиться текстологу в его конкретной работе. Вот почему текстолог должен обладать качествами общественного человека, уметь привлекать консультантов, быть организатором своего исследования, превращая тем самым свое исследование в коллективное, тактично соблюдая нормы научной этики.

На протяжении всей нашей книги мы постоянно подчеркивали сложность решения того или иного вопроса. Текстолог должен быть постоянно наготове встретить явление, с которым он еще не имел дела, которое неизвестно ему в текстологических исследованиях прошлого. Нет ничего более опасного в текстологии, как следование раз и навсегда выработанным трафаретам в решении тех или иных текстологических явлений. Все случаи в той или иной мере «особые», все имеют те или иные индивидуальные черты, все требуют индивидуального решения. И вместе с тем все они так или иначе объединяются, и во всех в большей или

меньшей степени может быть отмечено общее и сходное, что облегчает их решение и что позволяет создавать общую науку текстологии, охватывающую текстологическое изучение памятников за целые семь веков начального существования русской литературы.

В связи со сказанным полезно напомнить слова Лагранжа: «В открытиях случай благоприятствует только тем, кто его заслуживает». «Заслуживающими» открытий текстологами являются те, которые учитывают все достижения текстологии, умеют индивидуализировать и одновременно объединять находимые ими факты.

Механическое применение одних и тех же приемов, доверие к приему как таковому, приводит текстологов к тому, что можно назвать гиперкритикой. Гиперкритика — болезнь начинающих текстологов. Малоопытный и увлекающийся текстолог стремится «заподозрить» вполне ясное место, увидеть несообразность там, где ее по существу нет. Он предъявляет к тексту повышенные требования правильности и логичности изложения, предполагает у средневекового автора знания, которых у него не могло быть, и применяет критические приемы там, где они совершенно излишни. Примерами гиперкритики богата история изучения «Слова о полку Игореве»; их легко найти в книге Г. Бараца «О библейско-агадическом элементе в сказаниях и повестях Начальной русской летописи» (Киев, 1907) и во многих других.

Впрочем, необходимо отметить, что опасность гиперкритики так же велика, как и обратная опасность: боязнь всякой критики текста. Обвинения в гиперкритике (А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова и других наших текстологов) очень часто вызываются нежеланием вникнуть в более или менее сложные текстологические соображения ученого.

*

Текстологическое изучение памятников древнерусской литературы открывает неограниченное поле для установления новых фактов и уточнения уже установленных. Это изучение только начинается, но оно составляет строгую объективную основу для интерпретации содержания памятников, для изучения их стиля, художественного метода, языка, и, наконец, только оно открывает движение текста памятника, позволяя на новых основаниях и с бо́льшею уверенностью строить историю литературы.

Принцип комплексности, который мы с настойчивостью подчеркивали на протяжении всей работы, позволяет связывать отдельные истории текста произведений в единое целое. Мы уже сейчас видим, что русское летописание составляет некое обширное единство, развивающееся как единое целое, но недалеко то время, когда взаимосвязанность движения текста всех произведений древней русской литературы будет не просто декларирована, а станет наглядной и убедительной. Это позволит по-новому подойти

к проблеме взаимовлияний: своды, компиляции, глоссы и интерполяции, сборники, явления текстологического конвоя, традиционные стилистические формулы и факты литературного этикета, жанровые разграничения и жанровые связи — все это явления взаимодействия и «сожительства» внутрилитературного, которые становятся еще более тесными через связи внешние, внелитературные — с жизнью, с исторической действительностью, с явлениями истории народа в целом и истории культуры в частности. Нет фактов изолированных. Все в человеческой деятельности взаимосвязано в той или иной степени. И в первую очередь это отсутствие изолированности может быть констатировано на истории текста отдельного произведения.

Текстология вообще, и в частности текстология медиевистов, это не сумма более или менее удачных «приемов» изучения и издания рукописей — это самостоятельная наука, изучающая историю текста произведения, имеющая свои задачи и необходимая для установления научного понимания любого памятника письменности.

Современный исследователь обращается непосредственно к источникам — к рукописям памятника — и стремится на основании современной методологии изучить всю историю текста памятника. Тем самым устанавливается теоретическое единство всех этапов исследования памятника. Современный советский литературовед не довольствуется тем, что получает готовый текст памятника из рук издателя, применяющего механические приемы его издания; он сам изучает историю текста памятника на основании всех сохранившихся его списков и в этой истории текста памятника видит основной материал для научно объективной интерпретации памятника.

Изменились и самые представления об истории текста памятника. Вместо представлений об истории текста как о цепи более или менее случайных изменений, замкнутых в себе, современный исследователь ищет в первую очередь сознательные причины изменений и только при невозможности более или менее достоверно объяснить изменения текста сознательными намерениями книжников останавливается на объяснениях, допускающих его простую порчу. Вместе с тем для советских литературоведов-текстологов и историков-источниковедов представляется несомненным, что нельзя изучать изменения текста памятника в отрыве от его содержания, а содержание в отрыве от истории всего общества. В результате задачи текстологии расширяются, последняя в известной мере сливается с литературоведением [7] так же, как сливается с исторической наукой в целом историческое источниковедение.

---

[7] Текстология как основа для освещения теоретических проблем литературоведения рассматривается и Б. С. Мейлахом. См. его статью: Психология художественного творчества. — Вопр. лит., 1960, № 6, с. 71, 72 и сл. (особенно раздел «Рукопись как фиксация динамики творческого процесса»).

*

После этих обобщений, касающихся всей текстологии в целом, мне хотелось бы вернуться к той специальности, которая явилась базой данной книги, — к изучению древней русской литературы, и закончить книгу большой выдержкой из научного завещания основателя Сектора древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР академика А. С. Орлова. Накануне своей смерти А. С. Орлов писал: «. . .на самом первом плане академического литературоведения русского средневековья, по моему мнению, должен быть неотложно поставлен пересмотр существовавшего до сих пор репертуара памятников. Содержание этого репертуара восходит в основном к Карамзину, затем к Шевыреву и Буслаеву, грубо сказать — к 50—60-м годам XIX в. Конечно, с тех пор кое-что прибавилось и кое-что вынесено за скобки, но это не изменило существенно содержания репертуара, и история русской средневековой литературы в основном доселе строится на подборе памятников, образовавшемся к 50—60-м годам прошлого столетия. Правда, множество книгохранилищ с тех пор пересмотрено, и их древности получили описание, не только перечневое, но часто научное. Но эта библиография не повлияла на существенное обновление репертуара памятников. Библиографическое определение памятника в описаниях рукописей обычно было скупо и потому слабо показательно. Эти описи имели значение адресной книги, указателя местонахождения действительных и вероятных ценностей, которые надлежит осмотреть и освоить. Ограничиться показаниями этих описей при пересмотре репертуара средневековья недостаточно. Необходимо непосредственное знакомство с самим текстом памятников в его рукописном или старопечатном экземпляре. Таково требование со стороны современной истории литературы. Другими словами, было бы правильно разойтись по книгохранилищам и в каждом из них перечесть в подлиннике весь состав, рукописный и старопечатный. Так делалось в предшествующих поколениях ученых: например, Шевырев, Тихонравов, Никольский (в Кирилло-Белозерской библиотеке), Андрей Попов, Перетц, Сперанский. Большинство ученых медиевистов сложилось в стенах библиотек, состоя там на службе в качестве описателей: Попов, Бычков, Хрисанф Лопарев, С. Долгов и др. Вот и теперь пришло время работы в самих древлехранилищах. Только на их почве могут вырасти кадры медиевистов, столь поредевшие по нашему недосмотру.

Итак, первоочередной задачей Сектора древней русской литературы ИЛИ Академии наук, по моему убеждению, является обновление и подготовка полнейшего подбора памятников для истории русской литературы. Вот этот подбор и должен быть доведен до объема современной потребности путем тщательной

проработки текстового состава книгохранилищ. В процессе этой проработки и сформируются новые кадры медиевистов, которые дадут новое содержание целым отделам истории литературы, а старое — обновят переосмыслением. От этих новых рабочих кадров надо ожидать простоты и здравого смысла и движения вперед вместо бега на месте.

Обязанностью Сектора древней литературы ИЛИ АН является и самое издание текста памятников в объеме всего их репертуара, на котором базируется современная история средневековой литературы.

Это издание должно быть показательным для всей жизни текста каждого памятника, начиная протографом и кончая его вариациями. Такое издание — дело не механическое и не есть только продукт специальной техники. Это есть не только репродукция, но и реконструкция. Издатель, готовя тексты, параллельно должен иметь в голове ясное представление о путях их собственно литературного ведения в монографическом исследовании. Предстоит переиздать все уже изданное и издать все неизданное, для чего потребуется создать обильные новые кадры. Излишне убеждать, что эти кадры могут образоваться именно в стенах книгохранилищ, на их сыром подлинном материале. В тех же стенах и в той же связи с сырым материалом всего легче повышается квалификация и более-менее зрелых ученых, обслуженных изданиями и монографиями, но недооценивающих работу над самим сырьем. Обязательством каждого медиевиста должно быть безотказное, охотное участие во всех фазах текстологии, начиная с самой черной работы и элементарной техники и кончая артистической подачей текста во всем его движении.

Вышеприведенные предложения стоят в связи с желательным направлением работ Древнего сектора „Пушкинского Дома“, как академического центра литературоведения русского средневековья».[8]

Эти последние из написанных академиком А. С. Орловым слов остаются в полной силе и теперь.

Текстологическое изучение необходимо, однако, не только для исследования и издания памятников русской литературы XI—XVII вв.: в еще большей мере в нем нуждаются исследования и издания произведений новой русской литературы. Опыт, который в этом отношении постепенно накоплялся у специалистов по древней русской литературе, всегда оказывался полезен при изучении новой литературы. Текстологические исследования медиевистов представляют собой в известном смысле творческую лабораторию, опыт которой может быть распространен и за пределами литературоведческой и исторической медиевистики.

---

[8] А. С. Орлов. Мысли о положении работ по литературе русского средневековья. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1947, т. VI, № 2, с. 92—93.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

«ВОЛЯ АВТОРА» КАК ПРИНЦИП ВЫБОРА ТЕКСТА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

Мы уже говорили выше (с. 148—150) о том, что публикатор текста должен считаться с волей автора, с его желаниями, намерениями, замыслом произведения и т. д. Однако на этом пути встает целый ряд препятствий и трудностей.

В средние века понятие «автор» было очень неопределенно. Часто бывало, что переписчики не считались с авторским текстом, переделывая его по-своему, ибо не видели за текстом автора. Лишь тексты церковно-авторитетных авторов (отцов церкви, церковных иерархов, святых, особо почитаемых лиц) воспринимались как авторские, и переписчики стремились максимально сохранить их неизмененными. Прочие же тексты — тексты светские — изменялись в зависимости от вкусов эпохи, от социальной или языковой среды, в которую тексты попадали, от изменений в литературном языке и пр.

Постепенное развитие представлений об авторской собственности, о ценности любой авторской личности, о ценности «других» точек зрения, кроме своей, естественно привело к стремлению сохранять авторский текст. Возникло и современное представление об «авторской воле», которое не совсем ясно было еще даже в XVIII в.[1]

Итак, понятие «последней авторской воли» — одно из основных понятий современной текстологии. Подготовляя «основной», или «канонический», текст или выбирая редакцию для издания, даже определяя состав собрания сочинений писателя, современный текстолог руководствуется этой «последней авторской волей», указания на которую извлекаются из самых различных прямых и косвенных данных. Прямые указания (непосредственные заявления авторов) сравнительно редки, гораздо более часты косвенные. Косвенные указания на волю автора текстологи видят в самом факте продолжения работы автора над текстом произве-

---

[1] Г. А. Гуковский. Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750-е годы. — В кн.: XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, с. 98—128.

дения. Воплощение последней авторской воли текстологи находят в последнем прижизненном издании, в последней авторской рукописи, в последней собственноручной авторской правке текста. Считается, и в большинстве случаев правильно, что в последнем прижизненном тексте произведения отчетливее всего воплощен авторский замысел и что именно этот последний прижизненный текст — наилучший в художественном отношении, наиболее продуманный и законченный.

Правда, сомнения возникали еще очень давно. Б. В. Томашевский писал: «Существует один, универсально применяемый принцип выбора редакции — это принцип последнего авторского текста. Принцип этот вообще дает правильный результат, но сам по себе он несколько механистичен, что не может служить основанием для критики текстов. Это скорее практическое правило, оправдывающееся в большинстве случаев».[2] Далее Б. В. Томашевский утверждал: «. . . художественная индивидуальность автора меняется, и сам автор в конце концов перестает быть самим собой. Иногда изменения, испытанные индивидуальностью автора, так глубоки, что он приходит в конфликт с собственным творчеством. Такова судьба авторов, испытывающих всякие «кризисы», «обращения» и т. п. Хорошо, если в старости автор просто отходит от созданий своей юности. Так, для Пушкина после 1828 года не могло быть вопроса о том, чтобы править «Гавриилиаду». Он просто отмежевался от своего прошлого, отрекся от него. Конфликт был слишком велик. Л. Толстой просто отошел от своих художественных произведений. Но иногда конфликт не так резок, и автор пытается перевести на новые рельсы свое старое произведение. Вообще говоря, всякая переработка произведения есть изменение в целом или в частях поэтической системы автора. Чем ближе переработка к моменту создания произведения, тем она органичнее, тем более эта перемена системы соответствует основному художественному замыслу. Но чем дальше отходит автор от своего произведения, тем чаще эта перемена системы переходит в простые заплаты нового стиля на основе чуждого ему старого, органического».[3]

В последнее время появилось много работ по текстологии. И в работах этих по-прежнему немало внимания уделяется определению авторской воли, ее выявлению в прижизненных текстах. В авторской воле текстологи по-прежнему видят спасение во всех трудных случаях своей работы. Стоит, кажется, найти эту «последнюю авторскую волю» — и можно легко решить, какую редакцию произведения выбрать для издания, какой текст печатать и даже «канонизировать», как подбирать произведения в собра-

---

[2] Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Л., 1928, с. 163.

[3] Там же, с. 164.

нии сочинений и пр. Но чем больше текстологи пишут об этой последней авторской воле, тем более смутным и смущающим становится это понятие. . .

Уже в 1962 г. вопрос о последней авторской воле стал предметом международного обсуждения.[4] По докладу виднейшего польского текстолога академика Польской Академии наук Гурского в сентябре 1961 г. на совещании Текстологической комиссии Международного комитета славистов в Варшаве было единодушно признано необходимым отделять творческую волю автора от «нетворческой», сопряженной со всякими побочными соображениями и целями автора: боязнью запретов цензуры, соображениями гонорарного порядка, проявлениями старческого равнодушия к своим произведениям и т. д. На примере прижизненных изданий сочинений А. Мицкевича К. Гурский убедительно показал, что простая «воля автора» может не только улучшать его произведения, но и явно их портить. Было признано поэтому необходимым считаться только с творческой волей автора, учитывать только творческие изменения текста.

Введение этой поправки фактически коренным образом изменило характер того принципа, которым до сих пор пользовались текстологи при выборе текста произведения для издания. Принцип «последней воли» потерял то удобное юридическое основание, которое позволяло текстологам во многих случаях ограничиваться формальным определением этой «последней воли» для выбора текста. Понятие воли автора расчленилось на «творческую» и «нетворческую». Следовательно, теперь уже нельзя ограничиваться нахождением воли, надо еще эту волю изучать в ее сущности, выяснять ее историю, находить ее сложные соотношения с художественным замыслом, оценивать этот последний. По существу принцип, в котором текстологи пытались найти простое и спасительное средство от всех текстологических затруднений, исчез. Приятная возможность легко сложить с себя все заботы по выбору текста, как только выявлена «последняя воля автора» (иногда это выявление сводилось только к определению — какой текст последний), в настоящее время отпала. Вновь возникла необходимость не только принимать результаты, но и добывать их упорным исследовательским трудом.

И дело не ограничивается сложнейшей хирургической операцией по отделению творческой воли от нетворческой. Ведь самое главное: если иметь дело с невысказанной волей автора, если ее нужно извлекать из косвенных данных, из самого факта наличия «последнего» текста, то отделение творческих моментов от нетворческих в этой «последней воле» усложняется до чрезвычайности.

[4] Д. С. Лихачев. Заседание Эдиционно-текстологической комиссии Международного комитета славистов в Варшаве. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1962, т. 21, вып. 2, с. 170—172.

Но дело не только в тех трудностях, которые связаны с выявлением «настоящей», подлинной творческой последней воли автора. Воля автора очень часто вступает в интереснейший и очень сложный конфликт с. . . волей читателя.

В самом деле, в общих чертах можно установить два типа чтения художественного произведения: обычное «читательское» и научное. Автор рассчитывает, что читатель будет ему доверять и в известной мере следовать его авторской воле. Ведь автор всегда руководит читателем, рассчитывает на известную, строго определенную последовательность чтения, полагается на доверие к нему читателя — к его, авторскому, воображению и к его замыслу создания художественных иллюзий. Автор предполагает, что читатель будет следовать «авторской воле». Если, допустим, автор «спрятался» за созданный им образ рассказчика (Белкина, Рудого Панька и пр.), если автор стремится создать впечатление единовременно созданного текста, то не в его интересах, чтобы эта иллюзия исчезла. Не очень пытливый читатель, не задумываясь, доверяет автору. Чтение исследователя, напротив, «недоверчивое», не покорное воле автора. За образом рассказчика, созданного автором, исследователь стремится увидеть подлинного автора, изучает обстоятельства создания произведения, разрушает иллюзию непосредственности и единовременности его написания.

Как мы уже писали выше (см. с. 148), текстологу необходимо изучать изменения и развитие замысла и соответствующие изменения авторской воли. Но разве в «авторскую волю» может входить постороннее изучение этих изменений своей воли? Автор почти всегда скрывает свое творчество или даже условно его фальсифицирует, создает ложные поводы и причины создания произведения, которые и излагает в начале или конце произведения. Автор всегда «мистификатор». Исследователь рассматривает рукописи, черновики — материалы явно «запретные» для постороннего глаза с точки зрения авторской воли. Он публикует незаконченные произведения, изучает и издает частные его письма, дневники. Тем самым исследователь, и в первую очередь текстолог, постоянно нарушает авторскую волю, и без этого нарушения не может быть деятельности исследователя, не может быть и пытливого современного читателя. Читатель читает не только законченный текст, он «читает» процесс творчества произведения.

Таким разделением читателей на «просто читателей» и читателей-исследователей можно было бы и ограничиться, если бы мы не наблюдали еще одной важной тенденции: с ростом интеллигентности читателя последний все более и более стремится заглянуть за кулису авторской воли, проникнуть в «тайны» творчества писателя, скрытые от читателя писательской волей. Современный читатель законно интересуется не только сочинениями писателя, но и биографическими обстоятельствами их создания,

которые вряд ли открылись бы перед ним по доброй авторской воле. И, странно, этот интерес отнюдь не убивает художественной прелести произведения (если это произведение действительно первоклассное), а, напротив, обогащает его. Именно поэтому, может быть, «исследовательский» интерес прививается читателям еще в средней школе, когда учащиеся изучают биографию писателя, историю создания тех или иных произведений. Когда мы читаем лирику Пушкина и знаем биографические обстоятельства создания тех или иных произведений, они для нас обогащаются художественно. Следовательно, грань между научным чтением произведений и обычным с ростом интеллигентности современного читателя все более и более передвигается в сторону научного.

Итак, воля ученого и читателя постоянно вступает в конфликт с волей писателя. Ученый одерживает в этом конфликте победу, и от этой победы обогащается не только он сам и читатель, но и писатель, потерпевший «поражение». Чтение произведения не есть пассивный процесс. Исследователь, а вслед за ним интеллигентный читатель находятся в постоянной «войне» с автором произведения, и тем более постоянной, чем больше они любят автора и его произведения.

Спрашивается: может ли текстология считать своей основной задачей выполнение «последней воли автора» и в то же самое время по самому характеру своей науки заниматься нарушением этой авторской воли? Ясно, что текстолог не должен становиться юристом, разыскивающим воображаемое авторское завещание и придающим ему характер незыблемого документа, имеющего безоговорочную юридическую силу.

Итак, когда текстологи вводили понятие авторской воли, казалось, что все было просто. Теперь же ясно, что воля автора — сложное явление, имеющее свою историю — творческую и нетворческую; наряду с авторской волей есть и авторское безволие, воля может быть больной и здоровой, она находится в тесных соотношениях с целым рядом других явлений психологии творчества. Все это надо изучать. Больше того, воля автора вовсе не нерушима, даже в своих элементарных проявлениях! И чем больше мы изучаем эту волю, тем больше ее нарушаем в силу хотя бы одного этого изучения.

Как сложно обстоит вопрос с авторской волей, превосходно показывает статья Н. К. Гудзия «Что считать „каноническим“ текстом „Войны и мира“».[5] Правда, нам придется пользоваться ею вопреки «авторской воле» самого Н. К. Гудзия, но такова обязанность читателя, если он хочет разобраться в одном из самых животрепещущих вопросов текстологической практики: какой же текст «Войны и мира» издавать и читать?

---

[5] Новый мир, 1963, № 4, с. 234—246.

Н. К. Гудзий обстоятельно и интересно доказывает, что последняя авторская воля Л. Толстого в отношении «Войны и мира» отразилась не в изданиях 1868—1869 гг., которые обычно лежат в основе всех современных нам изданий этого романа, а в издании 1873 г., где убраны и частично перенесены в приложение философские рассуждения, а французский текст заменен русскими переводами. И Н. К. Гудзий это доказал. Но что же это за «последняя воля» Л. Толстого? Она была выражена Толстым тогда, когда он уже чувствовал некоторое равнодушие к своему произведению. Позволю себе повторить то, что цитирует и Н. К. Гудзий в своей вызывающей размышление статье: «. . . мне Война и мир теперь отвратительна вся, — писал Л. Толстой в письме к А. А. Толстой в начале февраля 1873 г. — Мне на днях пришлось заглянуть в нее для решения вопроса о том, исправить ли для нового издания, и не могу вам выразить чувство раскаяния, стыда, которое я испытал, переглядывая многие места! Чувство вроде того, которое испытывает человек, видя следы оргии, в которой он участвовал. . .». Могло ли это чувство равнодушия к своему произведению в его целом дать подлинный творческий стимул, заставить автора отстаивать свое детище перед лицом критики?

С этим чувством неприязни к своему произведению (ко всему произведению, а не к какой-либо его части) Толстой приступил к его «исправлению». И при этом он писал в письме к Страхову от 25 марта того же года: «Я боюсь трогать потому, что столько нехорошего на мои глаза, что хочется как будто вновь писать по этой подмалевке». И несмотря на все это, исправляя или поручая исправлять Страхову, Толстой ж а л е л свой текст. «Уничтожение французского, — пишет Толстой Страхову (в письме от 22 июня того же года), — иногда мне было жалко. . .». «Я в нерешительности и прошу вас решить, как лучше», — пишет он в том же письме. «Даю вам это полномочие (на исправление романа, — *Д. Л.*) и благодарю за предпринимаемый труд, но, признаюсь, жалею, — пишет Толстой в другом письме к Страхову (3—4 сентября того же года). — Мне кажется (я наверно заблуждаюсь), что там нет ничего лишнего. Мне много стоило это труда, поэтому я и жалею. Но вы, пожалуйста, марайте, и посмелее». Вот в каких выражениях заявляет Толстой свою волю, которую предлагается нам канонизировать! Что же это: авторская воля или безволие, намерение или уступка, желание улучшить произведение или отодвинуть его от себя? Наконец, творчество ли это Толстого или Страхова? Французский текст принадлежит Толстому, но русский, которым предлагается его заменить, явно ему не принадлежит. Можем ли мы в таких случаях соглашаться с желанием автора? Необходимо считаться с явлениями «старческой усталости» и «старческой психологии» вообще. К концу жизни автор часто становится осторожнее, менее склонен к экспе-

риментированию, к резким творческим приемам, впадает в морализирование, разочаровывается в своем художественном творчестве вообще (как это было, например, не с одним Львом Толстым, а с Гоголем, Куприным и многими, многими другими).

Ясно, что ключ, который, как кажется текстологам, открывает все трудности издания текста, открывает дверь в пустоту: если воля автора не будет изучена текстологами, — а может быть, литературоведами и психологами, — она ничто. Авторская воля — сложнейшее явление, которое казалось простым только потому, что им пользовались, не всегда его изучая.

*

К числу «сложнейших вопросов» «творческой воли автора» принадлежит и вопрос об авторизованных копиях, списках или рукописях. Авторские надписи, что тот или иной список «достоверен», «единственно правилен» и т. д., бывают вызваны разными обстоятельствами. Так, например, надпись Грибоедова на Булгаринском списке сделана при неизвестных обстоятельствах. Булгарин мог попросить сделать такую надпись, заверив, что список сделан совершенно точно с какой-либо хорошо известной Грибоедову рукописи. Грибоедов мог поверить Булгарину. Могло быть, что и сам Булгарин верил в то, что в списке совершенно точно передан достовернейший список. Но кто, при этом поручится, что у Булгарина и у Грибоедова были те же самые требования к точности, что и у современного текстолога, для которого важна каждая запятая?

Кстати, никто из занимающихся исправлениями, сделанными рукой Грибоедова, не проверял, что исправлял Грибоедов, какие сам он предъявлял требования к тексту. Например, создается впечатление, что интерпункцию Грибоедов ни разу не исправил. Может быть, он правил текст «в общем и целом», правил смысл. Насколько он считался с ритмом и метром? Может быть, он правил наспех, а может быть, и ответственно. Поэтому вопрос об авторизованном (жандровском) списке очень сложен. Необходимо вникнуть не только в «психологию авторства» Грибоедова, но изучить историю того текста, который он правил, построить стемму списков и т. д.

Как авторизованный список может рассматриваться и правленная автором корректура. Один автор сравнивает с оригиналом (своим), а другой мог править «по смыслу» и мог случайно пропустить сделанное редактором исправление, ошибку вычитчика рукописи, наборщика, корректора и пр. Известно, что М. Горький был равнодушен к корректурам, перепоручал их исправлять, не придавал значения интерпункции, легко соглашался с правкой (иногда некомпетентной). Достоевский же придавал большое зна-

чение интерпункции, настаивал на ее сохранении, с нашей точки зрения, ставил «лишние» знаки препинания. В зависимости от изучения этой части «авторской психологии» должно быть и наше отношение к авторской интерпункции, к авторской правке, к самому тексту авторизованной рукописи.

Имеет значение и то, к о г д а сделана «авторизация», сколько времени прошло с момента написания произведения, со времени последней творческой обработки текста. Если времени прошло много, «интерес» автора к своему произведению, естественно, мог угаснуть. То же угасание могло произойти, если текст неоднократно переиздавался. В этом последнем случае, как и во многих других, следует принимать во внимание первое или одно из первых изданий, а не последнее. Мы уже привели пример с четвертым изданием «Войны и мира»: изменились авторская позиция, авторские убеждения, исчез интерес к художественному творчеству вообще. Автор стал перепоручать чтение корректуры.

Следовательно, нельзя м е х а н и ч е с к и принимать «авторизацию» в различных ее формах за полностью осознанное и внимательно произведенное автором действие.

Никаких «юридических» или чисто формальных моментов не должно быть в работе текстолога. Приниматься во внимание должна не авторизация, а х а р а к т е р этой авторизации, общее отношение автора к своему тексту в данный момент, требования, которые автор предъявлял к своему тексту, к степени его точности и пр.

Итак — изучение и изучение. Никаких облегчающих работу текстолога «общих принципов».

*

Вслед за исследованием «авторской воли» в еще более тщательном изучении нуждается «творческая авторская воля», ибо иногда между вольными и невольными ошибками автора появлялись очень сложные промежуточные формы изменения текста, мотивы которых в русской литературе XVIII—XIX вв. весьма трудно понять.

В самом деле, куда отнести цензурные поправки, с которыми автор соглашался: к вольным или невольным изменениям текста? Раз автор их санкционировал, оставил, не опротестовал, — значит «воля автора» оказывалась на стороне цензора, и воля эта, разумеется, не может считаться «творческой» и авторской.

Однако отношение к цензурным поправкам могло давать различные результаты. Автор мог под влиянием цензурных требований так изменить текст, что возникла новая х у д о ж е с т в е н н а я концепция, иногда очень ценная и творческая.

А как быть с теми случаями, в которых автор, предвидя вмешательство цензуры, так строил свое произведение, чтобы цензор

не мог уже вмешаться в его текст? Иными словами: как быть с «самоцензурой»? Ведь «самоцензура» могла касаться не только отдельных мест произведения, но и всего художественного замысла! Под влиянием опасения цензуры автор мог избрать такие иносказательные формы изложения, где опасности цензорского вмешательства могли быть сведены до минимума. Иными словами, автор мог под влиянием внешних причин избрать своим жанром не тот жанр, в котором ему было бы естественнее и проще всего выразить свой художественный замысел, а тот, в котором ему легче всего было бы его провести через цензурные рогатки.

Однако «нетворческие» или «полутворческие» мотивы могут быть и в других случаях — не только в случаях предполагаемого автором или реального вмешательства цензуры. Допустим, автор создает первый, журнальный вариант своего романа. Вольно или невольно он вынужден рассчитывать — как дать такие деления своего произведения, которые могли бы удобно вместиться в размеры отдельных номеров журнала.[6]

Одним словом, подобно тому как понятие «воли автора» не может быть единственным критерием установления авторского текста, так и понятие «творческой воли автора» не спасает положения, отодвигая только решение вопроса на новую ступень сложности.

Думаю поэтому, что понятие «творческой воли» автора в отличие от «воли автора» не вносит существенной ясности в вопрос о выборе текста, его установления.

*

Обратимся теперь к более подробному рассмотрению того, что представляет собой замысел произведения. Говоря о «замысле произведения», придется повторить многое из того, что было сказано об «авторской воле». Прежде всего обратим внимание на то, что в процессе создания произведения замысел произведения может быть различным: замысел произведения если не всегда м е н я е т с я, то всегда у т о ч н я е т с я. Без изменения и уточнения не может быть творческого процесса. Всякое в о п л о щ е н и е замысла всегда есть и его у т о ч н е н и е, а в большинстве случаев и его и з м е н е н и е.

Г. О. Винокур пишет: «Что такое воля поэта? Ведь она столь же изменчива, как тот текст, в котором она себя обнаруживает. . . Нет решительно ни одного достоверного случая, в котором мы могли бы ручаться, что то или иное оформление поэтического замысла есть оформление действительно окончательное.

---

[6] Вопрос о влиянии формы журналов, сборников или иных «книгоиздательских жанров» на художественную суть литературных произведений чрезвычайно актуален и требует особого изучения. Им сейчас занимается С. И. Тимина.

Творческие усилия не знают никаких границ и никогда не находят себе успокоения».[7]

Писатель не обладает с самого начала всем содержанием и всей формой будущего произведения. Когда писатель начинает писать, он твердо еще не знает все то, что он хочет сказать. Форма произведения «формируется» во взаимодействии с содержанием в процессе написания произведения. Становление произведения не есть простое осуществление замысла. Писание произведения не есть во всех случаях его простое записывание автором. То, как «растет», изменяется и усложняется произведение в процессе его создания, хорошо видно из черновиков-планов отдельных литературных произведений.

Если мы даже представим себе рождение замысла у автора как абсолютно законченного, лишенного всяких следов предварительных исканий, а процесс его воплощения — как техническое занесение его на бумагу, то и тогда встанут вопросы, имеющие непосредственное отношение к текстологии: приемы передачи текста, существовавшего в уме в письменной форме, — орфография, интерпункция, транскрипция тех или иных имен и пр.

Мы знаем целый ряд поэтов, которые «вынашивали» свои короткие стихи в уме, а затем их просто записывали (А. Ахматова, например), но и у этих поэтов всегда бывает «история замысла», и «воля» их никогда не являлась в готовом виде.

Итак, как мы уже писали, замысел автора не существует в готовом и вполне законченном виде еще до написания произведения. Он меняется по мере своего воплощения в тексте. Об этом свидетельствуют черновики и корректуры автора.

Иногда последние главы большого законченного произведения в чем-то противоречат первым. В других произведениях противоречия возникают в результате переработок, недостаточно внимательно произведенных, особенно когда интенсивный период работы закончился и автор забыл многие детали своего произведения. В таких случаях могут появляться не только отдельные неувязки в сюжете, в тех или иных художественных образах, но нарушаться и выдержанность стиля и языка произведения. Так это было, например, у Андрея Белого — в его берлинских переработках своих более ранних произведений, когда он их сокращал и упрощал не без ущерба для их художественности.[8]

Отнюдь не стремясь наметить какой-то всеобщий, не знающий исключений закон, можно все же сказать, что первый период воплощения авторского замысла — наиболее творческий, возвращения же авторов к своим произведениям после длительного пере-

---

[7] Г. О. Винокур. Критика поэтического текста. М., 1927, с. 16. Цит. по кн.: В. В. Виноградов. О теории художественной речи. М., 1971, с. 10.

[8] См.: Л. К. Долгополов. На рубеже веков. Л., 1977.

рыва редко бывают удачными. Автор не только создает произведение, но и произведение «создает» автора, вводит автора в свою внутреннюю логику. Автор в процессе воплощения своего замысла начинает видеть его недостатки и достоинства. Процесс воплощения замысла в его первоначальном периоде есть по большей части процесс его совершенствования.

Напротив, обращение автора к своему произведению через несколько лет — это процесс очень часто торопливого приспособления произведения к изменившимся идеям автора, изменившимся художественным представлениям и вкусам. Даже если автор стал глубже, выше, совершеннее в своих творческих возможностях, — так или иначе он нарушает цельность замысла. У произведения вместо одного автора оказываются два автора. Двух авторов имеют не только берлинские редакции «Петербурга» Андрея Белого, но и редакции всех его автобиографических произведений.

Итак, повторяем, замысел произведения не статичен, а динамичен. Он может быть не доведен автором до конца. Автор очень часто не успевает или не хочет завершить свой замысел. Текст остается незаконченным.

«Незакончен» текст таких произведений, как «Евгений Онегин» или «Братья Карамазовы». Оба эти произведения должны были иметь продолжение. Но незавершенность замысла органически вошла в их художественное целое, стала их своеобразной художественной сущностью. По-видимому, замысел этих произведений и не мог быть продолжен. Произведения сами «потребовали» своего окончания ранее их «завершения». С этой точки зрения рядом с «замыслом автора» существует и «воля произведения» — молчаливые требования, которые предъявляет произведение своему творцу.

Представляет большой интерес одно из заявлений К. Н. Батюшкова о поэтическом творчестве вообще. В «Разных замечаниях» К. Н. Батюшков пишет: «Писать и поправлять одного другого труднее. Гораций говорит, чтоб стихотворец хранил девять лет свои сочинения. Но я думаю, что девять лет поправлять невозможно. Минута, в которую мы писали, так будет далека от нас! . . а эта минута есть творческая. В эту минуту мы гораздо умнее, дальновиднее, проницательнее, нежели после. Поправим выражение, слово, безделку, а испортим мысль, перервем связь, нарушим целое, ослабим краски. Вдали предметы слишком тусклы, вблизи ослепляют нас. Итак, должно поправлять через неделю или две, когда еще мы можем отдавать себе отчет в наших чувствованиях, мыслях, соображении при сочинении стихов или прозы. Как бы кто ни писал, как бы ни грешил против правил и языка, но дарование, если он его имеет, будет всегда видно».[9]

---

[9] К. Н. Батюшков. Соч. М., 1955, с. 391.

Свидетельство это тем важнее, что оно принадлежит поэту и прозаику: творцу. Основано на собственном опыте, а потому неопровержимо.

*

Термин «авторская воля» не совсем удобен и еще в одном отношении. Понятие «авторской воли» учитывает сознательную целеустремленность авторского творчества. Понятие авторской воли равносильно понятию авторского намерения. Между тем в творчестве художника всегда есть очень сильное надличное, сверхличное начало.

Если бы, например, Шекспир каким-либо чудом прочел все то, что написано о его произведениях, он, наверное, был бы несказанно удивлен. Художественный смысл его произведений, вероятно, не был в полной мере уяснен им самим. Произведения большого художника иногда бывают глубже того, что он о них думает сам. Я не открываю в этом отношении нового, я только напоминаю о том, что и без меня было известно. Талантливый и проникновенный литературовед может сказать о писателе больше, чем тот мог бы сказать о себе сам. В авторе находится эпоха (как в эпохе автор), и эта эпоха может раскрыть за автора гораздо больше того, что он сам бы хотел или «мог хотеть».

Вот почему нельзя в работе над авторскими текстами произведения ограничиваться только формальным выявлением последней творческой воли автора и «замысла» как такового. Замысел и воля автора к воплощению этого замысла должны изучаться текстологом во всей их конкретной истории, во всей их сложности и в их меняющихся отношениях с текстами.

Воля автора и его замысел — явления крайне сложные и в самой сущности своей до сих пор мало изученные. В изучении их в будущем должны принять участие представители разных научных специальностей. Считаться с волей и замыслом автора — значит понимать их, понимать намерения автора, на чем эти намерения зиждутся, их «происхождение» в широком смысле этого слова. Это требует от исследователя внутренней терпимости, умения временно становиться на точку зрения изучаемого автора, вникать в представления эпохи и т. д.

Все это прямо противоположно формальному отношению к тексту и, разумеется, формальному «юридическому» пониманию воли автора.

Высшим проявлением невнимания и к тексту и к воле автора была у нас в свое время в литературоведении цитатная, «формулировочная» критика, когда выхватывались отдельные куски текста, возводились в ранг формулировок и определений и затем подвергались осуждению и разносу.

В. В. Виноградов пишет: «Содержание художественного произведения не однозначно, оно многозначно, настолько, что можно

говорить о множестве содержаний, сменяющих друг друга в процессе исторического бытования произведения. То содержание, которое вкладывает в него сам автор, обычно существует недолго, — оно сходит в могилу, быть может, даже раньше творца, потому что, оглядываясь в поздние годы жизни на свои ранние произведения, он, конечно, мог понимать их уже по-иному, чем тогда, когда создавал (подчеркнуто мною, — *Д. Л.*). И уж, наверное, первый же читатель по-своему перетолковал „замысел поэта", к великому негодованию этого последнего, а последующие поколения читателей перекладывали на свой лад мысли и нормы, смутно мерцавшие в исторически данном произведении».[10]

Допустим, что автор до старости сохранил во всех деталях свой творческий замысел и продолжил свою работу над произведением в первоначальном направлении и явно «улучшил» произведение, не впадал в противоречие с первоначальными своими творческими тенденциями. Имеем ли мы право во всех подобных случаях брать за основу последний текст?

На этот вопрос отвечает С. И. Тимина. Она отмечает, что отдельные редакции произведения тесно связаны с литературой своего времени, представляют историко-литературный, а не просто художественный интерес.

«Так творческая история романа Ф. Гладкова „Цемент" — образец удивительного, доведенного, по признанию самого писателя, до „самоистязания" непрерывного процесса переработки произведения, который, по существу, не прекращался до самой смерти писателя.

С 1926 по 1958 г. роман только на русском языке выходил 36 раз, т. е. чаще, чем раз в год, и при этом нет ни одного издания, в котором бы текст романа не подвергался авторской переработке. Интересная статья Л. Н. Смирновой в сборнике „Текстология произведений советской литературы" показывает, как на базе своего романа Гладков создал некую творческую лабораторию, когда на каждом этапе переработки ставил задачу вывести свое произведение на уровень все новых требований жизни, литературы. Так, в разгар дискуссии 30-х гг. о языке литературы в романе коренной переделке подвергся язык и стиль (изъятие разговорно-бытовых и диалектных лексических слоев); в середине 30-х гг. писатель переосмыслил ряд центральных образов романа, в частности, инженер Клейст приобрел резко выраженные черты негативной личности, злобно относящейся к новым людям. В определенный период, как пишет Л. Н. Смирнова, когда в адрес писателя был направлен ряд острых и серьезных замечаний (касающихся его очерков и рассказов 30-х гг.), Гладков, создавая

---

[10] В. В. Виноградов. О теории художественной речи. М., 1971, с. 7.

новый текст романа 1934 г., „снимает авторские ремарки и реплики героев, которые могут быть истолкованы в нежелательном смысле“.[11] То есть мы встречаемся в этом случае с примером автоцензуры, который и в ряде других изданий приведет к пересмотру существа основных характеров героев романа: Глеба, Даши, Бадьина и т. д.

При этом ряд моментов мешает выработке четкой текстологической позиции в отношении различных изданий этого романа. Один из таких моментов — отсутствие у автора явно выраженной при каждой редактуре текста определенной системы исправлений (как концептуального, так и стилевого плана). Мотив последней авторской воли, в защиту которого неоднократно горячо высказывался и сам Ф. Гладков, мало помогает текстологам при выборе основного текста.

По свидетельству Б. Брайниной, заявление одного литератора о том, что первая редакция романа лучшая, было встречено гневной реакцией Ф. Гладкова: „Чепуха, чепуха! Обывательская косность, неуважение к труду писателя, отчаянное непонимание назначения литературы, — говорил он, нервно шагая по комнате и размахивая злополучным письмом. — Последняя редакция — это квинтэссенция всего того, что мне дорого в литературе, в человеке, — это моя боль и радость, кровь моя и плоть! Как можно, как можно этого не понимать!“.[12]

Даже понимая это, — пишет С. И. Тимина, — и признавая право автора на „последнюю волю“ относительно основного текста своего произведения, исследователи тем не менее убедительно показывают колоссальные изъяны последних прижизненных редакций романа, потери и порчу текста по сравнению с ранними редакциями, многие нелогичные, не проведенные через весь текст принципы правки сюжетной линии и характеров».[13]

Далее С. И. Тимина обращает внимание на то, что первые редакции многих произведений советской литературы были связаны с первым же этапом в развитии советской литературы и игнорировать эти первые редакции — значит разрушить историю литературы.

«Они (первые редакции произведений литературы 20-х гг. XX в., — *Д. Л.*) и должны были остаться фактами, свидетельствами литературного процесса тех лет. Однако возвраты к ним писателей спустя тридцать с лишним лет, попытка вдохнуть в них новую жизнь привели к обратному: акту фактического изъятия их из литературного процесса (подчеркнуто мною, — *Д. Л.*). Если встать на фор-

---

[11] Вопросы текстологии, вып. 4. Текстология произведений советской литературы. М., 1967, с. 188. (*Примечание С. И. Тиминой*).

[12] Б. Брайнина. «Цемент» Ф. Гладкова. М., 1965, с. 84. (*Примечание С. И. Тиминой*).

[13] С. И. Тимина. Путь книги. Л., 1975, с. 51—52.

мально-текстологическую точку зрения, авторская переработка 50—60-х гг. (а она в том и другом случае сведена к модернизации исторических событий прошлого и к попытке актуализировать нравственные проблемы прошлого) означает акт последней авторской воли, согласно которому произведения в редакции 20-х гг. перестают существовать. Но появившиеся новые редакции, оторвав произведения от почвы, с которой они были органически связаны, изъяв их из литературного процесса, в котором была ясна логика их создания, и не внеся коренной, принципиальной идейно-художественной новизны, оказались равнозначны смертному приговору, вынесенному самими авторами своим произведениям».[14]

Далее С. И. Тимина справедливо пишет: «Все эти творческие неоднократные возвраты к шлифовке стиля, предпринятые с благими намерениями совершенствования, приводят к стихийному бедствию: ведь так можно заново переписать всю нашу историю литературы, изнутри, исподволь, исходя в каждом отдельном случае из объективных, добрых намерений, и тем самым лишить литературу ее исторического своеобразия.

Теряя исторически характерные стилевые пласты (и не только стилевые, — *Д. Л.*), литература теряет как бы внутренние пружины развития, теряет качественные показатели эстетических структур и наслоения, по которым можно судить о динамике ее развития, о генетических корнях ее метода, ее типологических свойствах и качествах. Если эту логику „перебеливания" провести до конца, наша литература просто потеряет свою историю».[15]

Историзм в подходе к литературе (а историзм пронизывает собой сейчас не только науку о литературе, но и читательские интересы) требует переиздания первых печатных редакций произведений — тех, которые в свое время сыграли наибольшую роль в истории нашей литературы: не п о с л е д н ю ю редакцию «Вора» Л. Леонова, а первую — двадцатых годов, не только останавливаться на позднейших драматических переделках произведений Вс. Вишневского, Вс. Иванова, но и на тех рассказах, которые легли в их основу.

«Для текстологов советской литературы, — пишет С. И. Тимина, — важно не замкнуться в рамках узко понимаемого текста произведения, освещенного догматическим требованием — последней авторской воли, а выйти к самым разнообразным моментам, отражающим широко понимаемую проблему движения, динамики, трансформации текста, его видоизменений, его соотнесенности с эпохой, с другими современными произведениями и т. д.».[16]

Разные требования издания могут приводить к различным критериям выбора текста. Если мы издаем роман как документ

[14] Там же, с. 53.
[15] Там же, с. 54.
[16] Там же, с. 76.

эпохи, он и должен быть издан, как издает историк исторические документы. Ведь для исторического документа самое важное — не потерять своего исторического значения. Он должен быть издан в том виде, в каком он сыграл свою роль в историческом процессе или воплотил элементы этого процесса. Об авторской воле здесь не может быть и речи. Нам хорошо известны «фокусы», которые вытворяют исторические деятели в мемуарах, переделывая по своей «последней воле» исторически значимые слова, распоряжения, речи — в своих мемуарах. При наличии подлинных текстов «последняя воля», выраженная в мемуарах, ничего не значит.

Однако в процессе интенсивного создания произведения последняя воля автора, выраженная в последней допечатной редакции, конечно, чрезвычайно важна. Хотя без внимательнейшего изучения всей истории текста произведения и она не может быть принята механически.

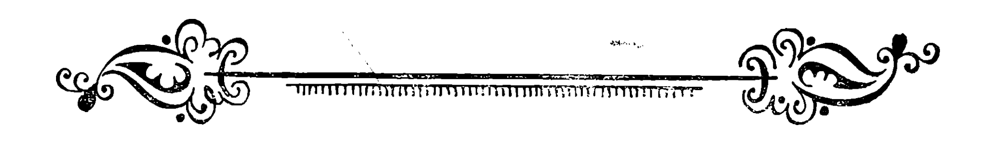
Только научное изучение истории текста произведения должно показать, какой текст считать основным для издания, и при этом не для всякого, а для данного, которое осуществляется в данный момент.

Замыслы и намерения творцов текста (включаю сюда всех, кто так или иначе повлиял на развитие текста, на создание авторского текста, редакций, видов текста) ни в коем случае не должны подменяться отвлеченным принципом «воли автора», механически употребляемым для выбора публикуемого текста текстологом.

«Воля» автора и других творцов текста также имеет свою историю. Она связана с намерениями автора, с его художественными замыслами, с историей литературы и общественных идей, с историей быта и пр. В ней есть свои сознательные и бессознательные элементы, творческие и нетворческие.

В заключение замечу, что вопрос о «воле автора» и о «замысле произведения» имеет отношение не только к литературе. Аналогичные вопросы встают и в других искусствах. Литературоведы должны считаться с опытом историков музыки или живописи. Вопросы литературоведения вообще не должны решаться литературоведами так, как будто бы не существовало других наук, изучающих искусство.

Вот, например, существует два варианта известной картины В. Пукирева «Неравный брак». Первый вариант написан в 1861 г. и находится в Третьяковской галерее. Второй вариант написан через 14 лет — в 1875 г. Он находится в Художественном музее в Минске. Второй вариант значительно суше и менее эмоционален. Для историков живописи не представляет сомнения, что принцип «последней творческой воли» к вариантам картины никак не применим, а необходимо считаться с живописными (в широком смысле слова) достоинствами произведения в первую очередь.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ВАЖНЕЙШИЕ РАБОТЫ ПО ТЕКСТОЛОГИИ, НЕ УПОМЯНУТЫЕ В ТЕКСТЕ КНИГИ

С. Н. Азбелев. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина. — История СССР, 1966, № 4.

В. И. Безъязычный. Особенность работы редактора над текстами произведений классиков (некоторые вопросы текстологии). — В кн.: Лекции по теории и практике редактирования, вып. 1. М., 1956.

В. И. Безъязычный. Работа редактора при подготовке к изданию текстов произведений писателей-классиков. — В кн.: Лекции по теории и практике редактирования, вып. 4. М., 1961.

Н. Ф. Бельчиков. Советская текстология и ее задачи. — Вестн. АН СССР, 1954, № 9.

Н. Ф. Бельчиков. Текстология. — В кн.: Н. Ф. Бельчиков. Пути и навыки литературоведческого труда. Изд. 2-е, доп. М., 1975.

П. Н. Берков. Введение в технику литературоведческого исследования. Л., 1955.

П. Н. Берков. Проблемы современной текстологии. — Вопр. лит., 1963, № 12.

В. С. Бородин. От «критики текста» к текстологии. — Радянське літературознавство, 1981, № 7. На укр. яз.

В. С. Бородин. О понятии «текст» в текстологии. — Радянське літературознавство, 1980, № 10. На укр. яз.

В. С. Бородин. Текстология. — В кн.: Шевченковедение. Итоги и проблемы. Київ, 1975.

В. С. Бородин. Теоретические основы современной советской текстологии и проблемы текстологического изучения поэзии Т. Г. Шевченко. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Київ, 1981.

Б. Бухштаб. О природе текстологии и проблеме выбора основного текста. — Рус. лит., 1965, № 3.

Б. Бухштаб. Что же такое текстология? — Рус. лит., 1965, № 1.

В. В. Виноградов. Стиль В. И. Ленина и задачи текстологии. — Вопр. языкознания, 1970, № 2.

Вопросы текстологии. Сб. статей. М., 1957; вып. 2. М., 1960; вып. 3. Принципы издания эпистолярных текстов. М., 1964; вып. 4. Текстология произведений советской литературы. М., 1967.

Вопросы текстологии, кн. 4. Тбилиси, 1974. На груз. яз.

А. Л. Гришунин. Рец. на кн.: Е. И. Прохоров. Текстология. (Принципы издания классической литературы). М., 1966. — Филол. науки, 1968, № 4.

А. Л. Гришунин. К спорам о текстологии. — Рус. лит., 1965, № 3.

А. Л. Гришунин. Обсуждение книг по текстологии. — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1963, т. XXII, вып. 4.

А. Л. Гришунин. Очерк истории текстологии новой русской литературы. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1963.

А. Л. Гришунин. Проблема академических изданий русских писателей в советской текстологии. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973.

А. Л. Гришунин. Текстология. — В кн.: Советское литературоведение за 50 лет. Л., 1968.

К. Гурский. Словарь языка писателя и текстология его произведений. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.

К. Гурский. Что следует понимать под волей автора при подготовке правильной редакции текста (резюме и заключительное слово по докладу). — IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. 1. М., 1962.

Л. П. Жуковская. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

Л. П. Жуковская. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их. — В кн.: Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968.

Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963.

И. Т. Илиев (Тодоров). Текстология новой болгарской литературы. (Принципы и методы работы над источниками текстов). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1972.

Инструкция по составлению описей фондов древних славянских рукописей. — Slavia, Praha, 1965, roč. 34, № 2.

Е. Д. Лебедева. Текстология русской литературы XVIII—XX вв. Указатель советских работ па русском языке. 1917—1975. М., 1978.

Е. Д. Лебедева. Текстология. Труды Международной эдиционно-текстологической комиссии при Международном комитете славистов. Указатель докладов и публикаций. 1958—1978. М., 1980.

Д. С. Лихачев. Общие принципы реконструкции литературно-художественных текстов. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973.

Д. С. Лихачев. По поводу статьи С. Н. Азбелева «Текстология как вспомогательная историческая дисциплина». — История СССР, 1967, № 2.

Д. С. Лихачев. Текстология. Краткий очерк. М.—Л., 1964.

Д. С. Лихачев. Шахматов — текстолог. — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1964, т. XXIII, вып. 6.

Б. С. Мейлах. О методологии исследования «творческой лаборатории» классиков. — Рус. лит., 1972, № 3.

Н. В. Миловидова. Текстология. — В кн.: Редакционное и издательское дело. М., 1969.

В. С. Нечаева. Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков. — В кн.: Вопросы текстологии. М., 1957.

Н. М. Онуфриев, Н. М. Гайденков, К. Н. Григорьян. Против редакторского произвола в издании сочинений писателей-классиков. — Сов. книга, 1953, № 3.

Л. Д. Опульская. Эволюция мировоззрения автора и проблема выбора текста. — В кн.: Вопросы текстологии. М., 1957.

Основные положения подготовки текстов в научных изданиях классиков художественной литературы, критики и публицистики XIX—XX вв. М., 1956.

О. С. Острой. Основные принципы издания произведений художественной литературы в издательстве «Academia». — Издательское дело. Книговедение, 1970, № 5.

Питання текстології. Поезія. Київ, 1977.

Питання текстології. Поезія і проза. Київ, 1980.

Принципы текстологического изучения фольклора. М.—Л., 1966.

Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976.

Е. И. Прохоров. Текстология. (Принципы издания классической литературы). М., 1966.

С. А. Рейсер. Актуальные проблемы текстологии. — Вопр. лит., 1964, № 12.

С. А. Рейсер. Из истории русской текстологии. — Филологические науки, 1966, № 1.

С. А. Рейсер. Палеография и текстология нового времени. М., 1970.

С. Розанова. Специфика эпистолярных изданий. — Вопр. лит., 1965, № 6.

О. В. Творогов. Текстология и лексикография. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973.

Текстологическое изучение эпоса. М., 1971.

Текстология славянских литератур. Доклады конференции. Ленинград. 25—30 мая 1971 г. Ред. Д. С. Лихачев, Н. И. Балашов, О. А. Белоброва. Л., 1973.

Содерж.: I. Текстологические принципы научно-критических и академических изданий классиков: М. П. Алексеев. Текстологические особенности издания И. С. Тургенева; К. Гурский. Проблемы пунктуации в изданиях польских классиков; П. Динеков. К проблеме академических изданий произведений болгарских классиков; Р. Лалич. Об орфографии критических изданий; Г. М. Фридлендер. О текстологических принципах полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского; А. Л. Гришунин. Проблема академических изданий русских писателей в советской текстологии; Е. И. Прохоров. Текстологические принципы академического полного собрания сочинений М. Горького; Л. А. Евстигнеева. Проблема воспроизведения текста, подвергшегося автоцензуре. (К изданию академического собрания сочинений Н. А. Некрасова); С. А. Рейсер. Палеография текстов нового времени; Й. Амбруш. Проблемы академических изданий эпистолярного наследия деятелей словацкой культуры; Н. В. Измайлов. Текстологическое изучение поэмы Пушкина «Медный всадник».

II. Реконструкция текстов: Д. С. Лихачев. Общие принципы реконструкции литературно-художественных текстов; Я. С. Лурье. Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей; К. В. Чистов. Реконструкция текста и проблемы текстологии преданий; П. Олтяну. Проблемы транскрипции и издания славяно-румынских текстов.

III. Лингвистические проблемы: О. В. Творогов. Текстология и лексикография; Л. П. Жуковская. О текстологическом изучении памятников традиционного содержания; Е. И. Демина. Лингвистические проблемы издания славянских памятников; И. Тодоров. История текста и история литературного языка; Н. И. Балашов. Текстологические принципы изданий переводов поэтов на славянские языки;

IV. Приложения: Д. С. Лихачев. Основные принципы текстологических исследований памятников древнерусской литературы; М. Виднэс. Славяно-русские пергаменные отрывки в скандинавских собраниях.

С. И. Тимина. Путь книги. Л., 1975.

С. И. Тимина. Творческая история художественного произведения. (Вопросы текстологии). — XXV Герценовские чтения. Литературоведение. Краткое содержание докладов. Л., 1972.

С. И. Тимина. Теоретическое и практическое значение изучения рукописей А. С. Пушкина для текстологии советской литературы. — XXVII Герценовские чтения. Науч. доклады. Литературоведение. Л., 1975.

И. Тодоров. Тенденции и закономерности в истории текстов произведений новой болгарской литературы. — Годишник на Софийский университет, 1972, т. LXVII, 2. Отд. отт. — София, 1973.

М. Флекель. Искусство и полиграфия. Факсимильные художественные репродукции. М., 1963.
Н. М. Фортунатов. Текстология и проблемы психологии творчества. — Тезисы докладов конференции молодых научных работников. Секция гуманит. наук. Горький, 1966.
К. В. Чистов. Современные проблемы текстологии русского фольклора. Доклад на заседании Эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов. М., 1963.
(То же на польск. и чешск. яз.)
М. О. Чудакова. Опыт реконструкции текста М. Булгакова. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977. М., 1977.
М. О. Чудакова. Печатная книга и рукопись: взаимодействие в процессе создания и функционирования (на материале художественной прозы и науки о литературе 1920-х — 1930-х гг.). Автореф. дис. на соис. учен. степени д-ра филол. наук. М., 1979.
К. И. Чуковский. Заметки текстолога. — Лит. газ., 1952, 28 авг.
К. И. Чуковский. От дилетантизма к науке. Заметки текстолога. — Новый мир, 1954, № 2.
Б. М. Эйхенбаум. Основы текстологии. — В кн.: Редактор и книга. Сб. статей, вып. 3. М., 1962.
Franca Brambilla Ageno. L'edizione critica dei testi volgari. Padova, MCMLXXV.
Silvio Avalle d'Arco. Principi de critica testuale. Padova, MCMLXXII.
Communications du Colloque international de textologie a Mátrafüred (Hongrie). 13—16 octobre, 1978. [Будапешт].
M. Červenka. Tekstologija; istorijska poetika: Stilistički dopreňos teoriji varijanti. — Savremenik, Beograd, 1973, № 8—9.
Česka literatura, Praha, 1966, roč. 14, № 1. Содерж.: Otázky textologie: Fr. Svejkovský. Zpráva o pruběhu zasedáni; Teorie kanonického textu: Z. Goliński. Pojeti terminu «kanonický text»; D. S. Lichačev. Úloha estetického hodnoceni pri připravě kanonického textu literárniho dila; M. Bakoš. Aktuálny význam estetického principu v textologii; F. Vodička. Textologické konstituováni literárich děl; Kanonizace textu v edični praxi: K. Górski. Kritéria použiti rukopisu pro opravu autorizovaného textu; B. Štorek. Klasifikace a hodnoceni textových změn pri kanonizaci textu; R. Skřeček. Neautorizované vydáni jako textový pramen; J. Hrabák. Několik poznámek k problematice archetypu; Textologie a historická poetika: M. Červenka. Stylistický přispěvek k teorii variant; Fr. Svejkovský. Interpretace středověkých dramat z hlediska textologie; J. Kolár. K přinosu textologie literárni historii a historicke poetice; O. Králik. Text archetypu a proměny textu.
A. Danti. O znaczeniu tekstu krytycznego. — Slavia, Praha, 1977, roč. 46, № 4.
J. Daňhelka. Otázky výstavby a proměn textu. Přispěvek k prácu textologické a edični komise Mezinárodniho komitétu slavistů. — In: Sbornik praci jazykovědných a literárnevědných. Praha, 1968.
П. Динеков. Текстология и литературна история. — Литературна мисъл, София, 1975, № 3.
[Б. Дональь, Д. С. Лихачев, Ю. Грабак, Б. Шторек]. Текстологията особена научна дисциплина ли е или само сбор от похвати за издаване на текстове? — В кн.: Славянска филология, т. 2. София, 1963.
Z. Goliński. Edytorstwo. Tekstologia. Przekroje. Wrocław e. a., 1971.
Z. Goliński. Nad tekstami Krasickiego. Studia. Wrocław e. a., 1966.
K. Górski. Co rozumiéc nalezy przez wole autora przy sporządzaniu poprawnej edycji tekstu. — In: Z polskich studiów slawistycznich, t. 2. Warszawa, 1958.

K. Górski. «Der Wille des Autors» und die korrekte Textedition. — In: Texte und Varianten: Probleme ihrer Edition und Interpretation. München, 1971.

K. Górski. Dwa podstawowe znaczenia terminu «tekst». — In: Prace o literaturze i teatrze. Wrocław e. a., 1966.

То же на нем. яз. — В кн.: Texte und Varianten: Probleme ihrer Edition und Interpretation. München, 1971.

K. Górski. Interpunkcja w «Panu Tadeuszu». — Pamiętnik literacki. Wrocław e. a., 1968, roč. 59, № 2.

K. Górski. O krytycznym wydaniu «Dzieł wszystkich» Juliusza Słowackiego. — Pamiętnik literacki, Wrocław e. a., 1976, roč. 67, № 1.

K. Górski. Polská textológia. — Slovenská literatúra, Bratislava, 1954, roč. 1, № 3.

K. Górski. Tekstologia i edytorstwo dzieł literackich. Warszawa, 1975.

K. Górski. Zagadnienie interpunkcji w wydaniach klasyków polskich. — Pamiętnik literacki, Wrocław e. a., 1973, roč. 64, № 4.

K. Górski. Zasady opracowania aparatu krytycznego do wydania «Dzieł wszystkich» Adama Mickiewicza. — In: Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 2. Nauka o literaturze. Warszawa, 1963.

O. Králik. O textologických problémach v edici K. Čapka. — Pamiętnik słowiański, Wrocław, 1974, t. 24.

D. Lichačev. Grundprinzipien textologischer Untersuchungen der altrussischen Literaturdenkmäler. — In: Texte und Varianten: Probleme ihrer Edition und Interpretation. München, 1971.

P. Mahling. Zur Editionsmethodik der Gesammelten Werke des sorbischen Dichters Jakub Bart-Čišiński (1856—1909). — Zeitschrift für Slawistik, 1979, Bd 24, H. 3.

V. S. Nečaeva. Die Entwicklung der sowjetischen Textologie im Bereich der neuren russischen Literatur. — In: Texte und Varianten: Probleme ihrer Edition und Interpretation. München, 1971.

Помощни исторически дисциплини, т. 1. София, 1979.

[Б. Н. Путилов, В. Н. Топоров]. Какви трябва да бъдат съвременните принципи и начини за проучване на фолклорните текстове и на тяхното издаване? — В кн.: Славянска филология, т. 2. София, 1963.

G. Seidel. Die Funktions- und Gegenstandsbedingtheit der Edition. Berlin, 1970.

Tekstologia w krajach słowiańskich: Zbiór referatów opracowanych przez członków Komisji editorsko-tekstologicznej V Międzynarodowego kongresu slawistów. Pod red. K. Górskiego. Wrocław e. a., 1963.

P. Vašák. Metody určování autorstvi. Praha, 1980.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук.
БАН — Библиотека Академии наук СССР.
Волокол. — Волоколамское собрание. Ныне в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
МГАМИД — Московский Главный архив Министерства иностранных дел.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
ОИФ — Отделение истории и философии Академии наук СССР.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
ООН — Отделение общественных наук.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности.
ПДПиИ — Памятники древней письменности и искусства.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РАН — Российская Академия наук.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РИБ — Русская историческая библиотека.
СОФ — Софийское собрание ГПБ.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР.
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.

УКАЗАТЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИЗДАНИЙ ПАМЯТНИКОВ

für Philologen und Juristen. Leipzig, 1921. *26*

Keenan E. L. The Kurbskii — Groznyi Apocrypha, the Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» attributed fo Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971. *261—263*

Králík O. Od textové kritiky k textologii. — Listy filologické, 1962, roč. 85, sv. 2. *28*

Krumbacher K. Die Photographie in Dienste der Geisteswissenschaften. Leipsig, 1906. *520*

Langlois Ch.-V. et Seignobos Ch. Introduction aux études historiques. Paris, 1899. *235*

Largiadèr A. Neuere Richtungen im Bereiche der Historischen Hilfswissenschaften. — In: Schweizer Beiträge zur Allgemeinen Geschichte. Bd 12. Bern, 1954. *32*

Listý Ivana Hrozného. Přeložili Hana Skalová a Bohuslav Ilek. Praha, 1957. *486*

Maas P. Textkritik. Leipzig, 1957. *142*, *165*, *518*, *544*

[*Macpherson J.*] The Works of Ossian, the Son of Fingal. In two vols. Transl. from the Galic Language, by James Macpherson. the 3rd ed. London, 1765. *351*

Masai F. Principes et conventions de l'édition diplomatique. — Scriptorium, 1950, vol. 4, N 1—2. *179*, *497*, *518*, *544*

Mérimée P. La Guzla ou choix de poésies illiriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine. Paris, 1827. *351*

Mérimée P. Le Théatre de Clara Gazul. Paris, 1825. *351*

Mošin V. i Traljic S. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka, t. I—II. Zagreb, 1957. *287*

Nahtigal R. Staroruski ep Slovo o polku Igorevě. Ljubljana, 1954. *539*

Oldfather Ch. H. The Greek Literary Texts from Graeco-Roman Egypt. A Study in the History of Civilization. — University of Wisconsin. Studies in the Social Sciences and History, Madison, 1923, N 9. *145*

Ouy G. Histoire «visible» et histoire «cachée» d'un manuscrit. — Le Moyen Age, 1958, LXIV, N 1—2. *520*

Pasquali G. Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1934; seconda edizione con nuova prefazione e aggiunta di tre appendici. Firenze. 1952. *17*, *18*, *145*

Poppé A. Рец. на кн.: *Дмитриева Р. П.* Проект монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы (ТОДРЛ, т. XI, 1955). — Studia źródłoznawcze. IV. 1959. *491*

Pos H. J. Kritische Studien über philologische Methode. Heidelberg, 1923. *25*, *129*

Pushkin Aleksandr. Eugene Onegin. A Novel in Verse. Trensl. from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 1—4. New York, 1964. *541*

Putováni ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře. Připravil Vincens Lesný. Slovanské nakladatelstvi. Praha, 1951. *486*

Quentin H. Dom. Essais de critique textuelle. Paris, 1926. *22*

Quentin H. Dom. Mémoire sur l'établissement du texte de la Vulgate. 1922 (Collectanea Biblica Latina, VI). *22*

Rudler G. Les techniques de la critique et de l'histoire littéraire en littérature francaise moderne. Oxford, 1923. *31*, *179*

Santifaller L. Gedanken und Anregungen über technische Probleme der Historischen Grundwissenschaften. — Relazioni del X Congresso Internazionale de Scienze Storiche. Metodologia. Problemi Generali. Scienze Ausiliarie della Storia, vol. I. Firenze, 1956. *5*

Shepard W. P. Recent theories of textual Criticism. — Modern Philology, vol. XXVIII. Nov. Chicago, 1930. *21*

Sievers E. Das Igorlied. Leipzig, 1926. *471*

Sophocles E. A. Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods, vol. II. New York, 1957. *81*

Stählin O. Editionstechnik. Ratschlä-

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

[1] Часто употребляемые термины, такие как «текст», «список», «рукопись», отмечаются в указателе в тех случаях, когда о них говорится специально.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дмитрий Сергеевич Лихачев

ТЕКСТОЛОГИЯ

На материале русской литературы
X—XVII веков

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. А. Смирнова*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *И. А. Корзинина, А. З. Лакомская*
и *Т. Г. Эдельман*

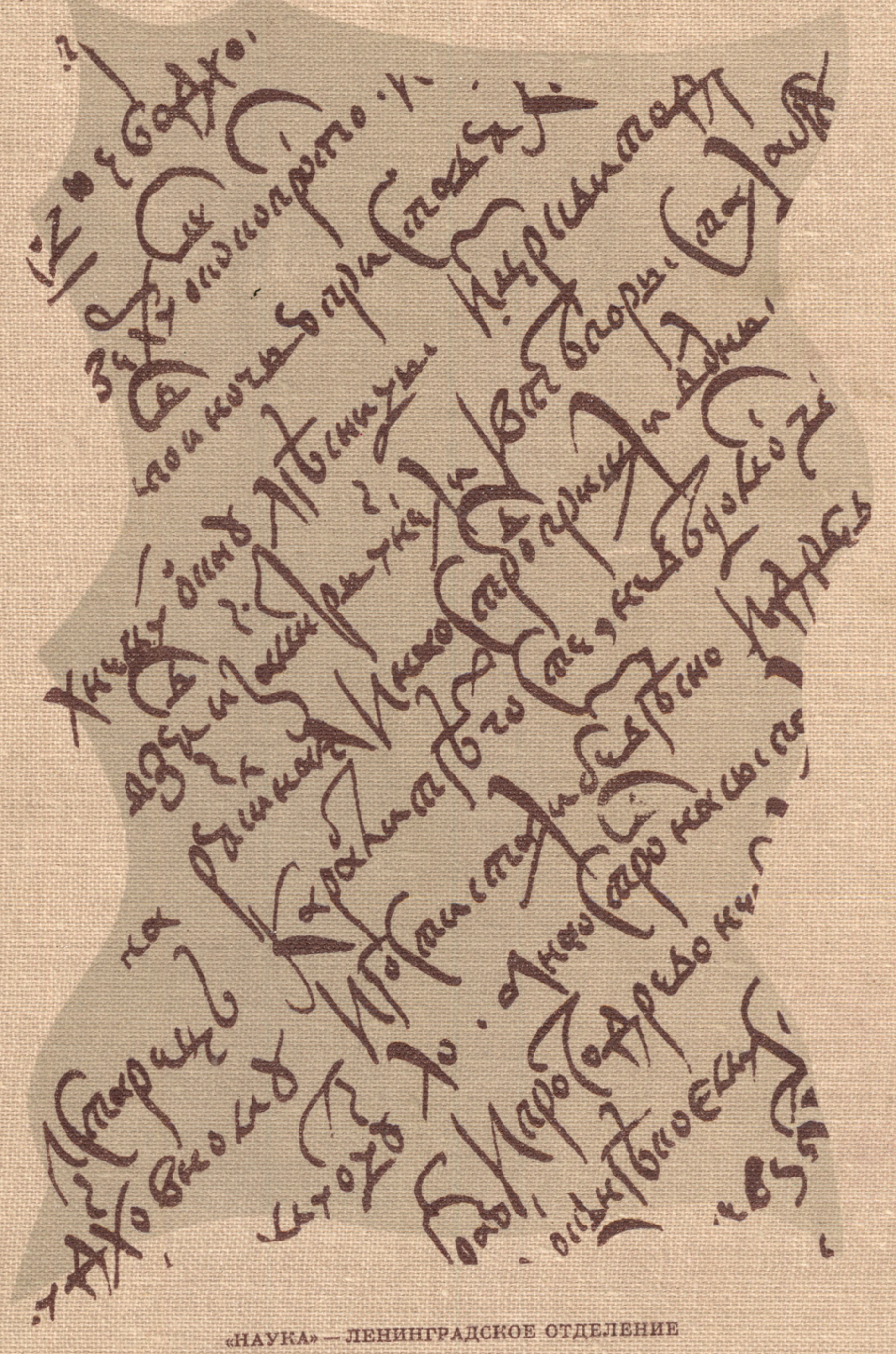
ИБ № 20811

Сдано в набор 31.12.82. Подписано к печати 5.10.83.
М-47520. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 40 + 0.25 вкл. Усл. кр.-отт. 40.50.
Уч.-изд. л. 46.17. Тираж 7200.
Тип. зак. № 2109. Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

3 р. 20 к.

«НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ